ИСТОРІЯ ПЕДАГОГИКИ

КАРЛА ШМИДТА,

ИЗЛОЖЕННАЯ

ВО

ВСЕМІРНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ И ВЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СЪ КУЛЬТУРНОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

ВИХАРДОМЪ ЛАНГЕ.

ПЕРЕВОДЪ

ЭДУАРДА ЦИММЕРМАНА.

ИЗДАНІЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИСТОРІЯ ПЕДАГОГИКИ ДОХРИСТІАНСКОЙ ЭПОХИ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1877.

Предисловіе ко второму изданію.

Быстрый расходъ перваго изданія этого обширнаго труда ручается не только за превосходство работы Карла Шмидта, но свидѣтельствуетъ также о подъемѣ воспитательнаго интереса между образованными людьми и о неутомимомъ стремленіи углубить и расширить педагогическое образованіе въ средѣ нѣмецкихъ учителей, что служитъ къ великой чести этого званія. И кто хочетъ, можетъ видѣть изъ этого, что духъ прогресса, которому вся книга одолжена своимъ возникновеніемъ и которому пространное изложеніе не измѣняетъ ни на одной страницѣ, донынѣ, слава Богу, господствуетъ въ германскомъ учительскомъ мірѣ.

Авторъ, къ сожалѣнію, истощилъ свои силы вслѣдствіе обширныхъ трудовъ, какіе необходимы были для начертанія и обработки этой исторіи, и смерть внезапно настигла его среди всѣми признанной благотворной дѣятельности. По мѣрѣ силъ моихъ я старался выполнить переданную имъ мнѣ задачу современнаго продолженія его педагогическихъ трудовъ и впредь буду такъ же ревностно стремиться къ ея рѣшенію. Оно трудно, это рѣшеніе, особенно потому, что для новаго изданія оказались налицо весьма лишь незначительныя подготовки, и мнѣ пришлось съ немалымъ трудомъ добиваться большей части источниковъ. Я сдѣлалъ все, что было въ моей власти.

Исторія педагогики дохристіанской эпохи осталась нетронутою въ ея основаніяхъ, оттого что въ ней излагается замкнутый самъ въ себѣ періодъ и притомъ въ такомъ видѣ, что здѣсь весьма ярко обнаружилась духовная своеобразность Карла Шмидта, и что я нашелъ его почти сплошь вполнѣ удачнымъ. Ко всему этому применены лишь поправки и дополненія, какія оказались необходимыми по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Я особенно старался восходить къ кореннымъ и первоначальнымъ источникамъ, но въ этомъ отношеніи долженъ былъ ограничиться только первыми попытками, что извинитъ всякій, кто знаетъ трудности, сопряженныя съ подобнымъ дѣломъ.

Во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано по возможности все, чтобы этотъ трудъ постоянно подвигался впередъ, какъ сама жизнь, которую взялся онъ изобразить.

«Впередъ, во имя истины, свободы и любви!»

Предисловіе къ третьему изданію.

Число друзей этой исторіи педагогики видимо быстро возрастаетъ, и требованія на нее поэтому столь велики, что издатель едва въ состояніи выполнить, какъ бы ему хотѣлось, всѣ свои обязанности. Первый томъ, по причинамъ, изложеннымъ уже во второмъ изданіи, является и въ третьемъ также безъ измѣненій. Поприще труда расширяется все болѣе, чѣмъ далѣе къ современности подвигается изложеніе.

Вихардъ Ланге.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

(Стр. 1 — 54).

I.

ДО I. ХРИСТА.

Міровая эпоха національнаго воспитанія.

(Стр. 57 до конца).

А. ВОСТОКЪ.

Субстанціальное воспитаніе.

(Стр. 69—138).

В. ЭЛЛАДА И РИМЪ.

Индивидуальное воспитаніе.

Стран.

3) Зрѣлый возрастъ Грековъ.

Стран.

Стран.

С. НАРОДЪ ИЗРАИЛЬСКІЙ.

Θеократическое воспитаніе.

Стран.

ИСТОЧНИКИ.

Ahrens, De Athenarum statu politico et litterario inde ab Achaici foederis interitu usque ad Antoninorum tempora. Göttingen 1829.
Asmus, Skizzen des häuslichen und öffentilichen Lebens der Römer im Alterthum. (Raumer's histor. Taschenbuch, 4te Folge, 3. Jahrg. 1862).
Ausland (35. Iahrg. Nr. 4), Die sociale Stellung des Weibes im klassischen Alterthume.
Baumgarten-Crusius, Disciplina juvenilis Platonica cum nostra comparata. 1836.
Baumhauer, Disputatio literaria, qua examinatur, quam vim sophistae habuerint Athenis ad aetatis suae disciplinam, mores ac studia immutanda Utrecht 1844.
Beck, Specimen historiae bibliothecarum Alexandrinarum. 1779.
Becker, Gallus oder römische Scenen. 3. Ausgabe, Leipzig. 1863.
Bernhardy, Grundriss der griechischen Literatur. Halle, 1852 und 1853.
Blume, Quaedam de Platonis liberorum educandorum disciplina. 1818.
v. Bohlen, Das alte Indien mit besonderer Rücksicht auf Aegypten. Königsberg. 1830.
Brandis, Gaschichte und System des Platonismus. Heidelberg, 1838.
Budde, De studiis liberalibus apud veteres Romanos. Jena, 1700.
Bunsen, Gott in der Geschichte. Leipzig, 1858.
Cellarius, De studiis Romanorum litterariis in urbe et provinciis. Halle, 1703.
Cramer, De educatione puerorum apud Athenienses. Marburg, 1833.
Cramer, Geschichte der Erziehung und des Unterrichts. Elberfeld, 1832 und 1838.
Curtius, Göttinger Festreden. Berlin, 1864.
Dähne, Geschichtliche Darstellung der jüdisch-alexandrinischen Religionsphilosophie. Halle, 1834.
Davis, La Chine, traduite de l'Anglais par Richard, revue par Bazain. Paris, 1857.
Delbrück, Xenophon. Bonn, 1829.
Dissen, De philosophia morali in Xenophontis de Socrate commentariis tradita. Въ мелкихъ сочиненіяхъ Диссена.
Droysen, Geschichte des Hellenismus. Hamburg, 1836.
Duhalde, Ausführliche Beschreibung des chinesischen Reichs und der grossen Tartarei. Aus dem Franz. übersetzt von Mosheim. Rostock, 1748.
Dunker, Geschischte des Alterthums. Berlin, 1852 und 1853.
Ernesti, De privata Romanorum disciplina (opusc. phil.).
Evers, Fragment des Aristotelischen Erziehungsbaus. Aarau, 1806.
Ewald, Geschichte des Volkes Israel. Göttingen 1847 und 1848.
Fétis, Mémoire sur l'harmonie simultanée des Sons chez les Grecs et les Romains. Bruxelles et Paris, 1859.

Fischer, Einige Blicke auf das Erziehungswesen im alten Rom. 1826.
Fournier, Notices et observations sur l'éducation et l'instruction publique chez les Grecs. Berlin, 1833.
Geel, Historia critica Sophistarum, qui Socratis aetate Athenis floruerunt. Utrecht, 1823.
Graes, Praecepta artis paedagog. Terentio petita. Viteb, 1801.
Grasberger, Erziehung und Unterricht im klassischen Alterthume. Ersten Bandes. 1. Abthlg.: Die leibliche Erziehung der Griechen und Römer. Würzburg, 1864.
Grenzboten, Nr. 28 des Iahres 1861. Der Volksunterricht im Alterthume.
Guhl und **Koner**, Das Leben der Griechen und Römer. Berlin, 1862.
Gützlaff, 1) Dreijähriger Aufenthalt im Königreiche Siam nebst einer kurzen Beschreibung seiner drei Reisen in die Seeprovinzen China's. Basel, 1835.
2) Leben des Tarkuang. Memoiren des Hofes zu Peking. Leipzig, 1852.
Haase, Palästina. Encyklopädie von Ersch und Gruber. Sect. III, 9.
Hegel, Sämmtliche Werke.
Hegewisch, Ueber die Entstehung des gelehrten Standes bei den Römern. Schleswig, 1786.
Helferich, Erziehuug und Unterricht bei den Römern. Zweibrücken, 1844, 1850.
Hermann, Plat. Phil.
Hochheimer, System der griechischen Erziehung. Göttingen, 1788.
Höck, Kreta. 1829.
Hüttner, Menu Gesetzbuch. Weimar, 1797.
Josephus, Antiquit., ed. Dindorf. Paris, 1845—47.
Kapp, Aristoteles' Staatspädagogik. Hamm, 1837.
Kapp, Platon's Erziehungslehre. Minden, 1833.
Kapp, Commentatio de Platonis legibus quas in reip. liberr. de educatione tulit. 1821.
Käuffer, Geschichte von Ostasien. Leipzig, 1858.
Kayszler, Fragment aus Plato's und Goethe's Pädagogik. 1828.
Köchly, Academische Vorträge und Reden. Zürich, 1859.
Krische. De societatis a Pythagora in urbe Crotoniatorum conditae scopo politico. Göttingen, 1830.
Lasaulx, Sokrates' Leben, Lehren und Tod. München, 1857.
Lassen, Indische Alterthumskunde. Bonn, 1847—1857.
Lechler, Acht Vorträge über China. Basel, 1862.
Lenz, Geschichte der Weiber im heroischen Zeitalter. Hannover, 1790.
Lozynski, Plautinorum paedag. lineamenta. Köln, 1840.
Manso, Sparta. Leipzig, 1800.
de Marées, Ueber die Cultur der Griechen zur Zeit des Homer. Berlin, 1797.
Meier, Pädagogos. Encyklopädie von Ersch und Gruber, Sect. III., 9.
— Geschichte der poetischen Nationalliteratur der Hebräer. Leipzig, 1858.
Michaelis, Ideen über Erziehung nach Aristoteles. Leipzig. 1803.
Mommsen, Römische Geschichte, 1.—3. Band. Berlin, 1856—1857.
Müller, Dorier. Breslau, 1824.
Niemeyer, Ueberblick der Geschichte der Erziehung. Des ersten Bandes erste Abtheilung in der Erziehungslehre. Halle, 1835.

Orelli, Aristoteles' Pädagogik (Philolog. Beiträge aus der Schweiz von Bremi und Döderlein. Bd. 1) 1819.

Parthey, Das alexandrinische Museum. Berlin. 1838.

Pauly, Realencyklopädie der klassischen Alterthumswissenschaft. Stuttgart, 1837—52.

v. Pauw, Recherches philosophiques sur les Grecs. Berlin, 1787.

Prichard, Naturgeschichte des Menschengeschlechts, übersetzt von R. Wagner und F. Will. Leipzig, 1848.

de Raadt, Comparatio principiorum educationis apud Romanos et recentiores artis paedagogicae auctores. 1819.

Ritter, Geschichte der Pythagoräischen Philosophie. Hamburg, 1826.

Roeder, De scholastica Romanorum institutione. 1828.

Rossbach, Vier Bücher Geschichte der Familie. Nördlingen, 1859.

Roth, Geschichte der abendländischen Philosophie. Mannheim, 1846 und 1858.

Rötscher, Aristophanes und sein Zeitalter. Berlin, 1827.

Rückert, F., Schi-king. Chinesisches Liederbuch, gesammelt von Confucius. Altona, 1833.

Rückert, Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. Leipzig, 1858.

Schindler, Ueber die Schulen der Römer, 1825.

Schmidt, Geschichte der Denk- und Glaubensfreiheit im I. Iahrhundert der Kaiserherrschaft. Berlin, 1847.

Schmidt, Karl, Die Anthropologie. Dresden, 1865.

Schoemann, Antiquitates jur. publ. Graec. Grypth., 1838.

Schott, Werke des Kung-fu-dsü. Halle, 1826.

Schrader, Aristoteles. (Encyklopädie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens von Schmidt.) 1858.

Schulze, Erziehungstheorie des Aristoteles. (Programm des Gymnasiums zu Naumburg.) 1844.

Schulze, 1) Horatii paedagogica. 1807.
2) Senecae paedagogica. 1809.

Schwarz, Geschichte der Erziehung. Ersten Bandes erste Abtheilung in der Erziehungslehre. Zweite Auflage. Leipzig, 1829.

Snethlage, Ueber das ethische Prinzip der Platonischen Erziehungslehre. 1834.

Siebelis, De heroum graecorum educatione. Budiss, 1808.

Spiegel, Avesta. Die heiligen Schriften der Parsen. Leipzig, 1852, 1859.

Weber, Allgemeine Weltgeschichte, 1. Bd. Leipzig, 1858.

Weete, Erziehung und Unterricht bei den Römern bis zur Zeit der Kaiserherrschaft. 1854.

Wenkel, Die Lehre des Aristoteles über das höchste Gut. (Programm des Gymnasiums zu Sondershausen.) 1864.

Wessenberg, Das Volksleben in Athen im Zeitalter des Perikles. Zürich. 1828.

Wuttke, Geschichte des Heidenthums. Breslau.

Varro, Caso sive de liberis educandis (Programm von Ritschl). 1845.

Zeller. Die Philosophie der Griechen. Tübingen, 1856.

Греческие и римские классики историки, географы, ораторы, философы и поэты.

Священныя книги Ветхаго и Новаго Завѣта.

ВВЕДЕНІЕ.

1.

ИСТОРІЯ И СПОСОБЪ ИЗЛОЖЕНІЯ ЕЯ. ИСТОРІЯ ПЕДАГОГИКИ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

Существо Божіе живетъ во Всемъ, а въ человѣчествѣ оно проявляется разумомъ, красотой и нравственностью. Господство этихъ идеальныхъ силъ въ человѣческомъ мірѣ и есть та цѣль, къ которой стремится человѣчество. Исторія свидѣтельствуетъ о попыткахъ и подвигахъ, предпринятыхъ и совершонныхъ нашимъ родомъ на пути къ этой цѣли, обо всѣхъ борьбахъ и порывахъ, возникшихъ изъ желанія, что бы царство Божіе водворилось на землѣ, о побѣдахъ, уже одержанныхъ ходомъ непрерывнаго развитія.

Слово развитіе выражаетъ собою тайну жизни, и дѣло исторіи подслушать у жизни эту тайну. Развитіе человѣчества есть поступательное движеніе отъ простого къ сложному; — это развитіе — переходъ отъ безсознательности къ сознанію, отъ безобразія къ красотѣ, отъ природной необходимости къ свободѣ духа. Подобно тому какъ природа черезъ міръ неорганическій все болѣе пробивается къ свѣту и черезъ міръ растеній и животныхъ восходитъ до человѣка: такъ и человѣчество выступаетъ изъ естественнаго единства природной и духовной жизни и путемъ разрыва между природой и духомъ идетъ къ сознательному примиренію необходимости и свободы.—Гдѣ развитіе, тамъ и прогрессъ. Прогрессъ въ исторіи есть болѣе и болѣе очевидное, внятное и осязательное воплощеніе Бога въ человѣчествѣ. Повтореній и попятныхъ шаговъ тутъ нѣтъ. Правда, единичный народъ, совершая жизненный кругъ свой повидимому идетъ вспять; ибо чѣмъ далѣе мы подвигаемся въ кругу, тѣмъ болѣе приближаемся къ исходной своей точкѣ. Но этотъ попятный шагъ одного народа есть въ то же время поступательное движеніе человѣчества—уже въ новыхъ народныхъ кругахъ, которые въ починѣ своемъ, сравнительно съ только что завершившимся минувшимъ кругомъ, представляются

элементарнѣе и несовершеннѣе, но въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ занимаютъ уже высшую ступень развитія. И подобно тому какъ земной шаръ, совершивъ свой годичный кругъ, не возвращается уже болѣе къ своему прежнему мѣсту въ пространствѣ: точно такъ же и человѣчество никогда не возвращается къ своей прежней исходной точкѣ и ни въ одномъ народѣ не повторяетъ еще разъ того, что оно уже совершило и пережило въ другомъ.

Всемірная исторія есть исторія развивающагося духа человѣчества. Это развитіе совершается такъ же, какъ и развитіе духа единичнаго человѣка: законъ одинъ и тотъ же, потому что мысль Божья одна и та же, какъ въ единичной личности, такъ и въ каждомъ народѣ и въ человѣчествѣ. Какъ у единичнаго человѣка, такъ и у человѣчества есть извѣстныя ступени жизни, по которымъ оно развивается.— Единичный человѣкъ въ дѣтствѣ не есть разумное уже существо: ему лишь предстоитъ сдѣлаться разумнымъ. Дитя еще не властно надъ самимъ собою, надъ нимъ господствуетъ внѣшній міръ: оно принадлежитъ не самому себѣ, а своему окружающему. Восточные народы представляютъ собою дѣтство человѣчества.—Но дитя, постепенно развиваясь, добивается свободы отъ внѣшняго міра и, въ сознаніи этой свободы, становится на свои ноги, не признавая еще врага, котораго оно успѣло одолѣть. Юношей человѣкъ эгоистично оцѣняетъ міръ по своимъ идеаламъ, и противорѣчащій этимъ идеаламъ дѣйствительный міръ считаетъ ничтожнымъ и безъидейнымъ. Во всемъ онъ видитъ самого себя, стремится побороть все ему чуждое и наложить на него печать собственнаго своего бытія. Классическая древность выражаетъ собою юношескій возрастъ всемірной исторіи. — Въ борьбѣ съ дѣйствительнымъ міромъ, легко удерживающимъ за собою власть надъ эгоизмомъ личности, юноша приходитъ къ сознанію, что, вступая въ согласіе съ внѣшнимъ міромъ, онъ достигаетъ лишь согласія съ самимъ собою: вступившій въ согласное взаимнодѣйствіе съ внѣшнимъ міромъ человѣкъ въ исторіи есть христіанинъ.—Въ исторіи единичнаго человѣка отражается и повторяется исторія человѣчества, точно такъ же какъ исторія человѣчества есть отраженіе исторіи вселенной, а исторія вселенной есть отблескъ жизни Божіей: всякая исторія, какъ человѣчества такъ и единичнаго человѣка, какъ звѣзднаго неба такъ и земнаго организма, не что иное какъ развитіе жизни Божіей.

Человѣчество не можетъ быть отрѣшено отъ земли, ни всемірная исторія—отъ творческаго процесса, вѣчнаго и непрерывнаго, дѣлающаго вселенную развивающимся бытіемъ, вѣчно зиждущимъ и вѣчно живущимъ. Земля есть часть вселенной, назначенная быть поприщемъ воспитанія человѣ-

чества. Какъ расчленена поверхность земли, такъ расчленено и человѣчество. Оттого-то въ тропическомъ поясѣ люди живутъ чувственною, въ холодномъ — животною, а въ умѣренномъ — мозговою жизнью. Различіемъ климата, почвы и проч. обусловливается различіе между извѣстными группами людей, расъ и народовъ. Поэтому народы не что иное какъ системы, т. е. совокупности особей въ средѣ одной великой особи человѣчества, зависящія отъ условій и свойствъ страны, къ которой онѣ принадлежатъ, и отъ ступени развитія человѣчества, на которой онѣ появляются; но онѣ не извнѣ только заимствуютъ внутреннюю суть свою, ибо дарованный имъ уже отъ созданія геній, подъ вліяніемъ природы и согласно съ ходомъ исторіи, вырабатываетъ себѣ своеобразный отпечатокъ; точно также и коренящійся въ прирожденной организаціи души характеръ и проч. единичнаго человѣка подлежитъ измѣненіямъ и развитію, но отнюдь не дается вполнѣ ни воспитаніемъ, ни обстановкой и т. д. Изъ всѣхъ факторовъ, обусловливающихъ развитіе народа, этотъ первоначальный типъ его есть и пребываетъ все-таки главнымъ факторомъ.

Такъ какъ каждый народъ въ средѣ человѣчества есть своего рода особь, то онъ и обладаетъ особою и своеобразною организаціею, своимъ особымъ отпечаткомъ,—обусловленнымъ данными ему отъ Бога наклонностями, его характеромъ, сверхъ того климатическими условіями, въ которыхъ онъ живетъ, и живущими возлѣ него другими народами, съ которыми онъ вступаетъ въ сношеніе. Эту организацію свою, проявляющуюся въ его нравахъ и образѣ жизни при посредствѣ слова и письма, научныхъ и художественныхъ произведеній, религіозныхъ воззрѣній и культовъ, а равно и государственнаго строя, развиваетъ онъ въ жизненныхъ періодахъ своихъ, расчлененныхъ подобно періодамъ жизни единичнаго человѣка; такимъ образомъ народъ проживаетъ свой дѣтскій возрастъ, въ которомъ онъ самъ себѣ предстаетъ какъ-бы сказаніемъ и потому въ сказаніяхъ изображаетъ свою жизнь; онъ празднуетъ свою юность дивными подвигами, стремясь всилу своего расцвѣтающаго духа къ завоеваніямъ; онъ проявляетъ мужемъ зрѣлость, спокойствіе и разумность въ мысляхъ, чувствахъ и хотѣніяхъ; наконецъ старецъ-народъ пользуется лишь нажитыми благами и костенѣя погибаетъ, если только народный духъ не одаренъ столь высокими качествами и такимъ энергическимъ порывомъ, что по осуществленіи и проявленіи идеи, лежавшей въ основѣ его бытія, онъ въ состояніи будетъ воспринять и разработать новую идею; въ такомъ случаѣ возрасты для него не что иное какъ историческія времена года, въ чередованіи которыхъ онъ молодѣетъ вновь.

Народный организмъ осуществляется въ своихъ членахъ, въ особяхъ. Особь есть „одинъ изъ представителей чело-

вѣчества въ своеобразномъ сочетаніи его стихійныхъ началъ". Такое сочетаніе обнаруживается какъ въ народномъ, такъ и въ индивидуальномъ характерѣ.—Между единичными особями народа встрѣчаются такія, которыя въ своей индивидуальности представляютъ идеальныя образованія, вершинную точку народнаго развитія, ядро и внутреннюю суть народа. Такъ напр. Лютеръ, Гёте, Вольтеръ и пр. суть истинные представители разныхъ національностей: въ первыхъ двухъ обнаружилась суть Германцевъ, а въ Вольтерѣ—Французовъ. Такія единичныя личности, представляя въ своей особи родовой характеръ своего народа, являются въ извѣстныя эпохи носителями и вершителями развитія, носителями прогресса. Въ нихъ сосредоточивается вся жизнь ихъ эпохи въ ея высшемъ самосознаніи и съ сильнѣйшею энергіею воли.

Въ особяхъ и народахъ развивается человѣчество. Особи и народы суть органы, посредствомъ которыхъ въ потокѣ временъ оно обнаруживаетъ свою божественную жизнь и которые, смотря по широтѣ ихъ способностей и по направленію ихъ индивидуальнаго склада, оно, по прошествіи болѣе или менѣе долгаго срока, отъ себя отрѣшаетъ—но лишь для того, чтобы поставить ихъ безсмертными въ свой храмъ, а на поприщѣ жизни изъ новыхъ органовъ создать носителей своей идеи и при ихъ посредствѣ стремиться все далѣе къ своей вѣчной цѣли, къ осуществленію царства Божія на землѣ.

Дѣло историческаго бытописанія охарактеризовать это развитіе человѣчества на его различныхъ ступеняхъ, по скольку оно обнаружилось въ народахъ и особяхъ. Итакъ историческое бытописаніе должно возвести во всеобщее сознаніе все чтò совершилось. Оно поэтому должно уяснить, какимъ образомъ исторія путемъ возрожденія и смерти восходила и восходитъ все къ высшему совершенству,—вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить причины, обусловившія расцвѣтъ и паденіе народовъ, и такимъ образомъ представить въ исторіи міра судъ надъ міромъ, а также и судъ надъ нашимъ я. Всемірная исторія есть жизнеописаніе человѣчества, а историкъ жизнеописатель человѣка.—Однако человѣческій умъ, этотъ какъ бы вспять обращенный пророкъ, до сихъ поръ все-таки еще не въ силахъ былъ распутать всѣ узлы развитія, по которымъ донынѣ взбиралось вверхъ человѣчество. Потому историческое бытописаніе—какъ выражается Аристотель—не что иное, какъ разсказъ обо всемъ дознанномъ, который оно излагаетъ въ связи безъ предвзятыхъ извнѣ началъ согласно съ движеніемъ человѣчества, для того чтобы такимъ образомъ выяснить всемірно-историческое развитіе.

Законы исторіи вообще — такіе же законы и въ исторіи педагогики. Педагогика съ практической ея стороны есть искусство воспитанія,—искусство посредствомъ обученія и воспитанія, т. е. посредствомъ сознательнаго воздѣйствія на тѣлесное и духовное развитіе, направить образующагося человѣка, въ жизни, дѣйствіяхъ и поступкахъ его дать индивидуальное выраженіе лежащимъ въ основѣ бытія его идеямъ истины, добра и прекраснаго. Задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы микрокосмъ человѣка направить къ той же цѣли, къ какой стремится макрокосмъ человѣчества.

Развивая единичнаго человѣка, педагогика развиваетъ въ то же время и народъ, къ которому принадлежитъ этотъ человѣкъ, такъ какъ народъ можетъ занять и занимаетъ лишь ту ступень развитія, на которой находятся его члены, единичныя личности. А развивая народъ, педагогика вмѣстѣ съ тѣмъ развиваетъ и человѣчество, óрганы котораго суть единичныя личности и народы.

Съ другой стороны, развитіе единичнаго человѣка зависитъ отъ степени развитія народа, среди котораго онъ живетъ, точно также и отъ степени развитія человѣчества, въ средѣ котораго стоитъ народъ. И по скольку высока или низка эта ступень развитія человѣчества и народа, по стольку же будутъ болѣе или менѣе совершенны воззрѣнія и понятія относительно единичнаго человѣка, а слѣдовательно также и воспитаніе его. Научный и художественный, религіозный и государственный строй народа и ступень, занимаемая его членами, обусловливаютъ равномѣрно и степень его системы воспитанія. Слѣдовательно педагогика и развитіе ея состоятъ въ самой тѣсной связи съ культурой народа вообще. Ибо сокровенную суть свою, мысли, чувства и желанія, человѣкъ стремится осуществить также и внѣ себя. Человѣкъ хочетъ дать другимъ только то, что̀ составляетъ его собственное бытіе и его сущность, и онъ можетъ дать другимъ только то, что̀ есть въ немъ самомъ и чѣмъ онъ самъ обладаетъ. Согласно съ этимъ онъ хочетъ и можетъ воспитывать подростающія поколѣнія по такимъ лишь началамъ и для такихъ лишь цѣлей, которыя онъ считаетъ высшими. Воспитаніе идетъ впередъ заодно съ культурой народа, а потому народъ въ своемъ воспитаніи и при посредствѣ его обнаруживаетъ опять-таки, до какой ступени культуры дошелъ и развился онъ самъ: жизнь народа и пр. отражается въ его педагогическихъ принципахъ и пр.; педагогическія формы служатъ зеркаломъ его жизни. Подобно единичному воспитателю, и народъ, въ дѣлѣ воспитанія хочетъ сдѣлать изъ воспитываемыхъ членовъ то же, чѣмъ онъ сталъ самъ для себя; итакъ онъ повторяетъ свое собственное развитіе, воспитывая свое потомство, и путемъ

воспитанія послѣднему дается непосредственно то, чего достигъ народъ путемъ своей исторической дѣятельности и своего развитія. Воспитаніемъ народъ упрочиваетъ свое существованіе и свое развитіе. Итакъ воспитаніе зависитъ отъ жизни и развитія ея, и въ свою очередь оно создаетъ новую жизнь и новое развитіе.

Такъ какъ исторія педагогики должна представить развитіе человѣчества и основанное на этомъ развитіи воспитаніе, начиная съ древнѣйшей исторической эпохи и до настоящаго времени, и слѣдовательно показать, какимъ образомъ это развитіе и воспитаніе велись на практикѣ и постигались въ теоріи у различныхъ народовъ, и какъ исполнялось оно на словахъ и на дѣлѣ единичными личностями, — то и необходимо изучать ее въ связи съ общей исторіей человѣчества. Исторія педагогики, заодно съ исторіей человѣчества, путемъ дѣтства и юности переходитъ къ зрѣлому возрасту и вообще имѣетъ эту исторію своимъ фономъ или грунтомъ.

Существенная задача исторіи педагогики состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить, на сколько глубоко и на сколько ясно идея человѣчества отражается въ сознаніи любой современной ему эпохи. Всеобщая исторія обнаруживаетъ, что всякое дальнѣйшее развитіе есть критика только что пройденнаго жизненнаго пути человѣчества, такъ что каждый новый періодъ идетъ далѣе, отрѣшаясь отъ односторонностей стараго, и человѣчество такимъ образомъ все болѣе приближается къ своей божественной цѣли; подобно тому исторія педагогики такъ же должна изслѣдовать органическое развитіе искусства воспитанія и стало-быть представить и уяснить поступательное движеніе педагогической идеи въ ходѣ времени. Согласно съ этимъ исторіи педагогики предлежитъ изобразить, каково въ каждую эпоху было воспитаніе въ дѣйствительности и какимъ въ то же время ему слѣдовало бы быть по существу своему, въ духѣ людей мыслящихъ, т. е. представить какъ обучались народы и чему и какъ учили геніальныя личности среди народовъ: у нея есть практическая и теоретическая сторона, стоящія въ самомъ тѣсномъ взаимнодѣйствіи другъ съ другомъ, и хотя выработанная теорія идетъ вслѣдъ за практикой, но теорія опять-таки и предшествуетъ практикѣ, такъ какъ всякая дѣятельность все же вѣдь имѣетъ своимъ источникомъ болѣе или менѣе сознанную мысль.

Исторія педагогики должна не только представить теоретическое и практическое развитіе педагогики въ продолжительномъ ходѣ всемірной исторіи; но также и характеризировать это развитіе въ средѣ единичныхъ народовъ. Она должна поэтому изобразить воспитаніе въ дѣтскомъ возрастѣ народа, когда оно исходитъ отъ главы семейства и со-

стоитъ въ пріученіи къ старозавѣтнымъ нравамъ, формамъ и обычаямъ, не руководясь впрочемъ при этомъ никакою высшею сознательною идеею. Однако путемъ наблюденія и опыта исподоволь слагаются единичныя правила, основныя начала воспитанія, переходящія въ устныхъ преданіяхъ изъ рода въ родъ. Потомъ сознательно уже воспитаніе ведется лишь въ расчлененной общинѣ и въ организованномъ государствѣ,— въ юномъ возрастѣ народа. Тутъ оно не предоставляется болѣе случайнымъ и произвольнымъ воззрѣніямъ единичной личности; а напротивъ, само государство заинтересовано въ томъ, чтобы подростающія поколѣнія воспитывались, и сверхъ того, чтобы они развивались путемъ, отвѣчающимъ устойчивости и преуспѣянію общины и государства, и тѣмъ достигалось бы единство въ помыслахъ и дѣйствіяхъ членовъ послѣдняго. Теперь-то законодатели приводятъ въ порядокъ и выясняютъ установившіяся обычаемъ и нравами народа правила воспитанія. Затѣмъ уже въ зрѣломъ возрастѣ народа воспитаніе и обученіе вытекаютъ изъ яснаго стремленія, сознающаго свою цѣль и свои средства. И въ это время, точно такъ же какъ и въ эпоху народной старости, выступаютъ философы и педагоги, съ тѣмъ чтобы утвердить воспитаніе на прочныхъ началахъ и дать такимъ образомъ законченную теорію его. Развитіе народа идетъ отъ практики къ теоріи, отъ дѣла къ мысли. Чѣмъ болѣе отживаетъ народъ, тѣмъ теоретичнѣе становится онъ, и тѣмъ самостоятельнѣе выступаетъ обученіе, бывшее прежде лишь однимъ изъ моментовъ воспитанія, и тѣмъ все болѣе само воспитаніе становится лишь однимъ изъ моментовъ обученія.

Историкъ педагогики старается изслѣдовать систему воспитанія бывшихъ историческихъ народовъ какъ съ практической, такъ и съ теоретической стороны его, выяснить въ этихъ изслѣдованіяхъ поступательное движеніе идеи воспитанія въ человѣчествѣ, и указать вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ путемъ у каждаго изъ народовъ эта идея пришла къ сознанію, каковъ былъ образовательный идеалъ народа, какъ понималъ онъ сущность и цѣль воспитанія, какими средствами онъ пытался осуществить свой идеалъ и насколько онъ въ дѣйствительности достигъ его. Эту задачу онъ разрѣшаетъ этнографически, когда народы разрознены одинъ отъ другаго и воспитаніе является слѣдовательно болѣе національнымъ; такъ было въ дохристіанскую эпоху. Напротивъ того, въ эпоху христіанской дореформаціонной педагогики изложеніе исторіи становится уже хронологическимъ, такъ какъ народы и государства этого времени, а слѣдовательно также и воспитаніе ихъ—опираются на одинаковыхъ основахъ; въ реформаціонную и слѣдующую затѣмъ эпоху этнографія и синхронизмъ сливаются между собою въ одно, такъ какъ народы и

государства новѣйшихъ временъ независимы другъ отъ друга, но подлежатъ одинаковымъ духовнымъ вліяніямъ и руководятся согласными между собою образовательными началами.

Сущностью исторіи педагогики обусловливается ея значеніе или цѣнность. Кто вообще не видитъ никакой пользы въ научной педагогикѣ, но кичится лишь избитою на практикѣ рутиною; тотъ конечно не въ состояніи оцѣнить строгое изученіе исторіи педагогики. Но тотъ, кто дошелъ до сознанія, что одна только наука приводитъ къ ясному пониманію жизни и ея явленій и что на науку педагогики слѣдуетъ смотрѣть какъ на основу дѣльной педагогической практики, и кто сверхъ того убѣжденъ, что всякое современное состояніе есть результатъ прошедшаго, и что слѣдовательно только тогда слагается вѣрное понятіе о современности, когда изслѣдовано прошедшее, т. е. ея основа: тотъ пойметъ также, что тогда только можно получить вѣрное понятіе о задачахъ современнаго воспитанія и тогда только найдется ключъ къ разрѣшенію этихъ задачъ, когда мы изслѣдуемъ путь, пройденный исторіей воспитанія, и прислушаемся къ ея вѣщему, поучительному и просвѣщенному голосу. Что значитъ опытъ обыденной единичной личности противъ опыта тысячелѣтій? Погружаясь въ купѣль исторіи, человѣкъ крѣпнетъ духомъ и обновляется; она научаетъ его пользоваться жизнью чрезъ энергичное развитіе его индивидуальнаго бытія; она же поощряетъ его жертвовать этимъ бытіемъ для общаго блага и доблестными, безкорыстными дѣлами и подвигами приносить свою лепту на алтарь человѣчества, отъ котораго единичный человѣкъ получаетъ высшія свои сокровища и блага.

„Изъ сумятицы нашихъ дней—говоритъ Крамеръ—заглянуть въ прошедшее, словно въ давно покинутую родину, составляетъ для насъ такую же сильную потребность, какъ и воспоминаніе въ старости о юныхъ лѣтахъ. Этотъ обращенный къ міру невиннаго дѣтства взглядъ—самое дорогое благо, завѣщанное человѣку въ земной его жизни. А исторія воспитанія вдвойнѣ надѣляетъ насъ этимъ сокровищемъ: она созерцаетъ два міра невиннаго младенчества, дремлющаго дѣтства. Съ нею и при ея помощи человѣкъ погружается въ животворную купѣль прошедшаго“. Сверхъ того она же служитъ для него школою, гдѣ онъ изучаетъ науку педагогики. Въ настоящее время лишь тотъ сознаетъ лучше всего, къ чему онъ стремится въ воспитаніи и что̀ онъ въ силахъ сдѣлать, кто наблюдалъ и изучалъ, что̀ возможно исполнить: но онъ научается этому и узнаетъ это, вникая въ исполненное и передуманное уже по части вос-

питанія. Только тотъ постигаетъ сущность и цѣну воспитанія, кто прослѣдилъ за развитіемъ идеи его въ потокѣ вѣковъ. Наконецъ, лишь тотъ въ состояніи понять истинную науку современной педагогики и творчески подвизаться въ ней, кто самъ вжился въ исторію педагогики. Наука педагогики безъ исторіи ея то же, что зданіе безъ основы. Исторія педагогики сама по себѣ есть уже законченнѣйшая и объективнѣйшая научная система педагогики.

2.

ЭПОХИ ВЪ ИСТОРІИ ПЕДАГОГИКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ НАРОДЫ.

Исторія педагогики проходитъ, заодно съ исторіей человѣчества вообще, однѣ и тѣ же ступени развитія.

Идея о Богочеловѣкѣ есть средоточіе какъ всемірной исторіи, такъ точно и исторіи педагогики. Богъ сталъ человѣкомъ, дабы человѣкъ сталъ подобенъ Богу: въ этомъ исторія человѣчества обрѣтаетъ свое средоточіе,—какъ свою точку опоры, такъ и конечную цѣль своихъ стремленій. Мысль о Богочеловѣкѣ есть тотъ высшій идеалъ, та абсолютная идея, постиженія которой добивалось человѣчество, пока она не осуществилась на дѣлѣ въ Іисусѣ Назаретскомъ. Съ появленіемъ Богочеловѣка исполнилось стремленіе всей дохристіанской эпохи. А въ осуществленіи идеи богочеловѣчности въ каждомъ единичномъ лицѣ, въ народахъ и въ человѣчествѣ, заключается задача всей похристіанской эпохи. „Будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ нашъ небесный": этими словами намѣчена высшая цѣль воспитанію,—одна и та же цѣль, какъ для воспитанія подростающихъ поколѣній, такъ и для воспитанія человѣчества.

Исторія педагогики, подобно исторіи человѣчества, до Христа переживаетъ свое дѣтство и свою юность. Подвизавшіеся въ то время народы жили попреимуществу одною жизнью съ природой; образованіе ихъ было природное, первобытное. Они сливались съ природой въ одно великое цѣлое. И даже въ созданныхъ ими самими учрежденіяхъ, въ государственномъ быту и проч. они не переходили за рубежъ природной жизни. Національность составляетъ крайній естественный предѣлъ ихъ. До Христа были одни лишь національные боги, одни лишь національные люди, одно лишь національное воспитаніе. Рубежъ народа былъ также рубежомъ его Бога. Человѣкъ цѣнилъ себя лишь по стольку, по скольку онъ принад-

лежалъ своему народу. Воспитаніе же стремилось прежде всего пробудить въ юношахъ любовь къ отчизнѣ и воспитать въ возростающемъ поколѣніи носителей и хранителей національности.

Съ пришествіемъ Христа человѣчество вступаетъ въ свой зрѣлый возрастъ. Національный Богъ сталъ Богомъ человѣчества. Бытіе вселенной есть бытіе Божіе, а бытіе человѣка истекаетъ изъ бытія вселенной. Вседержитель — Отецъ всѣхъ людей, а люди, какъ дѣти одного Отца небеснаго—братья между собою. Наступаетъ эра человѣчности, гуманности, и воспитаніе усвоило себѣ характеръ ея, опредѣляется ею и сводится къ ней—сперва смутно и безсознательно, а потомъ уже во всей ясности и въ полномъ сознаніи цѣли, которой слѣдуетъ достичь.

I.

ДО ХРИСТА.

Міровая эпоха національнаго воспитанія.

Историческому развитію человѣчества предшествовали неисторическіе и полуисторическіе народы, жившіе безъ культуры и цивилизаціи и стоявшіе относительно воспитанія своего на степени чувственности, которою исчерпывается вся ихъ жизнь. Физическій уходъ былъ сплошь и рядомъ единственною заботой со стороны родителей. А впрочемъ они предоставляли дѣтей развивающей и образующей силѣ природы. Намеки на духовное развитіе у нихъ ограничивались стремленіемъ сдѣлать единичнаго человѣка независимымъ, нечувствительнымъ къ боли, хитрымъ и выносливымъ на войнѣ.—Съ возникновеніемъ культуры и цивилизаціи человѣчества начинается также и воспитаніе.

Первобытная жизнь дохристіанскихъ историческихъ племенъ не выходитъ за предѣлы національнаго быта. Все воспитаніе до Христа есть воспитаніе національное.

Національное воспитаніе, подобно тѣлесно-духовной жизни подлежащихъ ему народовъ, разбивается на субстанціальное воспитаніе восточныхъ народовъ, индивидуальное воспитаніе древнеклассическихъ націй и ѳеократическое воспитаніе израильскаго народа.

а) Субстанціальное воспитаніе восточныхъ народовъ.

Китайцы, Индусы, Персы и Египтяне входятъ въ кругъ тѣхъ педагогическихъ народовъ на Востокѣ, у которыхъ особь исчезаетъ въ субстанціи, во всеобщемъ бытіи. Особь

у нихъ ничто. Духовная жизнь проявляетъ одностороннее направленіе: нѣтъ ни чувства собственнаго достоинства, ни мужества для того, чтобы упрочить за собой самостоятельное и независимое отъ внѣшняго міра бытіе и наслаждаться имъ. Чувство индивидуальнаго безсилія ведетъ къ квіэтизму, и какъ личная свобода, такъ и самодѣятельность становятся невозможными. Человѣкъ считается при этомъ, да и самъ себя считаетъ только экземпляромъ рода. Воспитать въ такомъ случаѣ значитъ лишь пріобучать къ исчезновенію въ субстанціи; а такъ какъ послѣдняя къ каждой особи прикасается лишь извнѣ, то все воспитаніе и основано на (внѣшнемъ) авторитетѣ. Органъ, посредствомъ котораго восточный человѣкъ постигаетъ міръ, есть созерцаніе: развить созерцаніе, — дальше этого воспитаніе и не идетъ. Восточный міровой періодъ отличается эпическимъ характеромъ. Дитя всемірной исторіи, такъ же какъ и всякій единичный ребенокъ, есть эпикъ, оно блуждаетъ въ мірѣ созерцанія и, заимствуя все бытіе свое извнѣ, подчиняется внѣшнему авторитету.

a) То общее, которому слѣпо покоряется единичная личность, есть прежде всего семья. Семья, это — основа и исходная точка всякаго воспитанія, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго развитія въ человѣчествѣ. Первый историческій народъ — единая семья. Семьею представляется намъ китайскій народъ въ своихъ законахъ, учрежденіяхъ и обычаяхъ. У него также и въ воспитаніи господствуетъ принципъ семьи: безусловное повиновеніе дѣтей родителямъ, всѣхъ Китайцевъ безъ различія, въ качествѣ дѣтей, государю, отцу всѣхъ вообще, — внушенное посредствомъ безконечнаго множества отрывочныхъ правилъ, безмысленныхъ пріемовъ и формальностей. Побои—обычное, не позорящее наказаніе. Чтеніе и письмо — вотъ все теоретическое образованіе. Обученіе заключается въ механическомъ, безтолковомъ затверживаніи того, чему учились и что твердили предки. Подобно тому какъ природа и исторія, по выраженію одного естествоиспытателя, хотѣли указать предѣлъ, до какого можетъ дойти монгольская цивилизація: точно такъ и воспитаніе Китайцевъ попреимуществу обнаруживаетъ, до чего могла дойти монгольская раса вообще въ дѣлѣ духовнаго развитія, — она могла лишь дрессировать, натаскивать человѣка. Во всякомъ случаѣ однако—и въ этомъ-то вся суть китайскаго воспитанія—всякое природное своенравіе искореняется здѣсь повиновеніемъ безусловному авторитету.

b) Въ Китаѣ каждый подчиненъ великой государственной семьѣ; зато въ предѣлахъ ея онъ можетъ сдѣлаться всѣмъ. Въ Индіи же единичная личность уже по рожденію пріурочена къ извѣстной кастѣ и въ ней только и можетъ вра-

щаться всю свою жизнь. Поэтому задача воспитанія здѣсь та, чтобы каждый въ точности изучилъ права и обязанности своей касты и проявлялъ ихъ наружу въ строгихъ, затверженныхъ обрядахъ. Навыкъ есть принципъ индійскаго воспитанія: онъ достигается безконечными повтореніями и страхомъ наказанія. Теоретическое образованіе состоитъ въ чтеніи, письмѣ и счетѣ, какъ условіяхъ оспособленія человѣка къ искусству и наукѣ. Воспитаніе въ Индіи исключительно сословное: въ этомъ состоитъ его ограниченность; но вслѣдствіе такого раздѣленія труда по сословіямъ духъ выигрываетъ въ глубинѣ: въ этомъ его суть и цѣнность.

c) Персы сознаютъ себя уже народомъ и заявляютъ себя таковымъ относительно другихъ. Персія обозначаетъ собою вершинную точку восточныхъ государствъ: это деспотическая держава, требующая безусловнаго, всепоглощающаго повиновенія царю, какъ представителю государства, а вовнѣ стремящаяся подчинить себѣ остальные народы. Этому отвѣчаетъ и воспитаніе: оно становится государственнымъ воспитаніемъ и отличается національнымъ, народнымъ характеромъ. Всему народу внушаются нравственная доблесть и воинственный духъ. Дѣти принадлежатъ болѣе государству, чѣмъ родителямъ: въ воспитательныхъ заведеніяхъ для разныхъ возрастовъ они учатся читать и писать и наставляются въ богослужебныхъ обрядахъ. Попреимуществу же воспитаніе предписываетъ Персу говорить правду, привыкать къ умѣренности и гражданскимъ добродѣтелямъ, учиться также верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ лука. Никакихъ иныхъ высшихъ идей въ персидскомъ воспитаніи нѣтъ. Зато оно образуетъ изъ Персовъ націю супротивъ другихъ націй: и въ этомъ его существенное значеніе.

d) Египетъ представляетъ собою переходъ отъ Востока къ Западу. Самъ въ себѣ онъ не что иное какъ іероглифъ пробуждающагося духа. Это народъ загадки: сфинксъ его символъ. Жрецы и воины были господствующими сословіями: только у нихъ и существовало воспитаніе въ настоящемъ смыслѣ слова; остальныя же касты пріучались благоговѣть какъ передъ религіей и жрецами, такъ и передъ исконнымъ обычаемъ. Общее теоретическое образованіе ограничивалось умѣньемъ читать, писать и считать, сверхъ того усвоеніемъ навыка къ извѣстнаго рода занятіямъ въ средѣ семьи. Жрецъ есть представитель образованія, онъ единственный наставникъ, воспитаніе — жреческое.

b) Индивидуальное воспитаніе древнеклассическихъ націй.

У классическихъ народовъ древности субстанція Востока замѣняется индивидуальностью. Духъ юноши — какъ въ чело-

вѣчествѣ, такъ точно и въ единичномъ человѣкѣ — освобождается отъ подавляющей силы объективнаго бытія, самостоятельно противустаетъ ему, а потомъ, овладѣвъ самимъ собою, въ гордомъ самосознаніи опирается уже на самого себя. Особь, сознавая торжество своей субъективности, смотритъ уже на всѣ объективныя силы какъ на слугъ своихъ. Такъ было въ Элладѣ и Римѣ. Для Грека прекрасная, а для Римлянина практическая индивидуальность составляетъ идеалъ, средство и цѣль помысловъ и желаній. Но эта индивидуальность не въ силахъ еще преодолѣть природную основу и не выходитъ изъ предѣловъ своей націи. Эллада и Римъ не дошли еще до увѣренной въ себѣ личности, сознающей свою безконечную цѣну: этимъ обозначается предѣлъ въ міровоззрѣніи древне-классическихъ народовъ.

Индивидуальное воспитаніе по существу своему необходимо стало въ разрѣзъ съ воспитаніемъ деспотическихъ державъ Востока. На Востокѣ учебные методы не шли далѣе механизма указаній и подражаній, буквальнаго заучиванья непонятыхъ формулъ,—ученіе было дѣломъ навыка, точно такъ же и воспитаніе, имѣвшее цѣлью, подобно строгой дисциплинѣ, слѣпое повиновеніе и безусловное подчиненіе обычаямъ и религіознымъ завѣтамъ. Жизненное поприще на Востокѣ для каждой единичной личности очерчивалось неизмѣнною кастовою системой. У древнеклассическихъ народовъ, напротивъ того, свободный человѣкъ воленъ былъ самъ избрать себѣ любой промыселъ, онъ могъ возвышаться надъ званіемъ и значеніемъ своихъ предковъ и, при посредствѣ слова и дѣла, добиться высшихъ почетныхъ ступеней какъ на политическомъ поприщѣ, такъ и въ искусствахъ и наукахъ. Съ этихъ только поръ,—когда человѣкъ съ измлада не отдается болѣе весь созерцанію, но живетъ въ мірѣ понятій, — съ этихъ поръ рядомъ съ уходомъ, какой оказывалъ уже и дикарь, и съ дисциплиною, въ которой состояла суть восточнаго воспитанія, становится возможнымъ настоящее обученіе; теперь-то оно достигаетъ гармоническаго развитія тѣла и души, и вмѣстѣ съ тѣмъ образованія свободнаго гражданина. Міровой періодъ этотъ отличается лирическимъ характеромъ — онъ все мѣритъ и обсуждаетъ по самому себѣ. Юноша вѣдь лирикъ и субъективистъ.

a) Въ Греціи прекрасная индивидуальность была средствомъ и цѣлью жизни. Для Грека сущность человѣка заключалась въ красотѣ, — въ тѣлесной и духовной красотѣ, совпадавшей у него въ калокагаѳіи *) съ добромъ. Вѣдь и боги Грековъ не что иное какъ олицетворенныя художествен-

*) Καλοκαγαθία = благодушіе, честность, добросовѣстность.

ныя идеи: осуществленіе бога въ искусствѣ—вотъ религія Грековъ. Жизнь Эллина—жизнь полная наслажденія и упоенія идеальностью,—бьющій черезъ край, блаженный, дивный первый восторгъ юноши, испивающаго полными чашами отрадную пѣну жизни. Жизнь Грека есть культъ красоты, а носитель его — свободная индивидуальность. Здоровье для Эллина основано на взаимодѣйствіи духа и тѣла, такъ что тѣлесное развитіе поддерживается духомъ, а духъ подкрѣпляется тѣлеснымъ упражненіемъ. Это здоровье и эта красота создали безсмертныя творенія искусства: благодаря тому и другой трагики выражали въ олицетворенной судьбѣ сущность греческаго духа, гимны Пиндара прославляли греческіе подвиги, а пластика свела греческаго бога съ Олимпа и показала его изумленному народу во плоти. Гармоническое развитіе индивидуальности и духовное стремленіе къ красотѣ и благу: вотъ что было для Грековъ средствомъ и цѣлью воспитанія. Развить отрока въ изящнаго и свободнаго Эллина, повинующагося однимъ только законамъ государства: вотъ къ чему стремилось воспитаніе въ героическую эпоху, когда, безъ систематическаго еще государственнаго строя, имѣлось въ виду одно — возможно широкая свобода особи; того же воспитаніе домогалось и въ эпоху сложившагося государственнаго быта, когда гимнастика придавала тѣлу прекрасный, богоподобный станъ, когда музыка наполняла душу стройною гармоніей, а грамматика вела къ наукамъ; того же наконецъ, хотя и съ болѣе духовной точки зрѣнія, добивалась философская эпоха, когда Сократъ пытался довести индивидуальность до самосознанія. Обученіе систематически развивало зрѣніе и слухъ, пробуждало чуткость къ ритму и размѣру какъ въ чувственной, такъ и въ духовной сферѣ, и пыталось путемъ геометріи и философіи постичь гармонію вселенной. Таковы вѣчные моменты въ воспитаніи Грековъ. Но и это воспитаніе съ одной стороны не выходило за предѣлъ эстетическаго идеала, которому подчинялись какъ религія, такъ и нравственный строй образованія; а съ другой оно дотого односторонно пріучало къ образу мыслей и воззрѣній племени и къ національнымъ обычаямъ, что Грекъ не доходилъ до сознанія своей всеобщности и былъ въ состояніи познать себя—не человѣкомъ вообще, а только Грекомъ: таковы конечныя стороны воспитанія прекрасной индивидуальности въ томъ видѣ, какъ велось оно въ древней Греціи.

Въ Греціи воспитаніе впервые выступаетъ послѣдовательною, законченною въ самой себѣ теоріей. Два мудреца, Платонъ и Аристотель, суть основатели науки о воспитаніи: они привели въ систему то, что выразили въ законѣ Ликургъ и Солонъ, чему учили и о чемъ мыслили Пиѳагоръ и Сократъ. Платонъ въ своемъ „Государствѣ“ и въ своихъ „Законахъ“ высказываетъ много педаго-

гическихъ началъ, въ которыхъ единичную личность приноситъ въ жертву государству и требуетъ для всѣхъ равнаго, совмѣстнаго и публичнаго воспитанія. Аристотель напротивъ того въ своей „Политикѣ" сопоставляетъ относительно воспитанія критически все, чему учили греческіе философы, и настаиваетъ на самостоятельности семьи и на самоопредѣленіи единичной личности, признавая совмѣстное и публичное воспитаніе лишь по стольку, по скольку оно не нарушаетъ завѣтныхъ святынь семьи и индивидуальности.

b) Римлянинъ человѣкъ дѣла, — практическая индивидуальность. Въ Римѣ слышится рѣчь юноши-человѣчества, который при избыткѣ внутреннихъ пріобрѣтеній выступаетъ въ міръ и стремится завладѣть имъ. Не прекрасное, а цѣлесообразное—вотъ пружина его дѣятельности, умно взвѣшивающей соотвѣтственныя средства къ достиженію предположенной цѣли. Римскій народъ — трезвый, практическій народъ здраваго смысла. Оттого-то онъ и цѣнитъ только то, что приноситъ непосредственно практическую пользу ратному дѣлу и государственному управленію. Оттого также Римлянинъ и проявляется творчески лишь въ бытописаніи и въ краснорѣчіи; во всѣхъ другихъ наукахъ и искусствахъ онъ, въ качествѣ подражателя, далеко отсталъ отъ своего образца, — Грека. У него сама религія должна служить государству: она есть просто дѣло политики и внѣшней необходимости. Однако Римлянинъ развиваетъ далѣе всемірную исторію въ нравственномъ направленіи, какъ своимъ пониманіемъ семейной жизни, высшимъ достоинствомъ и значеніемъ брака, такъ и болѣе высокимъ, прочнымъ и свободнымъ положеніемъ женщины.

Согласно съ культурнымъ строемъ и духовными задатками Римлянина, воспитаніе его представляло также прямую противоположность эллинизму, но оно все-таки было сродни греческому — поскольку вообще Грекъ былъ сродни Римлянину. Принципъ воспитанія у Грековъ выражался калокагаѳіей; у Римлянъ же онъ выражается словами utile et honestum *). На сколько παιδεύειν **) разнится отъ educare, на столько и греческое воспитаніе разнится отъ римскаго: παιδεία происходитъ отъ παῖς и обнимаетъ вообще физическое и психическое образованіе отрока; educare исходитъ отъ руководства и обученія подражать, и дѣйствительно, подражаніе есть самый важный актъ въ воспитаніи Римлянина; послѣднее не что иное какъ подражаніе обычаямъ предковъ и родителей — семейному строю и передовымъ бойцамъ въ государственной жизни. Римское воспитаніе, ограничивая свободу личности, вращалось среди обычнаго политическаго и религіознаго настроенія. Оно бы-

---

*) Польза и пристойность.

**) Воспитывать.

ло не племеннымъ воспитаніемъ, какъ у Грековъ, а семейнымъ; но не семейнымъ воспитаніемъ восточныхъ народовъ, вытекающимъ изъ естественнаго отношенія родителей къ дѣтямъ, а такимъ, въ которомъ отецъ семейства представлялъ полноправнаго гражданина и завѣдывалъ обученіемъ до того возраста, когда пятнадцатилѣтній отрокъ передавался родственнику или уважаемому юристу для изученія правъ и политики, — и въ которомъ мать подготовляла характеръ своего дѣтища (—высокую любовь къ отчизнѣ, гордый, стойкій нравъ Римлянина, неутомимый общественный духъ —), очищаемый и закаляемый потомъ на площади и въ народномъ собраніи, и подвизающійся также на войнѣ и на службѣ. На такой-то почвѣ римское воспитаніе въ эпоху республики было юридически-военнымъ. И оно не покидало этой почвы практичности и пользы даже и тогда, когда ознакомившись съ греческимъ языкомъ, Римляне, изучали реторику съ цѣлью блюсти право, а философію съ цѣлью утѣшаться въ житейскихъ превратностяхъ. Когда же наконецъ Римская міровая держава своею централизаціею въ императорскую эпоху уничтожила преграды національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ упразднила древній міръ и его жизненное начало—націю, то и воспитаніе также совершило переходъ отъ національнаго къ общеміровому, и образованіе вообще стало цѣлью обученія и воспитанія. Однако Римъ, въ основѣ котораго лежала конечность, могъ только заявить, но не осуществить эту мысль: онъ объ нее и сокрушился.

Римлянинъ, какъ вообще, такъ въ частности и въ воспитаніи, совсѣмъ не теоретикъ. Цицеронъ въ своихъ философскихъ и реторическихъ сочиненіяхъ мимоходомъ излагалъ свои взгляды на воспитаніе, но при этомъ онъ преимущественно имѣлъ въ виду образованіе оратора; также и Квинктиліанъ въ своей книгѣ объ образованіи оратора обращалъ особенное вниманіе на юношу и на ораторское искусство, хотя и обозрѣлъ всю область римскаго государственнаго воспитанія. Одинъ только Сенека смотритъ на воспитаніе съ научной точки зрѣнія, не предлагая впрочемъ никакой научной системы педагогики.

c) Θеократическое воспитаніе Израильтянъ.

У израильскаго народа единичная личность исчезаетъ не въ семьѣ, ни въ сословіи, ни въ народѣ, ни въ государствѣ, — она исчезаетъ въ его Богѣ. Въ глазахъ Израильтянина нація занимаетъ лишь второе мѣсто, а Богъ первое. Потому, и всилу этого, народъ израильскій занимаетъ въ древнемъ мірѣ исключительное положеніе. Какъ Египетъ составляетъ переходъ отъ Востока къ Западу, такъ и народъ израильскій составляетъ переходъ отъ древней къ новой эпохѣ, отъ язычества къ христіанству.

Образованіе его отличается строгимъ религіозно-практическимъ характеромъ: для Израильтянина важно одно лишь отношеніе его къ Богу, и одно только это отношеніе онъ и развиваетъ въ себѣ. Даже на исторіи и поэзіи его лежитъ рѣшительно тотъ же отпечатокъ. Отъ разнообразія внѣшней жизни Израильтянинъ уходитъ въ свой внутренній міръ, уходитъ къ своему Богу.

Въ этой системѣ—говоритъ Розенкранцъ—самъ Богъ сталъ педагогомъ, воспитателемъ. Законъ открываетъ волю его, и человѣкъ обязанъ безусловно подчиняться закону. Потому народъ израильскій — народъ спеціально педагогическій, котораго воспитываетъ самъ Іегова и воспитываетъ такъ, чтобы народъ сумѣлъ отрѣшиться отъ всякой субъективности и отказаться отъ всякаго эгоизма. Этимъ путемъ онъ отъ внѣшней легальности восходитъ до искренности нравственнаго побужденія и до сознанія, что, слѣдуя закону Божію, человѣкъ повинуется лишь своему внутреннему существу, и въ такомъ повиновеніи обрѣтаетъ истинную свободу. А все-таки народъ съ этого пути, на которомъ его воспитываетъ Іегова, постоянно вновь уклоняется отъ нравственности къ легальности. Оттого народъ израильскій самъ указываетъ за предѣлы собственнаго бытія, — какъ всилу помянутаго сейчасъ противорѣчія, такъ точно и всилу еще другого, вслѣдствіе котораго его Богъ есть Богъ всемірный, и при всемъ томъ онъ Богъ одного лишь Израиля, избраннаго Имъ Самимъ народа, такъ что Израильтянинъ только Израильтанина и считаетъ человѣкомъ, достойнымъ его любви: это народъ пророчества, ищущій своего идеала въ духовно созерцаемомъ Мессіи, который разрѣшитъ противорѣчія, окончательно сокрушившія этотъ народъ.

Воспитаніе Израильтянина патріархальное. На семью, бытъ которой строго опредѣленъ заповѣдями, выпадаетъ самая большая доля воспитанія. Отецъ есть наставникъ, такъ какъ онъ же и пастырь въ домѣ: его дѣло воспитать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, внушить имъ безусловную покорность и добровольную преданность Іеговѣ. Воспитаніе это—ѳеократическое. Богомъ данный законъ есть основа нравственной, религіозной, научной и государственной жизни, — а потому онъ же и основа воспитанія. Одни лишь дѣти знатныхъ особъ учились счету и письму. Воспитаніе было вполнѣ религіознымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и національнымъ — такъ какъ религія неразрывно связана съ израильскимъ народомъ.

Израильскій народъ не установилъ строго ѳеоретической системы воспитанія. Правда, у Моисея, Давида, Саломона находятся правила о воспитаніи и обученьи, а Іусусъ Сирахъ въ своей книгѣ превосходно излагаетъ отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ и пр., такъ

что тутъ есть богатый запасъ педагогической мудрости, тогда какъ Филонъ болѣе всѣхъ другихъ даетъ теоретическія начала воспитанія. —

Ѳеократіей Израиля завершился древній міръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ завершилось и воспитаніе его. Начавъ съ воспитанія чрезъ посредство семьи, древній міръ распредѣлилъ затѣмъ дѣло воспитанія по кастамъ, дошелъ до воспитанія въ народѣ, возвелъ эстетическій идеалъ въ принципъ воспитанія, поставилъ его цѣлью практическую индивидуальность и наконецъ идеаломъ его выставилъ раба Божія. Каждое изъ этихъ началъ воспитанія оправдывается лишь въ связи и совокупности со всѣми остальными. Но не оправдывается и не оправдывалось оно тогда, когда каждое изъ нихъ покушалось стать одностороннимъ и разобщеннымъ съ остальными.

Дохристіанскіе народы сошли съ поприща исторіи, когда въ нихъ осуществилась идея, лежавшая въ основѣ ихъ бытія. Умъ ихъ не могъ еще освоиться съ мыслью объ органической жизни во вселенной, гдѣ каждая особь, слѣдовательно и человѣкъ, составляетъ звено, а потому также цѣль и средство въ одно и то же время. Единичный человѣкъ сталъ цѣлью, когда постигли, что сущность цѣлаго свойственна также каждой единичной личности, что истинно-человѣческое тожественно съ божескимъ, и когда явился богочеловѣкъ, осуществившій въ своемъ лицѣ эту тожественность и возвѣстившій міру: Я и Отецъ одно.

II.

ПОСЛѢ ХРИСТА.

Міровая эпоха гуманнаго воспитанія.

Христосъ есть та индивидуальность, которую хотѣли, но не смогли осуществить ни Греція, ни Римъ; ибо онъ не ограниченная природой и націей, но сознающая свое собственное значеніе индивидуальность, принадлежащая не одному какому-нибудь народу, но всему человѣчеству. Онъ въ то же время есть истина древнезавѣтнаго Мессіи, того Мессіи, который освободилъ Іудейство отъ его противорѣчія, который сознавъ въ себѣ богочеловѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ вознесъ въ истинныхъ дѣтей Божьихъ всѣхъ, поднявшихся до его воззрѣнія и давшихъ въ своемъ бытѣ и своихъ дѣлахъ новое выраженіе той жизни, которою Онъ жилъ. Отъ Него, этой живой божественной личности, и должно поэтому развиться новое начало воспитанія, не требующее уже пассивнаго подчиненія особи роковой необходимости природы, ни природнаго единства національной индивиду-

альности, ни также абстрактнаго повиновенія закону Божію, но ставящее во главѣ всего индивидуальность, которая познала свое духовное и жизненное родство съ Богомъ, ту индивидуальность, которая въ своемъ національномъ обособленіи отнюдь не допускаетъ разрыва съ человѣчествомъ, которая, повинуясь волѣ Божьей, удовлетворяетъ тѣмъ лишь потребности собственнаго духа и хочетъ служить правдѣ, жить въ добродѣтели и осуществить прекрасное какъ въ самой себѣ, такъ и въ дѣлахъ своихъ. Со Христомъ настала та міровая эпоха, когда человѣчество чтится въ каждомъ человѣкѣ и потому возникаетъ общее участіе къ образованію всѣхъ сословій — эпоха личной свободы человѣка и гуманнаго, человѣчнаго воспитанія.

Съ появленіемъ христіанства рушились какъ безусловное и фанатически нетерпимое единовластіе ѳеократической національной религіи, такъ и дипломатическая терпимость, въ которую не впадало язычество при сопостановкѣ имъ самыхъ разнородныхъ культовъ, и появилась основанная на личной совѣсти свобода вѣроисповѣданія, не признающая никакой всеспасительной догматики, ниже всеспасительной церкви, не допускающая ни авторитета, ни большинства по вопросу о блаженствѣ единичной личности. Нравственность христіанства коренится во всеобщемъ человѣколюбіи, основанномъ на признаніи дѣтьми Божьими всѣхъ людей безъ изъятія. Рабство отмѣняется, такъ какъ оно несовмѣстимо съ равенствомъ передъ Богомъ. Бракъ признается божескимъ учрежденіемъ, а жена подругой и спутницей мужа. Личное достоинство дитяти, этого дара Божія, должно быть чтимо: потому родители не имѣютъ болѣе безусловнаго права надъ нимъ; напротивъ, они обязаны доставить ему образованіе, необходимое для лучшаго осуществленія его призванья на землѣ, преобразить тѣло въ храмъ святаго духа, развить равномѣрно всѣ душевныя способности, и поставить себѣ главною цѣлью воспитать дѣтей строгочинно и во всегдашнемъ упованіи на Господа. Таковы основныя черты христіанскаго воспитанія, въ томъ видѣ, какъ онѣ намѣчены въ библіи и стремятся къ своему осуществленію въ христіанствѣ.

Въ теченіе первыхъ столѣтій, когда христіанству предлежало вести борьбу за свое внѣшнее существованіе, не могли еще во всей своей полнотѣ водвориться высказанныя Христомъ и изложенныя въ библіи начала воспитанія. Въ семейной средѣ, гдѣ въ искренности и задушевности женщины, въ лицѣ жены и матери явилась главная представительница христіанства, дитя воспиталось въ страхѣ Божіемъ, въ любви и твердой вѣрѣ въ Господа, въ правдивости и цѣломудріи, и т. д. Ученіе было также

дѣломъ семьи, а не то — дитя отправлялось въ языческую школу. Когда же христіанство стало болѣе и болѣе развиваться внутренно и добилось господства вовнѣ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась потребность къ наукѣ и высшему образованію, тогда христіанскіе подвижники, въ родѣ Климента Александрійскаго, Оригена, Тертулліана, Кипріана, Іоанна Златоуста, Василія Великаго и пр., изложили свои взгляды на сущность воспитанія и обученья; въ то же время были основаны училища, средоточіемъ которыхъ явились катехетическія школы: въ нихъ не только преподавали христіанскимъ дѣтямъ публичные уроки богословія, но чрезъ образовавшихся въ нихъ катехетовъ обучали также катехуменовъ религіи, языческой философіи и исторіи. Чѣмъ болѣе однако христіанство подчиняло себѣ міръ и чѣмъ ближе подходило время, когда оно преобразилось въ государственную религію, тѣмъ сильнѣе настаивало оно, въ противность міру и его образованію, на воспитаніи для неба и для духовенства. Люди жили тогда не для міра сего, а только для неба. Познаніе ничтожества всего земнаго вело къ презрѣнію міра и къ отрицанію жизни. Міръ съ его похотью не стоилъ ожидаемыхъ впереди благъ, тѣло считалось нечистымъ сосудомъ духа. Всѣ жили и восторгались превыспреннимъ, сверхчувственнымъ и надземнымъ; воспитаніе въ свою очередь также отличалось подобнымъ характеромъ. Съ реформаціей, какъ особь такъ и непризнанный, отвергнутый міръ вновь вступили въ свои права. Вѣчность начиналась не на томъ лишь свѣтѣ, но уже и на этомъ. Богъ жилъ не внѣ міра, но въ немъ самомъ. Смутно чаяли и наконецъ возвели къ сознанію, что вселенная есть органическое цѣлое, несомое, проникнутое, оживляемое и правимое духомъ Божіимъ, что во всемъ живетъ и зиждетъ божественное начало, и духъ человѣческій не что иное какъ лучъ духа Божьяго, наконецъ что каждый человѣкъ составляетъ звено этого органическаго цѣлаго и потому съ одной стороны проявляетъ самостоятельность и законченность, а съ другой зависимость отъ цѣлаго и преданность ему, какъ и всякое звено вообще; согласно съ этимъ онъ и долженъ воспитаться такъ, чтобы въ предѣлахъ конечнаго питать одно чувство съ безконечнымъ и всегда и всюду вести чистую, богоугодную жизнь. Итакъ міровая эпоха гуманнаго воспитанія дѣлится на вѣкъ сверхчувственнаго и вѣкъ органическаго воспитанія—на періоды до и послѣ реформаціи.

А. ДО РЕФОРМАЦІИ.

Періодъ сверхчувственнаго воспитанія.

Христіанство выступаетъ абстрактною противоположностью дохристіанской эпохи. Прежде чѣмъ могло осущест-

виться въ мірѣ единство Бога и человѣка, духа и природы, необходимо было во всей строгости поддержать эту противоположность, дабы обнаружилось, что природа безъ духа сама по себѣ несостоятельна и мертва, оттого уже что она являетъ царство разрозненнаго бытія, которое само по себѣ конечно и ничтожно,—необходимо было, чтобы духъ противосталъ плоти, дабы показать, что плоть безъ духа не что иное какъ поприще слѣпыхъ, чувственныхъ побудовъ, и потому сама по себѣ распущена и обречена превратностямъ и тлѣну. Такое безусловное признаніе духа, какъ сущности, въ противоположность природѣ, какъ ничтожеству, есть свойство Среднихъ вѣковъ, эпохи дореформаціонной. Древность жила жизнью природы, какъ дичокъ, а средневѣковая эпоха жизнью духа.

Оттого и самое воспитаніе Среднихъ вѣковъ—абстрактно-духовное. Строго религіозное и церковное, оно рѣшительно держится противоположности между христіанскимъ и языческимъ міромъ; и даже когда оно прибѣгло къ язычеству какъ къ образовательному средству, то пользовалось этимъ лишь для того, чтобы научиться у древнихъ формально-логическому мышленію, діалектикѣ и риторикѣ. Мертвая игра понятіями, которой нѣтъ дѣла до содержанія, губительный для ума формализмъ: вотъ отличительная черта средневѣковаго воспитанія, методъ котораго состоитъ въ строгомъ подражаніи и заучиваніи наизустъ безъ внутренняго живаго соучастія со стороны учащагося; согласно съ развитіемъ націй и религіи, оно и распадается на монашеское — восточной церкви, духовное — западной церкви, и мірское воспитаніе рыцарства и средняго сословія. Монахъ, священникъ и міряринъ: вотъ личности, подлежащія воспитанію до реформаціи.

а) Монашеское воспитаніе восточной церкви.

Восточная церковь разработываетъ метафизику христіанства и размышляетъ объ отношеніи Христа къ Богу и объ единствѣ его божескаго и человѣческаго естества, не приходя впрочемъ ни къ какому умственному выводу, такъ какъ она отстаиваетъ совершенное разъединеніе надмірнаго Бога съ человѣкомъ, несмотря на появленіе богочеловѣка на землѣ. Такой разладъ во взглядѣ ведетъ къ односторонности въ практикѣ воспитанія. Человѣкъ восточной церкви долженъ по настоящему исчезать въ монашествѣ, которое, боясь соблазновъ скупости, сладострастія, непотизма и заблужденія, отрекается отъ имущества, труда, семьи, отъ отвѣтственности за свои собственные поступки и, всилу даннаго обѣта убожества, цѣломудрія и покорности, обезличиваетъ само себя. Монашество, искавшее убѣжища частью въ развра-

щенномъ, частью въ только еще слагавшемся нравственно мірѣ благочестія, само служило свидѣтельствомъ неполнаго нравственнаго сознанія.—Въ восточной церкви признавалась универсальность (вселенскость) человѣка, но лишь въ отреченіи его отъ міра и въ утратѣ его личности — повтореніе того что было на Востокѣ, хотя и съ высшей точки зрѣнія, съ точки христіанства.

Воспитаніе, отвѣчая идеалу людей въ восточной церкви, было монашескимъ. Воспитывать посредствомъ молитвы и созерцанія для церкви и для неба: такова была цѣль воспитанія, ибо исходной точкой была мысль, что человѣкъ принадлежитъ небу. Въ монастырскихъ школахъ поэтому надлежало удалять отроковъ отъ порчи міра. Ознакомленіе съ Библіей и священной исторіей было главною задачей обученія, и взамѣнъ миѳовъ твердили наизустъ расказы о чудесахъ, а взамѣнъ гномовъ—притчи Саломона. Все образованіе въ концѣ концовъ сводилось къ тому, чтобы елико возможно ограничить мышленіе и дѣятельность единичнаго человѣка и уничтожить его самость. Какъ это воспитаніе, такъ и ученіе, находившееся исключительно въ рукахъ духовенства, сузились наконецъ до крайности, когда подъ напоромъ народныхъ переселеній и внѣшней борьбы съ Персами и Арабами рушилась Византійская имперія, между тѣмъ какъ внутренними усобицами—иконоборствомъ и проч.—она истерзала сама себя. Наука нашла себѣ убѣжище въ немногихъ лишь монастыряхъ, и только Бардасъ, подручникъ Михаила, Константинъ Порфирородный, Комнены и Михаилъ Палеологъ пеклись еще о наукахъ и школахъ.

Въ восточной церкви не было ни настоящей жизни, ни смерти, ни воскресенія во Христѣ: было скорѣе только наружное усвоеніе христіанскихъ формъ и формулъ, робкая и цѣпкая привязанность ко внѣшнему явленію, не проникавшая въ ядро и въ сущность. Но вѣдь только отъ явленія доходимъ мы до сущности, отъ шелухи до ядра: въ этомъ-то и заключается значеніе восточной церкви, также и для исторіи воспитанія.

d) Магометанство съ его воспитаніемъ, и схоластически-духовное воспитаніе западной церкви.

Въ противность окостенѣвшей подконецъ восточной церкви, разложившей христіанство въ формулы и рѣшавшей истину на буйныхъ иногда соборахъ, развились подъ вліяніемъ религіи Мугамеда, пророка, поэта, священнослужителя и царя, искусства и науки во всѣхъ Арабами населенныхъ краяхъ, и притомъ, благодаря сочетанію зоркой наблюдательности остраго ума и пылкой чувственности, въ душѣ Араба, съ такою свободною человѣчностью, что у него образовалось естественное родство и, вслѣдствіе того, влеченіе къ сохранившемуся просвѣщенію классической древ-

ности: не только переведены были сочиненія Грековъ, Аристотеля, Эвклида и т. д., но расцвѣли также самобытная поэзія, грамматика, математика, астрономія, медицина и философія. Самъ Мугамедъ правда ограничилъ искусства и науки объясненіемъ корана и стихотворствомъ. Но Абасcиды обратили уже вниманіе на философію, математику и т. д.; они велѣли перевести на арабское сочиненія лучшихъ греческихъ, сирійскихъ и древнеперсидскихъ писателей, основали общественныя школы въ Багдадѣ, Бассорѣ и Куфѣ и завели библіотеки въ Багдадѣ и Александріи. Особенно жь пеклись о наукахъ и искусствахъ Омаяды въ Испаніи, такъ что въ 10-мъ стол., помимо коллегій и элементарныхъ школъ, тамъ считалось 14 университетовъ и 5 публичныхъ библіотекъ, въ которыхъ совмѣстно трудились арабскіе, христіанскіе и іудейскіе учителя. Это мугамедано-арабское образованіе оказало существенное вліяніе на развитіе христіанско-западнаго духа: въ 10-мъ и 11-мъ стол. западные христіане посѣщали арабскія академіи въ Испаніи, и вслѣдствіе того на Западѣ рядомъ съ свободными искусствами все болѣе водворялись науки,—естествознаніе и философія природы, а схоластическая философія стала систематичнѣе, благодаря болѣе близкому знакомству съ Аристотелемъ. Арабы были посредниками между Востокомъ и Западомъ и хранителями классическаго образованія въ такую эпоху, когда восточная церковь окаменѣла во внѣшнихъ формахъ, а Западъ только-что начиналъ свое хаотическое развитіе.

Христіанско-западное образованіе вышло изъ Рима, изъ этой, можно сказать, крайней точки древности, и вслѣдствіе того оно съ самаго начала отличалось направленнымъ на практическое дѣло характеромъ, который вторымъ Римомъ унаслѣдованъ отъ перваго. Это практическое направленіе въ самомъ началѣ развитія обнаружилось тѣмъ, что западная церковь пересадила религіозные вопросы Востока на почву антропологіи и совмѣстила ихъ въ своемъ изслѣдованіи объ отношеніи благодати къ свободѣ. Этотъ практическій смыслъ обнаружился въ западномъ монашествѣ, въ противоположность Востоку признавшемъ и усвоившемъ себѣ трудъ: Бенедиктинцы занимались въ своихъ монастыряхъ науками и искусствами и пеклись о воспитаніи, земледѣліи и ремеслахъ. Благодаря такому практическому смыслу, наконецъ, воспитаніе и обученіе нашли себѣ также и въ Римѣ и вообще въ средѣ романскихъ племенъ плодотворную почву. Носителемъ же духовнаго развитія былъ одаренный отъ природы творческою силою и исполненный религіозности, вѣрности и честности Германецъ, котораго существо было сломлено цѣлымъ рядомъ боевыхъ столкновеній съ Римлянами и вслѣдствіе того, безсодержательное внутри, представило для духовныхъ требованій и для благъ христіанства самую при-

годную почву. Во взаимномъ сопроникновеніи романскаго и германскаго началъ, римскаго христіанства и германской индивидуальности, заключается задача и мощь западной церкви, ея науки и искусства, ея романтики. Оба фактора, какъ римскій, такъ и германскій, наложили на религію особый отпечатокъ, всилу котораго она отринула міръ, какъ нѣчто безбожное и бездушное, и исповѣдниковъ своихъ отвлекла отъ него въ чистую задушевность. Потому-то порывы средневѣкового христіанина изъ предѣловъ дѣйствительности стремились въ надземный міръ, въ царство небесное, и въ тоскѣ по этому царству вращались всѣ помыслы, чувства и дѣла. Въ этомъ стремленіи къ безконечному, таинственному и мистико-символическому коренилась также сложившаяся изъ христіанско-римскихъ и языческо-германскихъ стихій романтика, которая въ противоположность классичности древняго міра съ его изумительнымъ равновѣсіемъ между образующею силой и обработываемымъ предметомъ, была субъективно духовною; въ этой своей субъективной духовности характеризовала она помыслы и дѣла всѣхъ христіанскихъ западныхъ народовъ до реформаціи, всѣхъ обитателей какъ Италіи, Франціи и Испаніи, такъ равно и Германіи и германскаго сѣвера; она же притомъ обнаружилась въ произведеніяхъ искусства и поэзіи, въ монашествѣ и рыцарствѣ, въ свободныхъ и величавыхъ проявленіяхъ мощи при крестовыхъ походахъ, въ тѣсно связанномъ съ германскою дружинною системой лэнномъ государствѣ и въ церковномъ строѣ, возникшемъ изъ христіано-римскихъ стихій. Столицею этого великаго романтическаго духовнаго царства былъ Римъ. Въ Римѣ христіанскіе западные народы до реформаціи обрѣтали свое духовное средоточіе: въ этомъ и заключается великое значеніе папства для исторіи человѣчества. Въ Римѣ пребывалъ духовный государь, папа; съ своими чиновниками, съ духовенствомъ, обязанными въ то же время быть и дѣйствительно бывшими въ средніе вѣка духовными, онъ царилъ надъ духовнымъ міромъ и попиралъ ногою все, что возставало противъ его духовной власти. Христіанская, т. е. папская вѣра и латинскій языкъ, назначенный папою служить всеобщимъ выраженіемъ вѣры, нарѣчіемъ церкви, были хоругвью этого духовнаго царства, этой іерархіи; а схоластика приспѣла подручницей, которой дозволялось мыслить при посредствѣ платоновской и аристотелевской философіи, но не иначе какъ въ предѣлахъ завѣщанныхъ церковью догматовъ, почитаемыхъ безусловно истинными, и выдѣлывать въ этомъ кругѣ свою умственную эквилибристику.

Сообразно характеру германскихъ народовъ, сущность которыхъ заключается въ правѣ свободной личности и которые вслѣдствіе того рано сомкнулись въ корпораціи и сословія, воспитаніе ихъ также сдѣлалось воспитаніемъ сословнымъ.

Но въ действительности существовало одно только настоящее сословіе, передъ которымъ остальныя были ничтожны, и которое потому забрало въ свои руки не только все образованіе, но также и воспитаніе. Промысловое сословіе пользовалось, правда, образовательными заведеніями въ открытыхъ всилу постановленій Карла Великаго приходскихъ или общинныхъ школахъ, гдѣ каждый приходскій священникъ обязанъ былъ печься объ обученіи сельскихъ жителей чтенію, письму и пѣнью; однако духовенство вскорѣ отложило всякія заботы объ образованіи народа, ограничивъ свою дѣятельность отправленіемъ однихъ обрядовъ, а образованіе крѣпостныхъ поселянъ все свелось къ заучкѣ символа вѣры и Отче нашъ.

Духовенство—учащее сословіе—образовывалось какъ въ монастырскихъ, такъ равно въ соборныхъ и каноническихъ школахъ. Хотя эти школы доступны были равномѣрно и для мірянъ, и послѣдніе нерѣдко даже пользовались ими, но въ сущности онѣ все-таки были образовательными заведеніями собственно лишь для духовнаго сословія. Въ каждомъ монастырѣ Бенедиктинскаго ордена находились школы, раздѣлявшіяся на внутреннія — для отроковъ-бѣльцовъ, по обѣту родителей посвященныхъ ордену, и на внѣшнія; послѣднія въ свою очередь распадались на низшія—для первоначальнаго преподаванія и высшія—для всего объема наукъ въ ту эпоху. Соборныя и каноническія школы основаны епископомъ Хордегангомъ въ Метцѣ; онъ первый собралъ воедино священниковъ своего собора, возникшаго большею частью отъ благотворительныхъ учрежденій, для воспитанія юношества по установленному св. Бенедиктомъ правилу (canon; каноники). Этими школами управляли находившіеся въ непосредственномъ вѣдѣньи епископа каноники, а руководили ими схоласты. Во всѣхъ высшихъ школахъ поддерживался суровый и строгій порядокъ: палка господствовала, посты и бичеванія относились къ обычнымъ наказаніямъ. Предметомъ преподаванія были 7 свободныхъ искусствъ: т. наз. тривій: грамматика, діалектика и реторика, и квадривій: музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія. Главною наукою считалось впрочемъ богословіе: остальныя же науки были только прислужницами и должны были покорно подчиняться велѣніямъ послѣдняго. Мірское знаніе было чисто формальное; въ одной лишь религіи духъ обрѣталъ вѣчную свою истину; но даже и религіозная истина была истиной того свѣта; въ настоящемъ же она осуществлялась только въ вѣрѣ, которая въ одной церкви обрѣтала чувственную достовѣрность своей безпредѣльности и вѣчности. Ученіе въ сущности было не свободнымъ развитіемъ, но пустымъ формализмомъ, мелочнымъ дѣломъ памяти; воспитаніе же вело не къ нравственной дѣятельности, но лишь къ наружному ханжеству.

Однако западная церковь съ ея наклонностью къ практикѣ представляла все-таки существенный успѣхъ въ сравненіи съ монашескою косностью Востока. Въ историческомъ развитіи она является представительницей дисциплины и повиновенія въ мысляхъ и дѣлахъ, чѣмъ первоначально обусловлена всякая свобода. Вмѣстѣ съ тѣмъ она же была единственною хранительницей науки и искусства въ ту эпоху, когда Западъ находился въ процессѣ броженія. Ей принадлежатъ схоластическіе философы Ансельмъ Кантерберійскій, Абелардъ, Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій, Дёнсъ Скоттъ и пр.; также монахъ Рожеръ Бàконъ, утверждавшій естествознаніе на математикѣ и опытѣ; ей—и величественные соборы, эти исполинскіе цвѣты изъ камня, и связанное съ зодчествомъ ваяніе; и—церковная живопись, эти катихизисы для простого люда; ей также Амвросій, Гиларій и пр. съ ихъ гимнами; ей наконецъ мужи, радѣвшіе о воспитаніи и обученіи: въ Италіи Марціанъ Капелла съ его книгою de septem artibus liberalibus libri séngulares, этимъ учебникомъ всей западной Европы въ теченіе чуть-ли не цѣлаго тысячелѣтія, Боэтій съ его твореніями de arithmetica, de musica, de geometria etc.; во Франціи епископъ Мартинъ Турскій съ его монастырской школой; въ Ирландіи Патрикъ, основатель училищъ, въ которыхъ обучали чтенію, псалмопѣнію, и письму; въ Англіи Бэда Достопочтенный съ его энциклопедіей, распространявшейся обо всѣхъ тогда извѣстныхъ предметахъ обученія, и Альфредъ Великій, покровитель наукъ и просвѣщенія;—въ Германіи поощряемые Карломъ Великимъ ученые Алькуинъ, Рабанъ Мавръ и пр. Изданные этими мужами учебники даютъ понятіе о состояніи воспитанія и обученія въ Средніе вѣка. Іеронимъ и Августинъ въ своихъ сочиненіяхъ также высказали мысли о воспитаніи и обученіи. Книга „De eruditione filiorum regalium" Винкентія изъ Бовэ въ 1250-мъ г. представляетъ собою первую христіанскую теоретическую педагогику.

Церковь средневѣковаго духовенства и воспитаніе ея были отвлеченностью, крайностью, которая неминуемо перешла въ противуположную крайность. Человѣку, удалившемуся въ тайникъ своей души, надлежало связать между собою природу и міръ и даже осужденнаго за первородный грѣхъ человѣка вновь обрѣсти уже какъ даръ Божьей благодати. Но душа, отвергшая отъ себя природу и міръ, не проникши въ нихъ, сама есть и пребываетъ крайнею внѣшностью,—мірскимъ, чувственнымъ бытіемъ, мертвымъ закономъ и механизмомъ. Этимъ и заканчивается развитіе католической церкви. Духовный государь сталъ мірскимъ властелиномъ. Самое задушевное въ душѣ, вѣра стала внѣшностью, принятіемъ на вѣру случайно свѣданныхъ историческихъ событій. Мо-

настыри, эти пріюты самоотверженности, обратились въ притоны чувственныхъ наслажденій, духовныя лица, представители нравственности и благочинія, блудствовали дотого явно, что приходы ставили обыкновенно условіемъ своему пастырю, привезти съ собою свою „душевную самку", чтобы прихожанамъ не довелось уступать ему своихъ женъ и дочерей.—При такомъ распутствѣ, школы не могли конечно процвѣтать. Монастырскія, соборныя и каноническія училища распались: каноники проживали свои доходы на другое; въ ихъ школахъ мѣсто схоласта занялъ ректоръ, а учителя, которымъ зачастую надлежало довольствоваться одними только получаемыми со школы доходами, должны были сверхъ уроковъ заниматься еще нотаріальными дѣлами капитула или служить разсыльными. Духовенство и его воспитаніе доведены были наконецъ до совершеннаго упадка: во-первыхъ Крестовыми походами, оказавшими косвенно благодѣтельное дѣйствіе на образованье, но непосредственно все-таки повредившими училищамъ; особенно школами Доминиканцевъ и Францисканцевъ; возникшими сперва въ Италіи, потомъ во Франціи и наконецъ въ Англіи и Германіи университетами, которые давали болѣе широкое образованіе нежели монастырскія и соборныя школы; расцвѣтшею городскою жизнью, требованьямъ которой не удовлетворяли болѣе существовавшія доселѣ училища.

c) Міряне и ихъ воспитаніе.

Противоположность между священникомъ и міряниномъ, совмѣщавшаяся въ Карлѣ Великомъ еще воедино, въ слѣдующія за тѣмъ столѣтія перешла во вражду, и мірская и духовная власти вступили въ борьбу другъ противъ друга. Духовенство захватило въ свои руки все духовное развитіе; образованіе все болѣе замыкалось отъ мірянъ; инвеститура и безбрачіе совершенно отрѣшили духовенство отъ свѣта. Наперекоръ этому, міряне взялись наконецъ сами за свое дѣло, и благодаря Крестовымъ походамъ, этой цвѣтущей и богатырской эпохѣ христіанской вѣры, поднята мірянами первая великая ересь противъ церкви, и притомъ ересь на дѣлѣ. Прежде всего рыцарь заявилъ свое право и свою честь, и римскому девизу „вѣра!" онъ противоставилъ знаменемъ „вѣру и любовь!"

1. Рыцарство и его воспитаніе.

Рыцарство съ его пѣвцами, миннезенгерами, и есть та мощная оппозиція на дѣлѣ противъ Рима. Пѣснь миннезенгеровъ чествуетъ женщину, отвергнутую Римомъ, и прославляетъ природу, въ глазахъ церкви совсѣмъ безбожную. Рыцарь любитъ и упражняетъ тѣло, котораго красота считает-

ся церковью за грѣхъ передъ Богомъ; семи свободнымъ искусствамъ духа онъ противоставляетъ семь совершенствъ, состоящихъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ и житейскихъ утѣхахъ, — въ шахматной игрѣ, стихотворствѣ и пр., и говоритъ пофранцузски, тогда какъ церковь изъясняется на одномъ латинскомъ языкѣ. Хотя рыцарь свое христіанское и умственное образованіе все еще пріобрѣталъ въ соборной школѣ, но онъ посѣщалъ также школу придворную, гдѣ пользовался свѣтскимъ образованіемъ и пріучался къ вѣжеству и боевымъ упражненьямъ.

Задачею рыцаря было владѣть по правиламъ искусства оружіемъ на защиту государя и отечества, религіи и церкви, невинности и правды, и блюсти христіанскій образъ жизни. Для этой цѣли онъ методически воспитывался и образовывался въ трехъ періодахъ своей жизни. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ дитя находилось подъ надзоромъ матери, кормилицы и няньки, обязанныхъ пещись о развитіи здороваго тѣла и доставить первоначальную пищу уму. На 7-мъ году отрокъ становился „юнкеромъ:" въ этомъ качествѣ онъ обязанъ былъ сопровождать своего господина на охоту и въ долгій путь, и служить ему и супругѣ его за столомъ; обученіе его заключалось въ урокахъ религіи, правилахъ учтивости, приличія и пр.; часы досуга онъ посвящалъ рыцарскимъ упражненіямъ съ копьемъ и самострѣломъ. На 14-мъ году юнкера вооружали, съ тѣмъ чтобы въ званіи „оруженосца" онъ всюду, на войнѣ и въ мирѣ, сопровождалъ своего господина и былъ всегда готовъ къ услугамъ его жены. На 21-мъ году оруженосецъ посвящался въ „рыцари", приготовясь къ этому постомъ, молитвой, покаяніемъ и пр.—Дѣвицы рыцарскаго званія поучались преимущественно набожности, цѣломудрію и домовитости, этимъ высшимъ добродѣтелямъ женщины. Въ первые года росли онѣ подъ призоромъ матери, пекшейся какъ о внѣшнемъ, такъ и о внутреннемъ ихъ развитіи, а потомъ обучались въ родительскомъ домѣ, въ монастырѣ или при чужомъ княжескомъ дворѣ женскимъ рукодѣліямъ и пѣнію, чтенію и письму, иностраннымъ языкамъ, особенно французскому и латинскому, потомъ также изящнымъ искусствамъ.

Рыцарское воспитаніе было гимнастично-боевымъ, а подкладкою ему служила религія. Но такъ какъ эта религіозная подкладка состояла лишь во внѣшнемъ усвоеніи католическаго ученія, и главная цѣль рыцаря, бой, лишенъ былъ нравственной основы, то рыцарство извратилось въ хищное наѣздничество и „простое воспитаніе въ христіанской любви исказилось въ придворную галантерейность".

Рыцарство было вершинною точкою того восторженно-пламеннаго порыва къ вѣчному, которымъ проникнутъ средневѣковой міръ. Въ этомъ отношеніи оно все еще стояло

на одной и той же почвѣ съ папствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было первою, хотя и безсознательною, хотя еще сродною съ его собственной противоложностью оппозиціею противъ абстрактной церкви и воспитанія духовенства. Въ среднемъ же сословіи эта оппозиція выступила потомъ сознательно.

2. Среднее сословіе и его воспитаніе.

Чѣмъ болѣе распадались между собой монашество и рыцарство, тѣмъ болѣе, благодаря торговлѣ и промысламъ, расцвѣтали городовой бытъ и среднее сословіе съ его девизомъ: „молись и трудись!“ Среднее сословіе противопоставило безбрачію духовенства нравственное значеніе брака и семьи, многоподвижному тунеядству рыцаря—трудъ въ средѣ гражданскаго общества, безжизненной покорности монаха орденскимъ уставамъ и произволу рыцарской прихоти—уставы общиннаго строя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность духовенству и рыцарству, оно избрало родной языкъ для выраженія своей умственной жизни. Оно явилось практическимъ противодѣйствіемъ средневѣковой фантазіи, первымъ проблескомъ и основою новаго духа, который въ мистикѣ противопоставилъ религіозное, собственно германское чувство схоластическому разсудку, исходящему изъ Рима, и въ реформаторахъ до реформаціи, начиная съ Арнольда Брешійскаго и до Виклифа, Гуса, Савонаролы и Везеля, оказалъ нравственную оппозицію противъ безнравственности іерархіи, который изобрѣлъ порохъ, писчую бумагу, книгопечатаніе, почту и карманные часы, который создалъ цвѣтущія произведенія живописи и совершилъ переворотъ въ дѣлѣ воспитанья.

Служившее въ рукахъ церковныхъ органовъ лишь для іерархическихъ цѣлей воспитаніе, съ расцвѣтомъ средняго сословія, вызвало противодѣйствіе себѣ неизбѣжно. Потребность образованія въ среднемъ сословіи уже въ 13-мъ и 14-мъ столѣтіяхъ создала городскія школы, хотя и подчинявшіяся еще духовенству, надъ которыми однако, основавшіе ихъ города, исподволь присвоили себѣ право надзора. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились писарскія школы, въ которыхъ вмѣстѣ съ чтеніемъ и письмомъ обучали также писать письма нѣмецкимъ шрифтомъ; онѣ были независимы отъ духовенства и принимали дѣтей обоего пола: начатки нѣмецкихъ мѣщанскихъ училищъ. Въ латинскихъ школахъ, соблюдавшихъ по образцу соборныхъ школъ и по примѣру учебнаго и воспитательнаго заведенія Гергарда де Грооте, а также подъ вліяніемъ переселившихся въ Италію Грековъ, классическія знанія, все ученіе сосредоточивалось на грамматикѣ; тамъ принимались дѣти какъ изъ высшихъ, такъ и изъ простыхъ сословій. Но подобно нѣмецкимъ школамъ и ла-

тинскія также въ дѣлѣ обученія не шли далѣе затверживанія на память и все еще прибѣгали къ наружнымъ средствамъ наказанія, чтобы укротить необузданный духъ воспитанниковъ.

Образованіе женскаго пола предоставлялось главнѣйше семьѣ. Однако дочери изъ высшихъ сословій пользовались уже школьнымъ обученіемъ, и незадолго до реформаціи въ нѣкоторыхъ городахъ находились уже особыя школы для дѣвицъ.

Учительское званіе той эпохи было снимкомъ съ городскихъ цеховъ и ихъ искусства, пѣнія мейстерзенгеровъ. Ректоръ или наставникъ нанимался магистратомъ какого нибудь города обыкновенно по контракту на годъ, и самъ принанималъ потомъ подмастерьевъ, зависѣвшихъ уже только отъ него. Учительское званіе было ремесломъ, и учитель странствовалъ подобно ремесленнику. Съ странствовавшимъ мастеромъ часто отправлялись въ путь также нѣкоторые изъ его учениковъ: такъ образовались странствующіе ученики, баханты, стрѣлки, сдѣлавшіеся наконецъ язвою края дотого, что противъ нихъ пришлось прибѣгать къ правительственнымъ постановленіямъ. Хотя люди столь сомнительнаго свойства, не надѣленные ни смысломъ, ни склонностью къ учительскому дѣлу, вообще мало споспѣшествовали воспитанію, а все-таки они были (—вслѣдствіе непониманія школьнаго дѣла высшимъ духовенствомъ, вслѣдствіе лѣности и невѣжества священниковъ вообще —) первыми представителями особаго учительскаго званія и вмѣстѣ съ тѣмъ первыми основателями независимой отъ церкви школы.

Подобно школѣ, и наука также пыталась освободиться отъ церкви чрезъ посредство университетовъ. Хотя преподаваніе въ университетахъ и расплывалось въ отвлеченностяхъ, логическихъ опредѣленіяхъ и діалектическихъ выводахъ, но оно все-таки было первою и великолѣпною попыткою высвободить науку изъ-подъ церковной опеки и сдѣлать ее цѣлью самой себѣ, точно такъ же какъ латинскія школы пытались это сдѣлать съ изученіемъ древнихъ классиковъ.

Пересаженныя изъ Греціи и Италіи во всѣ романскіе и германскіе края классическія знанія нанесли самый сильный ударъ схоластикѣ. Петрарка, Боккачіо и Іоаннъ Равенскій заодно съ семьею Медичей были великими и восторженными поклонниками классической древности въ Италіи. Оттого-то ученые выходцы изъ Греціи и застали тутъ воспріимчивую почву для своихъ насажденій. Схоластика была уничтожена въ Италіи. Викторинъ Рамбальдони открылъ учебныя и воспитательныя заведенія и пр. Молодежь изъ Испаніи, Франціи, Англіи и Германіи стекалась въ классическія итальянскія школы, а изъ Италіи въ свою очередь выходили великіе гуманисты, водрузившіе во Франціи, Нидерландахъ и Германіи знанія классической ли-

тературы и науки: Р. и Г. Этьенны, Гергардъ де Грооте, Агрикола, Гегій и др.—Эти столь образованные люди способствовали также и успѣхамъ теоретической педагогики. Къ теоретикамъ принадлежатъ: Вергерій съ его сочиненіемъ „De ingenuis moribus ac liberalibus studiis"; М. Вегій, авторъ науки о воспитаніи. „De liberorum educatione et claris eorum moribus"; Эней Сильвій (папа Пій II): „De puerorum educatione"; Рудольфъ Агрикола: „De formandis studiis epistola"; Десидерій Эразмъ: „De civilitate morum puerilium", „institutio principis christiani", „de ratione studii ac legendi interpretandique auctores" etc.

В. После реформаціи.

Періодъ органическаго воспитанія.

Реформація въ церкви представляетъ собою вовсе не одинокій подвигъ историческаго духа. Коперникъ открываетъ солнечную систему. Колумбъ находитъ подземный, антиподный міръ. Магельянъ показываетъ истинную фигуру земли. Бàконъ является провозвѣстникомъ естествовѣдѣнія. Національности высвобождаются изъ-подъ гнета. Королевская власть выступаетъ впередъ, и противоположность между церковью и государствомъ исчезаетъ. Все это одинъ и тотъ же духъ, что накидалъ уже свои кротовины, основывая университеты и городскія школы, и заявляетъ о себѣ отрывочными словами черезъ средневѣковыхъ мистиковъ въ родѣ Виклифа и Гуса, пока наконецъ черезъ Лютера не сказалъ своей проповѣди на открытой площади. Но этотъ духъ долженъ и могъ какъ не льзя сильнѣе и надежнѣе проникнуть въ міръ единственно только на религіозномъ поприщѣ, и прежде всего на немъ. Религія есть самое глубокое средоточіе жизни, а съ перемѣною средоточія мѣняется также и окружность. Притомъ же въ средніе вѣка церковь захватила и обняла всю сплошь жизнь, потому-то дальнѣйшее развитіе необходимо должно было примкнуть къ церкви. Лютеръ и примкнулъ къ ней. Онъ—олицетворенная реакція совѣсти противъ безсовѣстности іерархіи. Къ живому въ немъ чувству средневѣковой мистики онъ присоединилъ силу воли. Вмѣсто внѣшнихъ догматовъ, у него является искренняя вѣра, вмѣсто ханжества — нравственный подвигъ. Свободная личность человѣка, который опирается на автономію разума, и котораго богорожденная совѣсть въ дѣлахъ религіи не признаетъ ни авторитета духовенства, ни авторитета имперской власти, составляетъ завоеваніе реформаціи. Реформація и эпоха ея домогались единенія объективности древняго міра съ субъективностью среднихъ вѣковъ. Она упраздняетъ противоположность между

Богомъ и міромъ, между духомъ и матеріею въ идеѣ органической жизни и примиряетъ такимъ образомъ субъектъ съ объектомъ, ищетъ и находитъ всюду единство бытія, единство вселенной. Всецѣлому и полному человѣку она возвращаетъ права его и подготовляетъ такимъ образомъ настоящій возмужалый возрастъ человѣчества. По скольку характеръ жизни въ древности былъ эпиченъ, а характеръ жизни до реформаціи лириченъ, по стольку характеръ жизни пореформатской эпохи можетъ быть названъ драматичнымъ.

Новый реформаторскій духъ проявляется также и въ воспитаніи: со всякимъ преобразованіемъ церкви неизбѣжно связано и преобразованіе воспитанія; каждое поступательное движеніе въ церкви сопровождалось также болѣе глубокимъ пониманіемъ воспитанія и обученія. Самъ Лютеръ энергично обращается къ дворянству, бургомистрамъ и городамъ германскаго народа по поводу открытія школъ и пишетъ свой катехизисъ, который вскорѣ вводится въ школахъ. Цвингли издаетъ первую протестантскую педагогику въ „Руководствѣ, какъ похристіански наставлять и воспитывать мальчиковъ". Меланхтонъ, этотъ Praeceptor communis Germaniae (общій наставникъ Германіи), не только пишетъ „de corrigendis adolescentiae studiis" и „de artibus liberalibus", но основываетъ также много ученыхъ школъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существенно сохранились донынѣ, и издаетъ церковный и школьный уставъ, который долго почитался закономъ. Итакъ, сами реформаторы принялись за дѣло воспитанія. Оно и не могло быть иначе всилу ихъ же принципа: вѣдь реформація заявила каждую единичную душу свободною въ Богѣ; а чтобы единичная душа достигла этой свободы,—объ этомъ надлежало печься воспитанію. Оттого оно и пробивается теперь во всѣхъ сословіяхъ къ новой жизни. Въ высшихъ школахъ эллинство своими изящными формами, въ противоположность схоластическому безвкусію, приводитъ въ восторгъ доблестнѣйшіе умы реформаціи, которые поэтому и стараются водворить его въ обществѣ. Университеты становятся настоящими университетами; на нихъ также повѣяло животворнымъ духомъ гуманизма. Воспитаніе народа на самомъ дѣлѣ и началось только съ реформаціи. Потому что хотя починъ къ народнымъ училищамъ и положенъ уже въ писарскихъ школахъ 12-го вѣка; однако съ наступленіемъ реформаціи онѣ не только стали болѣе общими, но и преобразовались изъ простыхъ урочныхъ и учебныхъ школъ въ учебныя и воспитательныя заведенія. Среднее сословіе, въ союзѣ съ монархическою властью, общими силами низвели рыцаря до дворянина, а потому и воспитаніе дворянства, занявшаго теперь иное мѣсто въ государствѣ, не могло уже оставаться исключительно воинскимъ; къ боевой ловкости оно должно было присовокупить еще умственное образо-

ваніе, вскорѣ—по мѣткому выраженію Розенкранца—поставившее себѣ практическою цѣлью подражать въ маломъ видѣ пріемамъ неограниченнаго державца. Съ этой поры воспитаніе охватываетъ всѣ сословія и стремится путемъ развитія направить каждую индивидуальность сообразно даннымъ ей отъ Бога способностямъ къ вѣчной цѣли ея. Оно старается гармонически развить человѣка и привести его такимъ образомъ въ гармонію съ человѣчествомъ, природой и Богомъ: это—воспитаніе органическое.

Оно разбивается на три періода: абстрактное христіанско-теологическое воспитаніе, представляющее себѣ христіанина вразрѣзъ съ человѣкомъ; абстрактно-человѣчное воспитаніе, ставящее человѣка все еще вразрѣзъ съ христіаниномъ, и—христіанско-гуманное воспитаніе, сознающее единство Христа съ человѣкомъ въ идеалѣ богоподобія и стремящееся развить это единство въ каждой индивидуальности.

а) Абстрактное христіанско-теологическое воспитаніе.

Реформаторы стремились вообще къ распространенію ученаго образованія, съ цѣлью добыть такимъ путемъ людей науки, для занятія церковныхъ и свѣтскихъ должностей. Они имѣли также въ виду основать учебныя заведенія для всѣхъ классовъ народа. А вмѣстѣ съ тѣмъ, считая школу опорою своихъ реформаторскихъ стремленій, они пытались сдѣлать ее опять-таки церковнымъ учрежденіемъ, почему главною задачею школы и ставили ученіе въ духѣ христіанства: что̀ въ глазахъ реформаторовъ было необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго успѣха, а послѣ нихъ, въ рукахъ буквоѣдовъ, служило орудіемъ для подавленія свободнаго развитія въ школѣ. Сами реформаторы проложили уже путь къ такому порабощенію духа. Они освободили душу въ самомъ человѣкѣ. Когда же пришлось отстаивать этотъ задушевный міръ во внѣ, то у нихъ не оказалось иныхъ средствъ, кромѣ только одной схоластической логики, которая въ теченіе шести вѣковъ служила орудіемъ духа и въ понятіяхъ которой они сами выросли. Вслѣдствіе этого, такъ какъ свободный духъ реформаціи коснѣлъ на теологическомъ поприщѣ въ формальностяхъ и взаимной враждѣ партій; то и школѣ пришлось еще разъ пробиваться суровымъ путемъ схоластики, пока она, заодно съ церковью, не окрѣпла въ вѣрѣ, въ этомъ свободномъ порывѣ человѣческой души къ божественному началу, которое душа стремится воспринять въ себя и осуществить въ жизни. Такое развитіе суждено было пройти какъ протестантству, такъ и и католичеству. Въ католической

церкви въ 16-мъ вѣкѣ тоже началась новая жизнь, оказавшая вліяніе на школы и поощряемая болѣе всего стремленіемъ не уступать протестантамъ въ образованіи и учености.

Абстрактное христіанско-теологическое воспитаніе прежде всего заявляетъ себя въ видѣ іерархизма, выступающаго въ католичествѣ какъ іезуитизмъ, а въ протестантствѣ какъ ортодоксія (правовѣріе),—все это благодаря порожденному тридцатилѣтнею войною матеріальному и духовному варварству. Воспитаніе такого рода продолжается затѣмъ и развивается далѣе въ піэтизмѣ Спенера, съ протестантской стороны, и въ янсенизмѣ—со стороны католичества.

1. Іерархизмъ

возобновляетъ и пытается примѣнить къ дѣлу еще разъ послѣ реформаціи схоластическое дореформаторское воспитаніе, ставя себѣ цѣлью не предметы, а слова, не истины, а формулы,—вообще абстрактное благочестіе и искусную рѣчивость.

Іезуитизмъ служитъ представителемъ реформаціи въ предѣлахъ католичества и вмѣстѣ съ тѣмъ оппозиціей протестантизму. Онъ обращается къ душѣ, истомленной сомнѣніемъ и къ чувственности, къ честолюбію, къ людской корысти. Свободу реформаціи онъ побораетъ своею собственной свободой, состоящей въ отрицаніи свободы и слѣдовательно въ отрицаніи человѣческой сущности, нравственности и христіанства. Но онъ преслѣдуетъ свои цѣли съ умомъ проницательнымъ; ему принадлежатъ и составляютъ его истинныя, вполнѣ преданныя ему орудія одни только люди остраго разсудка, считающіе человѣка дикимъ звѣремъ, котораго слѣдуетъ обуздать, для того чтобы господствовать надъ нимъ. Іезуитизмъ проникъ съ своими ученіями и правилами въ церковь, школу и семью. Каждой единичной личности назначалось и назначается въ немъ положеніе, отвѣчающее ея дарованіямъ. Вліяніе на систему воспитанія, доставленное іезуитизму особенно Клавдіемъ Аквавивою, было значительно и весьма обширно. Въ школахъ, бывшихъ либо семинаріями для будущихъ іезуитовъ, либо конвикторіями (сообителями), пансіонами и воспитательными заведеніями для мальчиковъ изъ иныхъ сословій, и посѣщаемыхъ принцами и графами, а также бѣдными даровитыми дѣтьми, и восхваляемыхъ нѣкоторое время даже со стороны протестантскихъ педагоговъ, вмѣстѣ съ древнеклассическими языками преподаютъ математику, исторію и естествознаніе; впрочемъ въ нихъ поддерживается также опрятность, хорошій уходъ, тѣлесное движеніе и веселыя игры, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращается вниманіе на тѣлесную и духовную индивидуальность воспитанниковъ. Преподаваніе сведено на точный

механизмъ. Развивая преимущественно память, подавляютъ высшія способности мышленія и пренебрегаютъ чувствомъ. Само же воспитаніе, путемъ слѣпого повиновенія ученика учителю, взаимнаго шпіонства въ средѣ учениковъ и угодничества передъ начальствомъ, отъ котораго зависятъ питомцы, ведетъ къ нравственному растлѣнію.

Ортодоксія 16-го и 17-го вѣковъ является въ протестантизмѣ повтореніемъ католичества. Система ея—совершенно разсудочная лишь система. Религіозное чувство не осмѣливается заявлять о себѣ. Люди только по наружности считаются находящимися или внѣ или въ предѣлахъ церкви: вѣрующими—а этихъ только и называютъ здѣсь христіанами—или же невѣрующими, обреченными на вѣчную муку. Вѣра, выражающая не что иное какъ свободу дѣтей Божьихъ, увѣренность въ царствѣ истины, красоты и добра, средоточіемъ чему самъ Богъ, должна неминуемо закоснѣть въ мертвой буквѣ. Человѣкъ лишается всего божественнаго, а потому въ душѣ его нѣтъ источника божественнаго начала: оно дается ей извнѣ и слѣдовательно навязывается ей деспотическимъ авторитетомъ, такъ чтобы она слѣпо подчинялась послѣднему. Такимъ образомъ бездушіемъ уничтожается тутъ и нравственно отрицается та глубокая искренность и свободная субъективная духовность, благодаря которымъ реформація съ такимъ торжествомъ сокрушила католичество, утратившее вѣру само въ себя. Система ортодоксіи съ ея вѣрою въ букву, съ ея велемудрыми преградами представляетъ по внѣшности то же самое, что ученіе ея по внутреннему своему содержанію,—католическую схоластику. Церковь стала полицейскою церковью, а въ параллель съ этимъ развилось также и полицейское государство.

При господствѣ такой системы, ученіе и воспитаніе должны были конечно состоять лишь въ усвоеніи на память набора словъ и формулъ; относительно же свободной умственной гимнастики и развитія всѣхъ душевныхъ способностей ортодоксальное воспитаніе находилось рѣшительно на средневѣковой, схоластической почвѣ. Сельскія школы раздѣляли своихъ учениковъ на три отдѣла, изъ которыхъ первый складывалъ буквы, второй переходилъ къ слогамъ, а третій читалъ и писалъ. Въ латинскихъ школахъ говорили только полатыни. Въ княжескихъ преподавали по части религіи loci theologici Меланхтона и сверхъ-того латинскій, греческій и еврейскій языки, діалектику и реторику: все это въ чисто схоластическомъ тонѣ. Во всѣхъ школахъ механически затверживались протестантскіе догматы, и все преподаваніе, даже счета и латинской грамматики, предписывалось вести религіозно, т. е. ортодоксальнотеологично. Палка, примѣняемая къ дѣлу даже въ высшихъ классахъ гимназій, служила впрочемъ далеко еще не са-

мымъ суровымъ средствомъ воспитанія. Послѣднее имѣло цѣлью представить землю юдолью плача, а жизнь безотрадною и ничтожною. Фразы по части познаній и нравственности вдалбливались насильственными мѣрами: ученики задыхались въ формализмѣ, тупѣли и грубѣли.

А все-таки іерархическое воспитаніе было не только необходимымъ моментомъ въ развитіи воспитанія вообще, но также первичнымъ, хотя и грубымъ зародышемъ нашего современнаго воспитанія. Необходимо было прежде всего пріучить духъ къ строгочинности, заставить его отречься отъ личнаго самомнѣнія, надлежало сперва побороть послѣднее, чтобы разумъ человѣка могъ наконецъ воспользоваться своимъ державнымъ правомъ. Въ то же время сдѣланъ первый починъ къ настоящей организаціи школьной системы. Съ этихъ поръ назначались постоянные учителя, и имъ поставлялось первымъ условіемъ вести строго нравственную жизнь. Открывались школы для всѣхъ сословій, и также особыя для дѣвицъ. Въ устройство школъ введены планъ, связь и порядокъ. Воспитаніе получило практическую форму, и духу, которому предстояло руководить имъ впослѣдствіи, уготовлялось надежное убѣжище.

2. Піэтизмъ.

Односторонняя разсудочность вызываетъ столь же одностороннюю чувствительность, за іерархизмомъ слѣдуетъ піэтизмъ, за ортодоксіей—піэтизмъ Спенера, за іезуитизмомъ—янсенизмъ.

Принятіемъ Августинова ученія о необоримой благодати и о безусловномъ предопредѣленіи Божіемъ касательно выбора и отверженія, янсенизмъ осуществилъ протестантскій догматъ въ нѣдрахъ католической церкви, оставаясь католическимъ относительно ученія о церкви и таинствахъ. Янсенисты были представителями чувства противъ сухаго іезуитскаго разсудка, глубокой искренности души противъ пагубнаго для нравовъ іезуитскаго пробабилизма. Они осуществили свои начала воспитанія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ Поръ-Рояля. Стремленіе къ искренности, ими здѣсь поддерживаемое, было неоспоримо ихъ правымъ дѣломъ. Но собственно и они не освободились отъ той противоположности, которой избѣгали и съ которою ратовали: іезуитизмъ уничтожаетъ индивидуальность, превращая ее въ машину, а янсенизмъ уничтожаетъ ту же индивидуальность, распуская ее въ чувствѣ грѣховности. То же самое было и въ области протестантизма.

Піэтизмъ, въ противность буквоѣдной ортодоксіи, освобождаетъ, правда, человѣка отъ внѣшняго авторитета, отъ господства церкви и догматическихъ споровъ и отстаиваетъ жизнь чувства, внося въ личность объективно-божественное

начало; зато онъ уничтожаетъ особь абстрактнымъ отчужденіемъ ея отъ свѣта, осуждаетъ свѣтское образованіе и свѣтскую ученость и страшится жизни, основанной на истинно-конкретной нравственности. Согласно съ этимъ, воспитаніе піэтистовъ старается возбудить въ ученикахъ прежде всего чувство совершеннаго ничтожества и сиротства передъ Богомъ, съ тѣмъ чтобы потомъ представить доведенной до отчаянья душѣ въ лицѣ Христа благонадежный якорь спасенія. Всякое веселье и всякое чувственное наслажденіе строго возбраняются. Установляется суровая нравственная полиція; вводится обособляющая замкнутость. Библія, катехизисъ и молитвенникъ—единственныя книги, которыя надо изучать: духовная поэзія и музыка допускаются лишь изъ снисхожденія; философія же изгоняется какъ предметъ опасный. — При всемъ томъ, благодаря Спенеру, изъ піэтизма вышли глубоко проникшія въ жизнь творенія и дѣла любви, и лишь дальнѣйшіе его приверженцы, не отважившіеся последовательно провесть требованье субъективности, извратили его въ узкую и мелочную, уничтожающую міръ систему; такъ что піэтизмъ все-таки животворно и благодѣтельно повліялъ не только на начало истинной религіи въ церкви, но также и на развитіе воспитанія. Спенеръ былъ великій катехетъ. Гернгутъ олицетворялъ въ себѣ „христіанскаго Пиѳагора". А. Г. Франке, твердый въ вѣрѣ, обращалъ также вниманіе и на свѣтское образованіе; онъ положилъ сословное образованіе въ основу своихъ школьныхъ учрежденій и внесъ реальныя знанія въ программу гимназіи. Рядомъ съ этими мужами, І. Ланге написалъ свою латинскую грамматику, Гофманъ свою популярную физику и естественную исторію для народныхъ школъ, пріурочивъ ее къ чтенію библіи, Гекеръ свою ботанику, анатомію и физіологію для школъ, Бюшингъ свои расказы для дѣтей, Рамбахъ, читавшій въ Іенѣ и Гисенѣ педагогическія лекціи, своего „Благоразумнаго наставника", Зульцеръ „Разумныя мысли о воспитаніи и наставленіи дѣтей и т. д.", гернгутскій епископъ Лайритцъ „Разсужденія о воспитаніи дѣтей".

b) Абстрактно-человѣчное воспитаніе.

Независимо отъ односторонняго христіанско-теологическаго воспитанія, въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ возникла еще другая педагогическая теорія, содержащая въ себѣ зародышъ всего современнаго развитія системы воспитанія и обученія и потому существенно способствовавшая успѣшному движенію впередъ, за предѣлы абстрактно-теологическаго воспитанія. Такими теоретиками въ 16-мъ столѣтіи были Валентинъ Тротцендорфъ, добивавшійся живого діалогическаго способа преподаванія и установившій строгую дисципли-

ну—и Іоаннъ Штурмъ, освободившій свою школу по мѣрѣ возможности отъ теологіи, тѣсно связавшій между собою въ преподаваніи знаніе словъ и предметовъ и переходившій отъ нагляднаго представленія къ понятію, отъ аналитическаго разбора къ синтетическому развитію; онъ же упражнялъ въ равной мѣрѣ какъ память, такъ и разсудокъ, и не заставлялъ заучивать того, что не было объяснено ученику предварительно. Семнадцатое столѣтіе бодро двинулось по проложенному пути, оно начертало новые проекты, изъискивало методы болѣе легкаго и краткаго энциклопедическаго преподаванія и пыталось преобразить безнравственный призракъ въ нравственную суть. Однимъ изъ представителей этого направленія, былъ Вольфгангъ Ратихъ съ его слѣдующими правилами преподаванія: „Все должно идти по порядку или согласно ходу природы; не слѣдуетъ приниматься за нѣсколько предметовъ вдругъ; сначала все на родномъ языкѣ: сперва предметъ самъ по себѣ, потомъ уже свойство предмета; все выводить изъ опыта и изслѣдованья по частямъ, наизустъ ничего не заучивать“. Занимъ слѣдовалъ Амосъ Коменіусъ, введшій въ школу нѣмецкій языкъ, поставившій правиломъ наглядный методъ, связавшій самымъ тѣснымъ образомъ знаніе предметовъ съ знаніемъ словъ и разсматривавшій сперва предметъ въ цѣломъ, а послѣ—его части, развивавшій сперва органы чувствъ, потомъ память, затѣмъ смыслъ и потомъ уже сужденіе. Джонъ Локкъ наконецъ выставилъ главнымъ правиломъ воспитанія, что здоровая душа можетъ быть въ здоровомъ только тѣлѣ, а потому предписывалъ тѣлесныя упражненія и игры для отдыха; онъ снабдилъ кубики и игрушки буквами и слогами, для того чтобы дѣтей играя научить чтенію; въ основу педагогики онъ требовалъ опытъ и наблюденіе; изгналъ палку изъ школы и хотѣлъ, бережно направляя волю, воспитать къ добродѣтели.

Таковы были начала, на которыхъ созидалось абстрактно-человѣчное воспитаніе, котораго сущность была борьба съ абстрактнымъ христіанско-теологическимъ воспитаніемъ.

Духъ свободы вступилъ въ рѣшительную борьбу съ буквоѣдною теологіей ортодоксіи и растлѣнною чувствительностью піэтизма. Декартъ провозгласилъ духъ — самосознаніемъ, и французская философія смѣло возвѣстила самостоятельность особи. Въ Англіи Бàконъ и Гоббзъ пытались природу подчинить духу, а деисты личность хотѣли поставить судьею надъ религіей. Спиноза опровергъ противоположность между духомъ и природой, а Лейбницъ понялъ явленіе какъ жизнь и дѣйствительность духа. Вотъ та почва, на которой возникъ въ Германіи періодъ вольномысленнаго просвѣщенія, героемъ котораго является Фридрихъ Великій, основатель протестантской державы, возвѣ-

ствившій полную свободу вѣроисповѣданія въ своемъ знаменитомъ приговорѣ: „Всѣ религіи должны быть терпимы, и власть должна лишь наблюдать за тѣмъ, чтобы ни одна изъ нихъ не наносила ущерба другой, ибо здѣсь каждому должно быть вольно домогаться блаженства на свой ладъ“. Этому направленію духа Вольфъ придалъ научное выраженіе въ своей философіи, всилу которой не слѣдуетъ говорить ни о какомъ предметѣ, не представивъ объ немъ напередъ яснаго понятія, ничего не принимать безъ доказательства. Деизмъ съ его „высшимъ существомъ“ замѣнилъ собою положительную религію во всеобщемъ настроеніи и міросозерцаніи этого періода просвѣщенія, котораго девизъ философъ въ Сансуси высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Самое важное на свѣтѣ, хорошо пожить, быть здоровымъ, имѣть друзей и пользоваться душевнымъ спокойствіемъ“.

На этой-то основѣ, подготовленной для воспитанія уже теоретиками 16-го и 17-го столѣтій, развилась новая школьная и учебная система. Правительственными указами повелѣвалось основать мѣщанскія, сельскія и дѣвичьи школы, а въ качествѣ метода предписывались наглядность, постепенный переходъ отъ легкаго къ трудному, развитіе памяти и образованіе для жизни. Школа стремилась стать сама себѣ цѣлью, сдѣлаться самостоятельною и органомъ цѣлаго государства, а гуманизмъ и реализмъ — хотя также противоположные другъ другу—старались вести ее къ этой цѣли, освобождая особь отъ мертвящей схоластики іерархизма и отъ растлѣнной чувствительности піэтизма, но впадая при этомъ въ другую крайность и имѣя въ виду чисто-свѣтское воспитаніе, отвергающее все специфически-христіанское.

1. Гуманизмъ

поставилъ себѣ цѣлью изученіе латинскаго и греческаго языковъ; углубляясь въ классическую древность и въ памятники античнаго искусства, онъ пытается образовать чисто человѣческія помыслы и возбудить въ особи идею человѣчества. Дабы освоить съ этими воззрѣніями юные умы, представители этого принципа, филологи, обработывали особенно учебники, грамматики и лексиконы. Между авторами филологическихъ сочиненій первое мѣсто занимаютъ: Целларій, І. М. Геснеръ, Х. Г. Гейне, Эрнести и Ф. А. Вольфъ. Гуманизмъ, въ противоположность реализму, отстаиваетъ формальный принципъ воспитанія и утверждаетъ, что дѣло преподаванія состоитъ не въ пріобрѣтеніи положительныхъ знаній, но преимущественно въ упражненіи и укрѣпленіи умственныхъ силъ. Впрочемъ, вмѣсто того чтобы ввести питомца въ истинно человѣческую область, т. е. въ развитіе исторіи, онъ знакомитъ его лишь съ Греціей и Римомъ, и вмѣсто того чтобы дѣйствительно развить умъ, отчуждаетъ питомца отъ окружающей дѣйствительности и дѣлаетъ

его черезъ это неумѣлымъ, непрактичнымъ и просто безтолковымъ.

2. Реализмъ

особенно налегаетъ на окружающую дѣйствительность и, въ противоположность гуманизму, считаетъ сущностью преподаванія реальныя свѣдѣнья, т. е. пригодныя въ жизни знанія математики, физики, географіи, исторіи и новѣйшихъ языковъ, доказывая притомъ, въ противность ортодоксіи и піэтизму, что смертному приходится не только совершить путь къ небу, но и прожить еще на землѣ, а потому земная жизнь для него также имѣетъ значеніе и цѣну. Для воспитанія цѣльнаго индивидуальнаго человѣка реализмъ укрѣпляетъ тѣло гимнастикой и суровою жизнью, а умъ развиваетъ путемъ подражанія природѣ, пользуясь удобнымъ случаемъ, играми, діалогическимъ способомъ и присоединяя къ слову наглядность. Палка и розги совсѣмъ изгоняются изъ школы. Воля должна руководиться не рабскимъ повиновеніемъ, но разумною законностью. Воспитаніе имѣетъ въ виду непосредственную практику, и цѣль его—чистый человѣкъ, стоящій выше всякой національности. Однако такимъ образомъ живая индивидуальность улетучивается точно такъ же какъ и въ гуманизмѣ, и реалистъ съ его идеаломъ естественной правды, который мнится ему въ первобытномъ естественномъ человѣкѣ, дошелъ до такой же отвлеченности, какъ и гуманистъ, искавшій и нашедшій своего идеальнаго человѣка въ Греціи и Римѣ. Руссо хотѣлъ воспитать этого первобытнаго человѣка въ противоположность всякой культурѣ. Онъ считалъ его добрымъ отъ рожденія. Его надлежало образовать путемъ опыта. Духовныя и тѣлесныя способности его должны были развиться сами собою. О Богѣ онъ впервые долженъ услышать лишь въ лѣта юности. Этотъ идеалъ, ведущій прямо въ первобытные лѣса, Базедовъ пытался выполнить на практикѣ: въ своемъ Филантропинѣ онъ домогался образованія для жизни, назначивъ реальныя знанія главными предметами преподаванія, исходя при всякомъ обученіи отъ нагляднаго способа и поставивъ цѣлью воспитанія тѣлесное развитіе и воздѣлку ума. „Эмиль, или о воспитаніи" Руссо и „Первоначальное руководство" да еще „Книга методовъ для отцовъ и матерей семействъ, а равно и для народовъ" Базедова суть евангеліе реализма; а представителями его были Кампе съ своимъ „Робинзономъ", Зальцманъ съ своимъ воспитательнымъ заведеніемъ въ Шнепфенталѣ, Гутсъ Мутсъ, авторъ первой гимнастики, Роховъ съ его „Другомъ дѣтей."

Общечеловѣческія начала воспитанія повели къ дальнѣйшему развитію школьныхъ системъ, какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ земляхъ. Въ Австріи, благодаря попеченіямъ Маріи Терезіи и Іосифа II, въ каж-

дой провинціи возникло по одной нормальной школѣ, гдѣ образовывались учителя для другихъ школъ и гдѣ предметами преподаванія были: законъ Божій, чтеніе, чистописаніе и орѳографія, счетъ и счетоводство, нѣмецкая грамматика, сочиненія на заданную тему и латинскій языкъ, исторія и географія, основныя начала межеванія и архитектуры и т. д.; въ большихъ городахъ и въ монастыряхъ были учреждены нѣмецкія главныя школы, обучавшія закону Божію, чтенію, чистописанію и орѳографіи, счету и счетоводству, нѣмецкому языку съ сочиненіями, латинскому языку, исторіи съ географіей и пр.; въ мелкихъ городкахъ, мѣстечкахъ и селахъ — народныя школы, въ которыхъ преподавались религія, чтеніе, письмо, счетъ и пр. Школьное обученіе двинулось впередъ какъ въ Австріи, такъ то же и въ Мюнстерѣ, Майнцѣ, Баваріи, Зальцбургѣ и т. д. Впрочемъ образованіе учителей въ католическихъ странахъ уподоблялось скорѣе дрессировкѣ; руководства предписывались свыше, и въ школахъ былъ введенъ Сагановскій методъ, состоявшій главнѣйше въ механическомъ заучиваніи. Въ протестантскихъ странахъ новыя начала воспитанія сильно овладѣли умами, и плодомъ ихъ были мѣщанскія, реальныя, промышленныя, военныя, коммерческія училища и лѣсные институты. Это было всеобщимъ противодѣйствіемъ какъ суевѣрію ортодоксіи, такъ и пустому формализму ученыхъ школъ. Латинскія городскія училища преобразовались либо въ ученыя, либо въ мѣщанскія школы. Гимназіи съ своимъ формальнымъ образованіемъ при посредствѣ латинскаго и греческаго языковъ играли, правда, важную роль передъ другими школами, но вслѣдствіе закона объ испытаніи учащихся онѣ сами въ себѣ лишены были не только общей цѣли, но также общаго учебнаго строя и научнаго испытательнаго комитета. Притомъ же центръ тяготѣнія эпохи находился не въ нихъ, а въ реальныхъ и мѣщанскихъ школахъ. Въ реальныхъ и мѣщанскихъ школахъ преподавались религія, чистописаніе и орѳографія, нѣмецкій языкъ, рисованіе, счетъ, общеполезная математика, свѣдѣнья о человѣкѣ, естественная исторія и физика, исторія и географія, пѣніе, знаніе промысловъ и отечественное законодательство, сверхъ того основныя начала латинскаго и французскаго языковъ. Въ народныхъ школахъ къ прежнимъ учебнымъ предметамъ прибавлены еще нѣмецкій языкъ, умственныя упражненія, счетъ въ умѣ, рисованіе и черченіе, также общеполезныя знанія. Для образованія учителей основывались учительскія семинаріи. Въ противоположность іерархическому и піэтическому періоду воспитанія, теперь стало преобладать обученіе, и главною цѣлью его было достичь пониманія, тогда какъ воспитаніе въ собственномъ смыслѣ низошло до простой школьной дисциплины. Народная школа начала вновь освобождаться отъ церкви, и правительства стали

смотрѣть на нее какъ на государственное учрежденіе. Просвѣщеніе сдѣлалось лозунгомъ какъ въ нѣдрахъ церкви, такъ и въ школѣ.

c) Христіанское гуманное воспитаніе.

Германская философія, это величавое умственное движеніе всѣхъ вѣковъ, сравнимое развѣ лишь съ Платоно-Аристотелевскою эпохою, положила конецъ извращенному въ одинъ пустой лоскъ просвѣщенію, которое, вопреки историческому смыслу, провозгласило разсудочный догматизмъ, загубившій во имя верховенства разсудка все живое; и въ то же время французское вольнодумство вызвано было на судъ въ видѣ кроваваго призрака французской революціи. Германская философія и французская революція — вотъ два краеугольныхъ камня, на которыхъ создалась современная эпоха: первая провозгласила свободу ума въ наукѣ, а послѣдняя устранила остатки феодальнаго и сословнаго государства и съ оружіемъ въ рукахъ отвѣтила на вопросъ: „что значитъ третье сословіе". Этотъ жившій въ обѣихъ духъ, сознавшій, что божество присуще міру и человѣчеству и что человѣкъ немыслимъ безъ божественнаго начала, что божественный законъ начертанъ въ душѣ человѣка и что, слѣдовательно, свобода не что иное какъ полное господство самого духа человѣческаго — этотъ именно духъ подсказалъ поборнику духа, Лессингу, вѣскія слова его критики; онъ вложилъ глубочайшее германское чувство въ пылкую грудь Шиллера и вѣщалъ устами Гёте, этого цѣльнаго человѣка и величайшаго Германца, этого царя поэзіи. Въ области теологіи Шлейермахеръ далъ анализъ сущности религіи и обрѣлъ въ ней живой источникъ и самый глубокій корень всякой духовной жизни, первичную силу человѣческой души. Критика воспользовалась вольнымъ просторомъ на вновь отвоеванномъ поприщѣ и повела къ спекулятивной теологіи, которая съумѣла поладить съ современнымъ, успѣхами наукъ просвѣтленнымъ сознаніемъ и возстановить единство религіознаго воззрѣнія. Она хочетъ воплотиться въ свободной общинной церкви. Естественныя науки, вѣрные сподвижники духа въ борьбѣ за освобожденіе человѣчества, изслѣдовали затѣмъ небо и землю и постигли ихъ законы: Леверрье, на вѣчное торжество науки, прежде открытія планеты Нептунъ въ міровомъ пространствѣ, открылъ ее при посредствѣ одной лишь человѣческой мысли, путемъ теоріи, а великій представитель естественныхъ наукъ, Александръ Гумбольтъ въ своемъ „Космосѣ" связалъ органически всѣ выводы естествознанія; въ то же время паровозъ и электромагнитный телеграфъ окрылили тѣло и мысль, а знаменательныя изслѣдованія въ области физіологіи и психологіи вернули человѣка изъ пространственнаго далека къ самому себѣ. Завѣса,

скрывавшая таинственный ликъ въ Саисѣ. нашу психею, спадаетъ все болѣе и болѣе, и антропологія представляетъ уже болѣе прочную основу какъ для теоретической, такъ и для практической педагогики. Вызванный развитіемъ наукъ, особенно же естествознанія, переворотъ и размахъ промышленности необходимо повлекли за собою благосостояніе гражданъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе послѣднихъ къ образованію, которое въ свою очередь возвысило какъ ихъ самихъ, такъ и промышленность: оттого забота о воспитаніи стала теперь прямо народнымъ дѣломъ.

Противоположность между формальнымъ и матеріальнымъ принципами воспитанія, по поводу которой гуманизмъ и реализмъ ратовали другъ противъ друга, была устранена благодаря Песталоцци, и воспитаніе вмѣстѣ съ тѣмъ проникло въ низшіе слои общества, тогда какъ гуманизмъ ограничивался только высшими сословіями, а реализмъ, хотя и пытался пріурочить къ себѣ мѣщанъ и дворянъ, католиковъ и протестантовъ, а все-таки въ своемъ воспитательномъ планѣ былъ расчитанъ на одни лишь болѣе знатныя семьи попреимуществу. Песталоцци въ истинномъ смыслѣ слова—отецъ народнаго воспитанія. Каждому человѣку должна быть дана возможность образоваться и достичь самостоятельнаго промысла: таково его требованье. Свой идеалъ человѣческой жизни онъ пытается осуществить путемъ образованія при посредствѣ формы, числа и языка, и при помощи нагляднаго преподаванія. Онъ хочетъ развить человѣка изнутри.

На этой почвѣ принциповъ песталоцціевскаго воспитанія подвизается современная народная школа. Оттого она и носитъ въ себѣ всѣ преимущества равно какъ и всѣ недостатки Песталоцци. Задачею ея стало развить дитя гармонично, примѣнить наглядный способъ ко всѣмъ предметамъ преподаванія, возбудить свободную дѣятельность ума, проходить каждый изъ учебныхъ предметовъ въ постепенной, но непрерывной прогрессивности и притомъ такъ, чтобы ученикъ всегда изучалъ и дѣлалъ все сознательно. Школьная дисциплина служитъ лишь внѣшнимъ средствомъ для поддержки обученія. Народная школа предназначена быть учебнымъ и воспитательнымъ заведеніемъ не для одного только сельскаго люда и не только для низшихъ мѣщанскихъ сословій; напротивъ, она предназначена и должна быть начальною школою для всѣхъ сословій и необходимою основою всеобщаго образованія. Предметами преподаванія въ ней—законъ Божій, чтеніе, письмо, счетъ, нѣмецкій языкъ, пѣніе и общеполезныя знанія. — Настоящее время хочетъ, чтобы всѣ школы были воспитательными заведеніями. По мысли Песталоцци, теперь требуется, чтобы ученіе налегало не столько на отрывочныя свѣдѣнія, сколько на познаніе; вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется еще въ виду, чтобы шко-

ла охватила и образовала всѣ стороны развивающагося человѣка—не только духовныя, но также и тѣлесныя. Обращается вниманіе на образованіе не только ума, но также чувства и воли. Предметы преподаванія должны, правда, служить средствомъ; тѣмъ не менѣе однако надлежитъ расцѣнить ихъ по значенію, которое они имѣютъ сами по себѣ, и питать и развивать духъ только самымъ что ни есть лучшимъ. Теперь убѣдились наконецъ, что человѣкъ развивается путемъ претворенія въ себя и воспроизведенія, а потому нынѣ обращаютъ вниманіе не только на выполненіе постигнутаго, на умѣнье, но стараются также возбудить и развить въ отрокѣ творческія силы.

Послѣднее требованіе выдвинулъ впередъ человѣкъ, исполненный подобно Песталоцци любви къ человѣчеству и оттого понявшій, въ чемъ именно нуждается воспитаніе. Фридрихъ Фрёбель, къ азбукѣ наглядности Песталоцци, присовокупилъ еще азбуку самодѣятельности.

Ученыя школы развиваются нынѣ съ такимъ же животворнымъ успѣхомъ. Для гимназій учреждена научная испытательная коммиссія и государственный экзаменъ. Но такъ какъ вслѣдствіе болѣе строгихъ испытаній при выходѣ изъ гимназіи ученикамъ предъявляются болѣе обширныя требованья, то Лоринзеръ выразилъ весьма энергичныя жалобы „для защиты здоровья въ школахъ", тогда какъ Кёхли въ свою очередь находитъ смѣшнымъ то, что при чрезвычайномъ развитіи естественныхъ наукъ, при современной мiровой торговлѣ и современныхъ сношеніяхъ, классически образованный человѣкъ кичится своею будто-бы высшею гуманностью; вслѣдствіе этого и заявляется требованье, чтобы въ гимназіяхъ отмѣнили латинскіе разговоры, ограничили латинскія сочиненія и пр. Однако въ послѣдніе годы еще разъ, заодно съ церковною реакціей, возобновились попытки провести отвлеченные принципы, съ тѣмъ чтобы на гимназическое обученіе наложить печать формальнаго образованья и считать латинскій и греческій языки единственными и вѣчными средствами просвѣщенія. Но мощь всемірно-историческаго духа неодолима, такъ что единичные сторонники отжившей старины не въ силахъ преградить ему путь къ дальнѣйшему развитію. Итакъ борьба между гуманизмомъ и реализмомъ—въ чемъ въ сущности и состоитъ все дѣло—прекратится лишь тогда, когда гуманистическая гимназія поставитъ въ средочіи своего круга исторію и поясняющіе ее языки, а естественныя науки въ то же время расположатся по его окружности, и когда уравненная съ этою гимназіею реальная школа изберетъ своимъ средоточіемъ естественныя науки, а окружность наполнитъ исторіей съ языками (— что̀ отчасти уже вѣрно представлено Клоппомъ въ его „Реформѣ гимназій относительно препо-

даванія языковъ", что̀ стремится осуществить лейпцигская „современная общая гимназія" Гаушильда, и что на научномъ основаніи подтверждается въ „Гимназической педагогикѣ" — К. Шмидта).

Наконецъ университеты, тоже служащіе отраженіемъ современности, основаны въ Германіи на свободѣ какъ преподаванія, такъ и посѣщенія лекцій; но имъ при этомъ не достаетъ организованной дисциплины, въ нихъ господствуетъ узкосердый кастовый духъ; теологическій факультетъ по видимому намѣренъ совсѣмъ уже отдѣлиться отъ ствола научнаго организма, а въ среду студентовъ проникаетъ ремесленническая склонность къ утилитарнымъ, „хлѣбнымъ" знаніямъ. Враждующія между собою поступательныя и попятныя начала, какъ вообще въ настоящее время, такъ и тутъ тоже борятся другъ съ другомъ; и тогда какъ сторонники реакціи хотятъ окончательно принизить университеты до школярства, въ то же время сторонники прогресса энергично заявляютъ свои требованья относительно реформъ въ смыслѣ и духѣ современной педагогики. Однако германскіе университеты все-таки занимаютъ высшую ступень развитія передъ средневѣковыми институтами Англіи, которые не что иное, какъ гуманистическія школы съ монастырскимъ строемъ жизни, и передъ русскими университетами, гдѣ профессоръ обязанъ держаться предписаннаго руководства *).

Вообще Германія, эта страна мысли, занимаетъ вершинную точку теоретическаго и практическаго развитія въ воспитаніи, тогда какъ Франція, этотъ край мгновеннаго дѣла и внѣшнихъ формъ, по внутреннему содержанію своей школьной системы, существенно и разительно отстала отъ Германіи; въ Англіи же, образующей людей практическаго, предразсчитаннаго дѣла, какъ въ обществѣ, такъ и въ школѣ основаніемъ служитъ самопомощь (Help thyself), а въ Сѣверной Америкѣ, въ той странѣ, куда спѣшитъ отъ насъ солнце, интересъ къ общему и равномѣрному народному воспитанію непрерывно ростетъ и сложилась уже величавая школьная система и пр.

Въ періодъ христіанскаго гуманнаго воспитанія, въ параллель съ практикой развивается теорія, дабы своимъ образовательнымъ идеаломъ служить для практики путеводною звѣздой. Но эти образовательные идеалы такъ же различны, какъ различна почва, на которой они созидаются.

1) Эмпирики, хотятъ опредѣлить идею воспитанія и основать теорію педагогики исходя отъ своихъ наглядныхъ созерцаній и отъ жизненныхъ опытовъ. Этимъ путемъ у нихъ сложились превосходные взгляды на воспитаніе, и

*) Русскимъ читателямъ очень хорошо извѣстно, что почтенный авторъ тутъ рѣшительно ошибается. Примѣч. переводч.

въ извѣстныхъ случаяхъ они существенно способствовали успѣхамъ педагогики: Шварцъ-Куртманъ, Зайлеръ, М. Арндтъ, Браубахъ, Динтеръ, Грэфе, Дистервегъ и др., Тегнеръ, Беллъ и Ланкастеръ, Кузенъ, Жакото; Гердеръ, Ж. П. Ф. Рихтеръ и др.

2) Философы домогаются научной обработки педагогики на основаніи твердыхъ началъ. Кантъ и особенно ученики его Грейлингъ, Гейзингеръ, Нимейеръ, Пёлицъ, Стефани, Мильде и пр. ставятъ во главѣ воспитанія нравственное начало и требуютъ развитія, образованія и усовершенствованія всѣхъ человѣческихъ способностей. Фихте высказываетъ вполнѣ ясно идею національнаго воспитанія, и на немъ болѣе или менѣе основываются: Риттеръ въ своей „Критикѣ педагогики въ доказательство необходимости всеобщей науки воспитанія“, Фэзе въ „Очеркѣ технико-практическаго воспитанія“ и Нитгаммеръ въ „Борьбѣ гуманистовъ съ филантропами.“ Шопенгауэръ пытается направить воспитаніе къ міру дѣйствительности и выставляетъ въ истинномъ свѣтѣ важность нагляднаго обученія. Въ школѣ Шеллинга, поставившей себѣ цѣлью осуществить въ единичной личности идею рода, попреимуществу трудились І. Я. Вагнеръ, Блаше и Гразеръ. Гегель смотритъ на воспитаніе какъ на искусство сдѣлать человѣка нравственнымъ, и въ этомъ духѣ написали Розенкранцъ „Педагогику въ системѣ“, Дейнгартъ, Каппъ и Тауловъ „Гимназическую педагогику“.—Наконецъ Шлейермахеръ съ проницательнымъ философскимъ умомъ обозрѣлъ также область воспитанія и разсматривалъ педагогику какъ выводимую изъ этики прикладную науку, соподчиненную политикѣ.

3) Философы домогались послѣдовательныхъ системъ педагогики, а частью и изложили ихъ, и сколько бы впрочемъ ни расходились они между собою, но принципомъ воспитанія всѣ обозначили нравственность. Специфическая сущность религіи, какъ въ ихъ системахъ вообще, такъ и въ основанныхъ на нихъ педагогическихъ ученіяхъ отступаетъ уже вездѣ на заднiй планъ. Вслѣдствіе этого со стороны теологовъ возникла оппозиція, имѣвшая также и въ педагогикѣ своихъ представителей. Дуршъ и Пальмеръ явились представителями этихъ христіанско-теологическихъ педагоговъ, послѣдовательныхъ въ предѣлахъ своей специфически-ортодоксальной системы, но плохо понимающихъ, а потому конечно и осуждающихъ все, выходящее за этотъ стѣснительный рубежъ.

4) Психологи глубже современныхъ теологическихъ правовѣровъ вникли въ сущность воспитанія.—Уже Кантіанцы положили психологію въ основу педагогики, но въ видѣ эмпирической психологіи имъ удалось выставить лишь пустой, схематическій формализмъ. Гербартъ отвергъ по-

этому такой схематизмъ; въ своей психологіи онъ постигъ душевныя способности какъ одно цѣлое и пытался установить психологическіе законы при посредствѣ математики. У него педагогика относится къ тѣмъ ученіямъ, которыя должны служить пробнымъ камнемъ для теоретическихъ отдѣловъ философіи, а именно для метафизики, психологіи и этики. Своимъ воспитывающимъ обученіемъ и привлеченіемъ правительства къ дѣлу воспитанія, при строгой дисциплинѣ, Гербартъ оказалъ большія услуги педагогикѣ и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ между современными педагогами. Однако опирая свою психологію, которая въ связи съ этикой составляетъ у него основу педагогики, опять-таки на философскую спекуляцію, онъ впадаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ одностороннее направленіе философіи, пренебрегающее наблюденіемъ надъ живымъ человѣкомъ; тогда какъ Бенеке пытается основать психологію единственно на внутреннемъ опытѣ, изложить педагогику просто въ видѣ прикладной психологіи, всѣ цѣли воспитанія свести къ обосновкѣ извѣстныхъ психическихъ продуктовъ, а употребляемыя при этомъ средства — къ возбужденію извѣстныхъ психическихъ развитій.

5) Внутренняя жизнь души несется непрерывнымъ потокомъ, и внутреннія душевныя настроенія не могутъ быть ни вызваны по произволу, ни задержаны по желанію. Итакъ самонаблюденіе (т. наз. внутренній опытъ) лишено надежной основы, какъ вслѣдствіе неуловимости внутренней жизни, такъ еще и потому, что оно всегда ограничено лишь наблюденіемъ одной извѣстной личности съ извѣстною духовною организаціею, и слѣдовательно одну только ее и можетъ наблюдать. Поэтому къ самонаблюденію необходимо присовокупить еще существеннымъ дополненіемъ наблюденіе надъ другими. Это дополненіе дается антропологіей, которая, при посредствѣ самонаблюденія и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюденія надъ людьми вообще, имѣетъ цѣлью изслѣдовать какъ физику, такъ и психею человѣка, и которая признаетъ его съ одной стороны звеномъ вселенной, а съ другой—самимъ въ себѣ самостоятельнымъ организмомъ, микрокозмомъ. На этой основѣ созидается антропологическая педагогика. Она смотритъ на человѣка какъ на органическое единство природы и духа, какъ на представителя космоса, восходящаго по всѣмъ ступенямъ животнаго міра, отъ пресмыкающагося до такого существа, которое сознаетъ Бога и само себя, и вступаетъ этимъ путемъ въ міры все болѣе и болѣе разнообразные и въ отношенія все болѣе многостороннія и разнородныя — сперва въ лоно матери, потомъ въ семейный кругъ, затѣмъ въ одну изъ націй человѣчества, и наконецъ переходитъ изъ теллурическаго бытія въ космическое, изъ временной жизни въ вѣчность. Согласно съ этимъ, антропологическая педагогика имѣетъ въ виду и стремится воспи-

тать цѣльнаго человѣка, достичь общечеловѣческаго образованія, на служеніе высшимъ интересамъ человѣчества; за формальный свой принципъ выставляетъ она развитіе, тогда какъ въ своемъ матеріальномъ принципѣ совокупляетъ вмѣстѣ индивидуальныя, національныя и гуманистическія начала воспитанія, и сверхъ того идеалы гармоническаго развитія душевныхъ силъ, религіозности, нравственности, красоты и пр., смыкая ихъ всѣ воедино въ идеѣ богоподобія; она требуетъ слѣдовательно гармонической дѣятельности тѣлесной и духовной жизни, гармонически развивая правду въ помыслахъ, свободу въ хотѣніи и любовь въ чувствованіи.

Таковъ путь, предначертанный для исторіи педагогики. На этомъ пути ей предстоитъ лишь слѣдить за духомъ человѣчества на поприщѣ его борьбы ради самоосвобожденія, и отмѣчать, какъ при этомъ онъ входитъ въ особенности разныхъ націй и своеобразныхъ личностей, проявляется въ вѣчно измѣнчивыхъ образахъ, не теряя притомъ изъ виду своей славной цѣли и взирая на блага, добытыя каждымъ народомъ и каждымъ человѣкомъ, какъ на ступени, которыя приближаютъ народъ къ божеству и по которымъ онъ самъ поднимался и росъ все болѣе и болѣе, высвобождаясь изъ подъ власти природы. Если исторія педагогики рѣшитъ эту задачу, то она подобно всемірной исторіи будетъ,—какъ выразился поэтъ,—судомъ міра.

3.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ИСТОРІИ ПЕДАГОГИКИ.

1. Самые общіе источники для исторіи педагогики суть географія и всемірная исторія. Географія:—тѣлесныя и духовныя свойства и развитіе какъ единичнаго человѣка, такъ и каждаго народа, состоятъ въ зависимости отъ почвы, климата и пр. той страны, гдѣ онъ живетъ. Человѣкъ находится въ тѣсномъ взаимнодѣйствіи со внѣшнимъ міромъ и обусловленъ геогностическимъ свойствомъ почвы, растительностью, животною организаціею, магнитными явленіями земли, массами водъ т. д. И въ самомъ дѣлѣ, у народовъ жаркаго и самаго холоднаго поясовъ, какъ извѣстно, вовсе нѣтъ исторіи. Съ самаго начала ея никакая самостоятельная, ни первобытная человѣческая цивилизація не могла развиться въ предѣлахъ населенной обезьянами полосы. Сила и матерія взаимно обусловливаются и сопроникаются: таковъ законъ природы, объясняющій сходство людей и животныхъ, растеній и почвы съ климатомъ какой либо страны. Какъ развитіе культуры вообще, такъ точно и исторія педагогики существен-

но обусловлены географическимъ положеніемъ развивающагося народа.—Всемірная исторія:—съ развитіемъ человѣчества и народовъ вообще развивается также и педагогика. Исторія воспитанія должна ознакомиться какъ съ судьбами отдѣльныхъ народовъ, такъ и съ духовнымъ и матеріальнымъ ихъ состояніемъ. Она должна ознакомиться съ политической исторіей потому уже, что послѣдняя не что иное какъ рамка духовнаго развитія, къ наружи обращенное развитіе. Она должна знать культурную исторію народовъ, потому что успѣхи культуры идутъ параллельно съ успѣхами въ развитіи воспитанія: одна составляетъ причину и условіе другой. Она должна слѣдить за развитіемъ законодательства, потому что послѣднее оказываетъ, то мѣшающее, то споспѣшествующее вліяніе на развитіе народовъ, а слѣдовательно также и на ихъ воспитаніе. Она должна принять въ расчетъ какъ научную, такъ и художническую точку зрѣнія народовъ; потому что въ наукахъ и искусствахъ духъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніе его, отражаются какъ въ зеркалѣ. Но прежде всего она должна освоиться съ религіей и ея развитіемъ; потому что религія народа это—душа его, и стало быть она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ его блага, его житейскія воззрѣнія, его нравы, обычаи—его воспитаніе. Изученіе географіи и всемірной исторіи должно предшествовать изученію исторіи педагогики. Біографіи знаменитыхъ людей, спеціально занимавшихся воспитаніемъ, или мимоходомъ выражавшихъ свои мысли по поводу образованія, даютъ въ свою очередь возможность вникнуть въ глубь ихъ эпохи и въ современное ей воспитаніе.

2. Писатели той эпохи, особенно историки, поэты, сатирики и ораторы, снабжаютъ исторію педагогики историческимъ матеріаломъ. А по части практическаго воспитанія, особенно въ древности, матеріаломъ служатъ политическіе и религіозные законы (—законы Моисея для Евреевъ, законы Ману для Индусовъ, Зендъ-Авеста для Персовъ, Ликурговы законы для Спарты, Солоновы законы по части воспитанія въ Аѳинахъ и пр.—); въ настоящее же время преимущественно школьные и церковные уставы.

3. Источникомъ для теоретической педагогики служатъ воспитатели-теоретики разныхъ временъ и народовъ: педагоги, философы, теологи, моралисты и пр.

4. Такимъ же источникомъ для исторіи педагогики служатъ исторіи учебныхъ системъ въ разные періоды или исторіи отдѣльныхъ учебныхъ заведеній,—университетовъ, гимназій и пр.—

На основаніи этихъ источниковъ образовалась историко-педагогическая литература, сопоставленная у І. Д.

Шульце въ его „Литературной исторіи школъ и учебныхъ заведеній въ Германіи“ (2 т. 1804), у Ф. Э. Петри въ „Сборникѣ литературной исторіи педагогики“ (1-ый т. 1—2 выпуски 1805 — 7; 2-ой т. 1 выпускъ 1808), особенно же у А. Каппа въ „Commentatio de historia educationis“ (1834).

Лучшіе и наиболѣе распространенные представители по части исторіи воспитанія и обученья суть:

a) Ф. Г. Хр. Шварцъ. Онъ изложилъ въ первыхъ двухъ частяхъ перваго тома своей „Педагогики“ (2-ое изд. 1829) очеркъ всеобщей „Исторіи воспитанія“ и проложилъ такимъ образомъ путь ко всеобщей исторіи педагогики. Этотъ трудъ содержитъ въ себѣ обильный, но не всегда изъ первыхъ источниковъ почерпнутый матеріалъ.

b) Нимейеръ. А. Г. Нимейеръ къ своимъ „Основнымъ началамъ воспитанія и обученья“ присовокупилъ „Очеркъ исторіи воспитанія и обученья“; но изложенный афористически, этотъ очеркъ не давалъ никакого понятія о развитіи педагогики. Впрочемъ въ 3-ей части 9-го изданія (1835) своей книги Нимейеръ разработалъ по источникамъ и дополнилъ его, не вникая однако въ органическую связь исторіи и излагая потому развитіе педагогики отвлеченно, безъ связи съ культурною жизнью народовъ.

c) (Пусткухенъ) Гланцовъ (въ „Леванѣ“ 3-ій томъ 1-ая тетрадь 1829) пытался въ „Краткой исторіи педагогики или сжатомъ изображеніи возникновенія, существа, связи и перемѣнъ господствующихъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе“ представить идею воспитанія и изложилъ такимъ образомъ внутреннюю исторію его. Эмиль Ангальтъ, обративъ особенное вниманіе на культурную жизнь, представилъ такую же исторію въ своемъ „Очеркѣ системы воспитанія въ связи со всеобщей исторіей культуры“.—Генрихъ Грефе въ своей „Педагогикѣ какъ системѣ“ (1845) охарактеризовалъ также „историческое развитіе философской педагогики“, а въ 3-ей части „Германской народной школы“ онъ удачно изобразилъ „историческое развитіе германской народной школы“.—Карлъ Розенкранцъ далъ превосходный систематически составленный обзоръ исторіи въ книгѣ „Педагогика какъ система“ (1848); онъ ясно и глубокомысленно выразилъ идею воспитанія въ историческомъ развитіи, впадая лишь мѣстами въ крайности Гегелевой трилогіи.

d) Изъ новѣйшихъ сочиненій по части полной исторіи педагогики слѣдуетъ упомянуть объ „Исторіи общей системы воспитанія и школъ особенно по отношенію къ настоящему времени и его требованіямъ“ (2 тома, 1853 и 55 гг.), Вольфарта; она впрочемъ не выясняетъ поступатель-

наго движенія въ необходимомъ развитіи идеи воспитанія и, по примѣру отжившихъ теологовъ-раціоналистовъ, осуждаетъ прошлое на основаніи современнаго субъективнаго пониманія, то-есть прилагая къ нему мѣрку современныхъ потребностей и взглядовъ. Не столь объемиста, но такъ же малогодна „Исторія педагогики съ древнѣйшихъ и до нашихъ временъ“ Фридр. Кёрнера (1857), поверхностная, лишенная всякой критики компиляція, не сумѣвшая даже избѣгнуть внутреннихъ противорѣчій.

e) Важнѣйшее сочиненіе по исторіи воспитанія есть „Исторія воспитанія и преподаванія въ ихъ всемірно-историческомъ развитіи“ Фридриха Крамера, вышедшая только въ двухъ частяхъ (1832 и 1838 г.), изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ исторію практическаго, а вторая исторію теоретическаго воспитанія въ дохристіанскую эпоху. Этотъ провосходный трудъ основанъ на изученіи источниковъ и даетъ полное понятіе о томъ, чѣмъ было воспитаніе у дохристіанскихъ народовъ и что думали о воспитаніи великіе ихъ представители. Крамеръ хотя не прямо, но все такъ же превосходно продолжилъ этотъ трудъ въ своей „Исторіи воспитанія и преподаванія въ Нидерландахъ въ средніе вѣка, съ пріурочкою ея къ общимъ литературнымъ и педагогическимъ условіямъ той эпохи“ (1843). Недостающія иногда въ исторіи воспитанія Крамера документальныя указанія ясно, хотя и сухо дополняются по источникамъ у I. Г. Краузе въ его „Исторіи воспитанія, обученія и образованія у Грековъ, Этрусковъ и Римлянъ“.—Нѣкоторые отдѣлы теоретическаго воспитанія у Грековъ въ „Платоновомъ ученіи о воспитаніи, какъ педагогикѣ для частныхъ лицъ и какъ государственной педагогикѣ“ (1833) и въ „Аристотелевой государственной педагогикѣ, какъ ученіи о воспитаніи для государства и частныхъ лицъ“ Алекс. Каппа (1837) обработаны съ подробностью и по источникамъ, благодаря чему существенно выяснилась исторія теоретическаго воспитанія у Грековъ.

f) Исторію педагогики въ Германіи прежде всѣхъ изложилъ Рукопфъ въ своей „Исторіи школъ и воспитанія въ Германіи“ (1794); но онъ издалъ только первый томъ, гдѣ въ очень сжатомъ видѣ, зато ясно и просто, по источникамъ, исторія эта доведена до Вестфальскаго мира.—Въ послѣднее время въ видѣ достойнаго дополненія примкнулъ къ нему Г. Геппе съ „Исторіей германской системы народныхъ школъ“ въ 3-хъ томахъ, изложивъ сперва исторію народныхъ школъ въ отдѣльныхъ областяхъ Германіи (въ королевствѣ Саксоніи, Кургессенѣ, Дармштатѣ, Вюртембергѣ, Готѣ, Веймаръ-Эйзенахѣ, Пруссіи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Нассау и пр.), то больше въ видѣ исторіи сельской школы, то преимуществу въ видѣ исторіи учительскихъ семинарій, то въ видѣ извлече-

ній изъ школьныхъ уставовъ разныхъ періодовъ. Недавно Альбертъ Витштокъ также издалъ „Исторію германской педагогики въ очеркѣ". Это небольшое сочиненіе не что иное какъ скудное извлеченіе изъ вышеприведеннаго сочиненія и изъ Геппевой исторіи системы германскихъ школъ. Болѣе годнымъ и лучшимъ оказывается краткій очеркъ Фридриха Диттеса.

g) Исторію теоретическаго воспитанія въ новѣйшую эпоху обработалъ Карлъ фонъ Раумеръ въ „Исторіи педагогики отъ возрожденія классическихъ знаній до нашего времени" (3 части, 1844—1845), представивъ впрочемъ не систематически составленную исторію, а лишь остроумныя, зачастую изъ рѣдкихъ источниковъ почерпнутыя монографіи и характеристики отличныхъ педагоговъ, собранныя съ неутомимымъ тщаніемъ. Людвигъ въ своихъ „Основныхъ началахъ и ученіяхъ отличныхъ педагоговъ" въ 3-хъ томахъ (1853—1857) также тщательно, со вкусомъ и тактомъ изложилъ разныя теоріи воспитанія новѣйшихъ педагоговъ, отъ Песталоцци до настоящаго времени; эта книга грѣшитъ только противъ систематическаго распредѣленія, хотя Людвигъ „послѣдовательность педагоговъ" поясняетъ такимъ образомъ: 1-ый томъ содержитъ въ себѣ тѣхъ изъ нихъ, которые основали и распространяли современную систему воспитанія и преподаванія, 2-ой — такихъ, которые возстаютъ противъ основныхъ началъ, господствовавшихъ доселѣ, а въ 3-мъ излагаются воззрѣнія философовъ, а равно и такихъ педагогическихъ сочиненій, которыя пытались вызвать новые взгляды.

Пользуясь источниками, изъ которыхъ вытекаетъ теоретическое и практическое воспитаніе, біографіями знаменитыхъ педагоговъ, исторіей нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, монографіями въ историко-педагогической литературѣ и приведенными очерками и исторіями педагогики, а также новѣйшими историческими изслѣдованіями вообще, мы попытаемся представить систематически расположенную исторію воспитанія и обученья; причемъ будемъ обращать постоянное вниманіе на идею воспитанія, такъ чтобы наставники, учителя, священники и смотрители школъ, и каждый образованный человѣкъ, заинтересованный вопросами, поднятыми и предлагаемыми педагогикою, могли почерпнуть свѣдѣнья о важнѣйшихъ ступеняхъ развитія учебной и воспитательной дѣятельности въ разныя эпохи и у разныхъ историческихъ народовъ. Въ сознаніи мощи и торжества духа, мы старались прослѣдить успѣхъ въ цѣломъ ходѣ развитія и выяснить, что даже кажущійся застой или попятный шагъ въ жизни человѣчества всегда былъ лишь временнымъ отдыхомъ, причемъ духъ собирался съ новыми силами, съ тѣмъ чтобы одерживать еще болѣе видныя побѣды. Въ то же время

исторію педагогики привели мы въ тѣсную связь съ исторіею культуры; послѣднюю мы всякій разъ ставили на задній планъ картины, гдѣ выступаютъ впередъ педагогическія воззрѣнія, дабы показать такимъ образомъ, что педагогика, обусловливаясь культурою, сама въ свою очередь обусловливаетъ и развиваетъ культуру. Хотя бы попытка наша и далеко еще не достигла предначертаннаго ей идеала,—одного уповаетъ она и молитъ у благого и руководящаго всѣми нашими дѣлами Промысла, чтобы благодаря великимъ урокамъ исторіи, она послужила современному поколѣнію, блуждающему на поприщѣ воспитанія и обученья туда и сюда, свѣточемъ для перехода къ великой будущности. Уроки исторіи знаменательны;—а уроки исторіи педагогики глубоко внѣдряются въ семейную и государственную жизнь, въ современную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ грядущую эпоху.

Что же касается до способа нашего изложенія, то мы вездѣ старались держаться истинной популярности,—которой однако не слѣдъ смѣшивать съ верхоглядствомъ,—которая не скользитъ лишь по наружной оболочкѣ явленій, но обнажаетъ самое ядро ихъ, не забывая впрочемъ, что въ области истины высшія начала суть вмѣстѣ съ тѣмъ и простѣйшія, а потому и выразимыя ясными словами. Опираясь на культурно-историческую и педагогическую почву, мы старались постигнуть духъ эпохи и придать ему въ словѣ понятное для всѣхъ образованныхъ людей выраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, нашъ царь поэтовъ не напрасно же предостерегаетъ лѣтописца такими словами:

А духомъ времени потомство называетъ
Тотъ духъ писателя, который времена
Въ себѣ, какъ въ зеркалѣ разбитомъ, отражаетъ.

Не смотря на стремленіе къ объективности, и наше изложеніе не обойдется конечно безъ субъективнаго оттѣнка; однако мы старались вездѣ не обинуясь высказать постигнутую нами истину, и намъ присуще сознаніе, что мы никогда не уклонялись ни отъ какого рѣшительно вывода. Мы служили чистой истинѣ, и только ей одной; ибо власть ея намъ кажется выше всѣхъ иныхъ властей этого міра, и на служеніе ей мы смотримъ какъ на высшаго рода богослуженіе.

Нашъ трудъ расчитываетъ на доступъ не только въ библіотеки спеціалистовъ, но также и въ среду образованной, благоустроенной семьи, которая и есть обыкновенно настоящій храмъ воспитанія; въ этомъ отношеніи семья пользуется гораздо бо́льшимъ значеніемъ, нежели всякія учебныя заведе-

нія, которыя основаны на помощь ей и только ее дополняютъ. Когда родители дѣйствительно проникнутся основательными педагогическими знаніями, тогда и народъ нашъ будетъ тѣмъ, къ чему онъ призванъ:—быть воспитывающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ благовоспитаннѣйшимъ народомъ, а слѣдовательно прямо свѣтиломъ и животворною силою міра.

I.

ДО I. ХРИСТА.

МІРОВАЯ ЭПОХА НАЦІОНАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ.

ДО I. ХРИСТА.

МІРОВАЯ ЭПОХА НАЦІОНАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ.

4.

НЕИСТОРИЧЕСКІЕ, ПОЛУИСТОРИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ НАРОДЫ.

Только у тѣхъ народовъ есть исторія, у которыхъ есть внутреннее духовное развитіе; потому что исторія народа только и имѣетъ цѣлью изложить, какимъ путемъ въ его жизни развилась и выразилась лежащая въ основѣ этой жизни идея. Тѣ народы, которые не вышли еще изъ предѣловъ своего эмпирическаго индивидуальнаго бытія, у которыхъ слѣдовательно не пробудилась еще мысль о вселенной и которые поэтому божествомъ своимъ считаютъ единичныя силы природы, — народы эти находятся внѣ исторіи; ибо ни одинъ изъ нихъ не обнаруживаетъ внутренняго необходимаго развитія самъ по себѣ, и духовное совершенствованіе не переходитъ у нихъ отъ одного народа къ другому. Это не что иное какъ сборище родовъ, изъ которыхъ каждый составляетъ нерѣдко толпу человѣкъ въ 200; проживая безучастно, безъ органической связи одни обокъ съ другими, они приходятъ въ движеніе лишь по временамъ, когда извнѣ сообщается имъ толчокъ историческими народами, или когда, также извнѣ, историческія личности, ставъ во главѣ народовъ, увлекаютъ ихъ временно за собою. Эти неисторическія племена имѣютъ своею отчизною не какую либо ими самими созданную духовную область, а какой нибудь отдѣльный край внѣшней природы, къ которому они и пріурочиваются. Стоящіе на низшей степени организаціи проживаютъ въ лѣсахъ, рыская по нимъ и избивая другъ друга подобно хищнымъ звѣрямъ, изъ-за одного лишь пропитанія: таковы охотничьи племена, принадлежащія большею частью къ краснокожей расѣ въ Америкѣ. Нѣсколько выше стоятъ народы, живущіе у поморья; въ постоянной борьбѣ съ тревожною и подвижною стихіею для добычи себѣ корма, они пріобрѣтаютъ такимъ образомъ ловкость, живость, дѣятельность и находчивость.

Такъ какъ стихія ихъ не всегда обильна добычею, то они поневолѣ и пріучаются къ заботамъ о будущности и къ накопленію собственности про запасъ. Таковы рыбачьи племена, къ которымъ принадлежатъ попреимуществу оливкоцвѣтные обитатели Тихаго моря. Къ нимъ же отчасти можно причислить полярные народы. Послѣднимъ впрочемъ часто служитъ стихіею и степь. Пастушескія племена на сушѣ извлекаютъ свою пищу изъ природы. Они поддерживаютъ жизнь, должны даже выкармливать животныхъ для своего пропитанія, а потому уже не столь враждебно относятся къ природѣ; напротивъ, собирая около себя извѣстные дары ея, они сами становятся въ ней средоточіемъ. Пастушескія племена принадлежатъ материку древняго міра: это большею частью желтая и дочерна смуглая расы, за исключеніемъ Китайцевъ.

Всѣ эти племена, которыхъ разсѣянное географическое существованіе, смотря по ихъ разновидности, распредѣлено въ американскомъ, эѳіопскомъ и частью монгольскомъ человѣчествѣ, не въ состояніи еще отрѣшиться духомъ отъ природы, и потому они не заботятся ни о чемъ, исключая того, что относится къ ихъ физическимъ потребностямъ. Природа, въ которой они живутъ, и стоящій въ общеніи съ этою природою духъ ихъ, предназначили имъ быть представителями растительной жизни въ средѣ человѣчества. Какая въ самомъ дѣлѣ исторія, кромѣ погибели развѣ, могла бы сложиться у доисторической американской расы съ ея маленькой головой, съ ея сильно приплюснутымъ лбомъ, съ ея неодолимою флегмой, такъ что іезуиты въ Парагваѣ должны были по ночамъ звонить въ колокола, дабы напоминать мужьямъ объ ихъ брачныхъ обязанностяхъ, съ ея тупоуміемъ, съ ея скрытнымъ и жестокимъ нравомъ. А чувственный человѣкъ жаркаго пояса, Негръ, съ его сжатымъ сбоковъ черепомъ, съ его низкимъ, заломленнымъ лбомъ, съ ёмкостью черепа всего лишь въ 78 кубическихъ дюймовъ, съ его, дотого скуднымъ умомъ, что онъ ни чему не знаетъ ни причины, ни слѣдствія, и не способенъ къ самостоятельному сужденію, а въ обученіи всякаго рода ограничивается лишь подражаніемъ, тогда какъ имъ овладѣваютъ буйныя страсти и чувственные порывы,—развѣ можетъ онъ подлежать иному развитію, кромѣ перехода отъ наслажденія къ похоти и отъ похоти къ наслажденью? И наконецъ обитатели холоднаго пояса, Монголы, съ ихъ широкимъ, плоскимъ лицомъ, съ ихъ узкимъ, низкимъ лбомъ, съ ёмкостью черепа въ 83 кубическихъ дюйма, съ ихъ вялою силою воли, тупостью ощущеній, болѣзненною раздражительностью и животною грубостью относительно потребленія пищи,—въ состояніи развиться развѣ въ одномъ только направленіи, а именно въ чувственномъ сладострастіи или же въ чувственномъ и духовномъ самоизмореньи. Одни только Китайцы составляютъ исключеніе изъ этого и входятъ въ составъ историческихъ народовъ; тогда какъ многія племена черной расы,

пришедшія въ соприкосновеніе съ бѣлыми, пытаются выйти изъ предѣловъ неисторическихъ народовъ, а Монголы въ средніе вѣка, также Мексиканцы и Перуанцы, выступавшіе временно на поприще исторіи, по большой части только будучи оплодотворены какими нибудь чуждыми элементами, составляютъ группу полуисторическихъ народовъ. Въ духѣ неисторическихъ племенъ къ главнымъ дѣятельностямъ относятся низшіе побуды и между прочимъ страсть къ разрушенію. Цѣлью ихъ жизни и стремленій служитъ удовлетвореніе животнымъ, разрушительнымъ, боевымъ и половымъ побужденьямъ. Это вѣчные младенцы человѣчества, подобно грудному младенцу единичнаго человѣка безсознательно и эгоистично потребляющіе внѣшній міръ постольку, поскольку нуждаются въ немъ; они пробуждаются къ дѣятельности только тогда, когда влечетъ ихъ къ тому голодъ, предаваясь все остальное время безсознательной и бездѣйственной дремотѣ. Вся ихъ духовная жизнь проходитъ также въ полуснѣ, а потому всѣ произведенія и образы ея не что иное какъ грезы.

Гдѣ вообще нѣтъ исторіи, тамъ и для исторіи воспитанія нѣтъ почвы. У неисторическихъ народовъ нѣтъ исторіи воспитанія, потому они и не проявляютъ никакого момента въ исторіи воспитанія. Боги ихъ не что иное, какъ случайные единичные предметы природы. Ихъ богосознаніе на дѣлѣ обнаруживается лишь въ колдовствѣ. Свѣдѣнія ихъ рѣдко переходятъ за предѣлы осязательныхъ наблюденій надъ окружающими явленіями: умственный кругозоръ ихъ ограниченъ чувственнымъ созерцаніемъ и весь замкнутъ въ немъ. Они зорко наблюдаютъ все, что поражаетъ чувства; но не въ состояніи сообразить въ умѣ наблюдаемое. Они сознаютъ и подмѣчаютъ лишь настоящее, ни прошлаго, ни будущаго для нихъ нѣтъ. Языкъ ихъ лишенъ письменныхъ знаковъ, которые скудно замѣняются, и то лишь у племенъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени, произвольными отмѣтками на память для весьма ограниченнаго круга представленій и для обозначенія отдѣльныхъ предметовъ. У нихъ не принимаются ни промышленность, ни искусство; хотя въ иныхъ случаяхъ они и налагаютъ на природу свой субъективный отпечатокъ, но все таки не въ силахъ сообщить ей характеръ свободной духовной дѣятельности; а если искусству и случается иногда пробиться наружу въ единичныхъ росткахъ, то оно является въ видѣ безсмысленнаго рабства, неуклюжей, ребячески-грубой фантазіи. Душа ихъ не усвоила себѣ еще никакого нравственнаго направленія: не добиваясь впереди награды, они не вѣдаютъ нравственной борьбы, и въ безлюбовномъ обособленіи вся ихъ добродѣтель сосредоточивается лишь на томъ, какъ бы сохранить самихъ себя въ борьбѣ со внѣшнимъ міромъ. Мужъ одинъ пользуется правомъ, потому что обладаетъ физическою си-

лой; жена не личность, а вещь. У Малайцевъ жена никогда не смѣетъ ѣсть вмѣстѣ съ мужемъ, а на островѣ Мандурѣ — она не дерзаетъ даже произнесть имя мужа, своего властителя. Бракъ носитъ на себѣ печать отнюдь не разумности, а произвола и случайности; мужъ и отсылаетъ поэтому жену, если она ему болѣе не по нраву, а Негры великаго южно-африканскаго племени Конго и Отониты берутъ своихъ женъ предварительно на пробу. Дитя не имѣетъ никакого личнаго значенія, оно есть собственность родителей, которые вольны дѣлать съ нимъ все, что хотятъ и не знаютъ въ отношеніи къ нему никакихъ обязанностей. Родители въ правѣ поэтому убивать дѣтей и вытравлять плодъ; въ сознаніи такого права Гуаны въ Америкѣ зарываютъ своихъ дѣтей живыхъ, особенно дѣвочекъ, для того чтобы остальныя сдѣлались болѣе цѣнными и рѣдкими. Здѣсь нѣтъ поэтому никакой духовной цѣли, для которой надлежало бы воспитывать дѣтей. Здѣсь человѣкъ отъ природы уже таковъ, какимъ онъ долженъ и какимъ хочетъ быть: онъ не нуждается въ воспитаніи для какой бы то ни было духовной цѣли. Наравнѣ съ религіей воспитаніе его такъ же чувственно и ограничивается однимъ лишь тѣлеснымъ уходомъ и натаскиваньемъ, или укрѣпленіемъ прежде всего грубаго чувства независимости. Жена обязана неустанно и усиленно трудиться, тогда какъ мужъ по цѣлымъ днямъ предается праздной лѣни, а потомъ необузданно-строптиво вступаетъ въ борьбу съ природою и съ врагомъ: вслѣдствіе чего и дѣвочекъ пріучаютъ съ молоду къ рабству и труду, а мальчиковъ къ самостоятельности и независимости, подавляя въ нихъ всякое дѣтское чувство и предоставляя имъ какъ можно спозаранку добывать себѣ пропитаніе собственною сноровкою. Въ этомъ стремленіи къ независимости впервые обнаруживается порывъ человѣческаго духа къ свободѣ; а животрепещущіе племенные интересы проявляются уже какъ въ добросовѣстномъ храненіи племенныхъ преданій и пѣсень, такъ точно и въ постоянной готовности жертвовать жизнью для общей цѣли, особенно же—въ придуманныхъ ради племенныхъ интересовъ пріемахъ, сдѣлать дѣтей безчувственными къ боли, развить въ нихъ хитрость и пр.;—во всемъ этомъ обнаруживается уже самая грубая форма государственнаго строя, или скорѣе проблески сознанія чего-то общаго, чему обязанъ подчиниться даже независимый дикарь.

У многихъ неисторическихъ племенъ воспитаніе состоитъ рѣшительно въ отсутствіи всякаго воспитанія, въ недопущеніи его и совсѣмъ напротивъ въ навычкѣ къ тому, что противорѣчитъ требованьямъ воспитанія. Такимъ образомъ оно является отрицаніемъ нравственной жизни и ея развитія. Многіе Индѣйцы радуются, когда дѣти бьютъ свою мать и не слушаются ихъ самихъ. У Камчадаловъ дѣти не оказываютъ родителямъ ни почтенія, ни любви:

они никогда не просятъ, а просто берутъ, что имъ вздумается. У Тунгузовъ нерѣдко случаются поединки между отцомъ и сыномъ, оканчивающіеся даже смертью одного изъ нихъ. У большей части островитянъ Тихаго моря дѣти бьютъ своихъ матерей, и ихъ даже пріучаютъ къ этимъ жестокостямъ. Какое воспитаніе можетъ быть у Готтентотовъ, мозговыя извилины которыхъ скуднѣе и грубѣе чѣмъ у Европейца, мозгъ которыхъ служилъ бы у насъ признакомъ тупого развитія, связаннаго съ умственнымъ застоемъ, и которые жадно глотаютъ сырыя кишки и калъ животныхъ;—или у Самоѣдовъ, у которыхъ мужья умываются мочею своихъ женъ, а жены мочею своихъ мужей; или у Бушмановъ, у которыхъ Кемпбель на вопросъ, для чего созданъ человѣкъ, получилъ въ отвѣтъ: для хищничества. Для характеристики воспитанія у дикихъ племенъ вообще могутъ служить Арекуны въ Гвинеѣ, которые одинаково обращаются какъ съ своими дѣтьми, такъ и съ обезьянами: у нихъ дѣти и обезьяны кормятся одною и тою же грудью, потомъ возятся и дерутся другъ съ другомъ и ѣдятъ также вмѣстѣ.

У иныхъ неисторическихъ народовъ воспитаніе есть просто отрицаніе и прекращеніе естественнаго физическаго развитія. Оно состоитъ въ физическомъ, а черезъ то самое и въ психическомъ искаженіи. Такъ напр. Омагуи закутываютъ переднюю часть головы новорожденнаго въ хлопокъ и кладутъ на нее и на заднюю часть небольшія четыреугольныя доски, для того чтобы веревками понемногу стягивать голову, такъ чтобы она сдѣлалась острѣе и, по ихъ понятіямъ, красивѣе, походя такимъ образомъ на полный мѣсяцъ. Обитатели Антилльскихъ острововъ сдавливаютъ у своихъ дѣтей переднюю часть головы такъ, что весь мозгъ втѣсняется въ заднюю. У Чактасовъ по берегамъ Миссиссипи мать тотчасъ же послѣ родовъ кладетъ ребенка на спину въ деревянный ящикъ, вытягиваетъ его и пеленаетъ накрѣпко, положивъ на переднюю часть головы мѣшокъ съ пескомъ. Наконецъ Массекейоры накрываютъ головы своихъ дѣтей глиняными шапками, увеличивая мало по малу ихъ тяжесть, пока не дойдутъ до 10 фунтовъ вѣса.

Первое отрицательное воспитаніе, какое дается дѣтямъ у народовъ въ дикомъ состояніи, состоитъ въ заботѣ родителей, предохранить новорожденныхъ отъ колдовства. Колдовство, это—первое чаяніе мощи и величія духа въ борьбѣ съ природою, первая и потому еще грубая попытка человѣка вырваться изъ пассивнаго состоянія, на которое онъ обреченъ природою. Когда у Абипоновъ въ Южной Америкѣ мать послѣ родовъ покидаетъ ложе, то отецъ беретъ ребенка, постится, и, закутавшись въ одѣяла, предохраняетъ себя и новорожденнаго отъ сквозного вѣтра, но пуще всего отъ колдовства. Діодоръ Сицилійскій упоминаетъ

о подобномъ обычаѣ у древнихъ Корсовъ, а Страбонъ у древнихъ Испанцевъ.

Первое положительное воспитаніе имѣетъ въ виду закалить тѣло и пріучить его къ перенесенію всякихъ болей. Абипоны стараются дѣтей своихъ съ молоду сдѣлать безчувственными, прокалывая и разрѣзая имъ руки. У Ирокезовъ мальчикамъ связываютъ руки и кладутъ промежъ нихъ раскаленный уголь, а потомъ всенародно хвалятъ того, кто долѣе всѣхъ вынесъ боль.

Такъ какъ у дикихъ народовъ храбрость противъ врага есть высшая добродѣтель, то они и стараются развить ее въ своихъ дѣтяхъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Когда у Караиба родится сынъ, то отецъ ложится вмѣсто матери на ложе, постится, раздираетъ свои плечи острыми зубами животныхъ и окропляетъ ребенка вытекающею кровью. Когда мальчикъ подросъ, то его заставляютъ плавать, стрѣлять изъ лука и пр.; потомъ прицѣпляютъ пищу его на сучья высокаго дерева, и отроку приходится разстрѣливать ее до тѣхъ поръ, пока онъ что либо добудетъ чтобы утолить голодъ.

У большей части дикихъ племенъ съ развитіемъ отваги соединено развитіе тѣлесной ловкости, умѣнья плавать, стрѣлять изъ лука, бѣгать, особенно же развитіе зрѣнія и слуха, для того чтобы выслѣдить врага и издалека уже слышать малѣйшій звукъ.

Неисторическіе народы въ одномъ только отношеніи возносятся надъ грубою чувственностью, съ тѣмъ чтобы отдаться чисто духовному, безкорыстному чувству. Дикарь любитъ музыку, пѣнье, пляску, веселыя игры, и воспитываетъ къ этому своихъ дѣтей. Вотъ гдѣ праздничная жизнь неисторическаго человѣчества; въ такіе моменты, когда оно предается хотя и незрѣлому еще искусству, грубая животная натура все-таки забывается, и въ ней возникаютъ проблески духа.

Подобно тому какъ на пути отъ охотничьихъ племенъ къ рыболовамъ, а отъ рыболововъ къ пастушескимъ племенамъ замѣтно духовное развитіе: точно такъ же и въ дѣлѣ воспитанія. Дикіе народы не всѣ стоятъ на одинаковой степени дикости. Охотникъ, помышляющій лишь о томъ, какъ бы, бродя по лѣсамъ, утолить свой голодъ добытою дичью, закаляетъ при этомъ свое тѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ и питаетъ въ себѣ бурную страсть. Въ такой бродячей жизни дитя пріучается къ тому же, что дѣлаетъ отецъ его: въ этомъ и состоитъ все воспитаніе. Такъ проводитъ жизнь южно-американскій первобытный человѣкъ, босъ и нагъ, подъ сѣнью деревъ, бродя по лѣсамъ подобно лѣсному звѣрю. Онъ помышляетъ только объ ѣдѣ, питьѣ и снѣ. У него нѣтъ религіозныхъ созерцаній, и онъ всегда готовъ принять христіанское

крещеніе, не понимая что оно значитъ. Ему невѣдома внутренняя духовная жизнь; онъ равнодушенъ ко всему, что не служитъ къ удобствамъ тѣлеснаго существованія, и дѣти, подростая, становятся такими же дикими и грубыми, каковъ онъ самъ.

Болѣе высокую ступень занимаетъ уже воспитаніе рыболововъ, такъ какъ и сами они стоятъ выше. Вступая въ борьбу, не съ однимъ только единичнымъ существомъ, а съ могучею стихіею природы, человѣкъ поневолѣ прибѣгаетъ къ уму и хитрости, дабы не погибнуть въ борьбѣ; такая борьба въ свою очередь развиваетъ въ немъ расторопность, хитрость и смѣтливость. Эскимосъ питается ягодами, морскими травами и кореньями, оленями, тюленями, птицей и рыбой. Онъ съ изумительнымъ искусствомъ приготовляетъ стрѣлы, лукъ и остроги. На охотѣ и рыбной ловлѣ онъ выказываетъ много мужества и изворотливости. У него добрый, благодушный и открытый нравъ, исполненный сильной привязанности къ отчизнѣ. Съ своими дѣтьми онъ обращается крайне нѣжно и любовно; давая имъ полную волю, онъ никогда не бьетъ ихъ, какъ бы ни рѣзвились и ни буйствовали они, и его возмущаетъ жестокость Европейцевъ, наказывающихъ своихъ дѣтей за ослушаніе.

Выше всѣхъ стоятъ пастушескія племена. У нихъ дикость переходитъ въ кротость: воспитывая животныхъ, они воспитываются и сами. Пастушескіе народы отличаются простотою въ рѣчахъ и поступкахъ, въ пищѣ и одеждѣ; къ тому же воспитываютъ они и дѣтей своихъ.

Между пастушескими племенами появляются полуисторическіе народы, лишенные впрочемъ, наравнѣ съ неисторическими, въ своемъ образованіи и воспитаніи высшей духовной цѣли. Принадлежащіе къ нимъ Монголы, въ средніе вѣка подобно снѣжному обвалу вторгшіеся въ исторію, не имѣли настоящей исторіи, потому что у нихъ не было ни наукъ, ни искусствъ, ни истиннаго сознанія свободной личности. Семейный бытъ ихъ, такъ же какъ у другихъ дикихъ народовъ, былъ не свободенъ. Жена была безправовою рабою мужа; многоженство было вездѣ въ ходу; бракъ почти ничего не значилъ; нецѣломудріе дѣвицъ вовсе не считалось позоромъ. Гдѣ нѣтъ ни нравственности, ни науки, гдѣ идея не служитъ носительницею духовной жизни, тамъ нѣтъ также исторіи: исторія Монголовъ, по остроумному выраженію Вутке, исходила не отъ народа, а отъ правителей. — Выше стояли почти въ одно время съ Монголами процвѣтавшіе въ новомъ свѣтѣ Мексиканцы и Перуанцы, благодаря сочетанію у нихъ активныхъ и пассивныхъ народныхъ стихій. Перуанцы составляли по настоящему не одинъ народъ, а массу народовъ, искусственно сплоченную чуждымъ владѣтельнымъ родомъ Инокъ. Земледѣліе служило

у нихъ всему основою и достигло высокаго совершенства. Они занимались музыкою и поэзіею, живописью и пластикою. Въ народномъ быту господствовали строгій порядокъ и законность. Благодушіе, покорность и вѣрность, честность и трудолюбіе были главными добродѣтелями. Жены не были лишены правъ. Бракъ свято соблюдался. Воспитаніе считалось государственною обязанностью, оно велось строго и заботливо. Новорожденнаго младенца каждый день купали въ холодной водѣ. До отнятія ребенка отъ груди, мать воздерживалась отъ своего мужа изъ опасенья за здоровье дитяти. Перу, говоритъ Вутке, была не тюрьмою рабовъ, не смирительнымъ домомъ, — но большимъ воспитательнымъ заведеніемъ.—Точно такъ же и Мексика съ ея ацтекскимъ образованіемъ. Тамъ занимались астрономіею, тамъ развивались врачебныя и естественныя знанія, библіотеки и академіи способствовали умственному движенію, тамъ проявлялись чувство чести, вѣрность и великодушіе, бракъ освящался жрецами, и прелюбодѣйство каралось смертью. Тамъ также и воспитаніе пользовалось высокимъ значеніемъ. Дитя безусловно подчинялось родителямъ, ему настрого внушалось уваженіе къ нимъ и вообще къ старости. Въ школахъ, которыя принадлежали жреческому государству, и въ которыхъ дѣтей пріучали къ повиновенію, умѣренности, благочестію, скромности, приличію и труду, предметами преподаванія были религія, нравы, обычаи и законы, а въ высшихъ училищахъ—музыка, живопись, гіероглифы и исторія. Мальчики и дѣвочки строго отдѣлялись другъ отъ друга. Дисциплина соблюдалась строгая и суровая. За ложь дѣтей кололи въ губу шипами алоэ; непослушныхъ дѣтей сѣкли крапивой или розгами; дѣвочекъ, часто убѣгавшихъ изъ дому, принуждали сидѣть съ связанными ногами; за иные проступки дѣтей заставляли вдыхать носомъ ѣдкій паръ, или опаляли имъ волосы и т. п. — Какъ бы впрочемъ ни казалось изумительнымъ это воспитаніе: оно все-таки было скорѣе дрессировкой, чѣмъ воспитаніемъ: потому что не исходило изъ нѣдръ самой личности, но навязывалось ей извнѣ. Какъ воспитаніе, такъ и образованіе Мексиканцевъ и Перуанцевъ, было не что иное какъ привитой къ дикому племени чуждый черенокъ. Оттого-то обокъ съ культурою у нихъ вездѣ еще обнаруживалась прирожденная дикость. Оттого-то науки и искусства ихъ по большей части не что иное какъ подражанія — они скорѣе заучены, нежели сознаны, скорѣе громадны, нежели изящны. Оттого-то и въ нравственности ихъ обокъ съ высокимъ образованіемъ замѣтна ужасающая дикость,—человѣческія жертвоприношенія и людоѣдство.—Мексиканцы и Перуанцы, какъ настоящіе полуисторическіе народы, составляютъ переходъ отъ дикихъ къ цивилизованнымъ, отъ неисторическихъ къ историческимъ націямъ.

Кавказская раса, съ овальною головою, проявляющею

гармонію во всѣхъ частяхъ, съ высокимъ, выпуклымъ лбомъ и съ емкостью черепа въ 87 — 109 кубическихъ дюймовъ, вмѣщаетъ въ себѣ историческіе народы. Она есть средоточіе въ организмѣ человѣчества, мозгъ, а слѣдовательно и духъ его. Всѣ остальныя расы нисходятъ постепенно, отъ кавказской до животнаго организма. Одни только Кавказцы представляютъ индивидуальности, личности, — людей мысли, чувства, и слѣдовательно идеи, стремящихся не только постичь міръ, но также возвысить и восполнить дѣйствительный реальный міръ усовершенствованнымъ идеальнымъ. Жизненный законъ Кавказца есть движеніе, распространеніе и настойчивый поступательный ходъ впередъ. У него поэтому обнаруживается развитіе человѣческаго самосознанія; у него есть исторія.

Кавказская раса живетъ во всей Европѣ, за исключеніемъ Лапландіи и Финляндіи, на сѣверѣ Африки до 20° с. ш., въ Аравіи, Малой Азіи, Персіи, у Гималай до Брахма-Путры, въ Индіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Впрочемъ кавказская раса не вся разомъ и не одновременно выступаетъ на свѣтлое поприще исторіи. Представителями человѣчества на пути развитія его въ разныя эпохи появляются извѣстные и различные притомъ народы, которые и суть носители и исполнители человѣческой идеи. Поэтому то, и изъ кавказской расы въ любую данную эпоху только извѣстные народы выступаютъ на первый планъ и въ качествѣ представителей исторіи, а именно прежде всего восточные народы, за тѣмъ исторія отъ нихъ переходитъ уже къ западнымъ. И точно, по установившемуся, неизмѣнному закону природы, развитіе человѣчества всегда идетъ отъ востока на западъ. Тщетно крестоносцы устремлялись съ запада на востокъ: законъ природы былъ сильнѣе ихъ, и они погибли. Тщетно ратовалъ Наполеонъ противъ неизмѣннаго устава природы: онъ сокрушился о востокъ, на который западу не подобаетъ обращать свои взоры. — Человѣчество шествуетъ заодно съ солнцемъ: на востокѣ его колыбель, на западѣ его цѣль. Азія — востокъ, Европа — западъ всеміpной исторіи. На востокѣ начинается ея младенческая жизнь, — она справляетъ потомъ свой праздникъ юности въ Греціи и Римѣ, а въ средѣ христіанскихъ народовъ, въ средѣ Романовъ и Германцевъ, она сознательно и въ полнотѣ силъ приступаетъ уже къ дальнѣйшему рѣшенію своей задачи.

А.

ВОСТОКЪ.

СУБСТАНЦІАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

ВОСТОКЪ.

СУБСТАНЦІАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

5.

СТРАНА И ЛЮДИ.

Ex oriente lux! (Свѣтъ съ востока!) Солнце восходитъ на востокѣ. Такъ же и солнце духовное. Востокъ есть духовная заря,—разсвѣтъ, часто обложенный утренними туманами; но сквозь нихъ все-таки проторгается солнечный лучъ и разгоняетъ туманъ—это страна дѣтства человѣческаго рода. На Востокѣ начинается исторія человѣчества, и Азія—родникъ историческаго развитія.

Въ Азіи сопроникаются — хотя и не такъ дружно какъ въ Европѣ — процессы воды и суши: а чѣмъ тѣснѣе гдѣ-либо они сопроникаются, тамъ наиболѣе развитъ и край. Африка, напротивъ того, попреимуществу страна высокаго плоскогорья и однообразія—природа въ ней лишена противоположностей: мѣстность однообразная, тѣло безъ расчлененій, нагорье подъ раскаленнымъ небомъ; — оттого она и занимаетъ лишь одно преддверіе въ храмѣ исторіи, а то, что проявляется въ ней на сѣверѣ, принадлежитъ уже къ европейской жизни. Обширный раскинувшійся по всѣмъ главнымъ поясамъ материкъ Азіи вмѣщаетъ въ себѣ, рядомъ съ замкнутыми безконечными равнинами и степями, горные края и низменности, разбросанные наподобіе богатыхъ острововъ, и въ тѣсной связи съ такимъ разнообразіемъ онъ представляетъ столь же многообразный міръ растеній и животныхъ. И каковы его климатъ, растенія и животныя, таковъ въ немъ и человѣкъ. Все носитъ на себѣ одинъ и тотъ же отпечатокъ. Его пышная растительность и раскаленное небо отражаются и въ человѣкѣ. Эта изумляющая и наводящая ужасъ природа, съ ея исполинскими горами и однообразными равнинами, съ ея громадными рѣками и страшнояркими звѣздами, разомъ обуреваетъ духъ

съ такою мощью, что, смущенный и подавленный, онъ безсознательно повергается ницъ передъ нею. Потому-то Востокъ и есть страна субстанціи (цѣльной сути), въ которой исчезаетъ и погибаетъ всякая особь, утопая въ смутныхъ сновидѣніяхъ средь избытка дѣйствительной природы, или, вѣрнѣе безпрестанно колеблясь какъ маятникъ между крайнимъ оцѣпененіемъ и страстной возбужденностью. Востокъ—какъ характеризуетъ его Гегель—есть исходящее изъ патріархальной цѣльности природы, само въ себѣ неразрывное, субстанціальное міросозерцаніе, въ силу котораго свѣтское правительство тамъ теократія, властители — жрецы или самъ Богъ, государственное учрежденіе и законодательство — одно съ религіей, и наоборотъ религіозные и нравственные уставы или вѣрнѣе обычаи—въ то же время государственные и юридическіе законы. Въ велелѣпіи всего этого вмѣстѣ индивидуальная личность безправно теряется, исчезаетъ какъ будто ея и нѣтъ; внѣшняя природа или непосредственно сама по себѣ божественна, или же она здѣсь явно нарядъ Бога, а исторія дѣйствительности—поэзія. Развившіяся соотвѣтственно разнымъ проявленіямъ нравовъ, правленія и государства, разности, при здѣшнемъ простообычіи, становятся, взамѣнъ законовъ, тягостными, мелочными, суевѣрными обрядами,—случайными выраженіями личной власти и самовольнаго господства, а раздѣленіе на сословія прирожденнымъ постоянствомъ кастъ. Цѣпко держась за старые обычаи, обитатель Востока консервативенъ до мозга костей. Высшее блаженство его состоитъ въ покоѣ и наслажденіи. Онъ не вѣдаетъ и не признаетъ ни идеи, ни правъ свободной личности: съ одной стороны онъ не обладаетъ глубокимъ чувствомъ чести и стыда, полагая свое величіе въ хитрости и лукавствѣ; а съ другой—онъ подобостратенъ передъ высшими и деспотиченъ противъ низшихъ. Но во всемъ этомъ человѣкъ не представляется еще личнымъ существомъ: потому-то Востокъ и лишенъ истинно человѣческой основы нравственности,—потому-то отецъ и выходитъ здѣсь неограниченнымъ властелиномъ надъ жизнью и смертью дитяти,—потому-то жена не что иное какъ раба мужа,—потому-то и самое воспитаніе имѣетъ цѣлью сообщить механическій навыкъ къ заповѣдямъ и типамъ, съ которыми связанъ народный бытъ, внушить безотчетное подчиненіе несомнѣнному авторитету, а въ дѣлѣ обученія—передавать въ неизмѣнномъ порядкѣ на память религіозные завѣты, механически заучивать формулы и молитвы, которыя даны разъ навсегда кастою жрецовъ, захватившею въ свои руки все знаніе и все духовное образованье, и которыя въ Тибетѣ и у Калмыковъ совершенно послѣдовательно исполняются машинами. Воспитаніе тщится удержать достигнутую ступень культуры, но отнюдь не выходитъ изъ предѣловъ ея. Не дошедши ни до провѣрки, ни до сознанія, индивидуальность не опредѣляется

и не должна опредѣляться сама собой: это опредѣленіе дается ей извнѣ — рожденіемъ и выучкой. Сообщается и воспринимается только наружное знаніе и умѣнье, такъ какъ восточный духъ сознаетъ себя лишь во внѣ, въ природѣ и вмѣстѣ съ нею. На Востокѣ находятся зачатки всякой культуры, первыя открытія, составляющія основу всякой истинно человѣческой жизни, но одни лишь зачатки и первые краеугольные камни для созданія всемірной исторіи. Востокъ, какъ по всей своей жизни, такъ и по своему воспитанію, есть колыбель народовъ, младенческій возрастъ древности и человѣчества.

Азія, это—подводка первичной исторической жизни,—но не стволомъ своимъ, не туловищемъ, а своими членами, побережьями по всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, изъ которыхъ впрочемъ сѣверная низменность, Сибирь, при оцѣпенѣлости и однообразіи ея, находится внѣ историческаго процесса, тогда какъ въ восточной Азіи или китайской низинѣ залагается починъ исторіи, въ южной Азіи или Индіи послѣдняя идетъ далѣе, а въ западной Азіи она переходитъ отъ настоящаго Востока къ настоящему Западу, такъ что Персидское царство служитъ посредствующимъ звѣномъ между восточною и западной исторіей. Итакъ Азія развертывается съ трехъ сторонъ, въ трехъ царствахъ, орошаемыхъ каждое двурѣчіемъ, и изъ нихъ-то исходитъ исторія воспитанія семейнаго въ Китаѣ, кастоваго въ Индіи и національнаго въ Персіи. Впрочемъ въ каждой изъ этихъ державъ, отдѣльно взятыхъ, воспитаніе обнаруживаетъ столь же ограниченное развитіе, какъ и исторія ихъ вообще, — имъ вѣдомы одни лишь перевороты. Характеръ исторіи въ Азіи болѣе пространственный, чѣмъ временный, такъ что поступательное движеніе, вмѣсто того чтобы развиваться послѣдовательно у одной и той же націи, совершается здѣсь обыкновенно другимъ народомъ, обокъ съ первымъ. Африка въ одномъ только Египтѣ имѣетъ, и то не африканскую, а азіатскую исторію, такъ какъ Египетъ отдѣленъ отъ своего материка пустынями и примыкаетъ напротивъ того къ Азіи при посредствѣ перешейка и морей съ двухъ его сторонъ: какъ свойства самой страны, такъ и воспитаніе ея, носятъ символическій характеръ.

Египетъ, принадлежа къ Африкѣ, все-таки долженъ быть причисленъ къ Востоку; напротивъ того, вершинная точка Семитическаго племени, Палестина съ Израильскимъ народомъ, принадлежащая по положенію къ Востоку, отдѣляется отъ него своею духовною жизнью: обособившись отъ другихъ народовъ и странъ, она съ своею теократіею и съ своимъ теократическимъ воспитаніемъ представляетъ единственную въ своемъ родѣ страну во всемірной исторіи.

КИТАЙ.

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

6.

Китайское государство въ половину болѣе Европы и раскинулось отъ восточно-азіатскаго плоскогорья вплоть до Великаго океана. Оно представляетъ всѣ возможные виды земель въ самыхъ обширныхъ протяженіяхъ и состоитъ изъ возвышенной, расположенной террасами страны и изъ плодоносной низменности, омываемой Гоанъ-Го и Яньцзе-Кіаномъ. По замѣчанію Риттера, растительность и культура великаго государства отвѣчаютъ тремъ главнымъ областямъ: на сѣверѣ отъ Гоанъ-Го, въ междурѣчьи, и въ южной части. „Одна только южная треть представляетъ край романтическій, пустыни и лѣсныя пространства; а между ними отлично воздѣланныя долины, гдѣ ростетъ камфарное дерево, смоковница и чайное деревцо. Въ середней области въ чрезвычайномъ обиліи воздѣлываются рисъ, шелкъ на тутовыхъ плантаціяхъ, хлопокъ, сахарный тростникъ и проч. Въ сѣверной части все это разводится уже въ меньшихъ размѣрахъ, встрѣчается лишь въ скудномъ видѣ, пшеницы мало; въ Печели нѣтъ ни рису, ни чаю, такъ же какъ въ Англіи: зато есть другія хлѣбныя растенія, есть луга, вязы, тополи, ивы". Тутъ (—говоритъ лордъ Бруамъ—), передъ нами территорія громадныхъ размѣровъ, раскинувшаяся на 1500 англ. миль съ востока на западъ и на столько же съ сѣвера на югъ, населенная болѣе чѣмъ 300 милліонами людей, и всѣ они подчинены одному державцу, всѣ сохранили свои обычаи въ теченіе періода, далеко выходящаго за предѣлы достовѣрной исторіи у другихъ народовъ. Страна цивилизована уже, когда Европа была еще погружена въ варварство; она нѣсколькими столѣтіями ранѣе насъ обла-

даетъ искусствами, которыя считаются у насъ высшимъ торжествомъ цивилизаціи; а индустрія ея громадными размѣрами публичныхъ сооруженій и нынѣ даже превосходитъ индустрію и предпріимчивость Запада. Эта страна обнесена отчасти громадною, за 2000 лѣтъ тому назадъ возведенною, стѣною въ 1500 англ. миль длины; она четыре столѣтія уже обладала каналомъ въ 700 миль, когда въ Европѣ вовсе еще не было каналовъ. Благодаря постоянному и механическому повиновенію Китайцевъ, неизмѣримое царство это управляется однимъ верховнымъ главою, какъ будто управляемые не что иное какъ животныя или массы мертваго вещества. При всемъ томъ — говоритъ Лехлеръ—народъ не только не погрязъ въ грубомъ невѣжествѣ, а напротивъ пользуется на самомъ дѣлѣ всеобщимъ въ извѣстной мѣрѣ образованіемъ и дорожитъ имъ болѣе всякаго другаго народа въ мірѣ. Учрежденія Китая существуютъ болѣе 25 вѣковъ и, въ теченіе всего этого чрезвычайно долгаго времени, они не нарушались и не измѣнялись. Несмотря на всю ихъ цивилизацію и на ранніе успѣхи въ наукахъ и искусствахъ, жители никогда не поднимались надъ извѣстнымъ низкимъ уровнемъ, такъ что въ исторіи человѣчества они являютъ собою единственный примѣръ неизмѣнно устойчиваго образованія. Средства этой цивилизованной державы неисчислимы, и все-таки ихъ не достало на то, чтобы предохранить ее отъ двухъ совершенныхъ завоеваній варварскою ордою, чтобы наказать за морскіе разбои сосѣдній островъ—Японію, или чтобы подчинить Китаю незначительное горное племя Мяоцзе. Государственная политика представляетъ безпримѣрную смѣсь мудрости и нелѣпости, глубокаго пониманія и очевидныхъ заблужденій. Науки и искусство поддерживаются, а въ тоже время возбраняется улучшать ихъ черезъ иностранцевъ. Внутренняя промышленность поощряется, а вмѣстѣ съ тѣмъ исключается внѣшняя торговля. Китайцы 4000 лѣтъ тому назадъ умѣли уже дѣлать астрономическія наблюденія, казавшіяся въ то время совершенно точными; нынѣ же они безъ помощи Европейцевъ не въ состояніи даже привести въ порядокъ свой календарь. Точно также, одинъ изъ первыхъ царей ихъ открылъ, что извѣстныя травы пригодны для цѣленія извѣстныхъ болѣзней; и Китайцы до сей поры ограничились этимъ травовѣдѣніемъ, не возведя врачебнаго искусства въ науку. Врачи обучаются частнымъ порядкомъ, они не подвергаются никакому испытанію, и не даютъ никому отчета о томъ, обладаютъ ли знаніемъ человѣческаго тѣла и поражающихъ его болѣзней. Устойчивость коренится въ организаціи Китайца. Съ желтымъ или буроватымъ цвѣтомъ лица, съ своимъ мало выпуклымъ теменемъ, со лбомъ сильно закатившимся назадъ, съ довольно плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, малымъ носомъ, вы-

ступающими и наискось прорѣзанными глазами, съ обиліемъ носовыхъ звуковъ и односложностью языка, онъ — чистый Монголъ. Какъ Монголъ, онъ грубъ въ чувственныхъ похотяхъ и даже въ отношеніи тѣлесной пищи: онъ ѣстъ все сплошь, соколовъ и совъ, собакъ и крысъ, кошекъ и мышей. У него дѣтскій, кроткій, прямодушный, чистоплотный и довольный, но вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительный и лукавый нравъ: такія противоположности встрѣчаются въ одномъ и томъ же лицѣ и обнаруживаются въ различныхъ положеніяхъ, здѣсь въ видѣ гордости, тамъ въ видѣ раболѣпства и т. п. Въ торговомъ дѣлѣ онъ весьма пронырливъ. Въ земледѣліи и промыслахъ обладаетъ большимъ терпѣніемъ: Китайцы—народъ труда, оттого что вполнѣ зависятъ отъ обработки почвы, а въ образецъ себѣ избрали непрерывную, неустанную зиждительность неба. **Языкъ** Китайца главнѣйше состоитъ изъ символическихъ намековъ на мысли, а письмо основано на изображеніи предметовъ, а не на звуконачертаніи: какъ неорганично все міросозерцаніе его, такъ точно и слова языка, тожественныя по внѣшнему содержанію (—значеніе слова въ качествѣ существительнаго, глагола, прилагательнаго, числительнаго и предлога—отличается только удареніемъ—), словно окаменѣлыя приставляются другъ къ другу, не измѣняясь, ни преобразуясь, ни связуясь въ органическое предложеніе, подобно тому какъ говоритъ неразвитое дитя, безсвязно приставляя слова одно къ другому. Изъ 50,000 перпендикулярно одинъ подъ другимъ начертанныхъ письменныхъ знаковъ и 450 слоговъ или простыхъ звукосочетаній возводится все зданіе языка, а для обозначенія множества встрѣчающихся въ жизни понятій эти слоги получаютъ свое дальнѣйшее развитіе тѣмъ, что выговариваются съ разными удареніями и согласно съ этимъ всякій разъ означаютъ иное понятіе. **Кругозоръ мысли**, выражаемой такимъ языкомъ, есть чувственный, не выходящій изъ предѣловъ естественной жизни: духовныя понятія выражаются одиѣми только метафорическими, изъ области природы взятыми перифразами. Касательно литературы имѣется на лицо каталогъ императорской библіотеки въ Пекинѣ, состоящій изъ 112 томовъ въ восьмую долю, страницъ по 300 каждый; въ нихъ содержится 12000 заглавій и сочиненій, съ присоединеніемъ краткихъ очерковъ содержанія отдѣльныхъ книгъ. На первомъ мѣстѣ стоятъ нравственныя сочиненія; они зовутся **Кинь**; это тѣ именно книги, которыя слывутъ классическими или священными писаніями Китайцевъ. Изъ нихъ 5, частью собранныхъ Конфуціемъ, частью имъ самимъ сочиненныхъ: 1) Іитъ-Кинь, книга переворотовъ, содержащая въ себѣ основы космическаго міросозерцанія Китайцевъ; 2) Шу-Кинь, или книга повѣствованій, содержащая въ себѣ отрывки изъ исторіи первыхъ трехъ династій. Тамъ есть много превосходныхъ рѣчей древ-

нихъ императоровъ, сверхъ того изреченія и совѣты министровъ, гдѣ золотою нитью проходятъ слова: бойся Бога, будь добродѣтеленъ, люби своихъ подданныхъ и заботься объ нихъ какъ отецъ; 3) Ши-Кинь, или книга пѣсень, собраніе 300 одъ, изображающихъ нравы тогдашней эпохи; 4) Ли-Ки, книга обрядовъ, содержитъ въ себѣ наставленія обо всѣхъ возможныхъ дѣйствіяхъ въ жизни относительно семьи, государства и религіи; она составляетъ сводъ законовъ принятаго этикета; 5) Чунь-Чинь, историческое твореніе, составленное самимъ Конфуціемъ, описываетъ современный ему бытъ и содержитъ въ себѣ исторію его времени. За 5-ью классиками слѣдуютъ такъ называемыя 4 книги, содержащія въ себѣ ученія Конфуція и Менція, въ томъ видѣ какъ записаны они ихъ учениками. Главная суть ихъ состоитъ въ самообразованіи чрезъ упражненіе въ добродѣтеляхъ, небомъ вложенныхъ въ душу человѣка. Затѣмъ излагается еще семейное, а наконецъ государственное образованіе. Наука стоитъ и цѣнится выше всего въ китайской жизни: чиновники всѣ только изъ однихъ ученыхъ. „Въ Китаѣ наука и государство—одно; вся жизнь народа основана на познаніи; мудрецы тамъ государственные люди и государственные люди—мудрецы". Особенно астрономія, какъ наука о небѣ, этомъ высшемъ откровеніи бытія Божія, рано развилась: астрономы суть пророки неба, и государь въ своемъ управленіи обязанъ сообразоваться съ расположеніемъ созвѣздій. Естественная исторія богато разработывается тщательными наблюденіями. Врачебная наука не вышла еще изъ предѣловъ самыхъ грубыхъ начатковъ. Исторія, которая въ Китаѣ въ сущности не что иное какъ естественная исторія, обладаетъ весьма богатою литературой. А философія пытается постичь сущность всѣхъ вещей. Но такъ какъ у Китайца умозаключительная способность отступаетъ вездѣ на заднiй планъ, то собственно научная жизнь его состоитъ большею частью изъ простого набора наблюденій и примысловъ; умственная же разработка матеріала началась, и то лишь кое въ чемъ, только съ рождества Христова. Оттого-то Китайцы, сдѣлавшіе такъ много открытій, лишены способности совершенствовать и примѣнять послѣднія. Въ Китаѣ изобрѣтенъ огнестрѣльный порохъ прежде чѣмъ его узнали въ Германіи; тамъ ознакомились съ искусствомъ размножать снимки посредствомъ деревянныхъ стереотиповъ задолго еще до открытія книгопечатанья въ Германіи; тамъ впервые изобрѣтены фарфоръ, компасъ, колокола, игорныя карты. Но всѣ эти изобрѣтенія сами по себѣ, или же вслѣдствіе того, что ими никто не пользовался, свидѣтельствуютъ объ ограниченности ума. Китайцамъ недостаетъ притомъ идеальности и высшихъ чувствъ, точно такъ же какъ и высшихъ мыслительныхъ способностей: оттого-то искусство, основанное на перевѣсѣ личнаго ду-

ха надъ природой, такъ какъ оно есть идеализація природы духомъ человѣческимъ, не достигаетъ у нихъ высшаго развитія. Китайскія рѣзныя работы не что иное какъ игрушки. Зодчество лишено размаха и идеальности. Живопись тамъ безъ перспективы: чутье размѣровъ очень скудное. Зато удивительно чутье красокъ и—всѣ зданія тамъ расписаны: вообще Китайцы превосходятъ всѣ націи въ красильномъ искусствѣ. Музыка шумлива, но въ ней мало гармоніи: „Ваши аріи, говорилъ китайскій докторъ изъ Хань-линя отцу Аміоту, созданы не для нашихъ ушей, а наши не для вашихъ". Наряды отличаются пышностью, но не изяществомъ формъ; щеголяютъ здѣсь уродствомъ, а не правильнымъ развитіемъ, и изящныя движенія замѣняются въ Китаѣ ловкостью—искусствомъ фигляра. Поэзія, это духовное искусство, производительна въ качествѣ лирики, и хотя она тутъ нѣжна и правдива, но при всемъ томъ черезчуръ трезва и холодна; у Китайцевъ есть также пѣсни, дидактическіе стихи, басни, и даже драмы; но послѣднія по достоинству еще ниже остальныхъ художественныхъ произведеній. Какъ поэзія, такъ точно и китайская религія коренится попреимуществу въ разсудкѣ, отличающемъ внѣшность вещей отъ ихъ нутра, явленіе—отъ присущей ему силы. Цѣлесообразность и правильность, разсудочная сторона природы: вотъ что чтится Китайцами. Китайская религія сморитъ на бытіе природы не только какъ на множество единичныхъ существованій, но и съ точки зрѣнія всеобщей силы природы; эта сила называется уставомъ и закономъ цѣлаго, и въ качествѣ этого—небомъ (тянь). Небо есть божественное начало,—око и часы міра. Небо и земля—сказано въ Чу-Кини—суть отецъ и мать всѣхъ вещей, ибо земля въ ея уряженныхъ явленіяхъ есть видимый живой слѣпокъ съ невидимаго уряда небеснаго. Въ Ши-Кинь сказано: „Небо создаетъ всѣхъ людей и назначаетъ имъ ихъ обязанности, снабдивъ ихъ притомъ средствами для выполненія послѣднихъ". Въ „четырехъ книгахъ" значится: „Кто повинуется небу, тотъ будетъ сохраненъ; а кто ослушается неба тотъ долженъ погибнуть". Человѣкъ есть существо духовное—вань-вутъ-чи-линь, то-есть „всѣхъ вещей духъ". У животнаго нѣтъ линя или духа, хотя оно и обладаетъ способностью познавать и дѣйствовать; оно слѣдуетъ при этомъ своему природному побужденію. Менцій говоритъ: „Когда рѣчь идетъ о дыханіи или жизни, то между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ различія относительно ихъ познанія и дѣйствія; когда же говорится объ ихъ разумѣ, то развѣ можно предполагать у животныхъ любовь, справедливость, благонравіе и мудрость въ такомъ совершенствѣ? Изъ этого видно, что человѣкъ есть духъ всѣхъ вещей, или что изъ всѣхъ тварей онъ одинъ обладаетъ разумною душою". Краткій учебникъ, читаемый и затверживаемый всѣми начинающими,

въ самомъ началѣ утверждаетъ, что человѣкъ отъ природы добръ и что въ этомъ отношеніи всѣ люди отъ рожденія равны между собою; но практика жизни отчасти очень далеко разводитъ ихъ другъ съ другомъ. Менцій говоритъ: „У всѣхъ людей есть сострадательное сердце; у всѣхъ есть сердце, способное стыдиться порока; у всѣхъ есть сердце, склонное оказывать уваженіе и почетъ; у всѣхъ есть сердце, способное отличать правое отъ неправаго. А сострадательное сердце есть любовь; сердце, способное стыдиться порока, есть справедливость; сердце, склонное оказывать уваженіе и почетъ, есть благонравіе; сердце, способное различать правое отъ неправаго, есть мудрость. Эти добродѣтели водворены въ насъ не извнѣ; напротивъ, мы обладаемъ ими существеннымъ образомъ“. Конфуцій въ книгѣ золотой середины поясняетъ: „Задачу добраго человѣка можно сравнить съ предпріятіемъ дальняго странствія: пускаясь въ дальній путь, онъ все-таки долженъ отправиться изъ ближайшаго мѣста; или же сравнимъ ее съ восхожденіемъ на вершину горы, причемъ необходимо начать съ подошвы“. Поясненіе: „Кто хочетъ достичь полнаго совершенства своей натуры, тотъ долженъ начать съ 5 отношеній человѣческаго общества (царь и подданный, отецъ и сынъ, старшіе и младшіе братья, мужъ и жена, друзья) и исполнять простыя обыденныя добродѣтели; кто пренебрегаетъ простыми и легкими добродѣтелями, тотъ не въ состояніи достичь полнаго совершенства своей натуры“.—Китайцы вовсе не знаютъ анатоміи, оттого что ради отшедшаго духа покойника они опасаются вскрывать трупы. Шу-Кинь говоритъ, что у человѣка 5 чувствъ: образъ, слово, зрѣніе, слухъ и мыслительная способность. Ему же приписывается 7 душевныхъ свойствъ: 1) онъ способенъ радоваться; 2) гнѣваться; 3) печалиться; 4) веселиться; 5) питать любовь; 6) ощущать ненависть; 7) желать чего либо. Разсудокъ Китайцы полагаютъ въ желудкѣ: свѣтлая голова покитайски называется свѣтлымъ брюхомъ. Они убѣждены также, что климатъ оказываетъ сильное вліяніе на человѣка. Конфуцій говоритъ: „Наставлять людей терпѣливо и кротко и не мстить тому, кто безразсудно поступитъ въ отношеніи къ намъ: таковъ духъ юга. Быть всегда вооруженнымъ и безъ страха встрѣчать смерть: вотъ духъ сѣвера и стихія храбраго“. „Если человѣкъ повиненъ въ утратѣ своего добраго сердца, то самъ онъ долженъ и возстановить себя.“ „Кто пользуется своимъ разсудкомъ, тотъ обрѣтетъ путь истины; а кто не пользуется своимъ разсудкомъ, тотъ не обрѣтетъ этого пути. Никто не сѣтуй о томъ, что будто у него нѣтъ силъ; вся бѣда въ недостаткѣ упражненія или навыка“. Менцій совѣтуетъ прибѣгать къ упражненію, какъ къ средству возстановить утраченное доброе сердце, а Конфуцій — къ наукѣ, къ изученію. Въ книгѣ золотой середины говорится: „Конфуцій сказалъ: кто лю-

битъ учиться, тотъ близокъ къ познанію; кто энергически дѣйствуетъ, тотъ близокъ къ любви; кто обладаетъ совѣстливостью, тотъ близокъ къ веледушію; кто вѣдаетъ эти три вещи, у того есть средства воздѣлывать личную добродѣтель". Поясненіе: „Натуры людей отъ начала равно добродѣтельны; но способности ихъ не равны. Нѣкоторые никогда не утрачиваютъ первобытной чистоты нрава: таковы были Яу и Шунь, святые отъ рожденія. У другихъ же первобытная чистота нрава и совершенный разсудокъ отчасти запятнаны и омрачены вліяніемъ внѣшнихъ предметовъ; потому-то и необходима наука, дабы исчезли нравственныя пятна и туманъ, заволокающій разсудокъ, и душа возстановилась въ первобытномъ своемъ велелѣпіи. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить государи Ву, Вань и Танъ. Но бываютъ еще и такіе, у которыхъ нравъ дотого запятнанъ, что необходимымъ оказывается долгій, бдительный курсъ напряженныхъ занятій науками, для того чтобы произвесть совершенное обновленье. Однако, подобно тому какъ люди, странствуя по разнымъ путямъ, все-таки прибываютъ наконецъ въ одинъ и тотъ же городъ, такъ точно и всѣ люди равны, когда достигнутъ совершенства; какими бы средствами ни снискивалось полное познаніе и совершенная святость, но личнымъ усиліемъ всѣ могутъ этого достичь". —

Въ смыслѣ рода, человѣкъ занимаетъ середину между небомъ и землей, и во вселенной онъ предназначенъ поддерживать равновѣсіе, какъ носитель нравственнаго міропорядка. Однимъ лишь устойчивымъ пребываніемъ въ надлежащей серединѣ обусловливается равновѣсіе во вселенной и поддерживается зиждительность и творчество неба и земли: надлежащая середина есть всеобщій уставъ вселенной, нарушаемый грѣхомъ человѣка. Главная добродѣтель поэтому состоитъ въ спокойной мирной жизни, въ мягкой кротости по отношенію къ другимъ людямъ, въ пассивной переносливости, въ любви къ пощадѣ, уступчивоости, повиновенію, вѣрности, порядку, какъ постоянному сохраненію правильной жизни, къ соблюденію мѣры во всемъ. Заботиться о томъ, чтобы не нарушалась эта надлежащая середина, есть великая задача государя, великаго сына небесъ, настоящаго бога на землѣ, который руководитъ и управляетъ человѣческими учрежденіями при посредствѣ все соображающаго закона и іерархіи безчисленныхъ чиновниковъ. Государь есть руководящее средоточіе человѣчества,—правитель, образователь, образецъ, отецъ народа, пекущійся о тѣлесномъ и духовномъ его благѣ — онъ душа государства, въ которомъ народъ — тѣло, онъ—настоящее провидѣніе; къ нему народъ съ неограниченнымъ довѣріемъ возводитъ взоръ; въ немъ онъ чувствуетъ

себя свободнымъ постольку, поскольку точными предписаніями и правилами опредѣляются обязанности его во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Государство не что иное какъ семья, развившаяся въ міровое, космическое значеніе. Семья стала государственнымъ строемъ, а государственный строй сталъ семьею: существуютъ лишь отцы и дѣти—одна лишь великая народная семья, глава которой, отецъ всѣхъ, государь, съ отеческимъ деспотизмомъ господствуетъ надъ отцами семействъ и надъ отцами правленія.

Семья здѣсь средоточіе всякой нравственности, самая завѣтная святыня всякой жизни. Потому-то и бракъ пользуется столь высокимъ значеніемъ; въ немъ отражается божественная жизнь природы. Правда, въ Китаѣ все еще господствуетъ многоженство; однако наложницы не пользуются одинаковымъ правомъ съ законною женой, и на дѣтей ихъ переходитъ право наслѣдства только уже за дѣтьми послѣдней. Притомъ мужъ не властенъ изгнать отъ себя жену, по произволу, а развѣ вслѣдствіе безплодія ея, распутства, неуваженія ея къ родственникамъ мужа, болтливости, склонности къ воровству, вслѣдствіе завистливаго и недовѣрчиваго нрава и непреодолимой ненависти. Бракъ есть нравственный долгъ, отъ котораго не въ правѣ уклоняться добродѣтельный человѣкъ; ибо холостякъ есть убійца своего рода. Хотя жена и составляетъ звено въ мирной и блаженной гармоніи вселенной, а все-таки она не пользуется равенствомъ съ мужемъ. Она не только обязана безусловно повиноваться ему, но и живетъ при немъ въ подслужническомъ состояніи. Жена, нанесшая мужу оскорбленіе, карается 100 ударами бамбуковою тростью, тогда какъ наоборотъ мужъ въ подобномъ случаѣ не подлежитъ наказанію. Законныя жены всѣхъ сословій до сихъ поръ еще продаются. Знатная женщина съ самыхъ раннихъ лѣтъ уже подвергается изувѣченію ногъ, загибанію большихъ пальцевъ, вслѣдствіе чего она не въ состояніи ни ходить долго, ни стоять; она ограничена исключительно своимъ домомъ и покидаетъ его не иначе какъ въ крытыхъ носилкахъ. Жены ремесленниковъ, поденщиковъ и хлѣбопашцевъ работаютъ на своихъ господъ и владѣльцевъ. Вытравленіе зародыша и подкидыванье младенцевъ не подлежатъ карѣ. Проституція китайской женщины является въ болѣе позорномъ видѣ, нежели у какой либо иной націи. Низкое положеніе женщины обнаруживается уже въ воспитаніи. Новорожденный мальчикъ, при рожденіи котораго передъ дверьми вывѣшиваются лукъ и стрѣлы, тщательно укутывается въ лучшія пеленки; а дѣвочка, рожденіе которой заявляется веретеномъ и пряжей передъ дверью родителей, пеленается въ тряпье. Дѣвочка довольствуется черепками, тогда какъ мальчикъ играетъ дорогими каменьями; если отца спрашиваютъ о чи-

слѣ его дѣтей, то онъ считаетъ однихъ только сыновей своихъ. Дѣвочки рѣдко обучаются; ихъ пріучаютъ лишь къ обыкновеннымъ домашнимъ работамъ; начиная съ 10 лѣтъ ихъ не пускаютъ изъ дому; 20-ти лѣтъ онѣ должны выходить замужъ. Оттого-то женщины рѣдко хорошо пишутъ и читаютъ. „Что хорошаго можетъ сдѣлать женщина вообще? пускай ее печется о томъ, какъ бы приготовить и сохранить вино, сварить пищу; дѣвочка прежде всего должна позаботиться о томъ, чтобы не быть въ тягость своимъ родителямъ.“ Ши-Кинь.—„Домъ—тюрьма женщины“. Кунцзе говоритъ: „Жена всѣмъ своимъ бытіемъ подчинена мужу; умретъ онъ, она все-таки еще не госпожа сама себѣ: какъ дочь, она обязана повиноваться своимъ родителямъ, а лишась ихъ— своимъ старшимъ братьямъ; какъ вдова, она состоитъ подъ надзоромъ своего старшаго сына, и онъ, обращаясь съ нею любовно и почтительно, обязанъ устранять отъ нея всякія опасности, грозящія ей вслѣдствіе слабости ея пола“.—Отношеніе родителей къ дѣтямъ есть крайній и чистѣйшій отблескъ отношенія между небомъ и тварью, а уваженіе и любовь дѣтей къ родителямъ есть первая и святѣйшая обязанность, она выше супружеской любви, выше уваженія къ государю; оттого отецъ государя и не считается подданнымъ его. Въ обязанностяхъ къ родителямъ заключаются для Китайца всѣ остальныя обязанности. Дѣтская любовь есть основа всѣхъ обычаевъ и учрежденій, зародышъ и верхъ всѣхъ добродѣтелей. „Кто чтитъ родителей, тотъ такъ же высоко почтитъ и государя, а послѣдній уважитъ въ подданныхъ дѣтей своихъ“. Повиновенію дѣтей къ отцу нѣтъ предѣловъ: по жалобѣ отца мандаринъ обязанъ наказать сына безъ всякихъ доводовъ; ибо сынъ, которымъ недоволенъ отецъ, достоинъ наказанія. Отцеубійца разрывается на куски и домъ его сносится съ лица земли: за такое преступленіе смѣняются всѣ окружные начальники, ибо оно сдѣлалось возможнымъ лишь вслѣдствіе дурнаго управленія. „Если родители ошибаются,—сказано въ книгѣ Ли-ки—то сынъ долженъ смиренно, почтительно и кротко обратить ихъ вниманіе на ошибку. Если они отвергнутъ его порицанія, то онъ долженъ стараться быть еще болѣе покорнымъ и почтительнымъ, а потомъ опять-таки представить имъ ихъ ошибку. Если же родители въ гнѣвѣ накажутъ сына такъ, что потечетъ кровь, то онъ все-таки не долженъ питать злобы на нихъ, а напротивъ обращаться къ нимъ съ тѣмъ еще бóльшимъ уваженіемъ“. Содержать устарѣвшихъ родителей есть высшій долгъ сына, и если отецъ или мать умретъ, то сынъ долженъ носить трауръ три года и въ теченіе всего этого времени не измѣнять ничего, что сдѣлано или устроено отцомъ. Каждый родъ хоронится въ одной общей гробницѣ, которая въ извѣстные сроки посѣщается

родственниками; удаляться отъ нея въ чуждую страну считается высшимъ позоромъ и преступленіемъ достойнымъ смерти.

Старости оказывается вообще высокій почетъ. По смерти отца старшій сынъ есть глава семейства и уважается какъ родной отецъ. „Чти какъ отца твоего того, кто вдвое старше тебя, и какъ старшаго брата — того, кто 10-ью годами старше“.

Такое же уваженіе ученикъ обязанъ оказывать учителю. Кого ты призналъ разъ своимъ учителемъ, того всю жизнь долженъ уважать какъ своего отца,—гласитъ китайская поговорка. Когда ученикъ идетъ по улицѣ съ своимъ учителемъ, то онъ не смѣетъ покидать его, чтобы поговорить съ другимъ попавшимся навстрѣчу лицомъ; притомъ онъ не смѣетъ идти рядомъ съ нимъ, но долженъ держаться нѣсколько вправо. Когда учитель обопрется на его плечо, съ тѣмъ чтобы сказать ему что-нибудь на ухо, то онъ долженъ прикрыть ротъ рукою, дабы не обременить учителя своимъ дыханіемъ. Когда учитель о чемъ нибудь спрашиваетъ, — онъ не смѣетъ предупредить его отвѣтомъ и отвѣчать, пока тотъ не кончилъ.

Воспитаніе дѣтей начинается даже до рожденія ихъ на свѣтъ. Китайцы пекутся о діэтѣ беременныхъ женщинъ, запрещаютъ имъ любовную страсть; у нихъ есть сочиненія и объ акушерствѣ. Къ настоящему воспитанію по Чинъ-цзё родители приступаютъ тогда, когда дѣти начнутъ говорить и ѣсть одни; ибо такъ какъ у дѣтей нѣтъ еще ничего такого, что могло бы направлять ихъ помыслы, то и надлежитъ изо дня въ день наполнять ихъ уши и начинять ихъ чрево правилами истины. Такъ какъ воспитаніе вообще никогда не обходится безъ ослушанія и слѣдовательно безъ огорченья, то, щадя святость отношеній родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, считаютъ за лучшее нанимать воспитателя, или съ другими родителями обмѣниваться дѣтьми для воспитанія, или же, наконецъ, отдавать послѣднихъ въ школу. При всемъ томъ родители отъ природы уже обязаны оказывать своимъ дѣтямъ самыя нѣжныя попеченія. Родители—такъ поучаетъ одинъ изъ китайскихъ императоровъ—должны быть внимательны къ малѣйшему крику ребенка, прислушиваться къ звукамъ его голоса, наблюдать за выраженіемъ и цвѣтомъ его лица, дабы тотчасъ удовлетворять его потребностямъ. „Когда ребенокъ улыбнется, родители радуются, когда онъ заплачетъ, они горюютъ. Когда онъ начинаетъ ходить, то они слѣдятъ за малѣйшимъ его движеніемъ, ни на шагъ не отходя отъ него; когда онъ боленъ, то имъ самимъ не до покоя и не до ѣды. Они выкармливаютъ ребенка, обучаютъ его, пока не образуютъ изъ него человѣка; потомъ женятъ его, даютъ ему

домъ, подвергаются всяческимъ мукамъ, лишь бы пристроить свое дитя и обезпечить его положеніе, и такимъ образомъ истощаютъ ради него всѣ силы души своей. О, добродѣтель отца и матери поистинѣ безпредѣльна, она подобна высшему небу". Теперешній обычай бѣдныхъ родителей въ Китаѣ продавать своихъ родныхъ дѣтей, какъ кажется, не противорѣчитъ у Китайцевъ любви родительской, такъ какъ проданныя дѣти становятся не рабами, но служащими членами купившей ихъ семьи. Вошедшее въ позднѣйшее время въ обычай подкидыванье или умерщвленіе новорожденныхъ противорѣчитъ однако духу древнихъ нравовъ и законовъ; правительство же съ своей стороны можетъ противодѣйствовать этому лишь посредствомъ воспитательныхъ домовъ, такъ какъ родители пользуются безусловнымъ правомъ надъ своими дѣтьми.

Важность всеобщаго обученія, для „народа", по словамъ Лехлера, признавалась уже Конфуціемъ, и система его была до значительной степени приведена въ исполненіе,— все это въ такую эпоху, когда ни у одной націи въ мірѣ не было ничего подобнаго. „Обрядникъ" говоритъ, что въ древнія времена для цѣлей воспитанія въ деревняхъ были свои школы, въ округахъ свои академіи, въ департаментахъ свои коллегіи, а въ княжествахъ свои университеты. Главная побудительная причина къ научнымъ стремленіямъ среди народа заключается вообще въ надеждѣ достичь этимъ путемъ должностей и почестей; единственный курсъ преподаванія есть закономъ предписанный классическій и историческій. Вслѣдствіе такого несообразнаго предпочтенія классиковъ умственныя способности учащихся развиваются негармонично, а остальныя отрасли литературы не способствующія непосредственно упомянутой практической цѣли, находятся въ пренебреженіи. Всякая отрасль знанія, за исключеніемъ законовѣдѣнья, исторіи и государственной статистики, считается неважною, въ сравненіи съ классиками, и восьмидесятилѣтній ученый словесникъ окажется несостоятельнымъ въ большей части отраслей всеобщихъ познаній, невѣждой относительно многихъ предметовъ и событій въ исторіи своего народа, не знать которыя считалось бы срамомъ даже для любого школьника въ западномъ мірѣ. Права и обязанности какъ правительства, такъ и каждой единичной личности въ ея разныхъ соціальныхъ отношеніяхъ, какъ чиновника, супруга, отца, сына, брата, друга и пр., составляютъ главное содержаніе китайскихъ учебниковъ. Конфуцій въ основу своей системѣ положилъ существующія въ природѣ начала зависимости и подчиненія. Эти коренныя начала путемъ школьнаго преподаванія тщательно внушаются молодому уму и полагаются въ основу его нравственнымъ чувствамъ. Разъяснить и примѣнить эти принципы къ дѣлу составляетъ задачу студентовъ, го-

товящихся быть государственными людьми, и вліянію этихъ началъ на умъ и нравъ народа слѣдуетъ главнѣйше приписать то, что Китай сталъ именно такимъ, каковъ онъ есть. Итакъ главная конечная цѣль всякаго воспитанія у древнихъ Китайцевъ состояла не въ томъ, чтобы начинить голову знаніями, но болѣе въ томъ, чтобы наставленіями исправить сердце и очистить наклонности.

Мальчики начинаютъ учиться съ шестого или седмого года. Обученіе отнюдь необязательное. Правительство не назначаетъ отъ себя учителей. Содержателю школы нѣтъ надобности сдавать экзаменъ, и онъ не нуждается въ правительственномъ разрѣшеніи. Родители берутъ въ учителя для своихъ дѣтей того, кому они сами довѣряютъ. Онъ нанимается на̀ годъ и получаетъ отъ 100 до 200 гульденовъ жалованья на всемъ готовомъ содержаніи или съ соотвѣтственной тому надбавкой. Одинъ учитель беретъ на себя отъ 20 до 30 учениковъ. Школьныхъ зданій въ качествѣ общественной собственности какого нибудь города не существуетъ. Въ богатыхъ домахъ для учебнаго класса назначается шу-фунъ, т. е. книжная комната; или же самъ учитель живетъ въ удобномъ для школы домѣ и принимаетъ учениковъ у себя. Чаще всего школы помѣщаются въ храмахъ или въ галереяхъ предковъ.

Устройство школы весьма просто. Учителю даютъ столъ и кресло, а ученики обязаны сами принести съ собою по письменному столику и по стулу. Каждый изъ нихъ долженъ самъ запастись книгами, бумагою, тушью и кистью для письма. Поступленіе въ школу сопровождается формальною церемоніей, называемой кои-гокъ, т. е. начало ученія. Въ каждой школѣ помѣщается небольшой алтарь, посвящаемый Конфуцію и Вунь-чунъ-я, котораго именуютъ богомъ наукъ. Учитель прежде всего совершаетъ здѣсь жертвоприношеніе и молитъ о духовномъ присутствіи тѣхъ обожаемыхъ личностей, чтобы школа преуспѣвала подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ и изъ нея выходили знаменитые мужи. Затѣмъ ученики изъявляютъ свое глубокое уваженіе воскуреніемъ ладона и преклоненіемъ передъ алтаремъ, поручая себя такою церемоніею особому покровительству чтимыхъ ими боговъ. При этомъ мальчикамъ даютъ новыя имена. До этихъ поръ они звались такъ называемымъ молочнымъ именемъ; теперь же получаютъ школьное прозвище. Имя потомъ опять мѣняется при достиженіи новой степени, при вступленіи въ бракъ и т. д. Каждый день, приходя въ школу, ученики преклоняются сперва передъ алтаремъ, потомъ передъ учителемъ, и затѣмъ садятся по мѣстамъ. На учителя возлагается не только преподаваніе, но также и воспитаніе. Онъ обязанъ поэтому препода-

вать ученикамъ хорошее обращеніе и внушать имъ правила приличія и вѣжливости.

Первымъ учебникомъ служитъ „Вступленіе въ области классической и исторической литературы". Въ немъ сначала говорится о необходимости и методахъ воспитанія. Потомъ посредствомъ правилъ и примѣровъ подтверждается важность дѣтскихъ и братскихъ обязанностей; затѣмъ слѣдуетъ обзоръ разныхъ отраслей знанія въ восходящемъ порядкѣ по разнымъ кореннымъ числамъ: три великія силы (небо, земля и человѣкъ), четыре времени года и страны свѣта, пять стихій (металлъ, дерево, вода, огонь, земля), пять главныхъ добродѣтелей (любовь, справедливость, пристойность, мудрость, истина), шесть родовъ зерноваго хлѣба (рисъ, ячмень, пшеница, бобы, просо и особый родъ ржи), шесть домашнихъ животныхъ (лошадь, быкъ, овца, птицы, собаки, свиньи), семь страстей (любовь, ненависть, радость, печаль, веселье, гнѣвъ и страхъ), восемь музыкальныхъ нотъ, девять степеней родства, десять соціальныхъ обязанностей (между государемъ и министромъ, отцомъ и сыномъ, мужемъ и женой, старшими и младшими дѣтьми, и между друзьями). За этимъ обзоромъ слѣдуютъ правила для курса академическихъ наукъ, съ росписью употребляемыхъ при этомъ книгъ, съ очеркомъ всеобщей исторіи Китая и перечнемъ слѣдовававшихъ другъ за другомъ династій въ государствѣ. Матеріалъ слишкомъ сжатъ и черезчуръ сухъ, такъ что молодой умъ не въ состояніи воспользоваться имъ для своего образованія. Впрочемъ въ этомъ возрастѣ и не имѣется вовсе въ виду развитіе мыслительной способности учениковъ; они должны лишь совершенно механически усвоить себѣ на память запасъ всего достойнаго изученія, пока не наступитъ время, когда при посредствѣ поясненій учителя раскроется передъ ними смыслъ всего пройденнаго.

Методъ обучать чтенію — слѣдующій: книга открывается и учитель начинаетъ читать. Ученики, изъ коихъ каждый имѣетъ передъ собою свою книгу, повторяютъ за нимъ каждое слово, пристально смотря въ книгу и слѣдуя за словами указательнымъ пальцемъ. Читается одна только строка и повторяется до тѣхъ поръ пока ученики не запомнятъ выговора каждаго изъ знаковъ и пока они не будутъ въ состояніи прочесть строку безъ учителя. Потомъ они должны выучить ее наизустъ. Это совершается громогласно, такъ что каждый особнякомъ выкрикиваетъ свой урокъ, пока не запечатлѣетъ его въ своей памяти. Покончивъ съ этимъ, ученикъ подходитъ къ учителю, кладетъ передъ нимъ на столъ свою книгу, и обернувшись къ нему спиной, говоритъ свой урокъ. Затѣмъ учитель приступаетъ къ слѣдующей строкѣ и продолжаетъ такимъ образомъ, пока уче-

ники не выдолбятъ наизустъ всю книгу. Книга составлена ритмически, такъ что три письменныхъ знака всякій разъ образуютъ предложеніе; потому она и называется также Сам-шу-кинь, или триметренною классическою книгой.

Въ этой первоначальной школѣ сверхъ чтенія писаннаго обучаютъ еще и письму. Учитель даетъ ученикамъ пропись, содержащую въ себѣ сперва простѣйшіе знаки изъ немногихъ штриховъ; потомъ они постепенно переходятъ къ болѣе сложнымъ знакамъ. Эти прописи подкладываются подъ бумагу, на которой пишетъ ученикъ, и онъ копируетъ по нимъ кистью. Научившись копировать, онъ начинаетъ писать прямо отъ руки. Многіе изъ мальчиковъ, посѣщая школу, едва выучиваются читать и писать, и при этомъ не доходятъ даже до уразумѣнія буквъ. Если нѣкоторые изъ нихъ и въ состояніи прочесть безъ запинки цѣлую книгу, то они все-таки не могутъ еще дать отчетъ о содержаніи прочитаннаго; что жь касается до обученія счету, географіи, всеобщей исторіи, естествознанію, или иностраннымъ языкамъ, то объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Не обучаютъ также и закону Божію. Впрочемъ Сам-шу-кинь и слѣдующіе за нимъ другіе краткіе учебники сами по себѣ обладаютъ уже нравственнымъ характеромъ; послѣ нихъ читаются книги, содержащія въ себѣ ученія Конфуція и Менція.

Тѣмъ изъ учениковъ, которые захотятъ посвятить себя наукѣ, классики объясняются основательнѣйшимъ уже образомъ; они должны сочинять стихи и разсужденія на темы. Это дѣлается при помощи учителей, выдержавшихъ экзаменъ и получившихъ ученую степень. Если который нибудь изъ нихъ пріобрѣтетъ себѣ хотя отчасти добрую славу своей ученостью или своимъ преподавательскимъ искусствомъ, то вокругъ него собирается уже бо̀льшее число учениковъ, которые подъ его руководствомъ и готовятся къ экзаменамъ. Такихъ частныхъ коллегій есть много по городамъ, и еще больше за̀городомъ. Въ нихъ читаются лекціи о 4-хъ основныхъ книгахъ и о 5-ти классикахъ. По четыре раза въ мѣсяцъ пишутъ тамъ стихами и прозой на заданныя темы, переговоривъ объ нихъ напередъ съ учителемъ и подъ его руководствомъ. Для усвоенія плавнаго слога и изящества въ композиціи, китайскіе студенты затверживаютъ въ образецъ себѣ наизустъ значительное число статей, превосходно написанныхъ славными учеными и находящихся въ особаго рода сборникахъ.

Лехлеръ сообщаетъ сочиненіе на тему „Фуй-я-пут-хой-хи-локъ“ т. е. „радость Фуи никогда не подвергалась измѣнчивости“. По закону, каждое такое сочиненіе должно состоять изъ 8 членовъ. Первый членъ называется фо-тхи, т. е. введеніе въ тему, и статья начинается такъ: „Великій мудрецъ (Фуи) обладалъ истинною радостью; но только одинъ

Святой (Конфуцій) уразумѣлъ, что такая радость не подвергалась никакой перемѣнѣ. Потому что радость, порожденная не внѣшними условіями, не претерпѣваетъ отъ нихъ и никакой измѣнчивости. А кто же кромѣ самого великаго мастера могъ постичь, вслѣдствіе чего Фуи сталъ именно тѣмъ, чѣмъ былъ Фуи! (Затѣмъ слѣдуетъ 2-ой членъ ги-кунъ, т. е. приступъ къ разсмотрѣнію предмета.) Между людьми на землѣ лишь довольный своимъ жребіемъ человѣкъ независимъ отъ внѣшняго счастья, и владѣющій самимъ собою не предается внутренней лѣни, такъ какъ душѣ его присуща добродѣтель. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что онъ одаренъ отъ неба совершенною натурою. Не обладай онъ ею постоянно, то даже и при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ не очень дорожилъ бы ею, а какая-нибудь напасть тѣмъ паче была бы въ состояніи сокрушить ее. (Потомъ слѣдуетъ 3-ій членъ, ніипъ-тхи т. е. вводъ самой темы. Тутъ приводятся собственныя слова Конфуція, такъ какъ тема эта—его изреченіе). Итакъ я возьму то, что менѣе всего пріятно человѣку, и разберу въ этомъ отношеніи Фуи. (Четвертый членъ, именуемый тхи-пи, т. е. притча). Развѣ Фуи избралъ именно то, что непріятно людямъ? Если же это и случилось съ нимъ вопреки его природнымъ наклонностямъ, то онъ вѣдь не противоборствовалъ, а покорялся своей долѣ; ясно поэтому, что такой человѣкъ какъ Фуи могъ существовать даже и при столь жалкихъ обстоятельствахъ. Развѣ то, что огорчаетъ другихъ людей, можетъ услаждать одного только Фуи? Если же какимъ-нибудь случаемъ небо и предопредѣлило ему нѣчто въ этомъ родѣ, то онъ и принималъ это только какъ случай. Вникая во все внимательнѣе, мы должны предположить, что при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могло бы и не быть никакого Фуи. (Слѣдуетъ 5-ый членъ чхутъ-хи, т. е. выступъ темы). Итакъ Фуи по истинѣ обладалъ независимою радостью. (Шестой членъ, именуемый чунъ-пи, т. е. серединой, разсматриваетъ теперь настоящія отношенія Фуи). Когда размыслю, что онъ обращалъ взоры къ мудрецамъ, съ тѣмъ чтобы поучаться отъ нихъ, то это было уже давнымъ давно. Того начала, что управляетъ небомъ, землею и всѣми вещами, Фуи также давно уже позналъ главную суть. Благодаря такому познанію, сердце его расширилось, и ему нѣтъ надобности для достиженія одного предмета упускать изъ рукъ другой; онъ не добивался даже радостей для себя, но пользуясь случаемъ и овладѣвая ими, Фуи дѣйствительно съ успѣхомъ переходилъ отъ малаго къ бо́льшему обилію. Когда размыслю, какъ онъ знаніе примѣнилъ къ жизни, то и это—давнее уже дѣло. Насчетъ того, что̀ ему любить и что̀ ненавидѣть, что̀ слѣдуетъ усвоить себѣ и что̀ побороть, Фуи давно уже установилъ свою натуру. Когда онъ установилъ свою натуру, то темпераментъ его

обрѣлъ миръ, и эта радость стала для него невыразимою, вѣчно незабвенною радостью. Не зная за собою вины передъ небомъ, ни срама передъ людьми, онъ былъ правда бѣденъ, но становился все богаче радостью. (Седмой членъ, называемый чуи-ку, означаетъ дальнѣйшее изложеніе, такъ какъ теперь имѣется уже въ виду понятіе „измѣнчивость"). Свою радость! могъ ли промѣнять онъ ее на цѣлое царство, и чего ему было желать для единаго лишь тѣла? Земное величіе не могло бы умножить ее, а если онъ жилъ въ бѣдности, что ему въ этомъ за бѣда? Дѣйствовалъ ли, отдыхалъ ли онъ, всегда онъ слѣдовалъ своему твердому намѣренью. Какъ утромъ, такъ и вечеромъ имъ управлялъ неизмѣнный принципъ. По наружности онъ казался безумцемъ; но духъ его былъ спокоенъ. Музыка и пѣсни каждый день были его отдохновеніемъ, и онъ обладалъ счастливымъ темпераментомъ. Онъ вступилъ въ мою палату и не преминулъ изведать и сравнить между собою нравы и музыку 4-хъ древнихъ поколѣній. Онъ вывелъ меня въ свѣтъ, и поручали ль намъ какую-либо должность, удалялись ли мы съ нимъ въ частную жизнь,—вездѣ, какъ наставникъ, такъ и ученикъ могли свидѣтельствовать одинъ о другомъ смѣло. Онъ не только никогда не проявлялъ наружу раздраженнаго чувства, но и сердце его никогда не омрачалось печалью. Не только ни одна мірская похоть не прилѣплялась къ его груди, но ему даже не зачѣмъ было прибѣгать къ аскетизму, для просвѣтленія своей души. Итакъ, что до его радости, то она дѣйствительно не подвергалась никакой перемѣнѣ. (Теперь слѣдуетъ 8-ой членъ, именуемый матъ-ку,—конечный членъ). Даже и голодая предаваться радости, составляетъ тоже прекрасное стремленіе извѣстныхъ мудрецовъ; но когда голодъ дѣйствительно наступилъ, то радость бываетъ словно напускная, и я опасаюсь, какъ бы тѣ, которые сначала радуются, не измѣнились послѣ. Находить отраду въ философіи составляетъ тоже обыкновенный помыслъ ученыхъ; но всегда ли радость присуща тамъ, гдѣ философія, это двѣ разныя вещи. Я опасаюсь, что люди, которые стараются повидимому упрочить за собою радость, въ тайнѣ все-таки преданы лѣни. (Наконецъ слѣдуетъ заключеніе, называемое хи-лу, т. е. тема идетъ своимъ путемъ). Фуи обладалъ своею радостью независимо, а потому, какимъ же образомъ она могла бы подлежать измѣнчивости! О Фуи, ты наравнѣ со мною, довольствуясь простою пищею и водою для питья и подложивъ подъ голову руку вмѣсто подушки, обладалъ—неизмѣнною радостью".

Публичныя испытанія производятся въ Китаѣ со временъ династіи Танъ, вступившей на престолъ въ 618-мъ г. послѣ Р. Х. и царствовавшей 300 лѣтъ. Первое испытаніе происходитъ въ окружномъ городѣ, составляющемъ подпрефектуру, и производится мандариномъ такого округа:

ему помогаетъ литературный чиновникъ,—кокъ-тхой. Испытаніе продолжается нѣсколько дней сряду. Кандидатъ обязанъ безъ книги и иной посторонней помощи представить 7 сочиненій и стихи о 7 предметахъ. Выдержавшій это испытаніе можетъ приступить ко второму, производимому въ главномъ городѣ префектуры. Оно идетъ подъ руководствомъ префекта въ присутствіи литературнаго канцлера или какого-нибудь другаго чиновника, выдающаго инструкціи. Это испытаніе строже перваго. Кандидаты, признанные достойными по этому 2-му испытанію, подвергаются третьему у литературнаго канцлера провинціи, посѣщающаго на такой конецъ дважды въ три года каждую изъ префектуръ въ своей провинціи. Лишь послѣ этого 3-го испытанія извѣстному числу кандидатовъ дается низшая литературная степень, а именно степень сыу-чой, т. е. „цвѣтущій талантъ". Несмотря на строгость, испытаніе не обходится безъ обмана и подлога со стороны кандидатовъ: они подкупаютъ сторожей, обязанныхъ обыскивать ихъ при входѣ и пр. Какъ велика впрочемъ отвѣтственность экзаминаторовъ, видно изъ того, что еще въ 1850-мъ г. одинъ изъ высшихъ чиновниковъ въ Пекинѣ былъ публично обезглавленъ за то, что онъ на экзаменѣ порадѣлъ недостойному кандидату. Сыу-чой не имѣетъ еще никакого права на занятіе должности; но онъ уже человѣкъ, стоящій надъ простымъ людомъ. Если онъ пренебрежетъ своими занятіями, то можетъ опять лишиться своего чина. Поэтому онъ до шестидесяти лѣтъ отъ роду обязанъ постоянно посѣщать экзамены, хотя бы и не достигъ высшей степени во все это время. Тысячи такихъ сыу-чоевъ дѣлаются педагогами, адвокатами, писарями въ присутственныхъ мѣстахъ, врачами, письмоводителями и пр. — Испытанія для 2-ой степени производятся по одному разу въ три года въ главномъ городѣ каждой изъ провинцій подъ вѣдѣньемъ двухъ императорскихъ экзаминаторовъ изъ Пекина. Этотъ экзаменъ для полученія диплома киньинъ, или магистра, такъ описывается однимъ Англичаниномъ: „Въ провинціи Цзянъ-нань, гдѣ главнымъ городомъ Нанькинъ, 16 префектуръ, и число кандидатовъ, являющихся на испытаніе второй степени въ Нанькинѣ весьма значительно. Среднимъ числомъ ихъ насчитываютъ около 20,000, и изъ нихъ около 200 выдерживаютъ экзаменъ. Помимо 2 экзаминаторовъ, нарочно присылаемыхъ изъ Пекина, число занятыхъ при такомъ экзаменѣ литературныхъ чиновниковъ доходитъ до 65, со множествомъ подчиненныхъ имъ служащихъ. При входѣ кандидатовъ въ экзаминаціонную палату ихъ обыскиваютъ, нѣтъ ли при нихъ какихъ-либо книгъ или записокъ, которыми они могли бы воспользоваться какъ непозволительнымъ средствомъ при своихъ работахъ; сверхъ того принимаются строжайшія мѣры, чтобы воспрепятствовать всякому сообщенію кандидатовъ со внѣшнимъ міромъ

или другъ съ другомъ, пока они находятся въ экзаминаціонной палатѣ. Задаются три разряда темъ; на каждую изъ нихъ удѣляется по три дня и по одной ночи, и до истеченія этого срока ни одинъ изъ кандидатовъ не смѣетъ покидать отведенной ему комнаты. Пищу и все что нужно для спанья берутъ они съ собою. Въ экзаминаціонной палатѣ находится 7500 каморокъ; каждая изъ нихъ въ 12 квадратныхъ футовъ величины и въ вышину лишь на столько, что въ ней можно стоять. Тамъ есть скамья для сидѣнья и спанья, и столъ для письма и ѣды. Каморки расположены вокругъ нѣсколькихъ открытыхъ дворовъ, освѣжаются воздухомъ и освѣщаются изъ средняго двора; онѣ находятся подъ надзоромъ солдатъ, охраняющихъ мѣсто и наблюдающихъ за тѣмъ, чтобы никто не поддерживалъ никакого сношенія съ заключенными студентами. Непріятное положеніе въ тѣсной кельѣ увеличивается еще вслѣдствіе дыма, идущаго вверхъ отъ производимой на дворѣ стряпни и вслѣдствіе зноя въ воздухѣ, весьма сильнаго въ сентябрѣ, когда бываютъ испытанія. —Какъ скоро сочиненія готовы, они передаются сперва въ руки низшей экзаминаціонной коммиссіи, которая провѣряетъ, соблюдены ли въ точности всѣ предписанныя правила. Въ каждомъ изъ сочиненій должно содержаться не болѣе 700 письменныхъ знаковъ, но и не менѣе 100. Ни одно слово не должно выступать за красныя черты, которыми разграфлена бумага, назначаемая для всѣхъ экзаменующихся. Подскабливать или исправлять отнюдь не дозволяется. Затѣмъ сочиненія представляются двумъ императорскимъ экзаминаторамъ, дающимъ окончательный приговоръ о признанныхъ достойными, которые потомъ и распредѣляются по своимъ заслугамъ. Степень киньинь даетъ владѣльцу ея право по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ поступить на должность, тогда какъ непосредственно высшая степень доктора тотчасъ же обезпечиваетъ за владѣльцемъ магистратуру. Посѣщеніе экзаменовъ само по себѣ уже есть почетное дѣло, а провалиться на нихъ вовсе не вмѣняется въ позоръ. Въ первые экзаминаціонные дни темы избираются изъ вышеприведенныхъ 4 книгъ, сверхъ того задается еще одно стихотвореніе. Въ слѣдующіе затѣмъ дни предметомъ служатъ 5 классиковъ; объ нихъ слѣдуетъ написать сочиненія, такъ какъ изъ каждаго классика задается по одной темѣ. Наконецъ задаются 5 различнаго рода темъ, для обработки которыхъ, сверхъ изученія классическихъ книгъ, требуется еще обширная начитанность въ общей литературѣ.

Имена студентовъ, получившихъ ученыя степени, публикуются. Печатные списки ихъ продаются на улицѣ и расходятся по всей провинціи. Содержащая эти имена прокламація наклеивается при громѣ 3-хъ почетныхъ залповъ у

конторы вицегубернатора. Его превосходительство выходитъ изъ дому, трижды преклоняется передъ именами ученыхъ мужей и, сопровождаемый новымъ залпомъ, возвращается назадъ. Киньинь, т. е. магистръ, имѣетъ право вывѣсить флагъ передъ своимъ домомъ.

Третья степень Цзинь-шу или доктора выдается въ Пекинѣ каждое трехлѣтіе магистрамъ, оказавшимъ особенные успѣхи. При этомъ испытаніи поступаютъ точно такъ же какъ и въ провинціи, только что экзаменаторы здѣсь болѣе высокаго чина. Темы выбираются изъ тѣхъ же твореній, и въ сочиненіяхъ повторяется почти тотъ же ходъ мыслей и доводовъ. Всѣ удостоенные этой ученой степени вносятся министерствомъ гражданскихъ чиновниковъ въ списокъ соискателей, съ тѣмъ чтобы при первой же ваканціи получить мѣсто.

Званіе Хань-линя, т. е. члена императорской академіи, составляетъ 4-ую и высшую ученую степень. Испытаніе, совершающееся для пріобрѣтенія этого отличія каждое трехлѣтіе, производится въ императорскомъ дворцѣ и относительно почестей превосходитъ конечно всѣ прочія, такъ какъ выполняется въ присутствіи высшихъ особъ въ государствѣ. Добиться этой степени значитъ то же самое, что добиться должности, такъ какъ члены академіи получаютъ оклады и употребляются въ государственной службѣ въ разныхъ видахъ.

Впрочемъ какъ во всемъ вообще, такъ и въ области воспитанія, Китай порывается выйти изъ состоянія застоя и окаменѣлости. Громъ европейскихъ орудій пробудилъ отъ сна жителей Срединной имперіи. Они начинаютъ понимать, что для Китая стало вопросомъ жизни не только обзавестись европейскими орудіями, но также доставить свободный доступъ механикѣ, основанной на естествознаніи, и подготовить на этотъ конецъ убѣжище для водворенія естественныхъ наукъ.

Проникшись наконецъ такимъ убѣжденіемъ, въ 1866-мъ году открыли механическую мастерскую въ Шанхаѣ, куда для обученія посылаются офицеры изъ Пекина. Въ 1867-мъ году учредили политехническую школу въ одной изъ поморскихъ областей Фу-чянь, гдѣ при помощи учителей изъ-за границы молодые талантливые люди образуются въ механики-техники на математическихъ основахъ, а въ 1868-мъ году 26-го февраля императоръ одобрилъ предложенный дѣятельнымъ принцемъ Куномъ проектъ открытія большого университета въ Пекинѣ и разрѣшилъ на этотъ конецъ отпускъ значительныхъ суммъ. Нелегко было одолѣть два сильныя препятствія: доступъ иноземцевъ и сокращеніе или скорѣе уничтоженіе монополіи ученой касты. Однако отсталыхъ рутинеровъ принудили смириться, и дѣло быстро

подвигается впередъ. Въ учителя назначены большею частью Французы, сверхъ того нѣсколько Нѣмцевъ, между которыми нѣкто I. фонъ Групмахъ пользуется большимъ уваженіемъ. Они обязались въ теченіе двухъ лѣтъ изучить китайскій языкъ, съ тѣмъ чтобы преподавать на немъ. Въ теченіе того же срока должны быть готовы всѣ зданія, и между прочимъ также большая астрономическая обсерваторія по европейскому образцу. Много дорогихъ инструментовъ заказано въ Англіи и Франціи, а нѣкоторые изъ нихъ изготовлены уже въ Германіи.—Официальная газета въ Пекинѣ напечатала университетскій уставъ со всѣми подробностями.

Онъ состоитъ изъ пяти параграфовъ. 1) Студентъ долженъ сперва окончить курсъ „классическихъ" наукъ; 2) онъ обязанъ жить въ зданіи университета и находиться тамъ съ утра до вечера; 3) онъ подвергается ежемѣсячному и полугодичному испытанію и согласно съ этимъ переводится на высшій курсъ; 4) по прошествіи трехъ лѣтъ ему надлежитъ сдать выпускной экзаменъ. Выдержавшіе его награждаются отличіями и поступаютъ въ высшіе классы государственныхъ ученыхъ; остальные должны продолжать ученіе; 5) каждый изъ студентовъ получаетъ готовое содержаніе и ежемѣсячныя карманныя деньги (около 21 талера).

Отъ предметовъ „научныхъ" въ уставѣ отдѣлены „шесть изящныхъ искусствъ", а именно 1) соблюденіе началъ общественнаго порядка, 2) музыка, 3) стрѣльба изъ лука, 4) возничество, 5) чистописаніе и 6) счетъ. Принцъ Кунъ въ своей докладной запискѣ сѣтуетъ на упадокъ счета: чему, говоритъ онъ, виною ученые и само государство. Первые когда-то добились нелѣпаго постановленія, чтобы никто подъ страхомъ тяжкой кары не смѣлъ заниматься астрономіею самъ по себѣ. Астрономія составляла монополію мандаринства, а государственная власть оберегала эту монополію. Династія достигнетъ величайшей славы, по мнѣнію Куна, если возвратитъ отечеству древнее достояніе его (!), именно математическія и астрономическія начала и все, что на основаніи ихъ создано Европейцами; а потому прежде всего и попреимуществу необходимы два предмета: астрономія и механика, чѣмъ и оправдывается призывъ ненавистныхъ самихъ по себѣ иноземцевъ.

Прогрессъ правда китайскій, но все-таки прогрессъ!

Впрочемъ для обсужденія этого замѣчательнаго народа прибавимъ еще слѣдующее:

Китаецъ, его религія и государственное устройство, его искусство и наука, его развитіе или скорѣе отсутствіе развитія, точно такъ же какъ климатъ и воспитаніе его—составляютъ одно цѣлое. Гдѣ умъ такъ мало способенъ уг-

лубляться, какъ у Китайцевъ; гдѣ преобладаетъ механическая дѣятельность смысла; гдѣ несовершеннолѣтіе простирается до того, что дѣти по истинѣ никогда не достигаютъ независимости; гдѣ свобода единичной личности исчезаетъ въ государѣ, въ деспотѣ-отцѣ всѣхъ вообще; гдѣ религіозная жизнь замкнута въ предѣлы самыхъ мелочныхъ обрядовъ: тамъ и воспитаніе также не можетъ выйти изъ предѣловъ механизма и обрядности. Воспитаніе и обученіе не идутъ далѣе отрывочныхъ понятій, уряда внѣшнихъ приличій, усвоенія предписанныхъ церемоній, пріобрѣтенія свѣдѣній лишь съ цѣлью снискать себѣ пропитаніе и наружныя почести. Учебная и воспитательная система въ Китаѣ — система прямо полицейская. Умъ связанъ буквою священныхъ и классическихъ книгъ, а убійственная система испытаній, непомѣрно обременяющая память, губитъ въ зародышѣ всякаго рода оригинальность. Рабство налагается не только на тѣло, но и на душу, и повиновеніе считается главною обязанностью вездѣ. Нація во всѣхъ отношеніяхъ коснѣетъ на ступени дѣтства.

Даже великіе мудрецы китайскаго народа не дошли какъ до идеи о мірѣ и божествѣ вообще, такъ и въ дѣлѣ воспитанія до идеи изъ ребенка образовать человѣка, а ограничивались только нравственными поученіями и предписаньями.

Конфуцій,—Конъ-фу-цзе за 551 до Р. Х., сынъ знатнаго мандарина, человѣкъ, въ комъ (по его собственной біографіи) на 15-мъ году отъ роду пробудилась охота къ болѣе основательному ученію; она окрѣпла въ немъ на 30-мъ, а на 50-мъ онъ постигъ вѣчные исходящіе отъ неба законы, на 60-мъ безъ труда уловлялъ своимъ ухомъ всякую вещь, наконецъ на 70-мъ наклонности души его уже не нарушали болѣе закона; онъ наставлялъ своихъ учениковъ во всякомъ знаніи, въ пристойномъ поведеніи, въ вѣрности и искренности, распредѣливъ ихъ на четыре класса: въ первомъ надлежало образовать умъ размышленіемъ, а сердце усвоеніемъ добродѣтелей; во второмъ упражняться въ праворѣчіи и краснословствѣ; въ третьемъ изучать политическія науки и государственное управленіе, а въ четвертомъ усвоить себѣ главнѣйше нравственность, теоретическое знаніе нравственнаго закона и практическое умѣнье прилагать его. Онъ поставилъ цѣлью своего ученія, чтобы люди вновь достигли первобытной чистоты, изначала дарованной имъ отъ неба. Онъ позналъ, какъ то сказано въ составленной имъ храмовой надписи—„высшее существо безъ начала и безъ конца, творца и правителя міра; его, безконечно благого и безконечно праведнаго, озаряющаго, охраняющаго и уряжающаго всю природу". Моя величайшая заслуга, говорилъ онъ, состоитъ въ томъ, что я самъ ревностно доискиваюсь мудрости и неустанно обучаю ей другихъ. Онъ

былъ нравственный геній. Оттого-то и увѣты его касательно нравственности и нравственнаго воспитанія столь глубоки. „Царь,—восклицаетъ онъ—не презирай добродѣтели. Въ ней заключается все благо твоего царства. Безъ этого небеснаго сокровища всѣ лучи твои лишатся блеска. Вѣчный миръ господствуетъ тамъ, гдѣ на престолѣ возсѣдаетъ добродѣтель. Все обученіе царя должно состоять въ развитіи его разумной, свыше ему дарованной натуры; потомъ въ устойчивости на все доброе; тогда онъ обновитъ, исправитъ свой народъ добрыми законами и прекраснымъ примѣромъ". Родникъ всѣхъ добродѣтелей—истинная дѣтская любовь и братское уваженіе. Прежде всего слѣдуетъ положить хорошій грунтъ, состоящій въ добродѣтели и стойкости нрава, а потомъ уже выполнить на немъ картину, то-есть развить вѣжливость и благонравіе. Юноша долженъ оказывать дѣтское уваженіе въ домѣ родителей; онъ долженъ быть мудръ и правдивъ, исполниться безпристрастнаго человѣколюбія и освоиться съ добромъ". Чу-ги, прозванный Китайцами царемъ наукъ, сообщаетъ самыя глубокомысленныя изреченія касательно метода. Онъ говоритъ: „Цѣль всякаго воспитанія есть добродѣтель, и къ ней-то обязанъ стремиться учащійся, подобно человѣку, который, натянувъ лукъ, долженъ стараться всего болѣе о томъ, чтобы не промахнуться. Наставникъ долженъ смотрѣть на себя, какъ на ваятеля, обязаннаго придать образъ грубой массѣ. Наставленія и увѣщанія должны быть подобны вешнему дождю и воздуху, на потребу растительности. Урокъ каждый день долженъ заканчиваться краткою, но богатою содержаніемъ исторіею".

Отдѣльныя теоретическія правила воспитанія выражаются въ практическомъ механическомъ воспитаніи. Понятіе объ нихъ даетъ Домострой, Кіа-фао-ціоуань-цзи, т. е. полный сборникъ семейныхъ драгоцѣнностей, содержащій въ себѣ правила для учителя касательно преподаванія, для ученика касательно посѣщенія школы, правила благопристойности, обращенія съ родителями, учителями, родными, чужими, правила употребленія руководствъ, правила касательно чтенія и письма, касательно порядка и опрятности и книгъ. „Дѣти съ разсвѣтомъ должны отправляться въ школу. Они обязаны поклониться сперва святому Конфуцію, а потомъ учителю. Если въ школѣ слишкомъ много учениковъ, то при уходѣ домой ихъ распускаютъ по разрядамъ, отправляя сперва тѣхъ, которые живутъ далѣе отъ школы. Дорогой дѣти не смѣютъ играть. Пришедши домой, они прежде всего должны поклониться домашнимъ богамъ, потомъ предкамъ, а вслѣдъ за этимъ родителямъ". „Утромъ отъ трехъ до пяти часовъ ученикъ долженъ приняться за свой урокъ; ибо для ученія утро гораздо лучше, нежели весь остальной день и вечеръ". „Ученикъ каждый

вечеръ долженъ читать при свѣчкѣ, за исключеніемъ лѣтняго времени, когда бываетъ жара; онъ долженъ любить свои книги и беречь ихъ отъ всякой порчи. При чтеніи умъ, зрѣніе и слухъ должны быть обращены на одинъ лишь предметъ. Читать надлежитъ мягкимъ голосомъ, чтобы не напрягать и не утруждать своихъ легкихъ". „Четыре драгоцѣннѣйшія сокровища ученаго или стихотворца суть: чернило, бумага, письменный приборъ и кисть. За письмомъ дѣти должны не марать себѣ пальцевъ и сидѣть прямо. Книгу должны они держать на три дюйма отъ груди. Въ школу они должны приносить съ собою только предписанныя имъ книги, бумагу и письменныя принадлежности. Ученики обязаны сами въ тиши испытывать себя касательно заданныхъ уроковъ и служить другъ другу поощреніемъ и добрымъ примѣромъ. Все, что доходитъ до слуха ихъ, должно побуждать ихъ или къ подражанію или къ избѣжанью, а учитель долженъ постоянно обращать на это вниманіе. Если смыслъ урока не совсѣмъ ясенъ, то слѣдуетъ обратиться къ учителю за болѣе точнымъ поясненіемъ, а не довольствоваться сомнительными и смутными понятіями. Всякая книга для развлеченія мѣшаетъ строгому ученію, и ее слѣдуетъ изгонять какъ излишнее золото и какъ забаву всякаго рода. Ученики должны оказывать вѣжливость въ рѣчахъ и пріемахъ, соблюдать приличное положеніе на своихъ мѣстахъ, не класть ноги на ногу и не прислоняться ни вправо, ни влѣво. На улицѣ ученикъ не долженъ ни бросать, ни прыгать, ни скакать; онъ обязанъ шествовать съ надлежащею равномѣрностью. Спрошенный на улицѣ, онъ долженъ дать всякому учтивый отвѣтъ и идти потомъ далѣе. Лѣнивыхъ учениковъ сперва надлежитъ увѣщевать по нѣскольку разъ, потомъ они ставятся на колѣни на своемъ мѣстѣ, затѣмъ также у дверей, и наконецъ, если ничто не поможетъ, то слѣдуетъ наказать ихъ тѣлесно, но только не тотчасъ же послѣ ѣды. Ученикамъ вмѣняется въ обязанность величайшее прилежаніе. „Не говорите: чего сегодня не выучу, то успѣю завтра, чего не выучу въ этотъ годъ, то успѣю въ слѣдующій! Ибо когда пройдутъ дни и мѣсяцы, то годъ будетъ уже не въ вашей власти". „Кто въ молодости ничему не учится, у того ухудшается сердце, и лучшіе зародыши оказываются безплодными. Такой человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ подвергается бѣдствіямъ и, какъ врагъ законовъ, заслуживаетъ публичной кары. Какъ рѣдко напротивъ того выучившійся читать и постигшій правду вовлекается въ дурные поступки". „Если занятія, которыя необходимо разнообразить для облегченія, утомили тебя, то слѣдуетъ привести въ движеніе тѣло, и двигать плечами то вверхъ, то внизъ, то впередъ, чтобы вновь освѣжить жизненныя силы". „Учителя должны быть вполнѣ мудрыми и заниматься исключительно наставленіемъ своихъ учениковъ и не-

устанно исполнять свою обязанность. Ибо только такимъ образомъ они достигнутъ уваженія отъ семей Востока. Однако нѣкоторые изъ учителей занимаются въ то же время медицинскою практикой, гаданіемъ, астрологіею, составленіемъ публичныхъ прошеній и маклерскими дѣлами. Такіе, помимо многихъ другихъ невыгодъ, навлекаютъ себѣ презрѣніе со стороны родителей и дѣтей".

ИНДІЯ.

КАСТОВОЕ ВОСПИТАНІЕ.

7.

Въ Индіи намъ не представляется болѣе учащееся первичному повиновенію и воспринимающее первичные, простые, прозаическіе уроки и увѣщанія дитя,—намъ представляется здѣсь дитя фантазіи, дѣтски простодушно и искренне восторженно играющее мірами словно мячикомъ; радостно возносясь надъ тлѣннымъ міромъ, оно обрѣтается въ средѣ вѣчности и вмѣстѣ съ тѣмъ въ средѣ блаженства, и исполненное преданій и сказокъ празднуетъ свой дѣтскій эпосъ жизни—свой вольный и первый восторженный порывъ человѣческихъ силъ, безъ всякой предвзятой цѣли, ради ихъ самихъ,—празднуетъ свой величавый прологъ къ величавой жизненной драмѣ всемірной исторіи. Поприщемъ этой жизни служитъ страна, раскинувшаяся передъ горною цѣпью Гималаи, т. е. снѣжнаго чертога, къ югу отъ него, на подобіе полуострова Италіи передъ европейскими Альпами. Изъ этихъ горъ изливаются въ край съ своими могучими естественными условіями рѣки Индъ, и Гангъ, и Брамапутра. Благодаря чрезвычайному разнообразію почвы и климата, страна обнаруживаетъ избытокъ растительной и животной жизни. Буддійскій жрецъ Китая, Фа-Гіань, въ двухъ словахъ охарактеризовалъ эту страну, ея нравы и народъ и отличилъ ее отъ Китая, Аравіи, Персіи и Египта, сказавъ: „это сырой и жаркій край". „Обиліе естественныхъ произведеній, алмазныя копи Голконды въ Деканѣ, жемчужныя отмели Цейлона, пряности Малабара и Коромандела, три жатвы въ одинъ годъ различныхъ культурныхъ растеній, крокодилы Ганга, прирученные человѣкомъ громадные слоны, міръ исполинскихъ земноводныхъ—вотъ тѣ естественныя чары какъ для жителей Запада", такъ и для обитателей этого знойнаго края; ихъ духъ не въ силахъ подчинить себѣ природу, и потому онъ предается грезамъ заодно съ природою, не развиваясь собственно самъ въ себѣ. Оттого-то современный Европеецъ и встрѣчаетъ нынѣ въ

Индіи все тѣ же учрежденія, какія изображались уже писателями древней Греціи.

Такое постоянство духовной физіономіи вопреки даже всѣмъ вѣковымъ бурямъ коренится въ самой природѣ этой крайне своеобразной страны, этого вожделѣннаго, дивнаго края фантазіи и грёзъ,—и въ обитателѣ его, тѣсно связанномъ съ этою природою, живущемъ съ нею одною жизнью и составляющемъ часть самой природы. Въ наружномъ строѣ восточнаго материка—говоритъ Штуръ—едва пробиваются зародыши жизненнаго развитія, не обнаруживая еще контрастовъ въ рѣзко разграниченныхъ расчлененіяхъ; такъ точно и въ индійскомъ духѣ все пробивается хотя и богатыми, но еще неразвернувшимися ростками. „Въ сознаніи Индуса, ничто не приходитъ въ ясность, при всемъ духовномъ богатствѣ, какое онъ способенъ развить въ себѣ. Правда, это сознаніе проникается какъ-бы чудными проблесками духа; но оно же и заволакивается какъ бы сотканнымъ изъ дивныхъ образовъ покровомъ. Духъ всемірной исторіи обнаруживается въ жизни и сознаніи Индуса лишь намекомъ на зародышъ, и не болѣе какъ на зародышъ". Индусы принадлежатъ къ великому индо-германскому * племени; вмѣстѣ съ позднѣйшими Персами они подъ именемъ Арійцевъ обитали первоначально на Иранской возвышенности, до тѣхъ поръ пока въ весьма древнюю эпоху не перешли съ сѣверозапада въ Индію; впослѣдствіи они раскинулись по всей области Ганга, частью оттѣснивъ въ горы чернокожихъ туземцевъ, частью обрекши ихъ на самыя низкія работы въ качествѣ презрѣннаго класса парій. У Индусовъ овальное лицо, прекрасные глаза, покрытые большими длиннорѣсничными вѣками, круглый подбородокъ, ротъ средней величины, нѣжныя и слегка одутловатыя губы, прямые, правильно поставленные зубы, блестящіе черные, мягкіе, гладкіе волосы, статный ростъ, темножелтый цвѣтъ кожи. Общее выраженіе лица обнаруживаетъ въ Индусѣ кротость и робость, склонность къ меланхоліи и наслажденіямъ нѣги. Изъ двухъ противоположныхъ побужденій души, съ одной стороны—развить, упрочить свое собственное *я*, поработить себѣ внѣшній міръ, а съ другой—отречься отъ своего *я* въ угоду общества или цѣлаго, въ немъ рѣшительно преобладаетъ послѣднее направленье. Міръ духовъ охватываетъ его чудодѣйственною силою; но онъ и не подозрѣваетъ, что цѣлое получаетъ въ единичной жизни свое индивидуальное, полноправное выраженіе. Онъ однакожъ все-таки мечтаетъ о сущности органической жизни, которая есть не только единство въ разнообразіи, но также и разнообразіе въ единствѣ; только право на индивидуальность и разнообразіе онъ переноситъ не на лицо, а на корпорацію. Послѣдняя, т. е. каста,

* Точнѣе—индо-европейскому. Примѣч. Перев.

и присвоиетъ себѣ естественное право Богомъ дарованной личности и растворяетъ всю ее въ себѣ. Та же односторонность проявляется и въ воззрѣніяхъ на жизнь вообще. Ибо каждый постигаетъ бытіе въ развитіи, но не развитіе въ бытіи. Всякая перемѣна есть для него просто преобразованіе и переходъ чего-то индивидуально и вѣчно сущаго. Оттого такая покорность высшей роковой необходимости, оттого признаніе существующихъ различій между людьми, какъ установленныхъ разъ навсегда высшею какою-то властью, оттого застой и бездѣйствіе, оттого верховною мудростью считается отрицаніе индивидуальной воли въ жизни. Въ Индіи существуютъ четыре касты: браманы, стоящіе за предѣлами государства—его духъ; кшатріи, въ дѣйствительномъ мірѣ видимо господствующая, исполнительная, свѣтски правящая власть; вайсіи, управляемый народъ; и судры, составляющіе просто тѣло государства, матеріальную его почву, а потому вовсе и не признаваемые въ религіи. Брама создалъ брамановъ изъ своей головы, воиновъ изъ рукъ своихъ, промышленниковъ—изъ своихъ бедръ, а служащихъ—изъ ногъ своихъ. И Ману говоритъ: Первая половина въ составномъ имени брамана должна выражать святость, въ имени воина — власть, въ имени промышленника — богатство, въ имени судры — презрѣніе; а второю половиною въ имени жреца да будетъ благо, въ имени воина—охрана, купца—пища, а служащаго — рабская покорность. Касты, не сопрягаясь въ единое цѣлое, стоятъ обокъ особнякомъ, коснѣя въ роковой естественной опредѣленности: одна исключаетъ другую. Но передъ браманами всѣ должны преклоняться. Если судра оскорбитъ брамана поноснымъ словомъ, то въ глотку его вонзается желѣзный прутъ 10-ти дюймовъ длины, а если онъ вздумаетъ поучать брамана, то въ уста и уши его вливается кипучее масло.

Основное начало индійской религіи—простая (безсложная) субстанція, Брамъ, вѣчное бытіе въ видѣ всеобщей силы и вѣчнаго устава міра, попускающее себя впрочемъ до конечности (личный Брама или Паруша, какъ олицетвореніе творческой силы), входящее въ многообразіе міра и вновь себя изъ него воспріемлющее въ полноту самосознанія. „Подобно тому какъ паукъ выпускаетъ изъ себя паутину и снова ее вбираетъ, какъ растенія прозябаютъ изъ земли и какъ волосы ростутъ у живаго человѣка, точно такъ же и вселенная возникаетъ изъ вѣчнаго существа“. Въ образѣ Вишну въ предметномъ представленіи олицетворяется пребывающая въ конечномъ, уряжающая и хранящая, а въ образѣ Сивы—дѣйственная въ смѣнѣ конечнаго возникновенія и распаденья безусловная сила вѣчно единаго; тогда какъ въ образѣ Кришны, какъ воплощенія Вишну, созерцается божественное начало, возводящее само

себя въ конечномъ бытіи до полнаго личнаго самосознанія. Всевластное впечатлѣніе, производимое природою на сознаніе Индуса, обнаруживается также и въ этомъ основномъ религіозномъ его взглядѣ. Въ природѣ вездѣ предстоитъ ему, во всемъ осуществляется для него божественное начало: вслѣдствіе этого сама природа является передъ нимъ божественною, и упоенная фантазія его въ любомъ предметѣ олицетворяетъ божество; она отождествляетъ Гангъ, солнце, Гималаю съ самимъ Брамою; любовь, обманъ, кражу, коварство, даже естественныя органическія силы въ растеніяхъ и животныхъ претворяетъ она въ безконечный, но преходящій и измѣнчивый міръ боговъ, во главѣ которыхъ стоитъ богъ видимаго неба, Индра. Задача человѣка, вознесеніе своего *я* къ безусловному бытію, во всей чистотѣ ея представлена въ Брамѣ, а какъ олицетворенное проявленіе жизни — въ браманахъ; практическая цѣль всей религіозной дѣятельности состоитъ въ стремленіи конечнаго *я* высвободиться изъ естественнаго бытія чрезъ безусловное отрицаніе его или полное отъ него отвлеченіе; такъ что въ Бгагаватгитѣ, одномъ изъ эпизодовъ Магабгараты, высшая нравственная задача выражена слѣдующимъ образомъ:

Человѣку надлежитъ уходить все больше въ глубь, чувственно отчуждаясь себя самаго,
Заглушая порывы похоти, порождаемые страстью своеволья,
Вполнѣ обуздывая силою духа всѣ свои чувства;
Въ этомъ стремленіи да успокоится онъ обрѣтая душѣ постоянство,
Всѣ помыслы на себя обративъ, ни о чемъ иномъ не помышляя;
Куда бъ ни забрело все шаткое и подвижное въ немъ,
Отовсюда онъ да возвратитъ его во власть своей внутренней самости.

Забыться, погрузившись въ самого себя или предавшись упоенію природы: это божественно; — а погрузиться въ волны святаго Ганга, или быть раздавлену въ религіозныхъ процессіяхъ колесами священной колесницы, — это высокій подвигъ религіознаго одушевленія.

Индусъ въ своемъ санскритскомъ языкѣ, давно уже покинутомъ простолюдинами и извѣстномъ только браманамъ, обладаетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и совершенныхъ языковъ — флективнымъ съ самобытно изобрѣтенными письменами, отъ начала уже состоящими изъ чисто-звуковыхъ знаковъ. Максъ Мюллеръ полагаетъ, что посанскритски говорили приблизительно до 300 г. передъ Р. X. Потомъ въ общемъ обиходѣ Санскритъ былъ замѣненъ діалектами, которые къ древнѣйшему языку стоятъ въ такомъ же отношеніи, какъ итальянскій къ языку Рима, — замѣненъ нарѣчіемъ пали, священнымъ языкомъ буддизма на Цейлонѣ, а нѣкогда и языкомъ того края, гдѣ впервые принялся буддизмъ, а именно нынѣшняго Бегара и древней Мегадги, — замѣненъ пракритскими говорами и пр. Родо-

начальникъ при всемъ томъ не вымеръ. Мало того, что на санскритскомъ сочинены и постоянно читаются Веды, эти древнѣйшія священныя книги, брамановъ; но и понынѣ еще образованный браманъ свободнѣе пишетъ посанскритски, нежели побенгальски. Чѣмъ латынь была для среднихъ вѣковъ, то же самое теперь санскритъ для современной Индіи. Между словомъ санскритскаго языка и Брамою нѣтъ различія: звукъ вѣченъ, онъ есть Брама, а буквы—отголоски вѣчнаго звука. Потому, кто изучаетъ языкъ, тотъ изучаетъ Браму: вотъ причина, отчего Индусы обладаютъ языковѣдѣніемъ. Какъ языкъ, такъ и вся индійская наука въ сущности направлена на внутреннюю духовную жизнь, внѣшній же міръ бытіемъ своимъ не возбуждаетъ интереса. Оттого-то естествовѣдѣнье и не достигло тамъ высокаго развитія, тогда какъ математика съ ея абстрактнымъ направленіемъ больше отвѣчаетъ уму Индуса, открывшаго поэтому какъ алгебру, такъ и десятичную систему счисленія. Выше всего чтится религіозное знаніе; ибо передающій священное знаніе Ведъ, болѣе достоинъ уваженія, нежели отецъ, давшій одно только естественное бытіе. А такъ какъ религіозное сознаніе поддерживается и проникается философіею, то Индусъ питаетъ къ послѣдней особенное пристрастіе. Но цѣль всей индійской премудрости—какъ философіи Веданты, такъ и философіи Санкхіи — освободиться при помощи знанія отъ мукъ бытія. Истина есть первобытно цѣлое, изъ котораго, подобно искрамъ, во множествѣ исходящимъ изъ пламени или отъ раскаленнаго желѣза, возникаютъ всѣ существа, съ тѣмъ чтобы, пройдя надъ землею подобно трепещущей каплѣ на листѣ лотоса, вновь возвратиться восвояси. Въ Бгагавадгитѣ сказано по этому поводу:

Я первопричина вселенной, и во мнѣ же она исчезаетъ.
На мнѣ снизано все воедино, словно на нити жемчугу зерна.
Я сокъ во всемъ жидкомъ, я солнца и мѣсяца свѣтъ,
Я набожность въ священныхъ писаньяхъ, я въ воздухѣ звукъ, я духъ въ человѣкѣ,
Я благоуханіе силъ земныхъ, блескъ родника всѣхъ лучей,
Во всемъ тлѣнномъ я жизнь, я покаяніе кающагося.
Я сѣмя всего живого, все знаю отвѣка,
Въ мудрыхъ я мудрость, блескъ я лучезарныхъ;
Сила я сильныхъ, отъ страстей и гордыни свободныхъ.
Другъ мой! во всемъ живомъ я любовь, не стѣсненная никакимъ уставомъ.

Художественное произведеніе у Индусовъ—іероглифъ; искусство ихъ символическое: не въ художественномъ произведеніи, а позади его, за нимъ скрыта идея. Зодчество ищетъ своей цѣли въ архитектонически развитыхъ подземныхъ пещерахъ. Ваяніе, какъ и самъ Индусъ, проявляетъ не мужественную силу, но изнѣженную, женственную прелесть и созерцательный покой. Здѣсь занимаются и

музыкой и пѣньемъ, но ни въ той, ни въ другомъ не достигли высокаго развитія. Поэзія, это наименѣе чувственное искусство, расцвѣтаетъ въ Индіи эпическими, лирическими и драматическими произведеніями — громкимъ и чистымъ ликованіемъ духовной жизни, сотканной изъ истины и вымысла.

Высшее нравственное стремленіе Индуса направлено къ тому, чтобы исчезнуть въ Брамѣ. Народы, одаренные личнымъ духомъ, говоритъ Вутке, молятся: „Да пріидетъ царствіе Твое,“ — Китайцы: „Да пребудетъ царствіе Твое,“ — а Индусы: „Да прейдетъ все созданное Тобою.“ Въ чувствѣ ничтожества всего тлѣннаго, Индусъ проводитъ жизнь задумчиво, страдая и терпя. Основою индійской нравственности роковая необходимость природы, а отнюдь не личная свобода особи. Этика Индуса представляетъ странную смѣсь высокихъ добродѣтелей и педантическихъ наставленій на всѣ возможные случаи въ жизни: ему вмѣняются въ долгъ миролюбіе, терпѣніе, кротость, уступчивость, скромность, вѣжливость, почтеніе къ родителямъ и правдивость; но относительно людей вообще у него нѣтъ никакого долга, а только относительно брамановъ, кшатріевъ и проч.; браманъ же уважаетъ животное болѣе, чѣмъ судру.

Жены подчинены мужьямъ; ибо жена уподобляется пашнѣ, мужъ сѣмени, а произрастающее растеніе подобно вѣдь сѣмени, а не пашнѣ: потому-то мужъ и есть глава. Однако священными писаніями предписывается и требуется увага къ женамъ и снисходительное съ ними обращеніе: ибо „гдѣ чтятся жены, тамъ благоволеніе боговъ; гдѣ же презираютъ ихъ, тамъ тщетны всѣ религіозные подвиги.“ Жены уважаются особенно тогда, когда онѣ станутъ матерями и добросовѣстно исполняютъ религіозныя обязанности. Распложеніе считается у брамановъ за высокій долгъ: отецъ, не сочетающій дѣтей бракомъ, достоинъ порицанія; достоинъ порицанія супругъ, если онъ не сближается съ женою, а кто свою дочь не выдаетъ замужъ, тотъ при каждомъ мѣсячномъ очищеніи ея повиненъ въ умерщвленіи плода.

Отецъ свой долгъ оплачиваетъ въ сынѣ, онъ въ немъ безсмертья достигаетъ,
Когда онъ ликъ живой въ новорожденномъ сынѣ видитъ.
Супругъ сливается съ женой, зародышемъ покоится онъ въ лонѣ матери,
Пока въ десятый мѣсяцъ не возродится новымъ человѣкомъ.
Жена тогда лишь стала истинной женой, когда онъ въ ней родился;
Носимое ея утробой существо только обновляется, оно отнюдь не ново.

Многоженство дозволено: браману разрѣшается имѣть четыре, воину три, земледѣльцу двѣ жены, а судрѣ только одну. Однако законъ Ману настаиваетъ на единобрачіи, и въ Рамаянѣ блаженство небесное обезпечивается за тѣми.

кто живетъ съ одною только женой. Первая жена должна быть изъ мужниной касты, и если браманъ первою женою изберетъ себѣ дѣвушку-судру,—его исключаютъ изъ касты; сыновья отъ брака между мужемъ изъ высшей касты и женою изъ низшей лишь по истеченіи 7 поколѣній могутъ попасть въ касту отца. Дѣвушка вообще не вольна въ выборѣ себѣ супруга, отецъ просто отдаетъ ее мужу, не спрашиваясь ея. Вдовы обязаны хранить цѣломудренную вѣрность супругу, и вышедшая за второго мужа подвергается неуваженію и позору; сожиганіе вдовъ началось лишь послѣ Ману. Безъ основательной причины, т. е. когда жена не оказываетъ упорнаго отвращенія, когда она не пьяница, не сварлива, не расточительна и т. п., мужъ не въ правѣ прогнать ее. Впрочемъ прелюбодѣйство считается лишь нарушеніемъ собственности, и общеніе половъ внѣ брака не есть беззаконіе. Однако насилованье дѣвицъ, растлѣніе, соблазнъ, всякое сближеніе съ чужой женою караются смертью или ссылкой и т. п.

Отношеніе между родителями и дѣтьми есть слѣпокъ отношенія Брамы къ міру, а потому оно высоко и свято чтится. Родители должны любить дѣтей; при всемъ томъ матери вольны дѣтей своихъ, особенно дочерей, бросать съ ликованіемъ въ священныя волны Инда или же, повѣсивъ на деревѣ, предавать ихъ на съѣденіе птицамъ. Дитя обязано родителямъ безпрекословнымъ повиновеніемъ; ибо страданія и скорби, переносимыя матерью и отцомъ при рожденіи и воспитаніи дѣтей, не вознаградимы и во сто лѣтъ. Однако нравственное отношеніе сына къ кровному отцу уступаетъ отношенію его къ отцу духовному. „Когда отрокъ чтитъ свою мать, то обрѣтетъ въ награду міръ земной, когда онъ чтитъ своего отца, то средній міръ, когда же неуклонно уважаетъ своего духовнаго отца, то пріобщается небесному міру Брамы“. „Юноша, обыкшій привѣтствовать поклономъ и неизмѣнно чтить старшихъ, пользуется четырьмя благами — жизнью, знаніемъ, славою и силой. Онъ обязанъ кланяться духовнымъ наставникамъ, хотя бы они были и моложе его“. „Ученикъ долженъ читать всегда прилежно и дѣйствовать въ интересахъ своего учителя, все равно, было ли отъ него особое на то приказаніе, или нѣтъ. Онъ долженъ бдительно слѣдить за своимъ тѣломъ, за своими словами, помыслами и сердцемъ, стоя складывать ладони и смотрѣть въ лицо своему учителю; онъ долженъ оставлять свое правое плечо непокрытымъ, всегда быть прилично одѣтымъ и держать себя пристойно; когда учитель скажетъ ему: „Садись,“ то онъ долженъ сѣсть противъ своего достопочтеннаго наставника. Въ присутствіи своего учителя онъ всегда долженъ ѣсть по возможности менѣе и носить болѣе грубый балахонъ съ простыми привѣсками; онъ долженъ вставать раньше, а ло-

житься позже своихъ наставниковъ.“ Въ Китаѣ выше всего было отношеніе дѣтей къ отцу, а въ Индіи — учениковъ къ наставнику.

Воспитаніе дѣтей въ Индіи противоположно воспитанію ихъ у Китайцевъ постольку же, поскольку вся духовная жизнь Индуса опирается на совершенно иной основѣ, нежели китайская. Китаецъ—говоритъ Вутке—воспитываетъ для практической жизни, Индусъ для идеальной, первый для земли, послѣдній для неба; первый воспитываетъ сына для преуспѣванія на этомъ свѣтѣ, послѣдній для преуспѣванія внѣ его; первый образуетъ изъ него гражданина, послѣдній — жреца; первый воспитываетъ для дѣла, послѣдній для знанія: первый преподаетъ ему государственный законъ, послѣдній — сущность божества; первый вводитъ сына въ міръ дѣйствительности, послѣдній ведетъ его изъ міра во внутрь самого себя; первый учитъ его пріобрѣтать и наслаждаться, послѣдній нищенствовать и отрекаться. „Изучать и разумѣть Веду, совершать благочестивыя самоистязанія, собирать божественное знаніе закона и философіи, съ глубочайшимъ почтеніемъ обращаться къ своему кровному и своему духовному отцу,—вотъ что входитъ въ составъ главныхъ обязанностей, чрезъ которыя достигается наконецъ блаженство“: такъ гласитъ уложеніе Ману.

Начальное воспитаніе въ Индіи въ сущности состоитъ изъ отрывочныхъ поученій и увѣщаній, внушаемыхъ потребностями обиходной жизни, съ тѣмъ чтобы настроить этимъ дѣтскую душу къ подражанію добру на дѣлѣ и удерживать ее отъ зла.

На дальнѣйшій ходъ воспитанія и обученья болѣе всего вліяло духовенство, такъ какъ въ самую цвѣтущую эпоху Индіи въ немъ одномъ только и было еще живо народное сознаніе. Жрецы являются единственными наставниками народа. Религіозное начало преобладаетъ въ обученіи. Обученіе религіи имѣетъ своимъ содержаніемъ законы вѣры и систему религіозныхъ обрядовъ и формулъ. Образовать для этого дѣтей и составляетъ главную задачу родителей; ибо отецъ самого себя долженъ созерцать обновленнымъ въ сынѣ, и родители должны оживить въ своихъ дѣтяхъ свое собственное благочестіе, не сообщая имъ своихъ недостатковъ. Женскій полъ, уже въ 7-ми или 8-ми лѣтнемъ возрастѣ посвящаемый браку, тѣмъ самымъ и лишенъ образованія. Въ Индіи убѣждены, что образованіе вредитъ чистотѣ женскихъ нравовъ, и теперь дотого велика тамъ сила привычки, что женщина боится навлечь себѣ жесточайшія укоризны, если бы узнали, что она умѣетъ читать и писать, хотя въ древности это повидимому было иначе: простая, отшельниками воспитанная Сакунтала умѣла же вѣдь написать любовное письмо. Исключеніе составляютъ танцовщицы и

баядерки. Послѣднія — дочери бѣдныхъ родителей и дѣтьми уже покупаются для служенія въ храмахъ. Въ качествѣ дѣвственницъ божьихъ онѣ должны образовать свой умъ, а домохозяйки напротивъ того свое сердце: умственное образованіе и ученыя знанія отвлекаютъ хозяекъ отъ домашнихъ занятій и внушаютъ имъ отвращеніе отъ ихъ обязанностей; храмовницы, наоборотъ, тщательно поучаются и образуются жрецами въ чтеніи и письмѣ, музыкѣ, пляскѣ и пѣніи, и сверхъ того во всѣхъ возможныхъ пріемахъ женскаго кокетства.—Четвертая каста также лишена образованія наравнѣ съ женщинами.—Вторая и третья касты, какъ принадлежащія къ сословію вновь или дважды родившихся, вольны правда читать священныя книги, но не иначе какъ подъ руководствомъ жрецовъ, которые въ интересѣ своего сословія придаютъ гораздо бо̀льшую важность наставленію дѣтей брамановъ, нежели образованію отроковъ, поручаемыхъ имъ изъ другихъ кастъ.—Кастовая рознь значительно вліяетъ даже на предметы преподаванія. Брамавы, какъ хранители религіи, какъ носители искусствъ и наукъ, какъ совѣтники правителей, какъ судьи и врачи, должны обучаться всѣмъ этимъ предметамъ. Царь пользуется преподаваніемъ въ тройственномъ ученіи Ведъ, въ уголовномъ судопроизводствѣ и политикѣ, въ логикѣ, метафизикѣ и богословіи, въ сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и пр.—Воины обязаны оборонять страну и поэтому должны быть подготовляемы къ этому: съ семилѣтняго возраста ихъ пріучаютъ владѣть оружіемъ.—Промышленники обучаются ремесламъ, знанію поры и способовъ посѣва, хорошаго и дурного свойство полей, мѣръ и вѣсовъ и пр.— Весьма немногіе изъ Судръ учатся читать и писать. Впрочемъ, такъ какъ въ большей части деревень находятся семьи, принадлежащія къ высшимъ классамъ, то для обученія ихъ заводятся первоначальныя школы. — Въ Индіи воспитаніе кастовое: касты порозняютъ людей отъ рожденія разъ навсегда. Оттого-то дѣти разныхъ кастъ и додостигаютъ зрѣлости въ разные возрасты: согласно съ предписаніемъ Ману, отецъ обязанъ торжественно объявить сыну отличительный знакъ его класса послѣ рожденія брамана на 8-мъ, шатріи—на 11-мъ, и ваишьи—на 12-мъ году.

Первоначальное обученіе состоитъ въ чтеніи, письмѣ и счетѣ. Учитель, съ тростью и съ помощникомъ держащимъ въ рукѣ прутъ, обучаетъ подъ деревьями передъ домомъ, а въ дурную погоду подъ навѣсомъ, сидящихъ вокругъ него мальчиковъ. Обученье счету ограничивается одними лишь первоначальными основаніями. Письмо, тѣсно связанное съ преподаваніемъ чтенія, производится сперва на пескѣ, потомъ на пальмовыхъ листьяхъ желѣзнымъ грифелемъ, наконецъ на платановыхъ—уже чѣмъ-то въ родѣ чернилъ. Одинъ ученикъ показываетъ другому; одинъ другого выслу-

шиваетъ: словомъ, обученіе взаимное. — Особое попеченіе оказывается лишь высшимъ школамъ брамановъ, такъ какъ и самыя правила о воспитаніи, довольно точно опредѣленныя въ уложеніяхъ, имѣютъ въ виду почти исключительно одно сословіе брамановъ. Въ ученыхъ школахъ въ Бенаресѣ, Тризіурѣ и Нуддеѣ экзотерики (т. е. вольные слушатели), къ которымъ причисляются также члены изъ 2-го и 3-го классовъ, обучаются грамматикѣ, просодіи и математикѣ, а эзотерики (студенты) — поэзіи, исторіи, философіи, астрономіи, врачебному искусству и законовѣдѣнью. Ученикъ въ теченіе 5 лѣтъ считается простымъ слушателемъ, послѣ этого ему дозволяется высказывать учителю свои мысли и сомнѣнія и участвовать въ диспутахъ. Срокъ полнаго обученія длится отъ 12 до 20 лѣтъ: во все это время ученикъ живетъ у наставника, владѣющаго богатымъ храмовымъ имуществомъ и принимающаго обыкновенно отъ 6 до 12 учениковъ, притомъ безплатно, такъ какъ брать плату за ученье считается позорнымъ и преступнымъ; впрочемъ подарки (—пашня, золото, драгоцѣнные камни, корова, лошадь, зонтикъ, пара туфель, скамеечка, хлѣбъ въ зернѣ, платья, хорошія овощи—) и доброхотныя послуги учителю и его семьѣ принимаются подъ видомъ благодарности наставнику отъ ученика.—Методъ обученія долженъ быть кроткій и только въ крайнемъ случаѣ строгій. Ману говоритъ: „Ученику надлежитъ сообщать добрыя наставленія безъ непріятныхъ ощущеній, и наставникъ, уважающій добродѣтель, долженъ прибѣгать къ сладкимъ, кроткимъ словамъ. Если ученикъ провинился, пусть учитель дастъ ему строгій выговоръ и пригрозитъ побоями въ случаѣ повторенія вины, а если проступокъ учиненъ въ холодную погоду, то учитель можетъ облить ученика холодною водой“. Высшее и важнѣйшее ученіе брамановъ состоитъ въ чтеніи Ведъ. Преподаваніе ихъ происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Опоясавъ своего воспитанника кушакомъ, достопочтенный учитель прежде всего долженъ наставить его въ омовеніяхъ, въ хорошихъ пріемахъ, въ обхожденіи съ святымъ огнемъ и въ священныхъ церемоніяхъ, утреннихъ, полуденныхъ и вечернихъ. Принимаясь за чтеніе Ведъ, ученикъ долженъ сперва омыться, обратившись лицомъ къ сѣверу. Затѣмъ онъ долженъ надѣть чистое исподнее платье, воздать предписанный поклонъ, стать въ надлежащее положеніе и затѣмъ уже приступить къ уроку. Какъ въ началѣ, такъ и при концѣ каждаго урока, онъ долженъ обнять обѣ ноги своего наставника и потомъ читать, сложивъ руки. Это и называется предписаннымъ поклономъ или привѣтствіемъ. Онъ долженъ скрестить руки, такъ чтобы лѣвой рукой обнять лѣвую, а правой правую ногу своего наставника. Неуклонно внимательный наставникъ сначала долженъ сказать: „Встань, читай“, а подъ конецъ:

„Отдохни!“ Совершивъ омовеніе, браманъ какъ въ началѣ, такъ и по окончаніи урока Ведъ долженъ произнести про себя слогъ Омъ *); ибо не скажи онъ этого въ началѣ,—ученость покинетъ его какъ разъ, не скажи онъ его по окончаніи,—урокъ не упрочится въ памяти. Лишь тотъ, чья рѣчь и сердце чисты и кто неослабно внимателенъ, въ состояніи вполнѣ воспользоваться плодами ученія Ведъ; лишь тотъ совершаетъ высшій подвигъ набожности всѣмъ своимъ тѣломъ до края ногтей своихъ, кто изо дня въ день по мѣрѣ силъ своихъ читаетъ Веды, хотя бы онъ и преданъ былъ чувственности на столько, что носилъ бы на головѣ вѣнокъ изъ пахучихъ цвѣтовъ. Подобно тому, какъ копающій своимъ заступомъ въ глубь доходитъ наконецъ до родника, такъ точно и ученикъ, смиренно подчиняющійся своему наставнику, обрѣтаетъ знаніе, сокрытое въ глубинѣ души его учителя“. „Кто усвоитъ себѣ познаніе Ведъ безъ разрѣшенія своего учителя, тотъ повиненъ въ кражѣ священнаго писанія и будетъ низвергнутъ въ область муки“. Ману.—

Въ Индіи не существуетъ теоріи педагогики. Однако, взамѣнъ набора сухихъ, прозаическихъ правилъ Китайцевъ, тутъ встрѣчаются отрывочныя, знойно пылкія, глубоко педагогическія изреченія, облеченныя въ прелестную поэтическую форму, чаще всего въ форму басни (Индія родина басни и сказки). Самый древній изъ подобныхъ сборниковъ басень, Панчатантра (т. е. пятичастникъ, 5-го вѣка по Рожд. Христовѣ, перешедшій въ 6-мъ вѣкѣ изъ Индіи въ Персію и получившій въ персидскомъ переводѣ названіе Бидпай, т. е. другъ наукъ, потомъ уже переведенный съ персидскаго въ 760-мъ г. на арабскій, съ арабскаго въ 1080-мъ на греческій, турецкій, сирійскій, еврейскій, въ 1251-мъ—на испанскій, съ него на итальянскій, англійскій и французскій языки, а съ латинскаго на нѣмецкій), въ самой Индіи подвергся передѣлкѣ въ сборникѣ: Гитопадеша. (т. е. спасительное наставленіе—начала среднихъ вѣковъ); онъ болѣе извѣстенъ, переведенъ на разные языки и содержитъ въ себѣ самыя глубокомысленныя изреченія какъ вообще, такъ и относительно воспитанья. Въ немъ между прочимъ говорится: „Какъ дерево осѣняетъ даже замыслившаго срубить его, и какъ мѣсяцъ освѣщаетъ хижину даже самаго послѣдняго чандалы, такъ точно и человѣкъ обязанъ любить ненавидящихъ его“. „Будь смиренномудръ. ибо нѣжная трава невредимо клонится подъ бурею, тогда какъ могучія деревья повергаются ею долу.“ „Добродѣтель, къ которой обязанъ стремиться человѣкъ, достигается ве-

---

*) Омъ означаетъ индійскую троицу Брамы, Вишну и Шивы. Индусъ можетъ только мыслить это слово, но отнюдь не произносить его.

личайшими усиліями; вѣдь и кокосовый орѣхъ не упадетъ отъ потрясенія вороной". „Знанія порождаютъ смиреніе, смиреніе—почести, почести—богатство, богатство—набожность, набожность—блаженство". „Военная наука и ученость одинаково пользуются и та и другая громкою славою; но первая подъ старость становится безуміемъ, а вторая достойна уваженія во всякомъ возрастѣ". „Что толку въ сынѣ, незнающемъ ни наукъ, ни добродѣтели? что пользы въ слѣпомъ глазѣ? Дитя со способностями и талантомъ—истинное благо, не то что сотня баловней и невѣждъ; вѣдь одинъ мѣсяцъ разгоняетъ тьму скорѣе, нежели цѣлая куча звѣздъ". „Человѣкъ безъ знанія пребудетъ безславенъ, хотя бы онъ и отличался молодостью и красотой и былъ знатнаго рода: онъ безъ запаха, какъ цвѣтокъ кинзукъ". „Какъ при солнечномъ свѣтѣ всякій предметъ блеститъ на восточныхъ горахъ, такъ и просвѣщенный красотою благихъ писаній человѣкъ низкаго сословія". „Образованіе выше красоты и зарытыхъ въ землѣ сокровищъ; оно сопутствуетъ намъ въ странствіяхъ по чуждымъ краямъ и придаетъ неистощимую силу". „Мудрецъ долженъ домогаться знанія и богатства, какъ будто бы онъ и не подлежитъ вовсе смерти; но предписанія религіи онъ долженъ исполнять такъ, какъ будто бы смерть витаетъ уже на устахъ его". „Знаніе—самое драгоцѣнное изъ всѣхъ сокровищъ; ибо его нельзя ни украсть, ни растратить, и оно приближаетъ къ царямъ, отъ которыхъ истекаетъ счастіе". „Какъ узоры нелегко стираются съ новаго сосуда, такъ и мудрость, запечатлѣнная въ юности прекрасною баснею". Такія золотыя изреченія подъ милымъ покровомъ поэзіи предлагаются какъ поученія въ помыслахъ и дѣлахъ особенно царскимъ сыновьямъ, потому что въ дѣйствительности они одни только самостоятельны и пользуются индивидуальною свободой; поэтому они болѣе всего и нуждаются въ тѣхъ предписаніяхъ, дабы не уклоняться съ пути истины; зато отъ нихъ же болѣе всего и требуется умственное образованіе. Оттого-то Индія—какъ замѣчаетъ Крамеръ—и есть отчизна такъ наз. царскихъ зерцалъ, столь распространенныхъ впослѣдствіи также на Западѣ. Впрочемъ индійскія стихотворенія, какъ лирическія, такъ въ особенности эпическія, исполнены и для низшихъ классовъ мудрыхъ нравоученій, которыя въ противоположность наружному ханжеству наводятъ на добродѣтельные помыслы и дѣйствія: „Нѣтъ порока гнуснѣе скопидомной руки или нерадивости въ благотвореніяхъ". „Добродѣтельный человѣкъ долженъ радоваться благополучію ближняго, смиряться передъ старостью, всегда быть преданнымъ истинѣ и искать отрады въ семейномъ счастіи". „Къ чему послужитъ все ученіе, если оно не имѣетъ цѣлью познать и бояться того, кто есть сама мудрость?"

Въ чемъ польза намъ? идти вослѣдъ за мудрецами.
Въ чемъ горе? вѣкъ прожить съ глупцами.
Что намъ въ ущербъ?—случай удобный пропустить.
Что доблестно?—законъ и долгъ свой сохранить.
Кто нашъ герой?—лишь тотъ кто нравъ свой укрощаетъ.
Кто всѣхъ милѣе намъ?—Та, кто не измѣняетъ.
Богатство что?—учиться и познать.
Что значитъ власть?—одно, чтобъ всѣмъ повелѣвать.
Отрадно что?—во вѣкъ не покидать отчизны.

Ученіе Будды явилось реформой и послѣдовательнымъ завершеніемъ браманизма. Буддизмъ считаетъ конечность міромъ обманчивыхъ призраковъ, а потому человѣкъ, твердо уповая на духъ, долженъ, погруженный въ самого себя, воспарить надъ ничтожествомъ всего тлѣннаго. Вознесясь вполнѣ надъ совокупностью конечнаго бытія, наше *я* достигаетъ состоянія высшей мудрости и святости, полнаго пробужденія: оно дѣлается нравственно законченнымъ человѣкомъ, самимъ богомъ, Бодди. Когда человѣкъ—какъ описываетъ Будда свою собственную жизнь—останется безъ желаній, безъ самолюбія, безъ личнаго чувства, безъ гордыни, упорства, вражды, когда съ него снято бремя его *я*: тогда онъ въ Нирванѣ, гдѣ воля и сознаніе вступили въ блаженный покой небытія и гдѣ достигнута совершенная преданность безусловному бытію, очищенному отъ всего конечнаго. Это практическое стремленіе обязательно для всѣхъ послѣдователей буддизма, и тутъ прекращается всякая рознь между кастою жрецовъ и остальнымъ конечнымъ и естественнымъ человѣчествомъ. Всѣ собща уповаютъ на завершеніе въ Нирванѣ, гдѣ свободные отъ посмѣнности возникновенія и гибели, рожденія и смерти, всѣ находятся въ блаженствѣ. При такомъ міросозерцаніи, наука и искусство не могутъ процвѣтать на первомъ планѣ. Одна только исторія и подслужныя ей художества,—зодчество и ваяніе, разработываются повидимому съ любовью, тогда какъ поэзія ограничивается лишь религіозными преданьями. Нравственность буддиста состоитъ „въ отрицаніи всякой хоти, всякаго наслажденіе, въ бездѣйствіи, и въ широкомъ милосердіи ко всѣмъ живущимъ существамъ: браманъ питаетъ робкое благоговѣніе передъ всѣми тварями, потому что въ нихъ присущъ Брама; буддистъ же ко всѣмъ питаетъ глубокое состраданіе, потому что всѣ участвуютъ въ скорби бытія“. Мораль Будды вкратцѣ выражается въ трехъ основныхъ правилахъ цѣломудрія, терпѣнія и милосердія. Всѣмъ ученикамъ его предписывается общежительство, непрестанныя проповѣди, размышленія и подвиги: такъ какъ всѣ дѣла даны въ руку человѣка, то у буддиста и преобладаетъ практическая дѣятельность. Въ государствѣ Будды ни сословіе, ни санъ не имѣютъ силы; въ немъ нѣтъ никакой касты, напротивъ того всѣ люди равноправны; въ немъ господствуетъ терпимость ко

всѣмъ людямъ, даже къ невѣрующимъ. Ученику Будды запрещенъ бракъ, такъ какъ, порождая бытіе, онъ, по существу своему, есть зло; оттого и терпимъ лишь у міррянъ. И какъ въ глазахъ благочестиваго „жена, дочь и мать не что иное какъ блудницы“, то самый нервъ семейной идеи подсѣченъ въ корню. Отсюда и то ученіе, что „душа человѣка, преданнаго чувственнымъ похотямъ, неизбѣжно перейдетъ въ тѣло женщины“.

Воспитаніе послѣдователей Будды направлено главнымъ образомъ на развитіе нравственной жизни. Постановленія ихъ изложены въ Катехизисѣ китайскихъ буддистовъ. Первая его книга въ видѣ заповѣдей выставляетъ слѣдующее: 1) Не убей ни одного живого существа; 2) не укради; 3) не соверши прелюбодѣйства; 4) не твори неправды своими устами; 5) не пей ничего хмѣльного; 6) не употребляй духовъ для волосъ на темени главы твоей и не расписывай своего тѣла; 7) не слушай пѣсенъ, не посѣщай зрѣлищъ; 8) не возсѣдай и не возлегай на высокой и широкой подушкѣ; 9) ѣшь не иначе какъ въ положенное время; 10) не обладай въ качествѣ частной собственности ни золотомъ ни серебромъ, ни какою либо иною цѣнностью.—Одна лишь первая половина этихъ заповѣдей принадлежала первоначальному буддизму. Другая половина, касающаяся внѣшностей, и вторая книга, излагающая орденскій уставъ, присоединены уже послѣ. Правила ордена вытекаютъ какъ прямыя слѣдствія изъ буддійскаго идеала,—монашескаго государства, въ которомъ всѣ люди суть „благочестивые нищіе“ и всѣ отрекаются отъ міра. Они содержатъ въ себѣ главнѣйше обязанности относительно начальниковъ и наставниковъ. Юный священникъ обязанъ взирать на нихъ, какъ на самого Будду; онъ не смѣетъ противорѣчить имъ, хотя бы они сказали даже неправду, и не долженъ говорить объ ихъ проступкахъ. „Когда увидите передъ собою верховнаго шамана, то должны оказать ему глубочайшее почтеніе, за исключеніемъ развѣ слѣдующихъ пяти обстоятельствъ: когда вы читаете молитвы, когда больны, когда стрижетесь, ѣдите, или заняты монастырскимъ дѣломъ“. „Безъ учителя ученикъ не долженъ посѣщать домъ какого бы то ни было человѣка, не глазѣть по сторонамъ, но идти вслѣдъ за своимъ учителемъ, потупивъ очи“. „Не слѣдуетъ кашлять надъ священными писаніями и, читая ихъ, употреблять прохладительныхъ напитковъ“. „Сморкаясь, не слѣдуетъ производить много шума, не слѣдуетъ плевать на чистое мѣсто, подавать чай одною рукою, а когда зѣваешь, должно прикрыть ротъ рукавомъ платья, во время ѣды не должно чавкать и почесывать у себя въ головѣ“.

Такимъ образомъ и у буддистовъ къ высокимъ нравственнымъ предписаніямъ примѣшаны правила благопристойно-

сти и наружнаго церемоніала; дѣтей тоже пичкаютъ нравоученіями и церемоніями вмѣстѣ, причемъ налегаютъ особенно на обученіе музыкѣ, которая впрочемъ бываетъ, какъ кажется, попреимуществу въ религіозномъ родѣ. Живое свободное нравственное чувство не пробуждается, но гибнетъ въ монастырскихъ кельяхъ, и богоуподобленіе особи, къ которому стремился Будда, обращается въ эгоистическую, малодушную замкнутость, или въ полнѣйшее обезсамленіе. При всемъ томъ Сакья, покаянникъ, или Гаутама, эта всецѣло индійская натура, этотъ царскій сынъ, этотъ брамански образованный философъ, этотъ нищій монахъ, прозванный Буддою, т. е. просвѣтленнымъ, собралъ вокругъ себя толпу учениковъ:—этотъ мужъ въ царствѣ Магадги, на котораго бѣдные и угнетенные взирали какъ на прибѣжище и спасителя, и который провозгласилъ высшую истину браманства, изложенную въ Дгаммападамѣ (Стопѣ закона, т. е. сборникѣ поученій); тамъ между прочимъ сказано:

Преодолѣть самого себя выше всѣхъ побѣдъ на ратномъ полѣ;
Такова побѣда того, кто обуздаетъ собственныя пожеланія, кто совладаетъ самъ съ собою.

*

Иной проживетъ сто лѣтъ всегда необузданнымъ и тревожнымъ въ сердцѣ своемъ.
Лучше прожить одинъ только день, да показать твердую силу воли.

*

Иной проживетъ сто лѣтъ, не замѣчая ни восхода, ни заката жизни.
Лучше прожить одинъ только день, да замѣтить восходъ и закатъ.

*

Не дѣлать зла, творить добро, сохранять всегда чистымъ
Настроеніе мыслей, такова заповѣдь буддиста.

•

Изсуши потокъ твоихъ страстей, изгони похоть, о! брамана:
Ты постигъ несотворенное, когда постигъ уничтоженіе, о! брамана.

•

Мудреца, исполненнаго разума высокаго, извѣдавшаго дорогу и бездорожицу,
Достигшаго вершины всего сущаго, вотъ того назову я браманой.

*

Кто, оставивъ за собой горе и радость, живетъ спокойно и безпечально,
Кто міры всѣ одолѣлъ, того героя назову я браманой.

•

Только такими глубокими воззрѣніями и объясняется то, что Будда сталъ основателемъ самой распространенной религіи (—религія Будды распространена по всѣмъ остъ-индскимъ островамъ, по большей части Китая, по восточному полуострову Индіи, по Тибету и Монголіи и пр.; въ Азіи, гдѣ около 17 милліоновъ христіанъ, 70 милліоновъ муга-

медань, 80 милліоновъ брамановъ, она считаетъ 295 милліоновъ послѣдователей—), по которой онъ, какъ замѣчаетъ Бунзенъ, стоитъ далѣе всего отъ Основателя христіанства и также всего къ нему ближе: „далѣе потому, что отрѣшается отъ дѣйствительности, которую Іисусъ хочетъ вознесть до божественной чистоты; а ближе — по свободѣ и человѣчности богосознанія и по счастливому успѣху“.

Какъ сама Индія, такъ точно и индійское воспитаніе есть прогрессъ въ сравненіи съ китайствомъ. Въ Китаѣ все было въ одномъ цѣломъ и все трудилось только для него. Въ Индіи же мертвое единство переходитъ въ различія и въ частности, въ касты. Въ Китаѣ проявляется деспотизмъ съ наружною искони обычною формальностью; въ Индіи деспотическая власть ограничена кастою жрецовъ. Въ Китаѣ подчиненная государству религія, пребываетъ какимъ-то наружнымъ дѣломъ; въ Индіи религія, какъ высшее и непосредственнѣйшее откровеніе духа, составляетъ основу и правительства, и всѣхъ житейскихъ условій. Въ Китаѣ дитя воспитывается чтобъ стать членомъ семьи, въ Индіи— чтобъ быть членомъ касты: жизнь каждой изъ кастъ должна тамъ вращаться въ совершенно опредѣленныхъ, предначертанныхъ предѣлахъ, и такъ какъ человѣкъ съ молоду уже знаетъ, что ему дѣлать, то она и вырабатываетъ этимъ путемъ широкую въ своемъ родѣ технику—воспитаніе тамъ не что иное какъ окоченѣлое сословное воспитаніе, касты не что иное какъ отвердѣвшія сословія. Произволъ юнаго человѣчества въ Индіи обуздывается кастами: каждый обязанъ учиться всему въ томъ видѣ, какъ и что̀ ему задано, дѣлать все въ томъ видѣ, какъ и что̀ ему велѣно, отрекаясь притомъ ото всего остального. Само собою разумѣется, что такое воспитаніе, когда оно односторонне проводилось, должно было исказиться въ мелочной формализмъ, въ безмысленное и безнравственное усвоеніе церемоній. Но сквозь это искаженіе все-таки просвѣчиваетъ высшее предназначеніе этого упоеннаго Богомъ и міромъ народа. Вѣдь основнымъ положеніемъ его было то, что все сотворенное Богомъ есть добро, а человѣкъ какъ существо свободное повиненъ во всемъ нравственномъ злѣ, ибо безъ этого душа его была бы чистымъ изліяніемъ божества и даже на землѣ оставалась бы подобіемъ Бога,—вѣдь и сами Веды заповѣдывали Индусу стремиться къ истинѣ. „Что солнце и свѣтъ для видимаго міра, то же самое высшая благость и истина для духовнаго, невидимаго; и подобно тому какъ наши тѣлесные глаза ясно подмѣчаютъ вещи, освѣщенныя солнцемъ, точно такъ же и души наши усвоиваютъ себѣ ясное познаніе, размышляя о свѣтѣ истины, истекающемъ отъ существа всѣхъ существъ“. Признаніе важности и величія учительскаго званія достигло въ Индіи своей вершинной точки. Благоговѣйная преданность ученика

къ учителю нигдѣ не была развита такъ систематично и нигдѣ не требовалась съ такою святою строгостью какъ въ Индіи. Ученикъ обязанъ оказывать всякаго рода послуги не только своему „духовному отцу“, но по смерти его поддерживать также его добродѣтельнаго сына, его вдову, или любого изъ родственниковъ съ отцовской стороны, до конца своей жизни и съ тѣмъ же самымъ почтеніемъ, какое оказывалъ онъ покойному. Въ этой странѣ искренности, духа и сказки, на дальнемъ Востокѣ уже постигнуто человѣчествомъ высокое значеніе учительскаго званія, и желательно, чтобы возникшее еще въ младенчествѣ нашего рода воззрѣніе постепенно становилось также и для достигшаго высокой степени культуры Запада тѣмъ руководящимъ началомъ, которое сильнѣе всего способствуетъ успѣху воспитанія.

ПЕРСІЯ.

НАЦІОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

8.

Тамъ гдѣ нагорная Азія спускается къ низинамъ Аральскаго и Каспійскаго морей, говоритъ Штуръ, гдѣ плоскогорье Кабулистана, разобщенное съ Индіей долиною Инда, перехвативъ черезъ Гиндуку отдѣляется отъ главнаго кряжа возвышеннаго материка Азіи, тамъ въ народной жизни обнаруживается совершенно новое развитіе, совершенно новое движенье. Надо узнать это вѣчно ясное, безоблачное небо, эту яркость звѣздъ, зачастую неуступающую дневному свѣту, эту череду нагорья, низменностей, стремительныхъ потоковъ, внутреннихъ морей и пр., этотъ цвѣтущій садъ съ его богатыми плодоносными полями; тогда поймешь, что эта страна двурѣчья, Эвфрата и Тигра,—истинное средоточіе передней Азіи; вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится и духовная жизнь этого народа, отличающагося стройнымъ, крѣпкимъ складомъ, совершенно бѣлымъ цвѣтомъ кожи, небольшимъ ртомъ, сильно проведенными бровями и густою бородой,—народа, который не даромъ слыветъ Французомъ Востока. Мидяне и Персы были потомки Арійцевъ или Зендовъ, искони обитавшихъ въ Бактріи и выселившихся оттуда разными путями въ югозападные края. Это было строгое, духовно развитое племя, называвшее само себя чистымъ въ отличіе отъ варваровъ. Чистоту оно ставило выше всего. Оттого эта нація и назвалась свѣтозарною, — Персами: она хотѣла дышать чистымъ воздухомъ горъ и въ немъ именно созерцать восходящее къ небу священное пламя. Въ жизни этого народа, составляющаго переходную ступень къ Западу, обнаруживаются духовная борьба, духовные порывы и человѣческая личная свобода гораздо сильнѣе, чѣмъ въ жизни народовъ восточной Азіи. Въ Китаѣ мы видимъ одно нравственное цѣлое, но безъ самостоятельности членовъ. Въ Индіи разрозненность гибельна для ума и неодолимо обусловлена природою. Эту рознь кастъ озаряетъ въ

Персіи новый свѣтъ, чистое, высокое единство, дающее волю каждой своеобразности, солнце, которое равно свѣтитъ для праведныхъ и неправедныхъ и въ которомъ могутъ освятиться всѣ безъ различія. Въ Китаѣ единичный человѣкъ ничто; въ Индіи онъ пользуется нѣкоторымъ значеніемъ въ предѣлахъ своей касты; въ Персіи онъ сталъ личностью самъ. Тогда какъ въ Китаѣ слѣпое повиновеніе государю принижаетъ души, а въ Индіи властвующая надо всѣмъ догматика задерживаетъ полетъ духа, Персъ въ то же время идетъ прямо къ нравственности и потому стремится стать лично свободнымъ и самостоятельнымъ. Въ Персіи положенъ первый починъ къ освобожденію человѣка отъ природы, къ его торжеству и господству надъ нею.

Такое же воззрѣніе на природу, какъ въ религіи Брамы и какъ оно выражено въ древнѣйшихъ пѣсняхъ Ведъ, — сознающее въ благихъ силахъ и явленіяхъ внѣшняго міра благотворное дѣйствіе высшихъ властей и чтущее особенно проявленія свѣта какъ непосредственныя откровенія божества, тогда какъ зловредное начало дѣйствуетъ во тмѣ и мракѣ, — это воззрѣніе на природу возвелъ къ нравственному значенію Зороастръ, Заратуштра, Зартуштъ, т. е. благодатное золотое созвѣздіе, котораго Бунзенъ назвалъ арійскимъ Авраамомъ и Моисеемъ въ одномъ лицѣ, и который постигъ въ немъ добрыя и зловредныя силы, вступившія въ борьбу въ этомъ конечномъ мірѣ явленій,— вѣрное отраженіе благодатныхъ и враждебныхъ силъ природы, противоположностей между плодоносною почвой и пустынею и пр., изъ которыхъ состоитъ Иранъ. Религіозное представленіе расширяетъ здѣсь господство высшаго небеснаго строя въ созерцаніе борьбы между царствомъ свѣта или добра и царствомъ тмы или зла, а въ позднѣйшую эпоху, подъ вліяніемъ греческой и индійской философій, оно соединяетъ оба царства при посредствѣ одного высшаго первобытнаго существа, Зеруане Акерене, т. е. безпредѣльнаго времени или вѣчности, стоящей надъ противоположностью разрозненнаго міра. Чистое существо свѣта олицетворяется въ Ормуздѣ, т. е. въ вѣчномъ мудрецѣ, а силы его свѣтлаго царства осуществлены въ Амшаспандахъ и Изедахъ, въ планетныхъ и звѣздныхъ духахъ. Къ свѣту, къ добру принадлежитъ все живое; то, что̀ благо во всѣхъ существахъ, и есть Ормуздъ; онъ — животворящее начало, дѣятельное въ мысли, словѣ и дѣлѣ. Свѣтъ есть тѣло его. „Мое имя“ говоритъ онъ Зороастру, „— основа и средоточіе всѣхъ существъ, чистая воля, полнота блаженства“. И все, что живетъ любовно, сильно, счастливо, все то Ормуздъ. Темная, мрачная сила конечнаго олицетворяется въ Аримамѣ т. е. въ зломысленномъ — съ его спутниками, Девами, противостоящими царству свѣта въ ядовитыхъ растеніяхъ, гадахъ, водяныхъ животныхъ, въ бурѣ, лѣни и злобѣ че-

ловѣка. Онъ—настоящій пращуръ всѣхъ мелкихъ и крупныхъ бѣсовъ и самого нечистаго, который на Востокѣ, а потомъ и на Западѣ также свирѣпствовалъ на пагубу многихъ людей и на бѣду человѣчества вообще, пока окрѣпшій разумъ и успѣхи естественныхъ наукъ не уготовили ему подобающаго убѣжища для вѣчнаго покоя. Нынѣ онъ колобродитъ лишь въ головахъ немногихъ мечтателей и полоумныхъ. — Царство зла—такъ учитъ персидская религія—лишено всякой внутренней устойчивости и необходимаго бытія; оно бываетъ лишь тамъ, гдѣ силы чистоты и свѣта даютъ ему просторъ и свободный доступъ. Ибо когда Ормуздъ по сотвореніи міра удалился въ свое небесное царство, тогда лишь Ариманъ въ образѣ змѣи проникъ въ земное бытіе, наполнилъ его нечистыми духами и наслалъ все, что только могло повредить свѣту лучезарному. Но въ концѣ концовъ свѣтъ восторжествуетъ, онъ наполнитъ собою міръ, возбудитъ состояніе вѣчнаго блаженства и даруетъ послѣдователямъ Ормузда, выдержавшимъ по смерти испытаніе на мосту Чинаватъ и оказавшимся безъ пятенъ, свѣтлое, не дающее тѣни тѣло.—Дабы достичь этой цѣли послѣдователь Ормузда приноситъ богу свѣта жертву на чистыхъ горныхъ высяхъ или у ясныхъ водъ, безъ храмовъ, безъ кумировъ и жертвенниковъ, стараясь всѣми силами сокрушить царство тмы — въ самомъ себѣ при помощи молитвы и подвиговъ добра въ помыслахъ, словахъ и дѣлахъ, а въ природѣ—уничтожая вредныхъ животныхъ и тщательно разводя полезные плоды и деревья. — Итакъ, если у Индусовъ тѣло и духъ совершенно распались, чувственный міръ представлялъ не бытіе, а одинъ лишь призракъ, и путь къ истинной жизни пролегалъ лишь чрезъ уничтоженіе этого призрачнаго міра; то напротивъ Персъ обрѣтается всерединѣ міра добра и зла, носящаго въ самомъ себѣ свое ничтожество, и имѣетъ нравственною задачею, побороть зло какъ во внѣшней природѣ, такъ и въ собственной душѣ, расширить и возвысить царство свѣта. Цѣлью человѣка поставляется уже не самоуничтоженіе, а самоотстойчивость, и задачей его стали теперь общечеловѣческія стремленія. Чистое и все то, что способствуетъ физическому благу, предохраненіе тѣла и дома отъ грязи, отъ мертвыхъ и ото всего, что принадлежитъ духамъ тмы, слѣдовательно ото всего, что нечисто: вотъ чего добивается и хочетъ истинный человѣкъ. Распутство, тунеядство, лѣнь, злословіе, а особенно воровство, обманъ и ложь грязнятъ чисто-созданныя души. Воровство—крайне гнусный порокъ, и воръ является общникомъ чернаго девы. Обманъ есть тяжкій грѣхъ, а ложь преступленіе передъ лицомъ всевидящаго бога свѣта. Правдивость же есть высшая добродѣтель, и кто говоритъ неправду, кто нарушаетъ обѣщаніе и данное слово, кто клевещетъ и кто рас-

пускаетъ гнусные слухи о правительствѣ и царѣ, тотъ, какъ служитель дьявола, подвергается всеобщему позору и жесточайшему наказанію. Персидская религія превосходитъ индійскую въ томъ отношеніи, что она побуждаетъ къ труду, къ дѣятельности, къ развитію и преобразуетъ жизнь человѣка въ борьбу и плодотворный подвигъ. При всемъ томъ нравственный міръ не отличается ею отъ матеріальнаго; душевныя стремленія отождествляются съ тѣлесными.

Основныя воззрѣнія этой религіозно-нравственной философіи коренились въ существѣ и характерѣ Персовъ. Настоящій, въ высшей степени чистокровный Персъ не принадлежалъ собственно ни къ какому сословію: призваніемъ его было свободное проявленіе силъ и чувства чести въ качествѣ члена той общины, въ которой онъ родился. Какъ природа края, такъ и чрезвычайная подвижность персидскаго духа содѣлали войну и богатырскіе подвиги, боевое искусство, связанное съ конемъ, стрѣлой и лукомъ, настоящимъ призваніемъ Персовъ. Проявленіе на дѣлѣ мужества, борьба ради самой борьбы, были для нихъ усладой жизни, и потому они даже въ мирное время замѣняли войну охотою и постоянными боевыми упражненіями.

Вслѣдствіе такого характера персидская нація сдѣлалась завоевательною. У нея нѣтъ иныхъ стремленій кромѣ расширенія своего царства, распространенія своего верховенства надъ другими странами и народами. Вотъ что было единственною ея цѣлью. Она покоряла чуждые народы не въ духовномъ отношеніи, а напротивъ, предоставляя имъ жить во всей ихъ своеобразности бокъ о бокъ, щадя ихъ религіи, обычаи и постановленія. Персидское царство состояло изъ совокупности отдѣльныхъ народовъ.

Государственная жизнь основывалась также на этомъ характерѣ и была притомъ вся проникнута религіознымъ духомъ. Уставы религіи служили не только политическими и гражданскими законами, охранявшими жизнь и собственность; но и самое обожаніе царя коренилось въ той вѣрѣ, что царь пользуется своею властью какъ намѣстникъ Ормузда и въ этомъ духѣ держитъ въ рукахъ бразды правленія. Въ качествѣ деспотической державы Персія также занимаетъ вершинную точку на Востокѣ. Царь ея—деспотъ: всякій, приближаясь къ престолу, долженъ падать ницъ. Передъ царемъ исчезаютъ даже сословія. Хотя народъ и распадается, точно такъ же какъ въ Индіи, на жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ; но эта рознь все-таки не строго проведена, ибо всѣ равно подчинены государству, олицетворяемому въ царѣ. Въ Персіи, государство, представителемъ котораго царь, выше всего другого, и интересы сословія, семьи и дѣтей приносятся ему въ жертву. Но такъ какъ религія

свѣта признавала значеніе каждой единичной личности самой по себѣ, то каждый Персіянинъ пользовался личнымъ значеніемъ даже и передъ самимъ царемъ; ибо царь обязанъ былъ блюсти правосудіе, а учрежденія проникнуты были духомъ гуманности, такъ что судьи должны были принимать во вниманіе добрыя дѣла обвиняемаго, такъ что неблагодарные люди могли быть привлечены къ суду, и убійство каралось съ безпощадною строгостью. Отцеубійство у Персовъ считалось просто дѣломъ невозможнымъ.

Эта жизнь персидскаго народа и сдѣлала Персовъ первымъ истинно историческимъ народомъ. Персія — говоритъ Гегель—первая изъ державъ, которая жила, и прешла подвергаясь развитіямъ и переворотамъ, этимъ единственнымъ признакамъ историческаго состоянія; принципъ развитія начался съ исторіи Персіи: потому-то она и есть настоящее начало всемірной исторіи. Здѣсь впервые проявляются развитіе внутри, жизнь и борьба вовнѣ. Персидскій народъ, это отрокъ всемірной исторіи, выросшій изъ помочей матери, развернувшійся въ играхъ и борьбѣ съ своими товарищами.

Какова жизнь народа вообще, таково и воспитаніе его. Воспитаніе въ Персіи національное. Въ Китаѣ дѣтямъ надлежало дѣлать только то, что дѣлали ихъ отцы. Въ Индіи дѣти должны были учиться тому и дѣлать то, что предписывалось кастой. Въ Персіи же дитя родится и воспитывается для государства, и потому-то здѣсь рядомъ съ умственнымъ воспитаніемъ впервые появляется и тѣлесное, которое у Индусовъ не считалось важнымъ, а у Китайцевъ состояло въ методическомъ увѣчьи женскихъ ногъ, такъ что въ Китаѣ знатные родители могли лишать наслѣдства дочерей, если онѣ величиною ногъ грѣшили противъ обычной въ странѣ красоты. Въ Персіи законами предоставлялось родителямъ отдавать своихъ дѣтей въ общественныя заведенія, гдѣ, благодаря болѣе всего примѣрамъ и практической дѣятельности, они воспитывались для добродѣтели и для государства.

Такъ какъ единичная личность принадлежитъ государству и такъ какъ съ размноженіемъ членовъ его возрастаетъ также самое благосостояніе государства, то Зендъ-Авеста беретъ подъ свое покровительство и хочетъ охранить даже самый зародышъ, дабы никоимъ образомъ не пропадала жизненная сила. Вслѣдствіе этого всякій противуестественный грѣхъ подлежитъ карѣ. „Человѣкъ, перешедшій за 15-тилѣтній возрастъ и распутствующій безъ пояса и повязки, губитъ одаренный тѣломъ міръ чистыхъ; деви Друхъ подчинитъ его своей власти, а девы истощатъ его, лишивъ языка и жира. Выпускающій ненарочно сѣмя

свое наказывается дважды восемью сотнями ударовъ, или (—по другому тексту—) если это случится съ нимъ во время сна, онъ долженъ повторить трижды молитву „святой благодати“ и еще четыре другія молитвы; дѣлающій же это нарочно ничѣмъ не можетъ искупить своего грѣха. Кто переспитъ съ женщиной зная что у ней мѣсячное, наказывается дважды тридцатью, во второй разъ дважды пятидесятью и дважды семидесятью ударами, а посягнувшій заведомо и намѣренно на беременную женщину — 2000 ударовъ. Посѣтившій тайно дѣвушку, живущую еще при родителяхъ или уже покинувшую ихъ, обрученную или не обрученную, и обеременившій ее долженъ охранять ее до тѣхъ поръ, пока не родится ребенокъ и доставлять потомъ надлежащее пропитаніе для матери и дитяти.

Естественнымъ слѣдствіемъ важности, придаваемой благонадежному приплоду, былъ приведенный у Геродота обычай, чтобы у каждаго изъ Персовъ было по нѣскольку законныхъ женъ, и сверхъ того еще болѣе наложницъ, „ибо послѣ боевой храбрости высшая доблесть состоитъ въ томъ, чтобы нажить по возможности болѣе дѣтей, и того, кто народитъ ихъ болѣе всѣхъ, царь ежегодно награждаетъ подаркомъ“. Зрѣлымъ дѣвицамъ—а зрѣлость дѣвушекъ въ настоящее время у Персовъ въ Керманѣ наступаетъ съ 13-тилѣтнимъ возрастомъ—вмѣняется въ обязанность вступить въ бракъ; добровольному безбрачію грозятъ адскія казни. Но браки дозволяется заключать лишь между правовѣрными (—только отъ благородныхъ могутъ родиться благородные —) и вступившихъ въ связи съ грѣшниками и слугами Девъ надлежитъ убивать паче змѣй ядовитыхъ, паче волковъ съ когтями, паче жаждущихъ ящерицъ, ползущихъ къ водѣ. Святымъ и праведнымъ дѣломъ считалось совершать супружеское соитіе съ близкими родственницами, даже съ матерями и сестрами. Братья и сестры зачастую вступаютъ въ бракъ другъ съ другомъ, и случается, что жена одного брата выходитъ почередно за другихъ; бракъ между близкими родственниками даже у современныхъ Парсовъ слыветъ наилучшимъ. Всякое же соитіе внѣ брака строго воспрещено.

Жены и дѣти обязаны безпрекословно повиноваться отцу. Жена каждое утро девять разъ должна спрашивать мужа: что прикажешь мнѣ дѣлать. Такимъ же образомъ и дочери должны относиться къ отцу, старшему брату или мужу, подъ покровительствомъ котораго онѣ находятся. Если дитя отвѣтитъ трижды, не повинуясь, то оно заслуживаетъ смерти. Послѣ родителей первымъ и важнѣйшимъ предметомъ почитанія и уваженія долженъ быть на-

ставникъ, обучающій дитя, такъ какъ онъ образуетъ благороднѣйшую часть его, душу.

Національное воспитаніе Персовъ обнимало все первое двадцатичетырехлѣтіе человѣка. До седмого года мальчики находились при женщинахъ: „шесть мѣсяцевъ, гласитъ законъ, надлежитъ беречь собакъ, а семь лѣтъ дѣтей“. Тотчасъ послѣ родовъ ребенку давали въ ротъ сокъ гаомы, послѣ того уже мать кормила его грудью, потомъ мыли ему сначала руки, а затѣмъ и все тѣло. Астрономъ предрекалъ будущую судьбу ребенка и давалъ ему имя, обыкновенно какого-нибудь Изеда или знатнаго Перса. До пятилѣтняго возраста ребенку не слѣдовало говорить, чтò добро и чтò зло. „Всякое зло, имъ совершаемое, падаетъ на родителей, обязанныхъ до той поры охранять лишь тѣло его, а въ случаѣ учиненныхъ имъ проступковъ говорить ему: Не дѣлай этого въ другой разъ“. Въ младенческомъ возрастѣ въ ребенкѣ уже возбуждали и оживляли крѣпкую привязанность къ матери и стыдливость. До семилѣтняго возраста запрещалось вовсе бить ребенка.

Съ семи лѣтъ начиналось публичное воспитаніе. Во всѣхъ сколько-нибудь обширныхъ городахъ находились публичныя учебныя заведенія, гдѣ мальчики жили вмѣстѣ съ своими сверстниками, получали простое содержаніе и поучались особенно правдивости, справедливости и самообладанію, стрѣльбѣ изъ лука, верховой ѣздѣ и метанію дротикомъ. Тамъ давались также уроки чтенія и письма; но точнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Учителями и надзирателями были люди свыше 50 лѣтъ; они примѣромъ своимъ должны были служить образцами для юношества. До 10-ти и 15-тилѣтняго возраста надлежало еще обучаться особенно молитвамъ и священнымъ правиламъ у жрецовъ, послѣ чего съ разными церемоніями и омовеніями бычачьей мочею совершалось опоясыванье святымъ поясомъ (— по современному обычаю онъ состоитъ изъ 72 нитей верблюжьей или овечьей шерсти и не снимается ни днемъ, ни ночью, потому что это — самое важное предохранительное средство отъ девы—); при этомъ юный Персъ, сказавъ свой символъ вѣры, трижды повторялъ обѣтъ: исполнять законъ Зороастра. Пятнадцатый годъ считался порою вступленія въ юношескій возрастъ: семейная связь между родителями и дѣтьми распадалась, ибо юноша почти совсѣмъ отрѣшался отъ домашнихъ условій; принадлежа государству, онъ обязанъ былъ готовиться къ охотѣ и войнѣ и для этого заняться высшими нравственными и тѣлесными упражненіями. На 25-мъ году юноша дѣлался мужемъ и гражданиномъ. Онъ принимался за обязательныя для него должности какъ въ мирѣ такъ и въ войнѣ, исполняя ихъ вплоть до 50-тилѣтняго возраста, а съ этой поры

ему вмѣнялось въ долгъ пещись объ общественномъ благѣ путемъ поученія молодыхъ людей и присмотра за ними. Когда молодой человѣкъ обвинялся надзирателями въ нарушеніи законовъ, то старцы исключали юношу изъ его класса, что обрекало его на безоружность. Одни лишь воспитанные такимъ образомъ могли достичь всѣхъ почетныхъ степеней.

Ксенофонтъ, „пытаясь сообщить то, что узналъ отъ Кира, а также и то мнѣніе, какое онъ составилъ себѣ самъ, представляетъ сотканную изъ правды и вымысла картину воспитанія старшаго Кира, и вмѣстѣ Персовъ вообще. Онъ говоритъ слѣдующее: „Бо́льшая часть государствъ допускаютъ всякаго воспитывать своихъ сыновей какъ ему угодно; затѣмъ и взрослымъ юношамъ предоставляютъ они поступать, какъ имъ вздумается; лишь послѣ того уже они предписываютъ ему не красть, не грабить, не врываться насильственно въ домъ, не бить никого безъ причины, не прелюбодѣйствовать, не ослушиваться начальства. Если кто учинитъ что нибудь въ этомъ родѣ, то его подвергаютъ наказанію. Напротивъ того, персидскіе законы предупреждаютъ это все, и пекутся о томъ, чтобы граждане съ самаго начала не имѣли поползновенія къ дурнымъ или срамнымъ поступкамъ. Пекутся они объ этомъ слѣдующимъ образомъ. У нихъ есть рыночная площадь, называемая ими вольною. Край площади, примыкающій къ судебнымъ зданіямъ, разбитъ на четыре части: первая изъ нихъ служитъ мѣстомъ для отроковъ, вторая для юношей, третья для мужей, а четвертая для старцевъ. Каждый долженъ приходить лишь въ назначенную для него часть, притомъ отроки и мужи обязаны являться съ разсвѣтомъ, тогда какъ старцы за исключеніемъ извѣстныхъ дней вольны приходить, когда имъ вздумается. Неженатые еще юноши ночуютъ вооруженные около судебныхъ зданій. Такъ какъ Персы раздѣлены на 12 колѣнъ, то въ каждомъ отдѣлѣ на рынкѣ находится по 12 надзирателей, причемъ у отроковъ надзиратели должны отличаться способностями къ ученію, тогда какъ у юношей они обязаны руководить послѣднихъ къ добродѣтели. Надзиратели у мужей наблюдаютъ главнѣйше за тѣмъ, чтобы соблюдались законы и высшія постановленія. Надзиратели у старцевъ обязаны пещись, дабы послѣдніе въ точности исполняли свои обязанности. Отроки посѣщаютъ школы, съ тѣмъ чтобы въ нихъ возбуждалось и развивалось чувство справедливости. Для того начальники ихъ цѣлый день занимаются главнѣйше тѣмъ, что чинятъ судъ надъ мальчиками, которые подобно взрослымъ обвиняютъ другъ друга въ кражѣ, насиліи, обманѣ, брани и пр., причемъ наказываются не только уличенные, но также и лживые обвинители. Неблагодарность карается чрезвычайно строго, потому что Персы того мнѣнія, что неблагодарные не могутъ любить ни боговъ, ни своихъ родителей, ни оте-

чества, ни своихъ друзей, ибо съ неблагодарностью всегда связано безстыдство, а послѣднее — самый обильный источникъ всѣхъ пороковъ.“—Чувство справедливости развивалось въ дѣтяхъ особеннымъ образомъ. Когда мать Кира, Мандана, привезла двѣнадцатилѣтняго отрока ко двору его дѣда, Астіага, то она спросила его: „Однако, дитя мое, какъ же ты здѣсь, при этомъ деспотическомъ дворѣ, научишься справедливости, когда учителя твои остались тамъ у себя дома?“ Киръ отвѣчалъ на это: „Что-же, матушка, я теперь хорошо знаю справедливость. Такъ какъ я очень прилежно занимался, то учитель и ставилъ меня часто даже судьею надъ другими. Тутъ-то разъ и побили меня за то что я невѣрно разсудилъ. Дѣло въ томъ, что одинъ рослый мальчикъ, у котораго былъ короткій кафтанъ, стащилъ съ маленькаго мальчика длинный, какой оказался у этого, и надѣлъ его на себя. Я и рѣшилъ, что для обоихъ же лучше, если каждый изъ нихъ будетъ носить кафтанъ, который ему больше въ пору. За это меня отпороли съ такимъ наставленіемъ, что мой приговоръ былъ бы справедливъ, иди вопросъ о томъ, кому какой кафтанъ въ пору? А такъ какъ спрашивалось только одно, кто законный владѣлецъ кафтана, то мнѣ слѣдовало бы разобрать, кому принадлежитъ кафтанъ на самомъ дѣлѣ, и какъ достигается право собственности, тѣмъ ли, что захватишь что либо силою, или тѣмъ, что самъ его изготовишь или купишь“. Потомъ Киръ прибавилъ: „Все, что законно, то справедливо, а всякое насиліе противозаконно! Судья обязанъ чинить приговоръ по закону“. — „Къ умѣренности мальчики пріучаются уже потому, что видятъ, какъ родители ихъ постоянно соблюдаютъ умѣренность. Тѣмъ же путемъ пріучаютъ ихъ повиноваться начальству, причемъ старшіе также подаютъ собою примѣръ. Мальчики приносятъ съ собою изъ дому только хлѣбъ, крессъ и сосудъ черпать воду“.—„Юноши спятъ возлѣ судебныхъ зданій, дабы охранять городъ, соблюсти свою нравственную чистоту и пріучиться къ умѣренности, днемъ же они предлагаютъ свои услуги начальству. Отправляясь на охоту, они берутъ съ собой только обѣдъ, немного посытнѣе, чѣмъ у мальчиковъ. На охотѣ они ѣдятъ только тогда, когда остановятся, подстерегая дичь, а не то вечеромъ; два дня они считаютъ потомъ за одинъ, потому что въ это время имъ пришлось поѣсть всего одинъ разъ. Всякая добыча идетъ въ надбавку къ пищѣ. А не то они должны довольствоваться однимъ крессомъ. Оставшіеся дома упражняются въ стрѣльбѣ изъ лука и въ метаніи дротикомъ. Сверхъ того устроиваются публичныя состязанія и назначаются призы“.

Школы были публичными заведеніями, и имъ надлежало быть такими, дабы устранять отъ молодежи всякія вліянія, вредныя для нравственности и благочинія. Въ эти „школы справедливости“ каждый изъ Персовъ во-

ленъ былъ отдавать своихъ сыновей, такъ же какъ каждому открытъ былъ доступъ ко всѣмъ должностямъ и почестямъ.

Женскій полъ обыкновенно не пользовался общественнымъ образованіемъ. Дѣвушки въ исключительныхъ только случаяхъ посѣщали школы. Низамі раскасываетъ въ одномъ романѣ, что Лейла и Меджнунъ въ школѣ уже полюбили другъ друга.

Рядомъ со всеобщимъ національнымъ воспитаніемъ существовало еще, по Ксенофонту, особое воспитаніе для высшихъ сословій. „Всѣ мальчики знатныхъ Персовъ воспитываются въ царскомъ дворцѣ, гдѣ всякій отлично поучается самообладанію, да притомъ не видитъ и не слышитъ ни малѣйшей непристойности. Ибо мальчики подмѣчаютъ тамъ, кто отъ царя заслуживаетъ почетъ или безчестіе, и такимъ образомъ они уже съизмала пріучаются управлять и управляться." — О царскомъ воспитаніи въ приписываемомъ Платону разговорѣ, „первый Алкивіадъ", сообщается слѣдующее: „День рожденія наслѣдника престола празднуется всѣми подданными, а впослѣдствіи и вся Азія ежегодно празднуетъ также день рожденія царя. Ребенка ростятъ потомъ, но не кормилица, а евнухи, которые пользуются величайшимъ уваженіемъ между приближенными царя. Имъ поручаются также и другія касающіяся воспитанія ребенка дѣла, особенно забота объ елико-возможной красотѣ, почему имъ и надлежитъ обращать особенное вниманіе на развитіе и складъ членовъ. Семи лѣтъ мальчикъ начинаетъ учиться верховой ѣздѣ и охотѣ, а на четырнадцатомъ году его передаютъ такъ-называемымъ царскимъ педагогамъ. Это четыре избранныхъ, знатныхъ Перса, а именно мудрѣйшій, правдивѣйшій, умѣреннѣйшій и храбрѣйшій; первый обучаетъ Ормуздовской магіи и искусству управленія, а второй правдивости на всю жизнь. Умѣреннѣйшій наставляетъ царскаго отрока, чтобы онъ не поддавался страстямъ, но пріучался быть свободнымъ и истиннымъ царемъ; храбрѣйшій дѣлаетъ его неустрашимымъ и отважнымъ,—иначе, бойся онъ чего-нибудь, онъ былъ бы вѣдь рабомъ".

Изо всѣхъ этихъ извѣстій, передаваемыхъ греческими писателями, кажется, одни только сообщаемыя Геродотомъ, Кн. I, 132—140, отвѣчаютъ дѣйствительности; потому что они основаны на естественномъ ходѣ дѣлъ и согласны съ характеромъ Персовъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Повѣтствованія „перваго Алкивіада", невѣрно приписываемыя Платону, также Ксенофонта въ Анабазисѣ и Киропедіи, и еще расказъ Страбона, перемѣшиваютъ греческіе взгляды съ историческими данными Персіи, и потому не представляютъ чисто объективнаго изложенія. А Зендъ-Авеста, содержащая въ себѣ главнѣйше основныя начала древне-персидскихъ законовъ и нравственныхъ правилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ главныя черты

религія свѣта, но преобразованныя въ теченіе времени по смыслу и потребностямъ жрецовъ, излагаетъ одно лишь воспитаніе послѣднихъ. Впрочемъ относительно персидскаго національнаго воспитанія все-таки исторически подтверждается суть его, а именно:. что Персы закаляли тѣло при посредствѣ гимнастики и путемъ правдивости развивали въ душѣ нравственную чистоту; что личность не только не стѣснялась въ своемъ образованіи властолюбивою кастою жрецовъ, но и не замыкалась также отъ вліяній чуждой цивилизаціи; напротивъ, ей предоставлялось развиваться въ предѣлахъ всецѣлаго государства и какъ члену націи, такъ что разнообразнѣйшая смѣсь народовъ во всей ихъ особенности свободно слагалась и жила бокъ о бокъ подъ властью одного и того же державца.

Въ Персіи воспитаніе стало общенароднымъ, національнымъ дѣломъ, а потому въ немъ принимаютъ участіе всѣ классы общества. Путемъ дисциплины и нравообычая ребенку внушаются почтеніе къ царю и начальству, уваженіе къ законамъ, любовь къ отечеству, чувство правдивости и отвращеніе отъ лжи. Школа связана съ самой жизнью. Воспитаніе направлено практически и ставитъ себѣ цѣлью какъ житейскіе успѣхи, такъ и расширеніе государства. Сила характера и нравственная строгость, ясность и простота въ пріемахъ и дѣйствіяхъ,—вотъ главная цѣль персидскаго воспитанія; оно на самомъ дѣлѣ есть воспитаніе отрока,. который въ играхъ и сношеніяхъ съ своими сверстниками готовится къ великимъ подвигамъ жизни и такимъ образомъ кладетъ основаніе къ будущей твердости и благонадежности характера.—Однако персидское воспитаніе лишено было развитія мыслительныхъ способностей—въ томъ и ограниченность его. Этимъ недостаткомъ объясняется, что персидскій народъ не былъ въ состояніи разрѣшить противоположности между свѣтомъ и тмой, добромъ и зломъ, и т. д., что нація съ ея бьющимъ черезъ край чувствомъ свободы подчинилась самому закоснѣлому серальному деспотизму, что храбрѣйшіе воины Азіи оказались впослѣдствіи трусливѣе и изнѣженнѣе самихъ Вавилонянъ, и что духовная религія свѣта исказилась въ пошлый мелочной формализмъ, въ пустыя церемоніи и обряды, въ рабское идолопоклонство. Вмѣстѣ съ государственною жизнью, съ религіей и нравственностью воспитаніе также заразилось слабостью и изнѣженностью, и по этой дорогѣ царское воспитаніе шло впереди. По мнѣнію Платона, уже при Кирѣ простой древнеперсидскій образъ воспитанія замѣнился ростлѣвающимъ мидійскимъ. „Превратность персидскаго воспитанія была причиною паденія персидскаго царства, потому что Киръ, даровитый впрочемъ полководецъ и гражданинъ, не имѣлъ никакого понятія о правильномъ обученіи и слишкомъ пренебрегалъ строемъ домашней жизни. Молодые царевичи воспитывались не въ про-

стомъ, неизнѣженномъ и суровомъ быту персидскаго народа, а подъ надзоромъ женъ и евнуховъ по искаженному такъ-называемымъ раздольемъ образу воспитанія Мидянъ. Оттого-то за исключеніемъ Дарія Гистаспа, воспитаннаго не въ обычной роскоши царскихъ дѣтей, въ Персіи не было ни одного великаго царя, кромѣ развѣ по одному лишь имени."

ЕГИПЕТЪ.

ЖРЕЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

9.

Африка лишь сѣверомъ своимъ вступаетъ въ свѣтлую область исторіи. Страны ея сомкнутыми массами расположены по обѣ стороны экватора: — это обиталища Негровъ подъ отвѣсными раскаленными лучами, нигдѣ не восходящихъ далѣе начатковъ человѣческой культуры, далѣе удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Одинъ только Египетъ принимаетъ живое участіе въ исторіи: но и онъ пространственно лишь входитъ въ составъ африканскаго материка; по своей исторической жизни онъ прямо членъ восточнаго міра. Этотъ край состоитъ изъ Нильской долины, отъ четырехъ до девяти миль шириною, и изъ замыкающихъ ее горныхъ цѣпей, восточно-аравійской и западно-ливійской. Перемычками этихъ цѣпей обозначаются три ступени Нильской долины—Верхняго, Средняго и Нижняго Египта. Геродотъ назвалъ Египетъ „даромъ Нила," и въ самомъ дѣлѣ страна одолжена послѣднему какъ своимъ существованіемъ, такъ и своимъ историческимъ значеньемъ. Ежегодные разливы Нила обусловливаютъ плодоносіе Египта: вслѣдствіе таящаго снѣга на горныхъ высотахъ и періодическихъ ливней тропическихъ странъ рѣка въ іюлѣ выступаетъ изъ береговъ и обращаетъ весь край въ одно сплошное озеро, изъ котораго подобно островамъ выникаютъ города и болѣе возвышенныя мѣстности; съ прекращеніемъ тропическихъ ливней, рѣка вновь входитъ въ берега свои, оставляя по себѣ всюду тинистый осадокъ, по которому въ ноябрѣ уже пробивается зеленый посѣвъ, дающій въ мартѣ обильную жатву. Эти особенности края пробудили къ жизни также и духъ человѣка. Наблюденіе правильно наступавшихъ разлитій повело къ астрономіи, составленію календаря, межеванію, гидравлическимъ работамъ, зодчеству. Оплодотворенная потокомъ земля какъ бы сама собою вы-

зывала къ воздѣлкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ орошенію непонимаемой Ниломъ почвы, къ запрудамъ водъ, для болѣе продолжительной задержки ихъ, къ установкѣ межъ, дабы предупредить пагубныя дѣйствія разлива, и къ опредѣленію понятій о правѣ и собственности. Къ тому же присоединилась еще замкнутость края, вызвавшая ничѣмъ ненарушаемое развитіе и преобладающее духовное настроенье одного изъ самыхъ своеобразныхъ народовъ, который цвѣтомъ кожи, языкомъ и нравомъ рѣзко отдѣляется отъ Негровъ и принадлежитъ къ юго-западной отросли кавказскаго племени; который отличается высокимъ лбомъ, темными, огненными глазами, узкимъ, острымъ носомъ, острымъ подбородкомъ и смуглою кожею и положилъ начало къ первой и самой древней культурѣ на землѣ. Эта культура, состоящая въ развитіи всѣхъ отраслей, какія только можно соединить подъ именемъ „матеріальной культуры", есть неминуемое слѣдствіе роковыхъ естественныхъ силъ Нильской долины, не опосредствованныхъ между собою противоположностей цѣлаго, — зноя и чрезвычайнаго обилія отраженныхъ лучей днемъ, свѣжести и жуткаго мрака ночью и пр., а сверхъ того и коренной народной индивидуальности, на которую именно такъ, а не иначе повліяло внѣшнее бытіе.

Египетскій народъ—говоритъ Э. Прессансе—есть въ сущности народъ созидающій и сохраняющій. Онъ стремится не столько расшириться, сколько продлить свое существованіе; онъ столько же любитъ неподвижность, сколько другіе народы любятъ движеніе. Мумія, лежащая тысячелѣтія въ торжественномъ покоѣ, — вотъ египетскій идеалъ. Отсюда унылый и мрачный отпечатокъ, составляющій неизгладимый характеръ націи. Египетъ льнетъ лишь къ прошедшему, и его національнымъ памятникомъ является пирамида, т. е. исполинская гробница. Понятно поэтому вліяніе, какое жрецы должны были оказать на подобный край; онъ созданъ для нихъ, или скорѣе созданъ ими. Египетъ настоящая жреческая палестина. Для содержанія народа въ рабствѣ сильнѣе всякихъ узъ въ рукахъ жрецовъ оказывается мелочная до безконечности обрядность. Жрецы и составляли собственно человѣчный элементъ въ средѣ Египтянъ. Власть ихъ ограничивалась одною лишь безусловною властью верховнаго жреца, т. е. царя. Онъ былъ намѣстникомъ боговъ; сами боги жили въ царяхъ и, въ такомъ смыслѣ, все еще управляли землею. Въ лицѣ царя сливалась воедино идеальная и реальная власть; послѣдняя, т. е. воинство, охраняла настоящее ядро націи. Жрецы обладали всѣмъ наличнымъ образованіемъ, они одни только и были въ состояніи распространять образованіе, и потому-то египетское воспитаніе по справедливости названо жреческимъ. Въ древнемъ Египтѣ жрецъ обрѣлъ свое истинное эльдорадо, и во всемірной исторіи онъ никогда

болѣе не достигалъ уже такого исключительнаго владычества. Въ противоположность жрецу рабочій классъ составлялъ грубую массу, безсознательное, свыше руководимое и употребляемое въ дѣло стадо, которое — за исключеніемъ самихъ пастырей — вполнѣ презиралось. Рабочій людъ состоялъ частью изъ земледѣльцевъ и скотоводовъ, частью изъ судовщиковъ, торговцевъ и ремесленниковъ. Тучная почва въ обильныхъ испареніями низменностяхъ дельты вызывала къ земледѣлію и скотоводству, а мѣстоположеніе края влекло къ судоходству и торговлѣ. Египетскія касты разграничивались не такъ строго какъ индійскія, напротивъ онѣ вступали въ борьбу другъ съ другомъ и во взаимное соприкосновеніе, а подчиненіе произволу царя составляло равносильное для всѣхъ начало.

Подобно тому какъ весь бытъ вообще и какъ сословія Египтянъ, такъ точно и религія ихъ обусловлена Ниломъ. Въ естественномъ круговоротѣ исторіи египетскаго года, — въ суточномъ и годичномъ движеніи солнца и зависящаго отъ него Нила, въ смѣнѣ возрожденія и смерти, естественный божескій урядъ проявляется въ видѣ борьбы между добрымъ, благотворнымъ и между злымъ, вреднымъ началомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сила, вѣчно возникающая изъ смерти къ жизни, въ религіозномъ представленіи онъ проявляется въ видѣ исторіи божества и олицетворяется символически миѳомъ Озириса и Изиды въ ихъ отношеніяхъ къ Тифону. Божественная жизнь относится здѣсь не отрицательно къ естественной, напротивъ она вошла въ круговоротъ ея и связана съ послѣднею; отрицательная же сила всего конечнаго является въ видѣ враждебной, злой силы только для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ служить необходимымъ и существеннымъ звеномъ въ круговоротѣ естественнаго строя жизни. Но при непрестанной смѣнѣ конечной жизни духъ бѣжитъ отъ нея въ смерть, какъ въ истинное неизмѣнное бытіе человѣка, который, преобразившись въ самого себя изъ царства животныхъ, не обрѣлъ еще на землѣ постояннаго убѣжища, а находится въ этомъ мірѣ лишь на пути къ загробному. — Что же касается до отдѣльныхъ подробностей относительно религіозныхъ представленій и культа Египтянъ, то до сихъ поръ тщетно пытались выяснить сложныя изображенія ихъ миѳологическихъ таблицъ. Вообще — какъ полагаетъ Пàртей (въ книгѣ Александрійскій музей) — можно лишь подтвердить то, что Озириса слѣдуетъ принять за Нилъ, изъ года въ годъ оплодотворяющій Изиду, наводняемую землю, что Тифонъ означаетъ западный вѣтеръ, причиняющій разореніе и гибель полямъ, а Нефтида, сестра его — безплодную почву пустыни, оплодотворяемую лишь въ прелюбодѣйствѣ съ Озирисомъ и порождающую потомъ нѣмыхъ только дѣтей, — Гарпократа.

„О произведеніяхъ Египтянъ въ области литературы ничего почти сказать нельзя. Народъ, которому греческіе историки единогласно приписываютъ изобрѣтеніе буквеннаго письма, не оставилъ по себѣ никакихъ понятныхъ письменныхъ памятниковъ; новѣйшими изслѣдованіями поставлено внѣ всякаго сомнѣнія, что Египтяне пользовались буквами не постоянно, а только въ исключительныхъ случаяхъ. Нигдѣ не находимъ ни малѣйшаго даже намека на то, чтобы у нихъ процвѣтала хотя бы какая нибудь отросль поэзіи, а если и существовали у нихъ рапсоды, воспѣвавшіе подвиги Рамзеса Великаго и другихъ національныхъ героевъ, то записать какъ эти, такъ и всякіе иные стихи все-таки было бы затруднительно, и даже вовсе невозможно по неспоручности къ тому трудныхъ и искусственныхъ іероглифовъ". Изъ исторіи ихъ фараоновъ также ничего не сохранилось за исключеніемъ цѣлаго ряда царскихъ именъ. А то, что при помощи остроумнѣйшихъ изслѣдованій разобрано изъ надписей на стѣнахъ храмовъ, достовѣрно лишь постольку, поскольку оно согласуется съ греческими показаніями; ибо древніе эти документы не всегда вытекали изъ чистыхъ источниковъ, и одинъ и тотъ же фактъ передавался жрецами въ Геліополисѣ иначе, нежели въ Мемфисѣ и Ѳивахъ. Власть имущіе зачастую явно искажали исторію. — Въ области остальныхъ наукъ успѣхи оказались также незначительны. Хотя у древнихъ писателей довольно часто упоминается объ астрономіи Египтянъ, но звѣздословіе ихъ, какъ кажется, не простиралось далѣе знанія солнечнаго года. Въ преданіяхъ не сохранилось ни одного точнаго наблюденія касательно движенія, свойства и разстоянія звѣздъ. Они обучались геометріи и занимались ею только по нуждѣ, ограничившись одними начальными основаніями; научное же зданіе сложилось уже въ Греціи. Будучи народомъ преданій, косности, они помышляли главное о томъ, какъ бы сохранить память о прошедшемъ: оттого-то они и писали свою исторію вмѣстѣ съ исторіею царей на гробницахъ іероглифами, — мы упоминали уже въ какомъ видѣ. Искусство ихъ въ сущности также жреческое; оно лишено свободы, вольнаго вдохновенія; оно является покорнымъ рабомъ преданія. „Храмы и дворцы — говоритъ Э. Прессансѐ — не представляютъ никакого единства, ни гармоническаго цѣлаго въ родѣ греческихъ зданій: тутъ передъ нами цѣлый рядъ переходовъ съ безчисленными колоннами, которые можно продолжать хоть до безконечности. Ваяніе ограничивается священными типами; это скорѣе геометрическіе, чѣмъ органическіе образы. Человѣческій обликъ лишенъ красоты, индивидуальности; на немъ лежитъ отпечатокъ пагубнаго окоснѣнія, характеризующаго самый народъ. Египетскому искусству не суждено было выразить истинно эстетическихъ идей; у него нѣтъ иной цѣли, какъ сохранить лишь память о прошломъ. Показанія

касательно древности египетскихъ храмовъ расходятся не вѣками, а цѣлыми тысячелѣтьями, и до сихъ поръ не было возможности хотя бы только въ очеркахъ изложить древнеегипетскую исторію искусства.

Прогрессъ духовной жизни у Египтянъ сравнительно съ Персами состоитъ въ томъ, что добру не противупоставляется болѣе зло, а напротивъ первое въ самой сущности захватывается послѣднимъ и предается смерти, но потомъ побѣдоносно воскресаетъ въ качествѣ праведнаго судьи. Озирисъ не только господствуетъ надъ всѣмъ живымъ, но также и надъ душою, когда отрѣшенная отъ тѣла она продолжаетъ существовать,— онъ судья людей, рѣшающій лишь по закону правды и неправды, награждая добро и карая зло. Съ Озирисомъ, въ качествѣ властителя усопшихъ, стоитъ въ тѣсной связи мысль, что субъектъ изъятъ отъ тлѣна чувственнаго міра. Геродотъ сообщаетъ, что Египтяне первые учили безсмертію души. Правда, въ Китаѣ, Индіи и Персіи также встрѣчается намъ превращеніе особи, но единственно лишь для того, кто еще не совсѣмъ слился съ Брамою и пр. Въ Египтѣ же субъектъ впервые является существенно самостоятельнымъ, ибо и отъ смерти возникаетъ къ жизни. Въ этомъ настоящемъ таинствѣ египетской религіи, говоритъ Бунзенъ, заключается вѣра въ оба великіе основные закона всякаго богопознанія: въ единство человѣческаго разума, какъ совѣсти, и въ неразрушимость личнаго бытія. „Вѣра въ переселеніе душъ есть какъ бы вѣчный жидъ сознанія о присущемъ міру Богѣ. Въ ней лежитъ признаніе, что хотя загадка бытія и не уловима въ единичной жизни, все-таки для уясненія послѣдней необходимо искать загадкѣ этой рѣшенія. Всякій грѣхъ долженъ быть искупленъ: но въ концѣ концовъ, хотя бы по истеченіи безконечнаго срока, наступитъ же когда нибудь торжество добра, примиреніе, жизнь въ Богѣ, какъ вѣчное наслѣдіе души“.

Египтянамъ во всемірной исторіи предназначено было трудное дѣло высвободить духъ изъ-подъ его естественной зависимости. Сфинксъ есть символъ духовности, выступившей изъ чувственности и естества; это—вѣрное изображеніе всей вообще египетской жизни. Духъ проникаетъ въ явленіе; но жизнь эта тотчасъ же каменѣетъ, словно кристаллизуясь. Поколѣнья за поколѣньями живутъ тѣмъ, что разъ навсегда получило обликъ и какъ окаменѣлое и устойчивое сохраняется и блюдется жрецами. Все дѣло въ томъ, чтобы сохранить и сберечь въ памяти былое. Если жизнь не что иное какъ непрерывное сопроникновеніе бытія и становленья, покоя и перемѣны, то Египетъ представлялъ собою первую, а Греція вторую изъ этихъ двухъ сторонъ. Египтянамъ какъ бы въ грезахъ мерещилась устойчивость въ непрерывномъ и вѣчномъ потокѣ бытія, и понятіе уничтоженія разоблачалось передъ ними простымъ призракомъ.

Грезоподобна была вся духовная ихъ жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и видимое и высшее выраженіе ея, оттого что эта жизнь вращалась чисто лишь въ представленіяхъ, не восходя до настоящихъ понятій. Образованіе Египтянина могло состоять въ одномъ только усвоеніи на память окаменѣлыхъ и сохранившихся по преданію фактовъ. А такъ какъ человѣкъ въ дни отрочества пріобрѣтаетъ представленія, и сверхъ того обогащаетъ попреимуществу свою память, то Египтянина и можно назвать отрокомъ человѣчества. Въ Египтѣ Евреи и Греки обрѣли начальныя философскія созерцанія; ибо въ извѣстную эпоху этотъ край по умственному развитію превышалъ всѣ остальныя страны. Такимъ образомъ онъ во всемірной исторіи сдѣлался посредникомъ, черезъ котораго восточное образованіе проникло въ Европу.

Каковъ духъ народа, каковы стремленія его, таково и воспитаніе.

Простой народъ въ Египтѣ былъ совсѣмъ необразованъ. Высшимъ образованіемъ обладали только высшія сословія, и между ними преимущественно жрецы. Тутъ встрѣчаемъ знакомство съ солнечнымъ годомъ, съ точками равноденствія, съ законами солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, съ солнечными и водяными часами, съ календаремъ, ариѳметикой, геометріей, сверхъ того съ врачебною наукой. Музыка и поэзія украшали торжество культа. Законы споспѣшествовали промышленности, общежительности и кротости нравовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ также ненависти къ новизнѣ и всему чужеземному. Судъ производился торжественно, наказанія были строго разсчитаны, но жестоки: за нарушеніе клятвы и за убійство, хотя бы даже раба, неизбѣжно предстояла смерть; измѣнникъ лишался языка, а поддѣльщикъ—рукъ и т. п. Требовалось уваженіе къ старости: молодежь должна была уступать дорогу старшимъ и вставать при входѣ ихъ. Многоженство господствовало въ средѣ народа; но жрецу дозволялось брать одну только жену. Сыновья всѣхъ женъ пользовались равнымъ правомъ наслѣдства, ибо виновникомъ дней ребенка считали одного отца, а въ матери видѣли только лицо, надѣлявшее его пищею и пріютомъ. Въ Египтѣ не было въ обычаѣ, подкидывать дѣтей, потому что многочисленное населеніе считалось полезнымъ для государства: вслѣдствіе этого бѣдныхъ дѣтей воспитывали на общественный счетъ, и предписывалось казнить лишь послѣ родовъ беременныхъ преступницъ. — День рожденія пользовался высокимъ значеніемъ: по немъ заключали объ особенной судьбѣ новорожденнаго. Мальчики подвергались обрѣзанію. Дѣти, для кормленія которыхъ брали иногда кормилицъ, съ раннихъ уже поръ, лишь только отнима-

лись они отъ груди, поступали подъ надзоръ мужчинъ: женскій полъ, пользовавшійся не малымъ почетомъ, обязанъ былъ заниматься рыночными и торговыми дѣлами, тогда какъ мужьямъ поручалась работа въ домѣ и у ткацкаго станка.

Воспитаніе въ Египтѣ было различное, смотря по различнымъ классамъ народа. Для жрецовъ и воиновъ въ Өивахъ, Мемфисѣ и Геліополѣ существовали учебныя заведенія. Они разбивались на 2 отдѣленія: въ одномъ изъ нихъ находились экзотерики, т. е. еще неподготовленные къ более глубокому познанію, а въ другомъ эзотерики. Въ первое отдѣленіе принимались молодые люди не изъ одной только касты жрецовъ. Наставниками были жрецы, учебными предметами: языкъ, математика, геометрія, астрономія, естествовѣдѣнье, музыка и религія. Въ эзотерики поступали только принадлежащіе къ кастѣ жрецовъ. Царевичи воспитывались наиболѣе даровитыми въ дѣлѣ обученія жрецами: имъ дозволялось поддерживать сношенія лишь съ хорошо воспитанными жреческими сыновьями свыше 20-тилѣтняго возраста, дабы такимъ образомъ устранить все неблагородное, что могло бы привиться отъ прикосновенія съ рабами. Воспитаніе и обученіе простого люда и дочерей находилось на низкой ступени. Впрочемъ въ общественныхъ образовательныхъ заведеніяхъ также не было недостатка. Платонъ повѣствуетъ что чтенію дѣти Египтянъ обучались собща. „Чтенію и письму—говоритъ Діодоръ Сицилійскій—они учатся немного, да и то не всѣ, а больше—только одни занимающіеся искусствами". Остальные пользовались по крайней мѣрѣ домашнимъ воспитаніемъ: „простой людъ обучается житейскимъ дѣламъ у отцовъ и родственниковъ". Дѣти получали простую пищу, какъ напр. выпеченую въ золѣ сердцевину папируса, корни и стебли съѣдобныхъ водяныхъ растеній, либо сырые, либо вареные и жареные. Для письма употребляли папирусъ и черныя или красныя чернила. Тутъ, точно такъ же какъ и при урокахъ чтенія вѣроятно производилось уже распредѣленіе по кастамъ. Потому что изъ трехъ разныхъ родовъ письма—эпистолографическаго, гіератическаго и гіероглифическаго, изучаемыхъ поочередно,—гіероглифическое составляло принадлежность однихъ только членовъ жреческой касты. Счетомъ, на который сама уже природа края наводила Египтянъ, занимались весьма тщательно, и математика была въ большомъ и всеобщемъ ходу; однако математическія знанія въ Египтѣ—по замѣчанію Платона—не оказали благотворнаго вліянія ни на домоводство, ни на государственное управленіе, ни на житейскія дѣла, и не искоренили рабскаго и своекорыстнаго духа во всемъ бытѣ. Методъ преподаванія ариөметики былъ превосходный; Платонъ по этому поводу говоритъ: „Свободныя дѣти должны обучиться

всему тому, что вмѣстѣ съ первоначальнымъ чтеніемъ и письмомъ передается въ Египтѣ дѣтямъ большинства и простолюдиновъ. Счету сначала учатъ тамъ сообразно умственнымъ способностямъ дѣтей, играя и шутя; для этого выдаются большему или меньшему числу мальчиковъ яблоки или вѣнки въ извѣстной числовой соразмѣрности; или же, при распредѣленіи воинскихъ игръ, мальчики переходя съ мѣста на мѣсто и обмѣниваясь при этомъ золотыми, серебряными, мѣдными и другими чашами, которыя передаютъ другъ другу, сами уже выводятъ надлежащія и необходимо связанныя съ игрою числовыя отношенія. Такимъ образомъ учащихся подготовляютъ къ мирнымъ занятіямъ, къ ратному дѣлу и домоводству, вообще будятъ въ нихъ способности и воспитываютъ изъ нихъ весьма полезныхъ членовъ государства. Такъ какъ обо всемъ касающемся мѣры и относящемся къ длинѣ, ширинѣ и глубинѣ, людямъ отъ природы свойственно смѣшное и постыдное невѣжество, то Египтяне и стараются преодолѣть его." * Гимнастика и музыка были исключены изъ всеобщаго образованія. „Въ Египтѣ, говоритъ Діодоръ, не въ обычаѣ учиться палестрѣ и музыкѣ; тамъ даже того мнѣнія, что первая опасна для молодежи, а послѣдняя не только безполезна, но даже вредна, потому что изнѣживаетъ характеръ мужчины". Впрочемъ въ Хеммисѣ занимались гимнастикой, а музыку употребляли для религіозныхъ цѣлей. Поэтому тотъ же Діодоръ въ правѣ былъ сказать, „что дѣти воиновъ пріучались отцами къ ратному дѣлу", а Геродотъ повѣтствуетъ, что въ городѣ Хеммисѣ такъ же какъ и въ Ѳивахъ находился храмъ Персея, основателя гимнастическихъ игръ: тамъ производились гимнастическія состязанія съ назначеніемъ призовъ. Относительно музыки Геродотъ замѣчаетъ также, что Египтяне очень настойчиво держались музыкальныхъ мелодій своихъ предковъ. Платонъ же съ похвалою упоминаетъ, будто въ Египтѣ издревле уже поняли, что въ государствѣ необходимо пріучать молодежь къ хорошимъ пріемамъ и къ хорошему пѣнью. „Послѣднее предписывалось на ихъ праздникахъ, а помимо первыхъ ни живописцы, ни иные художники не смѣли допускать, ни придумывать никакихъ нововведеній. Это и нынѣ еще не дозволяется, ни въ художествахъ, ни вообще въ музыкѣ. Отого-то по прошествіи столь долгаго времени торжественныя процессіи Египтянъ не ухудшились, а напротивъ еще улучшились".

Египтяне, какъ кажется, уже искони убѣждены были въ важности совмѣстнаго воспитанія; ибо по Діодору отецъ Сезостриза, когда родился его сынъ, собралъ со всего Египта родившихся въ тотъ же день мальчиковъ вмѣстѣ съ ихъ кормилицами и воспитателями, и предписалъ всѣмъ одина-

* Что отчасти прямо противорѣчитъ сказанному Платономъ прежде.
Прим. Перев.

ковое воспитанiе и такое же обученiе, будучи увѣренъ что попреимуществу воспитанные вмѣстѣ будутъ лучшими друзьями и сподвижниками. „Онъ прiучалъ мальчиковъ къ постояннымъ напряженьямъ; ни кто изъ нихъ не смѣлъ приниматься за ѣду, не пробѣжавъ передъ тѣмъ извѣстнаго числа стадiй. Такимъ образомъ возмужавъ, всѣ воспитанные вмѣстѣ съ Сезострисомъ, крѣпкiе тѣломъ, сильные духомъ, послѣ въ состоянiи были совершать величайшiе подвиги".

Тѣлесное воспитанiе дѣтей въ Египтѣ было сурово. Дѣти ходили босикомъ, даже вовсе почти нагишомъ; они, какъ замѣчаетъ Крамеръ, воспитывались, не причиняя никакихъ тратъ и дотого бережливо, что воспитанiе ребенка до юношескаго возраста обходилось всего въ 20 драхмъ или въ $4^1/_2$ талера.

Воспитанiе и обученiе въ Египтѣ подверглись преобразованiю, когда Псамметихъ (670—616) задумалъ обновить египетскую систему при посредствѣ греческихъ и финикiйскихъ образовательныхъ началъ, и для этого заключилъ союзы какъ съ Аѳинами, такъ и съ другими греческими государствами; онъ покровительствовалъ чужестранцамъ, добровольно переселившимся въ Египетъ, и любилъ Грековъ дотого, что своихъ собственныхъ сыновей велѣлъ обучать греческимъ наукамъ. „Вообще, говоритъ Дiодоръ, Псамметихъ изъ египетскихъ царей первый открылъ другимъ народамъ доступъ въ торговые города своего края и доставилъ полную безопасность иноземнымъ купцамъ, которые прежде бывало посѣщали страну подъ страхомъ лишиться жизни или свободы". Онъ поручалъ египетскихъ дѣтей карiйскимъ и iонiйскимъ наемникамъ, приказавъ обучать ихъ греческому языку. „Отъ тѣхъ, что выучились о ту пору туземному языку, говоритъ Геродотъ, происходятъ теперешнiе толмачи въ Египтѣ. Они были первыми иноязычными людьми, прочно водворившимися въ Египтѣ". А впрочемъ тамъ не обучались никакимъ другимъ иностраннымъ языкамъ. Одни лишь цари, властвовавшiе надъ разными племенами, знали также и нѣсколько языковъ; Клеопатра, напримѣръ, говорила будто бы поеврейски, поарабски, поэѳiопски, посирiйски и пр.

Когда Александръ основалъ Александрiю и сдѣлалъ ее средоточiемъ всемiрной торговли, то тамъ возникло также средоточiе просвѣщенiя и учености, и иноземныя начала отразились какъ въ характерѣ египетской культуры вообще, такъ точно и въ дѣлѣ воспитанiя и обученья. Съ этихъ поръ прежде углубленная въ себя страна мудрости обратилась въ пристанище роскоши и распутства. Серьёзная музыка сдѣлалась всеобщимъ достоянiемъ: „Александрiйцы, говоритъ Атеней, на самомъ дѣлѣ обладаютъ величайшимъ музыкальнымъ образованiемъ, и не только въ игрѣ на цитрѣ, но также и на мужской и женской флейтѣ." — Птоломеи охраняли и поддерживали искусства и науки, и болѣе всего знанiя съ практическимъ направленiемъ;

вслѣдствіе чего математика, астрономія, медицина, грамматика и исторія и стали теперь средоточіемъ всего обученія. Почти никогда наука въ исторіи не пользовалась такимъ почетомъ какъ при Птоломеяхъ въ Александріи. Тамошній музей, настоящій царскій дворецъ, служилъ мѣстопребываніемъ и учебнымъ заведеніемъ для переселившихся въ Египетъ ученыхъ Грековъ. Годъ смерти Аристотеля, 322 до Р. Х., почти совпадаетъ съ основаніемъ этого великолѣпнаго учрежденія. Оно достигло высшаго расцвѣта въ 232—30-хъ годахъ до Р. Х. Музей въ центрѣ оживленной столицы пользовался особымъ покровительствомъ царя. Когда Египетъ сталъ римскою провинціей (30 л. до. Р. Х), Музей погружается во мракъ; когда же наконецъ Константинъ возвелъ христіанство въ государственную религію, то она вытѣснила даже послѣдніе остатки языческаго образованія. Александрія сдѣлалась притономъ богословскихъ споровъ, конецъ которымъ положилъ лишь арабскій завоеватель Амру-бенъ-Алàсъ (640 послѣ Р. Х.). Наружность этого храма наукъ описывается Партеемъ въ слѣдующемъ видѣ: „Все мѣсто, занятое Музеемъ, было разбито на нѣсколько просторныхъ дворовъ. Въ каждомъ изъ нихъ во всѣ стороны шли открытыя во внутрь галлереи, подъ сѣнью которыхъ стояли скамьи для гуляющихъ. Въ такомъ городѣ какъ Александрія, гдѣ средняя температура немногимъ отступаетъ отъ +17 по Реом., нельзя обойтись безъ освѣжающихъ фонтановъ подъ густолиственными деревьями.—Изъ галлерей переходили въ покои ученыхъ, служившіе пристанищемъ только во время зноя и на ночь: день проводили на открытомъ воздухѣ, подъ прохладною сѣнью галлерей, занимаясь то преподаваніемъ, то чтеніемъ, то письмомъ. Общія трапезы совершались въ обширной залѣ. Постоянныя занятія въ комнатѣ были несовмѣстны ни съ климатомъ, ни съ той эпохой, когда стремились изучить и разработать науку болѣе въ глубь, нежели въ ширь.—Въ задней части крайняго двора, далѣе всего отъ главной улицы, находилась библіотека, вмѣщавшая въ себѣ лучшія произведенія ума не однихъ только Грековъ, но также и всѣхъ другихъ извѣстныхъ націй. Здѣсь жили между прочимъ переписчики, размножавшіе для другихъ странъ сокровища библіотеки въ то время, когда Александрія стала средоточіемъ наукъ; здѣсь помѣщались также всѣ работники, занимавшіеся внѣшнею отдѣлкою рукописей, украшеніемъ навойныхъ скалокъ, приготовленіемъ футляровъ и ящиковъ для свитковъ, позолотою,—короче всѣми подѣлками нашихъ переплетчиковъ. Особое отдѣленіе музея было назначено для медико-хирургическихъ учрежденій, цѣлесообразное пользованіе которыми вскорѣ доставило александрійскимъ врачамъ всесвѣтную извѣстность. Судя по одному мѣсту у Атенея, нельзя рѣшить достовѣрно, находились ли при музеѣ звѣринцы съ дикими животными

для изученія естественной исторіи, или же они принадлежали къ другой части императорскихъ дворцовъ. Всѣ эти зданія надо представлять себѣ разукрашенными съ чрезвычайною архитектурною пышностью. По извѣстному своему пристрастію къ великолѣпію, Птоломеи, какъ и слѣдовало ожидать, съ самаго начала весьма щедро надѣлили свое ученое заведеніе. Александрія при первомъ основаніи ея была уже большимъ городомъ, и всѣ зданія въ ней отличались, конечно, великолѣпіемъ.—Плоскія каменныя крыши были весьма удобны для прочной установки астрономическихъ снарядовъ; къ музею слѣдуетъ, несомнѣнно, причислить также и четырехсторонній дворъ, гдѣ стоялъ упоминаемый Птоломеемъ мѣдный кругъ, служившій долгое время для астрономическихъ наблюденій. Неизвѣстно впрочемъ, въ какомъ мѣстѣ находилась упоминаемая имъ палестра, гдѣ также стояли мѣдные круги для наблюденія точекъ равноденствія". Число ученыхъ, одновременно жившихъ въ музеѣ, нельзя опредѣлить съ точностью. Въ цвѣтущій періодъ тамъ пребывало около 100 греческихъ ученыхъ. „Около нихъ собирался большой кругъ учениковъ изъ всѣхъ отраслей эллинскаго племени, отношеніе которыхъ къ учителямъ извѣстно намъ лишь въ общихъ чертахъ. Подлежитъ вообще сомнѣнію, вмѣнялось-ли преподаваніе въ обязанность членамъ музея; между ними были, вѣроятно, и такіе, которые въ тиши уединенія посвящали себя интересамъ науки, не дѣйствуя вовсе устнымъ преподаваніемъ во внѣ. Однако, при господствовавшемъ тогда направленіи умовъ, такихъ было вѣроятно немного; само собою разумѣется, что глубокаго мыслителя, искуснаго врача или знаменитаго астронома тутъ же окружала толпа ревностныхъ учениковъ. Преподаваніе все еще было дѣломъ дружескихъ сношеній, взаимныхъ бесѣдъ, свободнаго размѣна мыслей, пока наконецъ не установилось правильное чтеніе лекцій." „Хлѣбныя занятія въ нашемъ смыслѣ слова были неизвѣстны; для замѣщенія начальственной должности въ администраціи требовались не столько знанія, сколько природная проницательность и врожденный талантъ. Итакъ, кто домогался доступа въ музей и получалъ его, тотъ на самомъ дѣлѣ ревностно относился къ наукѣ; благодатныя способности, пытливый умъ сами собою развивались въ живыхъ бесѣдахъ съ сочувствующими наставниками; достаточно было краткаго изреченія изъ устъ уважаемаго старца, чтобы въ груди юноши воспламенить искру вдохновенія и дать рѣшительное направленіе его научнымъ порывамъ". „Это заведеніе не было ни гимназіей, ни академіей, ни разсадникомъ литературы, оно было своеобразно-устроеннымъ научнымъ учрежденіемъ, которое нынѣ ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнимо и гдѣ ученіе и преподаваніе производились съ античною свободою.

Если какой-нибудь ученый посвящалъ себя уединенному размышленію о наукѣ, съ тѣмъ чтобы въ своихъ сочиненіяхъ передать потомству окончательные выводы своихъ изслѣдованій, то ему навѣрное ничто не мѣшало безпрепятственно отдаться своей наклонности; если же другой чувствовалъ себя призваннымъ непосредственно влiять на современное поколѣніе живымъ словомъ, здѣсь и въ этомъ случаѣ также представлялись самыя выгодныя условія." Что касается до совмѣстнаго пребыванія тамъ ученыхъ, то въ музеѣ съ самаго начала уже преобладало діалектическое направленіе. Оно впрочемъ не лишено было философской глубины; Діогенъ Лаэрцій сохранилъ нѣкоторыя остроумныя изреченія знаменитыхъ мужей, которыя жаль было бы предать забвенію. Часто доводилось также отгрызаться отъ ѣдкихъ нападокъ, а при этомъ конечно было иногда не безъ грубыхъ, пошлыхъ и вздорныхъ выходокъ, въ чемъ отличались другъ передъ другомъ стоики и циники. На подобнаго рода ученыя и неученыя препирательства уходила, какъ кажется, большая часть дня; а потому главнѣйшее образованіе учениковъ помимо занятій въ библіотекѣ состояло, вѣроятно, въ томъ, что они присутствовали при умственныхъ состязаніяхъ избранныхъ ими учителей, съ тѣмъ чтобы непосредственно принимать живое участіе въ побѣдахъ и пораженіяхъ. „Предлагать и рѣшать замысловатые вопросы по части грамматики и діалектики, какъ кажется, долгое время было любимымъ занятіемъ въ музеѣ; въ этомъ даже цари не гнушались принимать участіе, и впослѣдствіи еще отцы церкви ставили въ укоръ языческимъ ученымъ, что они, въ качествѣ наставниковъ, своими остротами и удачными выдумками успѣли привлечь и привязать къ себѣ множество слушателей. Впрочемъ здѣсь вѣроятно было то же самое, что бываетъ во всѣхъ подобныхъ учрежденіяхъ. Удачныя выходки какого-нибудь остряка, мѣткіе отвѣты блестящаго ума переходили изъ устъ въ уста и сохранялись даже въ позднѣйшихъ исторіяхъ литературы; а скромный трудъ неутомимаго изслѣдователя, о которомъ пока ничего нельзя было сказать, появлялся въ его твореніяхъ и принимался грядущими поколѣніями съ безмолвною благодарностью."—Нельзя утверждать положительно, будто библіотека была сожжена Амру-бенъ-Аласомъ. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей утрата, причиненная ея гибелью, была не такъ велика. Главныя творенія находились не въ одной только Александріи, но также и въ другихъ значительныхъ городахъ; философіи нечего много жалѣть о гибели посредственныхъ сочиненій, а уничтоженіе груды теологической литературы, накопившейся въ Александріи въ теченіе христіанскихъ вѣковъ, никоимъ образомъ не могло причинить важнаго ущерба ни наукѣ, ни человѣчеству. Александрійская филологія, подобно всякой другой,

ставила себѣ задачею, передать потомству въ очищенномъ видѣ всю массу умственныхъ твореній и знаній древнихъ временъ, что и исполнено ею въ самомъ обширномъ смыслѣ. Въ чудесной странѣ Нила покончился какъ римскій, такъ и греческій міръ, да иначе не могло и быть, потому что римскій міръ подъ исходъ свой сдѣлался восточнымъ, т. е. деспотическимъ, а философія и искусство Грековъ расплылись наконецъ въ восточной мистикѣ и фантастикѣ.

Прекрасно и глубокомысленно выразился Гегель о загадочности египетскаго духа. Онъ говоритъ: Египтяне, это —сильные стремящіеся въ глубь самихъ себя отроки, которымъ не достаетъ лишь яснаго самосознанія, въ идеальной формѣ, чтобы стать юношами. Знаменитая надпись пресвятой богини Нейты въ Саисѣ гласитъ: „Я — то, что̀ есть, что̀ было и что̀ будетъ! Никто еще не поднималъ моей завѣсы“. Тутъ выражается вся суть египетскаго духа. Къ этому Проклъ прибавляетъ еще: „Плодъ, мною рожденный, есть Геліосъ“. Итакъ, само себѣ ясное, вотъ результатъ той задачи и вмѣстѣ ея рѣшеніе. Это ясное есть духъ, сынъ Нейты, сокровеннаго ночного божества. Въ египетской Нейтѣ истина еще замкнута: греческій Аполлонъ—ея высвобожденіе; ему принадлежитъ слово: человѣкъ, познай самого себя. Эта заповѣдь дана Грекамъ, и въ греческомъ духѣ человѣчность проявляется во всей своей ясности и въ своемъ совершенствѣ. Поразительно чуднымъ представляется намъ при этомъ греческое сказаніе, будто сфинксъ, этотъ типъ Египта, появился въ Ѳивахъ, съ такой загадкою: „Утромъ ходитъ на четверенькахъ, въ полдень на двухъ ногахъ, а вечеромъ на трехъ: что это“? Явился Грекъ, Эдипъ, и рѣшилъ загадку, сказавъ: „Это человѣкъ“; тогда сфинксъ бросился со скалы въ пропасть.

Идеѣ человѣческой индивидуальности, свободной, индивидуальной личности, не легко было проложить себѣ путь и довоспитаться до сознанія, которое обезпечило за нею рѣшающее вліяніе на человѣческій бытъ и житейскія отношенія. Индивидуальность, какъ и все въ мірѣ, есть въ одно и то же время и средство и цѣль: средство для сохраненія и развитія высшаго цѣлаго и та конечная цѣль, къ полному достиженію которой стремится все развитіе органической земной природы. Въ Китаѣ человѣческая особь является средствомъ для выраженія въ цѣломъ народѣ идеи семьи, въ Индіи средствомъ для поддержанія касты; въ Персіи особь, какъ относительно ничтожное существо, утрачивается растворяясь въ государствѣ, а въ Египтѣ она сдѣлалась матеріаломъ, пригоднымъ для проявленія жреческой мечтательности. Въ Греціи наконецъ человѣческая индивидуальность признается прежде всего цѣлью, а уже не только простымъ средствомъ для достиженія ея. Согласно съ этимъ

складываются и всѣ человѣческія, соціальныя и государственныя черты быта, а вмѣстѣ съ ними также и воспитаніе. Освобожденіе индивидуальности является здѣсь въ такомъ блескѣ, который и теперь еще привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе.

Радостно возликовало молодое, вступившее въ возрастъ юности человѣчество; бодрое духомъ, полное молодости и веселья, оно на почвѣ духовной жизни даетъ цвѣты и плоды, — и понынѣ еще радость и усладу образованнаго міра. Достигшій свободы индивидуальный человѣкъ не только уряжаетъ себѣ землю сообразно измышленнымъ вновь бытовымъ потребностямъ, но присущее въ немъ начало прогресса одарено здѣсь въ буквальномъ смыслѣ слова титаническою мощью; ибо человѣческая индивидуальность со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, со всѣми ея преимуществами и недостатками, съ ея чувственностью и духовностью беретъ приступомъ даже и горній міръ. Олицетворенная въ богахъ и разрозненная въ нихъ человѣческая личность улыбалась съ Олимпа счастливому роду „въ прахѣ рожденныхъ", которымъ суждено было вкусить отраду и счастье, бывшія послѣдствіемъ этой чрезвычайной побѣды. — Въ потокѣ человѣческаго развитія наступила первая знаменательная точка покоя и опоры; мудрость возникла чадомъ юношеской геніальности, и красота отпраздновала свои безсмертныя торжества.

Итакъ, перейдемъ въ этотъ періодъ счастливаго человѣческаго существованія.

В.

ЭЛЛАДА И РИМЪ.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

ЭЛЛАДА И РИМЪ.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ.

10.

СТРАНА.

Всемірная исторія переходитъ изъ Азіи въ Европу и вступаетъ здѣсь въ настоящую свою родину.

Европа представляетъ собою тѣсную плетеницу горъ, долинъ и водъ. Это Азія въ уменьшенномъ размѣрѣ; но она превосходитъ послѣднюю развитіемъ береговъ въ сравненіи съ объемомъ материковой площади,—чрезвычайно изобилуя заливами, полуостровами и островами, также ключами, рѣками и озерами, горами и долинами, и отличаясь во всемъ этомъ индивидуальностію формъ. Расположенная въ умѣренномъ поясѣ, она равно удалена какъ отъ тропическаго зноя, такъ и отъ холода полярныхъ льдовъ: открытая благодаря своимъ рѣкамъ и пр. для всѣхъ частей свѣта, благодаря своей почвѣ сторицею воздающая за трудъ человѣка, приводя вслѣдствіе своей многообразности во взаимное соприкосновеніе самыя разнородные края, такъ что различныя особенности людскихъ группъ сглаживаются и взаимно пополняются своими односторонностями, она предназначена вслѣдствіе соединеннаго съ надлежащей мѣрою разнообразія своей физіономіи не только предохранить человѣка отъ подчиненія веществу, но даже и вознести его къ истинной свободѣ духа. Индогерманское, Индоперсидское или Яфетово племя съ его 360-тимилліоннымъ населеніемъ стремится въ помыслахъ, чувствахъ и дѣлахъ усвоить себѣ и проявить эту свободу. Особенно же вершинная точка этой части свѣта и вообще земного шара, греко-латинская, германская и романская вѣтвь народовъ предназначена быть носителемъ культуры и гуманности на землѣ, и со всею энергіей стремиться въ передовыхъ рядахъ къ указанной человѣчеству цѣли, къ осуществленію божественнаго въ человѣческомъ *.

* Славянскую вѣтвь положено у Нѣмцевъ исключать. Прим. Перев.

Первый шагъ дальнѣйшаго историческаго развитія изъ Азіи примыкаетъ къ Средиземному морю. Въ Средиземномъ морѣ, говоритъ Э. Каппъ, южная Европа впервые почерпнула свою историческую жизненную силу, черезъ Средиземное море сообщались ей первые плоды восточной культуры, на Средиземномъ морѣ, по прибрежьямъ его, путемъ передачи и усвоенія, при обмѣнѣ продуктовъ физической и духовной культуры трехъ частей свѣта, развились до своеобразной самостоятельности и Тритогенія Аѳинъ и Юпитеръ-побѣдоносецъ Рима. „Въ этой Ѳалассѣ (морской области) греческій и италійскій полуострова занимаютъ середину. Оконечности эти на сѣверѣ состоятъ въ сухопутной связи съ сердцемъ Европы, на югѣ онѣ принадлежатъ къ морю, установившему ихъ природу и историческія условія, но относительно востока и запада какъ положеніе, такъ и задача ихъ различны; ибо Греція тяготѣетъ къ восточному материку, а Италія къ западному океану. Благодаря первой сохранилась связь съ колыбелью человѣчества, а благодаря послѣдней суждено было довершаться историческому развитію съ океанически-всемірнымъ закончаніемъ его въ открытіи Новаго Свѣта.

На этой-то почвѣ духовно преодолѣна субстанція Востока. Тутъ человѣкъ съ боя освобождается отъ узъ природы. Онъ сознаетъ свое право передъ естественнымъ бытіемъ, и не подчиняется болѣе господству природы, а напротивъ, хочетъ самъ господствовать надъ нею. Востокъ ставилъ истинное бытіе въ пассивную зависимость отъ бытія природы, и единичная особь подчинялась этой признанной высшей власти, такъ что въ отношеніи къ послѣдней она не имѣла и не домогалась никакого права; въ Элладѣ и Римѣ напротивъ того духъ сознаетъ себя стоящимъ надъ природою, и постигая свою индивидуальность, исполненный стремленій и жажды подвиговъ, хочетъ преобразить сущее — по своему и въ свободномъ творчествѣ и трудѣ насладиться самимъ собою. Правда, въ Греціи и Римѣ индивидуальность въ началѣ также была еще природною; но все-таки Греція всѣми своими помыслами и порывами, особенно же своимъ воспитаніемъ, стремится преобразить природную индивидуальность въ эстетическую, а Римъ хочетъ путемъ практическаго дѣла возвести эту индивидуальность къ сознанію самой себя.

ЭЛЛАДА.

ВОСПИТАНІЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.

11.

ГРЕКИ И ГРЕЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ СЪ ЕГО СПОСОБАМИ И СРЕДСТВАМИ.

Греція на сѣверѣ окружена горными хребтами, а съ другихъ сторонъ омывается волнами моря; она расположена на полупути между Малою Азіею, Египтомъ и Италіей, иззубрена безчисленными бухтами и заливами, перерѣзана высокими горами и чудными долинами и озаряется яснымъ улыбающимся небомъ. Вся она морскими водами расчленена на три системы. Въ сѣверной Греціи преобладаетъ характеръ материковаго однообразія; оттого она и въ исторіи стоитъ лишь на заднемъ планѣ. Въ южной Греціи обнаруживается рѣшительный перевѣсъ полуостровного обособленія: образуя одно цѣлое само по себѣ, она развивается отчасти самостоятельно и своеобразно. Настоящимъ посредствующимъ членомъ между ними является Эллада,—она же умственное средоточіе Греціи, гдѣ рѣшилась загадка сфинкса, гдѣ дельфійскій Богъ возвѣстилъ свое „Познай самого себя", гдѣ возсіяло вольнолюбивое солнце Мараѳона и Саламина. Греціи самой природой суждено во всей полнотѣ проявить одну сторону человѣческаго духа, осуществить идею красоты, вдохнуть въ людей живость и дѣятельность. Острова, побережья и горы служили защитами отъ натиска варваровъ. Хребты разобщали единичные государства и города, а море опять-таки связывало ихъ, такъ что все цѣлое было органически расчленено природою. Жизнь въ горахъ объединяла человѣка и вела къ косности, зато море въ свою очередь подстрекало духъ къ новизнѣ и къ постоянно живой дѣятельности. Почва отличалась пышнымъ плодородіемъ, но воздавала лишь тогда, когда въ нее влагался трудъ: итакъ она предохраняла отъ нѣги и поддерживала бодрость силъ, способныхъ и вынужденныхъ развиваться по всѣмъ возможнымъ направленіямъ,—въ Мес-

сеніи — путемъ хлѣбопашества, въ Аркадіи — скотоводства, въ Аттикѣ — разведенія маслины, въ Лавріонѣ и на Ѳазосѣ—при помощи горнаго промысла, въ приморскихъ городахъ—путемъ промышленности и торговли, а по берегамъ и островамъ при посредствѣ судоходства.

Въ гармоніи съ этой природою жилъ Грекъ—высокаго роста, статный и въ полномъ блескѣ красоты, съ гибкимъ складомъ, исполненнымъ движенья и соразмѣрности, съ крѣпкими членами, широкою, выпуклою грудью, выразительными глазами и прекраснымъ ртомъ, съ нисходящимъ въ легкомъ профилѣ лицомъ, съ высоко развитымъ лбомъ и теменемъ. Греческій характеръ, правда, не былъ свободенъ отъ бурныхъ страстей, сильной раздражительности, неодолимаго легкомыслія, отъ ревности, зависти и алчности къ наживѣ; но эти темныя стороны его покрывались и частью сглаживались или просвѣтлялись яснымъ проницательнымъ, въ самую глубь мысли проникающимъ взглядомъ, живымъ и тонкимъ чувствомъ всего прекраснаго и высокаго, подвижностью и даровитостью всей духовной природы, неутомимымъ исканіемъ новизны, не дающимъ окостенѣть никакой формѣ, не сбросивъ ее во-время, сверхъ того еще постояннымъ стремленіемъ по возможности обособлять въ предѣлахъ цѣлаго и гармонически развивать всѣ тѣлесныя и душевныя силы. На этомъ гармоническомъ развитіи духовныхъ способностей опиралось затѣмъ какъ тѣлесное, такъ и духовное здоровье, которое, какъ выразился Бернарди, не только обнаруживалось въ отсутствіи болѣзней, въ самоувѣренной энергіи, въ силѣ чувственной жизни и сохранялось во всѣ возрасты, начиная съ юныхъ лѣтъ и до свѣтлой старости; но развило сверхъ того въ высшей степени изумительный даръ беззавѣтно наслаждаться радостями настоящаго и съ неменьшимъ самообладаніемъ переносить невзгоды. Оттого что Греки пользовались такимъ здоровьемъ и такъ хорошо себя чувствовали, оттого что они своимъ дивнымъ духомъ на всякаго, съ кѣмъ ни сходились, налагали печать духа и оживляли все это вѣяньемъ красоты: оттого-то и намъ такъ повадно съ ними, и не только благороднѣйшіе умы всѣхъ временъ и всѣхъ націй находили у нихъ усладу, но и подавленное человѣчество всякій разъ обрѣтало новыя силы въ божественныхъ формахъ греческаго бытія, въ группѣ Ніобы и Лаокоона, въ Милосской Венерѣ и Аполлонѣ Ватиканскомъ, въ правдѣ Гомера и величіи Софокла, въ здравомъ смыслѣ Аристофана и мудрости Платона, наконецъ въ этихъ дивныхъ типахъ самихъ людей, порожденныхъ непосредственно изъ нѣдръ природы, прославленныхъ и освѣщенныхъ чудотворною силою поэзіи, исторія которыхъ начинается съ Ахилла, съ сына поэта, гомерическаго юноши изъ Тро-

янской войны, и предается могилѣ самою свободною и прекрасною индивидуальностью, уже дѣйствительнымъ юношей, Александромъ, но съ тѣмъ лишь чтобы въ самой смерти торжествовать побѣду надъ міромъ. Греческая исторія, это—исторія юности человѣчества, въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ Гегель, что юность не есть еще трудовая дѣятельность, ни стараніе изъ-за какой-либо ограниченной разсудочной цѣли; она скорѣе всего конкретная свѣжесть жизни духа: въ чувственной дѣйствительности она проявляется воплощеннымъ духомъ и одухотворенною чувственностью и представляетъ отрадный видъ юношеской свѣжести духовной жизни. „Подобно птицѣ, поющей на вольномъ просторѣ, и человѣкъ такъ же свободно выражаетъ здѣсь все, что таится въ его неиспорченной еще человѣческой натурѣ, съ тѣмъ чтобы заявить себя въ такихъ выраженіяхъ и этимъ добиться себѣ признанія“.

Греческій духъ преодолѣлъ субстанціальность Востока и возвелъ все естественное въ образъ и знаменіе духовнаго: прекрасная соразмѣрность естественно-духовнаго *я* стала сама себѣ цѣлью. Эллинъ впервые отважно и смѣло созналъ себя свободнымъ, превосходящимъ внѣшнюю природу существомъ,—божественнымъ духомъ. Ибо окружавшая его природа, сама такая кроткая и прекрасная, не выступала противъ него чуждою, враждебною силой. Духъ былъ избавленъ и свободенъ отъ узъ ея; но такъ, что взявъ природу своимъ содержаніемъ онъ постигъ и оформилъ ее полномысленно и гармонично, да преодолѣлъ притомъ и свою собственную естественную опредѣленность: онъ развилъ ее путемъ свободной дѣятельности до духовнаго индивидуализма. Природа въ оболочкѣ духа—въ образѣ прекраснаго человѣка—казалась Греку мѣриломъ всѣхъ вещей, а внутреннее содержаніе природы являлось вмѣстѣ и человѣческимъ. Прекрасный міръ природно-духовной человѣческой жизни представлялся жилищемъ божества, и въ жизни природы, на которую Греки смотрѣли какъ на человѣческую, они обрѣли самое Божество. Природа отнюдь не оболочка, заключающая въ себѣ духъ; она лишь знаменіе, при посредствѣ котораго онъ постигается. Греческій духъ—говоритъ Гегель—оттого именно такъ ясенъ, что ему присуще сознаніе его свободы въ божественномъ содержаніи; слава человѣка поглощается славою Божества: божественное существуетъ само по себѣ, но тѣмъ не менѣе оно—дѣло человѣка. Аристотель мѣтко выразилъ превосходство эллинства надъ Востокомъ. Онъ говоритъ: „Люди, населяющіе холодные края въ Европѣ, правда, мужественны, но они отстали по уму и искусству. Потому, хотя они и стойко охраняютъ свою свободу, а все-таки далеко отстали отъ общественныхъ условій жизни и государства и не могутъ господствовать надъ другими. Обитатели Азіи настолько же лишены мужества, насколько отличаются та-

лантами и художественными способностями; оттого-то они и живутъ въ подданствѣ и рабствѣ. Греческая нація, занимая середину между тѣми и другими народами, надѣлена конечно и ихъ преимуществами, а потому равно сильна какъ по мужеству, такъ и по уму. Оттого-то она и пользуется свободою и лучшимъ государственнымъ устройствомъ, и еслибъ Греція образовала одну совокупную республику, то могла бы господствовать надъ всѣми прочими людьми, хотя отдѣльныя племена ея опять-таки разнятся и между собою". Разработывать, оформливать, одухотворять природу любовнымъ, полносмысленнымъ, радостнымъ вниканіемъ въ нее,— видѣть въ прирожденной гармоніи и соразмѣрности основныя стихіи всякаго бытія и обрѣтать ихъ какъ во всѣхъ предметахъ внѣшняго міра, такъ и внутри самого себя,— радостно стоять въ самомъ средоточіи дѣйствительнаго, полнаго соковъ и силы бытія, не разрывая дѣйствительности отвлеченными умозрѣніями о душѣ и тѣлѣ, о матеріи и силѣ, о предметѣ и понятіи, не чаять даже существованія этихъ противоположностей, и вслѣдствіе того все, что доступно мысли, созерцать и воспроизводить въ художественной формѣ: вотъ въ чемъ призваніе и значеніе греческаго народнаго духа.

Главная черта арійскаго народнаго характера—какъ справедливо утверждаетъ Курціусъ—обнаружилась во всей чистотѣ своей у Эллиновъ. Эта черта состоитъ въ ревностной жаждѣ дѣятельности. Вся жизнь этого надѣленнаго Богомъ народа прошла въ непрерывномъ состязаніи — сначала его собственныхъ племенъ между собою. Въ Малой Азіи расцвѣли культура, судоходство и торговля. Малоазіаты сообщаютъ роднымъ европейскимъ племенамъ письмо и мѣру, учатъ ихъ познавать и чтить новыхъ боговъ, строить города и основывать государства. Возбужденіе съ востока разливается пожаромъ. На западѣ встаетъ племя за племенемъ, напираетъ къ морю и вступаетъ въ культурную жизнь. Единичныя племена проявляютъ въ государственномъ строѣ, искусствахъ и нравахъ свои отличительныя свойства, и вотъ началось состязаніе. На востокѣ возникаетъ небывалая культура. Двѣнадцать городовъ у моря процвѣтаютъ въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга и каждый изъ нихъ составляетъ міръ самъ по себѣ. „Никогда болѣе не скучивалось столько исторіи на такомъ тѣсномъ пространствѣ, никогда не проявлялось столько энергіи въ живомъ совмѣстничествѣ силъ". Расцвѣтшее вслѣдствіе этого благосостояніе Малой Азіи содержало въ себѣ зародышъ гибели. Соревнованіе ослабло, и въ бездѣйственномъ наслажденіи благами утратилась вмѣстѣ и энергія. Но на тощей скалистой почвѣ Аттики, требующей труда и никогда собственно не дававшей своимъ обитателямъ средствъ выйти изъ бѣдности, расцвѣла новая жизнь. Вскорѣ возникло состяза-

ніе между двумя государствами. Когда Іонія начала клониться къ упадку, — Спарта стала въ челѣ націи. Скоро однако Аѳины явились мощнымъ ея соперникомъ; выдержавъ трудный искусъ въ персидскихъ войнахъ, онѣ обрѣли себѣ вѣнецъ славы. „Аѳины—говоритъ Курціусъ—всѣхъ глубже постигли нравственную идею греческой исторіи, и чѣмъ для олимпійскаго побѣдителя была пѣснь Пиндара, тѣмъ самымъ для Аѳинъ была рѣчь Перикла, когда онъ освящалъ гробницы Керамика и при этомъ—ободряя своихъ согражданъ и на удивленіе всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ—развернулъ живую картину того, чѣмъ съ божіей помощью благодаря соревнованію гражданъ стали Аѳины.“ Всегда, среди всѣхъ бѣдъ и напастей, отстаивали онѣ свое превосходство, пока наконецъ честолюбіе не исказилось въ безсовѣстную гоньбу за властью, не вызвало усобицъ и не погубило такимъ образомъ цвѣта государственной жизни. Въ Греціи успѣли проявиться всѣ государственныя формы, притомъ въ законченномъ видѣ, такъ что тамъ сложились вѣчныя основы здраваго ученія о государственномъ правѣ. Дивные плоды искусствъ и наукъ возросли изъ того же корня, изъ соревнованія, не дававшаго покоя Грекамъ и подстрекавшаго ихъ развить до полнѣйшаго совершенства всѣ данныя человѣку способности. Въ чертогахъ царей, на могилахъ героевъ, передъ храмами боговъ, на многолюдныхъ площадяхъ состязались рапсоды. Въ этой борьбѣ окрѣпло эпическое искусство до той полной мощи и самобытности, въ какой изначала является передъ нами греческій эпосъ. Какъ состязательная пѣснь передъ собравшимся народомъ, такъ и искусство даже на высшей ступени совершенства осталось вполнѣ національнымъ; оно (при такихъ условіяхъ) не могло окоченѣть въ школьныхъ формахъ, ни исказиться въ искусственность и прихоть вкуса. Оно пріурочивалось къ склонностямъ и настроеніямъ различныхъ племенъ: такъ поучительный эпосъ приходился по флегматическому нраву земледѣльческихъ Эолійцевъ, а пылкія, подвижныя, жаждущія приключеній и подвиговъ племена предпочли Гезіоду богатырскую пѣснь Гомера. Въ состязаніи племенъ между собою образовалась греческая музыка, сложились и укоренились національные лады лирическаго искусства. Пѣснопѣвцы созывались именемъ боговъ, и награда доставалась тому, кто при освященіи новаго храма лучше всѣхъ прославлялъ великую Діану эфесскую.—Полнѣе всего эллинское состязаніе развернулось въ наиболѣе законченномъ родѣ искусства — въ драмѣ. И въ самомъ дѣлѣ, міръ не видалъ зрѣлища гражданскаго соревнованія великолѣпнѣе того, когда въ честь Діонисія собирались торжественные хоры, снаряженные и подготовленные богатыми гражданами Аѳинъ отъ имени колѣнъ, къ которымъ они принадлежали. Въ дружномъ соревнованіи тутъ соби-

ралисъ воедино всѣ душевныя силы, какими надѣлены были Эллины, всѣ искусства, процвѣтавшія въ Аѳинахъ. „Зодчество принимало гражданъ и гостей въ своихъ мраморныхъ чертогахъ и украшало сцену при помощи живописи и пластики; орхестика устроивала пляски, музыка одушевляла хоровыя пѣсни, актеръ вдумывался въ характеръ героя, подвиги и бѣдствія котораго онъ представлялъ передъ народомъ. А все вмѣстѣ, взаимно соревнуя, служило царственному искусству, поэзіи, бывшей руководящею связью цѣлаго.“ Въ Греціи весь народъ вездѣ вовлекался въ интересы искусства. Художники добивались признательности народа, судившаго всегда по непосредственному впечатлѣнію. Лѣтописецъ читалъ также народу свою исторію. Вслѣдствіе этого всѣ искусства, особенно театръ Грековъ, стали народною школою въ высшемъ значеніи слова. Эта жажда дѣятельности, этотъ избытокъ жизни и стремленій, этотъ воспаленный честолюбіемъ порывъ умѣрялись религіею, всегда коренящейся въ чувствѣ немощи и смиренія. Въ религіозномъ отношеніи Греки были консервативны, какъ рѣдко бываетъ иной какой либо народъ; благодаря чему, безпокойный нравъ ихъ сохранялъ надлежащее равновѣсіе. Чествуя своихъ боговъ, они жертвовали не только лучшими плодами полей своихъ, первенцами своихъ стадъ, но представляли имъ также цвѣтъ своего юношества въ полнотѣ здоровья и силы, то въ торжественныхъ процессіяхъ, то въ праздничныхъ плясках, то въ веселыхъ состязаніяхъ. Послѣднія считались достойными жертвами благодарности и устроивались въ угоду богамъ.—Эллины сознавали, что призваніе человѣка состоитъ въ борьбѣ и стремленіи до конца, и что, развиваясь далѣе, онъ неминуемо встрѣтитъ и муки и блаженство; эту истину во благо всѣмъ поколѣніямъ, они прежде всѣхъ вывели на свѣтъ.

Воспитаніе Грека отвѣчаетъ существеннымъ свойствамъ его. Идеалъ греческаго воспитанія—калокагаѳія, внѣшняя и внутренняя красота и доброта, тѣлесная и душевная юность, здоровье и радостное настроеніе, гармоническое развитіе всѣхъ физическихъ и психическихъ силъ и наклонностей, человѣкъ законченный какъ снаружи, такъ и внутри. Греческое воспитаніе отличается индивидуальнымъ характеромъ, смотря по свойствамъ природы, быта и занятіямъ различныхъ племенъ, и намъ придется принять въ соображеніе эти отдѣльныя племена. Но въ особенностяхъ обнаруживается также и общій характеръ, о которомъ прежде всего и поведемъ мы рѣчь. Въ богатырскую эпоху центръ тяжести воспитательнаго вліянія находился на сторонѣ тѣлеснаго ухода. Законодатели исторической эпохи сознавали важное вліяніе воспитанія и обученія на благо государства. Спартанецъ Ликургъ связалъ правда педагогику съ государственнымъ организмомъ тѣснѣе чѣмъ Аѳинянинъ Солонъ; но

и послѣдній въ свою очередь пекся о поддержаніи и улучшеніи существовавшихъ уже школъ. Онъ предписываетъ наприм., чтобы онѣ открывались не прежде восхода, а закрывались не прежде заката солнца. Никто изъ взрослыхъ,— такъ узаконилъ онъ подъ опасеніемъ смертной казни, — не смѣетъ во время преподаванія входить въ классы; имъ же поставлены были школьные надзиратели. Вѣроятно и упоминаемый Платономъ законъ, въ силу котораго каждый обязанъ былъ обучать своего сына искусствамъ музъ и гимнастикѣ, получилъ свое начало также отъ Солона. Навѣрное бывали случаи, что ареопагъ привлекалъ къ отвѣтственности нерадивыхъ родителей. Вообще же забота объ обученіи дѣтей вполнѣ предоставлялась совѣсти родительской, и всѣ греческія школы слѣдуетъ отнести къ частнымъ заведеніямъ; въ этомъ даже Спарта не составляетъ исключенія. Однако всѣ племена прониклись убѣжденіемъ въ высокой важности образованія юношества, и вслѣдствіе этого, какъ кажется, вездѣ существовали школы; въ древней Элладѣ простолюдинъ даже обладалъ умѣньемъ читать и писать, тогда какъ въ Европѣ и понынѣ еще есть края, блистающіе невѣжествомъ народной массы. Что существовали также и сельскія школы, доказывается жизнію софиста Протагора, начавшаго по Атенею свое учительское поприще въ деревнѣ. Спартанцы также знали грамоту; даже у огрубѣвшихъ Беотійцевъ дѣти пользовались первоначальнымъ обученіемъ. Но такъ какъ заведенія у нихъ были неудовлетворительны, то изъ Беотіи и Этоліи дѣтей нерѣдко отправляли въ Аѳины. Конечно, и здѣсь также заведенія были весьма различны по достоинству; кто не могъ много платить, а именно рабочій людъ, тотъ пользовался скуднымъ лишь преподаваніемъ. Колбасникъ во „Всадникахъ" Аристофана говоритъ поэтому: „я ничего не смыслю въ искусствахъ музъ кромѣ чтенія; да и то ужь больно плохо". Поговорка: „Онъ не умѣетъ ни читать, ни плавать" намекаетъ на распространенную вообще грамотность. — Въ древней Греціи не оказывается никакихъ слѣдовъ женскихъ школъ. Женскій полъ ограничивался домашнею жизнью, и посѣщеніе школы вмѣнилось бы, пожалуй, въ позоръ свободнорожденной дѣвицѣ. Даже Платонъ, предложившій школы для обоихъ половъ, не въ силахъ былъ побороть господствовавшій надо всѣмъ обычай. Однѣ только гетеры могли достичь высшаго умственнаго образованія. Даже о домашнемъ обученіи дѣвицъ частными учителями вовсе не упоминается; все что знали и умѣли красавицы Греціи,—а именно кое-какъ читать и писать,—тому научались онѣ у матерей и нянекъ.—Учители (по Платону имъ надлежало быть не моложе сорока лѣтъ!) были элементарные или граматисты, музыкальные или китаристы, гимнасты или педотрибы. Вслѣдствіе совершен-

наго отсутствія правительственнаго надзора было, кажется, между ними не мало негодяевъ. Плутархъ говоритъ: „Нельзя не сердиться теперь на отцовъ, которые не испытавъ напередъ людей, предлагающихъ имъ свои услуги, поручаютъ дѣтей непризваннымъ и позорнымъ воспитателямъ; иногда имъ извѣстно даже невѣжество и испорченность воспитанниковъ такихъ учителей, а они все-таки отдаютъ имъ сыновей, обойденные отчасти лестью, отчасти изъ угожденія радѣющимъ пріятелямъ“. Преподаваніе оплачивалось скудно и вслѣдствіе того учитель въ глазахъ аристократовъ стоялъ наравнѣ съ наемнымъ слугою, почему изъ лучшихъ семействъ рѣдко кто посвящалъ себя учительскому званію. Все то же, что и у насъ! Вотъ что совѣтуетъ Плутархъ обѣднѣвшимъ гражданамъ: „Будьте учителями, педагогами, привратниками, или ступайте служить на корабли“. Наименьшимъ уваженіемъ—опять-таки точно такъ же, что и въ наше время—пользовались элементарные учителя. Поэтому Лукіанъ въ юмористическомъ описаніи преисподней превращаетъ земныхъ царей и сатраповъ на томъ свѣтѣ въ нищихъ, продавцовъ соленой рыбы или въ школьныхъ учителей. Самые бѣдные учителя преподавали по столбовымъ дорогамъ и перекресткамъ, тогда какъ содержатели заведеній, пользовавшихся славою, занимали прекрасныя и удобныя помѣщенія. Доходы учителей зависѣли конечно отъ числа и состоянія учениковъ Теперь нельзя узнать, какъ велика была плата за школу. Въ случаѣ какихъ-либо упущеній, родители, какъ кажется, вычитали изъ платы учителямъ. Скряга у Ѳеофраста оставляетъ своихъ дѣтей дома въ теченіе цѣлаго мѣсяца анѳестеріона (февраля), яко-бы ради праздниковъ и зрѣлищъ, на самомъ же дѣлѣ чтобы сберечь школьныя деньги; онъ отказывается платить даже при упущеніяхъ, причиненныхъ болѣзнью. Учителямъ повидимому не всегда легко было получать выговоренную плату. Такъ опекуны Демосѳена просто оставались у нихъ въ долгу за все время его несовершеннолѣтія. Какъ велико было среднее число учащихся въ школахъ, опредѣлить невозможно. Когда какой-то сумасшедшій опрокинулъ столбъ, поддерживавшій зданіе школы въ Астипалеѣ, вслѣдствіе чего рухнулъ весь домъ, то въ школѣ находилось 60 учениковъ. Дѣти поступали въ школу, какъ кажется, по седмому году. Впрочемъ въ Греціи многіе родители ранѣе отправляли дѣтей своихъ въ школы, лишь бы только сбыть ихъ съ рукъ. Такъ Лукіанъ пишетъ: „Бѣдняки обыкновенно говорятъ про своихъ питомцевъ, что пора отдать ихъ въ школу; ибо, если они еще и не въ состояніи научиться тамъ ни чему путному, то по крайней мѣрѣ не дѣлаютъ въ это время ничего дурного“. Когда мамка покончивала свое дѣло, то педагогъ приступалъ къ своему. Послѣ Персидскихъ войнъ безъ послѣдняго не обходился ни

одинъ зажиточный домъ. Педагогъ принадлежалъ обыкновенно къ сословію рабовъ. Онъ обязанъ былъ сопровождать всюду мальчика, постоянно надзирать за нимъ, предохранять его отъ всякихъ развращающихъ вліяній и внушать ему правила благопристойности. Дѣло въ томъ, что Эллину слѣдовало на улицѣ ходить съ поникшей головою, сторониться передъ старшими, носить платье надлежащимъ образомъ, за столомъ брать пищу правою рукою,—притомъ рыбу, мясо и хлѣбъ двумя пальцами, а всякія соленія однимъ. Образованіе педагоговъ зачастую оказывалось весьма жалкимъ; однако воспитаніе обыкновенно поручали наиболѣе надежнымъ и лучшимъ изъ рабовъ. Иногда же къ выбору приступали самымъ легкомысленнымъ образомъ. Плутархъ говоритъ: „Наиболѣе годныхъ рабовъ дѣлаютъ земледѣльцами, шкиперами, купцами, домоправителями, ростовщиками; когда же между ними окажется пьяница, лакомка, ни на что неспособный, то ему подчиняютъ сыновей". Впрочемъ должность педагога стала очень трудною, когда съ возроставшею порчею нравовъ дѣтское воспитаніе, какъ само собою разумѣется, тоже ухудшилось. Бѣднякамъ должно-быть зачастую горько приходилось отъ распущенности и наглости ихъ ребятишекъ,—такъ горько, что они въ бѣдѣ своей служили излюбленнымъ предметомъ для комиковъ. Въ одной изъ піесъ Плавта наприм. менторъ Лидъ плачется такъ: „Бывало ученикъ ни на пядь не смѣлъ отходить отъ педагога, и пока не достигъ почетной должности, до тѣхъ поръ онъ не переставалъ повиноваться словамъ его. А теперь мальчугану не минуло еще семи лѣтъ, и стóитъ только тронуть его рукой, такъ онъ того и смотри, разобьетъ своей доской голову воспитателя; если пожалуешься отцу, то онъ же говоритъ своему баловню: такъ и слѣдуетъ, не давайся никогда въ обиду! А педагогу: слушай ты, старый негодяй, не моги у меня обижать мальчика за эту продѣлку! Онъ поступилъ молодцомъ! Затѣмъ когда черепъ воспитателя заплатанъ какъ фонарь намасленною тряпкой, обѣ стороны расходятся". — Что же касается до наружности педагоговъ, то они на всѣхъ картинахъ представляются облеченными въ кафтанъ, плащъ и въ высокіе со шнуровкою сапоги; а сверхъ того ихъ легко узнать по костылю и почтенной длинной бородѣ. Уроки начинались, какъ уже упомянуто, съ восходомъ солнца. Въ классахъ граматистовъ дѣти сидѣли на деревянныхъ скамьяхъ, расположенныхъ ступенями. Сперва учили букваъ, потомъ принимались за склады. Обученіе чтенію подвигалось обыкновенно очень туго впередъ; однако съ самаго начала уже настаивали на хорошемъ выговорѣ, благозвучіи и ритмѣ произношенія.—Для письма учитель, по словамъ Платона, проводилъ ученикамъ линіи, иногда же прописывалъ также образцы. Колѣно служило опорой для

письменнаго аппарата. Для обученія счету Платонъ, подобно Песталоци, совѣтуетъ начинать наглядным способомъ, такъ чтобы понятіе о числахъ, посредствомъ дѣйствій надъ яблоками, вѣнками и металлическими сосудами, какъ-бы игрою сообщалось дѣтямъ. Для той же цѣли прибѣгали къ пальцамъ, камешкамъ и счетамъ, сходнымъ вѣроятно съ русскими и перешедшимъ къ Славянамъ отъ восточныхъ Римлянъ вмѣстѣ съ греческою азбукой. Вслѣдъ за уроками чтенія и письма мальчики, пользовавшіеся лучшимъ воспитаніемъ, упражнялись въ заучиваніи и декламаціи поэтическихъ произведеній (въ старину даже и законовъ). Для этого избирались стихотворенія Гезіода и кикликовъ, а въ особенности великія народныя эпопеи Гомера. Никратъ въ Ксенофонтовомъ пиру похваляется: „Отецъ мой, заботясь о томъ, чтобы изъ меня вышелъ дѣльный человѣкъ, заставлялъ меня твердить всѣ пѣсни Гомера, и теперь я знаю наизусть всю Иліаду и Одиссею". Въ Греціи многіе обладали такимъ знаніемъ. Постигающіе значеніе Гомера оцѣнятъ надлежащимъ образомъ воспитательное и образовательное вліяніе имъ оказанное. При всемъ томъ, какъ противъ Гезіода, такъ и противъ Гомера, какъ наставниковъ, иные возставали въ школахъ. Ксенофанъ изъ Колофона (350 до Р. Х.) съ своей пантеистической точки зрѣнія вооружался противъ политеистическихъ представленій и настаивалъ на устраненіе Гомера и Гезіода, изобличавшихъ какъ тотъ, такъ и другой боговъ своихъ въ воровствѣ, прелюбодѣйствѣ и обманѣ. Гераклитъ Эфесскій (500) утверждалъ даже, что Гомера и Архилоха слѣдуетъ выбросить изъ школъ и высѣчь розгами. Къ счастію впрочемъ странныя заявленія такого рода никогда не производили ощутительнаго вліянія.—Что касается до дисциплины, то въ греческихъ школахъ отнюдь не щадили палки. Вышеприведенный злополучный педагогъ у Плавта разсказываетъ: если ученику при чтеніи случалось ошибочно произнести хотя бы одинъ только слогъ, то шкура его покрывалась пестрыми пятнами, словно платье у кормилицы. Учителя музыки также палкой подкрѣпляли свои наставническія внушенія. Такъ между прочимъ Аристофанъ говоритъ въ „Облакахъ":

«Еслибъ кто вздумалъ коверкать свой голосъ, покушаясь на пустозвонныя трели и вычуры,
Тотъ дорого поплатился бы своей спиною, за то что оскверня лъ пѣснопѣнія музъ».

Наиболѣе выдающимися воспитательными средствами у Грековъ вездѣ являются гимнастика и музыка.

1) Гимнастическимъ воспитаніемъ достигали надлежащей соразмѣрности, гармоническаго развитія и склада человѣческаго тѣла, дабы оно было чистымъ и свѣтлымъ

зеркаломъ души. Вводя гимнастику сначала лишь ради развитія тѣла, вскорѣ убѣдились, что она существенно способствуетъ также и развитію души, и не только крѣпитъ и закаляетъ, придаетъ ловкость и силу, но также предохраняетъ отъ изнѣженности, исполняетъ мужествомъ, пріучаетъ къ воздержанію, самообладанію и цѣломудрію; сверхъ того при общемъ участіи въ ней товарищей она развиваетъ также чувство дружбы и любовь къ отчизнѣ. Грекъ признавалъ ее за искусство, имѣющее цѣлью не одно только гармоническое развитіе тѣла, но такъ же укрѣпленіе и оживленіе души, а вслѣдствіе того и другого — образованіе для общественной жизни. Поэтому она и служила Грекамъ не только воспитательнымъ средствомъ для молодого поколѣнія, но такъ же и образовательнымъ началомъ для всего народа: и точно, въ виду стройно развитыхъ тѣлъ многочисленное собраніе зрителей принимало въ себѣ пищу, подкрѣплявшую художественный вкусъ, возбуждавшую чувство изящнаго; а „при богатомъ стеченіи прекрасныхъ и подвижныхъ формъ въ повседневныхъ упражненіяхъ палестры, пластикѣ предстоялъ свободный выборъ идеальныхъ нормъ и матеріала для компоновки“. „Намъ Эллинамъ—говоритъ Солонъ у Лукіана Скиѳу Анахарсису—не довлѣетъ оставлять человѣка такъ, какъ создала его природа, мы напротивъ требуемъ для всѣхъ гимнастическаго образованія, дабы удачно созданное природою становилось еще гораздо лучше, а дурныя наклонности сколько возможно облагороживались. Въ этомъ случаѣ служатъ примѣромъ намъ земледѣльцы, охраняющіе и огораживающіе растенія, пока они малы и нѣжны; когда же окрѣпнетъ ростокъ, они отсѣкаютъ негодную поросль и, предоставляя вѣтрамъ хлестать и потрясать дерево, дѣлаютъ его тѣмъ плодовитѣе и сильнѣе.“

Для упражненія служили гимназіи и палестры—сначала крайне простыя, (—въ Спартѣ розовые берега поросшаго камышемъ Эврота—) а потомъ, съ возраставшимъ образованіемъ и благоденствіемъ въ городахъ,—художественныя зданія и наиболѣе посѣщаемыя сборныя мѣста общественной и научной жизни. Образцовое зданіе для гимнастики, описанное Витрувіемъ Полліономъ, состояло вопервыхъ изъ обширнаго, четырехугольнаго, открытаго двора, окруженнаго колоннадой и просторными залами для философовъ, ораторовъ и ученыхъ; по одну сторону расположены были крытыя помѣщенія собственно для гимнастики, залы для правильныхъ упражненій, для одежды, натиранія себя масломъ, посыпанія пылью, для игръ и пр.; за этимъ среднимъ зданіемъ слѣдовалъ потомъ второй обширный дворъ съ колоннадой и гимнастическими залами для всякаго употребленія, украшенный купами деревъ и аллеями; все это завершалось наконецъ наискось протянутымъ ристалищемъ, обра-

зующимъ одну сторону второго двора.—При началѣ упражненій, раздѣвались до нага; тѣло натиралось масломъ и посыпалось пескомъ, дабы натираньемъ сообщить упругость стану и придать ему силу и быстроту, тогда какъ песокъ въ свою очередь долженъ былъ умѣрить скользкость и дать возможность покрѣпче ухватиться за сухое тѣло, сверхъ того задержать потъ, защитить отъ вѣтра и сообщить силамъ бо́льшую стойкость. Самымъ древнимъ и наиболѣе уважаемымъ изъ греческихъ упражненій былъ бѣгъ, совершавшійся по глубокому песку; — для простого бѣга разстояніе равнялось одной стадіи, 600 футовъ, для двойного и боевого—двумъ стадіямъ, а для долгаго—24-мъ. Онъ попреимуществу имѣлъ цѣлью быстроту и выдержку, тогда какъ метаніе диска, причемъ чечевицеобразный мѣдный кружокъ, похожій на маленькій боевой щитъ, бросался вверхъ и вдаль, укрѣпляло плечи и мускулы ногъ, — прыганье же, производимое либо вдоль, либо вверхъ, либо вдоль и вверхъ вмѣстѣ и бо́льшею частью на чистомъ воздухѣ, имѣло цѣлью сообщить тѣлу бо́льшую упругость,—метаніе копій, совершаемое стоймя въ упоръ съ широко̀ разставленными ногами, придавало твердую, мужественную поступь, благородную, свободную осанку, стойкій рѣшительный видъ и живой, твердый взглядъ, обнаруживавшій бодрость всѣхъ чувствъ,—наконецъ рукопашная борьба, состоявшая въ быстрой мощной смѣнѣ всѣхъ возможныхъ тѣлодвиженій, въ хватаніи и ускользаніи, непоколебимой стойкости и внезапныхъ вѣрныхъ прыжкахъ, въ напорѣ и перетягиваньи, въ напряженіи и низверженіи и пр., была однимъ изъ самыхъ полныхъ, всесторонних и наиболѣе гармоничныхъ упражненій. Эти пять родовъ упражненій — пентаѳлонъ, т. е. пятерное состязаніе (Quinpuertium)— составляли ядро гимнастики, и Аристотель сообщаетъ, что пентаѳлы, т. е. исключительно посвятившіе себя пятерному состязанію и получившіе за него призы на празднествахъ, были самые красивые люди.

Однако такъ какъ греческая гимнастика не была дѣломъ ясно познающаго духа, то она не всегда держалась въ основанныхъ на сущности ея предѣлахъ; напротивъ, у нѣкоторыхъ греческихъ племенъ она рано уже вовлекла въ свой кругъ кулачный бой, создавъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ соединенія кулачнаго боя и борьбы новое упражненіе, сложную, всеродную борьбу, панкратіонъ, доведенную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до высокаго художественнаго совершенства и допускаемую также на великихъ національныхъ празднествахъ. Но упражненія этого рода требовали отъ каждаго единичнаго лица такого напряженія, что ему уже нельзя было болѣе посвятить себя вполнѣ упражненіямъ пентаѳлона: вслѣдствіе чего чистая гимнастика пентаѳлона, и отдѣлилась особнякомъ, а изъ кулачнаго боя и панкратіона возникла атле-

тика, ремесленная почти выправка, ставившая себѣ единственною цѣлью добиваться побѣдъ на праздничныхъ играхъ.

Любовь къ гармоніи и красотѣ, въ томъ видѣ какъ она обнаружилась въ эллинской гимнастикѣ, создала развившуюся заодно съ гимнастикой и вслѣдствіе нея, безполую любовь. Хотя отроколюбіе, близкая связь мужчинъ съ мужчинами, съ одной стороны и коренилась во всей общественной жизни Грека, вслѣдствіе чего онъ придавалъ болѣе глубокое значеніе только тому, что̀ носило на себѣ печать общественности, и пренебрегалъ даже домомъ и связанною съ нимъ женою, такъ что той истинной любви, которой не переживалъ съ нею, онъ искалъ въ иномъ мѣстѣ, а именно на почвѣ, изъ которой и на которой развивалась его жизнь; однако съ другой стороны любовь эта въ сущности всетаки основана была на пристрастіи къ физической и душевной красотѣ. Потому-то страна гимнастики и была настоящею родиной безполой любви, она коренилась въ гимнастикѣ, развивалась въ ней и прекратилась вмѣстѣ съ нею. — Павзаній говоритъ: „Любовь небеснаго Эрота — любовь безполая, отроческая. Вдохновленные ею влекутся къ мужской личности, отъ природы болѣе сильной и духовной; они всю жизнь хотятъ проводить съ возлюбленнымъ, потому что избрали его ради душевнаго превосходства и стремятся воспроизвести послѣднее.“ Аристофанъ: „Отроческой любви преданы лучшіе изъ юношей; они обнимаются не вслѣдствіе дурныхъ побужденій, а изъ любви къ мужеству, доблести и силѣ.“ Агаѳонъ: „Эта любовь возникаетъ лишь въ людяхъ юныхъ душою и тѣломъ, статныхъ и прекрасныхъ собой; она охватываетъ всего человѣка, и онъ всецѣло проникается ею; она сама не насилуетъ, и не можетъ быть осквернена насиліемъ, она воздержна, обуздываетъ всего человѣка и настроиваетъ его къ гармоничному единству.“ Въ самомъ названіи любителя — „вдохновляющій,“ „воодушевляющій“ — и любимаго — „слушатель въ духѣ“ — уже обнаруживается глубокое значеніе отроческой любви. Любовникъ былъ другомъ, наставникомъ и отцомъ возлюбленнаго: онъ былъ его неизмѣннымъ образцомъ, надзиралъ за нимъ въ гимназіи, руководилъ его во всѣхъ познаніяхъ и дѣлахъ общественной жизни, замѣнялъ его въ народныхъ собраніяхъ, въ бою ратовалъ о̀бокъ съ нимъ, воспламенялъ его къ отвагѣ и шелъ съ нимъ на битву и на смерть. Возлюбленный въ свою очередь всѣмъ существомъ своимъ льнулъ и привязывался къ своему любовнику. „Эфоры — сообщаетъ Эліанъ — подвергли разъ юношу строгой карѣ, за то что онъ честному любовнику предпочелъ богатаго. И наоборотъ, они наказали въ свою очередь честнаго мужа за то, что онъ не позаботился силою любви образовать молодежь по образцу своей честности до такого

же превосходства. За проступокъ отрока наказывался любовникъ, потому что послѣднему надлежало знать все, что творится первымъ, и надзирать за нимъ.“—Невинная сама по себѣ отроческая любовь исказилась однако окончательно въ развратъ. Омерзительная, противуестественная похоть овладѣла нравами. Она сдѣлалась даже источникомъ публичной и контрактомъ скрѣпляемой наживы, чего во время Эсхина никто и не думалъ уже скрывать; по этому поводу сложилась даже самая богатая терминологія, какъ будто бы въ своего рода наукѣ. Педерастія *) была самою слабою стороною націи, и пуще всего высокообразованныхъ Аттиковъ.

Слѣдствіемъ и плодомъ гимнастическаго образованія и связанной съ нимъ любви къ прекрасному были игры и торжественныя представленія Эллиновъ; и дѣйствительно, исполненіе и проявленіе гармоніи достигнутой при посредствѣ гимнастики въ потѣшномъ и настоящемъ бою съ сотоварищами было и оставалось постоянною потребностью Грека, хотя бы онъ уже и выступилъ изъ гимнастической школы. — Въ Греціи имѣлись особые законы и учителя для игръ; она боговъ своихъ называла „игролюбцами“; ея философъ Анаксагоръ въ своемъ завѣщаніи просилъ объ одной лишь почести, чтобы въ день его смерти устроили игры для молодежи. Арены для игръ соединялись съ гимназіями и купальнями и имѣли цѣлью гармонію и искусство,—вѣдь безъ этого у Грека не обходилось никакое дѣло, такъ какъ и тутъ даже требовались изящная соразмѣрность, самообладаніе и ловкость тѣла и изгонялось все своенравное, безобразное и неправильное. Само собою разумѣется, что игры въ Греціи, какъ вездѣ, гдѣ молодежи доставляется случай и руководство для свободнаго и сильнаго развитія, начинались уже съ весьма раннихъ лѣтъ. Греческій отрокъ также сызмала уже скакалъ на своемъ конькѣ. Агезилай, знаменитый царь Спартанцевъ, какъ разсказываетъ Плутархъ, ѣздилъ съ сынкомъ своимъ верхомъ на тросточкѣ и въ этомъ занятіи заставали его въ средѣ играющей молодежи. Сократъ также позволялъ себѣ подобнаго рода удовольствія, чѣмъ и возбудилъ смѣхъ въ Алкивіадѣ. Грасбергеръ приводитъ еще слѣдующія игры молодежи: 1) Состязаніе въ стойкости. Одинъ изъ играющихъ перетягивалъ къ себѣ другаго, и каждый изъ нихъ старался твердо устоять на своемъ мѣстѣ. 2) Стояніе на цыпочкахъ. Становились на цыпочки, вытягивая руки высоко надъ головою и махая ими взадъ и впередъ. 3) Хожденіе на пяткахъ, извѣстное въ гимнастикѣ упражненіе. 4) Прыганье. Производились всякаго рода упражненія, что и нынѣ еще въ большомъ ходу. Отличали между прочимъ

*) Мужеложство.

такъ называемое скаканье по мѣху. „Играющій становился на мѣхъ, наполненный воздухомъ или даже виномъ и весь вымазанный масломъ или жиромъ, и смотря по своей ловкости, старался устоять на одной ногѣ или даже прыгать и плясать на немъ. Многіе изъ окружающихъ конечно тщетно пытались удержаться и скользили, пока наконецъ одному изъ нихъ не удавалось устоять на скользкой поверхности; если мѣхъ былъ наполненъ виномъ, то оно доставалось побѣдителю въ награду". 5) Мѣдная муха. Одному изъ играющихъ завязывались глаза. Ничего не видя, онъ вертѣлся такимъ образомъ вокругъ, то и дѣло восклицая: Я изловлю мѣдную муху! Соучастники въ игрѣ отвѣчали: Лови, да не поймать тебѣ ее! и всячески дразнили и теребили вертящагося, пока ему не удастся схватить кого либо изъ играющихъ. Тогда пойманный въ свою очередь становился ловцомъ. 6) Погоня. Одинъ изъ играющихъ сидитъ, закрывъ глаза, среди товарищей. Когда послѣдніе вдругъ разсыплются, онъ пускается въ погоню за бѣгущими и старается отыскать, гдѣ они спрятались. А тѣмъ временемъ каждый изъ играющихъ старается завладѣть мѣстомъ, которое занималъ преслѣдующій. 7) Игра въ жмурки. Одинъ изъ играющихъ съ завязанными глазами старается поймать бѣжащихъ и прячущихся товарищей, которые быстро отъ него увертываются. 8) Игра въ горшки. Одинъ изъ присутствующихъ, прозванный горшкомъ, садился среди толпы, и его теребили до тѣхъ поръ, пока ему не удавалось схватить другаго на свое мѣсто. Или одинъ изъ мальчиковъ, поддерживая лѣвою рукою горшокъ на своей головѣ, долженъ былъ на бѣгу ударомъ ноги сшибить другаго, который и замѣнялъ его. 9) И нынѣ еще всѣмъ извѣстная игра въ жгуты. 10) Игра въ цари. Одного изъ мальчиковъ по жребію назначали царемъ: въ этомъ качествѣ онъ властенъ былъ раздавать приказанія, задавать работу своимъ подданнымъ и солдатамъ, и поддерживать порядокъ. 11) Игра въ колья. Колъ изъ твердаго дерева завостряли съ толстаго конца, потомъ вбивали его въ рыхлую землю и старались стоявшій колъ сбить другимъ такъ, чтобы послѣдній тутъ же сталъ на мѣсто перваго. 12) Игра въ черепки. Играющіе раздѣлялись чертой на двѣ половины. Потомъ одну сторону черепка или раковины покрывали смолою. Осмоленая сторона называлась ночною, а неосмоленая денною. Стоявшіе по одну сторону разъединяющей черты назывались дѣтьми ночи, а по другую дѣтьми дня. По размѣщеніи играющихъ и осмолкѣ черепка, одна изъ сторонъ бросала послѣдній вверхъ. Упавъ на землю, черепокъ своею поверхностью, обращенной къ свѣту, обозначалъ побѣдителей. Толпа послѣднихъ бросалась на противниковъ. Пойманный прозывался осломъ и садился на землю. 13) Рикошетъ. Въ Греціи мальчики, стоя на берегу рѣки,

бросали камешки въ воду, заставляя ихъ рикошетомъ скакать по поверхности,—все то же, что и у насъ донынѣ. 14) Подкидка. Старались къ стѣнѣ или дереву подбросить черепокъ такъ, чтобы онъ легъ въ предѣлахъ отведеннаго пространства. 15) Перевертка. „Въ лежащій на землѣ прежде туда брошенный черепокъ, а не то въ монету, старались попасть другимъ черепкомъ такъ, чтобы первый перевернулся при этомъ на другую сторону.“ 16) Метаніе въ запуски. Кружечки бросали такъ, чтобы они легли внутрь очерченнаго круга. 17) Метаніе въ ямки. Кубики, косточки, жолуди и т. п. кидались въ приготовленную для того ямку. 18) Метаніе бобовъ. Сушеные бобы, гладкіе камешки и т. п. брались между пальцевъ лѣвой руки и подбрасывались въ тактъ правою, или же быстро откидывались прочь. 19) Верченіе монеты. Монету ставили ребромъ и заставляли ее вертѣтся подобно волчку, а потомъ старались, пока она вертится, пальцемъ вновь остановить ее на ребрѣ. 20) Игра съ пятью камешками. Вскидывали пять камешковъ или кубиковъ (астрагаловъ) съ ладони и старались поймать ихъ оборотною стороною кисти. (Та же игра въ камешки у нашихъ дѣтей). 21) Игра съ жуками. Къ ниткѣ привязывали лѣснаго жука и влекли его такимъ образомъ по воздуху. 22) Кубари у греческой молодежи были уже въ большомъ ходу, какъ и теперь. То же самое можно сказать о слѣдующей игрѣ, 23) Гонкѣ обручей. 24) Игра въ мячъ. Ее въ богатырскую эпоху уже очень любили въ Греціи, и какъ въ Римѣ такъ и здѣсь ею занимались и старъ и младъ, такъ что игра эта составляла особый отдѣлъ школьной гимнастики. Самыя важныя игры въ мячъ были слѣдующія: a. эпи́скиросъ (ἐπίσκυρος), эфебике́ (ἐφηβική), эпи́койносъ (ἐπίκοινος). Играющіе разбивались чертою на двѣ половины. Граничная черта состояла изъ камней, сложенныхъ въ рядъ или въ кучи, а на нихъ клали мячъ. Позади обѣихъ играющихъ партій съ каждой стороны проводилось еще по чертѣ. Послѣднія находились другъ отъ друга на разстояніи, превышающемъ полетъ мячика. Одинъ изъ игроковъ, взявши мячикъ, старался закинуть его черезъ головы противниковъ, за черту позади нихъ; противники старались поймать мячикъ на лету и тѣмъ же порядкомъ закинуть его на другую сторону. Такимъ образомъ продолжали перебрасывать мячикъ взадъ и впередъ, пока одна изъ игравшихъ партій не загоняла другую за заднюю черту. b. Файни́нда (φαινίνδα). Дѣлали видъ, будто хотятъ бросить мячикомъ въ одного или другого изъ играющихъ, потомъ вдругъ швыряли его совершенно въ неожиданномъ направленіи и такимъ образомъ обманывали товарищей. c. Апорраксисъ (ἀπόρραξις). Эластическій мячъ бросали на полъ, онъ отскакивалъ и по немъ вновь ударяли рукою. Тотъ, кто не прерывая дѣлалъ это долѣе всѣхъ, считался побѣдителемъ. А побѣжденный, точно такъ же какъ и въ другихъ

играхъ, назывался осломъ (ὄνος). d. Уранія (οὐρανία). Перегнувшись назадъ спиною, бросали мячъ вверхъ. Каждый изъ играющихъ старался вскинуть выше. е. Арпасто́нъ (ἁρπαστόν). Опять ловля мячика. Бросали мячъ вверхъ и каждый изъ играющихъ старался поймать его. Тотъ, кому удавалось это, бросалъ его съизнова. Мячики были разныхъ величинъ и различнаго свойства. Помимо приведенныхъ здѣсь простыхъ игръ было еще много другихъ весьма искусныхъ, служившихъ настоящимъ народнымъ увеселеніемъ. 25) Водопроводная трубка. Въ воду опускалась трубочка. Потѣшались тѣмъ, что вода не входитъ въ нее, пока верхнее отверстіе заткнуто пальцемъ. Настоящими гимнастическими играми были: 26) Перетягиванье. Играющіе разбивались на двѣ партіи. Каждый изъ мальчиковъ старался перетянуть на свою сторону противника. 27) Перетягиванье канатомъ. Эта игра и нынѣ довольно извѣстна и потому не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. 28) Взлѣзаніе по канату, занимающее и въ современной гимнастикѣ видную роль. 29) Ѣзда на закоркахъ. Сначала 2 мальчика бросали шариками или камнями въ межевой знакъ, стоящій въ нѣкоторомъ отдаленіи. Тотъ, кто его опрокидывалъ былъ побѣдителемъ и переносился противникомъ до этого камня. Побѣдитель при томъ закрывалъ глаза противнику. 30) Прыганье на спину. Наша чехорда. 31) Угадай, кто тебя ударилъ. Одинъ изъ играющихъ закрывалъ рукою глаза, а побѣдитель ударялъ его по щекѣ и спрашивалъ, какою рукою онъ ударилъ. 32) Щелчки по носу. Старались выдержать разныя движенія рукою или прикосновеніе къ носу такъ, чтобы не моргнуть и не мигнуть глазомъ. 33) Веревочная качель. Веревка прикрѣплялась по обоимъ концамъ, но не натягивалась туго, и служила такимъ образомъ качелью. 34) Качельный снарядъ. Наши качели съ сидѣньемъ и доской. 35) Ходули. 36) Покажись милый Богъ солнца *). Такъ, хлопая въ ладони, восклицали эллинскіе мальчики, когда въ пасмурную погоду облака заволокутъ солнце. 37) Черепаха. Игра въ вопросы и отвѣты, переходившая въ хороводы или въ горѣлки. 38) Живѣй вы, маліады, живѣе реи, живѣе мелійки! Такими возгласами игравшія дѣвочки ободряли другъ друга, чтобы оживить игру и бѣготню. 39) Игра въ поцѣлуи. Дѣтей, которыхъ хотѣли цѣловать, брали за уши, или наоборотъ, давали имъ брать такъ же себя. 40) Игра въ ладоши. Извѣстная народная забава, которая и теперь еще въ ходу у мальчиковъ и дѣвочекъ. 41) Поискъ въ дрожжахъ. Игравшему связывали на спинѣ руки, и онъ долженъ былъ губами вытащить какую-нибудь вещь изъ сосуда, наполненнаго дрожжами. 42) Ременный свертокъ. Два ремня искусно пе-

---

*) По-русски: Солнышко ядрышко, выгляни въ окошечко! Твои дѣти плачутъ, на улицу хочутъ! Прим. Перев.

реплетались, и колъ протыкался между ними такъ, что ихъ нельзя было распутать. 43) Четъ или нечетъ. Одинъ изъ играющихъ предлагаетъ противнику угадать, четное или нечетное число монетъ, бобовъ и пр. у него въ рукѣ. Если тотъ угадалъ, то получаетъ содержимое, если же нѣтъ, то долженъ добавить одно очко, такъ чтобы вышло то, что онъ сказалъ.—Помимо всѣхъ этихъ увеселенiй въ нѣкоторыхъ древнихъ сочиненiяхъ упоминается еще о разныхъ играхъ, родъ и значенiе которыхъ съ достовѣрностью не изслѣдованы.

Празднества Грековъ — „душа и отрада общинной и племенной жизни" — помимо служившей имъ внутреннею, высшею опорой религiи, имѣли своимъ основанiемъ также гимнастику и примыкавшiя къ ней и въ ней коренившiяся орхестическiя, художественныя, музыкальныя, научныя и агонистическiя представленiя. На общественныхъ праздничныхъ играхъ каждый считалъ и чувствовалъ себя Грекомъ, а народъ—греческимъ народомъ, въ противоположность не-Грекамъ, варварамъ: здѣсь возвышалось и крѣпло нацiональное чувство, въ душѣ каждаго вкоренялась любовь къ народу и разгоралась пылкимъ пламенемъ, греческiй духъ плотился воедино и предохранялся отъ раздробленiя какъ внутри, такъ и во внѣ. Нацiональное празднество имѣло цѣлью и должно было быть съ одной стороны отпечаткомъ народнаго характера, а послѣднiй былъ не что иное какъ прiобрѣтенная гимнастикою внѣшняя и внутренняя гармонiя; съ другой стороны — прославленiемъ и чествованiемъ боговъ,—послѣднiе же были человѣческими идеальными существами, жившими и дѣйствовавшими въ свободномъ согласiи съ природою: оттого-то наиболѣе приличнымъ и высшимъ культомъ для нихъ и были полныя гармонiи праздничныя игры народа. На олимпiйскихъ, пиѳическихъ, немейскихъ и истмiйскихъ нацiональныхъ праздникахъ гимнастика служила эстетическимъ представленiемъ сложившагося въ школьной гимнастикѣ тѣлеснаго бытiя, а именно въ видѣ состязанiя ради масличнаго вѣнка въ Олимпiи, сосноваго вѣнка на Истмѣ, плющеваго въ Немеѣ и лавроваго въ Дельѳахъ. Тутъ-то наслаждался Эллинъ, любуясь мужествомъ молодыхъ людей, красотою ихъ обнаженнаго тѣла и изумительною стройностью стана, чрезвычайною ловкостью, необоримою силою, отвагою, славолюбiемъ, вольнолюбивымъ настроенiемъ и безустаннымъ порывомъ къ побѣдѣ; а потомъ по провозглашенiи побѣдителя и его родины вся праздничная толпа разражалась громкими возгласами и ликованiями, поднявъ на плеча увѣнчаннаго побѣдителя: поэты въ родѣ Пиндара и Симонида прославляли его въ безсмертныхъ побѣдныхъ пѣсняхъ, а художники-ваятели увѣковѣчивали въ блестящей бронзѣ или мраморѣ.

2) Музоугодное воспитанiе заимствовало свое назва-

ніе отъ музъ, богинь всего, что въ противоположность труду и заботамъ дня, составляетъ прелесть и веселіе жизни, и самъ глава въ ихъ хорѣ, Аполлонъ является разумно-прекраснымъ, высокимъ, самосознательнымъ божествомъ. Прежде это воспитаніе состояло въ обученіи поэзіи и пѣнію подъ звуки инструментальной музыки. Впослѣдствіи въ область его вошли не только грамматика и графика, но вообще всѣ науки, такъ что оно заключало въ себѣ преподаваніе, существенно касавшееся души. Такимъ путемъ оно естественнымъ образомъ вліяло (—и особенно по воззрѣнію Грековъ, не допускавшему абстрактной противоположности между тѣломъ и душой—) на прекрасный складъ тѣла, подобно гимнастикѣ; ибо образуя тѣло, гармонически развивая и одухотворяя его, оно въ то же время образовало и душу. Гимнастическое и музоугодное воспитанія въ Греціи взаимно сопроникались, обусловливались и восполнялись, подобно тому какъ они взаимно сочетались и соприкасались въ свойствахъ верховодившихъ ими боговъ и богинь. Гермесъ былъ основателемъ палестры, изобрѣтателемъ киѳары, учителемъ благолѣпныхъ искусствъ и рѣчей. Аѳина была богинею войны и науки: едва родившись, она уже занималась воинскою пляскою, изобрѣла игру на флейтѣ и украсила жизнь разными искусствами. Аполлонъ былъ водителемъ мѣткаго лука, изобрѣтателемъ лиры, распорядителемъ пляски музъ, борцомъ съ Геракломъ, побѣдителемъ въ состязаніи съ Гермесомъ.—Музоугодное воспитаніе стремится, въ параллель съ художественнымъ образованіемъ тѣла гимнастикою, возбудить и развить духъ, дабы онъ обнаружилъ въ цвѣтѣ и плодѣ свое сокровеннѣйшее существо. Итакъ это воспитаніе, точно такъ же какъ и гимнастическое, обрѣтаетъ свою цѣль не внѣ себя: какъ то, такъ и другое имѣютъ цѣлью развитіе законченной, въ себѣ самой замкнутой индивидуальности. Свободный отъ насущныхъ потребностей и житейской практики человѣкъ долженъ достигнуть совершеннаго бытія и доблестнаго саморазвитія: вотъ въ чемъ главное дѣло для Грека. А второе дѣло состоитъ въ томъ, чтобы облагороженная и законченная въ самой себѣ индивидуальность поставила себѣ высшею задачею самодѣятельно и самоотверженно способствовать осуществленію и образованію идеи своего государства. Оттого-то у этого народа-художника умственное воспитаніе и образованіе въ сущности художническое и обнимаетъ преимущественно тѣ искусства, которыя болѣе всего требуютъ соучастія и самодѣятельности со стороны воспринимающаго и наслаждающагося люда, т. е. гласнаго изложенія: музыку и стихотворство.

Музыка считалась подлинно гимнастикой не только слуха, голоса и звуковыхъ органовъ, но даже и самаго духа. Полагали униженіемъ для музыки, говорить, будто цѣль ея

состоитъ въ игрѣ на струнномъ инструментѣ или на флейтѣ, а не въ нравственномъ образованіи попреимуществу и не въ укрощеніи страстей при помощи мелодіи и гармоніи. Она была какъ бы кормилицею всего высокаго, благороднаго и прекраснаго, матерью всѣхъ добродѣтелей; Греки думали, что музыкальное художественное произведеніе, какъ продуктъ и образъ прекрасно возбужденной души, вселяетъ также красоту и въ душу того, кто ее воспроизводитъ. Потому-то они музыку и называли даже философіей, а Сократъ въ свою очередь считалъ философію завершеніемъ музыки. Музыка принадлежала къ существу Грека: она была не свободнымъ искусствомъ единичныхъ лицъ, а напротивъ вполнѣ непроизвольною основною стихіею греческой жизни, всеобщаго образованія чувствъ и настроенія народа. Она тѣсно сливалась съ жизнью и глубоко проникала во всѣ государственныя и житейскія отношенія. Отъ измѣненія ея Грекъ опасался переворота въ государствѣ, отъ упадка ея—упадка общиннаго духа. Не любить и не понимать музыки въ Греціи считалось признакомъ варварской грубости и внутренней порчи. — Греческая музыка имѣла объективный характеръ и своими строго нравственными, но при всемъ томъ веселыми и ясными мелодіями, служила выраженіемъ нравственныхъ чувствъ вообще: лишь съ той поры, какъ начала разлагаться греческая жизнь, пошла въ ходъ лидійская музыка съ ея болѣе нѣжнымъ, сладострастнымъ характеромъ, подлаживавшимся къ субъективнымъ чувствамъ. Фетисъ (Fétis, Mémoire sur l'Harmonie simultanée des Sons chez les Grecs et les Romains. Bruxelles et Paris 1859) отрицательно отвѣчаетъ на вопросъ, знали-ли Греки одновременное звукосочетаніе тоновъ, а именно послѣдовательность гармоническихъ звукосочетаній и пользовались-ли этимъ въ своей музыкѣ. Онъ говоритъ: „Пластика собственно классическое, а музыка собственно романтическое искусство. Но музыка у Грековъ была пластична настолько, насколько она способна быть такою. При посредствѣ ея слово поэта должно было отливаться въ болѣе точную опредѣленность, представать слушателю въ видѣ округленнаго мраморнаго изваянія; — это было собственно не пѣніе, въ томъ видѣ, какъ оно въ ходу у насъ; то скорѣе былъ, такъ сказать, возведенный до музыкально-соизмѣримаго тона эффектный речитативъ.“ (Вагнерова музыка будущаго!) Греческая музыка для греческой поэзіи была въ нѣкоторомъ родѣ тѣмъ же, чѣмъ полихромія для греческихъ храмовъ. Какъ полихромія предназначалась къ тому, чтобы разумно и скромно подчиняясь (требованіямъ пластики), только слегка оживлять строевые члены, какъ она допускалась не для того, чтобы обманывать призракомъ дѣйствительности, а единственно лишь съ тѣмъ, чтобы служить далекимъ на нее намекомъ; такъ точно и музыка должна была не поглощать

слова поэта, своекорыстно выставляясь впередъ, а только придавать имъ полную звуковую отчетливость и ясность.“ „Подъ гармоніей мы разумѣемъ одновременное созвучіе нѣсколькихъ различныхъ между собою тоновъ, въ особенности одновременное, производящее такую созвучность сочетаніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ голосовъ, тогда какъ у Грековъ съ этимъ словомъ связывалось совсѣмъ другое понятіе.“ Аристотель говоритъ: „Соединяя высокіе и низкіе, долгіе и короткіе звуки, музыка тѣмъ самымъ воспроизводитъ изъ разныхъ тоновъ одну цѣльную гармонію.“ Приставка „долгіе и короткіе звуки,“ ясно указываетъ, что тутъ говорится не объ одновременномъ, но о послѣдовательномъ возникновеніи высокихъ и низкихъ тоновъ. Въ томъ же смыслѣ и Платонъ противопоставляетъ ритмъ, уряжающій мѣру движенія, гармоніи, состоящей въ смѣнѣ высокихъ и низкихъ тоновъ.“ — Франкинъ Газурій изъ Лоди полагалъ, будто въ сочиненіи Бакхія обнаруживается знаніе не одной только гармоніи, но также и контрапункта. Царлино, Дони и Захарій Теро приписывали Грекамъ употребленіе гармоніи. Исаакъ Фоссій рьяно отстаивалъ это мнѣніе; но противъ него возстало много голосовъ. Бёкъ говоритъ De metris Pindari III, 7—12 стр. 253: „Я впрочемъ не того мнѣнія, будто эта часть музыки была вполнѣ извѣстна Грекамъ; напротивъ, современная гармонія далеко уклоняется отъ духа древней эпохи, такъ что я не затруднюсь утверждать: знай древніе нашу гармонію, она не понравилась бы имъ навѣрно. Какъ готическая архитектура пришлась бы не по ихъ вкусу, точно такъ же и гармонія наша едва-ли очаровала бы ихъ слухъ.“

Лира состояла изъ трехъ, четырехъ или семи струнъ, къ которымъ какъ октава присоединялась восьмая. 120 обычныхъ тоновъ обозначались буквами, а изъ ладовъ сначала только три были въ ходу. Фригійскій ладъ, бывшій въ употребленіи особенно на шумныхъ вакхическихъ празднествахъ фригійской Матери боговъ и въ Греціи при Діонисіяхъ, служилъ для выраженія восторга и разгула мечтательности. Дорійскій ладъ отличался строгимъ, высокимъ и важнымъ характеромъ и способенъ былъ произвести спокойное и трезвое настроеніе души. Лидійскій ладъ съ самыми высокими тонами и мягкимъ и нѣжнымъ характеромъ укрощалъ и нѣжилъ. Середину между фригійскимъ и лидійскимъ ладами занималъ эолійскій, для выраженія живыхъ и страстныхъ ощущеній, а между дорійскимъ и фригійскимъ—іоническій, перешедшій отъ своей первоначальной строгости и соразмѣрности къ слабой и изнѣженной мелодіи. Терпандръ (676 до Р. Х.) впервые распредѣлилъ существовавшіе напѣвы различныхъ мѣстностей по правиламъ искусства, а впослѣдствіи имъ же сочинены музыкальныя піесы для пѣсенъ и для игры на киѳарѣ. Олимпъ (630 до Р. Х.) поставилъ

флейту на одну степень съ киѳарой. Лирой сопровождалось пѣніе, бывшее скорѣе речитативомъ, такъ какъ для греческаго слуха самымъ существеннымъ дѣломъ при этомъ было движеніе словъ и ритмъ. Мелодія должна была господствовать въ музыкѣ какъ душа ея, и сама въ свою очередь подчиняться благородному настроенію духа: такова была цѣль греческой музыки.

Вслѣдствіе ея твердаго гимнастическаго направленія и вслѣдствіе назначенія ея блюсти форму и мѣру, музыка у Эллиновъ была менѣе самостоятельнымъ искусствомъ, чѣмъ въ наше время. Она въ сущности служила акомпаниментомъ при торжественныхъ шествіяхъ, при пляскѣ и пѣніи, и слѣдовательно была тѣсно связана съ гимнастикой. Преимущественно употреблялась она въ орхестикѣ и вмѣстѣ съ нею, основою которой, какъ говоритъ Іегеръ, была гимнастика, душою же — опредѣленная мысль или опредѣленное чувство, а живительнымъ воздухомъ—музыка. Греку присуще было свойство, обнаруживать то, что въ немъ жило, и слѣдовательно проявлять движеніемъ и игрою всего тѣла возбужденный внутри міръ звуковъ и ощущеній. „Въ орхестикѣ музыка, съ одной стороны чувственно оживляетъ духовный элементъ, а съ другой она вызываетъ скрытый въ соотвѣтственныхъ гимнастическихъ движеніяхъ духовнознаменательный смыслъ къ свободной дѣятельности, такъ что онъ одушевляетъ и охватываетъ всего человѣка и дѣлаетъ его со всѣмъ бытіемъ и со всею его жизнью непосредственнымъ выраженіемъ того чисто духовнаго идеальнаго элемента. Оттого-то, чѣмъ гимнастичнѣе и музыкальнѣе было какое-либо эллинское племя, тѣмъ болѣе развитою и болѣе совершенною орхестикою и мимикою обладало оно“. Музыка и орхестика были дѣломъ всѣхъ греческихъ государствъ, — общею, всѣ ихъ обнимавшею связью: греческія области одолжали другъ друга своими музыкальными хорами, и самымъ доблестнымъ считалось вообще государство, обладавшее лучшими хорами.

Какъ музыка служитъ обликомъ прекрасно возбужденной души, такъ точно и поэзія представляетъ ликъ объективнаго міра въ гармоническомъ единствѣ. Поэзія изображаетъ всю жизнь природы и человѣка въ ясномъ просвѣтленіи идеею. Поэзія есть цвѣтъ внутренней гармоніи всего человѣка; она самымъ духовнымъ изъ матеріаловъ, словомъ, возстановляетъ оживленные наитіемъ идеальности первообразы всяческаго бытія. Оттого-то она была основною стихіею греческаго духа и его эстетическаго воспитанія. Страбонъ говоритъ: „Древніе считали поэтическія творенія за первоначальную философію, вводящую молодыхъ людей въ жизнь и обучающую ихъ безсознательнымъ, пріятнымъ образомъ нравамъ, страстямъ и подвигамъ; да и по словамъ нашихъ фило-

софовъ, одинъ лишь поэтъ мудръ; потому-то въ эллинскихъ городахъ дѣтей съ измала уже заставляютъ изучать стихотворенія, не съ тѣмъ однако, чтобы пріятно занимать ихъ, а съ тѣмъ чтобы внушить имъ нравственное образованіе; оттого и музыканты, играющіе на киѳарѣ, флейтѣ и лирѣ, именуются также воспитателями и нравообразователями, а Гомеръ пѣвцовъ называетъ мудрецами". Попреимуществу-же и прежде всего эпосъ долженъ былъ питать и воодушевлять пластическій характеръ, такъ какъ онъ изображаетъ проявленіе свѣтлаго дня жизни народа, поэтическую исторію его въ такую пору, когда эта поэтическая жизнь сама еще вечернею зарею отсвѣчиваетъ въ настоящемъ; притомъ, пользуясь пѣвцомъ, лишь какъ сподручнымъ для него сосудомъ, эпосъ съ спокойною ясностью и полною объективностью воспроизводитъ въ сознаніи всеобщее созерцаніе и ощущеніе народа. Потому-то Иліада и Одиссея и были истинно эллинскими національными стихотвореніями; и въ самомъ дѣлѣ, они съ эпическимъ спокойствіемъ передаютъ торжество греческаго духа, сознавшаго свое собственное свѣжее и ясное развитіе, постигаютъ греческую жизнь въ ея идеальности и изображаютъ эту жизнь въ вѣчномъ и божественномъ значеніи ея. У гимнастическихъ Дорійцевъ выступаетъ собственно гимнастическій родъ поэзіи, лирика, гармонически образующая внутренняго человѣка, оттого что, выражая въ стихахъ внутреннее настроеніе и высказывая все, что потрясаетъ душу, она просвѣтляетъ чувство и возвышаетъ сердце. Пѣснь и жизнь пѣсни, народное пѣснопѣніе, составляли самую глубь жизни и сущности Грека; въ пѣснѣ своей онъ воспѣвалъ все высокое и дивное. Оттого-то греческая лирика и была музыкальная и орхестическая, и существо ея развернулось въ пѣснѣ, акомпаниментѣ, пляскѣ и мимикѣ. Съ появленіемъ такихъ поэтически-музыкальныхъ произведеній была уже положена основа къ созданію высшаго поэтическаго продукта, драмы; возникши изъ хорового пѣнія на діонисіяхъ, она органически связала воедино ясную обстоятельность іонійской объективной эпики съ глубокою полнотой дорійской субъективной лирики, и выступила въ цвѣтущую эпоху Греціи какъ проявленіе нравственной идеи именно тамъ, гдѣ исчезло догматическое созерцаніе, и мѣсто его заняла мужески-зрѣлая, этическая эпоха въ Элладѣ. Драма — высшій и прекраснѣйшій продуктъ Греціи, въ которомъ слилась воедино вся ея духовная жизнь и который достигъ своей законченности въ высшемъ греческомъ государствѣ въ Аттикѣ. Одно то уже, что Греки вообще въ состояніи были постичь мысль драмы, а потомъ также осуществить эту мысль, свидѣтельствуетъ какъ о высокородности ихъ духа, такъ и о высокой степени культуры ихъ, хотя бы отъ нихъ не сохранилось

до насъ ничего болѣе. Драма была высшимъ воспитательнымъ средствомъ эллинскаго народа, которое своимъ единствомъ и сліяніемъ въ одно цѣлое всѣхъ поэтическихъ элементовъ, своимъ вліяніемъ на гармоничное развитіе и своею нравственною силою освободило все чувственное бытіе отъ его внѣшности и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысило красоту до нравственности, и указало такимъ образомъ греческому духу конечную цѣль его, калокагаѳію.

Чтеніе и пѣніе речитативомъ Гомера вдохнули народу ясное созерцаніе объективнаго міра и образовали въ немъ чувство изящнаго; лирика и пѣснь пріучили его къ благородной сдержанности и къ гармоніи чувствъ; а драма открыла передъ нимъ широкій ходъ историческаго духа, а также законы нравственной жизни, возведенные философіей въ мыслящее сознаніе.

Высшимъ, самымъ чистымъ и идеальнымъ завершеніемъ музыки и всего музоугоднаго образованія Грека была философія. Гимнастика и музыка вмѣстѣ съ поэзіей служили подготовкою для этого высшаго изъ всѣхъ искусствъ: гармонизуя и одухотворяя всю жизнь, соблюдая мѣру въ настроеніи чувствъ и ощущеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ развивая и укрѣпляя силу воли и сознанія, искусства служили основами для философской мысли. Дальнѣйшею приготовительною школою для философіи была математика, сообщавшая и развивавшая последовательное, разсудочное мышленіе. Впрочемъ, въ области музоугоднаго воспитанія математика и сама по себѣ была уже наукою и воспитательною цѣлью, потому что она наука мѣры, къ осуществленію которой стремились въ свою очередь гимнастика, музыка и поэзія. Когда душа изучаетъ соразмѣрность, взятую саму по себѣ, то она обрѣтаетъ самый прозрачный и самый чистый образецъ того, чѣмъ бы слѣдовало ей быть, образецъ умѣренности и самообладанія, гармоніи и свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ также вѣрное мѣрило для познанія внѣшняго міра, такъ какъ и сама природа основана на правильной соразмѣрности. Съ постиженіемъ же этой правильности пробуждается чаянье идеи, уразумѣть которую есть задача философіи. Сама философія эта у Грековъ не отрѣшалась отъ жизни народа. Какъ изреченіе мудрости опиралось на святыхъ оракулахъ, какъ самъ богъ Аполлонъ избралъ семерыхъ типичныхъ мудрецовъ, какъ судъ Амфиктіоновъ Эллады начерталъ свои нравоученія на храмѣ Аполлона въ Дельфахъ, какъ сама даже позднѣйшая философія Пиѳагора и Платона выступила въ національной одеждѣ поэзіи: такъ точно и душою всякой эллинской философіи было трезвое направленіе къ нравственной и государственной жизни; поэтому и характеръ ея во всѣхъ отношеніяхъ былъ воспитательный.

Образованіе для нравственности и для политической жизни, служащей осуществленіемъ нравственности, вмѣстѣ со всестороннимъ развитіемъ индивидуальности, было высшею задачею и конечною цѣлью всякаго гимнастическаго и музоугоднаго воспитанія. Высшею и прекраснѣйшею цѣлью для Грека было осуществить свое собственное бытіе и свою жизнь въ государствѣ, и онъ считалъ безнравственнымъ всякаго, кто не принималъ искренняго и дѣятельнаго участія въ проявленіи государственной идеи. Внѣ государства стояли однѣ только лишенныя всякаго права личности, рабы, необходимое существованіе которыхъ давало свободному человѣку время и досугъ посвятить себя общественной жизни; потому даже Аристотель, сознавая, что греческая демократія основана на рабствѣ и ссылаясь на естественное различіе между Греками и варварами, отстаивалъ рабство. Свободный человѣкъ, въ противность рабу, обязанъ быть дѣятелемъ въ государствѣ, его представителемъ и для него жертвовать собою. Въ общественныхъ собраніяхъ, въ гимназіяхъ, судилищахъ, на площадяхъ:—вотъ гдѣ проводилъ Грекъ свою жизнь; тамъ исчезала всякая рознь сословій; тамъ всякому представлялась возможность сойтись съ знатнѣйшими и образованнѣйшими людьми, слушать ихъ и поучаться у нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выказать на дѣлѣ свое личное образованіе и заявить себя настоящимъ Грекомъ. Сдержанность въ государствѣ, храбрость на войнѣ и праздничныя шествія — вотъ высшіе и крайніе моменты въ нравственной политической жизни. Соучастіе всѣхъ въ правленіи немыслимо безъ самообладанія; потому-то оно и необходимо для осуществленія государственной идеи. Война точно такъ же основана на самообладаніи въ связи съ усвоенною въ гимназіи силой, выдержкой и ловкостью: греческая храбрость отличалась спокойною осмотрительностью. А въ торжественныхъ шествіяхъ, въ этихъ высшихъ празднествахъ греческой жизни, проявлялась пріобрѣтенная гимнастическимъ и музоугоднымъ воспитаніемъ внѣшняя и внутренняя гармонія какъ передъ всѣмъ народомъ, такъ и передъ божествомъ.

Итакъ все эстетическое воспитаніе эллинства имѣло цѣлью гармонію, и потому оно чисто и равномѣрно развивало человѣка со всѣми его способностями. И такъ какъ оно упразднило всякую противоположность между исключительно чувственными и исключительно духовными дѣятельностями и способностями человѣка, то и является идеаломъ для всѣхъ временъ, хотя оно отнюдь еще не безусловный и не единственно непреложный идеалъ воспитанія. Не говоря уже о томъ, что эллинское воспитаніе обращало менѣе вниманія на научную сторону, что̀ коренилось уже въ данномъ отъ природы свойствѣ античныхъ житейскихъ отношеній и образовательныхъ условій, — но эстетическая

идея не обнимаетъ вѣдь въ сущности всего духа; вслѣдствіе чего основанное на этой идеѣ воспитаніе не обращаетъ надлежащаго вниманія ни на полезность, ни особенно на законченное развитіе высшей изъ всѣхъ идей, нравственной и религіозной; ибо Грекъ не вѣдалъ никакой нравственности внѣ предѣловъ политическаго цѣлаго и никакого высшаго религіознаго созерцанія помимо эстетическихъ идеаловъ. Да и самую эстетическую идею греческо постигло не въ настоящемъ ея совершенствѣ, оттого что вознеслось къ ней лишь непосредственно надъ чувственностью. Гармонія, въ которой коренилось для него все, была не добытый свободно плодъ сознанія, а просто лишь отъ природы данная способность. Эта гармонія была не продуктъ свободнаго познанія и самоопредѣленія, а „счастливый, инстинктивнымъ чаяньемъ схваченный фактъ“. Красота Грека была подобна нравственной красотѣ ребенка или юноши: но вѣдь зрѣлый человѣкъ овладѣваетъ прочными благами и достигаетъ истинно прекрасной нравственности лишь тогда, когда онъ вновь уподобится ребенку, т. е. когда все данное ему отъ Бога онъ сознательно разработаетъ въ себѣ.

Греческое воспитаніе, согласно вообще съ исторіей народа, расчленяется на дѣтскій возрастъ богатырской эпохи, на періодъ юности, когда совершается собственно образованіе государствъ и само воспитаніе развивается систематично, на зрѣлый возрастъ, когда красота нравовъ претворяется въ помыслы истины, добра и красоты, и на старческій періодъ, когда прекрасная нравственность исчезаетъ изъ общественной жизни и единичная личность замыкается въ самой себѣ, дабы хоть здѣсь насладиться тѣмъ, чего не въ состояніи болѣе дать ему общественная жизнь.

---

1) ДѢТСТВО ГРЕЦІИ.

12.

Законъ порожденія и развитія одинаковъ какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, въ жизни какъ единичнаго человѣка, такъ и народа. Позднѣйшій народъ имѣетъ свою основу въ предшествовавшемъ ему, но созрѣвъ до своего самостоятельнаго бытія, онъ разрываетъ эту связь, съ тѣмъ чтобы выйти на путь своего собственнаго и своеобразнаго развитія. Такъ было и въ Греціи.

Начатки греческой культуры встрѣчаются у финикійскихъ Пеласговъ, переселившихся въ 19-мъ столѣтіи до Р.

Х. изъ Египта въ Грецію. Духъ эллинскаго народа, выходя за предѣлы предположенной ему изначальной основы своего бытія, мало по малу развивался изъ естественныхъ воззрѣній древнихъ Пеласговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовывалъ естественныхъ боговъ пеласгической эпохи въ духовно-нравственныя силы. Пеласгическій духъ признавалъ землю великою всематерью, воздвигая ей свои алтари, принося жертвы и внимая ея оракуламъ: Гея во всей Греціи имѣла свои жертвенники, а изъ дѣтей ея, титановъ, гигантовъ, киклоповъ, кентавровъ и проч. самымъ знаменитымъ былъ Прометей—вѣрный символъ народнаго духа въ первобытную эпоху Греціи, порывающагося изъ-подъ гнета естественныхъ силъ выйти на путь примиренія и общаго лада, но и противясь притомъ проявлявшемуся уже тогда высшему строю жизни.

Въ титаническую эпоху—во время совершившихся въ процессѣ броженія и съ потугами родовъ Грека — послѣдній не является еще настоящимъ Грекомъ, и такъ какъ онъ еще самъ не свой, то и находится пока въ разладѣ съ самимъ собою. Этотъ разладъ въ богатырскую эпоху исподоволь разрѣшается примиреніемъ. Длившаяся отъ 14-го и до 9-го вѣка передъ Р. Х. эпоха эта была переходною ступенью отъ чуждаго начала къ самобытному складу греческой индивидуальности: это былъ младенческій возрастъ гречества. Характеръ этой эпохи отличался крайней тревожностью, обильною приключеніями, богатырскою, предпріимчивою жизнью. Критскія сказанія, походъ Аргонавтовъ, ѳивскіе миѳы, Троянская война были вершинными точками этой эпохи и началами ея крайне измѣнчиваго движенія; слѣдствіемъ этого является олицетворенный образъ греческаго богатыря и законченный обликъ его, Ираклъ:—это добровольнымъ подвигомъ и борьбою достигнутое, духовно-нравственное торжество человѣческой жизни, это высшая тѣлесная сила въ гармоніи съ высшимъ духовнымъ развитіемъ, мощная въ бою, слуга добродѣтели, покорная богамъ, посвятившая себя благу человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ полная человѣческихъ увлеченій въ припадкахъ бѣшенства и сладострастія. Къ переселенію Ираклидовъ, какъ потомковъ Иракла, въ Пелопоннесъ и къ связанному съ нимъ основанію дорійскихъ государствъ примыкаетъ потомъ свободное олицетвореніе религіознаго идеала въ прекрасномъ циклѣ боговъ олимпійскихъ; въ немъ Зевсъ съ своей супругою Гѐрой составляетъ средоточіе и связующее звено; а это всеобщее божеское существо расчленяется въ свою очередь такъ, что Аполлонъ съ дѣвственно-строгой сестрою Артемидою являются представителями всеобщей индивидуальности эллинскаго народнаго духа въ его строгомъ величіи и душевной чистотѣ (въ основѣ дорической жизни), тогда какъ Гестія, Деметра, Гефестъ и Паллада-Аѳина выступаютъ

божественными геніями особыхъ бытовыхъ сферъ народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ Арей, Афродита съ Харитами и Діонисъ (послѣдній какъ болѣе нѣжная красота въ іоническомъ духѣ) являются въ качествѣ божескихъ представителей индивидуальной единичной жизни, и наконецъ Посейдонъ, Гадесъ съ Персефоною и Гермесъ принадлежатъ къ особой области природы и къ подземному царству преисподней.

Такова миѳотворная духовная жизнь гречества въ богатырскую эпоху. — Въ сферѣ нравственной жизни Грекъ во времена догомерическія изъ дикаго естественнаго состоянія развился до нравственности. Мощные и доблестные мужи отгоняли возвращавшееся то и дѣло варварство и устроивали общественный бытъ, преодолѣвая разныя бѣды, грозившія и со стороны природы и со стороны безурядной еще общественности. Но и въ мощныхъ натурахъ также преобладала еще страсть къ чудесному и чрезвычайному, и жизнь ихъ ознаменовалась настолько же преступленіями, насколько и великими дѣлами. Однако въ легко воспламенимой душѣ Грековъ укоренились уже любовь и признательность къ благотворителямъ.

При этомъ обнаруживаются также и первые слѣды воспитанія. Даже у боговъ были свои пѣстуны, хотя воспитаніе это и не идетъ далѣе понятія о кормленіи и холѣ тѣла, такъ какъ духовная жизнь бога, какъ представителя всеобщей первичной силы, тотчасъ же по рожденіи проявляется уже въ спеціальной его дѣятельности. Аполлонъ младенцемъ уже натягиваетъ лукъ, а Гермесъ въ пеленкахъ еще обнаруживаетъ свою хитрость, воруя у Аполлона быковъ. Однако Тельхиновъ все-таки считаютъ пѣстунами Посейдона, и въ особенности нимфамъ горъ и источниковъ поручалось пещись о воспитаніи боговъ. Нимфы вскормили и выростили Пана. Нимфы мыли также въ роднйкѣ юнаго Гермеса.—Боги, вслѣдствіе совершенства своего, первые наставники людей, и подъ ихъ руководствомъ воспитанные ими дѣлаются также совершенными. Деметра считается кормилицей и воспитательницей юнаго Триптолема, Аполлонъ и Гермесъ чтились какъ наставники человѣческаго рода, а Гермесу, Ираклу и Эроту были посвящены греческія гимназіи.—Изъ того, что сами боги воспитывались, явствуетъ уже, что въ богатырскую эпоху воспитаніе считалось чѣмъ-то необходимымъ для совершенства жизни; а изъ того, что ученіе исходитъ отъ боговъ и стоитъ подъ покровомъ божества, видно, что воспитаніе и ученіе прямо слыли чѣмъ-то божественнымъ.— Само воспитаніе въ догомерическую эпоху было чисто практичнымъ. Оно главнѣйше имѣло цѣлью человѣка дѣла, который въ борьбѣ съ другими былъ бы въ состояніи постоять за себя и за свою семью: это перенималъ и этому

научался сынъ отъ отца, внукъ отъ сына. Отъ женщины требовались лишь нравственное поведеніе и нѣкоторыя пригодныя въ домашнемъ быту сноровки. Впрочемъ почти все воспитаніе того времени сосредоточилось въ высшихъ слояхъ общества, въ пышныхъ чертогахъ князей, искони достигшихъ господства, благодаря громадному имуществу и личной доблести, и пользовавшихся потомъ уваженіемъ ради своего происхожденія отъ сильныхъ, храбрыхъ и доблестныхъ мужей; ибо всѣ держались той вѣры, что чѣмъ выше родители, тѣмъ славнѣе должны быть ихъ дѣти, и что какъ хорошія, такъ и дурныя свойства отца проявляются также въ его законномъ сынѣ. Семейная жизнь отличалась патріархальнымъ характеромъ. Земледѣліе и скотоводство, охота и мореплаваніе, вотъ занятія, къ которымъ пріучались мужщины. Нравственными основами какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ были честь, правдивость и отвращеніе отъ всякаго позорнаго поступка, хотя понятія эти и не выражались въ твердыхъ нормахъ. Гостепріимство было добродѣтелью благороднаго мужа, а страхъ къ богамъ служилъ религіозною основою какъ въ семьѣ, такъ и въ общинѣ. Духовное образованіе—какъ говоритъ Крамеръ—состояло скорѣе въ живомъ, на поэзіи и музыкѣ основанномъ воспроизведеніи миѳологическихъ и богатырскихъ стихотвореній, и въ величавомъ созерцаніи совокупной жизни и дѣятельности, нежели въ разлагающемъ элементаризмѣ прозаическаго направленія. Символомъ всякаго обученія и воспитанія является Хиронъ, правдивѣйшій изъ кентавровъ, который, въ образѣ получеловѣка и полулошади, представлялъ развивающееся изъ животнаго состоянія человѣчество. Онъ совмѣщаетъ въ себѣ всю мудрость богатырской эпохи; онъ воспитатель всѣхъ героевъ,—Язона, Махаона, Подалирія, Нестора, Тезея, Паламеда, Одиссея, Энея, Діомеда, Кастора и Полидевка, Асклепія и особенно Ахилла, котораго вскормилъ львинымъ мозгомъ, дабы вселить въ него львиную силу, и обучалъ въ наукахъ и искусствахъ. Въ качествѣ предметовъ преподаванія Хирона приводятся охотничьи и ратныя упражненія, знаніе травъ и врачевство, пѣніе и музыка, искусство прорицанія и преимущественно право и законные поступки; онъ же, какъ говорятъ, давалъ наставленія касательно святости клятвы, мщенія боговъ и средствъ умилостивить ихъ.

Замкомъ и завершеніемъ духовнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитанія въ богатырскій періодъ была гомерическая эпоха. Жизнь стала уже мягче и отраднѣе. Образъ правленія вышелъ монархическій: царь былъ вождемъ на войнѣ и верховнымъ судьею; онъ совершалъ жертвоприношенія богамъ и распоряжался религіозными празднествами. Поэтическое всемогущество представляетъ въ царѣ первообразъ человѣческой силы въ сочета-

ніи съ изяществомъ, — прекрасный станъ, необычайную богатырскую мощь, разумъ и опытность, божественное происхожденіе. Народъ обязанъ былъ чтить его и повиноваться ему. Царь совѣщался съ знатными, отличавшимися родомъ, богатствомъ и тѣлесною силою; если же хотѣлъ обезпечить за собою согласіе и содѣйствіе народа, то излагалъ дѣло въ собраніи гражданъ, хотя и свободныхъ, но вообще лишенныхъ всякой самостоятельности въ отношеніи къ царю. Право было основано на обычаѣ и производилось отъ Зевса, какъ высшаго источника. Боги вообще были верховодцами человѣческихъ судебъ, правителями міра, изобрѣтателями и учителями искусствъ и ремеслъ; у нихъ Грекъ богатырской эпохи жертвоприношеніями и молитвой въ храмахъ и рощахъ, на горахъ и у взморья испрашивалъ себѣ долгую жизнь, благословеніе семьей, удачу въ предпріятіяхъ всякаго рода. Правдивость, благоволеніе къ иноземцамъ, краснорѣчіе, благоразуміе и храбрость были самыми главными добродѣтелями, хотя морскіе разбои и грабежи по городамъ, какъ проявленія силы и хитрости, не считались позорными. Различіе между добромъ и зломъ еще не установилось въ сознаніи; но въ чаяніяхъ естественной нравственности вмѣстѣ съ понятіемъ о судьбѣ, располагающей не только людьми, но и богами возникли нравственное чувство стыда и сдержанность. Народъ жилъ въ селеніяхъ въ разбросъ, а князья въ высокихъ чертогахъ. Рабы исполняли всѣ низшія работы. Чужестранцевъ охранялъ страхъ передъ богами, карающими за злодѣйства. Герольды находились подъ охраною народнаго права, а бѣглецы подъ покровительствомъ Зевса. Частная жизнь была полна благородной гуманности, ясности и повалнаго уюта. Отношенія между мужемъ, женою и дѣтьми отличались нѣжностью и искренностью. Существо женщины дышало глубокою задушевностью, вѣрною любовью къ супругу и дѣтямъ, разумною женственностью въ словахъ и на дѣлѣ. Закономъ признавалась одна лишь хозяйка-жена, хотя соитіе съ рабынями не вмѣнялось въ позоръ мужу. Жена была соучастницею и подругой мужа, она облагораживала и счастливила семейную жизнь. Но отношеніе между женою и мужемъ колебалось еще между крайностями, такъ что съ одной стороны мужъ нисколько не уважалъ брачныхъ условій, а съ другой жена — благодаря вліянію ея красоты, ея, ума, ея прекраснымъ способностямъ и пр. — пользовалась самымъ нѣжнымъ обхожденьемъ со стороны мужа. Дѣти воспитывались съ кроткою родительскую любовью; они же въ свою очередь считали своимъ священнѣйшимъ долгомъ чтить родителей и вознаграждать ихъ на старости лѣтъ за всѣ заботы и попеченія о воспитаніи: отсюда жалоба Андромахи на то, что лепечащій младенецъ ея никогда не будетъ опорою отца; отсюда страхъ Телемака передъ проклятіемъ матери и пр. Отцы прежде всего ста-

рались подать собою хорошій примѣръ своимъ дѣтямъ и поднять ихъ до своего уровня. Одиссея: II. 277 и 78:

Мало дѣтей поистинѣ равны отцамъ въ добродѣтели,
Многіе хуже ихъ вышли, и лишь немногіе лучше.

Бездѣтство считалось несчастіемъ и наказаніемъ боговъ. На мѣсто дѣтей усыновляли сиротокъ: о потерѣ отца и матери сильно сокрушались. Мачихи изображались полными ненависти къ сводныиъ дѣтямъ и возгоравшими преступною страстью къ пасынкамъ. Способности дѣтей были даромъ боговъ, и потому каждый долженъ былъ довольствоваться даннымъ ему талантомъ. Въ домахъ знати новорожденныхъ кормили большею частью кормилицы, остававшіяся затѣмъ на всю жизнь въ семьѣ и пользовавшіяся особеннымъ уваженіемъ. Послѣ того мальчикъ воспитывался подъ руководствомъ отца, но главнѣйше подъ любовнымъ попеченіемъ матери или няньки. Дѣтей охотно и часто воспитывали въ одномъ домѣ собща: такъ между прочимъ выросли Патроклъ съ Ахилломъ, Орестъ съ Пиладомъ, и др. Большую важность придавали этическому и религіозному направленію дѣтскаго нрава; въ этомъ отношеніи первымъ долгомъ предписывалось бояться и чтить боговъ. Сами боги были идеалами человѣка вообще, но въ особенности идеалами юношества, и потому непосредственно содѣйствовали развитію религіозно-нравственной жизни: вѣдь боги даже дружились съ людьми, смотря по правдивости и благочестію послѣднихъ. Добродѣтели передавались дѣтямъ въ основанныхъ на опытѣ истинахъ. Пѣніе и музыка также должны были способствовать нравственному развитію, и способъ преподаванія ихъ состоялъ, кажется, въ постепенномъ сообщеніи необходимыхъ техническихъ пріемовъ и въ передачѣ и заучиваніи любимыхъ пѣсенъ и напѣвовъ. Положено было, какъ кажется, начало примѣненію буквеннаго письма — хотя еще грубаго и простого; однако у Гомера вовсе не упоминается еще ни о чтеніи, ни о письмѣ, а также ни о какомъ ровно обученіи тому и другому. Жизнь воспитывала, обучала и всего легче и лучше достигала цѣли воспитанія — а именно силы рѣчи и силы на доблестное дѣло. — Богатырская эпоха стремилась уже къ гармоническому образованію тѣла и души, а слѣдовательно и къ гармоническому примѣненію способовъ воспитанія. Такая цѣль по крайней мѣрѣ имѣлась въ виду у знатнѣйшихъ въ народѣ, тогда какъ толпа не принимала полнаго участія ни въ гимнастическихъ, ни въ музоугодныхъ средствахъ образованія. Впрочемъ согласно съ эпохою, когда въ сущности все зависѣло отъ силы и личной отваги въ бояхъ, и у знати также преобладало тѣлесное воспитаніе. Важнѣйшею подготовкою къ бою была охота, въ которой участвовали даже героическія женщины, затѣмъ стрѣльба изъ лука и метаніе пращой. Къ чисто гимнастическимъ упражненіямъ относились простой бѣгъ въ запу-

ски, борьба, метаніе дискомъ, копьемъ и дротикомъ, наконецъ кулачный бой. Подростокъ подъ надзоромъ старшихъ испытывалъ свои силы на этихъ упражненіяхъ, не пользуясь впрочемъ никакимъ правильнымъ обученіемъ; такимъ образомъ онъ не только укрѣплялъ тѣло, но достигалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайной ловкости. Для этого онъ и стремился по возможности лучше развить себя, и особенно въ одну какую-либо сторону. Такъ между прочимъ Эпей былъ неодолимъ въ кулачномъ бою, но, по его собственному признанію, онъ не очень-то значительный ратникъ; Полипойтъ—первостатейный метатель копьемъ, оттого что болѣе всего упражнялся въ метаніи; одинъ только Одиссей представляется одареннымъ всѣми способностями, — отличнымъ бѣгуномъ, борцомъ, метателемъ диска и стрѣлкомъ изъ лука.

Воспитаніе дѣвицъ имѣло попреимуществу въ виду развитіе благопристойности, благоразумія и красоты, этихъ прелестныхъ свойствъ женщины. Самымъ важнымъ занятіемъ знатнѣйшихъ женъ представляется тканье, ибо въ этомъ искусствѣ отличались не только Елена и Пенелопа, но также и нимфы Калипсо и Киркэ. Онѣ въ то же время поютъ у ткацкаго станка прелестнымъ голосомъ: дѣвы богатырской эпохи упражнялись также въ пѣніи, умѣли играть въ мячъ и—Навсикая — ѣздить на колесницѣ. Сверхъ того жены должны были прясть и вышивать, руководить работами невольницъ и надзирать за ними, стирать и чистить одежду, ухаживать за новорожденными младенцами. Къ этому всему пріучались также и дочери героевъ. Онѣ вполнѣ принадлежали дому, ибо появляться внѣ дома на улицѣ имъ дозволялось лишь въ сопровожденіи служанки, за исключеніемъ развѣ соучастія ихъ въ праздничныхъ хороводахъ. Женское воспитаніе направлено было на жизнь и устройство въ домашнемъ быту. „Такимъ-то образомъ, говоритъ Краузе, согласно съ Гомеровымъ эпосомъ уже въ богатырскую эпоху эллинской дѣвственницѣ указанъ былъ кругъ ея домашнихъ занятій, ея позднѣйшаго удѣла и значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣчающаго всему этому образованія. Отношеніе образованія и домашнихъ занятій, въ какомъ служанка стоитъ къ дочери господина, пока еще во многомъ отличается отъ того же отношенія въ историческую эпоху. И та и другая вмѣстѣ занимаются пряжей и тканьемъ. Дочери помогали даже стирать въ домѣ. Въ то же время онѣ надзирали за прислугою и раздавали ей работу. Молоть зерно, печь и все, что состоитъ въ связи съ этимъ, поручалось однѣмъ лишь служанкамъ. Точно такъ же и обмывать прибывшихъ гостей и чужестранцевъ, а равно прислуживать имъ, хотя въ особенныхъ случаяхъ то же исполнялось и самою дочерью домохозяина“.

Характеристика богатырской эпохи и воспитанія ея принадлежитъ Гомеру, стало быть времени, наступившему уже послѣ греческой первобытной исторіи. Поэтому изъ его эпопей мы узнаемъ богатырскую эпоху лишь постольку, поскольку она отразилась въ позднѣйшее ужь время. Гомеръ вмѣстѣ съ событіями и характерами преданія сливаетъ воедино обычаи и нравы своего времени, и слѣдовательно изображаетъ съ одной стороны жизнь своей эпохи, а съ другой даетъ также нѣкоторое понятіе о дѣятельности героевъ подъ Троей; ибо въ дѣтскій возрастъ человѣчества туго измѣнялись житейскія отношенія народовъ, притомъ же этико-политическія условія Гомеровой эпохи глубоко коренились въ прошломъ и были съ нимъ тѣсно связаны. Но описывая и представляя такимъ образомъ духовную и тѣлесную жизнь греческой дѣтской эпохи вообще, и притомъ съ пластичностью, никогда болѣе недосягаемою, и съ объективностью, доходящею до полнаго упраздненія субъекта, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался однимъ изъ боговъ, которые создали Грековъ, — поэтическимъ глаголомъ Греціи, наставникомъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія Грековъ. Онъ настоящій пророкъ Греціи, постигшій и совмѣстившій въ ясномъ сознаніи и дивной поэзіи все, что жило и должно было жить въ его народѣ. Пѣсни его основаны на самыхъ сокровенныхъ и первичныхъ чувствахъ человѣческой природы,—на любви сына, супруги, любви къ отчизнѣ и къ славѣ. Проникнутые душевнымъ и нравственнымъ благородствомъ, его боги и люди обнаруживаютъ истинную, неподдѣльную природу и естественность, обвѣенную при всемъ томъ высшимъ духомъ и отраженную въ идеальномъ чудномъ зеркалѣ. Въ живыхъ конкретныхъ образахъ, въ живыхъ поэтическихъ идеалахъ указалъ онъ своему народу, чѣмъ ему быть и къ чему стремиться, и указалъ въ такомъ величіи и съ такою настойчивостью, что все это неизгладимо запечатлѣлось въ греческомъ духѣ. Герои его во всемъ своемъ блескѣ предстали передъ изумленнымъ взоромъ Грека; благодаря уваженію и соревнованію, они сдѣлались творцами греческаго духа; точно такъ же и оба главные героя его, Ахиллъ и Одиссей, не что иное какъ идеалы двухъ главныхъ сторонъ греческаго народнаго духа, бурной богатырской силы и велерѣчивой хитрости. Пластика у Гомера заимствовала свои идеалы. На Гомеровой почвѣ и основѣ возникли всѣ послѣдующіе греческіе поэты. Гомеровы пѣсни положили начало греческой религіи,—были источникомъ права и исторіи, поэзіи и науки. Онѣ привѣтствовали отрока на порогѣ его воспитанія и служили главнымъ руководствомъ въ школахъ. Онѣ воспламеняли юношу на благородные помыслы и доблестные подвиги. Для мужа и старца даже были они вѣрными спутниками на радость и усладу. Благодаря Гомеру, для Греціи

на всѣ времена обрѣтена основа, на которой только и можетъ созидаться здоровье духа: искусство и наука. Но то, что именно поэтъ былъ и одинъ могъ быть главнымъ наставникомъ Грецiи: это свидѣтельствуетъ объ историческомъ призванiи самого народа и вмѣстѣ съ тѣмъ непреложно указываетъ на цѣль, къ которой должно было направиться его воспитанiе.

---

2) ЮНОШЕСКIЙ ВОЗРАСТЪ ГРЕКОВЪ.

13.

ПЛЕМЕННЫЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ГРЕЦIИ И ИХЪ ВОСПИТАНIЕ.

Переживъ свое дѣтство и вступивъ въ возрастъ юности, Греки, благодаря лежащимъ въ ихъ основѣ племеннымъ различiямъ, относительно учрежденiй нравственности и вѣрованiй разбились на особыя индивидуальныя группы; но несмотря ни на какiя особенности, ни на различныя степени ихъ умственнаго образованiя, они въ общемъ составѣ своемъ не утратили характера гуманности, этого имъ всѣмъ присущаго свойства, вслѣдствiе чего навсегда отдѣлили Европу отъ Азiи. Какъ самъ народъ, такъ точно расчленяется и воспитанiе его. Смотря по различiю тѣлесныхъ и духовныхъ племенныхъ особенностей придавалось различное также значенiе общимъ способамъ греческаго воспитанiя, и общая цѣль его видоизмѣнялась въ частностяхъ; при всемъ томъ въ Грецiи относительно воспитанiя вездѣ выражался одинъ и тотъ же духъ, и въ разныхъ племенахъ проявлялись наружу лишь разныя стороны все одной и той же греческой индивидуальности. Племенныя индивидуальности выработались и сплотились окончательно въ бурно-рьяный перiодъ, наступившiй въ Грецiи тотчасъ-же послѣ паденiя Трои и раздѣлившiй мало по малу бывшiя прежде довольно однородными между собою племена на три рѣзко разграниченныя группы,—на Дорiйцевъ, Iонiйцевъ и Эолянъ. Съ этихъ поръ и начинается настоящая историческая, самостоятельная жизнь Грецiи.

Дорiйское племя характеризуется подчиненiемъ особи государственному цѣлому. Предметомъ дорiйской жизни — говоритъ Бернгарди — было государство, цѣль дорiйской гуманности коренилась въ расцвѣтѣ богатырскихъ способностей и образованiя, а дѣломъ ея было управленiе и завѣдыванiе дѣлами общины. „Все существованiе Дорiй-

цевъ находилось подъ вліяніемъ государства, аристократичнаго гражданства, члены котораго педагогикою и нравственнымъ тактомъ на каждомъ шагу направлялись по неизмѣнной колеѣ; и благодаря подчиненности, вліяніе которой простиралось не только на общинныя дѣла, но и на личныя отношенія, они поступали съ сильнымъ чувствомъ собственнаго достоинства и возвышенностью характера". Ихъ религія носила на себѣ печать аристократичной дисциплины и „не вѣдала ни поэтической субъективности, ни глубокой задушевности". Религіознымъ началомъ было религіозное чувство, а религія сосредоточивалась въ культѣ Иракла и особенно Аполлона: Аполлонъ дорическому духу одолженъ значеніемъ юношески прекраснаго бога, соблюдавшаго во всемъ мѣру при посредствѣ нравовъ и гармоніи, руководившаго затѣмъ государствами через дельфійское прорицалище, и передъ которымъ благоговѣло богатое собраніе хотя и непышнаго, но величественнаго панегириса. Аполлонъ былъ для Дорійца откровеніемъ таинственной мудрости и внутренней сущности природы и человѣческаго духа. Трезвая, простая и цѣломудренная религіозность обусловливала и строгій тонъ дорійской музыки и важную плясовую поступь. Поэзія была также строго религіозною и вдохновлялась патріотизмомъ: панегирическія хоровыя пѣсни, прославлявшія былыя времена и побѣдоносныхъ борцовъ, религіозные гимны и проч. свидѣтельствуютъ, что дорійскій духъ въ противоположность іонійскому шелъ болѣе въ глубь нежели въ ширь. Дорійская пластика отличалась благороднымъ величіемъ и строгою симметріею. Само́ нарѣчіе было строго опредѣленно, грубовато, подобно характеру людей, заявлявшему себя скорѣе доблестнымъ подвигомъ, нежели словомъ, и оттого выражавшемуся въ короткихъ сильныхъ изреченіяхъ, сентенціяхъ и афоризмахъ. — Но всему этому соотвѣтствовало также и воспитаніе, основанное съ одной стороны на высокочтимой у Дорійцевъ женщинѣ, а съ другой на общественной государственной жизни, тогда какъ средствами служили гимнастика, музыка и орхестика. — Исконнымъ главнымъ представителемъ этого воспитанія, и вообще дорійскаго племени былъ Критъ, гдѣ по преданію со временъ Миноса господствовали уже хорошіе законы и гдѣ дорійскіе поселенцы сохранили еще первобытные нравы и учрежденія. Законы Критянъ — говоритъ Платонъ — у всѣхъ Грековъ пользовались особеннымъ уваженіемъ; на основаніи ихъ Миносъ устроилъ общественныя и частныя отношенія такъ, какъ будто война служитъ конечною цѣлью всей вообще жизни, и они соблюдались съ такою точностью, какъ будто владѣнія, искусства и другіе житейскіе предметы ничего не сто́ятъ, если не одержанъ напередъ верхъ

въ войнѣ, такъ какъ все имущество, всѣ блага побѣжденныхъ тотчасъ-же вѣдь достаются побѣдителямъ. Посредствомъ охоты, бѣга, голода, жажды, зноя и холода старались они подготовить юное поколѣніе къ перенесенію трудностей войны. До 18-го года мальчики принадлежали къ семьѣ; впрочемъ они и прежде уже принимали участіе въ „андрейяхъ", т. е. выборахъ мужей, гдѣ ставился имъ одинъ общій кубокъ на всѣхъ и подавались половинныя порціи, гдѣ старики разсказывали о богатырскихъ подвигахъ храбрыхъ мужей и воспламеняли молодежь къ подобнымъ предпріятіямъ. Мальчики должны были также по напѣвамъ выучивать наизустъ законы и гимны въ честь боговъ, сверхъ того пѣть хвалебныя пѣсни героямъ. Начиная съ 18-тилѣтняго возраста юноши собирались подъ веденьемъ правительства въ агелы, товарищества, гдѣ и ѣли и спали вмѣстѣ. Здѣсь они по своему выбору присоединялись къ какому нибудь юношѣ знатнаго рода или съ отличными дарованіями, подчиняясь такимъ образомъ его отцу, обязанному руководить упражненіями и наблюдать за воспитаніемъ. Тутъ продолжались сверхъ-того и прежде уже начатыя въ гимназіяхъ упражненія въ бѣгѣ, борьбѣ, стрѣльбѣ изъ лука и воинской пляскѣ; молодые люди разныхъ агелъ представляли и исполняли боевыя игры и небольшія битвы, причемъ раздавались звуки лиры и флейты, а боевыми средствами служили кулаки, или же деревянныя и желѣзныя орудія. — Таковы основныя черты доризма и дорійскаго воспитанія, достигшаго въ Спартѣ высшаго своего развитія и отличавшагося въ сущности рѣшительнымъ преобладаніемъ гимнастики.

Противоположность Дорійцамъ представляютъ собою Іонійцы, появившіеся во всей своей чистотѣ и односторонности на плодоносной почвѣ азіатскихъ острововъ и азіатскаго поморья. Между тѣмъ какъ у Дорійцевъ вся жизнь отличалась глубокою задушевностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ стойкостью и постоянствомъ, въ то же время наоборотъ настоящій характеръ Іонійцевъ отличался быстро развивающимся и подвижнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самосознательнымъ и практичнымъ умомъ. Іонійцы — это сангвиники между Греками, представители успѣха и движенія, не дающіе отвердѣть никакой формѣ, а напротивъ, по мѣрѣ собственнаго внутренняго развитія, отвергающіе всякую отсталую уже форму. Одаренные впечатлительнымъ и гармоничнымъ организмомъ и поощряемые своимъ положеніемъ, они, благодаря торговлѣ и промысламъ, рано уже добились высокаго благосостоянія, стало-быть и средствъ удовлетворять присущей имъ наклонности къ прекрасной, чувственно отрадной, но духовно озаренной жизни, и украсить при помощи искусствъ и наукъ свое матеріальное существованіе. Водопроводы, палаты и храмы съ стройны-

ми колоннадами свидѣтельствовали какъ о блескѣ, такъ и о художническомъ вкусѣ городовъ. Здѣсь литература прежде чѣмъ гдѣ либо нашла себѣ ревностную поддержку, и въ пышныхъ, живописныхъ звукахъ, въ обиліи словообразованія и въ чувственномъ богатствѣ діалекта положены здѣсь, при помощи эпоса, первыя основы всей греческой духовной жизни; и впослѣдствіи Милетъ, это средоточіе малоазійскихъ городовъ, далъ первый толчокъ эллинскому самосознанію и дальнѣйшей эллинской культурѣ: въ Милетѣ впервые поднято знамя греческой свободы и духовной жизни; Милетъ первый возсталъ противъ Персовъ; первыми историками и первыми философами были граждане Милета.—Индивидуальная подвижность іонійскаго духа могла развить свою сущность только въ демократической государственной жизни, и отсутствіе въ немъ благоговѣнія и покорности обнаружилось въ постоянной смѣнѣ властей, какимъ подлежали ихъ города. Слившіяся изъ эллинскихъ и варварскихъ элементовъ божества не имѣли никакой политической точки опоры. Главными божествами были мощный богъ моря, Посейдонъ, потрясающій землю, и Аѳина, велемудрая дочь Зевса, изобрѣтательница всякихъ творческихъ сноровокъ и искусствъ какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ. Органомъ религіи была непосредственная вѣра, откровеніемъ которой служилъ многосложный миѳъ,— „эти вольныя мечты по поводу чувственныхъ предметовъ, причемъ всякій въ поученіе себѣ и другимъ объяснялъ чудеса былаго и настоящаго, насколько хватало его творческихъ способностей и воображенія". Строго нравственная жизнь, умѣренность и скромность были чужды Іонійцамъ. Связь съ Востокомъ разстроила у нихъ семейную жизнь, поощряла гетеръ (Аспазія изъ Милета, Миррина изъ Самоса) и принижала женскій полъ въ цѣломъ. Бытъ Іонійцевъ былъ односторонне мужескій: приниженіе женскаго пола коренилось уже въ первоначальной насильственной связи съ враждебно настроенными женами побѣжденныхъ Карійцевъ, и поддерживалось потомъ, благодаря соприкосновенію съ Лидянами, а впослѣдствіи съ Персами и ихъ гаремною системой. Воспитаніе было просто дѣломъ семьи и основывалось на принципѣ личной самостоятельности. Первоначальное воспитаніе находилось въ рукахъ рабовъ. Гимнастика при этомъ рѣшительно устранялась, и ею занимались наконецъ только люди, готовившіеся въ атлеты. Музы напротивъ того заняли первое мѣсто и тѣсно сливались съ жизнью, какъ то доказывается развитіемъ эпоса, образованіемъ философіи, своеобразными ладами и мелодіями музыки и музоугодными талантами гетеръ; музы впрочемъ лишены были религіознаго характера, подъ стать всей іонической жизни онѣ охотно подчинялисьобыденному быту и служили въ рукахъ азіатскихъ артистокъ нѣ-

гѣ и роскоши, точно такъ же какъ пляска и музыка, столь въ началѣ строгія и благочинныя.

Эолійское племя, среди котораго отличаются Өессалійцы, Эолійцы, Лесбійцы и особенно Беоты, по наружнымъ свойствамъ примыкаетъ къ доризму, тогда какъ самыя сокровенныя черты его духа тяготѣютъ къ Іонійцамъ. Эолійцы, говоритъ Бернарди, жили поверхностною жизнью, ихъ нравственный характеръ отличался шаткостью и подлежалъ разладу между чувственностью и духовною силою, ихъ общественная жизнь была подавлена избыткомъ богатой, но не очень-то умѣренной природы: въ постоянномъ раздвоеніи и постоянной односторонности они колебались между веселымъ настроеніемъ Іонійцевъ и зрѣлою трезвостью Дорійцевъ, и не вышли однако на средній путь. Эолійцы, по выраженію Кёхли, были Италіянцами въ средѣ Эллиновъ. Отличительною чертою ихъ духа была пылкая, беззавѣтно ищущая удовлетвореній страсть, не щадящая самой жизни для достиженія цѣли своей любви и ненависти. Къ этой страсти присоединялась еще неукротимая жажда наслажденій. Оттого-то они самое чувственное и самое матеріальное изъ всѣхъ греческихъ племенъ. Государство ихъ состояло изъ блестящаго, но дикаго владычества магнатовъ надъ безправыми рабами и жалкими оброчниками. Правленіе, государственныя имущества, ратное искусство и богатырскія доблести, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образовательныя средства гимнастики и музыки, находились исключительно въ рукахъ дворянства. Жизнь племени какъ внутри, такъ и вовнѣ не выходила изъ предѣловъ посредственности: разрозненные, безсильные внутри, то и дѣло нарушая спокойствіе крамолами и охлократическими смутами, они и вовнѣ также не въ силахъ были подняться до великихъ подвиговъ, даже тогда, когда остальная Греція встала противъ общаго врага за самостоятельность своей жизни. Вообще ихъ укоряютъ въ измѣнѣ и тупоуміи, а знатныхъ въ роскоши и сладострастной жизни среди вѣтренаго общества. Гимнастическія потѣхи, фехтованье, верховая ѣзда, распутные пиры съ попойками и кутежами, также легкія любовныя приключенія: вотъ дворянскія прихоти Эолійцевъ. И для подобныхъ-то потѣхъ, а также ради непоколебимой вѣрности и совокупной борьбы не на животъ, а на смерть (—„священная рать"—), соединялись они въ богатырскія братства. Въ дикихъ разгульныхъ процессіяхъ и ночныхъ оргіяхъ они чтили болѣе всего Діониса, бога вина, подателя веселья; Эрота, бога любви, въ храмахъ и алтаряхъ; но также Музъ и Харитъ, богинь граціи, при „состязаніяхъ въ красотѣ" со стороны обоихъ половъ. Высшее наслажденіе доставляла музыка, отличавшаяся пламенно бурнымъ и тревожнымъ характеромъ, и обрѣтшая „свой матеріалъ въ преобладав-

шихъ пирахъ Діониса и сродныхъ ему боговъ, а свою форму въ восторженной флейтѣ (—подъ этимъ словомъ Греки разумѣли всякіе духовые инструменты за исключеніемъ воинственной трубы—) и сопровождавшихъ ее струнныхъ инструментахъ". Изъ того же живого и пылкаго нрава вышла поэзія одъ, оказавшаяся впрочемъ мимолетнымъ несогрѣвающимъ пламенемъ. Нарѣчіе вообще было бѣдное, расплывчивое и ограниченное; различные говоры лишены были внутренняго единства.—Изъ эолійскаго племени одна только Беотія выступила на короткій срокъ въ первые ряды исторіи, и то лишь тогда, когда ее увлекли за собою Эпаминондъ и Пелопидъ. Живое чувство вообще было свойственно Өиванцамъ. Потому-то у нихъ и могла процвѣтать лирика, и оттого-то самымъ важнымъ образовательнымъ средствомъ молодежи была не гимнастика, къ которой причислялась и пляска, но музыка. Заодно съ лирою обучались еще съ раннихъ отроческихъ лѣтъ игрѣ на флейтѣ. Всеобщее пристрастіе къ пѣснямъ поставило также и женщинъ, вообще пользовавшихся здѣсь большимъ почетомъ, въ весьма пріятное положеніе. Подкидывать дѣтей запрещалось подъ опасеньемъ смертной казни. Сколько бы впрочемъ беотійскіе законы своею гуманностью ни превосходили остальныя государства въ Греціи: но эольское племя все-таки не было въ состояніи возвыситься надъ посредственностью и потому въ исторія оно рѣшительно отошло на задній планъ.—

Эолійцы не были историческимъ народомъ. Изъ дорійскаго племени возвысилась Спарта, съ тѣмъ чтобы государство греческой аристократіи, въ томъ смыслѣ какъ оно коренилось въ дорійскомъ характерѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дорійскій духъ вообще, довести до высшаго расцвѣта. Аттика вышла изъ предѣловъ односторонняго іонизма: благодаря мѣстному положенію, она съ свойственною ей мощью собрала разрозненныя по племенамъ жизненныя стихіи и такимъ образомъ предстала самымъ пышнымъ цвѣтомъ Греціи. Аттики достигли этой высоты, благодаря тому, что они мышленіемъ обуздали іонійскую индивидуальную живость, развивъ притомъ свою личность до художественной объективности, которая, давая полный просторъ любой особи, сдерживала при всемъ томъ своеволіе послѣдней. Подобно тому какъ въ нарѣчіи своемъ они по формѣ примкнули къ Дорійцамъ, а по богатству языка къ Іонійцамъ, создавъ притомъ своими собственными средствами синтаксисъ и фразеологію и соорудивъ на этихъ краеугольныхъ камняхъ не эклектическое, но своеобразное зданіе языка: точно такъ же и въ государственной жизни, и въ искусствѣ они своею безустанною дѣятельностью и своимъ трудолюбіемъ, свѣтлымъ умомъ и глубокимъ чувствомъ мѣры развили все, что было высокаго и прекраснаго въ греческомъ

духѣ, и притомъ до такой полноты и до такого расцвѣта, что Аѳины сдѣлались сборнымъ мѣстомъ эллинскаго могущества и эллинской культуры. И какъ Аттика всѣмъ своимъ бытомъ и всею жизнью служитъ представительницею высшаго единства греческихъ племенъ: точно такъ же и въ воспитаніи ея обнаружилась истинная середина между доризмомъ подчиняющимъ особь вполнѣ идеѣ государства, и Іонійцами предающимися привольной жизни частнаго лица: и въ самомъ дѣлѣ, подъ надзоромъ правительства и общественнаго мнѣнія, она допустила свободное развитіе особей и, сливъ воедино способы воспитанія, на которые Дорійцы обращали вниманіе болѣе съ гимнастической, а Іонійцы съ музоугодной стороны, примѣнила ихъ къ гармоническому развитію души и тѣла.

а) СПАРТА.

14.

ЛИКУРГЪ И ПРІЕМЫ ВОСПИТАНІЯ У СПАРТАНЦЕВЪ.

Лаконія, юговосточная окраина Пелопоннеса, въ 87-мь кв. м. величиною, имѣвшая въ цвѣтущую эпоху 200,000 душъ населенія, съ ея Тайгетомъ и Эвротомъ, съ ея отличными кормовыми травами, многочисленными стадами, обширными лѣсами и прекрасными виноградниками, съ ея расположенной на крайнемъ склонѣ Тайгета и на правомъ берегу близко протекающаго Эврота Спартою,—самой природою призвана сдѣлаться средоточіемъ дорійскаго племени. Страна населилась жителями, духовными основами которыхъ были привязанность, благоговѣніе, чувство собственнаго достоинства, идеальность, стремленіе къ борьбѣ, наклонность къ утайкѣ, твердость, стремленіе сосредоточиться, и характеръ которыхъ поэтому преимущественно былъ направленъ къ единству въ цѣломъ, къ сосредоточенію и внутреннему совокупленію всѣхъ силъ. Эти наклонности породили у нихъ глубокую задушевность, скудость словъ и вѣскій смыслъ рѣчи, уваженіе и крѣпкую привязанность къ обычаямъ и нравамъ отцовъ, также и чувство мѣры и гармоніи во всѣхъ дѣйствіяхъ, а во внѣ и въ правительственномъ строѣ—замкнутость отъ всего чужеземнаго, довольство своимъ достояніемъ, подчиненіе закону цѣлаго,—для сторонняго же наблюдателя—закоснѣлость, упрямство и страсть къ боямъ. Задумчивый отъ природы взоръ Спартанца устремлялся болѣе въ прошедшее, нежели въ будущее. Но онъ все-таки съ отрадой наслаждался жизнью, и высокое чувство самоуваженія придавало ему сознаніе собственнаго значенья, чувство независимости и мощи, не преклонявшейся ни передъ кѣмъ, развѣ передъ божествомъ, и то развѣ лишь въ безмолвной жалобѣ. Такая замкнутость характера породила

сжатый и крутой образъ мыслей и дѣлъ, простоту религіозности, строгій тонъ въ музыкѣ, величавость и стойкую симметрію въ пластикѣ, связность и своеобразную точность въ поэзіи. — Съ такими-то душевными наклонностями и въ сознаніи преобладающей мощи, благодаря которой Дорійцы овладѣли Пелопоннесомъ, Спартанцы считали себя представителями подвига, высшаго мужества; и эта истинная суть ихъ получила свой художественный обликъ въ государственномъ устройствѣ, которое въ Спартѣ и было не что иное, какъ лишь идеальная сущность, вылившаяся изъ души Спартанца въ прекрасную форму дѣйствительности, въ устойчивый образъ. Такое устройство символически представляется дѣломъ единой личности, Ликурга; этотъ Проклидъ—по сказанію миѳа—заимствовалъ свою мудрость въ Критѣ; въ Іоніи онъ собралъ и списалъ пѣсни Гомера, которыхъ до той поры въ Греціи извѣстны были только отдѣльныя рапсодіи, странствовалъ потомъ по Ливіи, Иберіи и Индіи, и наконецъ послѣ десятилѣтняго отсутствія былъ вызванъ обратно въ Спарту, съ тѣмъ чтобы прекратить возникшія такъ смуты и неурядицы. Ободренный со стороны дельфійскаго Аполлона, привѣтствовавшаго его устами Пиѳіи какъ „любимца боговъ, скорѣе въ качествѣ бога нежели человѣка", и указавшаго на него какъ на призваннаго даровать своему народу устройство, превосходящее всѣ остальныя, онъ предпринялъ исправленіе законовъ; исполнивъ свой законодательный трудъ, онъ, подъ предлогомъ, будто для довершенія его учрежденій ему необходимо еще разъ обратиться за совѣтомъ къ дельфійскому богу, обязалъ царей, геронтовъ и всѣхъ гражданъ торжественною клятвою твердо и ненарушимо хранить до его возврата новыя постановленія; затѣмъ онъ отправился въ Дельфы, гдѣ услышалъ отъ Пиѳіи приговоръ, что Спарта пребудетъ великою и сильною, пока будетъ строго блюсти его устройство. Это изреченіе онъ сообщилъ своимъ соотечественникамъ; затѣмъ, уморивъ себя голодомъ, Ликургъ пожертвовалъ жизнью для блага отечества, но приказалъ напередъ сжечь свой трупъ и закинуть пепелъ въ море, дабы бренные останки его не были перенесены въ Спарту и Спартанцы не могли бы считать себя свободными отъ данной ими присяги.

Законы, господствовавшіе въ Спартѣ подъ именемъ Ликурговыхъ,—это одно историческая истина—были изданы имъ лишь въ зародышѣ. Потомъ уже, съ ходомъ исторіи, изъ зародыша — благодаря особенно рѣшительному содѣйствію Эпименида при посредствѣ Хилона — развилось органическое цѣлое. Впрочемъ все равно, сколько-бы изъ этихъ законовъ ни принадлежало самому Ликургу,—онъ во всякомъ случаѣ былъ представителемъ древнедорійскаго уложенія, пробудивъ къ сознанію коренившійся въ народѣ нравъ,

направленный къ гармоничному строю, къ соблюденію мѣры во всемъ и къ боевой доблести, и заставивъ притомъ съ неумолимою послѣдовательностью семью, родъ и индивидуальность померкнуть передъ государственнымъ цѣлымъ; для достиженія своей цѣли онъ самыми тѣсными узами связалъ воспитаніе и обученіе съ государственнымъ устройствомъ, возвелъ первое просто въ навыкъ, поставилъ ему цѣлью образованіе для государства, и все законодательство сдѣлалъ воспитательнымъ уставомъ для націи и юношества.

Государственная власть въ Спартѣ находилась въ рукахъ Дорійцевъ, Спартіатовъ: они были свободными гражданами, воинскою знатью, для которой илоты, государственные рабы, обязаны были воздѣлывать землю и поставлять извѣстную долю съ добытаго хлѣба, вина и пр. въ спартанскіе запасные магазины; тогда какъ періёки владѣли собственными участками небольшихъ размѣровъ, занимались торгомъ и промыслами и пользовались личною свободой, не принимая впрочемъ участія ни въ собраніяхъ Спартіатовъ, ни въ управленіи всѣмъ государствомъ. Спартіаты обучались ратному дѣлу, вели войну и управляли государствомъ. Какъ вообще у Грековъ считалось непристойнымъ и пошлымъ, заниматься обременительными дѣлами, такъ въ особенности и у Спартіатовъ было такое основное правило: „праздность—родная сестра свободы". „Спарта —говоритъ Плутархъ—была для своихъ гражданъ чѣмъ-то въ родѣ стана, въ которомъ они содѣйствовали общему благу, соблюдая въ своихъ дѣлахъ и попущеніяхъ одно коренное правило, что всѣ они принадлежатъ отечеству. Они наслаждались самымъ широкимъ досугомъ, такъ какъ всякій съ трудною безпокойною дѣятельностью сопряженный промыселъ былъ для нихъ излишнимъ. Когда они не были въ походѣ, то время ихъ проходило въ пляскахъ, празднествахъ и бесѣдахъ въ общественныхъ зданіяхъ. Подобно пчеламъ они съ воодушевленіемъ и въ доблестномъ соревнованіи постоянно собирались вокругъ цѣлаго". Спартіаты, знать, господствовали въ Спартѣ; спартанское государственное устройство было устройствомъ этой знати, воспитаніе было воспитаніемъ знати. Въ народныхъ собраніяхъ выбирали они сенаторовъ или состоящій изъ 28 по малой мѣрѣ 60-тилѣтнихъ старцевъ совѣтъ старшинъ, которому поручались правленіе, судъ и расправа, и въ которомъ предсѣдательствовали два божескаго происхожденія царя изъ рода Гераклидовъ. Они избирали также пятерыхъ эфоровъ, въ началѣ обязанныхъ печься о порядкѣ въ городѣ, а впослѣдствіи получившихъ высшую наблюдательную власть надъ общественною жизнью и дѣйствіями чиновниковъ. Законодательство имѣло цѣлью урядить дѣятельность каждой единичной личности по ут-

верженному размѣру и сдѣлать общинное начало неразрывною связью особей. А для того чтобы по возможности удалить каждую личность отъ вліяній извнѣ и всецѣло привязать къ государству, всячески сокращались сношенія съ заграницею. Иноземцамъ возбранялось водворяться надолго въ Спартѣ, а Спартанцамъ поселяться за границей. Вся общественная жизнь была основана на равенствѣ имуществъ. Вся земельная собственность, за исключеніемъ мелкихъ участковъ 30,000 семей періёковъ, была поровну раздѣлена между 9000 спартанскихъ семействъ. Дабы упрочить этотъ раздѣлъ предписывались нераздѣльность и неотчуждаемость. Одинъ лишь (вѣроятно) старшій сынъ наслѣдовалъ отцовское имѣніе; младшіе сыновья отправлялись для заведенія колоній, а дочерей выдавали за мужъ съ скуднымъ приданымъ. При такой общности имуществъ деньги были только средствомъ для сдѣлокъ, и затѣмъ обладаніе ими не имѣло болѣе никакой цѣли: въ обращеніи находилась одна только желѣзная монета, имѣвшая при большомъ вѣсѣ и объемѣ столь низкую цѣнность, что для доставки десяти минъ (241 талера) требовалась двуконная подвода; одинъ лишь городъ обладалъ драгоцѣннымъ металломъ, для того чтобы поддерживать сношенія съ заграницей. Все, что служило роскоши, исчезло: двери въ домахъ должны были дѣлаться при помощи одной только пилы, а потолки при помощи топора. Одежда была простая и короткая: четырехугольный лоскутъ сукна и лѣтомъ и зимою. Голова и ноги у мужчинъ были обыкновенно обнажены: Спартанецъ не стыдился наготы, ибо тѣло его облекалось въ нравственную мощь и художественную красоту, тогда какъ у варваровъ, какъ замѣчаетъ Геродотъ, считалось срамотой показываться голымъ. Чтобы поддержать общинное начало и пробудить общинный духъ, учреждались общіе столы, сисситіи и фидитіи, снабжаемыя запасами отъ илотовъ; за каждымъ столомъ сидѣло по 15 человѣкъ; главное блюдо состояло изъ черной кровяной похлебки, о которой одинъ изъ Спартанцевъ сказалъ какъ-то разъ азіатскому царю, что она по вкусу только тому, кто не упускаетъ приправлять ее упражненіями въ гимназіи и купаньемъ въ Эвротѣ. Участіе въ этихъ общественныхъ обѣдахъ, посѣщаемыхъ одними только мужчинами, было поставлено условіемъ полноправности гражданъ, и даже сами цари, получавшіе двойныя порціи и занимавшіе первыя мѣста за своими столами, не избавлялись отъ этихъ обѣдовъ. Веселость на нихъ поддерживалась умѣреннымъ употребленіемъ вина, и они приправлялись бесѣдами, относившимися попреимуществу къ общественнымъ дѣламъ, но не исключавшими ни шутки, ни смѣха, ибо понимать шутку составляло одно изъ хорошихъ качествъ Спартанца. Вся спартанская государственная жизнь опиралась на преданность единичнаго лица

общему дѣлу, на подчиненіе индивидуальной воли волѣ всего общества. Все государство было единымъ великимъ воспитательнымъ учрежденіемъ, въ которомъ воспитаніе юношества въ особенности составляло одну изъ важнѣйшихъ задачъ, имѣвшую цѣлью поддержать стыдъ и страхъ передъ законами предковъ и передъ старшими, самотверженное повиновеніе правительству и начальникамъ, строгую мѣру и мудрую сдержанность въ дѣлахъ, и наконецъ возбужденіе воинственнаго духа.

Спартанскіе нравы допускали свободное обращеніе между юношами и дѣвицами. Юноши жили на глазахъ у дѣвицъ, боялись ихъ насмѣшекъ, а похвалу съ ихъ стороны считали одною изъ лучшихъ наградъ за доблестные подвиги. Они въ свой чередъ смотрѣли на гимнастическія упражненія полунагихъ дѣвушекъ и любовались ихъ прелестью. Въ торжественныхъ шествіяхъ дѣвицы подобно юношамъ ходили нагія, и распѣвая пѣсни, наслаждались праздничными играми и хороводами. „То что мальчики, такъ же какъ и дѣвочки появлялись нагими и въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ плясали и пѣли передъ взорами собравшихся юношей, — говоритъ Плутархъ — нисколько не казалось непристойнымъ, потому что при этомъ соблюдалось цѣломудріе и изгонялось всякое распутство. Это послужило къ тому, что дѣвушки становились сдержаннѣе въ своемъ обращеніи, пріучались къ пристойнымъ пріемамъ и освоивались съ благородными помыслами, потому что и онѣ также имѣли долю участія въ отличіяхъ и въ ихъ оцѣнкѣ. Впрочемъ сказанныя торжественныя шествія дѣвушекъ, ихъ разоблаченіе и воинскія упражненія въ присутствіи мужской молодежи много способствовали поощренію юношей къ женитьбѣ и къ тому, что въ такомъ случаѣ они руководились не геометрическими доказательствами, какъ выражается Платонъ, но доводами, внушаемыми любовью“. Приблизительно 30-тилѣтній возрастъ считался самымъ пригоднымъ для женитьбы мужчинъ. Молодой человѣкъ могъ жениться лишь на вполнѣ развившейся дѣвушкѣ, находившейся въ цвѣтѣ лѣтъ и отличавшейся здоровымъ сложеніемъ. На царя Архидама наложена была денежная пеня, за то что онъ женился на слишкомъ малорослой женщинѣ, съ которою въ состояніи-де народить развѣ царьковъ, а не царей. Кто вступалъ въ непригодный бракъ, кто женился слишкомъ поздно или совсѣмъ не женился, подлежалъ публичному обвиненію и наказанію. Подготовкой къ браку служили помолвка со стороны отца и похищеніе дѣвицы суженымъ. Эйренамъ предоставлялось, въ случаѣ, когда они питали склонность къ дѣвушкѣ и получили согласіе отца, похитить избранную (—она поступалась своею свободою только ради власти болѣе сильнаго пола—) и отвезти ее къ родственницѣ, которая принимала похищенную, остригала ей волосы, облача-

ла ее въ мужское платье и отводила въ покой, гдѣ дѣвушка въ темнотѣ на цыновкѣ поджидала жениха. Онъ долженъ былъ подкрасться къ ней во мракѣ и ему было бы стыдно, если-бъ увидѣли его при входѣ или при выходѣ. Такія лишь рѣдкія сношенія, имѣвшія въ виду посредствомъ воздержности придать крѣпость браку, избѣжать ослабленія чувственной похоти и производить прекрасныхъ и здоровыхъ дѣтей, часто длились цѣлые годы; иногда у супруговъ было уже по нѣскольку дѣтей, между тѣмъ какъ мужъ не достигъ еще 30-тилѣтняго возраста и не выступилъ изъ воспитательнаго заведенія, такъ что не могъ ввести жену въ домъ своего отца или старшаго брата, а не то и въ свой собственный, и привѣтствовать ее тамъ почетнымъ именемъ „хозяйки". Въ домѣ жена занимала почетное положеніе. Однако и самостоятельность брака даже приносилась въ жертву государственному блеску. Единобрачіе предписывалось закономъ. Прелюбодѣйство подлежало тяжкой карѣ; мало того, оно считалось просто немыслимымъ преступленіемъ. Потому-то Спартанецъ, на вопросъ иноземца, какому наказанію подлежатъ прелюбодѣи, отвѣчалъ прямо: „О чужестранецъ, у насъ нѣтъ прелюбодѣевъ", а на возраженіе иноземца, если-бъ все-таки оказался такой на дѣлѣ: „Въ такомъ случаѣ ему въ наказаніе пришлось бы достать быка такихъ громадныхъ размѣровъ, чтобы онъ могъ черезъ Тайгетъ и черезъ Спарту пить воду изъ Эврота". Какъ же быкъ можетъ сдѣлаться столь громаднымъ? „А какъ же въ Спартѣ кто либо можетъ сдѣлаться прелюбодѣемъ?"—Цѣлью брака было рождать дѣтей. Потому всякому супругу, чувствовавшему себя неспособнымъ къ брачному дѣлу, разрѣшалось предоставить свое мѣсто болѣе юному и болѣе способному на то другу, и Плутархъ говоритъ, что многіе Спартанцы пользовались такимъ позволеніемъ. Не считалось также непристойнымъ, если кто либо изъ мужей предлагалъ своему другу, жена котораго нравилась ему болѣе нежели своя, помѣняться съ нимъ брачными правами. Младшимъ братьямъ, не имѣвшимъ еще средствъ обзавестись своимъ хозяйствомъ, дозволялось пользоваться женою старшаго брата, у котораго они жили. Безплодіе жены расторгало бракъ, и если кто не захотѣлъ бы разлучиться съ безплодною женою, то онъ воленъ былъ взять къ себѣ при ней вторую, и даже третью жену для приплода. Имѣвшій троихъ дѣтей освобождался отъ военной службы, а у кого было ихъ четверо, того увольняли отъ всякихъ податей.

Въ спальнѣ жены, особенно беременной, помѣщались для постояннаго созерцанія изящныя картины и статуи боговъ и героевъ, особливо Аполлона, Гіацинта, Нарцисса, Кастора и Поллукса и др., что должно было способствовать болѣе прекрасному развитію зародыша во чревѣ матери.

Спартанскаго мальчика, рожденнаго зачастую надѣ щитомъ съ приставленнымъ къ нему копьемъ и привѣтствуемаго словами: „Либо съ нимъ, либо на немъ“, тотчасъ-же купали въ винѣ, полагая, что такое купанье могутъ вынести одни только сильныя и здоровыя дѣти, а хворыя должны умереть отъ него. Затѣмъ совѣтъ родовыхъ старшинъ въ общественной совѣщательной палатѣ рѣшалъ судьбу младенца. Здоровому и сильному мальчику тотчасъ-же даровалось гражданское право, а хвораго и слабаго бросали въ пропасть у Тайгета. Государству нужны были одни лишь здоровыя дѣти; въ Спартѣ только и стоило труда воспитывать здоровыхъ дѣтей. До седмого года ребенокъ принадлежалъ матери, и воспитывался ею крѣпкій тѣломъ и здоровый духомъ: вѣдь въ Спартѣ были жены, господствовавшія надъ мужьями, оттого что онѣ—какъ Горгона, супруга Леонида, сказала одной иностранкѣ—способны были рожать мужей. Сначала спартанскія матери сами кормили своихъ дѣтей; но послѣ Персидскихъ войнъ въ болѣе знатныхъ домахъ встрѣчались также кормилицы и няньки (—наемныя женщины изъ сословія періёковъ —), отличавшіяся въ Спартѣ особеннымъ радѣніемъ и умѣньемъ и потому весьма цѣнимыя иноземцами (—кормилица Алкивіада, Амикла, была изъ Лаконіи—). Кормилицы въ Спартѣ каждый годъ справляли особый праздникъ, Тиѳенидію, когда онѣ приносили въ храмѣ Діаны Кориѳалліи порученныхъ ихъ попеченію дѣтей, плясали тамъ и совершали жертвоприношенія. Ребенка не пеленали вовсе, дабы не стѣснять членовъ и не задерживать ихъ естественнаго роста. У ложа ставили лампу, чтобы дитя съ молоду привыкало къ свѣту; его закаляли и предохраняли отъ боязни постами и одиночнымъ пребываніемъ въ темнотѣ. Криковъ по возможности не допускали, ибо Спартанецъ вообще не смѣлъ кричать.

На седмомъ году законные сыновья гражданъ эфорами передавались особо приставленному къ тому воспитателю и руководителю, пайдоному, съ тѣмъ чтобы съ этихъ поръ подчиниться общественному воспитанію, издержки котораго покрывались всѣми свободными гражданами, изъ дохода съ государственныхъ имуществъ и изъ податей періёковъ. Этимъ хотѣли вселить въ знати чувство равенства, а въ молодежи государства—чувство товарищества и солидарности. Въ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, въ общихъ спальняхъ, гимнастическихъ и музыкальныхъ залахъ, воспитывалось все спартанское юношество—по малой мѣрѣ отъ восьми до девяти тысячъ душъ,—и лишь одинъ изъ царскихъ сыновей, имѣвшій впослѣдствіи вступить на престолъ, исключался изъ этого воспитанія, тогда какъ остальные сыновья царей всѣ ему подчинялись; полуграждане допускались къ нему только въ особенныхъ случаяхъ, вѣроятно когда проявляли замѣчательное благонравіе и воинскую доблесть,

а иностранцы только тогда, когда намѣревались водвориться въ Спартѣ: но никому изъ Спартанцевъ не дозволялось воспитываться въ чуждомъ государствѣ. Принятые въ воспитательныя заведенія мальчики разбивались на мелкія группы, илы; изъ нѣскольких илъ составлялась буа, дружина. Старшіе и болѣе способные мальчики назначались въ передовики и надзиратели надъ младшими и слабыми, въ вожаки илъ и буй — илархи и буагоры. Надзиратели были отвѣтственны передъ одними лишь пайдономами. Ни передъ кѣмъ неотвѣтственный пайдономъ наказывалъ мальчиковъ за каждый проступокъ съ поличнымъ, наблюдалъ за нравственнымъ поведеніемъ и тѣлесными упражненіями и назначалъ, какія рѣчи и басни слушать дѣтямъ. Въ распредѣленіи послѣднихъ по разнымъ группамъ и классамъ принимался въ соображеніе возрастъ. До юношескаго возраста проходилось три класса: отъ 7-го до 12-го, отъ 12-го до 15-го, отъ 15-го до 18-го года; отъ юношескаго и до зрѣлаго возраста, до 30-ти лѣтъ, по малой мѣрѣ столько же. Тотчасъ же при вступленіи въ школу, мальчиковъ коротко остригали. Постель ихъ состояла изъ сѣна и соломы безъ одѣяла; а съ пятнадцатилѣтняго возраста изъ тростника, собираемаго ими на берегахъ Эврота безъ помощи ножа. Лѣтомъ и зимой они ходили босыми и легко также одѣтыми — до 12-го года въ исподнемъ платье, узкомъ шерстяномъ кафтанѣ, въ юношескомъ возрастѣ безъ исподняго платья въ плащѣ, состоявшемъ изъ четырехугольнаго небольшого лоскута сукна, который накидывался на лѣвое плечо, проходилъ за спиною подъ правую руку и опять перекидывался черезъ лѣвое плечо. Дабы на случай войны пріучить ихъ къ перенесенію голода, имъ отпускалась лишь скудная и тощая пища; а чтобы освоиться съ мыслью, какъ бы перехитрить врага и лучше изловчиться при этомъ, имъ разрѣшалось красть съѣстное, но съ уговоромъ, чтобы никто не заставалъ ихъ въ кражѣ. Всякій, застигшій мальчика при подобной кражѣ въ домѣ или на полѣ, обязанъ былъ наказать его или заявить о томъ пайдоному, который поручалъ исполнить наказаніе повсюду сопровождавшимъ его биченосцамъ, мастигофорамъ. Въ сущности мальчикъ опозоренъ былъ тѣмъ, что оказался не довольно хитрымъ и осторожнымъ. Его позорило болѣе изобличеніе, нежели бичеваніе, потому что побои считались средствомъ закалять и пріучать къ болямъ. На этотъ конецъ мальчики подвергались бичеванью просто въ видѣ испытанія. Въ годичный праздникъ Артемиды Орѳіи молодыхъ людей бичевали до крови. При этомъ находились родители и уговаривали своихъ дѣтей быть твердыми и терпѣливыми, а послѣднія переносили удары бодрымъ духомъ, и не пикнувъ отъ боли; случалось даже, что иные не проронивъ ни одного звука, умирали подъ ударами мастигофоровъ.

Руководимые илархами и буагорами мальчики проходили гимназическій курсъ подъ надзоромъ бидіэевъ и пайдономовъ. Гимнастическія упражненія въ Спартѣ, какъ главное образовательное средство, рѣшительно занимали первое мѣсто. Дорійцы поддерживали ихъ съ незапамятныхъ временъ, а Ликургъ, одинъ изъ учредителей Олимпійскихъ игръ, урядилъ ихъ законами. Отъ гимнастики не требовалось ни образованія атлетовъ, ни всесторонняго развитія ловкости и красоты. При этомъ главнымъ образомъ имѣлась въ виду одна воинская цѣлесообразность. Упражненія производились въ устроенныхъ, прежде всего въ Спартѣ, гимнастическихъ заведеніяхъ, вѣроятно утромъ передъ завтракомъ и послѣ обѣда передъ ужиномъ, къ тому же въ нагомъ видѣ, а именно съ той поры какъ у Орсиппа свалился поясъ на бѣгу, пока наконецъ незадолго до Платона сочли постыднымъ, даже смѣшнымъ видѣть нагихъ мущинъ. Упражненія главнѣйше состояли въ бѣгѣ, прыганьи, фехтованіи, верховой ѣздѣ, плаваньи, метаньи и охотѣ. У младшихъ мальчиковъ упражненія начинались съ бѣга и прыганья. Вмѣстѣ съ тѣмъ занимались игрою въ мячъ и укрѣпленіемъ рукъ. Въ высшихъ классахъ главными упражненіями были боевыя эволюціи, борьба, метаніе дискомъ и копьемъ. Кулачный бой и панкрація не входили въ гимнастическій курсъ, отчасти для того, чтобы не подвергать опасности жизнь спартанскаго гражданина, то и дѣло отваживаемую въ подобныхъ упражненіяхъ, отчасти чтобы щадить прекрасную форму, которую кулачный бой и панкрація могутъ нечаянно обезобразить.

Рядомъ съ гимнастическими упражненіями шли орхестическія. Главные виды плясокъ, въ которыхъ упражнялись въ Спартѣ, были воинскія. Когда мальчики выучатся ходить подъ звуки киѳары и духовыхъ инструментовъ, ихъ тотчасъ же занимали первоначальною воинской пляской, пиррихомъ, перенесенной въ Спарту Ѳалетомъ изъ Крита и представлявшей, по словамъ Платона, всякія осторожныя увертки съ цѣлью избѣгнуть толчковъ и ударовъ, также движенія, расчитанныя на нападеніе со стороны врага, скачки въ сторону, отступленіе, припаденіе къ землѣ и привскакиванье. Пиррихъ плясали также въ доспѣхахъ и цѣлыми отрядами, причемъ движенія натиска и обороны производились цѣлыми толпами по ритму музыки. Къ этимъ воинскимъ пляскамъ присоединялись также и хороводы, которые служили культу, изображали и представляли миѳическія событія и выражали религіозныя ощущенія. Каждый годъ дѣвицами въ честь Діаны исполнялся каріатійскій танецъ, а вивасиду мальчики и дѣвочки отплясывали вмѣстѣ, припрыгивая и ударяя себя сзади ногами.

Нравственное воспитаніе въ Спартѣ замѣнялось въ сущности музыкальнымъ образованіемъ. Упражненія въ музыкѣ производились съ цѣлью воспламенить духъ мужествомъ и любовью къ отчизнѣ и предохранить отъ распутства. Вмѣстѣ съ тѣмъ музыка служила для прославленія боговъ, какъ то свидѣтельствуютъ богослужебные гимны и ихъ мелодіи: состязанія на Карнейскихъ праздникахъ; богослужебныя пляски во время Гіакинѳій. „Съ тѣмъ же тщаніемъ, — говоритъ Плутархъ — съ какимъ мальчиковъ въ Спартѣ пріучали къ чистотѣ и простотѣ выраженія, обучали ихъ тоже и пѣснямъ и пѣнью, воспламенявшимъ мужество и возбуждавшимъ страстный порывъ къ подвигамъ. Слова пѣсни были естественны и возвышенны, содержаніе ихъ было нравообразовательное. Знаменитый поэтъ и киѳаристъ Терпандръ изъ Лесбоса, вызванный Спартанцами по совѣту оракула и усмирившій внутреннія смуты чарами своихъ пѣсней, говоритъ про Спарту: Гдѣ сверкаетъ копье юношей и раздается звонкая пѣснь, тамъ по стогнамъ всюду господствуетъ право; — Пиндаръ, прославлявшій гимнастическія состязанія, восклицаетъ про Спарту: Тамъ блещутъ мудрость старцевъ и копья молодыхъ людей, пляска и пѣсни и веселье на празднествахъ; — точно также и Алькманъ: Тамъ ударамъ стали вторятъ нѣжные звуки лютни;—въ спартанскомъ войскѣ передъ каждой битвой совершались жертвоприношенія музамъ, съ тѣмъ чтобы напомнить воинамъ ихъ воспитаніе и слова поэтовъ, дабы богини эти, близкія духу борцовъ, вдохновляли ихъ къ достопамятнымъ подвигамъ“. Отроки и юноши пріучались играть на киѳарѣ пѣть хоромъ и въ одиночку. Одобренные цензурой эфоровъ хоралы въ мужественномъ и сдержанномъ дорическомъ тонѣ должны были—какъ замѣчаетъ Дункеръ — вселить въ сердца юношей нравственный зародышъ спартанской жизни, мужество и дисциплину, благородную гордость, презрѣніе къ малодушію и рабству, усердіе къ порядку и подстрекать къ усиліямъ; просодіи (торжественныя пѣсни), пеаны (хвалебныя пѣсни), гипорхемы, хоровыя пѣсни, сопровождавшія движенія пляшущаго хора, походныя пѣсни Тиртея и его боевые и побѣдные напѣвы, къ которымъ пріучали отроковъ, должны были вселять благочестіе и повиновеніе, воинскую самоотверженную отвагу, неодолимую стойкость въ опасности и бѣдѣ. Ликурговы законы, для которыхъ Терпандръ сочинилъ лады, тоже заучивались и распѣвались. Но музыкѣ всегда надлежало быть строгою, мѣрною и сильною. Когда музыкантъ Фринидъ изъ Лесбоса послѣ Персидской войны прибылъ въ Спарту съ девятиструнной киѳарой, то эфоръ Экпрепъ обрѣзалъ у него двѣ струны. Эфоры въ Спартѣ точно также отняли у ученика Фринида, Тимоѳея изъ Милета, одиннадцатиструнную его киѳару и повѣсили ее въ Скіадѣ, музыкальной за-

лѣ на площади. Вообще крѣпко держались какъ дорійскаго лада, такъ точно и семиструнной киѳары Терпандра.

Чтеніе и письмо не входили въ систему спартанскаго воспитанія, хотя никому впрочемъ не возбранялось усвоить себѣ и то и другое. Въ Спартѣ — замѣчаетъ Краузе — находились однако, точно такъ же какъ и въ Аѳинахъ, свои граматисты для мальчиковъ, а книгой для чтенія служили вѣроятно пѣсни Гомера. Остальные же предметы и науки — за исключеніемъ умственнаго счисленія для практическаго употребленія — вовсе не допускались; и хотя послѣ Пелопоннезской войны тамъ и встрѣчались граматики и риторы, во всякомъ случаѣ, правда-ли или вымышлено, а характеристично то, что нѣкто Кефисофъ былъ изгнанъ изъ города, за то что увѣрялъ, будто можетъ въ теченіе цѣлаго дня говорить о какомъ угодно предметѣ. Витійство не допускалось въ Спартѣ. Трагедіи и комедіи были запрещены. Всякое чисто научное и ученое занятіе пользовалось скуднымъ уваженіемъ. Практическое образованіе ума, искусство выражать свои мысли коротко и ясно, живо схватывать суть всякаго дѣла, неуклонно и быстро идти къ цѣли, хитростью и лукавствомъ добиваться предмета стремленій: вотъ чего домогалось солдатское воспитаніе Спартанцевъ, и къ этому-то зрѣлые мужи должны были пріучать юношей и отроковъ, поясняя имъ въ бесѣдахъ, какъ слѣдуетъ понимать дѣла и какъ браться за нихъ, и предлагая имъ вопросы для быстраго рѣшенія. Такой же пошибъ ума любовникъ долженъ былъ возбуждать и блюсти въ своемъ возлюбленномъ, служа ему въ этомъ отношеніи высокимъ образцомъ. Плутархъ: „Они часто водили отроковъ въ свои общія столовыя какъ въ школы мудрости, гдѣ мальчики слушали бесѣды касательно общественныхъ дѣлъ, видѣли передъ собою примѣры достойнаго обращенія, пріучались шутить и насмѣхаться безъ грубости, и въ свою очередь сносить шутки отъ другихъ; ибо понимать шутку тоже было одною изъ спартанскихъ добродѣтелей; впрочемъ, если кто либо оскорблялся этимъ, то ему стоило только заявить, и шутка тотчасъ же прекращалась; всякому входившему старшина указывалъ на дверь, говоря: Отсюда не выносится ни единое слово! За ихъ собственнымъ обѣдомъ напротивъ того старшина товарищества приглашалъ одного изъ мальчиковъ спѣть пѣсню, а другаго отвѣтить на вопросъ, требующій обдуманнаго отвѣта, — именно о нравственномъ значеніи какого либо поступка; такимъ образомъ они рано уже пріучались понимать прекрасное и доблестное, и внимательно и вѣрно судить о поведеніи людей. Если кто-либо затруднялся отвѣтомъ на такіе нраво-и душеобразовательные вопросы, то это считалось знакомъ тупого ума, неспособнаго къ соревнованію въ добрѣ. Отвѣтъ съ его доводами и доказательствами надлежало давать простой и точный. короткій

и безъ обиняковъ; за безсмысленныя рѣчи даже наказывали въ присутствіи родителей и старшинъ. Обращали особенное вниманіе на ясный, простой и рѣшительный способъ выраженія, и любовники настаивали на этомъ по преимуществу. Они пріучали своихъ возлюбленныхъ отроковъ приправлять рѣчи солью ѣдкой, но при всемъ томъ пріятной остроты, и въ немногихъ словахъ высказывать многое. Желѣзной монетѣ Спартанцы придавали незначительную цѣну при всей ея массивности; въ своихъ рѣчахъ напротивъ они въ простыя, немногія слова влагали богатое, глубокое содержаніе, развивая въ мальчикѣ путемъ долгаго молчанія навыкъ къ сжатымъ изреченіямъ и способность къ бойкимъ отвѣтамъ. Когда кто-то изъ Аѳинянъ издѣвался надъ короткими спартанскими мечами и увѣрялъ, что любой фигляръ на сценѣ безъ труда проглотитъ ихъ, то Спартанецъ Агисъ отвѣчалъ ему: Мы все-таки умѣемъ рубить врага этими короткими мечами. Точно такъ же, какъ бы коротка ни была спартанская рѣчь, но она всегда мѣтко попадаетъ въ цѣль и врѣзывается въ душу слушателя. Самъ Ликургъ обладалъ краткою, простою рѣчью; такъ на вопросъ Спартанцевъ, какъ имъ лучше всего предохранить себя отъ нападеній враговъ, онъ отвѣчалъ: Будьте бѣдны, и никто не желай имѣть болѣе другаго; — а на вопросъ касательно укрѣпленія города: Огородите его мужами вмѣсто камней!—На вопросъ, почему Ликургъ издалъ такъ мало законовъ, Харилай отвѣчалъ: Кто употребляетъ мало словъ, тѣмъ не нужно и многихъ законовъ! — Одинъ изъ аѳинскихъ ораторовъ назвалъ Спартанцевъ невѣждами; Плейстонаксъ возразилъ на это: Ты совершенно правъ, изъ всѣхъ Эллиновъ одни только мы не научились отъ васъ никакому злу.—Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, какъ навыкали они, не говорить ничего безполезнаго, ни многорѣчиваго, ни однимъ словомъ не выдавать слабой стороны и не произносить ничего лишняго, не содержащаго въ себѣ достойной разумнаго вниманія мысли; въ этомъ заключалось самое прочное воспитаніе юношества. Но предполагать, будто вслѣдствіе этого развивалось у Спартанцевъ мрачное, суровое настроеніе духа, было бы несправедливо; вѣдь самъ Ликургъ воздвигъ статую богу смѣха, а Пиндаръ въ правѣ былъ назвать Спарту городомъ, „гдѣ вѣчно процвѣтаютъ мудрость старцевъ, сила юности и добрый духъ, пляски, пѣсни и веселье на празднествахъ; а музамъ, богинямъ всѣхъ возможныхъ искусствъ и образованія, приносятся жертвы на счетъ государства“.

Образованіе юношества за общими обѣдами усиливалось еще своеобразнымъ складомъ любви къ отрокамъ. На отроческую любовь смотрѣли въ Спартѣ какъ на одно изъ главныхъ средствъ воспитанія, и Ксенофонтъ говоритъ, что

законодатель съ одной стороны одобрилъ чистую любовь, въ томъ случаѣ, когда благородный мужъ полюбитъ душу отрока и своимъ сношеніемъ съ нимъ образуетъ изъ него безпорочнаго друга, и считалъ такое воспитаніе наилучшимъ, а съ другой стороны онъ назвалъ позорнымъ возжеланіе тѣла мальчика, и достигъ такимъ образомъ того, что въ Лакедемонѣ любовники въ отношеніи своихъ возлюбленныхъ были такъ же воздержны, какъ и родители въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, и братья къ братьямъ. Отношеніе любовниковъ къ возлюбленнымъ восполняло въ Спартѣ недостатокъ родительскаго вліянія, такъ какъ тамъ воспитаніе съ очень раннихъ лѣтъ уже отнималось у семьи. Закономъ любовнику разрѣшались самыя близкія отношенія, всякіе знаки привязанности, и даже самыя тѣсныя соприкосновенія съ возлюбленнымъ, и послѣдній, какъ выражается Эліанъ, не жеманился передъ первымъ; но за растлѣніе наказывался какъ тотъ, кто совершилъ его, такъ и тотъ, кто поддался ему, лишеніемъ чести, изгнаніемъ или смертью.—

На 18-мъ году юноши выходили изъ воспитательныхъ заведеній отроковъ. Съ этихъ поръ и до 20 лѣтъ они прозывались меллейренами, подростками, имъ дозволялось отростить себѣ волосы и бороду, они пріучались главнѣйше къ употребленію оружія и упражнялись въ производствѣ малой войны. „Въ этомъ возрастѣ — говоритъ Ксенофонтъ—иные увольняютъ юношей отъ надзирателей и учителей, и предоставляютъ ихъ на произволъ самимъ себѣ. Но Ликургъ былъ противнаго мнѣнія и возложилъ на юношей самую большую часть работъ и самыя трудныя занятія, ибо зналъ что этотъ возрастъ болѣе всего склоненъ къ наиболѣе пылкому воображенію, къ необузданной заносчивости и бурнымъ страстямъ. Потому-то и предписалъ онъ, чтобы не только общественные надзиратели, но всякій, кому дорого благо государства, старался отклонять молодыхъ людей отъ праздности“. — Молодые Спартанцы отъ 20 до 30 лѣтъ назывались Эйренами, юношами, жили въ особыхъ казармахъ и обязаны были подъ надзоромъ бидіэевъ (—пятерыхъ приставленныхъ къ пайдономамъ младшихъ надзирателей, по одному на каждый округъ города—) заниматься предписанными тѣлесными упражненіями, въ числѣ которыхъ значилась также игра въ мячъ. Лучшіе изъ юношей назначались въ отрядъ 300 всадниковъ, состоявшихъ въ мирное время въ распоряженіи эфоровъ, а на войнѣ сопровождавшихъ, по сту человѣкъ зàразъ, каждаго изъ царей въ походъ.—

Въ чемъ молодежь упражнялась въ гимназіяхъ и чему училась въ музыкѣ, все это въ извѣстные праздники проявлялось всенародно. На Платанистѣ, двумя потоками омываемомъ и платанами осѣненномъ остро-

вѣ, каждый годъ меллейрены давали битву. Во время Карней, главнаго праздника, справляемаго Спартанцами въ честь Аполлона въ августѣ, молодымъ людямъ приходилось во всемъ объемѣ выказать свои музоугодныя, орхестическія и гимнастическія искусства. На отведенной для того площади возлѣ рынка молодежь каждый годъ плясала въ хороводахъ въ честь Аполлона; здѣсь раздавались хоралы Θалета и Алькмана; здѣсь въ присутствіи царя и всего начальства производились гимнастическія игры. „Въ такіе-то торжественные дни хоръ старцевъ пѣлъ бывало: „Мы были нѣкогда мощными мужами!“ а хоръ мужей отвѣчалъ: „Мы и теперь таковы, попытай если хочешь!“ затѣмъ хоръ отроковъ возражалъ: „Мы въ свое время будемъ еще могучѣе!“

Воспитаніе въ Спартѣ было безусловно общественное. Каждый изъ мужей былъ учителемъ отрока; каждый изъ юношей обязанъ былъ въ мужѣ и старцѣ чтить своего наставника. Каждый изъ мужей и старцевъ былъ не только въ правѣ, но и обязанъ наказывать провинившагося отрока и юношу, гдѣ бы ни засталъ его, на улицѣ или въ мѣстахъ для упражненій, и не одними только словами, но даже палкой. Отрокъ или юноша, перечившій старцу, подвергался позору и двойному наказанію. Старость въ Спартѣ вообще пользовалась небывалымъ въ исторіи уваженіемъ. Молодой человѣкъ состоялъ къ старшимъ въ нравственномъ отношеніи покорности, подражанія и уваженья. Младшіе должны были на улицѣ уступать дорогу старшимъ и вставать передъ ними. „Въ одной только Спартѣ и пріятно быть старымъ“, воскликнулъ поэтому одинъ изъ чужестранцевъ, видѣвшій такое благоговѣніе молодежи передъ стариками. „Остальные Греки сознаютъ приличіе, но одни только Спартанцы соблюдаютъ его“ — сказалъ одинъ изъ старцевъ, никѣмъ незамѣченный въ Олимпіи и Аθинахъ, многими осмѣянный, но передъ сѣдинами котораго почтительно вставали Спартанцы.

Желѣзный скипетръ властвовалъ надъ спартанскою молодежью отъ 7 до 20-тилѣтняго возраста. Побои были всеобщимъ наказаніемъ, и любой отрокъ и юноша страшился палки каждаго изъ Спартанцевъ, публичной кары бидіэевъ и пайдономовъ, обходившаго въ качествѣ „главнаго профоса“ съ своими биченосцами улицы и палестры молодыхъ людей. Эфоры сверхъ того каждый десятый день совершали обходъ для осмотра юношества, соотвѣтствуютъ ли предписаніямъ одежда, спальни и становища, сообразны ли съ надлежащимъ развитіемъ наружность и ростъ мальчиковъ, всегда готовые бичевать того, кто сталъ толще и шире, чѣмъ бы слѣдовало быть по положенной мѣрѣ. За всякій проступокъ, за всякое упущеніе, мальчика наказывали палками или бичеваніемъ, ибо Спар-

танцы полагали, что крутыми мѣрами образуются лучшіе люди.

На тридцатомъ году Спартанецъ выходилъ изъ-подъ ферулы. Его выпускали изъ воспитательнаго заведенія, онъ могъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ и числился въ дѣйствительной военной службѣ. Мужчины отъ 45 до 60 лѣтъ подлежали гарнизонной службѣ въ странѣ. Съ 60-ти лѣтъ прекращалась обязанность военной службы, и съ этой поры храброму воину предстояли высшія государственныя должности въ герузіи, совѣтѣ старшинъ и пр. Старцы, достигшіе почестей въ герузіи, дѣлались геронтами; мудрыми совѣтами и испытаннымъ благоразуміемъ они способствовали благу государства: они служили образцами совершенства въ жизни какъ для юношей, такъ и для гражданъ вообще. Но горе Спартанцу, недостигшему цѣли, къ которой стремилось спартанское воспитаніе. Попадавшій въ плѣнъ считался неспособнымъ ни къ какой должности и лишался права располагать своимъ имуществомъ. Обратившійся въ бѣгство лишался всѣхъ правъ гражданства: ему брили полголовы; онъ обязанъ былъ ходить въ заплатанномъ плащѣ, сторониться передъ всѣми на улицѣ, вставать передъ младшими; его исключали изъ сисситій и гимназій, и во время хоровыхъ пѣсень на празднествахъ онъ всенародно выставлялся на позорномъ мѣстѣ. Въ Спартѣ—замѣчаетъ Дункеръ—надо было обладать большимъ запасомъ мужества, чтобы быть трусомъ.

Таково воспитаніе Спартіатовъ. Періёки не входили въ составъ этой системы воспитанія: они существовали единственно для того, чтобы управляться другими, и эфоры пользовались надъ ними столь великою властью, что могли каждаго изъ нихъ предать смерти безъ суда и слѣдствія. Илотамъ же не только воспрещались всякія гимнастическія и воинскія упражненія; но имъ возбранялось даже пѣть пѣсни Терпандра и Алькмана. Сверхъ того надъ ними тяготѣла система полицейскаго надзора и самаго строгаго шпіонства. Когда эфоры осенью вступали въ свою должность, то отправляли нѣсколько сотъ молодыхъ людей на криптію, т. е. на укрывательство, съ тѣмъ чтобы они безъ сопровожденія раба, опоясанные мечемъ и съ ранцемъ на спинѣ, наполненнымъ жизненными припасами, всю зиму бродили по краю, тайно наблюдая за поступками илотовъ; потомъ, по указаніямъ юношей, эфоры поручали имъ напасть изъ-подтишка на опасныя личности и убить ихъ изъ засады. Такая криптія служила вмѣстѣ съ тѣмъ практическимъ воспитательнымъ средствомъ, подготовкой къ войнѣ. На илотовъ вообще смотрѣли какъ на орудія, которыхъ употребляли въ дѣло и на которыхъ упражнялись. Ихъ заставляли иногда пѣть пошлыя пѣсни, отплясывать пошлые

танцы и напиваться до пьяна, для того чтобы благородное юношество исполнялось презрѣнія къ пороку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ рабамъ.

Воспитаніе спартанскихъ женщинъ было также дѣломъ общественнымъ. Дабы женщинъ сдѣлать по возможности способными и пригодными родить отличныхъ дѣтей, что считалось самымъ важнымъ призваніемъ вольнорожденныхъ женъ, дѣвицамъ также предписывался отъ правительства гимнастическій курсъ особаго рода. Распредѣленныя по возрастамъ на разные классы, онѣ, въ нарочно для того отведенныхъ мѣстахъ учились привскакивать и ударять вверхъ пятками, бѣгать, бороться, прыгать, метать дискомъ и копьемъ. Онѣ такъ же какъ и мальчики носили шерстяныя рубахи, только немного подлиннѣе; однако при упражненіяхъ рубахи были все-таки съ разрѣзами на одномъ бедрѣ, почему поэтъ Ивикъ и называетъ ихъ „бедроказками". Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвицы упражнялись въ разныхъ музыкальныхъ напѣвахъ. Въ особые праздники юноши и дѣвицы плясали вмѣстѣ въ хороводахъ и пѣли свои хоралы. Съ открытымъ лицомъ и почти нагія, дѣвицы являлись не только на гимнастическихъ аренахъ и въ торжественныхъ шествіяхъ, но также на рынкѣ, и нерѣдко даже въ сопровожденіи юношей; такимъ образомъ, совершая сильныя мускульныя упражненія, на солнцѣ и чистомъ воздухѣ, онѣ росли крѣпкія и здоровыя, такъ что Аѳинянка у Аристофана при видѣ Спартанки невольно восклицаетъ: „Какъ ты прекрасна, какъ прекрасенъ цвѣтъ твоей кожи, какъ пышно твое тѣло, какія у тебя груди; ты, право, могла бы убить быка"! Несмотря на такое мужественное развитіе, Спартанки въ то же время были привязанными супругами и добрыми хозяйками. Онѣ правда не умѣли ни прясть, ни ткать порядочно; за то умѣли хорошо управлять домомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая себя членами государства, прямодушно и смѣло говорить съ мужчинами объ общественныхъ дѣлахъ. Выходя послѣ замужства изъ дому, только уже не безъ покрывала, въ простой, незатѣйливой одеждѣ, проникнутыя сознаніемъ того, что требуется государствомъ отъ подданныхъ, онѣ оказывали сильное и постоянное вліяніе на сына и мужа. Мнѣніе ихъ уважалось, порицанія ихъ всѣ боялись, похвалы ихъ всѣ домогались. Мысль о женѣ невольно подстрекала мужа, такъ же какъ память о матери—сына ко всему, что считалось доблестнымъ. Спарта рождала женщинъ-героинь, приносившихъ въ храмахъ благодарность богамъ, когда мужья и сыновья ихъ со славой падали въ битвѣ за отчизну; одна изъ такихъ матерей собственноручно убила своего сына, за то что онъ трусомъ воротился съ поля битвы, а другая, Горгона, жена Леонида, передала своему сыну щитъ со словами: „Либо съ нимъ, либо на немъ!" „Если корень здоровъ, то и произведеніе ростетъ лучше", говоритъ Плутархъ, и спрашива-

етъ затѣмъ прямо: „Отчего бы и у людей такъ же не обращать вниманія на отличную породу, какъ у собакъ и лошадей?“

Таково величавое, исполняющее удивленіемъ и уваженіемъ воспитаніе въ Лаконикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и у дорійскаго племени вообще — безусловно деспотическое въ отношеніи къ особи, а все-таки гречески свободное. Требованья его состояли въ безусловномъ подчиненіи индивидуальной воли установленной закономъ волѣ цѣлаго. Передъ свободой цѣлаго умолкала свобода особи, или скорѣе въ свободѣ цѣлаго особь обрѣтала и свою собственную свободу. Спартанское воспитаніе было вѣрнымъ выраженіемъ и оттискомъ спартанскаго характера, а потому оно долго еще было достояніемъ массы, даже тогда, когда сокровища, стекавшіяся въ Спартѣ при посредствѣ и послѣ Лизандра, уже вредно повліяли на настроеніе вожаковъ въ народѣ и когда властители не придерживались болѣе мысли, служившей основою Спартѣ, именно той мысли, что каждый изъ гражданъ обязанъ безусловно и охотно жертвовать своими частными интересами благу государства. Вскорѣ однако весь народъ заразился тою же порчею. Старшіе граждане вмѣстѣ съ царями утопали въ роскоши; развилась страсть къ нарядамъ; сисситіи извратились; женщины предались необузданному распутству. Агисъ IV пытался было вернуть старое время: его планы сокрушились о сопротивленіе старшихъ гражданъ и о своекорыстіе эфоровъ. Клеомену удалось еще разъ возстановить прежнее устройство и вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее строгое воспитаніе, но не надолго. Ахеянинъ Филопоменъ, сознавая, въ чемъ заключалось величіе Спарты, изгналъ изъ нея законы и учрежденія Ликурга и принудилъ Спартанцевъ принять правы и законы Ахеянъ. Наконецъ Римляне разрѣшили вновь Спартанцамъ жить въ духѣ ихъ законовъ. Но духъ народа уже улетучился, и потому законы Ликурга не могли болѣе вдохнуть ему новую жизнь. Тогда, по внутренней необходимости, рушилось и спартанское воспитаніе, установленное, по выраженію Аристотеля, не для гражданъ, а лишь для солдатъ.

15.

ПИѲАГОРЪ, ПЕДАГОГЪ-ТЕОРЕТИКЪ ДОРИЗМА.

Представителемъ дорійскаго воспитанія былъ основатель теоретическаго воспитанія вообще — Пиѳагоръ. Пиѳагоръ былъ Дорійцемъ не по тѣлесному рожденію, — но по духовной природѣ. Онъ былъ Дорійцемъ самого высокаго пошиба. Мало того. Одаренный идеальностью эллинизма и чуткою

наблюдательностью Востока — сочетавъ воедино глубокосозерцательную восточную мистику и прекрасную эллинскую мысль—онъ усвоилъ себѣ умственныя сокровища Индусовъ, Бактрійцевъ и Египтянъ, но все-таки какъ истый Грекъ. У него, какъ у истиннаго мудреца, религія и философія, теорія и практика, мысль и дѣло составляютъ одно неразрывное цѣлое. Собравъ въ себѣ какъ въ фокусѣ все высшее образованіе своей эпохи, этотъ философъ гармоніи міровъ, съ рѣдкимъ знаніемъ, яснымъ взглядомъ и глубоко религіознымъ чувствомъ далеко опередилъ свое время. Онъ высокій проповѣдникъ истины во всемірной исторіи, какъ символически и являлся народу въ качествѣ жреца въ бѣлой рясѣ, съ ниспадающею на грудь бородою, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, строгій, безстрастный, исполненный достоинства и власти. Этотъ проповѣдникъ и философъ былъ въ то же время звѣздою первой величины въ области педагогики; путемъ мудрости и добродѣтели хотѣлъ онъ возвести людей къ блаженству, къ истинной нравственности, и скрытное въ человѣкѣ божественное начало пластично возсоздать изъ самого человѣка, такъ чтобы царство доблестныхъ, гдѣ правителями были бы доблестнѣйшіе, все прониклось гармоніей; будучи самъ пластичною личностью, онъ постоянно твердилъ слова древняго поэта и примѣнялъ ихъ къ дѣлу:

Въ чемъ я ошибся? Что сдѣлалъ?
И что упустилъ еще сдѣлать?

Какъ древность вообще облекаетъ въ миѳы происхожденіе всѣхъ великихъ людей и ведетъ родъ ихъ не только отъ знаменитыхъ родителей, но разсказываетъ даже чудеса по поводу ихъ рожденія, или наконецъ прямо считаетъ ихъ настоящими отпрысками боговъ — какъ бы наглядно тѣмъ намекая, что все великое предуготовано уже до своего появленія въ видимомъ мірѣ и что божество особенно творчески заявляетъ себя въ геніяхъ человѣчества: точно такъ же представляется и жизнь Пиѳагора. Пиѳагора именовали сыномъ Аполлона, и сложилось преданіе, будто отъ Гермеса онъ обладалъ даромъ воспоминанія о своей прежней жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ миѳъ гласитъ, что отецъ Пиѳагора съ беременною женою посѣтилъ оракулъ въ Дельфахъ, гдѣ Пиѳія возвѣстила ему рожденіе сына, который мудростью и красотою вознесется надъ всѣми прочими людьми, и потому-то этотъ сынъ и названъ Пиѳагоромъ, т. е. предвозвѣщеннымъ Пиѳіею. Онъ родился въ 569-мъ г. до Р. Х. въ Самосѣ, гдѣ отецъ его, Мнесархъ на своихъ собственныхъ корабляхъ велъ торгъ съ Финикіей и Сициліей, а сверхъ того занимался, болѣе славы ради, рѣзьбою на камнѣ. Первое образованіе въ молодости, состоявшее въ чтеніи поэтовъ и изученіи музыки, Пиѳагоръ получилъ отъ Самосца Гермодама. Ѳалесъ и Анаксимандръ, особенно же Ферекидъ, также были его учи-

телями: Ферекиду онъ одолженъ столь свойственнымъ ему впослѣдствіи религіознымъ настроеніемъ, тогда какъ Анаксимандръ посвятилъ его въ свои идеи естествовѣдѣнія, а Ѳалесъ не только сообщилъ ему свои познанія, на сколько могъ по старости лѣтъ и ослабѣвшимъ силамъ, но побудилъ его также отправиться въ Египетъ и обратиться въ особенности къ жрецамъ въ Мемфисѣ и Діосполѣ (Ѳивахъ), ибо отъ нихъ самъ Ѳалесъ позаимствовалъ то, что въ глазахъ толпы сдѣлало его мудрецомъ. Однако Пиѳагоръ прежде всего отправился въ Финикію; тамъ въ Сидонѣ сошелся онъ съ жрецами, которые ознакомили его съ древней теоріей естествовѣдѣнья; въ то же время онъ сносился съ другими жрецами и храмовыми старшинами, принимая участіе во всѣхъ важныхъ жреческихъ службахъ. Отсюда уже направился онъ въ Египетъ, гдѣ и прожилъ начиная съ 22-хъ и до 44-хъ лѣтняго своего возраста; исполнивъ всѣ условія для вступленія въ жречество, даже обрѣзаніе, онъ посвятилъ себя жреческой мудрости съ такою настойчивостью и одушевленіемъ, что снискалъ себѣ удивленіе и любовь жрецовъ и допускался ими не только къ соучастію въ ихъ изслѣдованіяхъ, но даже къ отправленію жертвъ. Верховный пророкъ Сонхидъ былъ его учителемъ и надѣлялъ его не только устными научными уроками, но посвятилъ также и въ жреческую литературу, обнимавшую всю область тогдашняго знанія,—теологію, правовѣдѣнье, медицину, астрономію, астрономическія и историческія наблюденія и преданія; изъ всего этого Пиѳагоръ, вмѣстѣ съ наиболѣе точными науками, — астрономіей и математикой, усвоилъ себѣ въ особенности своеобразныя религіозныя воззрѣнія, въ которыхъ заключалась теорія міра и божества, совокупной жизни вселенной, управленія и веденія ея божествомъ и отношеній божества къ человѣческому роду. Такимъ-то образомъ то, что въ теченіе тысячелѣтій было скрыто въ египетскихъ умственныхъ темницахъ, благодаря греческой геніальности появилось въ облагороженномъ видѣ на свѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось духовнымъ достояніемъ позднѣйшаго потомства. —Сверхъ того пребываніе въ Вавилонѣ, сношенія съ халдейскими и персидскими жрецами, и личное знакомство съ самимъ Зороастромъ,—не говоря уже о сношеніяхъ съ чуждыми народностями, какъ напр. съ Индусами и Евреями, — остались конечно не безъ вліянія на Пиѳагора и на умственный кругозоръ его; напротивъ, они еще обогатили его познанія въ астрономіи, математикѣ и естественныхъ наукахъ, измѣнили и преобразовали въ особенности его религіозныя воззрѣнія вслѣдствіе того, что онъ пытался слить воедино египетскія и персидскія богои міросозерцанія; окрѣпнувъ такимъ образомъ умомъ и исполнившись новыхъ идей, онъ наконецъ возвратился въ свое отечество. Здѣсь же, во время его отсутствія, нрав-

ственный строй существенно измѣнился. Нижнеиталійскія и сицилійскія колоніи сдѣлались самою цвѣтущею и самою могучею частью Греціи, тогда какъ малоазійскіе Греки, утративъ вслѣдствіе персидскихъ завоеваній свою самостоятельность, лишились теперь своего бывшаго первенства между Греками. Въ Самосѣ Пиѳагору пришлось бороться съ равнодушіемъ своихъ соотечественниковъ, такъ что число учениковъ его сократилось до одного; потому онъ и обратился въ Нижнюю Италію, а именно въ Кротонъ, расчитывая тамъ на живѣйшее сочувствіе къ наукамъ, тѣмъ болѣе что въ Кротонѣ находилась уже врачебная школа, гдѣ съ особеннымъ рвеніемъ занимались гимнастикой и гдѣ процвѣталъ дорійскій принципъ закаливанья тѣла. Посвященный напередъ въ Критѣ въ религіозныя таинства и ознакомясь въ Спартѣ съ законами Ликурга, онъ приступилъ къ дѣлу уже мужемъ, не только, какъ пишетъ Порфирій, знаменитымъ по своимъ великимъ путешествіямъ, но и богато одареннымъ свыше личными качествами; и точно, онъ отличался статнымъ высокимъ ростомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайною привлекательностью и достоинствомъ въ рѣчахъ и нравѣ, вообще во всѣхъ своихъ пріемахъ. Его прекрасный мужественный станъ, его величавая рѣчь, его нравственный характеръ, а также и многостороннія познанія, религіозный энтузіазмъ, и помимо всѣхъ этихъ преимуществъ, какъ выражается Рётъ, еще то, что онъ былъ иноземцемъ, — съ самаго начала привлекли къ нему въ Кротонѣ много приверженцевъ, почитателей и поклонниковъ. Онъ началъ съ того, что, собравъ молодежъ и выяснивъ предварительно превосходство всего прошлаго, стараго передъ новѣйшимъ, молодымъ, какъ въ природѣ, такъ и въ жизни, какъ во вселенной, такъ и въ государствѣ, какъ у боговъ, такъ и у людей, выставилъ на видъ требующее благоговѣнія достоинство родителей; потомъ онъ обратилъ особенное вниманіе на благодарность, какою мы одолжены имъ, потому уже что они виновники нашей жизни (—ибо какъ бы умершій былъ благодаренъ тому, кто воскресилъ бы его опять—) а сверхъ того и за неусыпныя блага, какія они намъ оказываютъ даже еще до нашего рожденія, такъ что счастіе всей нашей жизни есть въ нѣкоторомъ родѣ дѣло рукъ ихъ, тогда какъ мы сами въ отношеніи къ нимъ не имѣемъ вѣдь ровно никакихъ правъ. Къ этому присовокупилъ онъ еще другія наставленія касательно долга. Онъ увѣщевалъ слушателей обходиться съ друзьями такъ, чтобы они никогда не обращались во враговъ, а съ врагами такъ, чтобы они по возможности скорѣе обратились въ друзей, проявлять въ уваженіи къ старости свои чувства къ отцамъ, а въ человѣколюбіи къ остальнымъ людямъ — свои отношенія къ братьямъ и сестрамъ. Наконецъ онъ вмѣнялъ имъ еще въ обязанность развить свой

умъ. Ибо если мы разумъ признаемъ важнѣйшимъ во всемъ, а между тѣмъ на усвоеніе его себѣ не захотимъ потратить ни времени, ни труда, то это прямо противорѣчитъ одно другому. Тѣлесное развитіе подобно обыденнымъ друзьямъ, скоро намъ измѣняющимъ, а духовное развитіе наоборотъ, какъ истинный другъ, не измѣнитъ намъ до самой смерти, даже за гробомъ даруетъ инымъ неувядающую славу. Знаніе единственное благо, которое мы можемъ заимствовать отъ другаго такъ, что дающій его, самъ отнюдь не обездолитъ себя этимъ. Умственное образованіе даетъ законное и всѣми признаваемое преимущество въ общественныхъ дѣлахъ. На духовномъ развитіи основано превосходство человѣка надъ животнымъ.—Эта рѣчь возбудила въ юношахъ самое живое рвеніе къ добродѣтели и наукамъ. А мѣстный „тысячный“ совѣтъ хвалилъ и благодарилъ за то Пиѳагора и пригласилъ его преподать гражданамъ все, что онъ имѣетъ еще сообщить. Передъ собраніемъ ихъ онъ говорилъ потомъ, что право и обезпеченное преемство государственной власти обусловлены правдивостью въ дѣлѣ управленія ввѣреннымъ благомъ, и что та же самая правдивость поддерживается въ силу міроваго строя и воздаянія по смерти. Потомъ онъ перешелъ къ домашнимъ обязанностямъ и увѣщевалъ мужей, по поводу обращенія съ женами, подругами ихъ жизни, помнить, что всякіе иные договоры скрѣпляются письменными грамотами и скрижалями, а договоръ съ супругой—дѣтьми. Мужья должны снискивать себѣ любовь жены и дѣтей, не въ силу одного только естественнаго чувства, чего не могутъ они вмѣнить себѣ въ заслугу, но въ силу ихъ личной — отцовской — привязанности, ибо только въ такомъ случаѣ это будетъ добрымъ дѣломъ по свободному влеченію. Наконецъ онъ уговорилъ ихъ на твердую рѣшимость, поддерживать брачныя сношенія съ однѣми только законными женами, дабы и онѣ также вслѣдствіе небреженія и несоблюденія долга со стороны мужей не имѣли съ своей стороны повода искажать потомство незаконнорожденными дѣтьми. — Послѣ этого Кротонцы отреклись отъ распутной жизни и покинули своихъ любовницъ.—Пиѳагоръ говорилъ также женамъ въ храмѣ Геры. Рѣчь его начинается прославленіемъ женской кротости, и переходитъ потомъ къ увѣщаніямъ чтить и любить мужей, и любить ихъ даже болѣе, чѣмъ своихъ родителей, не огорчать ихъ противорѣчіемъ, а напротивъ искать своей славы въ разумной уступчивости, и стараться усвоить себѣ прекраснѣйшую жемчужину въ вѣнцѣ женскихъ добродѣтелей, кротость и нѣжность, ибо въ нихъ заключается вся сила женщины. Жена да будетъ жрицей домашняго очага, и да поддержитъ и разовьетъ въ немъ божественное начало своимъ кроткимъ нравомъ и вѣрнымъ исполненіемъ обязанностей въ качествѣ супруги, матери и хозяйки. Изъ объятій мужа жена

можетъ приступить къ алтарю чистая и угодная богамъ; изъ объятій же чуждаго лица — никогда. Потому да обрѣтутъ онѣ въ отношеніи къ мужьямъ своимъ славу той же добродѣтели, какую снискалъ себѣ Одиссей, отказавшись принять безсмертіе изъ рукъ Калипсы, лишь бы остаться вѣрнымъ Пенелопѣ. — Послѣ этой рѣчи ни одна изъ женъ не посмѣла носить своихъ драгоцѣнныхъ платьевъ; потому, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ они и были подарены въ храмъ Геры. И съ той поры кротонскіе мужья славили вѣрность и домовитость своихъ женъ. — Наконецъ Пиѳагоръ удовлетворилъ также еще одному послѣднему предложенію гражданъ и сказалъ слово дѣтямъ въ храмѣ Аполлона. Помните, говорилъ онъ, что дѣти должны быть благонравны и съ раннихъ поръ освоиться съ пристойнымъ поведеніемъ, остерегаться брани и ругательствъ, и избѣгать всего, что могло бы подать поводъ къ соблазну. Чтите какъ собственныхъ родителей вашихъ, такъ и старшихъ вообще, и образуйтесь по ихъ достойнымъ примѣрамъ. Ибо, состарѣвшись, вы сами потребуете, и съ полнымъ притомъ правомъ, почтенія отъ тѣхъ, кто моложе васъ. Чѣмъ сильнѣе дитя любитъ отца и мать, тѣмъ угоднѣе оно Богу и тѣмъ сильнѣе уповаетъ оно, что онъ услышитъ его молитвы.

Эти рѣчи разнесли молву о Пиѳагорѣ по Кротону и по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Не одна только жаждущая знанія молодежь посѣщала его болѣе тѣсную, закрытую школу, но даже взрослые и отчасти люди, занимавшіе высшія государственныя должности, сверхъ того знатные иностранцы, князья и владѣтели сосѣднихъ негреческихъ племенъ, также по вечерамъ стекались на его всенародно произносимыя рѣчи. Вслѣдствіе такихъ естественно сложившихся отношеній приверженцы его съ самаго начала разбились на два кружка. Болѣе тѣсный кружокъ состоялъ изъ настоящихъ учениковъ его, изъ юношей—прозванныхъ математиками и физиками. Другой, болѣе обширный кругъ составляли взрослые, для подробныхъ занятій слишкомъ уже устарѣвшіе и слишкомъ занятые люди, но питавшіе все еще охоту и интересъ къ высшему образованію; имъ передавались нравственныя знанія, и сверхъ того ученіе о безсмертіи души и воздаяніи за гробомъ въ видѣ переселенія душъ.

Пиѳагоръ читалъ свои лекціи въ подаренной ему при разверсткѣ сибаритской области усадьбѣ, гдѣ у него была коллегія, устроенная по образцу египетскихъ и вавилонскихъ жреческихъ школъ; въ средоточіи ея находилось зданіе для преподаванія, — общая аудиторія, а остальное пространство заключало въ себѣ множество жилыхъ и хозяйственныхъ строеній, такъ что Пиѳагоръ могъ тамъ жить, спать и обѣдать вмѣстѣ съ своими учениками. Расходы на

совмѣстное содержаніе покрывались изъ общей кассы, въ которую каждый при поступленіи въ школу вносилъ свое имущество: Пиѳагоръ однако не самъ распоряжался деньгами, онъ только наблюдалъ за этимъ, предоставивъ все самимъ ученикамъ, избиравшимъ на такой конецъ изъ своей среды управителя. Это учрежденіе имѣло цѣлью не только возбудить въ ученикахъ наклонность къ благоустроенному домашнему хозяйству, но внушить имъ также духъ общенія, тѣсно связаннаго сотоварищества и чувство полнѣйшаго равенства между собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранить всякіе сильные поводы къ своекорыстнымъ побужденіямъ и развить чувства взаимнаго единенія и братства. Управленіе школою было вполнѣ осуществленіемъ его мысли. Близкіе сотоварищи должны всѣмъ владѣть собща. Пиѳагорова школа основывалась на гармоніи мысли, чувства и воли, она хотѣла быть великою семьею, опирающеюся на нравственномъ равновѣсіи. Потому-то, принимая въ нее кого либо, онъ поступалъ весьма осмотрительно. Онъ порицалъ даже преподаваніе науки всякому встрѣчному, несмотря на то, способенъ ли или неспособенъ на то послѣдній. Онъ не принималъ никого, не изслѣдовавъ тщательно напередъ голову и лицо вновь поступавшаго. Сверхъ того, онъ старался по пріемамъ и поведенію новичковъ узнать ихъ настроеніе, ихъ душевныя наклонности и умственныя способности. Потомъ онъ собиралъ свѣдѣнія объ ихъ обращеніи съ родителями и родными, наблюдалъ, не слишкомъ ли много смѣются, не черезъ чуръ ли болтливы или молчаливы они, не сердиты ли, не честолюбивы ли, какіе друзья у нихъ, и какъ они къ нимъ относятся, чѣмъ наполняютъ они днемъ свои досуги, что болѣе всего радуетъ или печалитъ ихъ, какова ихъ память, въ состояніи ли они слѣдить за лекціями и какъ должно понимать ихъ, и принимаются ли за ученіе съ любовью и разумно. Весьма важную также роль играло наконецъ дознаніе касательно наклонности къ воспитанію, къ обузданію и повиновенію, потому что неукротимый нравъ не ужился бы съ его школою, ибо ведетъ къ безстыдству, наглости и необузданности, дѣлаетъ человѣка непонятливымъ, непочтительнымъ и строптивымъ. Не довольствуясь этимъ, онъ самый пріемъ въ болѣе тѣсный кружокъ своихъ учениковъ откладывалъ къ концу даваемаго въ школѣ воспитанія, такъ что, если послѣднее не отвѣчало ожиданіямъ (—„не изъ всякаго дерева можно вырѣзать Меркурія“ и „не всякому можно преподавать все безъ разбора“—), то ученикъ, какъ не удостоенный высшей степени, исключался изъ школы; въ такомъ случаѣ—или, если онъ, убоясь трудностей испытанія, самъ желалъ выйти изъ товарищества, — ему возвращали вложенный имъ при поступленіи вносъ въ общую кассу и наросшіе въ теченіе времени проценты, а въ школѣ сооружали ему могильную

насыпь и надгробный камень. Этотъ срокъ воспитанія длился обыкновенно 5 лѣтъ—отъ 12 до 17. Въ первые три года воспитанники подлежали приготовительному обученію. То было временемъ молчанія—временемъ искуса, въ которое особенно надлежало убѣдиться, одарены ли новички самообладаніемъ и твердою памятью, понятливы ли они и въ состояніи ли слѣдить за преподаваніемъ. Но болѣе всего то было временемъ очистки души. На воспитанниковъ обращалось мало вниманія, они обязаны были повиноваться и молчать, дабы исцѣлиться отъ всякой юношеской заносчивости. Они молча слушали лекціи, особенно религіозныя. Они должны были учиться всему, чему ихъ учили, и воздерживаться при этомъ отъ всякихъ вопросовъ, хотя бы даже съ цѣлью выяснить себѣ что-либо непонятное. Они совершенно устранялись отъ личныхъ сношеній съ учителемъ, и даже во время урока ихъ не удостоивали видѣть лицо его, такъ какъ онъ лекціи свои читалъ, отдѣлившись отъ нихъ завѣсою и непосредственно окруживъ себя лишь своими болѣе зрѣлыми учениками.

Когда время искуса, жизнь въ качествѣ экзотериковъ, были выдержаны къ удовольствію Пиѳагора, то наступалъ давно желанный радостный день пріема въ кругъ эзотериковъ, болѣе близкихъ учениковъ. Воспитанникъ признавался совершеннолѣтнимъ, и съ наступленіемъ юношескаго возраста начиналось самостоятельное, опирающееся на собственномъ размышленіи, истинно научное изученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельная разработка и дальнѣйшее развитіе пріобрѣтенныхъ знаній. Воспитаннику дозволялось записывать слышанное, излагать собственныя мысли, говорить о своихъ занятіяхъ и спрашивать поясненій касательно непонятаго.

Преподаваніе въ воспитательномъ заведеніи Пиѳагора, смотря по возрасту, начиналось съ того, что онъ передавалъ юному уму для дальнѣйшей разработки надлежащій умственный матеріалъ, запечатлѣвая его въ памяти въ краткомъ, афористическомъ видѣ, и выходя при этомъ изъ того основного начала, что мы знаемъ лишь настолько, насколько что либо прочно запомнимъ. Умственный матеріалъ состоялъ изъ цѣлаго ряда кратко выраженныхъ, отчасти изумляющихъ своею странностью предложеній, безъ всякаго толкованія, и этимъ подстрекающихъ къ попыткамъ самому разъяснить ихъ. Нѣкоторыя изъ предложеній излагались въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, намекавшихъ частью на какой либо предметъ—напр. „Что такое острова блаженныхъ?“ „Солнце и луна“.—, а частью также на высшую степень какого либо качества, наприм. „Что мудрѣе всего? „Мѣра и число“. „Что прекраснѣе всего“? „Гармонія“. Что всего могучѣе“? „Знаніе“. „Что лучше всего? „Счастье“.—„Починъ, это

половина цѣлаго". „Море есть слеза". „Звонъ металла, это голосъ замкнутаго духа".—Къ такимъ предложеніямъ присоединялись простыя наставленія и поученья, состоявшія отчасти въ краткихъ изреченіяхъ; — напр. „Не раздавай легкомысленно правъ"; „Не пренебрегай вѣсами"; „Не истощай своего сердца". Бо́льшая часть изреченій имѣли въ виду связь съ божественнымъ, и общая цѣль ихъ состояла въ устройствѣ жизни на служеніе и въ подражаніе Богу. Они содержали въ себѣ между прочимъ религіозныя обязанности и нравственныя поученія, напр. „Нелѣпо полагать, что добро истекаетъ изъ какого либо иного источника помимо боговъ; ибо такъ какъ существуетъ Богъ, онъ же и властелинъ вселенной, то само собою разумѣется, что у него и слѣдуетъ испрашивать добро". „Слѣдуетъ вступать въ бракъ и воспитывать дѣтей,—дабы у божества были почитатели и слуги". „Не заглядывай въ храмъ только мимоходомъ, ибо святыней не слѣдуетъ заниматься какъ побочнымъ дѣломъ". „Мудрецъ заранѣе приготовится ко всему, что внѣ его власти". „Покидать Богомъ назначенное намъ мѣсто прежде, чѣмъ онъ разрѣшитъ,—сущее малодушіе". „На трезвости основана сила души". „Тотъ не свободенъ, кто не владѣетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ". „Слѣдуй Богу". „Надлежитъ помогать не снятію бремени, но его подъему; ибо никогда не слѣдуетъ быть причиною уменьшенія человѣческаго труда". — Уставъ обрядовъ и церемоній, предписанія касательно священнодѣйствія, жреческія правила очищенія, постановленія объ одеждѣ и разнаго рода заповѣди насчетъ пищи уряжали жизнь до малѣйшихъ подробностей. Совершать жертвоприношенія и входить въ святилища дозволялось лишь на босу ногу. Утромъ, въ полдень и вечеромъ совершались возліянія и жертвы; послѣднія состояли только въ куреніи ѳиміама, но отнюдь не въ сожженіи животныхъ. Учитель и ученики носили чистую, бѣлую одежду, а именно полотняную, но не шерстяную. Пиѳагоръ хотѣлъ въ себѣ и въ ученикахъ своихъ преодолѣть всѣ внутреннія противорѣчія, достичь внутренней гармоніи во всемъ. Гармонія души состояла по немъ въ добродѣтели, а тѣла—въ здоровьи послѣдняго. Къ гармоніи тѣла принадлежитъ развитіе всѣхъ тѣлесныхъ качествъ, гимнастика, доставляющая человѣку полное господство надъ его тѣломъ. Болѣзнь есть нарушеніе гармоніи тѣла; ее слѣдуетъ устранять надлежащей діэтой, а когда она обнаружится, преодолѣть ее. Потому-то и обращалось особенное вниманіе на цѣлесообразную діэту: отъ легкой пищи и чистой воды зависитъ здоровье тѣла и бодрость духа; излишекъ пищи вредитъ тѣлу, а излишекъ имущества тому, кто надѣленъ дурными наклонностями. Каждый день совершались омовенія въ ключевой или морской водѣ. Ученики болѣе тѣснаго кружка вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ вовсе не ѣли

мяса, и вполнѣ воздерживались отъ вина; они не ѣли мяса не только потому, что животныя сродни человѣку, но также и потому, что думали, будто человѣкъ, который гнушается убивать животное, будетъ тѣмъ еще болѣе гнушаться убійства и кровопролитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и войны, этой нарушительницы всеобщей гармоніи. Остальному кругу учениковъ по временамъ лишь предписывалось воздержаніе отъ мясной пищи; имъ разрѣшалось обыкновенно чистое мясо закалаемыхъ въ жертву животныхъ; однако нѣкоторыя части послѣднихъ, какъ-то мозгъ, сердце и пр., цѣлые классы животныхъ, устрицы, нѣкоторыя рыбы и пр. и разныя растенія, какъ-то: бобы, просвирнякъ и пр., вовсе запрещалось употреблять въ пищу. Эти запреты объяснялись тѣмъ, что все святое, все посвящаемое божеству или назначаемое для священныхъ обрядовъ достойно благоговѣнія, а потому не позволительно употреблять это въ повседневной жизни. Законы касались даже похоронныхъ торжествъ. Покойниковъ облекали, какъ и при жизни ихъ, въ жреческія чистыя, бѣлыя, полотняныя одежды, и укладывали на листья посвященныхъ подземнымъ божествамъ деревъ, — листья мирты, оливы и осокори. Гробомъ служилъ саркофагъ изъ гончарной глины. Тѣло покойника не дозволялось сжигать, его надлежало хоронить въ землѣ, дабы божественная стихія огня не осквернялась останками смертныхъ.

Итакъ, основною мыслью пиѳагорейскаго воспитанія было, какъ справедливо замѣчаетъ Рётъ, впечатлѣть при посредствѣ мудрыхъ изреченій предшествовавшихъ вѣковъ вполнѣ точный, строгій, нравственный образъ мыслей, и притомъ въ національно-эллинскомъ духѣ. Нравственное воспитаніе преобладало надъ научнымъ, практическая философія предшествовала теоретической. И на это нравственное воспитаніе самымъ рѣшительнымъ образомъ налагался религіозный отпечатокъ, ибо бо́льшая часть правилъ воспитанія были не что иное какъ догматы религіознаго свойства, бо́льшая часть предписаній были не что иное какъ религіозные, и притомъ не только нравственно-религіозные законы, но уряжающіе всю жизнь до самой смерти и погребенія обрядные уставы. Пиѳагоръ создалъ разсадникъ благочестія и нравственности, умѣренности, храбрости, порядка, повиновенія начальству и законамъ, дружеской вѣрности и всѣхъ добродѣтелей, составляющихъ сущность истаго и притомъ дорійскаго Грека. Съ помощью религіи онъ хотѣлъ произвести реформу нравственной жизни. Религіозно-нравственныя предписанія его, при посредствѣ точнаго усвоенія и многолѣтнихъ занятій, должны были неизгладимо запечатлѣться въ юношескомъ умѣ. На этой глубоко заложенной религіозной основѣ созидалось все пиѳагорейское воспитаніе.

Въ тѣсной связи съ религіознымъ характеромъ воспита-

нія состоитъ то важное значеніе, какое Пиѳагоръ придавалъ музыкѣ. По немъ высшая цѣль образованія состоитъ въ томъ, чтобы познать предметы въ ихъ сущности и въ ихъ истинныхъ отношеніяхъ, и согласно съ этимъ жить и дѣйствовать: а это и есть сущность музыки. Музыка совмѣщаетъ въ себѣ гармонію вселенной, отражаетъ эту гармонію въ душѣ и наполняетъ ею жизнь. Пиѳагоръ поставилъ музыку во главѣ своего воспитанія и пользовался ею въ обширныхъ размѣрахъ какъ для укрощенія страстей, такъ равно для просвѣтлѣнія и очищенія чувства и нрава; ибо онъ полагалъ, будто при помощи надлежащихъ мелодій и гармоній можно всякому чувству и всякому состоянію души дать противоположное настроеніе, и будто посредствомъ ихъ можно даже исцѣлить душевный недугъ и возстановить тѣлесное здоровье. Вслѣдствіе этого въ школѣ его были пѣсни, оказавшіяся будто бы цѣлительными въ случаяхъ душевныхъ страданій, унынія и угрызеній совѣсти; другія же въ свою очередь употреблялись противъ страстей, противъ огорченія и гнѣва; а иныя служили противъ сластолюбія и похотей. Вечеромъ, отходя ко сну, ученики пѣснями очищались отъ обыденныхъ страстей и унимали въ себѣ такимъ образомъ оставшіяся еще тревоги; а вставая они пѣснями же должны были разгонять ночную дремоту и лѣнь и возбуждать добрую дѣятельность. Пѣніе сопровождалось впрочемъ одними только струнными инструментами, лирою и киѳарой; духовая музыка возбранялась, по причинѣ вызываемыхъ ею страстныхъ волненій. Ибо музыка должна быть всегда успокоивающаго, смягчающаго свойства, такъ чтобы она служила лѣкарствомъ противъ страстныхъ волненій и тревожныхъ состояній души.

Строго-научное развитіе молодымъ умамъ сообщалось математикой. Математика, по Пиѳагору, самая высокая изъ всѣхъ наукъ; число — первый необходимый предметъ всякаго истиннаго ученія; числами обусловливается форма всего созданнаго; вмѣстѣ съ тѣмъ они же служатъ символами для мысли. Число—исходная причина всѣхъ вещей, міозданія, космическихъ движеній, всякаго органическаго явленія. Математика должна была дать воспитанникамъ болѣе строгое техническое умственное образованіе, служащее для пониманія естественныхъ наукъ и особенно астрономіи, а сверхъ того необходимою подготовкою къ высшему отвлеченному мышленью. Какъ высоко Пиѳагоръ вообще цѣнилъ математику и какъ много онъ самъ въ ней трудился, свидѣтельствуютъ совершонныя имъ открытія,—Пиѳагорова теорема, по которой въ прямоугольномъ треугольникѣ квадратъ гипотенузы равенъ квадратамъ катетовъ;—Пиѳагорова таблица, т. е. таблица умноженія, вписанная въ четыреугольникъ,—Пиѳагоровъ канонъ, монохордъ, однострунка для измѣренія музыкальныхъ интерваловъ, къ ко-

торымъ относится трезвучіе, открытое Пиѳагоромъ, когда онъ въ кузницѣ услышалъ удары трехъ случайно созвучныхъ молотовъ, наконецъ Пиѳагорова лира, осьмиструнный инструментъ. Пиѳагоръ пользовался также математикой, особенно числами, символически, для обозначенія предметовъ, придавая первымъ качества и свойства, составляющія просто качества и свойства обозначаемыхъ тѣми числами вещей. Такъ между прочимъ духъ онъ называетъ единицей, потому что онъ не состоитъ изъ многихъ разнородныхъ составныхъ частей, матерію — двоицей, потому что она состоитъ изъ земли и воды или изъ безконечно великаго и безконечно малаго, пространство—числомъ четыре, которое, въ качествѣ хранителя и стража міроваго порядка и карающаго возмездія за его нарушеніе, отмѣчено въ то же время именемъ справедливости. Числа отъ единицы до пяти — единица, двоица и т. д. — означаютъ первичныя начала, божество, четверицу, пять стихій, вообще сущность одушевленныхъ космическихъ первичныхъ составныхъ частей; числами отъ шести до десяти обозначаются символически понятія о формѣ, простыя числовыя отношенія и проч.

Вмѣстѣ съ математическими уроками, къ чтенію древнихъ поэтовъ, а именно гномическихъ, присоединяли грамматическія изслѣдованія и начала логики. Пиѳагору принадлежатъ также ученія о доказательствахъ, объ опредѣленіяхъ и о правильномъ подѣлѣ содержанія.

По окончаніи элементарнаго образованія воспитанникъ посвящался въ кружкѣ ближайшихъ учениковъ въ орфики, учрежденныя по образцу тріэтерскаго культа Діониса и распространенныхъ по всей передней Азіи и Египту мистерій Адониса и Озириса, а именно—въ строгое и мрачное ночное богослуженіе, скорбѣвшее о смерти бога, и въ свѣтлое и радостное дневное, торжествовавшее счастливое воскресеніе его. — Орфики были культомъ умилостивленія, вращавшимся исключительно въ приготовленіяхъ къ загробной жизни и къ пребыванію въ подземномъ царствѣ: т. е. завершенію, къ послѣднему и высшему освященію религіознаго воспитанія. Такъ какъ однѣ только нравственно просвѣщенныя души—достойные сосуды для храненія высшихъ произведеній человѣческой мысли, то съ этихъ поръ лишь приступали къ сообщенію религіозной теоріи „священнаго сказанія“, которая доводила до полнаго разумѣнія кругъ идей, лежавшій въ основѣ всѣхъ священнодѣйствій, и въ которой проводится мысль, что „Есть одна сила, одинъ Богъ, мощная первая причина бытія, источникъ вѣчно движущагося творенія“. „Тѣло божества — вселенная, которую оно животворитъ и одушевляетъ и которая во всемъ съ нимъ схожа“. Одна изъ составныхъ частей первообраза божества есть прежде всего эѳиръ, монада, единица, потому что ему

свойственна полная однородность, онъ духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначало всего, вездѣсущій, ибо наполняетъ собою безпредѣльное пространство—разумъ и воля. Вторая божественная сущность есть первичная матерія, діада, двоица, пассивное, подлежащее вліянію духа начало—съ землянымн частицами смѣшанная вода, подобно густому туману наполняющая безконечное пространство. Третья божественная первостихія—тріада, троица,—безпредѣльный потокъ временъ; а четвертая—тетрада, ананке (т. е. необходимость), хаосъ, сквозь весь земной шаръ проникающее и также извнѣ его окружающее безпредѣльное пространство. Эти четыре божественныя первостихіи суть одно божество, тетрактида, въ качествѣ четверицы, совокупности, совмѣщающее въ себѣ первичный духъ и первичную матерію, безпредѣльное время и безконечное пространство, и породившее землю и дальнее небо, такъ что они изъ невидимаго сдѣлались видимыми въ образѣ яйца вселенной.

«Зевсъ былъ первымъ, и Зевсъ послѣдній, громодержавецъ,
Зевсъ голова, Зевсъ середина, все изъ Зевса возникло,
Зевсъ былъ мужемъ родителемъ, вѣчный Зевесъ также и дѣва,
Зевсъ твердь земли и звѣздообильнаго неба.
Зевсъ дыханье всего, потокъ непрестанно подвижнаго тепла.
Зевсъ источникъ морей, Зевсъ и солнце и мѣсяцъ,
Зевсъ властитель, Зевсъ самъ творецъ мірозданія.
Одна сила, одинъ духъ, мощная первооснова вселенной,
И одно Божье тѣло, въ которомъ вращается все:
Огонь и вода, и земля и эѳиръ, свѣтъ дня и мракъ ночи,
И разумъ, и жизни источникъ, отрадное чувство любви,
Ибо все включено въ мірообъемлющемъ тѣлѣ Зевса».

Такова догматическая часть „священнаго сказанія". Затѣмъ излагаются нравоученія, діатеки, въ видѣ напутствія къ только что посвященному въ орфическое священнодѣйствіе ученику.

«Прежде всего чти безсмертныхъ боговъ, какъ то обычай
Велитъ; клятву строго блюди, чти славныхъ героевъ.
Потомъ родителей чти и всѣхъ родичей близкихъ,
А изъ чужихъ избери себѣ друга, наилучшаго нравомъ.
Все это блюди. Но самъ привыкай укрощать:
Прежде всего твое чрево, похоть и сонъ, а потомъ также
Гнѣвъ. Не предавайся безпутству ни вмѣстѣ съ другими,
Ни же одинъ; ибо пуще всего подобаетъ стыдиться себя самого.
Далѣе, правду блюди и словомъ и дѣломъ,
Отнюдь не чини никакого безумія въ жизни.
Помни, одна только смерть неизбѣжна для всѣхъ,
Земныя же блага мы то обрѣтаемъ, то снова теряемъ.
Смертнымъ ниспосланы скорби по волѣ небесъ,
Ты долю свою воспріявъ, терпи и роптать не дерзай,
Но тщись исцѣлиться, насколько ты можешь, и помни,
Что рокъ не удручаетъ чрезъ мѣру добрыхъ людей.
Много толковъ бываетъ о насъ, то добрыхъ, то нехорошихъ;
Потому ты отнюдь не страшись ихъ, дабы они
Въ поступкахъ тебѣ не мѣшали; а ложные толки сноси
Равнодушно. Но вотъ что скажу тебѣ паче всего:

Да не побудятъ тебя никогда, ни словомъ, ни дѣломъ,
Сказать или сдѣлать такое, чего бы ты самъ не одобрилъ.
Каждое дѣло обдумай, дабы не вышло нелѣпицы,
И ты не раскаялся бъ послѣ въ томъ что совершилъ.
Важно также здоровье тѣла, и ты дорожить имъ обязанъ.
Потому какъ въ пищѣ, питьѣ, такъ и въ тѣлесныхъ движеньяхъ мѣру
Блюди; а настоящая мѣра все то, что никогда не чрезъ силу.
Такъ тѣло покинувъ и въ вольный эѳиръ воспаривъ,
Ты будешь безсмертенъ, не человѣкомъ уже, а богомъ блаженнымъ.

Эзотерикамъ излагались подробнѣе начатыя уже ими отрасли наукъ. Математика считалась основою всѣхъ знаній, и поэтому преподавалась въ видѣ ариѳметики и теоріи чиселъ, въ видѣ геометріи до коническихъ сѣченій, до теоремъ о шарѣ и вписанныхъ въ немъ правильныхъ тѣлахъ. Музыкѣ дано было прочное основаніе въ математически точномъ ученіи объ акустическихъ интервалахъ, въ которомъ послѣдніе опредѣлялись монохордомъ, тогда какъ въ гармоникѣ изучали сочетаніе интерваловъ въ акорды, гармоніи, ихъ послѣдовательность, связь и разложеніе, ихъ сліяніе съ мелодіей, переходы изъ одного рода звуковъ въ другой и пр. Остальныя прикладныя математическія науки, сферика, гномика и оптика вытекали изъ наблюденія надъ небомъ: сферика имѣла предметомъ видимую небесную сферу, ночной звѣздный сводъ съ его суточнымъ обращеніемъ и другими небесными явленіями; гномика служила для опредѣленія движенія солнца при посредствѣ образуемыхъ солнечными лучами тѣней на земной поверхности, а оптика занималась условіями видимости небесныхъ тѣлъ, ихъ кажущихся фигуръ и движеній въ томъ видѣ, какъ они намъ предстаютъ на небѣ, и объясненіемъ ихъ истиннаго свойства по законамъ зрѣнія (—по Пиѳагору лучи зрѣнія исходятъ изъ глаза какъ изъ одной точки и расходятся въ видѣ конуса, обнимая площадь видимаго предмета—). По немъ, слѣдствіемъ движенія звѣздъ была гармонія сферъ; мы не слышимъ ея потому только, что, подобно живущимъ въ кузницѣ, съ самаго рожденія безъ перерыва внимаемъ все тотъ же гулъ, и никогда не бываемъ въ состояніи подмѣтить противоположность его съ тишиною. Какъ всякое быстро движущееся тѣло производитъ звукъ, такъ точно и обращающіяся вокругъ центральнаго огня тѣла небесныя должны издавать рядъ звуковъ, составляющихъ вмѣстѣ октаву или гармонію, ибо высота и глубина этихъ тоновъ соотвѣтствуютъ скорости движенія, а эта въ свою очередь — взаимному разстоянію между отдѣльными свѣтилами, послѣднее же—разстоянію между тонами въ октавѣ. Итакъ семь тоновъ музыкальной скалы Пиѳагоръ перенесъ на семь планетъ и сравнилъ взаимныя разстоянія и промежутки въ небесномъ пространствѣ съ музыкальными интервалами: промежутокъ между землею и луною онъ приравнялъ интервалу цѣлаго тона, между луною и Меркуріемъ—полу-

тона, между Меркуріемъ и Венерой (извѣстной ему подъ видомъ утренней и вечерной звѣзды) — полутона, между Венерой и солнцемъ — полутора тона, между солнцемъ и Марсомъ — одного, между Марсомъ и Юпитеромъ — полутона, между Юпитеромъ и Сатурномъ также, между Юпитеромъ и неподвижными звѣздами—полутора тона. Отъ движенія этихъ сферъ въ такихъ интервалахъ и происходитъ гармонія сферъ. Міроздание, а вмѣстѣ съ тѣмъ и земля и каждый единичный предметъ на ней,—гармонія.

Естествознаніе Пиѳагора исходитъ изъ того представленія, что между божествомъ и міромъ только та разница, что первое безконечно, лишено образа и вѣчно, а послѣдній конеченъ, имѣетъ образъ и начало. Божество постигается и познается непосредственно чувствами по одной существенной его сторонѣ, по безпредѣльности протяженія и пространства. Міръ во всемъ сходенъ съ первичнымъ числомъ. Въ немъ содержатся составныя части божества: духъ, матерія, пространство и время; онъ существо, одаренное одушевленностью и духовностью. Изъ эѳира, сообщающаго вращеніе небесной сферѣ, возникли четыре стихіи—огонь и воздухъ, вода и земля,—существенно сходныя другъ съ другомъ, непрестанно переходящія одна въ другую и такимъ образомъ проникающія все и разлитыя по всему. Крайнія первичныя частички этихъ стихій суть безконечно малыя величины и тѣльца: первичныя частички земли имѣютъ величину и видъ куба, огня—величину и видъ трехгранной пирамиды, воздуха—величину и видъ осьмигранника, воды—величину и видъ двадцатигранника, эѳира—величину и видъ двѣнадцатигранника. Однако міръ не только произошелъ непосредственно изъ божеской субстанціи; онъ и теперь все еще постоянно обрѣтается въ самомъ тѣсномъ живомъ общеніи съ божествомъ и безъ перерыва получаетъ отъ окружающаго его божества субстанцію, необходимую для непрерывнаго созиданія и возникновенія вещей. Наконецъ міръ непосредственно изъ субстанціи самого божества заимствуетъ также разобщеніе на конечно ограниченные единичные предметы; ибо пустота, пространство, разобщающее и отдѣляющее другъ отъ друга единичные предметы въ мірѣ, преобразуя ихъ такимъ образомъ въ числа, единичныя существа, есть нѣчто само по себѣ существующее, это часть божества: пустота изъ безпредѣльности непрерывно проникаетъ сквозь небесный сводъ въ міровую сферу, и такимъ образомъ божество изъ собственнаго своего безпредѣльнаго существа постоянно создаетъ конечность міра и единичныхъ предметовъ. Такъ какъ міръ, возникши изъ субстанціи божества, безъ перерыва вдыхаетъ въ себя вѣчное, такъ какъ онъ одаренъ саможизненностью и самоодушевленностью, то и находится въ непрерывномъ движеніи, подобно самому божеству. Источникъ одушевленности и ума

есть эѳиръ, источникъ жизни тепло. Эѳиръ и тепло проникаютъ всю міровую сферу: эѳиръ,—порождая одушевленныя и разумныя единичныя существа, огонь,—распространяя и поддерживая жизнь вообще. Чѣмъ болѣе и тотъ и другой отдѣляясь отъ божества проникаютъ къ землѣ, тѣмъ болѣе ослабѣваютъ ихъ напряженность, чистота и сила: эѳиръ становится воздухомъ, огонь тепломъ. Горнія пространства по преимуществу наполнены ими, и огонь не только окружаетъ въ видѣ огненной сферы внѣшнюю выпуклость мірового свода, но составляетъ также и внутренность земли. — Какъ все мірозданіе, такъ и земля тоже—шаръ, и притомъ полый шаръ, въ серединѣ котораго находится центральный огонь, занимающій поэтому средоточіе всей міровой сферы; оба полушарія земли отдѣлены другъ отъ друга центральнымъ огнемъ, — это два отдѣльныя міровыя тѣла: земля и ея противень. Вселенная распадается на 3 части: на земную область и атмосферу; на планетную область до свода неподвижныхъ звѣздъ, которая по совершенству своему—краса и прелесть міра; и на горнюю область неподвижныхъ звѣздъ, непосредственную обитель первичнаго божества. Все въ совокупности полно мудраго внутренняго уряда—все это космосъ, великолѣпное мірозданіе.

Между жителями этого одушевленнаго и мудро устроеннаго міра человѣкъ занимаетъ срединное положеніе, ибо боги, духи и герои стоятъ надъ нимъ, а животныя и растенія (—растенія также одарены жизнью—) подъ нимъ. Человѣкъ—небеснаго происхожденія, божескаго рода: онъ принадлежитъ къ духамъ, происшедшимъ при возникновеніи міра отъ эѳира, отъ первичнаго духа, обитавшимъ съ той поры въ небѣ, а теперь осужденнымъ низойти на землю, на покаяніе, и сдѣлаться людьми, съ тѣмъ чтобы, выдержавъ земное странствіе и совершивъ переселеніе душъ, вновь возвратиться въ обитель неба. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа. Духъ лишь послѣ рожденія отъ неба соединился съ тѣломъ; ему одному подобаетъ сознаніе и мышленіе, разумъ, оттого что онъ произошелъ отъ эѳира, отъ первичнаго духа; потому-то по смерти связаннаго съ нимъ тѣла онъ и продолжаетъ существовать, какъ существовалъ еще до земной жизни; тогда какъ присущая тѣлу одушевленность, лишенная разума, возникши вмѣстѣ съ тѣломъ, связана съ послѣднимъ и съ нимъ же умираетъ. Тѣло (—въ этомъ Пиѳагоръ уклоняется отъ доризма—) само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны: душа схоронена въ немъ какъ въ могилѣ въ наказаніе за совершенное до земной жизни преступленіе: тѣло важно лишь потому, что безъ него душа не могла бы воспользоваться необходимыми для познанія чувствами. Жизненной силѣ свойственны чувствованья и желанья — она составляетъ нравъ и способность хотѣнія, которые помѣщаются въ

груди или въ сердцѣ, тогда какъ духъ обрѣтается въ мозгу. Мысли суть выдыханія духа; ощущенія—капли, ниспадающія съ души; дѣятельности чувствъ зависятъ отъ исходящаго изъ мозга въ органы жаркаго лучеиспусканія. Тѣло зарождается отъ сѣмени, которое есть капля мозга. Матка воспринимаетъ эту каплю; изъ послѣдней образуются лимфа и кровь, а изъ той и другой мускулы, жилы и кости; изъ заключеннаго же въ ней теплаго пара развивается одушевленность и ощущеніе. По прошествіи 40 дней осѣвшее въ маткѣ начинаетъ слагаться въ новый плодъ; этотъ плодъ рождается на свѣтъ смотря по условіямъ гармоніи въ 7 или 9 или ужь никакъ не позже 10-ти мѣсяцевъ. Плодъ содержитъ въ себѣ всѣ основныя способности для жизни согласно условіямъ гармоніи, такъ что каждая изъ этихъ способностей развивается по порядку и въ строго опредѣленные сроки. При рожденіи человѣкъ въ высшей степени несовершенъ и отъ природы склоненъ къ невоздержности; продолжающимся въ теченіе всей жизни, непрерывнымъ воспитаніемъ его слѣдуетъ избавить отъ врожденныхъ недостатковъ и возвести до чистоты сердца и нрава. Этому способствуетъ ранняя привычка къ воздержанію въ пищѣ, снѣ и болтовнѣ, къ умѣренности во всѣхъ отношеніяхъ, ко взаимному исправленію при помощи тѣсной дружбы и глубокаго научнаго образованія. Задача человѣка на землѣ состоитъ въ пріобрѣтеніи истиннаго знанія, знанія о предметахъ неизмѣнныхъ и вѣчныхъ по ихъ природѣ. Мудрость не имѣетъ въ виду иной цѣли, какъ путемъ поученій избавить человѣческій духъ отъ рабскаго ига вожделѣній и чувственности, вести его къ богоподобію и сдѣлать достойнымъ вступить со временемъ въ сонмъ боговъ. Какъ для всего вообще, такъ точно и для человѣка цѣль жизни — гармонія. Гармонія сферъ должна отзываться также и въ человѣческомъ духѣ, и съ этою цѣлью человѣкъ обязанъ не только познать самого себя, но стремиться также къ созерцанію небесной красоты и вступить такимъ путемъ во всегдашнее общеніе съ Богомъ.—Когда смерть вновь отрѣшитъ душу отъ тѣла, то она, на видъ схожая съ тѣломъ, проносится по воздуху и, руководимая душесобирателемъ Гермесомъ, прибываетъ въ подземный міръ; отсюда же, очистившись, возносится въ царство свѣта и порядка, въ невидимый міръ, въ Аполлоново небо. Если же она еще не чиста, то на нее богинями мести, эринніями, налагаются новыя нерасторжимыя узы. Оттого весь воздухъ и наполненъ душами и духами, а также чистыми демонами и героями, и они-то насылаютъ сны, предвѣщанія и знаменія, при посредствѣ которыхъ боги руководятъ человѣческою жизнью. — Пиѳагоръ тѣмъ болѣе былъ убѣжденъ

въ такомъ переселеніи душъ, что ему мнилось, будто онъ самъ обрѣтается въ этомъ переходномъ состояніи. Соотечественникъ и современникъ его, Ксенофанъ сообщаетъ переданный ему расказъ, какъ однажды Пиѳагоръ, увидѣвъ мимоходомъ что бьютъ собаку и заслышавъ вой ея, воскликнулъ: „Стой, не бей ея, это душа друга, я узнаю его по голосу.“ Другіе расказываютъ, какъ однажды въ Аргосѣ, замѣтивъ между старымъ добытымъ въ Иліонѣ оружіемъ одинъ щитъ, онъ заплакалъ и объяснялъ свои слезы тѣмъ, что будто онъ древле самъ носилъ этотъ щитъ, когда еще былъ Эвфорбомъ, сыномъ Панѳора, убитымъ въ борьбѣ за Патроклово тѣло Менелаемъ. По осмотру на внутренней сторонѣ круглаго щита, нашли имя Эвфорба. Гераклидъ изъ Пантоса сообщаетъ, что Пиѳагоръ утверждалъ, будто онъ прежде всего былъ Ѳѳалидомъ, герольдомъ Аргонавтовъ, потомъ Эвфорбомъ, затѣмъ Гермотимомъ, наконецъ Пирромъ, рыбакомъ въ Делосѣ, такъ что теперь онъ въ пятый разъ уже странствуетъ по землѣ.—

Пиѳагоръ былъ не столько учителемъ новой мудрости, какъ еще болѣе провозвѣстникомъ новаго богослуженія и новой жизни, въ качествѣ посвященнаго въ тайны неба; и въ эти тайны, въ служеніе чистому Богу, гармоніи, онъ посвящалъ своихъ учениковъ. Для достиженія цѣли,—гармоніи тѣла и гармоническаго настроенія души—они должны были изъ многообразія и развлеченія жизни перейти къ единству и внутреннему покою и согласно съ этимъ урядить свои обыденныя занятія и распредѣленіе часовъ.

Каждое утро совѣщались они о томъ, что надлежитъ сдѣлать въ теченіе дня, а вечеромъ провѣряли, что и какъ сдѣлано. „Въ чемъ погрѣшилъ я, что исполнилъ какъ слѣдуетъ, что упустилъ вопреки долгу?“ Съ восходомъ солнца подымались съ ложа и воздавали царю дня подобающія почести. Потомъ читались въ слухъ мѣста изъ Гомера и другихъ поэтовъ или раздавалась музыка, дабы возбудить духовныя силы и воодушевить человѣка къ высшей святости; затѣмъ по нѣскольку часовъ сряду посвящали научнымъ занятіямъ. Далѣе, послѣ короткаго отдыха, совершали прогулку съ цѣлью благочестивыхъ размышленій и назидательныхъ бесѣдъ. По возвращеніи занимались до обѣда гимнастическими упражненіями. Наступавшій за этимъ обѣдъ состоялъ изъ хлѣба, меда и воды. Послѣобѣденное время назначалось для общественныхъ и домашнихъ дѣлъ, для взаимнаго обмѣна мыслей, для купанья, для богослуженія и самоиспытанія. Они жили въ тѣсной дружбѣ между собою. Старшіе воспитанники обращались съ младшими любовно и дружески, а младшіе покорялись распоряженіямъ старшихъ. Основою ихъ совмѣстной жизни, какъ и жизни вселенной, были высшее согласіе, задушевное единство и чи-

стѣйшая гармонія; во всемъ должны были царить любовь и благодушіе, а досада, ссора и брань изгонялись какъ можно далѣе. Они служили чистому богу, богу гармоніи.—

Двадцать лѣтъ къ ряду прожилъ Пиѳагоръ въ своемъ помѣстьи съ своими учителями и учениками счастливою, беззаботною семейною жизнью, въ высокомъ почетѣ и славѣ у Кротонцевъ и у сосѣднихъ городовъ и племенъ Сициліи и Италіи. Населенные Греками города Нижней Италіи организовались по воззрѣніямъ Пиѳагора. Изъ его учениковъ выходили руководители и законодатели этихъ городовъ. Пиѳагоръ же самъ, въ средѣ своихъ, стоялъ общимъ, свѣтлымъ образцомъ, на который благоговѣйно смотрѣли ученики его, свято соблюдая все, что „Онъ сказалъ!“ Но величіе и нравственная жизнь, а съ другой стороны также отчужденность Пиѳагоровой коллегіи и аристократизмъ ея (—ученики большею частью были изъ знатныхъ и богатыхъ домовъ—) естественнымъ образомъ разжигали ненависть толпы. Когда поэтому въ Кротонѣ возникъ мятежъ демократической партіи противъ аристократовъ, то выступила также наружу и злоба на Пиѳагора, возбужденная вожакомъ демократовъ, Килономъ, котораго Пиѳагоръ прежде еще отказался принять въ среду своихъ учениковъ. Пиѳагоръ былъ изгнанъ; онъ удалился въ Метапонтъ, а при возникшихъ и здѣсь также смутахъ его настигла смерть — на 99-мъ году его жизни; по однимъ, онъ умеръ съ голода въ храмѣ музъ, куда задумалъ спастись бѣгствомъ, а по другимъ съ тоски, будучи передъ тѣмъ еще спасенъ изъ дома, въ которомъ онъ искалъ убѣжища и который нарочно подожгли.—

Пиѳагоръ былъ великій педагогъ, (—какая бы доля изъ положительнаго содержанія пиѳагорейскаго ученія ни принадлежала ему самому, ибо по дошедшимъ до насъ свѣдѣньямъ невозможно разобрать теперь, что̀ собственно принадлежало ему и что̀ ученикамъ его). Онъ первый сознательно постигъ идею воспитанія. Онъ основалъ его на религіи, а цѣлью его полагалъ гармонію человѣчества — жизнь человѣка во внѣшней и внутренней красотѣ, такъ чтобы, въ созерцаніи чистыхъ отношеній, онъ пришелъ къ сознанію вѣчнаго начала, а потомъ съ сознательнымъ умомъ и чистою волею стремился бы создать дѣйствительное бытіе по вѣчнымъ первообразамъ. Существенными моментами преподаванія онъ обозначилъ память, проницательность, смѣтливость и пытливую жажду къ дальнѣйшему образованію. Отъ ученика онъ требовалъ молчанія, — воздержки самомнѣнія и всякихъ субъективныхъ измышленій; отъ учителя — сжатости и краткости въ дѣлѣ преподаванія. Въ нравственномъ воспитаніи важнѣйшимъ факторомъ для него были юношеское цѣломудріе души и пуще всего навыкъ, ибо, говоритъ онъ, только избери себѣ лучшій об-

разъ жизни, а привычка уже сдѣлаетъ ее тебѣ пріятною. Кротость, доброта, миръ и благодушіе должны занимать первое мѣсто какъ въ дѣлѣ воспитанія, такъ и въ дѣлѣ обученья: каждое наставленіе должно даваться неуклонно строго, но всегда въ связи съ дружелюбною кротостью. При пріемѣ въ разныя отдѣленія его школы брались въ соображеніе различныя способности учениковъ, и послѣдніе, смотря по ихъ умственной особенности, обучались то тѣмъ, то другимъ порядкомъ. Воспитатель долженъ быть творцомъ истинной жизни и истиннаго мышленія: а потому онъ не долженъ смотрѣть на обученіе юношества, какъ на средство для наживы; ибо тѣ, кто беретъ плату за это, стоятъ ниже скульпторовъ, работающихъ изъ-за денегъ, потому что послѣдніе обработываютъ лишь грубый матеріалъ, наставникъ же обязанъ въ цѣльной натурѣ человѣческой возбудить стремленіе къ добродѣтели и мудрости. Родителей Пиѳагоръ считалъ настоящими воспитателями дѣтей, и притомъ не только по рожденіи ихъ, но даже еще до этого. Вслѣдствіе того онъ требовалъ, чтобы дѣтей не производили ни послѣ нездоровой пищи, ни въ хмѣльномъ видѣ, ни во время душевныхъ волненій, ибо отъ животной похоти и дурного воспитанія происходитъ большая часть злыхъ людей; для вступленія въ бракъ онъ настаивалъ на зрѣломъ возрастѣ (—по малой мѣрѣ 20 лѣтъ—), и требовалъ, чтобы юноша позналъ достоинство человѣка и величіе добродѣтели, прежде нежели услышитъ о предметахъ, относящихся къ другому полу. Такимъ путемъ, созерцая гармонію во вселенной, хотѣлъ онъ создать гармонію какъ въ единичномъ человѣкѣ, такъ и во всемъ нравственномъ космосѣ,—гармонію тѣла и души, гармонію въ мысляхъ, чувствахъ и хотѣніяхъ, гармонію между родителями и дѣтьми, гармонію между ученикомъ и учителемъ, гармонію между людьми въ силу взаимной любви и дружбы, этихъ связующихъ узъ міра, наконецъ гармонію между людьми и небожителями. Правда, по своимъ требованіямъ и дѣйствіямъ онъ былъ еще очень далекъ отъ такого идеала; правда, онъ находился въ сильной зависимости отъ своего вѣка и притомъ далеко не одною слабою стороной; мало того, въ своемъ преподаваніи и воспитаніи онъ кровными узами связанъ былъ съ своимъ народомъ и тутъ даже подчинялся одностороннему міросозерцанію послѣдняго; оттого и въ его воспитаніе вошла аристократическая черта доризма, такъ что согласно съ дорическимъ характеромъ оно подчиняло личность цѣлому и носило на себѣ настоящій дорійскій отпечатокъ, какъ по требованію ранняго навыка къ лишеніямъ и отреченіямъ, къ простотѣ и нравственному достоинству, такъ точно и по назначенію музыки въ основу образованія ума и чувства: не смотря на это онъ все-таки высказалъ высшій идеалъ воспитанія и стремился не только теоретически

упрочить и развить, но и практически выполнить его. Пиѳагоръ въ своей образцовой школѣ въ Кротонѣ былъ образцомъ для всѣхъ учителей. А съ какою мощною силою вліялъ онъ на окружающихъ и привязывалъ къ себѣ учениковъ, о томъ свидѣтельствуетъ миѳъ, гласящій, будто Пиѳагоръ своею рѣчью укрощалъ даже дикихъ звѣрей и подобно Орфею, Лину и Амфіону трогалъ даже безжизненную природу какъ чарами своей музыки, такъ и величіемъ своей личности и своей рѣчи.

---

b) АѲИНЫ.

16.

СОЛОНЪ И ВОСПИТАНІЕ АѲИНЯНЪ.

Аттика занимала въ средней Греціи пространство въ 40 кв. м.; въ цвѣтущую пору тамъ было около 500,000 жителей, въ томъ числѣ 135,000 свободныхъ и 365,000 рабовъ. Въ ней дивно совмѣщалось все, что въ разныхъ греческихъ областяхъ встрѣчалось только порознь. Прорѣзанный Гиметтомъ и хребтомъ Пентелика, Кефисомъ и Илиссомъ орошаемый край производилъ смокву и оливу, вино и медъ; надъ нимъ раскинулось ясное небо съ чистымъ воздухомъ и въ немъ же продвѣтали, средоточіемъ греческаго образованія, Аѳины—съ ихъ Акрополемъ, съ выстроеннымъ изъ бѣлаго пентеликскаго мрамора и украшеннымъ статуями Фидія Парѳенономъ, съ ихъ Эрехѳейономъ, поприщемъ самыхъ древнихъ и священныхъ церемоній и миѳовъ, съ Пританеемъ, театромъ Діониса и Одеономъ, съ украшенной садами, фонтанами, священными оливами, алтарями и статуями Академіей, съ Ликеемъ окруженнымъ тѣнистыми рощами, но болѣе всего съ его свободнымъ и беззавѣтнымъ развитіемъ; равно удаленное, какъ отъ реализма и чувственныхъ наслажденій Іонійцевъ, такъ и отъ аристократизма Дорійцевъ и олигархической знати Эолійцевъ, оно создало все что есть высшаго и лучшаго по части образованія и гуманности, въ искусствахъ и наукахъ. Эта умственная жизнь была вызвана отчасти страною, не только охраняемою положеніемъ отъ преодолѣвающаго вліянія чужихъ краевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открытою для самыхъ широкихъ сношеній съ послѣдними, надѣленною всѣми выгодами благодатнаго климата, и при всемъ томъ, благодаря своей гористой, мало плодоносной почвѣ, понуждавшею жителей къ судоходству и торговлѣ, къ искусствамъ и ремесламъ. Съ другой же стороны, какъ этотъ расцвѣтъ наукъ и искусствъ, такъ и аѳинская умственная жизнь вообще были произведеніемъ особаго рода людей, совмѣстившихъ въ себѣ всѣ вы-

сокія и всѣ низкія свойства греческаго народа вообще и бывшихъ какъ по своей нравственной доблести, по благочестію, худождественному вкусу, проницательности ума, индивидуальной живости и высшей даровитости, точно такъ же, какъ и по своей впечатлительности и своенравности, истыми представителями эллинизма. Аѳинянинъ былъ легкомысленъ, но тонко образованъ. Предпріимчивость, живость и развитіе индивидуальности въ предѣлахъ извѣстнаго нравственнаго круга: таковы были существенныя его основы. „Мы любимъ,—правдиво и глубоко изобразилъ характеръ Аѳинянъ Ѳукидидъ,—мы любимъ прекрасное, но безъ пышности, безъ расточительности; мы философствуемъ, но не предаваясь притомъ ни изнѣженности, ни бездѣйствію; мы отважны и смѣлы, но и въ самой отвагѣ все-таки даемъ себѣ отчетъ въ томъ, что предприняли; у иныхъ же напротивъ того отвага имѣетъ своимъ источникомъ недостатокъ образованія; мы лучше всѣхъ можемъ разсудить, что пріятно и что трудно, и несмотря на то не уклоняемся однакожъ отъ опасностей“. Такимъ образомъ,—говоритъ Гегель,—Аѳины явили примѣръ государства, жившаго въ сущности для цѣлей прекраснаго, соединявшаго выработанное сознаніе о важности общественныхъ дѣлъ и интересовъ человѣческаго ума и жизни съ смѣлою храбростью и съ практическимъ здравымъ смысломъ. И дѣйствительно, благодаря своимъ способностямъ Аѳиняне достигли того, къ чему стремились—многосторонности и идеальной законченности. Какъ искусство и наука, такъ и всѣ отрасли общественной жизни, были у нихъ проникнуты свободой и благоразуміемъ, ибо всѣ помыслы и дѣла ихъ руководились спокойнымъ обсужденіемъ. Одаренные чуткою наблюдательностью, Аѳиняне легко и мѣтко различали личности и характеры; съ колкимъ остроуміемъ и веселымъ нравомъ они въ важныя житейскія дѣла умѣли вплетать отраду и рѣзвость, а соблюдающая мѣру идеальность предохраняла ихъ отъ нарушенія надлежащей средины, отъ всякаго преувеличенья, отъ всякой напыщенности, и повела напротивъ къ законченному единству содержанія и формы, стиля и мысли. Бернарди говоритъ: мы удивляемся и наслаждаемся въ аттической литературѣ плодами этого искусства и той критической способности, которая благодаря діалекту находилась съ нимъ во взаимодѣйствіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ была связана съ невѣдомымъ для остальныхъ Грековъ условіемъ,—что какая бы то ни было форма и степень образованія послѣ короткаго расцвѣта вытѣснялась у Аѳинянъ другою болѣе зрѣлою. „Здѣсь возникъ истинный діалогъ, сочетавшій строгость выраженія съ задушевнымъ или шутливымъ говоромъ общества; опорой ему служила діалектическая способность, въ борьбѣ мнѣній рано уже выработавшая силлогистическій пріемъ, и не отступавшая ни передъ какимъ вопросомъ, когда требовалось опредѣлить предметъ точнымъ обозначеніемъ его понятія, из-

слѣдовать его противоположности и застигнуть противника въ разнорѣчіяхъ или неясныхъ представленьяхъ". Этому своеобразному и высокому остроумію Аѳинянъ и одолжены мы всѣми дивными произведеніями въ области драмы, краснорѣчія, философіи и пластики. На томъ же развитіи цѣльной человѣческой натуры, на полной свободѣ и широкомъ просторѣ индивидуальности основанъ также демократическій духъ, которымъ прониклась государственная жизнь Аттики. Демократія была животворящимъ воздухомъ, которымъ дышали Аѳины; она обнаружилась уже въ первобытномъ складѣ ихъ государственныхъ и народныхъ условій, начавшихся не съ устойчивой розни между господствовавшими и подчиненными племенами, какъ то было въ Лаконіи, но со взаимнаго смѣшенія племенъ и сословій; ибо знать Аттики вообще не принадлежала ни къ какому племени исключительно, но составляла сословіе, раскинутое по всѣмъ филамъ. Правда, демократическое направленіе уклонилось на время въ сторону, когда по смерти Кодра (1068) возникло господство знати, и эвпатриды, т. е. благородные, въ качествѣ архонтовъ лишили народъ,—т. е. демосъ, совокупность мелкихъ землевладѣльцевъ, крестьянъ и промышленниковъ,—всякаго вліянія на общественныя дѣла, и покусились даже на собственность и свободу, присуждая несостоятельныхъ должниковъ къ личнымъ повинностямъ. Вскорѣ народъ возсталъ противъ гнета и произвола эвпатридовъ и потребовалъ писаннаго законодательства; оно, наконецъ и было издано архонтомъ Дракономъ, человѣкомъ строгаго и крутого нрава, но лишь въ томъ смыслѣ, что безмолвно признаваемое доселѣ право аристократіи съ этой поры освящалось законами, и притомъ съ такою жестокостью и равномѣрностью наказаній, какъ за большіе, такъ и за малые проступки, что законы эти, какъ говорилось, были писаны кровью. Борьба между партіями усиливаясь все болѣе и болѣе—дошла до анархическаго разстройства. Тогда лучшіе люди стали требовать, чтобы для введенія новаго порядка вещей избрали человѣка, удостоеннаго общаго довѣрія. Съ заявленіемъ требованія, тотчасъ же нашелся и человѣкъ: этого мужа общаго довѣрія звали Солономъ; онъ на самомъ дѣлѣ былъ достоинъ такого отличія, ибо соединялъ въ себѣ унаслѣдованныя права аристократіи съ требованіями народа, достигшаго зрѣлаго развитія, и стремился согласовать между собою нравственную строгость и законность съ свободнымъ развитіемъ индивидуальныхъ силъ и наклонностей.

Солонъ родился въ 639-мъ г. до Р. Х. и происходилъ отъ древняго царскаго рода Кодра. Пытливый по природѣ, онъ тщательно занимался какъ въ палестрѣ, такъ точно и музоугодными искусствами; потомъ расширилъ свои познанія, путешествуя по Египту, Кипру и по Малой Азіи,

и наконецъ посвятилъ себя гармоническому образованію своего духа. Онъ одаренъ былъ яснымъ, свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ, но болѣе всего глубокимъ чувствомъ и благородною душою. Въ памяти аѳинской молодежи долго еще жили элегическія стихотворенія, гдѣ въ сильныхъ, полныхъ свѣжести выраженіяхъ и въ умѣренномъ, житейскомъ смыслѣ онъ изложилъ свои мысли о людскомъ жребіи, цѣляхъ и задачахъ разныхъ возрастовъ, о тщетѣ всѣхъ человѣческихъ надеждъ и упованій, о неравномѣрномъ распредѣленіи имуществъ и благъ. Благодаря своимъ знаніямъ и опытности, но болѣе всего своему кроткому любящему нраву, своему неподкупному правосудію и нелицемѣрному благочестію, своимъ увлекательнымъ пріемамъ и радушію, человѣколюбію и патріотическимъ помысламъ, онъ въ Аѳинахъ вскорѣ достигъ всеобщаго уваженія, высокаго довѣрія и все болѣе возраставшаго вліянія на общественныя дѣла. Такимъ образомъ ему удалось настоять на томъ, чтобы жители Кирры подвергнуты были заслуженной карѣ за святотатство, нанесенное дельфійскому храму, чтобы убившіе на священномъ мѣстѣ приверженцевъ Килона, притомъ вопреки данному слову, преданы были суду и приговорены къ наказанію, и чтобы вызвали Эпименида изъ Крита, дабы жертвами и молитвами очистить удрученный грѣхами городъ и религіозными впечатлѣніями успокоить ожесточенные умы. Довѣріе къ нему и власть его дошли наконецъ до высшей степени, когда, вопреки изданному подъ смертной казнію запрету, онъ не только уговорилъ Аѳинянъ завоевать вновь Саламинъ, но даже самъ сталъ во главѣ 500 мужей изъ народа, овладѣлъ островомъ и сдѣлалъ Аѳины попрежнему хозяевами въ ихъ собственныхъ водахъ. Съ этой поры Солонъ по духу былъ властителемъ и державцемъ въ своемъ краѣ, и благодарный народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ бы его, еслибъ онъ возстановилъ царство Кодридовъ на новыхъ основаніяхъ. Но Солонъ предпочелъ славу законодателя славѣ самодержца, тѣмъ болѣе, что дельфійскій оракулъ присоединилъ къ народному довѣрію свое изреченіе:

Стань посреди корабля и кормиломъ его управляй:
И многіе мужи Аѳинъ на помощь къ тебѣ поспѣшатъ.

Въ своемъ законодательствѣ соблюлъ онъ правила справедливости и благоразумія:

Я властью народъ надѣлилъ, насколько ему подобаетъ,
Я далъ ему правъ ни болѣй ни менѣй чѣмъ нужно.
Но вліятельныхъ лицъ, и владѣвшихъ богатствомъ
Я также въ обиду давать не хотѣлъ:
Я стоялъ и мощнымъ щитомъ осѣнялъ ихъ обоихъ.
Никому не давая господства надъ правомъ.

Прежде всего устранена была кабала: всѣ за долги въ рабство обращенные Аѳиняне получили свободу, и впредь ни-

кто изъ заимодавцевъ не имѣлъ права покушаться на личность должника. Долгъ подъ залогъ земли и имущества былъ сокращенъ пониженіемъ монетной пробы: съ этою цѣлью драхмы чеканились болѣе чѣмъ на четвертую часть вѣса легче, вслѣдствіе чего должнику отпускалось свыше 25 процентовъ, тогда какъ капитальная сумма заимодавца не умалялась. Впредь никому не дозволялось ссужать подъ кабалу и никто не былъ въ правѣ обладать землею свыше положенной мѣры. Граждане были раздѣлены на 4 класса: изъ нихъ богатѣйшіе пожинали свыше 500 медимновъ * зернового хлѣба, всадники получали съ своей земли отъ 500 до 300 медимновъ, двуконные отъ 300 до 150 медимновъ чистаго сбора, а поденьщики не пользовались ни имуществомъ, ни постоянными доходами. Такимъ образомъ вмѣсто прежней родовой знати возникла имущественная аристократія, преимущества зависѣли уже не отъ рожденія, и народъ не исключался болѣе отъ управленія государствомъ. Ибо всѣ граждане принимали участіе какъ въ народныхъ собраніяхъ, облеченныхъ государственною властью, такъ и въ судѣ присяжныхъ, тогда какъ начальство избиралось лишь изъ первыхъ трехъ классовъ. Сенатъ изъ 400 мужей наблюдалъ за исполненіемъ и ходомъ законовъ: онъ составлялъ настоящее правительственное и административное вѣдомство. Архонты, стоявшіе прежде во главѣ правленія, рѣшали какъ наслѣдственныя и семейныя тяжбы, такъ точно и юридическія дѣла касательно культа; когда же они безупречно исправляли свою должность, то поступали въ Ареопагъ, служившій въ качествѣ блюстителя законовъ высшимъ нравственнымъ судилищемъ, съ безотвѣтственною уже верховною властью.

Солонъ хотѣлъ при посредствѣ законовъ исполнить духомъ своимъ не одну только государственную, но также и религіозную и гражданскую жизнь. Празднествами, процессіями, хоровыми пѣніями при совершеніи культа, жертвенными обрядами и художественными произведеніями укрѣплялось благоговѣніе передъ святыней и развивалось чувство красоты и доблести. Убѣдившись, что недовольство существующимъ порядкомъ коренится главнѣйше въ лѣности и бѣдности, Солонъ предписалъ, чтобы тунеядцы подвергались наказаніямъ и чтобы каждый Аѳинянъ непремѣнно изучилъ какое нибудь искусство или ремесло.

Эти законы были написаны на деревянныхъ дщицахъ и выставлены на площади. Вмѣстѣ съ тѣмъ граждане дали клятвенный обѣтъ, въ продолженіе десяти лѣтъ соблюдать новый порядокъ и до истеченія этого срока ни устранять, ни измѣнять новыхъ законовъ. Послѣ этого, дабы законы оказали силу свою и безъ поддержки со стороны его личнаго вліянія, самъ Солонъ покинулъ свое отечество и, про-

* Медимнъ равнялся почти 2-мъ четверикамъ. Прим. Перев.

живъ долгое время въ Египтѣ въ короткихъ сношеніяхъ съ жрецами, онъ отправился на остр. Кипръ, а потомъ въ Лидію, гдѣ эллинскій мудрецъ явился къ Крезу, кичившемуся своею пышностью и своими богатствами. „Встрѣчалъ ли онъ на землѣ человѣка счастливѣе его“: таковъ былъ вопросъ, предложенный суетнымъ царемъ умному Греку. Къ удивленію находившихся тутъ придворныхъ, послѣдній назвалъ своего соотечественника Теллоса, сказавъ: „Этотъ Теллосъ былъ правдивый человѣкъ, воспиталъ честныхъ сыновей, оставилъ имъ по себѣ небольшое состояніе и умеръ за отчизну смертью героя“. Вновь спрошенный царемъ, знаетъ ли онъ послѣ Теллоса еще человѣка счастливѣе его самого, Солонъ назвалъ Клеобида и Битона: исполненные братской и дѣтской любви, они, за неимѣніемъ лошадей, сами впряглись въ колесницу своей матери и повезли ее въ храмъ Юноны; восхваляемые за такой подвигъ народомъ, они на слѣдующее утро не пробуждались болѣе отъ сна, ибо мать испросила для нихъ высшее счастіе и драгоцѣннѣйшее благо. „А насъ — воскликнулъ недовольный царь — ты вовсе не считаешь счастливыми“? „О царь Лидянъ, — сказалъ Солонъ—боги надѣлили насъ Грековъ всѣмъ въ скромныхъ размѣрахъ, а потому въ скромномъ состояніи нашемъ мы обладаемъ не блестящимъ, царскимъ остроуміемъ, но прямодушнымъ гражданскимъ смысломъ, не допускающимъ насъ въ виду разныхъ превратностей, какимъ подвержена постоянно жизнь, гордиться временными благами, ни удивляться счастію какого-либо человѣка, пока оно подлежитъ еще перемѣнамъ. Вѣдь въ лонѣ грядущаго для каждаго человѣка таятся разные жребіи. Мы того только называемъ счастливымъ, кому боги благопріятствуютъ до конца дней. Считать счастливымъ человѣка, еще живущаго и подлежащаго опасностямъ жизни, было бы такъ же суетно и тщетно, какъ если бы во время самаго состязанія вздумали прославить кого-либо побѣдителемъ и украсить его вѣнкомъ“.

По возвращеніи своемъ въ Аѳины Солонъ опять засталъ государство раздираемое крамолами; пользуясь все еще непритворнымъ довѣріемъ, онъ однако принялъ лишь непрямое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, стараясь повліять болѣе всего на Пизистрата, добившагося высокаго уваженія отъ всѣхъ партій и подъ видомъ мнимо угодливыхъ непритязательныхъ нравовъ помышлявшаго о владычествѣ. Когда попытка его оказалась тщетною, то онъ предостерегъ гражданъ отъ лживыхъ словъ велерѣчиваго мужа и порицалъ ихъ за то, что они такъ безумно шли по пятамъ этого хитреца. Но тщетно. Пизистратъ достигъ высшей власти, оказалъ однако Солону столь высокое уваженіе, что почтилъ его законы, на сколько по крайней мѣрѣ допускалось это властолюбіемъ, и не потревожилъ его даже тогда, когда Солонъ возвѣстилъ Аѳинянамъ:

Если вас горе гнететъ, порожденное вашимъ безумствомъ,
То отнюдь не пеняйте за это вы на небесныхъ боговъ.
Отъ васъ онъ и власть воспріялъ, и стражу вы дали ему,
Теперь же въ награду за то васъ постигло позорное рабство.

Солонъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду—этотъ мудрецъ Греціи съ вѣщимъ его изреченіемъ: „Отнюдь не черезъ чуръ!“ Онъ былъ свидѣтелемъ высшаго расцвѣта лирической поэзіи и пробужденія самобытной истинной науки въ Греціи: онъ былъ почти одних лѣтъ съ своими современниками—Сафо, Алкеемъ и Ѳалесомъ. Онъ самъ былъ лучезарнымъ свѣтиломъ той эпохи, а потому и состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми ея великими представителями—съ Амазисомъ, Ѳалесомъ, Мимнермомъ, Крезомъ и Анахарсисомъ. Своимъ законодательствомъ—какъ самъ онъ выражается въ своихъ элегіяхъ—онъ избавилъ Аѳины отъ невыразимыхъ бѣдъ, сгладивъ все крутое, укротивъ насиліе, заглушивъ разросшееся сѣмя нужды, направивъ въ надлежащую колею дремавшее право, заставивъ умолкнуть кичливые порывы и потушивъ злыя распри и пламя мятежа. Это законодательство, самое либеральное въ древности, впервые установившее широкое государственное и частное право на истинно свободныхъ основахъ, глубоко проникло въ жизнь аѳинскаго народа, оттого что оно облагороживало всѣ бытовыя условія и имѣло своимъ основаніемъ въ особенности семью и воспитаніе, согласное съ настоящими аѳинскими началами и съ греческою ясностью жизни, рѣзче всего проявившеюся въ Іонійцахъ. Солонъ въ своемъ законодательствѣ съ глубокимъ пониманіемъ сочеталъ гимнастическое и музоугодное образованіе какъ средства для развитія гуманности, и при воспитаніи ребенка старался соединить сильное съ нѣжнымъ. Благодаря этому, аѳинское воспитаніе не заразилось изнѣженнымъ характеромъ малоазійскихъ Іонійцевъ. Съ другой стороны оно не перешло также въ воинственно-солдатское, какъ было въ Спартѣ. Правда, Аѳинянину, точно такъ же какъ и Спартанцу, надлежало усвоить себѣ силу характера при посредствѣ внутренняго образованія, и доказать главнѣйше своимъ самообладаніемъ, что надлежащая мѣра какъ во внутренней, такъ и во внѣшней жизни составляетъ цѣль и свойство истаго Эллина. Однако воспитаніе Аѳинъ все-таки тяготѣло къ болѣе кроткой гуманности и къ болѣе высокой степени индивидуальной самостоятельности, вообще къ болѣе широкому осуществленію калокагаѳіи. Этого домогалась уже богатырская эпоха; во времена архонтовъ, какъ кажется, не произошло никакого дальнѣйшаго развитія въ воспитаніи. Довольствовались одними лишь обычными уставами, отвѣчавшими потребностямъ, а на общественное нравственное воспитаніе вліялъ ареопагъ, и то болѣе предостерегая и предупреждая запретами; объ общественномъ же религіозномъ воспитаніи пеклись эвмоль-

циды, какъ блюстители религіозныхъ началъ въ государствѣ. Государственный же законодатель Солонъ урядилъ и далъ законы также и касательно воспитанія. Онъ возвѣстилъ: 1) „что родители суть властелины“. 2) „Никто не въ правѣ продавать свою дочь, ни сестру свою; напротивъ, ближайшій родственникъ обязанъ жениться на дѣвицѣ“. 3) „Мальчики прежде всего должны учиться плаванью и чтенію; затѣмъ бѣдные изъ нихъ пусть навыкаютъ къ земледѣлію, торговлѣ или иному какому-либо искусству, а зажиточные—къ музыкѣ, къ умѣнью обращаться съ лошадьми, къ гимнастикѣ, охотѣ и философіи.“ 4) „Сынъ, котораго отецъ не обучилъ никакому дѣлу, не обязанъ содержать послѣдняго.“ 5) „Всякъ обязанъ чтить своихъ родителей.“ 6) „Кто бьетъ своихъ родиталей, или не кормитъ ихъ, или не даетъ имъ ни пріюта, ни иныхъ потребностей, да будетъ преданъ позору“. 7) „Кто не печется о своихъ родителяхъ, обязанъ внести денежнюю пеню и лишается права на всякую начальственную должность.“ 8) „Если отецъ вслѣдствіе недуга или дряхлости ведетъ себя непристойно, то сынъ въ правѣ обжаловать его въ умопомѣшательствѣ и даже связать.“ 9) „Никто изъ рабовъ не смѣетъ заниматься гимнастикою.“

То, чему Солонъ положилъ основаніе, старались развить Пизистратиды, не только приводя въ порядокъ управленіе, но покровительствуя также искусствамъ и поэтическимъ наукамъ въ связи съ городскою библіотекой. Клисѳенъ наконецъ завершилъ дѣло, расширивъ существовавшія до него формы при посредствѣ организующей центральной системы, при чемъ естественное различіе половъ въ отношеніи частнаго права и совмѣстнаго культа осталось въ своей силѣ.

На подготовленной такимъ образомъ государственной почвѣ жили и развивались семейный бытъ и воспитаніе.

Солонъ считалъ бракъ высшимъ нравственнымъ союзомъ между мужемъ и женой, установленнымъ на радость родителямъ, въ видахъ любви и дружбы. Бракъ строго охранялся какъ закономъ, такъ и обычаемъ. Браки между родственниками, особенно между двоюродными братьями и сестрами, дозволялись для поддержки рода и семьи. Мужчинамъ, какъ кажется, разрѣшалось вступать въ бракъ на 20-мъ году—въ этотъ возрастъ они выходили изъ подъ опеки и вступали въ сословіе гражданъ,—а женщинамъ на 14-мъ и даже ранѣе (—однако вслѣдствіе одного изреченія оракула слишкомъ ранній бракъ дѣвушекъ считался причиною обезлюденья—). Аѳинянину воспрещалось жениться на дѣвушкѣ, не посвященной Артемидѣ, или непринимавшей отъ 5 до 9 лѣтняго возраста участія въ священныхъ процессіяхъ дѣвицъ на дѣвичьемъ праздникѣ Бравронa. Свадьбѣ предшествовало торжественное обрученіе. Приданое, приносимое

женою въ домъ мужа въ качествѣ неотъемлемой ея собственности, должно было состоять только изъ трехъ платьевъ и кое-какой посуды, не болѣе. Положеніе замужней женщины было такъ же мало свободнымъ, какъ и дѣвицы. Приличіемъ возбранялось женамъ вмѣшиваться въ общество мужчинъ. Жена не принимала никакого участія въ пирахъ, устроиваемыхъ мужемъ въ своемъ домѣ; она даже у окна избѣгала взоровъ чужихъ мужчинъ. Благопристойная женщина рѣдко появлялась въ обществѣ, за исключеніемъ развѣ торжественныхъ и богослужебныхъ случаевъ. Она выходила со двора не иначе какъ въ сопровожденіи раба; ночью онъ шелъ передъ нею съ факеломъ. Женскіе покои составляли весь міръ аттической женщины; служанки были ея обществомъ; домохозяйство и изготовленіе одеждъ — ея занятіемъ. Женщины, замѣчаетъ Периклъ, которыя по свойству ихъ натуры живутъ въ цѣломудріи и такъ, что ни одинъ мужчина не вѣдаетъ про нихъ ни похвалы, ни порицанія, пользуются наибольшею славою.

Въ отношеніи къ мужу жена по закону не пользовалась никакой самостоятельностью. Она наравнѣ съ дѣтьми находилась подъ его опекою. Если она не рожала дѣтей или вообще не приходилась ему по нраву, то мужъ воленъ былъ возвратить ее семьѣ, лишь бы онъ возвратилъ также ея приданое. Солонъ весьма дорожилъ честью семьи. Заставъ у жены любовника, мужъ безнаказанно могъ убить его; въ иныхъ случаяхъ онъ могъ понудить его къ уплатѣ денежной пени и предать сраму, опозоривъ его. Повинная жена была обезчещена на всю жизнь: если мужъ оставлялъ ее у себя въ домѣ, то онъ лишался права гражданства; она не смѣла приближаться къ храмамъ и жертвамъ, ни носить нарядовъ и платья честныхъ женщинъ, ни появляться въ обществѣ, не подвергаясь грубымъ нападкамъ. Кто самъ унизился до порочной похоти, тому преграждался доступъ къ государственнымъ должностямъ. Молодой Аѳинянинъ, сочетавшись бракомъ съ равною по званію гражданкой (—браки съ негражданками разрѣшались; сыновья отъ такихъ браковъ пользовались правомъ гражданства, но относительно наслѣдства они уступали полноправнымъ дѣтямъ: побочныя дѣти не имѣли никакихъ особыхъ обязательствъ къ отцамъ —), отрѣшался вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякаго сношенія съ публичными женщинами, тогда какъ холостякамъ и иноземцамъ дозволялось имѣть сношеніе съ гетерами, которыя сопровождали друзей своихъ даже на пиршества, а не то и сами задавали подобныя, украшая ихъ пляскою и музыкой; самъ Солонъ даже, какъ расказываютъ, покупалъ красивыхъ дѣвушекъ и собиралъ ихъ въ особомъ домѣ, дабы предохранить такимъ образомъ святость брака и цѣломудріе семейной жизни отъ угрожающихъ имъ порывовъ чувственной молодежи. Если супругъ принималъ

въ домъ гетеру или наложницу, то жена могла требовать развода и покинуть мужа, забравъ съ собою свое приданое. Каждому изъ гражданъ подъ опасеніемъ смертной казни возбранялось низводить дочь свою до гетерства, а дочь, предавшуюся разврату, отецъ воленъ былъ продать въ рабство, и обольстителя ея убить.

Беременныя женщины должны были пользоваться здоровою пищею, не пренебрегать умѣреннымъ движеніемъ и избѣгать страстныхъ порывовъ. Мужчины служили акушерами. Повивальныя бабки появились уже позже. Новорожденное дитя клали къ ногамъ отца, и онъ воленъ былъ поднять его или нѣтъ: если онъ не поднималъ его, то ребенка выкидывали; а поднявши, онъ тѣмъ самымъ обязывался пещись объ его воспитаніи. Признанное дитя на пятыя сутки послѣ рожденія обносилось кормилицею вокругъ очага и такимъ образомъ поручалось покровительству домашнихъ боговъ: это былъ праздникъ Амфидромія, причемъ приносились жертвы Юнонѣ, а членами семейства дѣлались подарки ребенку. Вѣнокъ изъ масличныхъ вѣтвей передъ домомъ извѣщалъ проходящихъ о рожденіи мальчика,—а шерстяныя повязки на дверномъ косякѣ—о рожденіи дѣвочки. На седмой, восьмой или десятый день давалось имя ребенку: по недостатку родовыхъ именъ къ имени дитяти присоединялось обыкновенно отцовское; первенцы, какъ кажется, пользовались преимущественнымъ правомъ на имя своихъ дѣдовъ. Первыя попеченія о новорожденномъ младенцѣ возлагались на мать, кормилицу и няньку. Въ цвѣтущую эпоху эллинизма кормилицы были во всеобщемъ употребленіи. Такъ какъ свободнымъ гражданкамъ воспрещалось закономъ и считалось даже позорнымъ заниматься этимъ промысломъ, то въ кормилицы выбирали обыкновенно рабынь, которыя затѣмъ увольнялись и считались членами семьи. Знатные и богатые Аѳиняне охотнѣе всего брали кормилицъ изъ Спарты, дабы доставить своимъ дѣтямъ здоровую и крѣпительную пищу. Дѣтскія колыбели состояли изъ простыхъ корытъ или изъ плетеныхъ зыбокъ.

Когда кормилица покончивала свое дѣло — а оно длилось годъ и до полутора, — то на ея мѣсто поступала нянька, воспитательница ребенка, — обыкновенно женщина пожилыхъ лѣтъ. Она кормила дитя пищею, состоявшею изъ меда и тому подобныхъ легкихъ и сладкихъ яствъ. Она выносила его на свѣжій воздухъ и съ нимъ на рукахъ сопровождала его мать въ гости и даже на празднества. При этомъ ребенка слѣдовало предохранять отъ вліянія мѣсяца; въ суевѣрныхъ, особенно въ болѣе бѣдныхъ семьяхъ дитя посвящали въ разныя мистеріи, поручая его такимъ образомъ благоволенію божества; его снабжали также

амулетами, дабы предохранить отъ порчи. Для успокоенія младенца пѣлись колыбельныя и убаюкивающія пѣсни. Ѳеокритъ сохранилъ одну изъ нихъ:

Спите, малютки мои, спите сномъ сладкимъ и тихимъ!
Спите, голубчики, двойни родные, цвѣтущія дѣтки!
Спите въ блаженномъ покоѣ, блаженные къ утру проснитесь.

Для успокоенія пользовались иногда изобрѣтенною пиѳагорейцемъ Архитомъ дѣтскою гремушкою, или мячикомъ, сказками и исторіями о киклопахъ и т. п. Когда дитя начинало бѣгать, ему давали полную волю, оставаясь лишь близъ него. По мѣрѣ того какъ подросталъ ребенокъ, игры его становились сложнѣе и осмысленнѣе. Гремушка замѣнялась дѣтскою лошадкой, игрою въ кости, кубаремъ какъ въ комнатахъ, такъ и на дворѣ. Потомъ въ немного старшемъ уже возрастѣ слѣдовала игра въ черепки. причемъ бросали наискось въ воду плоскіе камешки и считали ихъ прыжки,—игра въ жмурки, узелки, обручи, мячики и т. п. Дѣти съ раннихъ лѣтъ уже носили башмаки. Волоса ихъ завивались въ искусственныя кудри и собирались драгоцѣннымъ гребнемъ надо лбомъ. Все это впрочемъ зависѣло отъ прихоти родителей, отъ господствовавшаго въ домѣ тона, обусловленнаго конечно духомъ, какимъ вообще проникнуты были граждане. Для дѣвочекъ рано уже заботились посредствомъ шнуровки о стройномъ ростѣ, такъ какъ Аѳиняне не любили у дѣвицъ ни высокихъ плечъ, ни сильныхъ „грудей.“

На седмомъ году оканчивался возрастъ игръ. Мальчики и дѣвочки принимались въ граждане: отецъ въ подлежащемъ вѣдомствѣ клятвенно подтверждалъ, что дитя прижито имъ въ законномъ бракѣ съ гражданкою, въ удостовѣреніе чего имя его записывалось на „бѣлой доскѣ.“ Въ это время мѣсто няньки замѣнялъ уже педагогъ, вожатый отроковъ, который за немногими развѣ исключеніями вовсе не давалъ уроковъ, но имѣлъ лишь нравственный надзоръ какъ дома, такъ и внѣ его, и обязанностью котораго поэтому было находиться постоянно около своего воспитанника, бдительно наблюдать за его поведеніемъ и поступками и провожать его къ грамматисту и педотрибу. Къ этой должности приставляли обыкновенно раба, котораго считали на то пригоднымъ, но часто и такого, который хотя былъ невѣжественъ и грубъ, но за старостью и дряхлостью совершенно неспособенъ ни къ какимъ инымъ занятіямъ; необходимымъ слѣдствіемъ этого было, что свободнорожденный мальчикъ мало уважалъ педагога, и нравъ его часто вскорѣ дичалъ.

Какимъ наукамъ обучать ребенка, это предоставлялось волѣ отца. По закону онъ былъ лишь обязанъ къ обученію гимнастикѣ и музыкѣ. Воспитаніе и преподаваніе были

частнымъ дѣломъ; но въ то же время и общественнымъ, такъ какъ сама жизнь была такова: „отрокъ воспитывался семьею для государства, а государствомъ для семьи". Преподаваніе было частное, и учебныя заведенія были частными предпріятіями. Однако они подлежали не только извѣстному нравственному контролю, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также прямому надзору правительства и административныхъ вѣдомствъ. Гонораръ, взимаемый учителемъ, также былъ частнымъ дѣломъ: о Демосѳенѣ разсказываютъ, будто опекунъ обездоливалъ его въ такой сильной мѣрѣ, что онъ не въ состояніи былъ уплатить гонораръ своему учителю, ни даже добыть себѣ 10 минъ для посѣщенія ораторской школы Исократа. Въ натурѣ аѳинскаго народа коренилось уже, что всякій какъ для себя самого, такъ и для своихъ родственниковъ ревностно стремился къ усвоенію національнаго образованія; но богатымъ, по замѣчанію Платона, удавалось это лучше всего, такъ какъ они давали возможность своимъ дѣтямъ спозаранку обучаться въ молодости. Дѣти низшихъ классовъ народа, вслѣдствіе ихъ занятій для снисканія необходимыхъ жизненныхъ потребностей и вслѣдствіе того уже, что какъ ремесла такъ и промышленныя и торговыя дѣла, какимъ они желали и вынуждены были обучаться, нуждались болѣе въ техническихъ упражненіяхъ, чѣмъ въ научныхъ познаньяхъ, большею частью не выходили, при ихъ снабженномъ лишь скудными свѣдѣніями, но за то доброю палкою элементарномъ учителѣ, изъ предѣловъ самыхъ элементарныхъ знаній азбуки и чтенія по складамъ. Кто хотѣлъ прослыть свободнымъ человѣкомъ, долженъ былъ пройти гимнастическій курсъ у педотрибовъ въ Палестрѣ,— музоугодный въ тѣсномъ смыслѣ слова—у киѳариста, и научный—у граматиста. „Итакъ, что касается души,—говоритъ Лукіанъ,—то прежде всего мы возбуждаемъ дѣтей музыкою и ариѳметикою, обучая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ письму и внятному чтенію. Когда они преуспѣли въ этомъ, то мы поемъ съ ними изреченія мудрецовъ и поэтовъ, облекшихъ въ стихи подвиги нашихъ древнихъ героевъ и другія полезныя вещи, дабы послѣднія по возможности тверже запечатлѣлись въ памяти. Къ тому же, когда окрѣпло ихъ тѣло, то мы упражняемъ ихъ въ гимнастикѣ".

1) Въ литературномъ курсѣ у граматиста прежде всего обучались первоначальнымъ основаніямъ чтенія, письма и счета. Чтеніе начиналось съ заучиванія и складыванія затверженныхъ буквъ, потомъ переходили къ складамъ односложныхъ и наконецъ многосложныхъ словъ. Когда мы изучаемъ грамматику,—говоритъ Діонисій Галикарнасскій— то затверживаемъ сперва имена буквъ, потомъ форму и образованіе ихъ, далѣе слоги и все что съ этимъ связано; наконецъ части рѣчи и разныя совершаемыя съ ними перемѣны, какъ то: склоненія, числа, сокращенія, ударенія, по-

рядокъ словъ въ предложеніи; потомъ начинаемъ читать и писать, сперва по складамъ и тихо, пока не достигнемъ надлежащей твердости, а послѣ уже въ связи и въ томъ порядкѣ какъ мы мыслимъ.—Когда ученикъ въ состояніи былъ читать, то онъ упражнялся въ изящномъ чтеніи, сообразуясь съ долготою и краткостью слоговъ, съ надлежащимъ удареніемъ, повышеніемъ и пониженіемъ голоса, съ мелодическимъ созвучіемъ и ритмомъ, съ выразительнымъ произношеніемъ. Книгами для чтенія служили обыкновенно Гомеръ, потомъ Гезіодъ, Ѳеогнидъ, Фокилидъ и Солонъ, также Эзоповы басни и вообще стихи, въ которыхъ, какъ говоритъ Протагоръ у Платона, содержится много наставленій и поясненій, сверхъ того похвалы и прославленіе всѣхъ отличныхъ мужей, дабы отроки, удивляясь, подражали имъ и старались сами быть такими же. Рано уже составлялись для преподаванія сборники лучшихъ произведеній поэзіи (хрестоматіи и антологіи). Образцы стихотвореній, особенно Гомеръ, Гезіодъ и Ѳеогнидъ, служили въ то же время для заучиванія и чтенія наизусть, вслѣдствіе чего съ одной стороны развивалась память и укрѣплялась мыслительная способность, а съ другой—глубоко печатлѣлись въ душѣ какъ высокіе образы прошлаго, такъ и здравыя понятія о нравственности и гражданской мудрости. Для письма въ прежнее время употреблялись покрытыя воскомъ дощечки и грифели, а впослѣдствіи чернила. Дѣтямъ, неумѣвшимъ еще писать, сперва прописывали буквы грифелемъ; а они копировали прописанное. Чтенію и письму обучались почти всѣ; счетъ, напротивъ того, былъ, какъ кажется, чуждъ частью даже и для болѣе благовоспитанныхъ. Къ начальнымъ основаніямъ ариѳметики присоединялся счетъ по пальцамъ для житейскихъ нуждъ.

2) Въ музоугодномъ курсѣ аѳинская молодежь, подъ строгимъ нравственнымъ надзоромъ у киѳариста, училась играть на музыкальныхъ инструментахъ, а именно на киѳарѣ. Одно время обучались также игрѣ на флейтѣ; но Плутархъ сообщаетъ, что Алкивіадъ отказался играть на флейтѣ частью потому, что тутъ приходится искажать лицо, частью также потому, что играющій не можетъ при этомъ ни говорить, ни пѣть; Алкивіадъ и другимъ также внушилъ полное отвращеніе къ этому инструменту, такъ что наконецъ имъ стали рѣшительно пренебрегать. Вмѣстѣ съ тѣмъ мальчиковъ обучали стопосложенію, ритмикѣ и мелодикѣ, дабы сообщить слуху чувство мѣры и вообще облагородить душу настолько, чтобы молодежь освоилась съ ритмомъ и гармоніей словъ и рѣчей. Притомъ вытверживалось наизусть множество пѣсень и достигалось умѣнье разыгрывать національныя драмы и пѣть застольныя пѣсни, выражавшія, какъ говоритъ Бернарди, сильно и глубокомысленно простыя чувства и правила нравственности, патріотическаго настроенія и житейской мудрости. При этомъ былъ въ

ходу дорическій ладъ, и ему отдавали преимущество, оттого что, какъ говоритъ Якобсъ, онъ совершеннѣе всего представлялъ величавое спокойствіе и болѣе всякаго другого отличался характеромъ мужества и доблести. „Все здѣсь дышало гармоніей и единствомъ. Слова были вѣскія, благочестивыя и назидательныя; ритмы величавые и торжественные; мелодія простая и соразмѣрная". Сначала киѳаристъ подсказывалъ дѣтямъ самыя простыя пѣсни, они же должны были запомнить ихъ и говорить наизустъ. Потомъ имъ надлежало изучить обычные, хоральные напѣвы. Одна изъ первыхъ ими заучиваемыхъ пѣсень была: „Паллада, грозная градорушительница, великая богиня возбуждающая боевыя тревоги, враговъ поражающая дочь Зевса! тебя призываю, коней укротительница, доблестнѣйшая дѣва!" Мальчики не обязаны были дѣлаться виртуозами въ пѣніи и игрѣ на киѳарѣ; музыкальное искусство надлежало развивать въ нихъ лишь настолько, чтобы впослѣдствіи юноша и мужъ могъ участвовать въ хорахъ, складно пропѣть застольную пѣснь и т. п.,—вотъ что было цѣлью киѳариста.

3) Когда тѣло отрока достаточно окрѣпнетъ и члены его станутъ довольно тверды, приблизительно съ наступленіемъ осьмилѣтняго возраста,—начиналось тѣлесное развитіе при посредствѣ гимнастическихъ упражненій у педотриба, для чего подготовка легкими играми производилась уже въ отчемъ домѣ. Педотрибъ занимался преимущественно наставленіемъ отрока въ разныхъ родахъ упражненій; софронистъ имѣлъ нравственный надзоръ; алипты уряжали и соблюдали діэтетическія условія, — натирали тѣло или наблюдали за натираніемъ его масломъ. Гимнастическія упражненія, имѣвшія въ Аѳинахъ цѣлью развить тѣло, сообщить ему прекрасную осанку, такъ чтобы сдѣлать его образомъ прекрасной души, производились въ палестрахъ и гимназіяхъ, а именно въ первыхъ мальчиками, а въ послѣднихъ эфебами и зрѣлыми мужами. Палестръ было очень много, и онѣ сооружались на общественный счетъ. Въ упражненіяхъ соблюдался постепенный переходъ отъ легчайшаго къ болѣе трудному и имѣлось въ виду образовать тѣло по всѣмъ ступенямъ его развитія. Мальчики при этомъ распредѣлялись на два или на три отдѣленія, упражнявшіяся различнымъ образомъ и сходившіяся вмѣстѣ только въ праздники, особенно Гермесовы. Начинали, какъ кажется, съ веселыхъ игръ, а именно съ игры въ мячъ; плаванью также весьма рано обучали. Далѣе, къ первымъ упражніямъ относились: стояніе на цыпкахъ въ связи съ извѣстными быстро смѣнявшимися движеніями рукъ; прыганье на мѣстѣ, такъ чтобы пятками ударять въ задъ; висѣніе и взлѣзаніе по канату; вытягиванье рукъ съ сжатыми кулаками и подъемъ гирь безъ сгиба рукъ; простой бѣгъ; фехтованіе однѣми руками и т. д. Послѣ надлежащей подготовки принима-

лись за болѣе трудныя упражненія, за пентаѳлъ, состоявшій первоначально, судя по стиху Симонида, изъ пяти пріемовъ—гальма (ἅλμα), подокіэнъ (ποδωκείην), дисконъ (δίσκον), аконта (ἄκοντα), паленъ (πάλην)—; впослѣдствіи же кулачный бой замѣнилъ собою метаніе копьемъ, хотя онъ и прежде еще не исключался изъ упражненій отроковъ въ палестрахъ. Панкрацію (борьбу вмѣстѣ съ кулачнымъ боемъ) начинали не прежде 10-ти лѣтняго возраста. Въ палестрахъ наблюдали за пристойнымъ поведеніемъ мальчиковъ, и здѣсь точно такъ же какъ у киѳариста не жалѣя побоевъ. Дабы не подавать повода къ отроколюбію, Солонъ возбранилъ взрослымъ доступъ въ палестры, за исключеніемъ сыновей или братьевъ педотриба. Послѣ упражненій въ палестрѣ утромъ слѣдовалъ завтракъ; подъ вечеръ палестра посѣщалась во второй разъ и по закрытіи ея съ солнечнымъ закатомъ (—ея не слѣдовало открывать прежде восхода солнца и надлежало закрыть до заката) подавался ужинъ, причемъ дѣти иногда въ присутствіи родителей выказывали свои орхестическіе и музыкальные успѣхи. Во время гермеевъ, т. е. въ праздникъ бога гимнастики Гермеса, мальчики должны были послѣ жертвоприношеній въ присутствіи собравшагося тутъ общества показать, чему научились они въ палестрѣ; въ праздникъ музъ они точно такъ же предъявляли свои знанія, распѣвая гимны и хоровыя пѣсни.

Эфебы (подростки) посѣщали уже не палестры, а гимназіи; здѣсь обучали ихъ гимнасты и другіе учителя подъ надзоромъ и при содѣйствіи гимназіарховъ, косметовъ, софронистовъ и гипософронистовъ. Гимназіи сооружались государствомъ или для него же на всеобщую потребу гражданъ. Изъ нихъ важнѣйшими и древнѣйшими были: Академія, названная по имени героя Академа и лежащая въ нѣсколькихъ стадіяхъ къ сѣверо-западу отъ города въ тѣни священной масличной рощи Аѳины; — Ликейонъ при святилищѣ Аполлона Ликейскаго, къ востоку отъ города;—Киносаргесъ, къ сѣверу отъ Ликейона, гдѣ боролся Иракль, освятивъ это мѣсто жертвоприношеніемъ, причемъ бѣлая собака (κύων ἀργός) будто бы похитила у него часть жертвеннаго мяса. Тѣ изъ молодыхъ людей, которые происходили не отъ двухъ аттическихъ родителей, а только отъ одного аттическаго отца, должны были совершать свои гимнастическія упражненія въ Киносаргесѣ, такъ какъ Иракль тоже рожденъ отъ неравныхъ родителей, отъ бога и смертной жены. Эфебы каждый годъ, въ праздники Промеѳея и Гефеста, показывали свое гимнастическое искусство,—впрочемъ и зрѣлые мужи также не должны были прекращать упражненій, совершаемыхъ отроками и юношами. Какъ поэты были и оставались наставниками даже и взрослыхъ; такъ точно зрѣлые мужчины все еще посѣщали гимназію, и для нихъ назначались при жертвоприношеніяхъ состязанія—на панаѳенеяхъ. Мужчи-

на долженъ пахнуть не благовонными мазями, а масломъ палестры. И въ Аѳинахъ также требовалось отъ мужчины, чтобы у него отъ солнца и пыли палестры была смуглая, а не бѣлая кожа, не такая какъ у женъ и у мужей, выростающихъ въ тѣни.

Къ гимнастикѣ присоединялась орхестика, которая въ древнюю эпоху производилась впрочемъ не въ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, а появлялась чаще всего по поводу жертвоприношеній и празднествъ на общественныхъ площадяхъ, въ храмахъ и театрахъ. Отроческіе хоры, изучаемые съ большимъ тщаніемъ, возбуждали чувство приличія, мѣры, граціи и изящества, къ чему Аѳинянинъ и самъ по себѣ уже былъ способенъ, такъ что онъ не только легко примѣнялся къ нравамъ и образу жизни другихъ греческихъ племенъ, но отличался — будучи даже бѣднымъ и простымъ гражданиномъ —обхожденіемъ, пріемами, приличіемъ, и осанкою отъ всѣхъ остальныхъ Эллиновъ.

Эѳическое образованіе молодого Аѳинянина добивалось чистаго согласія изящества съ добромъ. Отъ каждаго юноши требовались благоразумные поступки, пристойное всегда поведеніе, свѣтское образованіе, вѣжливый, благородный нравъ, приличіе, скромность и учтивость. Къ этому стремилось, какъ заявляетъ Платонъ, все домашнее воспитаніе. Лишь только мальчикъ начиналъ понимать, о чемъ говорятъ, то кормилица, педагогъ, мать и отецъ старались сдѣлать его по возможности добрымъ, объясняя ему при каждомъ словѣ и на каждомъ шагу, что справедливо и что нѣтъ, что прекрасно и что позорно, что свято и что нечестиво. Въ случаѣ нужды они прибѣгали даже къ угрозамъ и побоямъ. Въ этой зависимости отъ дома отрокъ находился до 18-ти лѣтняго возраста. Если въ теченіе этого времени онъ оказывалъ родителямъ не полное повиновеніе, то подлежалъ обвиненію за дурные поступки. На нравственную жизнь обращалъ также вниманіе древній судъ ареопага, требовавшій отъ молодыхъ людей отчета касательно ихъ образа жизни, ихъ сношеній и расходовъ, преслѣдовавшій тунеядство молодежи и устранявшій всякаго рода уклоненія отъ нравственности. Наконецъ къ той же цѣли стремились вся общественная жизнь и воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ.

Характеръ воспитанія былъ жесткій и суровый. Пока не покушаютъ родители, дѣти за столомъ не смѣли брать ни рѣдьки, ни анису, ни сельдерея. Отрокамъ вообще запрещалось ѣсть рыбу и живность. Они должны были сидѣть за столомъ пристойно и не класть ноги на ногу.

На 18-мъ году отроки становились эфебами и считались зрѣлыми, но и въ этомъ возрастѣ они еще содержа-

лись строго. За столомъ они должны были скромно однимъ лишь пальцемъ брать соленія, а хлѣбъ, мясо и рыбу двумя. На улицахъ обязаны были вести себя тихо и благочинно, ходить спокойною поступью, съ опущенными взорами, спрятавъ руки подъ плащъ. На рынокъ имъ вообще запрещалось выходить.

Когда отъ 18 до 20-ти лѣтняго возраста эфебы вмѣстѣ съ гимнастическими упражненіями довольно уже изучили военную службу въ качествѣ объѣздной стражи по границамъ и дорогамъ, то на 20-мъ году ихъ принимали въ число совершеннолѣтнихъ и полноправныхъ гражданъ, занося ихъ въ гражданскій списокъ фратріи и племени, и они обязаны были въ Акрополѣ, въ храмѣ Аѳины Аглавры присягнуть: „Не посрамлю священныхъ оружій и не покину стоящаго о бокъ со мною, кто бы онъ ни былъ. Буду ратовать и одинъ и вмѣстѣ съ другими за святилища и законы. Оставлю по себѣ отчизну не въ худшемъ, но въ лучшемъ состояніи. Обязуюсь во всякое время охотно покоряться судьямъ, подчиняться утвержденнымъ постановленіямъ, и не допускать, чтобы кто либо нарушилъ ихъ или не покорился имъ. Буду ратовать одинъ и заодно съ другими. Буду чтить отеческія богослуженія. Да будутъ мнѣ въ томъ свидѣтелями боги“.—

Образованіе женщинъ въ Аѳинахъ было весьма ограниченно, и познанія ихъ были скудны. Покои ихъ находились въ самой задней части дома: дѣти и рабыни были ихъ единственнымъ обществомъ. Мать главнѣйше заботилась о красотѣ дочери. На этотъ конецъ, и дабы пріобрѣсти стройный станъ, дочь должна была ѣсть только понемногу. Грудь подвязывалась широкою лентою, волоса красились, брови сурьмились. Одежда дѣвочекъ состояла изъ длиннаго, свободно спускавшагося, бѣлаго балахона подвязаннаго поясомъ. Онѣ украшали себя также вѣнками. Въ народные праздники дѣвицы совершали шествія и устроивали хороводы, а въ такъ называемый „медвѣжій праздникъ“, каждый годъ, при жертвоприношеніяхъ и при чтеніи какого нибудь отрывка изъ Иліады, дѣвочки отъ 5 до 10-ти лѣтняго возраста посвящались Артемидѣ: — это посвященіе должно было служить символическимъ напоминаніемъ о чистой дѣвственности. Впрочемъ дѣвочки не отлучались изъ дому; оттого Аѳинянки и были большею частью такъ слабы и блѣдны лицомъ. Мать обучала ихъ женскимъ рукодѣліямъ, — прясть, шить, ткать, вязать и т. п. Онѣ учились отчасти чтенію и письму, пѣнію и игрѣ на лирѣ вѣроятно у женскихъ наставницъ, въ школу къ которымъ ихъ провожали рабыни. Однако женскія познанія вообще стояли въ противорѣчіи съ знаніями мужчинъ, вполнѣ отвѣчая низкому значенію женщины въ Аѳинахъ. Благочиніе, цѣломудріе и нравственная чи-

стота были лучшими женскими добродѣтелями, а домашняя бережливость и цѣлесообразное управленіе хозяйствомъ — высшими женскими достоинствами. Вслѣдствіе того воспитаніе и имѣло цѣлью эти добродѣтели и эти достоинства.

Касательно воспитанія сиротъ Солонъ уже издалъ законныя постановленія. Сиротамъ давался опекунъ, избираемый либо самимъ отцомъ передъ смертью, либо по смерти его архонтомъ. Этотъ опекунъ до 18-ти лѣтняго возраста сироты мужскаго пола обязанъ былъ наблюдать за воспитаніемъ, нравственностью и имуществомъ послѣдняго, если же онъ не обладалъ имуществомъ, то пещись о содержаніи сироты. Точно также поступали и съ дочерьми. Въ особенности же пеклись о дѣтяхъ гражданъ, павшихъ въ бою. Они до 20-ти лѣтняго возраста получали содержаніе въ пританеѣ, общественномъ зданіи, въ которомъ засѣдавшіе по очереди изъ 10 классовъ сената пританы собирались на 35-ти дневный срокъ для исполненія должности, и въ которомъ получать столъ считалось одною изъ величайшихъ почестей. По истеченіи 21-го года сиротамъ передавалось имущество ихъ отцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полное вооруженіе.—

Таково было воспитаніе Аѳинянъ. Оно было религіозно нравственное и—такъ какъ для Аѳинянина небесныя силы олицетворялись въ искусствѣ, попреимуществу въ поэзіи—состояло въ упражненіи памяти и интеллектуальной способности для воспринятія поэтическихъ мыслей, сверхъ того въ образованіи вкуса, которое самымъ тѣснымъ образомъ сливалось съ гармоническимъ развитіемъ тѣла и достигало вслѣдствіе того нравственной силы и умѣренности, самообладанія и преданности общественнымъ интересамъ. Отъ спартанскаго оно отличалось настолько же и въ той же мѣрѣ, насколько Аѳинянинъ отличался отъ Спартанца. И тотъ и другой по внѣшнему народному строю уже шли разными путями: дорійская народность составляла переходъ отъ древней Эллады къ Западу, къ Италіи и Сициліи; іонійскія же племена привели Элладу въ соприкосновеніе съ лежавшими на востокъ отъ нея землями и островами, съ западною Азіей. Государственное устройство ихъ представляло такую же противоположность: спартанское законодательство заглушало индивидуальность и не имѣло ни исторіи, ни развитія; въ аѳинскомъ же государственномъ устройствѣ индивидуальность получила право голоса, и исторія ея была исторіей самихъ Аѳинъ. Точно также и воспитаніе. Воспитаніе Спартанцевъ, стѣснявшихъ особь именно настолько, насколько расширялась ея свобода въ Аттикѣ, было всеобщимъ, публичнымъ и равнымъ для всѣхъ, въ немъ даже дѣвицы принимали участіе; воспитаніе же Аѳинянъ только по содержанію своему было національнымъ, тогда какъ по формѣ оно существеннымъ образомъ отстая-

вало разнообразіе и индивидуальность. Въ Спартѣ тѣлесное воспитаніе преобладало надъ духовнымъ; въ Аѳинахъ же стремились къ равновѣсію между тѣломъ и душой. Въ Аѳинахъ женщина болѣе нежели въ Спартѣ обрекалась на внутреннюю домашнюю жизнь, а потому въ Спартѣ болѣе нежели въ Аѳинахъ обращалось вниманіе на общественное женское воспитаніе. Въ Спартѣ воспитаніе и обученіе подлежали государственному попеченію, а потому и устроивались государствомъ; въ Аѳинахъ, напротивъ, воспитаніе было частнымъ дѣломъ, лишь вообще подлежащимъ контролю правительства; оттого оно въ Спартѣ строго опредѣлялось закономъ, въ Аѳинахъ же не стѣснялось законами, а напротивъ, развивалось всесторонне. Спарта ограничивала обученіе помимо гимнастики музыкою и изощреніемъ разсудка; Аѳины, своимъ научнымъ преподаваніемъ, особенно разъясненіемъ классическихъ сочиненій, пытались изощрить мышленіе, развить изящный вкусъ, возбудить чувство доблести. Спартанская музыка, изучаемая молодыми людьми, отличалась спокойствіемъ и величавостью; а іонійская, предпочитаемая Аѳинянами,—болѣе живыми напѣвами. Гимнастика въ Спартѣ имѣла цѣлью главнѣйше выдержку и физическую силу; въ Аѳинахъ гимнастика стремилась развить единство, силу и быстроту. Преподаваніе въ Спартѣ требовало отъ ученика слѣпого повиновенія,—въ Аѳинахъ образовывалось собственное сужденіе воспитанника. Въ Спартѣ возрастъ рѣшалъ, можно ли и слѣдуетъ ли отроку, юношѣ и пр. предоставить бо́льшую или меньшую свободу; въ Аѳинахъ — нормами, обусловливавшими свободу воспитанника, служили разумъ и знаніе. Въ Аѳинахъ дѣтскія обязанности коренились частью въ чувствѣ благодарности; въ Спартѣ — долгъ дитяти въ отношеніи къ родителямъ былъ основанъ на повиновеніи. Аѳинское воспитаніе развивалось по мѣрѣ развитія народа; а спартанское пребывало неизмѣннымъ и однообразнымъ. Въ Спартѣ, говоритъ Крамеръ, существовало одно только воспитаніе; въ Аѳинахъ было и старое и новое.

Аѳинское воспитаніе стремилось соразмѣрнымъ развитіемъ всѣхъ силъ создать изъ питомца прекрасное цѣлое, —нравственно-художественное произведеніе, а наступавшая затѣмъ практика общественной жизни, продолжая далѣе дѣло воспитанія, порождала самоувѣренность, напрягала всѣ силы, требовала изощренной наблюдательности и разумнаго сужденія о лицахъ и условіяхъ, вообще энергіи и житейской мудрости. Аѳинянину надлежало быть вольнолюбивымъ и отважнымъ, но прежде всего правдивымъ и благонравнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненнымъ любви къ наукѣ и искусству, такъ чтобы своею тѣлесною и духовною жизнью онъ олицетворялъ художественный образецъ. Эта цѣль достигалась аѳинскимъ воспитаніемъ и

аѳинскою жизнью. Это было конечно аѳинскою лишь цѣлью: воспитаніе имѣло въ виду развитіе только изящно образованнаго Аѳинянина, или, пожалуй, эстетическаго Грека. Болѣе же глубокаго нравственнаго идеала человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитанія, а равно истиннаго религіознаго образованія, не вѣдалъ и не могъ вѣдать Аѳинянинъ, такъ какъ онъ вообще и духовную и тѣлесную жизнь видѣлъ лишь въ свѣтѣ эстетической идеи.

17.

ПЕДАГОГИ-ТЕОРЕТИКИ ВЪ ІОНІЙСКО-АТТИЧЕСКУЮ ЮНОШЕСКУЮ ЭПОХУ.

Зародыши греческаго образованія лежатъ въ естественной и народной поэзіи, дававшей каждому дѣйствію и каждому проявленію въ обыденной жизни, празднествамъ и т. п., выраженіе въ стихахъ, и сохранявшей въ пѣсняхъ добытые Греками опыты и наблюденія. Къ этому незамѣтно пріобщились пословицы, гномы и басни, какъ средства для образованія, и своими изъ жизни почерпнутыми сокровищами облагородили обиходный житейскій бытъ вообще. Мудрость естественной и народной поэзіи, пословицъ, гномовъ и басень была первою народною педагогикой, облекшей въ поэтическіе покровы нравственныя предписанія и правила благоразумія, соблюденіе мѣры въ отношеніи къ богамъ и людямъ. Поэтому на воспитаніе народа всего болѣе вліяли мудрецы, отличавшіеся не спеціальными знаніями, но житейскимъ опытомъ, государственною мудростью и здоровою моралью; этическое, политическое и соціальное воззрѣніе ихъ Греки совмѣстили въ одинъ циклъ семи мудрецовъ.

«Мѣру знать надлежитъ», такъ училъ Клеовулъ изъ Линда;
«Все обдумай заранѣй», сказалъ сынъ Эфиры, Періандръ;
«Временемъ ты дорожи», говорилъ Питтакъ Митиленскій;
«Многіе маха даютъ», думалъ Пріэнецъ Віасъ;
«Порука лишь горе наноситъ», Милетскій Ѳалесъ упреждаетъ;
«Самъ себя познавай», предписалъ Спартанецъ Хилонъ;
«Въ крайность отнюдь не впадай!» въ Аѳинахъ Солонъ поучаетъ.

Прекрасная мѣра и жизненная гармонія, основа всего эллинскаго быта, требовались слѣдовательно и этими, изъ живой дѣйствительности выхваченными истинами. И такая житейская мудрость, которая должна была вліять и вліяла непосредственно на развитіе эллинской жизни вообще, вошла также непосредственно въ воспитаніе юности. Первая педагогика въ Греціи была поэтически и нравственно гномическая.

Чѣмъ болѣе однако образованіе народа, подвигавшееся наравнѣ съ развитіемъ народной жизни, расширялось и

стремилось къ вершинной точкѣ своего развитія; тѣмъ сильнѣе обнаруживалась потребность прійти въ ясность съ самимъ собою, уразумѣть сущность вещей и самосознательно созерцать себя и міръ. Гдѣ, какъ у Грековъ, чувствуется и чувствовалось, все глубокое и прекрасное, вѣчное и истинное, тамъ все это, бывъ разоблачено отъ обманчивыхъ покрововъ поэзіи, стремится проявить себя въ формѣ чистой мысли. Греція породила не только пращуровъ искусства, но также и отцовъ философіи. Народъ начинаетъ создавать теоріи,—философствовать.—Философія вмѣстѣ съ драмою есть послѣдній и самый зрѣлый плодъ народа. Онъ начинаетъ обыкновенно съ религіозной поэзіи, съ поэзіи своихъ боговъ, своей вѣры и проч., дабы въ дѣтствѣ своемъ, едва прозрѣвъ, изложить въ эпосѣ свои подвиги. Юношей, онъ въ лирикѣ воспѣваетъ идеалы своей жизни, избытокъ юношескихъ силъ, свои чувствованія, а съ пробудившимся умозрѣніемъ—притчи и гномы, эти первые плоды размышленія о человѣческой жизни и о чувственномъ мірѣ явленій. Такимъ образомъ пролагается путь зрѣлому возрасту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и философіи, которая въ починѣ своемъ не что иное какъ поэзія и разсужденіе о поэзіи, пока наконецъ мечтательное помышленіе не претворитъ въ себѣ вполнѣ сдѣланныя наблюденія и опыты; и тогда уже философія собираетъ въ одномъ умственномъ фокусѣ добытыя опытными науками знанія и вмѣстѣ съ тѣмъ лежащія въ основѣ религіозныхъ представленій истины, озаряя изъ этого средоточія всю область духовнаго міра.

Такъ было и въ Греціи. Первое возникновеніе греческой философіи совпадаетъ съ вершинною точкою національной духовной жизни Грека, его законченныхъ произведеній искусства, его безсмертныхъ подвиговъ, и блестящая эпоха его философіи есть завершеніе этого высшаго образованія его.—На долю юношеской эпохи выпали пока только передовые посты философіи: Іонійцы и Элеаты. Но и съ ними уже начинается новое, противоположное бывшему доселѣ греческому міросозерцанію научное воззрѣніе; и въ самомъ дѣлѣ какъ вообще для греческой жизни, такъ въ особенности для научнаго развитія знаменательно то, что греческая философія начинается не съ религіозныхъ умозрѣній, не съ теологіи жрецовъ, какъ у восточныхъ народовъ, но съ созерцанія и наблюденія природы, и переходитъ далѣе къ эпическимъ задачамъ, дабы рѣшеніемъ ихъ достичь своей вершинной точки. Поэтому она съ самаго начала вступаетъ въ противорѣчіе съ догматическимъ взглядомъ Грековъ. Доселѣ мысленный кругозоръ Грека ограничивался въ сущности явленіями человѣческой жизни; природа внѣ человѣческаго бытія признавалась лишь въ той мѣрѣ и настолько, насколько она существовала для цѣлей и потребностей людской жизни. По греческому народному вѣрованію, какъ справедливо за-

мѣчаетъ Рётъ, всѣ боги, и самъ Зевсъ міродержецъ, были лишь человѣкоподобными существами, въ которыхъ образованные люди смутно представляли себѣ наивысшія свойства человѣческаго духа, а невѣжественная толпа такія же свойства человѣческаго образа. „Воображали, что боги, какъ человѣкоподобныя существа, находились точно въ такомъ же отношеніи къ мірозданію, какъ и люди; для тѣхъ и для другихъ міръ былъ лишь однимъ общимъ жилищемъ; для боговъ небо, звѣздная твердь, точно такъ же какъ для людей земля".—Съ возникновеніемъ философскаго мышленія и передъ нимъ природа въ видѣ мірозданія выступила уже на первый планъ, а міръ и божество представлялись по существу подобными и тожественными, человѣкъ же отошелъ на задній планъ: жизнь единичной личности стали теперь выяснять изъ всеобщей міровой жизни.—

Въ Іоніи, гдѣ возникъ уже эпосъ и гдѣ началась греческая исторія, положенъ починъ также и философіи. Первые іонійскіе натурфилософы, жившіе около 600 г. до Р. X., Ѳалесъ и Анаксимандръ, прежде всѣхъ, съ той поры какъ раздалась человѣческая рѣчь, утвердили высшій надъ всею природою господствующій принципъ, законъ природы; за такого дѣятеля Ѳалесъ принималъ воду, а Анаксимандръ безпредѣльное. Въ силахъ природы представлялись имъ настоящія божества, а въ жизни природы—явныя доказательства того, что она наполнена богами. — Гераклитъ—500 л. до Р. X.—постигалъ природу и все бытіе какъ нѣчто становящееся, созидающееся. Все течетъ! Потокъ, непрестанное уничтоженіе, борьба — воплощенная въ огнѣ—это отецъ всѣхъ вещей. Смертная суть единится и расходится безъ перерыва, то является, то исчезаетъ, она существуетъ, и вотъ ея опять нѣтъ. Міръ есть вѣчно живущій, въ извѣстной степени и мѣрѣ гаснущій и вновь воспламеняющійся огонь. Высшая ясность этого пламени — душа, несовершенная лишь вслѣдствіе соединенія своего съ тѣломъ. Зрѣніе и слухъ, которыми обладаютъ также и варварскія души, — это плохіе свидѣтели для человѣка, и одинъ только разумъ можетъ быть судьею истины, но и то не всякій, а лишь божественный и всеобщій. Потому-то истинное знаніе то, что отвѣчаетъ законамъ, а добродѣтель—это довольство. — Движущій принципъ, теплоту Гераклита, еще точнѣе пояснилъ Эмпедоклъ—440 г. до Р. X.,—выставивъ въ противоположность огню три остальныя стихіи, воду, воздухъ и землю, ибо послѣднія въ противоположность невѣсомому представлялись ему свойствами природы, различавшимися по составу своему какъ жидкія, капельныя и твердыя. —Ту же идею мірового потока и взаимной смѣны вещества въ Космосѣ проводилъ также и Анаксагоръ — 500 л. до Р. X.,—но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Ѳалесу и Анаксимандру, искалъ основы бытія, и подобно Гераклиту — основы

самозиждительства. Въ этомъ творческомъ становленіи онъ обнаружилъ цѣлесообразность и потому отдѣлилъ отъ матеріальнаго міра дѣйствующій согласно съ цѣлями разумъ, духъ, который внесъ движеніе во все коснѣющее и, связавъ между собою все однородное, урядилъ міръ,—вещество которое отнюдь не то же что духъ. Критеріемъ истины служитъ разумъ, ибо чувства по немощи ихъ не въ состояніи судить объ истинѣ.

У Ѳалеса и Анаксимандра міръ нравственности, уступая мѣсто изслѣдованіямъ физическаго міра, отходитъ еще на задній планъ. Для исторіи педагогики они важны потому, что впервые ввели въ Греціи астрономическія знанія. Ѳалесъ не только предсказалъ солнечное затмѣніе, но съ большею точностью опредѣлилъ также годъ въ 365 дней, мѣсяцы каждый въ 30 дней, времена равноденствій и солнцестояній. Анаксимандръ первый составилъ небесный глобусъ, на которомъ соотвѣтственно небеснымъ явленіямъ начертаны были придуманные имъ круги. Онъ занимался примѣнимой къ астрономіи начертательной геометріей, сооружалъ гномоны для измѣренія солнечныхъ высотъ, съ тѣмъ, чтобы по тѣни опредѣлить точки солнцестоянія, равноденствія и пр., и создалъ научное землевѣдѣніе, начертавъ по указаніямъ прибрежныхъ мореплавателей всю область извѣстныхъ въ то время Грекамъ земель (на югѣ—до южныхъ предѣловъ Египта, на сѣверѣ—за окраинами Чернаго моря, на востокѣ—до предѣловъ среднеазіатскихъ провинцій Ассиріи, Вавилоніи, Персіи, на западѣ—до Испаніи, а въ средоточіи всего этого у него Греція и Іонія).—Гераклитъ важенъ для педагогики потому, что почитаетъ народную жизнь средоточіемъ нравственности и разумности, вслѣдствіе чего и требуетъ, чтобы единичная личность подчинялась этой всеобщей нравственности. Онъ хочетъ утушить подобное опасному пожару своеволіе, и вознесясь надъ чувствами, критеріемъ истины ставитъ разумъ.—Анаксагоръ довершилъ наконецъ постановкою абсолютно невещественнаго принципа разрывъ между философіей и древнимъ греческимъ воззрѣніемъ касательно непосредственнаго единства тѣла и души, и тѣмъ самымъ внесъ также рѣшительный разрывъ въ самое воспитаніе.

Эту противоположность всеобщему греческому міровоззрѣнію прежде того еще провозгласили Элеаты, рѣшительно противопоставивъ монизмъ политеизму Грековъ. Существуетъ лишь одно безъ начала и безъ конца, несотворенное, вѣчное первичное божество,—такъ начинаетъ Ксенофанъ (570 до Р. Х.) свое ученіе о божествѣ,—ибо оно не могло возникнуть изъ равнаго себѣ, потому что два взаимно равныя существа не могутъ состоять другъ къ другу въ отношеніи творца и твари. Это—божество вседержавное, а по-

тому и единое, ибо еслибъ было ихъ два или нѣсколько, то ни одно изъ нихъ не могло бы уже быть ни самымъ всемогущимъ, ни самымъ совершеннымъ существомъ, потому что въ такомъ случаѣ каждое изъ этихъ божествъ, какъ тожественное съ другими, было бы такимъ же всемогущимъ какъ и они; а поскольку божество не всемогуще, постольку оно уже и не божество. Но божество едино не только въ смыслѣ монотеизма, а также и въ смыслѣ пантеизма: оно не только обладающее разумомъ и волею духовное, но также и матеріальное существо, оно весь матеріальный міръ, вселенная;—божество и вселенная одно, и въ сущности они совершенно однородны и взаимно равны, а въ дѣйствіяхъ — одновременно и равномѣрно всюду проявляютъ разумъ и волю.

Богъ лишь единъ выше всѣхъ боговъ и людей,
Ни по образу, ни даже по мысли не подобенъ онъ смертнымъ.
А люди мечтаютъ, что боги родятся
По образу нашему, съ чертами подобными нашимъ,
Что наша наружность у нихъ, нашъ голосъ и станъ;
Свѣтлоокимъ и русымъ является богъ у Ѳракійца,
Тупоносымъ и чернымъ его Эѳіопъ представляетъ.
Египтяне, Мидяне, Персы, и всѣ остальные
По собственнымъ обликамъ лики боговъ начертали.
Воспѣвая бо̀льшею частью ихъ гнусные подвиги,
Гезіодъ и Гомеръ на боговъ наклепали поступки,
Какіе и людямъ вмѣняются въ срамъ и позоръ:
Тутъ и кража, и прелюбодѣйство, и взаимный обманъ.
Когда бы у львовъ и скотовъ были руки
И могли бы они какъ и люди писать и ваять,
То писали бъ боговъ и ваяли бы образы ихъ
Въ томъ же видѣ какъ созданы сами:
Лошади въ видѣ коней, а быки въ видѣ быковъ.

Такъ Ксенофанъ и рѣзко и мѣтко возсталъ противъ всякаго человѣкоподобно воображаемаго представленія о божествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ того греческаго воспитанія, для котораго существеннымъ средствомъ служили стихи Гомера. Въ то же время онъ, подобно Гераклиту и Анаксагору, отвергаетъ наивное чувственное созерцаніе Грековъ, отрицаетъ достовѣрность свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ посредствомъ чувствъ, и провозглашаетъ ненадежность и недостаточность человѣческаго знанія вообще.

Никто ничего не познадъ достовѣрно, и никогда не узнаетъ
Ни о богахъ, ни о томъ, что сказано мной о вселенной.
Напади кто случайно на истину, онъ и самъ бы
Не вѣдалъ о томъ, ибо все подлежитъ заблужденью.

Элеатъ Парменидъ считаетъ истиной одно лишь несотворенное, непреходящее, всецѣлое, недвижимое бытіе, тогда какъ всякое множество для него, лишь призракъ. Это бытіе въ то же время и мышленіе, и одно лишь мышленіе бытія, въ противоположность обманчивымъ представленіямъ о разнообразіи и измѣнчивости явленій, есть истинное, непреложное

знаніе. Знаніе имѣетъ цѣлью единство мышленія съ предметомъ до совершеннаго исчезновенія различій между тѣмъ и другимъ; а такъ какъ человѣкъ далекъ отъ такого чистаго и истиннаго познанія, мѣрило котораго разумъ, и зачастую подчиняется мнимому знанію, имѣющему источникомъ чувства, то всякое рожденіе на свѣтъ—скорбное событіе, такъ что было бы лучше людямъ оставаться схороненными въ лонѣ земли. — Къ крайнимъ выводамъ элеатовъ приходитъ Зенонъ, пользующійся высокимъ значеніемъ въ педагогикѣ, какъ изобрѣтатель діалогическаго способа изложенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ основатель діалектики. Утверждаясь на бытіи Парменида и исходя отъ этого понятія, онъ діалектически уничтожаетъ чувственное представленіе и заодно съ нимъ міръ несуществующаго воистину, доказывая, что множественное, измѣнчивое, пространственное и временное подлинно вовсе не существуетъ.

Съ Зенономъ и элеатами подверглось сомнѣнію все, что для Грека было достовѣрнаго — весь прекрасный міръ дѣйствительности —, вообще былъ проложенъ путь къ сомнѣнію въ знаніи, особенно въ истинѣ всего считавшагося доселѣ истиннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникло также сомнѣніе въ успѣхѣ господствовавшаго доселѣ воспитанія. Въ этомъ-то и заключается значеніе досократовской философіи для дальнѣйшаго развитія греческой образованности, а слѣдовательно также и греческаго воспитанія, теорію котораго въ сущности не могли двинуть впередъ ни натурфилософія физиковъ, ни логика элеатовъ, ибо основы для теоріи воспитанія будутъ заложены несокрушимо только тогда, когда философія установитъ нравственный принципъ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ сущность человѣка будетъ изслѣдована въ психологіи. До-сократики въ развитіи греческаго образованія представляютъ собою первый разгулъ юношеской мысли, которая усомнилась въ данномъ духовномъ мірѣ, точно такъ же какъ и въ данной дѣйствительности, и, презрѣвъ насущнымъ бытіемъ, какъ ничтожнымъ, ринулась въ міръ своихъ идеаловъ. Но какъ идеальный міръ юноши вполнѣ естественное созданіе его, неправое лишь до тѣхъ поръ, пока оно вопреки дѣйствительности настаиваетъ на своемъ, и вступающее напротивъ въ права свои тогда, когда мужъ разоблачитъ отвлеченную его идеальность, пытаясь сочетать его съ дѣйствительностью: такъ точно и борьба юной науки противъ господствовавшаго дотолѣ въ Греціи духовнаго міра была лишь борьбою противъ догматическаго коснѣнія въ унаслѣдованныхъ представленіяхъ, съ тѣмъ чтобы сообщить имъ текучесть, движеніе, и чтобы Сократъ, этотъ зрѣлый мужъ Греціи, могъ потомъ на оживленной и оплодотворенной почвѣ сѣять сѣмена нравственности. Физики съ геніальною отвагою пытались разгадать крайніе вопросы естественнаго бытія и вѣщимъ взоромъ проникли въ связь

явленій, дотолѣ лишь эстетически созерцаемыхъ Греками. Въ рьяной заносчивости, элеаты своимъ разсудочнымъ принципомъ сокрушили всякую реальность наблюденія, и понятія, служащія лишь для обозначенія предметовъ въ подлежащихъ наблюденію условіяхъ, приняли за самые эти реальные предметы. Но въ самомъ отрицаніи все-таки оказалась положительная сторона,—именно та, которую утвердилъ Сократъ, поставивъ основнымъ принципомъ человѣка, а средоточіемъ философіи этику: такимъ-то образомъ и заложена была впервые основа для истинной теоріи педагогики.—

---

3) ЗРѢЛЫЙ ВОЗРАСТЪ ГРЕКОВЪ.

а) ПОДВИГИ ГРЕЦІИ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

18.

Человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ таковъ, какимъ онъ сдѣлался въ юности. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы показать, чѣмъ онъ сдѣлался, чтобы образовать себя для дѣла въ пользу міра, чтобы въ борьбѣ оправдать свое бытіе и свою сущность и побѣдоносно отстаивать ихъ отъ всякаго нападенія.

Начиная съ Персидскихъ войнъ и до Александра Великаго Греція переживаетъ свою эпоху зрѣлости. Аѳины въ эту эпоху руководятъ всѣмъ хоромъ, а именно въ двухъ существенно розныхъ другъ отъ друга періодахъ; время отъ Персидскихъ войнъ и до смерти Перикла заключаетъ въ себѣ высшую энергію, законченную красоту и нравственную грацію, а время отъ Пелопоннесской войны и до Александра Великаго содержитъ въ себѣ формальное искусство и остроумную субъективность, но вмѣстѣ съ тѣмъ также охлократическое броженіе и упадокъ нравственной чистоты.

Организовавшись внутри и вооружась духовно, Аѳины во время Персидскихъ войнъ вышли на широкое поприще исторіи. Гордые своею свободою, противостали онѣ гордынѣ варваровъ и сами искали борьбы съ такимъ же пыломъ, съ какимъ борьба искала ихъ, дабы испытать въ ней свою силу и доказать на дѣлѣ свое самосознаніе. Не было еще болѣе свободнаго народа съ болѣе свободнымъ духомъ, который побѣдоноснѣе сокрушилъ бы деспотическое могущество интриги и подкупа, какъ эта ничтожная кучка Грековъ подъ Мараѳономъ и при Саламинѣ. Въ тѣ дни,

когда Греки въ битвахъ подъ Мараѳономъ и при Саламинѣ отстояли свободу отъ деспотизма, когда Мильтіадъ и Ѳемистоклъ украсили свое чело неувядающими лаврами, въ тѣ дни, духъ свободы, а вмѣстѣ съ нимъ и его спутница, радость, торжествовали всемірно-историческую побѣду надъ азіатскимъ рабствомъ съ ея скорбями; и эту радость свободы символизировалъ самъ духъ исторіи, обставивъ побѣду для бо́льшей славы поэзіей: и въ самомъ дѣлѣ, 45-ти лѣтній Эсхилъ находился въ рядахъ бойцовъ при Саламинѣ, 15-ти лѣтній Софоклъ въ хорѣ юношей принималъ участіе въ устроенномъ послѣ битвы торжествѣ, а Эврипидъ родился какъ разъ въ этотъ самый день. Бывали конечно болѣе громадныя битвы — говоритъ Гегель: но эти двѣ вѣчно будутъ жить въ памяти исторіи не однихъ только народовъ, но также науки и искусства, исторіи всего доблестнаго и нравственнаго вообще. „Ибо то были всемірно-историческія побѣды: онѣ спасли образованіе и умственную мощь и обезсилили азіатскій принципъ. Въ исторіи никогда еще превосходство умственной силы надъ массой, и притомъ не надъ презрѣнною массой, не проявлялось въ такомъ блескѣ“. Съ этой поры Аѳины находились на верху своей славы и своего могущества: центръ тяжести Греціи перешелъ изъ Пелопоннеса въ Аттику, и Аѳины вмѣстѣ съ тѣмъ достигли въ самихъ себѣ своей высшей вершинной точки — живой свободы и живого равенства быта и умственнаго образованія, въ предѣлѣ которыхъ на полной волѣ могли заявлять себя всякія неравенства характера и таланта, всякія различія индивидуальности. Аѳины переживали теперь все то, что Аристотель называетъ характеристичнымъ въ эллинскомъ народѣ: знаніе и хотѣніе въ полномъ согласіи, умственное образованіе и нравственную чистоту въ прекрасной гармоніи, глубокое содержаніе въ простой прелестной формѣ — классицизмъ, съ неодолимымъ обаяніемъ восхищавшій и донынѣ восхищающій умы всѣхъ вѣковъ. Периклъ — вотъ имя того, кто это единство знанія и хотѣнія, матеріальнаго и формальнаго образованія проявилъ въ лицѣ своемъ, въ своемъ правленіи и въ процвѣтавшемъ подъ его покровительствомъ искусствѣ. Онъ былъ Зевсомъ въ божественномъ сонмѣ аѳинскихъ личностей. Совмѣстивъ въ себѣ все образованіе своей эпохи, онъ, изъ свободныхъ свободнѣйшій, уважалъ свободу всѣхъ, и называлъ высшею долей господство надъ свободными. Онъ являлся среди народа въ величавой чистотѣ характера, полный благороднаго безкорыстія и независимаго достоинства и при всемъ томъ доблестнаго величія въ виду разбушевавшихся страстей толпы народной. При немъ и благодаря ему, какъ въ Аѳинахъ, такъ и надъ всею Греціей, господствовалъ самодержавный аѳинскій народъ. Въ праздникъ панаѳеней, когда выставлялось наружу все могущество и величіе аттическаго госу-

дарства, народъ этотъ всходилъ по мраморнымъ ступенямъ Пропилеевъ Мнесикла къ величественному Пареенону величаваго Акрополя—къ этому художественному произведенію, вмѣщавшему въ себѣ другія художественныя произведенія. Передъ этимъ народомъ давались вѣчныя какъ міръ драмы Эсхила и Софокла, которыхъ снабдилъ скрижалями и напутствовалъ самъ мощный духъ исторіи, — передъ этимъ народомъ жизнь и государство подвергались суду, прославлялись и бичевались безсмертнымъ юморомъ Аристофановскихъ комедій. Для этого также народа созидались вѣчные памятники скульптуры, для него всѣхъ затмѣвающій собою Фидій въ важномъ и строгомъ стилѣ изваялъ своего олимпійскаго Зевса, Аѳину въ Парѳенонѣ и громадную бронзовую статую на крѣпости съ простертою къ бою и на защиту десницею и съ поднятымъ копьемъ, виднымъ уже отъ находящагося за 5 миль мыса Суніума. Аѳины были самымъ блистательнымъ городомъ, средоточіемъ умственной жизни въ Греціи, фокусомъ и образцомъ греческой жизни. Словно изъ земли выростая, появлялись въ нихъ достойные удивленія умы — циклъ классическихъ натуръ, приводившихъ въ изумленіе всѣ вѣка, оттого что сущностью ихъ была красота и чувство изящнаго, и такое чувство, которое не забавлялось пустою искусственною пышностью и изнѣженнымъ услажденіемъ одной формой, а имѣло своей основою пластическій, законченный характеръ. Духъ и одушевленіе Мараѳонцевъ отзывались еще въ ихъ дѣтяхъ, и заявивъ себя вовнѣ, обратились вовнутрь, съ тѣмъ чтобы и въ искусствѣ также одержать мараѳонскія побѣды. Потому-то искусство и было не предметомъ роскоши въ домахъ богатыхъ частныхъ людей, ни даже индивидульнымъ произведеніемъ единичныхъ племенъ; напротивъ, коренясь во всеобщей религіи и въ миѳическомъ образованіи эллинизма, произведенія искусства были общимъ достояніемъ греческихъ земель, всенародною собственностью, для увеличенія которой нація трудилась страстно, такъ что Зевксису пять прекраснѣйшихъ дѣвицъ служили натурщицами для приготовляемой имъ въ народномъ храмѣ картины, — такъ что Софоклъ въ благодарность за его Антигону былъ избранъ въ стратеги противъ Самоса, ибо думали, что человѣкъ обладавшій высокимъ и доблестнымъ вдохновеніемъ, съ такимъ же умомъ и самоотверженіемъ послужитъ государству и во всѣхъ иныхъ случаяхъ; — такъ что изъ всѣхъ городовъ, стекались граждане для того только, чтобы увидѣть знаменитыя художественныя произведенія знаменитаго мастера. Народный духъ требовалъ художественныхъ образовъ, возбуждавшихъ въ немъ идею прекраснаго, и благодаря сочувствію и участію, оказываемому этимъ духомъ твореніямъ мастеровъ, послѣдніе въ свою очередь гордились наградою и поощрялись къ новымъ соз-

даніямъ, такъ что искусство проникало во всѣ стороны жизни и отъ божественныхъ статуй Парѳенона переходило въ домъ, дабы здѣсь придать прекрасную форму самымъ обыкновеннымъ глинянымъ сосудамъ. А созерцаніе законченной красоты облагораживало и возвышало вкусъ. Къ тому же присоединялись еще торжественныя процессіи, бывшія лицевымъ и индивидуальнымъ изображеніемъ созерцаемаго прекраснаго. На народныхъ собраніяхъ и въ судахъ наконецъ каждый изъ гражданъ слушалъ превосходныя рѣчи и при этомъ не только изощрялъ умъ, но развивалъ также и вкусъ свой. Все это должно было конечно оказать существенное вліяніе на воспитаніе молодежи. Она росла среди богатства художественныхъ сокровищъ и благодаря имъ образовала и облагородила свой духъ. „Вслѣдствіе этого — говоритъ Бернарди — въ самой натурѣ греческаго искусства таилось глубокое педагогическое начало самаго популярнаго пошиба, тѣмъ болѣе что оно сливалось съ религіозными понятіями и празднествами и служило опорой отечественной вѣрѣ. Такая совмѣстная жизнь съ искусствомъ изощрила глазъ и развила изумительную силу духовнаго зрѣнія, эту способность среди обычныхъ и пошлыхъ предметовъ уловить доблестное, прекрасное и законосообразное и воспринимать все это въ ихъ наиболѣе знаменательномъ моментѣ; ей классическая эпоха одолжена способностью, независимо какъ отъ практической односторонности, такъ и отъ произвола и субъективнаго вкуса, строго держаться идеальнаго мѣрила“. Представляемыя въ художественномъ совершенствѣ святыни и олицетворенныя божества исполняли сердце отрока и юноши благоговѣніемъ и возбуждали духъ его къ благимъ и великимъ замысламъ: созерцаніе божественныхъ образовъ дѣлало людей мудрѣе и нравственнѣе, ибо нравственное величіе и прелесть, вдохнутыя художникомъ въ свое произведеніе, сообщались такъ же и созерцавшему. Такимъ-то образомъ — говоритъ Крамеръ — творческое искусство существенно способствовало къ тому, чтобы все вновь раздувать пылъ родной религіи и эллинской добродѣтели и непрестанно оживлять стремленіе ко всему нравственному и доброму; и это важно тѣмъ еще болѣе, что истиннымъ основнымъ правиломъ Грековъ было, воодушевлять къ добродѣтели и вооружать противъ порока скорѣе нѣжными впечатлѣніями прекраснаго, нежели мертвыми предписаніями или наружнымъ запретомъ и рабскимъ страхомъ передъ зломъ и порокомъ—не предохранять отъ послѣднихъ, а скорѣе все снова и снова, по крайней мѣрѣ хоть внутри, возбуждать алчность и вожделѣніе къ первымъ. Законы цѣломудрія и нравственности, сказалъ Исократъ, внѣдрялись въ воспріимчивую и плодовитую юную почву, и всѣ были твердо убѣждены, что надлежитъ наполнять не суды скрижалями законовъ, а души

образцами справедливости. Зодчество служило также отличнымъ образовательнымъ средствомъ. Изящество его заключалось не въ громадныхъ размѣрахъ, ни въ избыткѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, а въ гармоніи и въ прелести линій и очертаній: это была интеллектуальная, а не матеріальная красота.—Какъ пластика, такъ точно музыка и поэзія возносили отрока и юношу отъ грязной земной глыбы въ горній міръ идеаловъ, ибо какъ родныя сестры обѣ онѣ сопровождали и озаряли не только праздничныя сборища обыденной жизни, но также и священные пиры боговъ. Наконецъ драма съ неменьшей силою воспитательно вліяла на весь народъ. „Драма, говоритъ Прессансе, возможна лишь тогда, когда человѣкъ не считается болѣе рабомъ или игралищемъ силъ природы. Когда человѣческая личность достигла господства, тогда главный интересъ и обращается на ея судьбу". Эсхилъ былъ великимъ лирикомъ трагедіи, дышащимъ въ своихъ драмахъ, какъ онъ самъ выражается, дыханіемъ Марса. Софоклъ является творцемъ психологической драмы. Эврипидъ, этотъ поэтъ софистовъ, изображаетъ развитіе индивидуальныхъ страстей. Ихъ безсмертныя творенія были дальнобойкими и въ высшей степени сильными воспитательными рычагами, вліяніе которыхъ послужило конечно во благо также и юному поколѣнію. Внутри у домашняго очага, а также вовнѣ на форумѣ и въ храмахъ чувство и помыслы греческой молодежи направлялись какъ къ нравственному, такъ и къ прекрасному началу; въ одно и то же время грамматистъ развивалъ и образовывалъ гармонію внутренняго, а педотрибъ—красоту внѣшняго человѣка. Прекраснѣйшимъ плодомъ этой всеобъемлющей системы, какъ выражается Бернарди, были свобода и самоопредѣленіе особи, способность постигать прекрасное даже въ средѣ практической жизни и сочетать строгость съ забавою игривыхъ музъ.

Но только геній, подобный Периклу, въ состояніи былъ органически сплотить живую народную массу, такъ чтобы разнузданныя страсти не перешли въ господство демагоговъ. Когда онъ выпустилъ бразды изъ рукъ, когда государственный строй извратился въ неукротимую демократію, и открылся путь необузданному честолюбію, когда стекавшіяся въ Аѳины богатства изнѣжили знатныхъ и подстрекали простой людъ къ непомѣрной наживѣ, то Аѳиняне лишились нравственной власти надъ самими собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшняго господства надъ Греціей. Спарта снова противостала Аѳинамъ, и въ Пелопоннесскую войну, когда Солоново государство свободы безъ равенства вступило въ смертный бой съ основаннымъ на принципѣ равенства безъ свободы государствомъ Ликурга, Греція истек-

ла кровью. Общественная жизнь сдѣлалась поприщемъ страстей и своекорыстія. Усобицы потрясли и заглушили нравственное чувство. Частный интересъ воспреобладалъ надъ государственнымъ. Тогда какъ прежде единичная личность полагала свое счастіе и блаженство въ преданности государству, съ этихъ поръ она равнодушно стала относиться къ общественному благу, ибо корысть и жажда наживы сдѣлались богами, которымъ всѣ теперь подчинялись. Произволъ и выгода единичнаго лица служили мѣриломъ его поступковъ и попущеній. Изъ коренившейся въ народѣ страсти къ наслажденіямъ и праздности выросли суетность и распутство, роскошь и нѣга. Государственный порядокъ считался произвольнымъ стѣсненіемъ, законъ — соглашеніемъ большинства, нравственное чувство — только слѣдствіемъ политическаго воспитанія. Семейная любовь слыла чисто-человѣческимъ установленіемъ, а господство гетеръ и злоупотребленіе отроческою любовью подрыли основы всего нравственнаго зданія.

Общественное мнѣніе о брачномъ союзѣ утратило прежнюю строгость свою до такой степени и было такъ сильно подорвано сношеніями Перикла съ Аспазіей, что гетеры увлекали теперь даже строгихъ философовъ и важныхъ государственныхъ мужей. Аспазія своими прелестями успѣла дотого обольстить Перикла, что когда ее обвинили въ оскорбленіи боговъ, онъ, какъ разсказываютъ, защищая ее, пролилъ болѣе слезъ, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда его жизнь и состояніе подвергались опасности, и что Аѳиняне, именуя его олимпійскимъ Зевсомъ, называли ее его Герою, а по поводу ея господства надъ нимъ—его Омфалою и Деянирою. Даже Сократъ нерѣдко посѣщалъ Аспазію, называлъ себя ученикомъ ея и съ уваженіемъ относился особенно объ ея краснорѣчіи. Гетеры (—а это имя „пріятельницъ" со временъ Перикла усвоили себѣ прямо женщины вольнаго поведенія, съ этихъ же поръ обставляя свой промыселъ небывалымъ дотолѣ блескомъ—) обладали по большой части не только красивою наружностью, но также остроуміемъ и умѣньемъ одушевлять бесѣду, онѣ кокетничали литературными и философскими познаніями, посѣщали школы знатнѣйшихъ философовъ, а иногда пускались даже въ авторство. Но все это, вмѣстѣ съ блестящимъ домомъ, какой онѣ поддерживали и могли поддерживать лишь потому, что продавали свои угожденія за большія деньги, прикрывало лишь позорную сторону ихъ промысла и повело ко всеобщей порчѣ нравовъ и къ упадку благосостоянія.

А чего не успѣло сдѣлать безпутство гетеръ, то довершило злоупотребленіе отроческою любовью. Отроческая любовь, существованіе которой обнаруживается лишь съ той поры, какъ Эпименидъ очистилъ Аѳины священными обрядами, сдѣлалась

тамъ вскорѣ всеобщимъ зломъ, и ей предавались даже знатнѣйшіе государственные люди и философы, Солонъ, Аристидъ, Ѳемистоклъ, Кимонъ и др., Фидій, Сократъ, Демосѳенъ, Эсхинъ и пр. Впрочемъ отношеніе ея къ общественной жизни въ Аѳинахъ было иное, чѣмъ въ Спартѣ; вообще въ сущности своей она понималась Аѳинянами иначе чѣмъ Спартанцами. Ликургъ считалъ отроческую любовь однимъ изъ лучшихъ средствъ воспитанія, и злоупотребленіе ею подвелъ подъ одну статью съ кровосмѣшеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Спартѣ любовникъ любилъ своего возлюбленнаго какъ прекрасное изваяніе, такъ что не рѣдко даже у нѣсколькихъ любовниковъ былъ одинъ и тотъ же возлюбленный, не возбуждая ревности между ними. Оттого-то въ Спартѣ этотъ обычай даже въ болѣе испорченныя времена сохранился, за немногими развѣ исключеніями, непорочнымъ. Въ Аѳинахъ напротивъ того, гдѣ въ силу духовной противоположности многое вмѣнялось въ грѣхъ, что въ Спартѣ считалось безгрѣшнымъ; гдѣ эфебы въ старыя времена не смѣли посѣщать купальни, тогда какъ въ Спартѣ онѣ были общія; гдѣ женщина вмѣстѣ съ одеждою своею сбрасывала съ себя чувство стыда, тогда какъ Спартанецъ отнюдь не соблазнялся наготою; гдѣ отроческая любовь вовсе даже не была непосредственно установлена законодателемъ, ибо Солонъ только тѣмъ и заявилъ свое сочувствіе къ чистой отроческой любви, что заказалъ ее рабамъ и слѣдовательно возвелъ ее въ предметъ подобающій однѣмъ лишь свободнымъ личностямъ: тамъ этотъ обычай неминуемо извратился и сдѣлался порокомъ, когда жизнь вообще отрѣшилась отъ общественности, когда распалось непосредственное единство духа и тѣла и стали преобладать половыя побужденія; и дѣйствительно, въ прежнія времена законъ предавалъ пожизненной атиміи *) всякаго Аѳинянина, который, достигши совершеннолѣтія, за деньги соглашался на растленіе своего тѣла, такъ что ему потомъ навсегда возбранялось занимать мѣсто въ средѣ 9 архонтовъ, должность жреца, или какую либо иную по выборамъ или жребію назначаемую правительственную должность; а уличенный въ растленіи мальчика подвергался смертной казни; тогда какъ Аристофанъ о своемъ времени заявляетъ, что юноши продавали свое тѣло прямо за деньги, а болѣе приличные изъ нихъ—за красивую лошадь, за перепела, лягавую собаку и т. п. Прежде бывало никто изъ взрослыхъ не смѣлъ входить въ школу въ то время, когда въ ней находились мальчики, а Сократъ съ своими друзьями уже часто посѣщалъ Палестры, именно тогда, когда отроки занимались тамъ жертвоприношеніями и играми; онъ же у грамматиста

*) Безчестію.

читалъ изъ одной и той же книги съ прекраснымъ Критовуломъ, и вмѣстѣ съ мальчиками обучался у киѳариста Конноса, а въ школѣ грамматиста Діониса заставалъ въ одно время прекрасныхъ юношей и ихъ любовниковъ. Палестры, наравнѣ съ цырюльнями, магазинами мазей, лѣчебницами, мѣняльными лавками и купальнями были не только сборнымъ мѣстомъ для новостей, но сдѣлались также поприщемъ, куда то и дѣло таскались влюбленные юноши и гдѣ заводились любовныя связи съ отроками. Въ то же время стали заключать формальные письменные договоры за свидѣтельствомъ постороннихъ, отдаваемые на сохраненіе третьему лицу и заключавшіе въ себѣ условія, на которыхъ молодой человѣкъ предавалъ свое тѣло растлѣнію. Мужеложство сдѣлалось податнымъ промысломъ, сдаваемымъ сенатомъ пяти-сотъ въ аренду ежегодно.

Какъ гражданинъ пришелъ въ разладъ съ государствомъ, а единичная личность съ нравственностью вообще; такъ точно и набожный человѣкъ разладилъ съ своими богами. Изъ миѳовъ выбиралось и намѣренно выставлялось на видъ все безнравственное. Даже существованіе боговъ подверглось сомнѣнію. Образованное общество находилось въ противорѣчіи съ вѣрованіемъ народа, ибо жизнь своимъ стройнымъ и научнымъ развитіемъ преобразила кругъ мыслей и чувствъ просвѣщенныхъ людей и измѣнила ихъ міросозерцаніе, а греческая религія между тѣмъ, неизмѣнная подобно мраморному изваянію, въ которомъ она раскрывалась, не способна была сбросить съ себя старую змѣиную кожу и свободно и бодро выступить въ обновленной. Хотя единичныя личности, въ родѣ Продрика Кеосскаго, и пытались спасти религію тѣмъ, что поясняли и олицетворяли божества, разумѣя напр. подъ Деметрою хлѣбъ, подъ Посейдономъ—воду и пр.; но этимъ-то именно и былъ сокрушенъ настоящій полный чувственной жизни міръ греческихъ боговъ. Хотя народъ изгналъ изъ Аѳинъ Анаксагора за его греко-атеистическія, собственно же деистическія воззрѣнія,—хотя онъ и сжегъ всенародно Протагоровы книги, начинавшіяся словами „О богахъ я не могу знать, существуютъ они или нѣтъ,“—и хотя онъ поднесъ Сократу чашу съ ядомъ за то, что послѣдній вводитъ будто бы какихъ-то новыхъ боговъ: но все-таки догматическая религія Грековъ отжила свой вѣкъ, и никакіе приговоры уже не властны были вызвать ее опять къ жизни. Отъ старой вѣры остался одинъ лишь остовъ, и правители пользовались имъ для своекорыстныхъ цѣлей, а чернь, соблазняясь блескомъ, пышностью и наслажденіями культа, суевѣрно подчинялась ему; среднее же сословіе и люди истинно просвѣщенные не вѣрили ни въ хитросплетенную правительственную махинацію, ни въ невѣжественное суевѣріе

черни, но презирая первую и осмѣивая послѣднее, составили для себя свое особое міросозерцаніе.

Наконецъ даже искусство пало съ своей идеальной высоты. Естественность и простота, задушевная глубина и геніальная сила замѣнились внѣшнею формою, пытавшеюся скрыть недостатокъ содержанія; мѣсто генія занялъ обыкновенный талантъ и труженикъ; творческая сила замѣнилась безжизненнымъ лоскомъ; вмѣсто чистаго вдохновенія появились правила и подражаніе. Для этой эпохи знаменательно то, что встарь злокозненныхъ людей называли безобразными, тогда какъ теперь признано было за истину, что и въ безобразномъ тѣлѣ можетъ жить прекрасная душа. Искусство уступило мѣсто наукѣ, идеальность разсудку, поэзія прозѣ, высокій стиль трогательному, Эсхилъ и Софоклъ Эврипиду, этому софисту между трагиками. Геній покинулъ страну искусства: люди стали прозаичны и слабодушны. Но они сдѣлались раздражительнѣе въ чувствахъ, впечатлительнѣе, въ наружныхъ пріемахъ искуснѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ богаче знаніями и болѣе образованными по уму.

Заодно съ этимъ преобразованіемъ религіозной, нравственной и художественной жизни въ Греціи измѣнилось также и воспитаніе. Распущеніе нравовъ повлекло за собой порчу семьи. Жены упали по винѣ мужей, а такъ какъ дочери пріобрѣтали только самыя необходимыя свѣдѣнья по части домашняго хозяйства, но за то со всею тонкостью изощрялись въ искусствѣ нравиться, дабы по возможности скорѣе поймать богатаго, хотя бы и глупаго мужа: то и не откуда было взяться женщинѣ, способной воспитать дѣтей. Прежде первымъ долгомъ отрока было чтить старость и, не мудрствуя, съ уваженіемъ относиться къ родителямъ; теперь же молодежь отреклась отъ старшихъ, она въ заносчивости и высокомѣріи мнимыхъ достоинствъ своихъ возмечтала уже превзойти родителей и пожилыхъ людей, а дѣтское уваженіе считала бабьей сказкой. Молодежь не признавала ничего ни достойнымъ уваженія, ни святымъ. Цѣломудріе уступило мѣсто невоздержной чувственности. Нравственная строгость замѣнилась грубостью и необузданностью; тѣло перестало быть выносливымъ; вездѣ царили роскошь и нѣга.

Гимнастика была слишкомъ утомительна для знатныхъ, а для простолюдиновъ она уже не служила средствомъ наживы: оттого палестры и гимназіи не посѣщались ни тѣми, ни другими. Цырульни предпочитались палестрѣ, тяжебныя дрязги интересовали болѣе нежели гимнастическія упражненія. Взамѣнъ тѣлесныхъ упражненій предавались верховой ѣздѣ и охотѣ, и не только сыновья богачей, но даже и дѣти людей недостаточныхъ, занимавшихся бывало лишь земледѣліемъ, торговлей и промыслами; пристрастіе къ собакамъ и лошадямъ усилилось дотого, что дѣти повергали этимъ своихъ

родителей въ неоплатные долги и нужду. Въ палестрахъ и гимназiяхъ исчезла прежняя строгость; Солоновы постановленiя были устранены; взрослые въ палестрахъ вмѣшивались въ толпу мальчиковъ, которые теперь упражнялись гимнастикой совершенно нагiе; гимназiи были сборными мѣстами гражданъ и иноземцевъ и служили художественными выставками. Гимнастика утратила свое нацiональное значенiе, и аѳинская молодежъ оказалась неспособною ни для войны, ни для исполненiя священной пляски.

Въ музыкѣ, слова, слагаемыя въ искусственные размѣры, отдѣлялись отъ аккомпанимента, а мелодiи отъ словъ. Простые и сильные лады исчезли изъ преподаванiя; изнѣженность, искусственность и крайняя напыщенность (Меналиппидъ, Кинесiй, Тимоѳей, Фринидъ) считались изяществомъ. Пѣсни Симонида, Эсхила и пр. замѣнились Эврипидовыми.

Между тѣмъ какъ извратилась гимнастика и пала музыка, расширился литературный курсъ. Философiя вошла въ составъ предметовъ преподаванiя. Математика была введена въ школы. Исторiя причислена къ средствамъ школьнаго образованiя, и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавали также географiю — вѣроятно съ ландкартами, придуманными уже Анаксимандромъ и Гекатеемъ. Изобрѣтенная въ Сицилiи реторика, подготовкой для которой служили грамматическiя упражненiя и подражанiя даннымъ образцамъ, была однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ обученiя, такъ какъ имѣлось въ виду не внутреннее гармоническое развитiе, а болѣе всего умѣнье рѣчисто говорить и искусство поражать мнимымъ блескомъ. Мастера извращать мысли возбуждали теперь удивленiе всей Грецiи: умѣть все доказать и найти оправданiе чему бы то ни было—вотъ что было цѣлью всякаго воспитанiя и всякаго обученья. Потому-то и поэты, которыхъ прежде учили наизусть, разбирались теперь критически. Потому-то преподаванiе и производилось дiалектически и дiалогически. Потому-то теперь способности и таланты не считались болѣе необходимымъ условiемъ для занятiй искусствами и науками; напротивъ, думали труженичествомъ и усилiемъ замѣнить талантъ и способности. Но сдѣлать свободнымъ внутренняго человѣка и путемъ строгаго изученiя выработать свое собственное соображенiе: этого не добивались уже болѣе ни воспитанiе, ни образованье. Къ послѣднему стремились уже не ради самого образованiя: его домогались съ тѣмъ, чтобы прiобрѣсть богатства и влiянiе. Все образованiе производилось для виду; оно было лишь внѣшнее, и главная задача преподаванiя состояла въ развитiи памяти, смышленности и ораторскаго таланта.

Представителемъ господствовавшаго теперь и признаннаго всѣми образованiя служитъ Аристофановъ Фидип-

пидъ, который, въ сферѣ мудрованій Сократа, сталъ воплощеннымъ протестомъ, отрицаніемъ и исключеніемъ, который мастеръ проводить должниковъ, который Симонида называетъ плохимъ поэтомъ, а играть на цитрѣ за виномъ считаетъ пошлою стариной, который въ Эсхилѣ находитъ одну только напыщенную высокопарность и поэтому предпочитаетъ пропѣть отрывочекъ изъ Эврипида, о томъ, какъ братъ растлеваетъ свою родную сестру, который наконецъ по поводу того, что отецъ, желая ему добра и любя, билъ его еще мальчикомъ, предлагаетъ теперь такого рода вопросы:

Скажи мнѣ, если бить значитъ желать добра,
То не въ правѣ ли я побить тебя также любя?
И почему твоей спинѣ быть свободной отъ побоевъ,
А не моей? я вѣдь родился такимъ же свободнымъ какъ ты.
Но, скажешь ты, отцамъ дѣтей можно бить, а не дѣтямъ отцовъ;
На это отвѣчу: вѣдь старики вторично становятся тѣми же дѣтьми.
Ты скажешь, законъ! Но первый, кто предложилъ его предкамъ и ихъ убѣдилъ,
Развѣ онъ былъ не такой же какъ ты и какъ я человѣкъ?
Почему бы и я не былъ въ правѣ законъ предписать,
По которому впредь дозволялось бы дѣтямъ отцовъ своихъ бить?

Родитель, который передъ этимъ самъ осмѣялъ сына за то, что тотъ все еще вѣруетъ въ Зевса, и разсказалъ ему о Херофонѣ, измѣрившемъ скачекъ блохи, теперь, вторя сыну, долженъ былъ наконецъ сознаться:

А онъ вѣдь дѣло говоритъ, и молодежь, пожалуй, въ правѣ
Побить и нашего брата, если мы что сдѣлаемъ не такъ.

Въ тѣхъ же „Облакахъ“ Аристофанъ противопоставляетъ старое время новому въ лицахъ „Правосуда“ и „Кривосуда“, изъ которыхъ послѣдній увѣренъ въ томъ, что онъ „силою своихъ рѣчей“, „новоизобрѣтенными силлогизмами“ разобьетъ соперника, тогда какъ Правосудъ вмѣняетъ Кривосуду въ вину, „что юноши теперь вовсе не хотятъ ходить въ школу“.

Правосудъ.

Раскажу вамъ, какъ мы древле дѣтей воспитали,
Когда правду блюдя, я здѣсь свѣточью былъ, и скромность, степенность царила.—
Вопервыхъ, тогда отнюдь не слыхать было крика буйныхъ дѣтей;
Отроки въ школу чинно по улицѣ шли, каждый въ отрядѣ своемъ,
Въ легкой одеждѣ, хотя бы мятель на дворѣ бушевала.
Въ школѣ пристойно сидя, не смѣя класть на ногу ногу,
Пѣли они то «Паллада градоборница», то «Сладкозвучная лира»,
Все въ сдержанномъ тонѣ, въ размѣренномъ тактѣ, какъ предки пѣвали.
Если бъ кто вздумалъ коверкать свой голосъ, пускаясь на пустозвонныя трели и вычуры,
На любимыя нынѣ прикрасы съ руладами Фринида,
Тотъ дорого поплатился бы своей спиною за то, что осквернялъ пѣснопѣнія музъ.
Въ палестрахъ же мальчики, на пескѣ отдыхая, должны были
Ноги прикрыть по колѣна, благочинье храня передъ публикой,

А съ полу вставая, слѣдъ замести на пескѣ, дабы
Любовникъ при видѣ слѣда не пожелалъ вдругъ похоти низкой.
Отрокъ отнюдь не мазался масломъ ниже пупка;
И бедра его обростали пушкомъ, словно персикъ созрѣвшій.
Не льнулъ онъ къ любовнику съ шопотомъ страстнымъ, лобзаній алкая,
Съ вождѣленіемъ гнуснымъ стремяся предаться ему.
За столомъ же не смѣлъ прежде старшихъ хвататься
За спаржу, салатъ брать и рыбу или сластей,
Ему запрещалося даже класть на ногу ногу.

Кривосудъ.

Какъ старо и какъ пошло,—такъ и пахнетъ эпохой Диполій, Вуфоній,
Когда процвѣталъ нашъ Кидикъ и въ волосахъ носились стрекозы!

Правосудъ.

И дѣйствительно пахнетъ тою эпохой, когда
Въ моей школѣ готовилось племя
Мараѳонскихъ героевъ;
Ты же лишь юношей учишь какъ бы въ епанчѣ щегольнуть;
И теперь, когда отроки въ Панаѳинеи на пляску являются,
Гнусно смотрѣть, какъ вяло въ рукахъ ихъ висятъ щиты предъ Палладой.

Итакъ, мой юноша, смѣло послѣдуй за мной,
И за наставникомъ правды; возненавидишь ты ябеды, избѣгать станешь теплыхъ купалень,
Постыдишься страстей растлевающихъ и не потерпишь кощунства.
Передъ старшими будешь съ почтеньемъ вставать со скамьи,
Не будешь безчинствовать передъ родными, избѣгнешь
Соблазна, не осквернивъ никогда цѣломудрія чувства,
Не станешь счастья искать у порога танцовщицы,
И позорить имя свое принимая награды отъ дѣвы.
Не станешь отцу отвѣчать возмутительной бранью,
Ни укорять въ злобѣ того, кто вскормилъ тебя съ колыбели.

Кривосудъ.

Если поддашься его болтовнѣ, то, клянусь Діонисьемъ,
Ты будешь похожъ на свиней Гиппократа и такимъ же глупцомъ.

Правосудъ.

Напротивъ, расцвѣтешь ты здоровьемъ, упражняясь въ палестрѣ.
Не будешь праздно бродить по судамъ и болтать пустяковъ,
Не станешь, подобно риторамъ юнымъ, вдаваться въ безчестныя тяжбы:
Нѣтъ, подъ сѣнью оливъ академіи, въ вѣнкѣ тростниковомъ,
Будешь гулять рука въ руку съ другомъ разумнымъ,
Наслаждаясь досугомъ и благовоніемъ сладкимъ въ тѣни серебристой тополи,
На расцвѣтѣ весны, когда вѣютъ зефиры и шепчутся вязъ съ сикоморой.

Вѣрь, юноша, если послѣдуешь мнѣ,
И впечатлѣешь въ душѣ мой совѣтъ,
То будешь всегда одаренъ
Высокою грудью и свѣжимъ лицомъ,
Плечами широкими,
Обширнымъ умомъ, языкомъ же короткимъ.
Но если послѣдуешь новымъ пріемамъ,
То скоро и ты также будешь блѣденъ лицомъ и узокъ въ плечахъ,
Со впалою грудью и вѣчнымъ словеснымъ поносомъ,

Съ короткимъ умомъ, съ языкомъ слишкомъ долгимъ.
Все дурное тебѣ прекраснымъ покажется,
А прекрасное — гнуснымъ,
И сверхъ того ты впадешь
Въ гнусный порокъ Антимаха.

Кривосудъ.

— —Порицаешь ты страсть къ краснорѣчью, а я одобряю;
Будь позорно оно, никогда бы Гомеръ не представилъ
Ораторомъ Нестора и другихъ своихъ мудрыхъ.
Витійство, которое ты отвергаешь вполнѣ,
Достойно напротивъ вниманія юныхъ умовъ.
Цѣломудрія требуешь ты; вотъ величайшее зло!
Скажи, породило ль на свѣтъ оно хоть что нибудь путное?
Отвѣчай же, что толку въ твоемъ цѣломудріи?
— — — — —Другъ юный! послѣдуй за мною,
Дай волю стремленьямъ, рѣзвись, и люби, и лобзай,
Не стѣсняясь ничѣмъ; если мужъ застанетъ съ женою тебя,
То упрекъ отклоняя сошлися на Зевса-отца:
И онъ вѣдь не могъ устоять противъ женъ и любви,—
Ужели же смертному выше боговъ себя ставить?

---

b) ТЕОРІИ ВОСПИТАНІЯ ВЪ ЭПОХУ ЗРѢЛАГО ВОЗРАСТА ГРЕЦІИ.

19.

СОФИСТЫ. СОКРАТЪ. ИСОКРАТЪ.

Причиною гибели, постигшей греческій міръ, была—мысль, былъ освобождавшійся самъ по себѣ внутренній міръ человѣка, была (разнузданная) субъективность. Свобода мысли, возникшая въ зародышѣ съ семью древними мудрецами, которые впервые высказали всеобщія правила мудрости, и окрѣпшая по мѣрѣ того какъ слагались религіозное искусство и политическая жизнь, въ эпоху Пелопоннесской войны возведена была въ науку. Расширившееся знакомство съ міромъ и исторіей, болѣе точныя наблюденія надъ человѣкомъ возбудили мысль и сомнѣніе, такъ что никакое начало, неоправданное мыслью, не могло болѣе устоять: но коль скоро войдетъ въ привычку доискиваться вездѣ причинъ и пр., то обычай уже лишается своей святости. Конкретная нравственность, государственный бытъ, религія призывались теперь къ суду мысли и мѣрились всеобщими, универсальными принципами, о которыя и должны были сокрушиться, ибо они были не всеобщими идеями, а напротивъ животрепетно-прекрасною, индивидуальною жизнью.

Съ софистами, которые сами назвали себя этимъ именемъ въ качествѣ учителей мудрости, т. е. способныхъ сдѣлать другихъ людей мудрыми, начались сознательная рефлексія и умствованіе. Они олицетворяютъ собой теорію сплошь господствовавшей греческой практики:—они по сво-

ему ученію теоретически то же самое, чѣмъ вся аѳинская жизнь сдѣлалась практически. Неограниченный эгоизмъ въ общественной и частной жизни какъ въ зеркалѣ отражался въ абсолютномъ произволѣ умствующаго софистическаго субъекта, отрицавшаго естественную и разумную полносильность нравственныхъ принциповъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны нравственная порча той эпохи поддерживалась и усиливалась сокрушающимъ эмпирическимъ субъективизмомъ софистики. Нельзя отдѣлить ни софистику отъ дѣйствительной жизни той эпохи, ни эпоху отъ софистики, и Платонъ былъ въ правѣ сказать, что въ ученіяхъ софистовъ выражаются собственно тѣ же самыя начала, которыя руководили поступками толпы въ ея гражданскихъ и общественныхъ отношеніяхъ, и что ненависть, съ какою они преслѣдовались практическими государственными людьми, обнаруживаетъ лишь зависть послѣднихъ, видѣвшихъ въ нихъ какъ бы соперниковъ себѣ и перехватчиковъ своей политики.

Главный принципъ софистовъ гласитъ: „Человѣкъ—вотъ мѣрило всѣхъ вещей“. При этомъ подразумѣвался однако не человѣкъ въ его сущности вообще, но субъективное желаніе и мнѣніе каждаго. Для софистовъ въ теоретическомъ смыслѣ не существовало иного отношенія къ внѣшнему міру какъ одно лишь ощущеніе, а въ практическомъ— одна лишь чувственная похоть. А такъ какъ подмѣта и ощущеніе безконечно многихъ особей безконечно разнообразны и измѣнчивы даже у одного и того же субъекта, то вообще и не существуетъ никакихъ объективныхъ выводовъ и опредѣленій; напротивъ, противоположныя другъ другу убѣжденія относительно одного и того же объекта слѣдуетъ признать одинаково истинными, и тутъ нѣтъ собственно мѣста ни заблужденіямъ, ни опроверженьямъ. — Изъ этого Протагоромъ уже развиваемаго ученія позднѣйшіе софисты вывели свои заключенія и высказывали открыто, что право сильнаго—это законъ природы, а беззавѣтное удовлетвореніе похоти—естественное право сильнаго,—что установка ограничивающихъ законовъ—одна лишь хитрая выдумка слабыхъ, а вѣра въ боговъ—изобрѣтенье лукавыхъ государственныхъ мужей. Такими ученіями софисты породили и усилили въ Греціи легкомысліе, безнравственность, жажду наслажденій, своекорыстіе и пошлое лжемудріе.

При всемъ томъ они были не безъ заслугъ. Отрицательная заслуга ихъ есть и была та, что, благодаря ихъ уничтожающему все существующее принципу, въ сознаніи пробудилось чувство духовной пустоты во всей его полнотѣ и глубинѣ, и вслѣдствіе того развилась потребность правдиваго стремленія къ знанію и истинѣ. Положитель-

ная заслуга ихъ состояла въ томъ, что они создали и образовали аттическую прозу, пробудили научно-теоретическія, логическія и филологическія изслѣдованія и распространяли въ народѣ не только изумительную умственную дѣятельность, но также обиліе всеобщихъ свѣдѣній, такъ какъ каждый изъ нихъ согласно съ своею индивидуальностью выработалъ особый кругъ дѣйствія и особую сферу знанія (—Протагоръ былъ нравоучителемъ, Горгій риторомъ и политикомъ, Продикъ грамматикомъ и синонимикомъ, Гиппій полигисторомъ, астрономомъ, математикомъ и мнемотехникомъ, Эвтидемъ и Діонисодоръ были учителями боевого и ратнаго искусства и т. д.—). Они повліяли на дѣло воспитанія главное тѣмъ, что положили основаніе къ методическому изложенію многихъ отраслей человѣческаго знанія и существенно споспѣшествовали краснорѣчію какъ путемъ практики, такъ равно и вслѣдствіе ихъ правила, что можно не убѣждать, а развѣ только уговаривать. Эти стремленія ихъ на поприщѣ воспитанія проникали въ глубь, тѣмъ болѣе что, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, они странствовали по разнымъ городамъ Греціи, предлагали за деньги, и притомъ за большую плату, свои уроки философіи и краснорѣчія и собирали вокругъ себя кружокъ богатыхъ юношей, обучая ихъ не только въ частныхъ домахъ, но также и въ общественныхъ зданіяхъ, особенно въ Ликеѣ. „Встарину, говоритъ Платонъ, никто не хотѣлъ брать денегъ въ вознагражденіе, никто не навязывалъ своей мудрости всему свѣту; ибо на отношеніе наставника къ ученику смотрѣли не какъ на дѣловыя связи, но какъ на нравственное, основанное на уваженіи дружеское отношеніе, и заслуга учителя вознаграждалась не деньгами, а такого же рода благодарностью, какую мы питаемъ къ родителямъ или къ богамъ; софисты же предлагали свои услуги каждому Эллину, желавшему обучаться, и установили за это плату. Итакъ софистъ прежде всего ловецъ, гоняющійся изъ-за денегъ за молодыми людьми, и притомъ за богатыми. А потомъ онъ является еще и въ иномъ видѣ. Онъ торгуетъ умственными сокровищами оптомъ, затѣмъ въ розницу, и вмѣстѣ съ тѣмъ продаетъ собственныя свои изобрѣтенія; онъ ратуетъ рѣчами и черезъ чуръ ловокъ въ искусствѣ словопренія; наконецъ онъ освобождаетъ душу отъ убѣжденій, служащихъ помѣхою для его науки.“

Высшею цѣлью софистовъ было, не взирая ни на способности, ни на возрастъ (—они брались каждаго научить своему искусству—), подготовить какъ къ промысламъ и судопроизводству, такъ точно и къ умѣнью вести философскій разговоръ. Въ преподаваніи они пользовались болѣе всего способомъ непрерывнаго изложенія и эпидиктическою формою, чтобы прихвастнуть и поважничать своими рѣчами. Они впрочемъ прибѣгали также къ діалогической формѣ и

подготовили такимъ образомъ сократо-платоновскій способъ преподаванія. Особенно же часто примѣняли они методъ эристическій, т. е. способъ преподаванія при посредствѣ хитроумныхъ словопреній, о которомъ Аристотель заявляетъ, что это привлекательное и вмѣстѣ съ тѣмъ гимнастическое средство, и которому молодежь предавалась съ особеннымъ удовольствіемъ, тогда какъ старики объявили его безсмысленнымъ. Эристики заботились не о настоящемъ научномъ выводѣ, а о томъ лишь, какъ бы озадачить противника и запутать его такъ, чтобы онъ не могъ вывернуться изъ затрудненія, чтобы каждое возраженіе съ его стороны показалось невѣрнымъ; но достигалась ли такая побѣда путемъ вѣрныхъ умозаключеній или же она добывалась хитроумными уловками, опровергнутъ ли притомъ соперникъ на самомъ дѣлѣ или только съ виду, самъ ли онъ сознадъ себя побѣжденнымъ, или казался такимъ только передъ слушателями, и его заставили умолкнуть и подняли на смѣхъ,—это было рѣшительно все равно. Такъ между прочимъ доказывалось, что невозможно научиться чему бы то ни было, ибо тому что̀ уже знаютъ нельзя болѣе научи́ться, а о чемъ ничего не знаютъ, того нельзя и доискиваться; умный ничему не научится, оттого что онъ уже знаетъ предметъ, а глупый, оттого что не понимаетъ его; утверждалось еще, что кто знаётъ что нибудь, тотъ знаетъ все, ибо знающій не можетъ быть незнающимъ; что чей бы то ни было отецъ или братъ въ то же время отецъ или братъ каждому изъ насъ, ибо отецъ не можетъ быть не-отцемъ, а братъ не-братомъ и т. п. Эристика была гимнастикой ума, но опасной гимнастикой!—

Протагоръ (440 до Р. Х.) изъ софистовъ самый важный для педагогики. Онъ публично признавалъ за собою искусство, дѣлать другихъ отличными людьми, и пользовался большимъ уваженіемъ въ средѣ своихъ учениковъ. За полное обученіе воспитанника всѣмъ возможнымъ искусствамъ получалъ онъ 100 минъ ($2291^2/_3$ талеровъ), что вообще, какъ кажется, выплачивалось тотчасъ же при началѣ уроковъ. Кто учится у меня, говорилъ онъ, пусть платитъ мнѣ столько, сколько я потребую; а иначе, пускай идетъ во храмъ и подтвердитъ присягою, во сколько онъ оцѣниваетъ пріобрѣтенныя знанія, и пусть заплатитъ мнѣ это. Протагоръ училъ не только мудрости вообще, но также и тому, какъ лучше заправлять домашними и общественными дѣлами и искуснѣе говорить объ нихъ, какъ вести тяжбы, побѣждать противника въ словопреніи, и какъ благопристойнымъ образомъ принимать и провожать гражданъ и чужестранцевъ. При этомъ онъ сравнивалъ себя съ врачомъ, ибо какъ врачъ въ тѣлесно больномъ при помощи лекарствъ, такъ и онъ въ духовно незрѣломъ человѣкѣ при посредствѣ рѣчей производитъ переворотъ изъ худшаго состоянія въ лучшее. Для

тяжбъ и судебныхъ рѣчей онъ преподавалъ всеобщія правила и при этомъ научалъ главнѣйше вѣрному произношенію и искусству, пріискать для каждой мысли самое точное и наиболѣе ей свойственное выраженіе. Онъ завелъ также состязанія въ рѣчахъ и вообще, какъ выражается Платонъ, обуздывалъ своихъ учениковъ, какъ второй Орфей, могуществомъ звуковъ.

Горгій (496—388) далъ реторикѣ иное направленіе, а именно болѣе поэтическое и фигурное (тогда какъ до сихъ поръ поэзія и проза строго отдѣлялись одна отъ другой), что было подъ стать бурному демагогическому движенію его эпохи, изгнавшему всякія противоположности и перетасовавшему между собою всякія различія. Его рѣчи въ Аѳинахъ за блестящій слогъ ихъ и цвѣтистую пышность выраженія назывались факелами, и Аѳиняне привѣтствовали словно праздникъ тотъ день, когда онъ появлялся. Учениковъ своихъ упражнялъ онъ въ ложныхъ выводахъ, формулахъ и оборотахъ рѣчи, чаще всего примѣняемыхъ къ дѣлу, и вообще все излагалъ болѣе съ внѣшней стороны и поверхстно, имѣя лишь въ виду сообщить ученикамъ способность, возможно блестяще декламировать о любомъ предметѣ.

Продикъ изъ Кеоса, пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свою мудрость (—„Мудрѣе Продика“ сдѣлалось поговоркою—) и добродѣтель, согласно своему методу начиналъ съ изученія языка и прежде всего требовалъ, чтобы знали правильное употребленіе словъ. Въ своей рѣчи „Созрѣвшая юность или Ираклъ на распутіи“ онъ говоритъ, что путь къ добродѣтели труденъ, а къ пороку легокъ, что юношу тотчасъ по вступленіи въ жизнь ожидаютъ искушенія и что поэтому онъ, подобно Ираклу при переходѣ изъ отрочества въ юность, долженъ искать уединенія, дабы избрать или трезвую добродѣтель и мудрость, или роскошный порокъ и безуміе; итакъ прежде чѣмъ пользоваться новою свободой, онъ долженъ еще разъ въ тиши уединенія возобновить въ памяти свою прошлую жизнь и запастись на будущее благими намѣреніями.

Гиппій изъ Элиды, полный суетности и тщеславія, былъ свѣдущъ въ ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи и музыкѣ и придумалъ искусственное средство для памяти, съ помощью котораго онъ могъ будто-бы запомнить 50 именъ, прослушавъ ихъ одинъ только разъ.

Наконецъ Эвенъ изъ Пароса переложилъ въ стихи реторическія правила и, придумалъ фигуры „предваренія и побочной похвалы“.

Попытки софистовъ поэтому имѣли также цѣлью изобрѣсти облегчающія методическія средства для расширившихся знаній, для которыхъ недостаточными оказались господст-

вовавшіе доселѣ методы преподаванія,—и въ этомъ обусловленномъ самою природою вещей стремленіи ихъ принимала участіе вся эпоха; такъ напр. Калліасъ (400 до Р. Х.) составилъ грамматическую теорію въ стихахъ по параграфамъ со строфами и антистрофами, причемъ прежде всего приводились по очереди 24 буквы, затѣмъ слѣдовали въ стихахъ и мелодіяхъ главныя сочетанія буквъ между собою: то была трагедія, подобранная для употребленія въ мужскихъ школахъ.

Софисты усвоили себѣ принципъ Анаксагора и признали духъ за высшее надъ естественнымъ бытіемъ. Они запутали въ противорѣчіяхъ стѣсняемое авторитетомъ мышленіе и своими субъективными умозрѣніями сокрушили черезъ чуръ сильную объективность, подавлявшую прежде субъектъ. Но такимъ образомъ они подточили всякое правдивое стремленіе, даже и въ воспитаніи. Эти за деньги преподающіе учителя, говоритъ Платонъ, считаютъ дѣломъ своей мудрости, обращаться съ толпою какъ съ большимъ, мощнымъ звѣремъ въ томъ смыслѣ, что они возбуждаютъ ея похоти и страсти и вновь укрощаютъ ихъ; и съ этою-то мудростью, основанною лишь на обхожденіи и опытности, принимаются они за обученіе, не имѣя сами никакого понятія ни о красотѣ или безобразіи, ни о добрѣ или злѣ, а представляя все въ томъ или другомъ видѣ, смотря по тому, какого мнѣнія тотъ большой мощный звѣрь. И въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ втунѣ добивается познанія и истины, и всѣ его изслѣдованія оказываются одною лишь пустою игрою, то всякая умственная и нравственная жизнь лишена значенія и цѣли, и одна только пошлая практическая нажива составляетъ идеалъ столь-же пошлой жизни и дѣятельности. Образованіе — говоритъ Крамеръ — было тогда черенкомъ привитымъ извнѣ къ заносчивости и высокомѣрію. Софистика явилась бурнымъ порывомъ впервые почуявшаго себя субъективнаго греческаго мышленья, которое сильно также поколебало основы греческаго воспитанія: въ противоположность прежнему быту, когда жизнь всецѣло проникалась образованіемъ, такъ что люди и не нуждались вовсе въ постоянныхъ учителяхъ съ опредѣленнымъ окладомъ,—софисты, эти энциклопедисты Греціи, первые сдѣлали преподаваніе промысломъ и создали особое званіе учителей, снискивавшихъ свое пропитаніе уроками; но вмѣстѣ съ тѣмъ порвалась тѣсная и прекрасная взаимная связь между наставникомъ и ученикомъ, бывшая единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ въ древнюю греческую эпоху.

Заблужденіе софистики заключается въ томъ, что она субъективное случайное мнѣніе поставила судьею надъ разумомъ и случайное произвольное хотѣніе провозгласила свободою. Но она права въ томъ отношеніи, что возстано-

вила субъективность, самосознательность и то ея требованье, чтобы все, что слѣдуетъ признать за истину, непремѣнно оправдывалось передъ судомъ сознанія, чѣмъ и установленъ ею принципъ свободы. Человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей, но не по своему субъективному мнѣнію, а по разумному, въ основѣ всего міра и человѣчества лежащему мышленію: вотъ та истина, до которой хотя и не дошли сами софисты, но къ которой они проложили путь. Они такимъ образомъ являются необходимыми предтечами Сократа, который упразднилъ не только господствовавшія прежде въ Греціи мѣстную и родонаслѣдственную науку и такое же воспитаніе, но упразднилъ вмѣстѣ и нигилизмъ и практически полезное образованіе софистовъ, претворивъ все это въ созерцаніе чистаго эллинизма и чистой человѣчности, а потомъ также въ воспитаніе къ добродѣтели и къ порождаемому добродѣтелью блаженству.—

Сократъ

родился въ 470-мъ г. до Р. Х. отъ ваятеля Софрониска и повивальной бабки Фенаретты. У отца онъ научился въ молодости ваятельному искусству, и Павзаній видѣлъ еще на Акрополѣ три статуи грацій въ одѣяніи, показываемыхъ за произведеніе Сократа. Онъ, повидимому, ограничился лишь тѣми средствами образованія, какія представились ему въ родномъ городѣ и, за исключеніемъ одной праздничной поѣздки и походовъ въ Потидею, Деліонъ и Амфиполь, никогда не покидалъ Аѳинъ. Онъ пользовался наставленіями наиболѣе разумныхъ мужей черезъ личныя съ ними сношенія и изучалъ не только математику, физику, грамматику, музыку, поэзію и сочиненія философовъ, но также и искусство софистовъ. Онъ допытывался однако вѣчной истины не только у иноземныхъ мудрецовъ и въ иностранныхъ сочиненіяхъ, но болѣе всего самъ собою и въ себѣ самомъ, путемъ собственнаго размышленья и самоизслѣдованья. Онъ занимался философіей про себя и старался самъ своими средствами усовершенствоваться въ добродѣтели. Но главнымъ его стремленіемъ при этомъ было — ясно уразумѣть каждый предметъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Ибо я — говорилъ онъ самъ про себя — большой охотникъ раздѣлять и соединять, чтобы такимъ образомъ быть въ состояніи и говорить и мыслить, и если я кого другого сочту способнымъ усмотрѣть, какими мочками что коренится въ единомъ или многомъ (такого я и называю впрочемъ діалектикомъ), за тѣмъ послѣдую я какъ за безсмертнымъ. Онъ не принималъ ничего, въ чемъ не убѣждался самъ и чего не изслѣдовалъ собственнымъ умомъ; точно

такъ же онъ и другимъ не хотѣлъ сообщать извнѣ ничего такого, что не развилось бы внутри ихъ самихъ. Все чѣмъ онъ былъ, онъ сдѣлался благодаря самому себѣ, благодаря своей собственной внутренней работѣ; занятія отца и матери особенно отразились въ педагогикѣ и философіи сына. Сила Сократа заключалась главнѣйше въ трехъ вещахъ: въ его самоотверженной привязанности къ ученикамъ, въ его безкорыстной любви къ истинѣ и въ согласіи самой его жизни съ ученіемъ его. Онъ сдѣлалъ человѣка поприщемъ своихъ изслѣдованій и философію природы замѣнилъ философіей гуманизма. Въ философіи онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Пиндаръ и Софоклъ въ поэзіи, а Фидій въ искусствѣ; подобно имъ онъ очистилъ идеалъ Греціи, и благодаря ему гуманизмъ получилъ высокій духовный отпечатокъ.

Повивальное искусство матери онъ умственно преобразовалъ въ развивающій, геврістическій методъ преподаванія. „Мое повивальное искусство — говоритъ онъ — отличается отъ материнскаго тѣмъ, что служитъ при родахъ мужчинамъ, а не женщинамъ, и что оно печется о душахъ, которыя рожаютъ, а не о тѣлахъ. Самое важное въ нашемъ искусствѣ то, что оно въ состояніи провѣрить, собирается ли душа юноши породить нѣчто безобразное и лживое или же нѣчто складное и правдивое. У меня еще и то общее съ повивальными бабками, что самъ я не порождаю никакой мудрости, и если меня многіе уже упрекали въ томъ, что я, выспрашивая другихъ, самъ однако на иной вопросъ ничего не отвѣчаю, оттого будто, что не умѣю отвѣтить умно, то въ этомъ справедливо меня укоряли. Причина тому слѣдующая: богъ велитъ мнѣ помогать родамъ; но возбранилъ рождать самому. Потому-то я самъ нисколько не мудръ, и даже не могу ничего предъявить какъ порожденіе моего собственнаго духа. Однако всѣ, которымъ суждено Богомъ вступить со мною въ сношеніе, оказываются сначала въ высшей степени непонятливыми, но при постоянныхъ сношеніяхъ со мною они дѣлаютъ неимовѣрные успѣхи, какъ то кажется и имъ самимъ, да и постороннимъ. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что они никогда ничему не научились отъ меня, а напротивъ, сами изъ самихъ себя открываютъ очень много прекраснаго и потомъ твердо удерживаютъ это. Вотъ такимъ-то родамъ помогаемъ мы, Богъ и я."—Сократовъ способъ преподаванія былъ непринужденный, разговорный; исходя отъ ближайшаго и самаго ничтожнаго предмета, онъ заимствовалъ подходящіе примѣры изъ повседневной жизни; потому-то современники и упрекали его, будто онъ только и говоритъ что о вьючныхъ ослахъ, кузнецахъ, сапожникахъ и кожевникахъ. Таковъ былъ онъ на площади, въ гимназіяхъ и мастерскихъ, съ ранняго утра и до вечера занимаясь съ

юношами, молодыми и пожилыми мужами, бесѣдуя съ ними о цѣли и призваніи жизни, съ тѣмъ чтобы безпрестанными распросами, выпытывающимъ разложеніемъ представленій на составныя части вызвать новую, сначала и самому даже вопрошавшему невѣдомую мысль, помочь ему рождать новыя мысли.

Этотъ методъ имѣлъ двѣ стороны. Вопервыхъ отрицательную—всѣмъ извѣстную такъ-называемую сократовскую иронію, сообразно съ которою Сократъ притворялся незнающимъ и какъ бы самъ поучался у тѣхъ, съ кѣмъ бесѣдовалъ, разбивая въ то же время мнимое знаніе ихъ непрестанными распросами, неожиданными слѣдствіями, вытекавшими сами собой, и противорѣчіями, въ которыя тѣ запутывались. Когда такимъ образомъ бесѣдовавшій съ нимъ субъектъ убѣждался наконецъ, что онъ вовсе не знаетъ того, что думалъ знать, то онъ не довѣрялъ уже болѣе своимъ собственнымъ, казавшимся ему неколебимыми истинами представленіямъ и доходилъ до сознанія, что просто ничего не знаетъ. Ибо—говоритъ Сократъ—какъ врачи того мнѣнія, что организмъ не можетъ переварить пищу, пока кто-нибудь не устранитъ въ немъ къ тому препятствія; точно такъ же думаютъ и очищающіе душу, что она не можетъ извлечь пользы изъ сообщаемыхъ ей знаній, пока путемъ наставленія не заставятъ ее смириться, пока не избавятъ ее отъ мнѣній, преграждающихъ путь знаніямъ, и не просвѣтятъ ее вполнѣ, такъ чтобы она увѣровала лишь въ то, что̀ дѣйствительно знаетъ. Это — наивысшее и наимудрѣйшее состояніе души, а потому и такое провѣрочное наставленіе едва ли не самый лучшій и благотворный способъ очистки.

Положительная сторона Сократова метода, Мэевтика (повивальное искусство)—методъ индукціи, переводъ отъ представленія къ понятію, къ сообразному съ условіями понятія опредѣленію. Двѣ вещи, говоритъ Аристотель, по праву принадлежатъ Сократу: доказательства путемъ индукціи или переходъ отъ низшихъ понятій къ высшимъ и обобщенное опредѣленіе понятій. А именно, исходя отъ единичныхъ конкретныхъ случаевъ, сравнивая между собою единичныя явленія и отдѣляя такимъ образомъ случайное отъ существеннаго, онъ приводилъ къ сознанію всеобщую истину, такъ что развивалъ и опредѣлялъ ея суть, ея свойства и содержаніе. Для того, напримѣръ, чтобы дойти до понятія справедливости, онъ исходилъ отъ разныхъ единичныхъ примѣровъ справедливости и изъ нихъ извлекалъ общую всѣмъ имъ сущность, а потомъ опредѣлялъ ее, обобщая и представляя логическое единство различныхъ сторонъ явленія. Сократъ обращался къ понятію о каждой единичной добродѣтели, считая ясное усвоеніе понятія самымъ надежнымъ путеводителемъ во

всѣхъ единичныхъ случаяхъ, во всѣхъ единичныхъ нравственныхъ отношеніяхъ, будучи вполнѣ убѣжденъ, что всякое нравственное дѣйствіе, какъ сознательное, непремѣнно должно вытекать изъ понятія. Итакъ Сократовъ методъ состоитъ въ искусствѣ, изъ суммы данныхъ однородныхъ явленій путемъ индукціи выводить понятіе и логическое опредѣленіе, предполагая несомнѣнно признаннымъ, что сущность предметовъ постигается въ мышленіи, что сознаніе объ истинѣ и Богѣ живетъ въ человѣкѣ какъ нѣчто первичное и составляетъ въ немъ предметную истину, потому что каждая душа существовала уже до появленія своего на землѣ, и изъ этого доземнаго существованія въ ней сохранились истинныя и вѣрныя понятія, которыя отступили лишь на задній планъ передъ множествомъ временныхъ явленій; но которыя можно развить вновь при помощи искусныхъ вопросовъ, такъ что каждый изъ насъ какъ бы только вновь припоминаетъ врожденную ему истину.

Благодаря этому объемистому методу, вслѣдствіе котораго Сократъ сталъ отцомъ катехетики, благодаря также силѣ своего ума, Сократъ успѣлъ произвести столь многостороннее и всеобщее впечатлѣніе на своихъ слушателей, что къ нему примкнули самые разнородные умы: имъ одушевлены были и Хэрефонъ, которому самъ оракулъ открылъ, что Сократъ изъ всѣхъ мудрѣйшій, и братъ его Хэрекратъ, и богатый купеческій сынъ Аристиппъ, и бѣдный сапожникъ Симонъ; каждый изъ нихъ былъ затронутъ съ индивидуальной своей стороны и вслѣдствіе того каждый индивидуальнымъ образомъ созидалъ себѣ по Сократу свою умственную систему; наконецъ къ нему стекались ученики съ сѣвера и юга, отъ Чернаго моря и изъ африканской Кирены. Онъ говорилъ: „Я собственно никогда не былъ чьимъ либо учителемъ; если же кому бы то ни было припадала охота слушать меня, когда я говорилъ и занимался своимъ дѣломъ, то я не препятствовалъ въ томъ никогда ни молодымъ, ни старымъ. Обучаю же я не только тогда, когда мнѣ даютъ деньги; напротивъ, я равнымъ образомъ готовъ обратиться съ вопросомъ какъ къ бѣдняку, такъ и къ богачу, и кто хочетъ, можетъ отвѣчать мнѣ и слушать, что говорю я. Будетъ ли кто лучше отъ того или нѣтъ, за это я не отвѣтственъ, ибо наставленій я никому не обѣщалъ и не давалъ. Если же кто утверждаетъ, будто слышалъ или узналъ отъ меня особнякомъ что-нибудь, чего не слышали бы точно такъ же всѣ и всякъ, то знайте, что онъ говоритъ неправду“. Однако Сократъ обучалъ такимъ образомъ однихъ только мужчинъ, „потому что у женщинъ, при всемъ ихъ сходствѣ съ мужчинами, недостаетъ ни соображенія, ни силы, тогда какъ для успѣшнаго занятія философіей прежде всего необходимы именно трезвое мышленіе и настойчивая рефлексія, такъ что эта область болѣе всего

чужда женщинамъ". Самъ онъ стремился по возможности къ высшему благоразумію и ясному сознанію, и если духъ на крыльяхъ вдохновенія уносился безсознательно для самого себя, то онъ называлъ это безуміемъ, противоположнымъ мудрости. Онъ требовалъ, чтобы въ каждомъ званіи радѣли о человѣческомъ разумѣніи. „Самое важное боги удерживаютъ за собою и скрываютъ отъ людскихъ взоровъ. Слѣдуетъ учиться всему, что они предоставили изучать и затѣмъ дѣлать человѣку; а то, что непостижимо для людей, слѣдуетъ черезъ внутренній голосъ постигать отъ боговъ, ибо они даютъ знаменія тому, къ кому благоволятъ. Кому доступны знаменія, какими боги открываются людямъ, тотъ никогда не отступитъ отъ ихъ увѣта".

Обученіе и воспитаніе — вотъ у Сократа средства для достиженія духовной ясности и самобытной добродѣтели. Къ свободному дѣлу, думалъ онъ, ведетъ лишь свободное знаніе, а къ послѣднему обученіе и воспитанье. Преподаваніе было для Сократа божественнымъ призваніемъ, и онъ думалъ что послужитъ лучше всего своему отечеству, просвѣщая юношество и радѣя, чтобы какъ можно болѣе людей сдѣлались способными принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Воспитаніе, говорилъ онъ, трудно, и обсужденіе его одно изъ самыхъ священныхъ дѣлъ, ибо рѣшенію человѣка не предстоитъ ничего болѣе божественнаго, чѣмъ образованіе самого себя и своихъ ближнихъ. Въ противоположность господствовавшему дотолѣ племенному, родонаслѣдственному воспитанію онъ стремился къ чисто эллинскому и общечеловѣческому. Воспитаніе и преподаваніе должны сами въ себѣ заключать свою цѣль, и надлежитъ, не обращая вниманія на внѣшнія выгоды, вести людей ради нихъ самихъ къ добродѣтели, а слѣдовательно и къ блаженству. Онъ сталъ такимъ образомъ въ разрѣзъ съ софистами, относившими обученіе и воспитаніе лишь къ внѣшнимъ выгодамъ и къ полезности въ жизни и государствѣ. Отъ учителя онъ требовалъ болѣе умѣнья преподавать, чѣмъ матеріальныхъ знаній, притомъ зрѣлаго возраста и духовной воспріимчивости, дабы онъ всегда и вездѣ, гдѣ нужно, вліялъ чарами своего собственнаго существа, силою любви, и преподавая, постигалъ бы вполнѣ, къ чему слѣдуетъ примкнуть, съ чего начать и что̀ связать вмѣстѣ, но пуще всего, чтобы онъ не извнѣ прививалъ идею, а напротивъ искусными вопросами послѣдовательно развивалъ ее изнутри и всячески возбуждалъ самодѣятельность учащагося. Онъ самъ явилъ собою совершеннѣйшій образецъ, отвѣчающій этимъ требованьямъ. Не каждаго, приходившаго къ нему, допускалъ онъ въ настоящіе ученики; напротивъ, при пріемѣ онъ обращалъ вниманіе какъ на наружность, такъ и на возрастъ и способности каждаго. Но принятыхъ окончательно онъ обучалъ не только словами, а также просвѣщалъ и

исправлялъ ихъ на самомъ дѣлѣ своимъ обращеніемъ и своею жизнью. Ибо онъ былъ того мнѣнія, что учась всѣ могутъ совершенствоваться, сколько бы по природѣ во всѣхъ отношеніяхъ ни отличались они другъ отъ друга. „Если же кто не старается познать добра, тотъ тѣмъ опаснѣе и вреднѣе, чѣмъ болѣе одаренъ онъ отъ природы".

Отъ учениковъ своихъ онъ требовалъ прежде всего самообладанія, ибо кто не въ состояніи совладать съ собою, тотъ хуже всякаго раба, и ничто не мѣшаетъ такъ сильно преуспѣянію мудрости, какъ неудержная страсть къ наслажденіямъ. Кто рабъ своихъ прихотей, тотъ не способенъ ни къ какой добродѣтели.

У Сократа образованіе въ сущности относится къ характеру, къ полному самопознанію умственнаго и нравственнаго человѣка. Какъ въ его время — говоритъ Крамеръ — прекрасное равновѣсіе между внѣшнимъ и внутреннимъ, между тѣломъ и духомъ было нарушено Пелопоннескою войною, такъ и онъ не основывалъ уже своего воспитанія на совершенно равномѣрномъ образованіи духа и тѣла для прекраснаго взаимнодѣйствія одного на другое; напротивъ, все вниманіе обращено имъ попреимуществу на духъ.

Тѣлесныя упражненія вслѣдствіе того отступаютъ на задній планъ. Впрочемъ развитіемъ тѣла также не слѣдуетъ пренебрегать. „Кто упражняетъ свое тѣло,—говоритъ Сократъ,—тотъ здоровъ и силенъ; благодаря этому иной въ недобрыхъ случаяхъ спасъ жизнь свою, оказалъ услугу своимъ друзьямъ, пользу своему отечеству, снискалъ славу и почести и провелъ ясную жизнь. Тѣло употребляется на все, что̀ бы ни творили люди, и для этого ему слѣдуетъ быть подготовлену наилучшимъ образомъ. Притомъ же забывчивость, уныніе, хандра и даже сумасшествіе вслѣдствіе небреженія о тѣлѣ обрушиваются часто съ такою силою на мысль, что бываютъ причиною утраты пріобрѣтенныхъ уже знаній." Но такъ какъ по Сократу въ сущности одинъ только разумъ имѣетъ цѣну, все же неразумное ничтожно, то онъ и тѣло удостоиваетъ вниманія лишь по стольку, по скольку оно служитъ орудіемъ души, точно такъ же какъ и отъ ваятелей онъ требуетъ, чтобы они выражали болѣе душевныя дѣйствія, нежели тѣлесныя свойства, (—въ противность греческому воззрѣнію на прекрасное равновѣсіе между тѣломъ и духомъ—). Впрочемъ онъ и самъ до глубокой старости упражнялся въ гимнастикѣ и борьбѣ, и благодаря этому закалилъ себя до того, что легко переносилъ голодъ и жажду, зной и холодъ.

Музыку Сократъ считалъ важнымъ образовательнымъ средствомъ, такъ что онъ даже въ глубокой старости бралъ

уроки на лирѣ у музыканта Коноса, а у Лампона учился играть на цитрѣ, будучи того мнѣнія, что учиться музыкѣ лучше поздно, чѣмъ никогда.

Въ математикѣ и естественныхъ наукахъ онъ домогался скорѣе примѣненія къ практической жизни, нежели научнаго изученія. Онъ не одобрялъ, если межевымъ искусствомъ занимались болѣе, чѣмъ требуется для того, чтобы съ точностью вымѣрить земельный участокъ. Изслѣдованья касательно разстоянія и движенія свѣтилъ онъ считалъ безцѣльными, оттого что они стòятъ много времени и отвлекаютъ отъ иныхъ полезныхъ занятій. Обыденная философія природы вообще обращаетъ взоръ человѣка не горѣ, но долу, не на божественное, а на чувственное, такъ какъ за частностями тутъ легко позабывается цѣлое.

Ѐсе, что дорого человѣку, было въ глазахъ его важнѣе знанія, сообщаемаго естественными науками, и потому онъ разбиралъ понятія о благочестіи и безбожіи, о благородствѣ и подлости, о правдѣ и неправдѣ, о разсудительности и безуміи, о храбрости и трусости и пр. Объ этомъ онъ и бесѣдовалъ съ своими учениками, а сверхъ того читалъ съ ними также писателей и толковалъ ихъ. Вмѣстѣ съ моими друзьями—говорилъ онъ—разбираю я сокровища древнихъ мудрецовъ, собранныя въ ихъ сочиненіяхъ, и напавъ на что-либо хорошее, мы усвоиваемъ его себѣ, считая великимъ пріобрѣтеньемъ, если приносимъ пользу другъ другу.

Къ предметамъ, о которыхъ онъ преимущественно бесѣдовалъ съ своими учениками, принадлежитъ религія; впрочемъ онъ имѣлъ о ней совершенно иныя понятія, нежели большинство народа. Народная религія,—такъ училъ онъ,—состоитъ изъ обычаевъ и изъ повѣствованій о богахъ и герояхъ. Обычаи мудро установлены предками, и къ нимъ, какъ къ внушающимъ благоговѣніе нравамъ, примыкаютъ не только слова и вѣрованія города, и память о минувшей судьбѣ его, но съ ними же могутъ быть связаны благіе и богоугодные помыслы и молитвы. Итакъ добрый гражданинъ всегда приметъ участіе въ народныхъ празднествахъ и, въ торжественныхъ случаяхъ жизни, онъ по мѣрѣ силъ отдастъ долгъ узаконеннымъ обычаямъ. Но объяснять разумно и исторически тѣ легенды было бы, кажется, тщетнымъ трудомъ и стараніемъ подлинно несчастнаго мужа; и дѣйствительно, если бъ это и удавалось иногда, то все-таки осталось бы за тѣмъ еще очень много фантастическихъ и чудесныхъ образовъ и миѳовъ, съ которыми этимъ путемъ ничего не подѣлать. Если ты строго относишься къ жизни и къ познанію истины, то углубись внутрь самого себя и путемъ трезваго размышленія добивайся тамъ яснаго пониманія добра и правды, что̀ будетъ отнюдь ужъ не субъективное представленіе, а вѣчная божественная истина. Но полное знаніе

этой истины въ одномъ лишь Богѣ, тогда какъ высшая мудрость человѣка—знать, что въ немъ нѣтъ этого знанія, ибо вотъ за что,—прибавляетъ Сократъ,—богъ въ Дельфахъ и назвалъ меня мудрѣйшимъ изъ Эллиновъ. Внутри насъ самихъ божество проявляется вездѣ сущимъ, все мудро урядившимъ, всюду зиждущимъ по закону правды, и внушившимъ человѣку сознаніе своего всемогущества, такъ что чѣмъ разумнѣе становится человѣкъ, тѣмъ болѣе чтитъ онъ боговъ и тѣмъ сильнѣе чувствуетъ внутри себя ихъ вліяніе. Но это внутреннее сознаніе божества, достигаемое при его же помощи (—знаніе, связанное вмѣстѣ съ тѣмъ съ безсознательностью—), это религіозное вдохновеніе назвалъ Сократъ демоническимъ, т. е. до прорицанія доведенною личною совѣстью касательно нравственно-разумной цѣли жизни, — внутреннимъ голосомъ, который признаетъ онъ даннымъ ему отъ бога знаменіемъ, и который всякій разъ, когда онъ внемлетъ его, удерживаетъ Сократа отъ иного предпріятія, но никогда ни къ чему не подстрекаетъ.

Сократъ признавалъ промыслъ Божій вездѣ, какъ въ человѣческихъ дѣлахъ, такъ точно и въ государственныхъ законахъ, бывшихъ на его взглядъ откровеніями духа Божія чрезъ посредство человѣческаго разума. Онъ готовъ скорѣе умереть, оставаясь вѣрнымъ закону, нежели жить, нарушая его. „Справедливость“ и „законность“ по немъ тожественны. Поэтому онъ требуетъ, чтобы граждане повиновались правительству, точно такъ же какъ дѣти родителямъ. Но надъ писанными законами стоятъ для него еще неписанные, полносильные вездѣ и богами людямъ внушенные, нарушители которыхъ поэтому никогда не избѣгнутъ кары. Къ такимъ неписаннымъ законамъ причисляетъ онъ то, чтобы чтили боговъ, уважали высоко родителей, воздавали за полученныя благодѣянія и чтобы плотски не совокуплялись другъ съ другомъ ни родители съ дѣтьми, ни дѣти съ родителями.

Итакъ положительная философія Сократа совершенно этическаго свойства,—она изслѣдуетъ добродѣтель, дабы достичь сознанія и такимъ образомъ истиннаго постиженія ея. Оттого-то онъ и смотритъ съ такимъ рѣшительнымъ презрѣніемъ на философію природы и на математику, и оттого-то онъ не хочетъ даже наслаждаться природою на прогулкѣ, такъ какъ ни деревья, ни мѣстности ничему не могутъ научить его. Цѣлью его философіи самопознаніе: не познавать самого себя и воображать, будто знаешь то, чего вовсе не знаешь, ближе всего подходитъ къ безумію. Доводить людей до яснаго пониманія самихъ себя: вотъ что онъ самъ поставилъ задачею своей жизни, точно такъ же какъ задачею жизни каждаго единичнаго человѣка онъ поставилъ: „Познай самого себя“. Сократъ домогался знанія основаннаго на пониманіи,

и лишь такое знаніе онъ признавалъ истиннымъ. Великою мыслью его было преобразовать и возстановить нравственную жизнь при помощи науки. Знаніе имѣетъ своимъ предметомъ одну лишь человѣческую жизнь, и для жизни нѣтъ спасенія помимо знанія. Потому-то можно и должно вѣрить отнюдь не авторитетамъ, а однимъ лишь доводамъ. Однако, ничто не служитъ такою помѣхою истинной мудрости, какъ если воображаютъ знать то, чего не знаютъ; поэтому для насъ крайне необходима самопровѣрка, указывающая намъ, что̀ мы знаемъ дѣйствительно и что̀ только мнимъ будто знаемъ; также и для практическихъ нашихъ поступковъ всего необходимѣе ознакомиться съ нашимъ внутреннимъ состояніемъ, съ объемомъ нашего знанія и нашихъ способностей. Къ этому и должно̀ слѣдовательно стремиться самое воспитаніе. Оно имѣетъ цѣлью истинное самопознаніе и вытекающія изъ него благоразуміе и блаженство. Потому-то оно отнюдь, уже не внѣшнее и не мнимое, какъ воспитаніе софистики, а напротивъ, изнутри выросшее, органическое—это прочная основа всякой будущей педагогики. Педагогика Сократа — порожденіе глубокаго, но яснаго ума, отвергшаго все призрачное, всякій полумракъ, всякое полузнаніе, — полное пластичной наглядности и объективной ясности — это продуктъ истаго сына художника-ваятеля.

На этомъ стремленіи къ ясному сознанію основано правило Сократа, что добродѣтель—знаніе и что слѣдовательно никакое добро не творится безъ разумѣнія; дурные же люди дурны вопреки своей волѣ. По немъ знаніе и дѣло, знаніе и нравственность связаны между собою неразрывно. Истина есть добро и добро есть истина. Добродѣтель—знаніе; она слѣдовательно изучима.

За познаніемъ добра необходимо слѣдуетъ доброе дѣло. Кто постигаетъ красоту и добро, тотъ примѣняетъ ихъ также къ жизни: кто знаетъ, что̀ неблагородно, тотъ избѣгаетъ этого; кто поступаетъ незаконно, тотъ настолько же неразуменъ, насколько безнравственъ. Одно только добро дѣлаетъ мудрымъ и счастливымъ. Оно состоитъ въ помышленіи и проявляется какъ къ добромъ дѣлѣ, такъ точно и въ правдивомъ словѣ. Душа необходимо безсмертна, ибо нравственную, мыслящую и хотящую личность можно объяснить не постоянно измѣнчивою природою, а только тѣмъ, что послѣдняя носитъ въ себѣ эту самую мыслящую, хотящую личность, этотъ уставъ міра, въ качествѣ нравственной основы и какъ первичную причину вселенной. Правда, познаніе души въ этой жизни еще слабо, оттого что она постоянно притягивается къ землѣ тѣломъ, съ которымъ тѣсно связана, и не въ силахъ еще вынести полный божественный свѣтъ. Когда же мы, освобо-

дясь отъ узъ этой оболочки, вознесемся въ горняя, тогда узримъ и свѣтъ и самую истину, и настоящая жизнь представится тогда въ воспоминаніи нашемъ въ смутномъ состояніи, къ которому никогда болѣе не пожелаемъ вернуться, какъ выражается Эврипидъ: Кто знаетъ, не есть ли жизнь состояніе смерти, а смерть сама жизнь?

Такими ученіями Сократъ заложилъ основу къ научной обработкѣ нравоученія и перенесъ философію съ неба на землю, т. е. перешелъ отъ умозрѣній натурфилософовъ къ изслѣдованію въ нѣдрахъ собственной души.

Сократъ не только училъ этой философіи; онъ и переживалъ ее. Какъ не училъ онъ ничему такому, чего не открылъ бы въ своемъ самосознаніи и что не оправдывалось бы его разумомъ и размышленіемъ: точно такъ же не училъ онъ ничему такому, чего не сдѣлалъ и не предпринялъ бы самъ. Это была вполнѣ пластическая натура,—умъ въ ладу съ сердцемъ, помышленіе съ дѣломъ—истинный практическій мудрецъ. Онъ былъ такъ благочестивъ—говоритъ Ксенофонтъ,—что ничего не дѣлалъ безъ совѣта боговъ, такъ правдивъ, что никому не наносилъ ни малѣйшаго оскорбленія, владѣлъ до такой степени самимъ собою, что никогда не избиралъ пріятное вмѣсто благого, былъ такъ разсудителенъ, что никогда не ошибался въ выборѣ между лучшимъ и худшимъ. Неодолимыми чарами влекла къ себѣ личность его, сложившаяся изъ счастливаго сочетанія и гармонической связи всѣхъ характерныхъ чертъ. Такимъ образцомъ совершенства весьма мѣтко характеризуетъ его Алкивіадъ въ Платоновомъ пирѣ. Онъ говоритъ: Я заявляю, Сократъ по наружности похожъ на тѣхъ Силеновъ въ мастерскихъ ваятелей, которыхъ художники изображаютъ со свирѣлями и флейтами; но стоитъ лишь снять одну половину, и изъ-за грубой внѣшней оболочки откроются облики боговъ. Его можно уподобить также сатиру Марсію, не потому только что онъ по наружности похожъ на сатира, но и потому еще что онъ очаровываетъ людей, и притомъ не такъ какъ тотъ извѣстными музыкальными инструментами, а напротивъ, безъ всякихъ искусственныхъ инструментовъ, единственно своими рѣчами. Слушая рѣчи другихъ людей, мы не обращаемъ на нихъ особеннаго вниманія. Внимая же ему, или рѣчамъ его, хотя бы даже изъ устъ другаго, каждый изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, и мужчина, и женщина, и отрокъ, восторгается и увлекается. У меня по крайней мѣрѣ, когда слушаю его, сердце бьется сильнѣе нежели у охваченнаго пляской корибантовъ, и невольныя слезы льются изъ глазъ отъ словъ его; съ другими, я знаю, бываетъ то же самое. Слушая Перикла и другихъ отличныхъ ораторовъ, я конечно дивился изяществу и силѣ ихъ рѣчей; но душа моя никогда

еще не была потрясаема ими до такой глубины, что, негодуя на саму себя, она укоряла бы себя въ рабскихъ помыслахъ. Но нашъ Марсій потрясалъ меня часто до такой степени, что мнѣ думалось, стоитъ ли жить на свѣтѣ, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ я былъ до сихъ поръ; ибо онъ заставлялъ меня сознаться, что мнѣ многаго недостаетъ еще самому, а я, не радѣя о самомъ себѣ, пекусь о дѣлахъ Аѳинянъ. Мнѣ слѣдуетъ избѣгать его какъ чарующихъ звуковъ сиренъ и заткнуть уши, чтобы не успокоиться у него окончательно и не состарѣться, даже не попытавъ своего счастья. Изъ всѣхъ людей лишь онъ одинъ можетъ заставить меня стыдиться человѣка. Я стыжусь только его, ибо чувствую въ глубинѣ души моей, что не въ состояніи возразить ему, будто мы не обязаны исполнять все по его совѣтамъ, и что уходя отъ него, я поддаюсь лишь народнымъ почестямъ и забываю его поученья. Оттого-то я сторонюсь отъ него прочь и по возможности избѣгаю его. Когда же невольно встрѣчаюсь съ нимъ, то мнѣ бываетъ стыдно, оттого что живу вопреки своимъ собственнымъ обѣтамъ и признаніямъ. Я часто думаю: хоть бы умеръ онъ. А при всемъ томъ, случись это, я знаю, что скорбѣлъ бы гораздо болѣе, чѣмъ слушая его горькіе упреки. Ни наружная красота, ни почести, ни власть, ни одно изъ тѣхъ преимуществъ, ради которыхъ народъ считаетъ людей счастливыми, не стóятъ на взглядъ Сократа ни малѣйшаго вниманія; мало того, всѣ эти преимущества онъ считаетъ ничтожными, и столько же ничтожными насъ, дорожащихъ ими. Его обыденныя бесѣды съ людьми—вѣчныя шутки и насмѣшки. Но трезвая мысль его таится въ немъ самомъ—раскройте этого силена и вы увидите облики ея. Изъ васъ, быть можетъ, никому не удалось видѣть ихъ; а я помню дни, когда ихъ видѣлъ. Ослѣпительный блескъ ихъ, ни съ чѣмъ несравнимая и дивная красота дѣйствуютъ на васъ съ такою мощью, что вы тотчасъ-же рѣшаетесь дѣлать все, чего бы онъ ни потребовалъ отъ васъ. Въ битвѣ при Потидэѣ онъ въ войскѣ превзошелъ всѣхъ своею силою и выносливостью разныхъ тягостей. Ему ничего не значило голодать; когда же у насъ бывалъ избытокъ, то онъ одинъ только умѣлъ пользоваться имъ какъ слѣдуетъ и соблюсти мѣру. Когда его понуждали пить, то никто не могъ угоняться за нимъ въ этомъ; а все-таки никто еще ни видалъ Сократа хмѣльнымъ. Суровость зимы не пугала его, и когда никто не рѣшался выходить со двора, то онъ босикомъ ходилъ по льду спокойнѣе, чѣмъ другіе въ башмакахъ. Разъ случилось, что ему рано по утру пришла мысль, о которой онъ сталъ раздумывать, оставаясь при этомъ недвижимъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Насталъ полдень, и люди дивились, глядя на него, такъ что говорили другъ другу: Сократъ стоитъ въ глубокой думѣ и съ самаго ранняго утра не сходитъ съ мѣста. Наконецъ въ сумерки нѣсколько Іонійцевъ

вынесли на улицу свои одѣяла, посмотрѣть, не простоитъ ли Сократъ также ночью на томъ же мѣстѣ. И онъ простоялъ до разсвѣта, пока не взошло солнце. Затѣмъ поклонившись еще разъ солнцу, онъ ушелъ. Ахиллъ былъ великій герой; но такое же геройство можно встрѣтить и у Бразида; точно также и Периклъ какъ ораторъ найдетъ себѣ равнаго въ Несторѣ, Антенорѣ и другихъ. То же самое можно сказать и объ иныхъ превосходствахъ, которыя встрѣчаются у однихъ наравнѣ съ другими. Сократъ напротивъ того во всемъ своемъ существѣ, и особенно въ рѣчахъ своихъ, обладаетъ чѣмъ-то ему одному только свойственнымъ, такъ что трудно было бы пріискать равнаго ему. Непосвященному слуху рѣчи Сократа сначала покажутся смѣшными: его слова и выраженія придаютъ ему снаружи видъ лукаваго и насмѣшливаго на взглядъ сатира. Онъ только и говоритъ, что о вьючныхъ ослахъ, о кузнецахъ, сапожникахъ, кожевникахъ и повторяетъ все одно и то же объ одномъ и томъ же предметѣ, такъ что кажется, будто онъ вѣчно говоритъ одно и то же. Оттого-то непосвященному и невѣждѣ подобныя рѣчи и должны казаться такъ же смѣшными, какъ и его наружность сатира. Но когда снимемъ внѣшнюю шелуху съ его рѣчей и вникнемъ въ ихъ внутренній смыслъ, то окажется, если мы только способны понять это, что въ рѣчахъ Сократа содержатся болѣе глубокія истины, нежели во всемъ, что обыкновенно говорится людьми; а вникнувъ еще внимательнѣе, убѣдимся, что смыслъ ихъ въ высшей степени божественъ, что въ нихъ содержатся прекраснѣйшіе образцы добродѣтели, широкообъемлющій умъ, вмѣщающій въ себѣ все, на что болѣе всего слѣдуетъ обратить вниманіе всякому, кто хочетъ быть благороднымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Благодаря такой Алкивіадомъ охарактеризованной личности, Сократъ возбуждалъ въ Аѳинахъ всеобщее вниманіе. Его высокій лобъ, вздернутый носъ, эти глаза на выкатѣ, густыя брови, его большой ротъ съ толстыми губами, эта гладкая лысина, этотъ большой, отвислый животъ; — его скудная одежда, отсутствіе всякой обуви, осанка его, частыя остановки и блуждающіе взоры;—такая полнота чувства, такой избытокъ души, такая свѣжесть мысли и притомъ его самообладаніе, его крѣпкая дружба и непоколебимое убѣжденіе, твердость характера, и вмѣстѣ съ тѣмъ хладнокровіе, съ какимъ переносилъ онъ вспыльчивость и капризы своей супруги Ксантиппы, его безучастіе въ государственныхъ дѣлахъ, къ которымъ онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія, его космополитизмъ, въ силу котораго онъ называлъ себя не Аѳиняниномъ, и даже не Эллиномъ, а гражданиномъ міра, тогда какъ съ другой стороны онъ всецѣло былъ Грекомъ, въ томъ смыслѣ что самъ съ пристрастіемъ называлъ себя самымъ ревностнымъ эроти-

комъ, и что у него, передъ этими свободными дружескими отношеніями совершенно отступала семейная жизнь;—неутомимая настойчивость, съ какою онъ стремился къ познанію красоты и добра путемъ разума, преобладаніе внутренней жизни надъ внѣшнею, что обнаруживалось въ одностороннемъ интересѣ ума и сдѣлало его равнодушнымъ ко внѣшней формѣ и господствующему обычаю;—наконецъ его разсѣянность и восторженное состояніе, въ которое иногда впадалъ онъ вслѣдствіе глубокой думы,—все это должно было поражать и удивлять изящнаго, эстетически-развитаго пластичнаго Грека, потому уже, что для него это было и осталось загадочнымъ явленіемъ. Неудивительно поэтому, что Аристофанъ, о которомъ Платонъ хотя и говоритъ, правда, что граціи избрали душу его своимъ жилищемъ, который однако самолично не представлялъ собою добраго стараго времени, выведеннаго имъ на борьбу съ новымъ, а напротивъ, совмѣщалъ въ себѣ враждовавшія при немъ противоположности и равно поражалъ какъ старое вмѣстѣ съ новымъ, такъ точно и новое вмѣстѣ съ старымъ, смѣшивая законность со вторгшимся беззаконіемъ, сокрушая престолы какъ на небѣ, такъ и на землѣ, и выставляя безобразія и сумасбродства народа, осмѣивавшаго въ твореніяхъ поэта самого себя,—неудивительно, что онъ, выводя на сцену личность Сократа, предалъ его на глумленіе и посмѣянье Аѳинянамъ, какъ представителя безполезной, праздной, развращающей юношество, подтачивающей обычаи и нравы софистической лжемудрости.

Весь аѳинскій народъ той эпохи походилъ на Аристофана и такъ же какъ онъ судилъ о Сократѣ, что и было приговоромъ для послѣдняго и сдѣлалось наконецъ дѣйствительнымъ приговоромъ по суду. Молодой поэтъ, Мелитъ, демагогъ Анитъ и ораторъ Ликонъ обвинили 70-лѣтняго Сократа въ непризнаніи государственныхъ боговъ, во введеніи новыхъ божествъ и въ развращеніи юношества. Обвинительные пункты—тѣ самые, какими Аристофанъ заклеймилъ софистовъ въ лицѣ Сократа. И въ самомъ дѣлѣ, по виду Сократъ сталъ съ софистами на одну и ту же точку зрѣнія, и притомъ не только въ нѣкоторыхъ чертахъ внѣшняго ихъ проявленія (въ Сократовской ироніи), но также и въ высшей основной мысли, по которой всякій нравственный поступокъ долженъ быть сознательнымъ дѣломъ. Притомъ же самое введеніе новыхъ обычаевъ и новыхъ способовъ образованія и воспитанія и отрицаніе національныхъ боговъ приписывали главнѣйше софистамъ. Но то, что Сократъ въ противоположность софистамъ, не перепутывалъ и не уничтожалъ субъективными умозрѣніями всякія твердыя опредѣленія; а напротивъ, постановивъ мѣриломъ всѣхъ вещей разумное мышленіе, отнюдь не предоставлялъ нравственное дѣло усмотрѣнію и произволу единичной личности, но сводилъ

его къ существу духа: этого всего обвинители и судьи съ ихъ пристрастной и враждебной точки зрѣнія не могли и не хотѣли понять тѣмъ еще болѣе, что считали его не только софистомъ, но также и аристократомъ, подружившимся съ аристократами, и по всякому поводу порицавшимъ даже аѳинскую демократію, а именно демократическое учрежденіе выбора по жребію. Они мнили поэтому, что дѣйствуютъ въ интересѣ демократіи, присудивъ его—въ 399-мъ году до Р. Х.—къ чашѣ съ ядомъ, и исполнили это тѣмъ охотнѣе, что Сократъ сдѣлался имъ лично ненавистенъ не только своими политическими убѣжденіями и своимъ ученіемъ, но такъ же и своимъ методомъ. Вѣдь обвиненія противъ его ученій сами по себѣ служили конечно только предлогомъ для Аѳинянъ, потому что въ сущности они и сами уже не вѣрили въ то, отрицаніе чего вмѣнялось обвинителями Сократу въ преступленіе, и какъ друзья, такъ и враги его знали конечно, что Сократъ былъ правъ, потребовавъ, чтобы Мелитъ назвалъ хотя бы одного человѣка, который по его винѣ изъ почитателя боговъ сдѣлался богохульникомъ, изъ разумнаго мудреца злоумышленникомъ, изъ домовитаго хозяина расточителемъ, изъ воздержнаго распутнымъ, изъ трудолюбиваго сластолюбцемъ или рабомъ презрѣнной похоти. Притомъ сами же Аѳиняне постоянно видѣли его приносящимъ жертвы на общественныхъ алтаряхъ. Но методъ, которымъ онъ государственнымъ людямъ, поэтамъ и художникамъ, кичившимся своею мудростью, доказывалъ, что они ничего не знаютъ, и которымъ онъ снабдилъ также учениковъ своихъ, изобличавшихъ такимъ образомъ чванство всякаго рода: вотъ что было однимъ изъ его самыхъ существенныхъ преступленій. Сократъ пренебрегъ избавиться отъ присужденной ему смерти апелляціей къ самодержавному аѳинскому народу или бѣгствомъ изъ тюрьмы и сдѣлался жертвою оскорбленной имъ, изобличенной въ ея ничтожествѣ демократической реакціи, будучи осужденъ и умерщвленъ за умственное направленіе, овладѣвшее всѣми, какъ его обвинителями, такъ точно и его судьями, съ тою лишь разницею, что они въ противоположность Сократу не ставили своихъ поступковъ въ зависимость отъ истиннаго, божественнаго знанія, а напротивъ, подобно софистамъ, удовлетворяли своей индивидуальности практическимъ произволомъ. Онъ умеръ, величайшій изъ Грековъ и доблестнѣйшій изъ язычниковъ, принимая смерть какъ ниспосланіе спасительнаго божества и спокойно вступая въ міръ духовный. „Ибо то, что̀ причиняется мнѣ—говорилъ онъ—не есть дѣло случая; напротивъ, я убѣжденъ, что для меня лучше умереть теперь и избавиться отъ бѣдъ житейскихъ". „Если же я умираю вслѣдствіе несправедливости, то отнюдь не унижусь тѣмъ передъ самимъ собою; вѣдь этотъ позоръ падаетъ не на меня, а на тѣхъ, кто осу-

дилъ меня. Я знаю, что будущность и прошлое будутъ мнѣ свидѣтелями въ томъ, что я никогда не оскорбилъ ни одного человѣка, и никого не извратилъ, а напротивъ, оказалъ благодѣяніе всѣмъ обращавшимся со мною, обучая ихъ даромъ по мѣрѣ силъ моихъ добру". Сказавъ это —повѣствуетъ Ксенофонтъ—онъ всталъ, собираясь уйти. Все въ немъ отвѣчало словамъ его. Бодры были его взоръ, его лицо, его поступь. Увидѣвъ, что спутники его плачутъ, онъ сказалъ: „Что съ вами? О чемъ плачете? Развѣ вы не знали и прежде, что съ рожденія уже природой суждено мнѣ умереть? Да, если бъ я умиралъ преждевременно, то я и друзья мои могли бы еще сокрушаться о томъ. Но теперь, когда покидаю жизнь при предстоящихъ мнѣ тягостяхъ, вамъ, по моему, слѣдовало бы радоваться этому, какъ посѣтившему меня счастью."

Сократъ былъ революціонеръ противъ греческаго духа красоты, и при всемъ томъ—реальный обликъ греческой культуры, какою сдѣлалась она вслѣдствіе мышленія, а именно гармоничнымъ облагороженіемъ всѣхъ духовныхъ способностей и силъ. Онъ былъ виновенъ передъ правовѣрнымъ эллинизмомъ, съ которымъ демократія, ища его поддержки, лицемѣрно шла рука обруку. Но въ силу внутренняго нравственнаго принципа, за который его обрекли на смерть, онъ въ исторіи вѣчно пребудетъ однимъ изъ полюсовъ, вокругъ котораго вращается сознаніе міра.

Одинъ изъ учениковъ Сократа, какъ преемникъ его исполненный философской строгости, и въ то же время одаренный отъ Лисія, Горгія, Продика и Терамена софистическою популярностью и риторическимъ изложеніемъ.

Исократъ

(435 — 338 до Р. Х.) пытался облечь основныя начала красоты и нравственности въ реторическую форму. Онъ придавалъ особенное значеніе обработанному слогу и гармоничной отдѣлкѣ періодовъ. Такъ какъ слабый голосъ и врожденная робость мѣшали ему сдѣлаться народнымъ ораторомъ, то онъ занялся попреимуществу преподаваніемъ красворѣчія и сочиненіемъ рѣчей для другихъ, въ чемъ вскорѣ достигъ такой славы, что за рѣчь, написанную имъ для царя Кипрскаго, Никокла, онъ отъ него получилъ 20 талантовъ (27,000 тлр.), а за выработку записки, обращенной къ Аѳинянамъ—одинъ талантъ въ награду. Въ своей школѣ онъ обучалъ всей реторикѣ за 10 минъ; въ его время это была обыкновенная плата за преподаваніе съ каждаго ученика.

Онъ старался примирить между собою и сгладить противорѣчія, господствовавшія тогда въ Аѳинахъ и имѣвшія своими представителями съ одной стороны софистовъ, а съ другой Сократа. Для этого онъ не довольствовался своими собственными декламаціями и практически составленною реторикою; онъ возбудилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ ученикахъ горячее соревнованіе ежемѣсячными наградами и цѣлесообразными похвалами, направляя притомъ занятія ихъ на подсильные имъ предметы, особенно на историческія сочиненія. Цѣлью его стремленій было внушительными доводами настроить умы къ добру и возбудить ихъ противъ зла, чтобы такимъ путемъ образовать не только вліятельныхъ ораторовъ, но такъ же нравственно-честныхъ людей и полезныхъ гражданъ. Онъ совѣтовалъ стремиться къ образованію какъ къ высшему благу. По тѣлу, говоритъ онъ, надлежитъ быть трудолюбивымъ, а по духу любомудрымъ, дабы съ помощью перваго исполнить все что̀ кажется хорошо, а съ помощью второго предусмотрѣть самое полезное. Одна только мудрость — имущество несокрушимое. Кто охотно учится, тотъ и научится многому. Но это ученіе должно состоять лишь въ усвоеніи себѣ полезныхъ предметовъ, ибо лучше имѣть о таковыхъ хотя посредственное понятіе, чѣмъ знать основательно безполезныя вещи. „Называй мудрыми не тѣхъ, кто съ великою ловкостью умѣетъ препираться о малыхъ дѣлахъ, но тѣхъ, кто способенъ сказать доброе слово о важнѣйшихъ; не тѣхъ, кто другимъ сулитъ счастіе, а самъ то и дѣло подвергается недоумѣнію и затрудненіямъ, но тѣхъ, кто, не тратя лишнихъ словъ о самихъ себѣ, умѣетъ примѣняться къ людскимъ отношеніямъ и не теряетъ присутствія духа въ превратностяхъ жизни, а доблестно и скромно переноситъ какъ счастіе, такъ и несчастіе“. Этой мудрости достигнетъ лишь тотъ, кто усвоилъ себѣ добрыя ученія, ибо какъ тѣло укрѣпляется и закаливается соразмѣрнымъ трудомъ, такъ точно и духъ добрымъ наставленіемъ. Для мудрости поэтому прежде всего необходимо благородное подражаніе, дабы въ жизни быть достойнымъ достойныхъ предковъ. Потому надлежитъ посвящать юношество въ судьбы предковъ и въ ихъ образъ мыслей и наставлять его, читая родныхъ писателей и поэтовъ. Пусть оно заучиваетъ наизустъ лучшія мѣста изъ поэтовъ и читаетъ творенія другихъ авторовъ, даже самихъ софистовъ, если ими высказано что-либо полезное. Какъ пчела извлекаетъ изъ растеній лучшій сокъ, такъ и юноша, стремясь къ образованію, не долженъ пренебрегать ничѣмъ, а напротивъ — собирать отовсюда сокровища полезныхъ знаній; — Исократъ требуетъ отъ педагогики, чтобы она, указаніемъ на прошлое по мѣрѣ возможности возстановила упавшее въ его время воспитаніе, умѣря-

ла бы вольнолюбивые порывы и поощряла какъ патріотизмъ, такъ и простоту прежнихъ дней. Если люди, оказывающіе помощь друзьямъ, — говоритъ онъ — совершаютъ уже благое дѣло: то тѣмъ выше еще стоятъ и гораздо болѣе пользы приносятъ тѣ, кто не только сообщаетъ и внушаетъ юношамъ рѣчистость и витійство, но старается болѣе всего просвѣтить естественное чувство нравственности и способствовать образованію характера.

20.

ПЛАТОНЪ.

Личность Сократа повліяла такъ мощно на все окружавшее его, что она по смерти его стала первообразомъ, въ которомъ обрѣли свое общее средоточіе самыя разнородныя индивидуальности многоразличнѣйшихъ направленій. Человѣкъ долженъ руководиться всеобщею, въ самой себѣ истинною цѣлью: вотъ что было основною сократовскою мыслью, отъ которой исходили всѣ ученики Сократа. Но въ чемъ состоитъ самая цѣль: на это отвѣтомъ служила одна лишь жизнь Сократа, и вопросъ, смотря по индивидуальному пониманію этой жизни, рѣшался теперь индивидуально. Антисѳенъ — основатель школы циниковъ — заодно съ Сократомъ признавалъ добродѣтель конечною цѣлью человѣка и опредѣлялъ эту добродѣтель какъ разумѣніе, а слѣдовательно какъ нѣчто изучимое. Но идеалъ добродѣтели, въ томъ видѣ какъ онъ мнился ему въ лицѣ Сократа, состоялъ по немъ въ одномъ лишь отсутствіи потребностей, добродѣтель имѣла цѣлью только избѣгать зла и нуждалась поэтому не въ діалектическихъ доводахъ, но только въ Сократовой силѣ. Мудрецъ довлѣетъ самъ себѣ, онъ вполнѣ независимъ, равнодушенъ къ богатству, почестямъ и наслажденіямъ, къ браку, семьѣ и къ государственной жизни. Поэтому добродѣтель не нуждается въ особомъ преподаваніи, и даже обученіе чтенію и письму отвергается въ томъ отношеніи и потому, что не составляетъ существенной потребности; геометрію и музыку слѣдуетъ презирать въ виду того, что государства и дома управляются не пѣснями и звуками, а лишь хорошими правилами. Слѣдуетъ напротивъ обратить все вниманіе на закаленіе тѣла, а потому предписывается холодное купанье, питье воды, спанье на голой землѣ и пр. Такія требованья доведены до крайностей Діогеномъ, этимъ неистовымъ Сократомъ, который съ небритой бородою, съ котомкой черезъ плечо, босоногій, лаетъ въ своей бочкѣ:

„Ни въ чемъ не нуждаться—божественно“. — Аристиппъ и Киренаики, изъ возведенныхъ Сократомъ въ принципъ добродѣтели и блаженства признали высшею цѣлью одно только услажденіе, и притомъ единичное, настоящее, тѣлесное ощущеніе услады, для достиженія и сохраненія котораго требуются однако образованіе души, благоразуміе, самообладаніе и умѣренность. Воспитаніе по Аристиппу должно сдѣлать человѣка свободнымъ и способнымъ для всякаго рода наслажденій, такъ какъ человѣкъ безъ образованія — рабъ. Воспитаніе и обученіе на его взглядъ единственное средство пользоваться жизнью, вслѣдствіе чего при этомъ имѣетъ значеніе одна лишь этика, ибо полезно изслѣдовать лишь то, что̀ хорошо и что̀ вредно въ домѣ. На вопросъ: „Чему слѣдуетъ учиться милымъ дѣтямъ“? онъ отвѣчаетъ: „Всему, въ чемъ они будутъ нуждаться, сдѣлавшись мужами“!—Наконецъ Эвклидъ (—основатель Мегарской школы—) подчиняетъ этику діалектикѣ и представляетъ добро какъ нѣчто единое, само себѣ равное, какъ чистое бытіе, а все не доброе какъ небытіе. Въ педагогикѣ онъ оказалъ услугу относительно метода, особенно въ діалектикѣ, искусствѣ словопренія, въ софизмахъ и лжевыводахъ. Впрочемъ лжевыводы и уловки Мегариковъ скоро обратились въ пустую игру словъ и остротъ, и развивая все шире одинъ лишь формально-логичный способъ доказательствъ, они наконецъ совершенно утратили изъ виду нравственную идею Сократа.

Циники, Киренаики и Мегарики, всѣ равно односторонніе, выбрали одну лишь сторону изъ ученія ихъ великаго наставника и, развивая ее послѣдовательно, дошли до настоящихъ тупиковъ. Рядовыя натуры не въ состояніи понять всемірноисторическаго генія, какъ бы талантливо ни пытались они съ усиліемъ и трудомъ выработать что либо изъ цѣлаго, — постичь и изложить его во всей полнотѣ можетъ развѣ такой же какъ онъ самъ геній. Такимъ геніемъ явился Платонъ, воспринявшій въ себя всего Сократа; исходя отъ его идеи знанія, Платонъ собралъ разсѣянныя у учителя и у предшествовавшихъ философовъ лучи истины въ одинъ общій фокусъ, разработалъ философію въ систему. Онъ—объективно олицетворенный Сократъ въ его прекраснѣйшей формѣ, онъ поэтъ въ философіи, эстетическій философъ, онъ философскій Аполлонъ, самый изящный цвѣтъ греческаго духа, въ которомъ чувственность упраздняется въ идею, а идеалъ нисходитъ до чувственности и просвѣтляетъ ее вполнѣ. Всякая философія носитъ на себѣ явные слѣды знаній бывшихъ въ ходу какъ непосредственно до нея, такъ и одновременно съ нею; все упрочившееся въ данную философскую эпоху ложится въ основу господствующаго умственнаго движенія, имѣющаго тогда обыкновенно національный оттѣнокъ. Вслѣд-

ствіе своей организаціи, важнѣйшимъ и наиболѣе желательнымъ для себя Греки считали надлежащее соотношеніе между содержаніемъ и формою. Соразмѣрность составляла для нихъ суть истины. Въ этомъ высшей степени достигъ Платонъ. Во всемъ существѣ его, какъ и въ рѣчи, было что-то всемощное, очаровательное, божественное. Когда родители Платона, — такъ гласитъ вѣщее преданіе, — благодарили боговъ за рожденіе его, то во время жертвоприношенія пчелы вносили медъ въ уста спящаго дитяти,— въ тѣ уста, что впослѣдствіи изобиловали самымъ сладостнымъ велерѣчіемъ. И передъ тѣмъ еще, какъ этотъ высоко надѣленный отъ природы юноша вмѣстѣ съ отцомъ своимъ пришелъ къ Сократу и заявилъ желаніе быть ученикомъ его, Платонъ явился во снѣ Сократу въ видѣ молодого лебедя, слетѣвшаго съ алтаря Эрота въ лоно его, оперившагося здѣсь и затѣмъ воспарившаго къ небу съ очаровательною пѣснью.

Платонъ родился въ Аѳинахъ, а по нѣкоторымъ въ Эгинѣ въ годъ смерти Перикла, въ 429-мъ г. до Р. Х., 21-го или 22-го маія (—Олимп. 87,3, 7-го ѳаргеліона). Сынъ Аристона и Периктіоны, изъ древняго и знатнаго рода, прозванный сперва „Аристокломъ", потомъ—за широкій лобъ и такую же грудь переименованный „Платономъ"—онъ въ средоточіи греческой культуры и промышленности получилъ достойное предковъ и родителей его воспитаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, наперекоръ извращенному демагогическому направленію той эпохи,—аристократическій духъ. Начальнымъ обученіемъ онъ пользовался у грамматика Діонисія, содержавшаго школу въ Аѳинахъ. Его учителемъ гимнастики былъ Аристонъ изъ Аргоса, и онъ достигъ такой значительной тѣлесной ловкости, что участвовалъ въ состязаніяхъ на истмическихъ и пиѳическихъ боевыхъ играхъ. Музыкѣ онъ какъ теорически, такъ и практически обучался у Дракона и у Метелла изъ Агригента и рано уже увлекался высокою важностью и величавымъ достоинствомъ дорійскаго лада. Онъ много занимался также живописью; въ поэзіи же самъ сочинялъ сперва этическіе стихи, потомъ диѳирамбы и оды и наконецъ трагедіи. Когда же 20-ти лѣтъ отъ роду онъ ознакомился съ Сократомъ, то отрекся отъ поэтическихъ попытокъ, съ тѣмъ чтобы всецѣло посвятить себя изученію философіи. Онъ прожилъ 8 лѣтъ у Сократа, признавъ въ немъ законченный образъ мудреца. По смерти его онъ изъ Аѳинъ отправился въ Мегару въ философскую школу Эвклида, съ тѣмъ чтобы оттуда уже совершить путешествіе въ Кирену, Египетъ, Великую Грецію и Сицилію и ознакомиться съ пиѳагорейскою школою, благодаря которой развились въ немъ какъ научныя стремленія, такъ и практическій смыслъ и интересъ къ жизни. На 40-мъ году возвратился онъ въ Аѳины, собралъ въ академіи кру-

жокъ учениковъ, привязавшихся къ нему съ искреннею любовью (—между учениками были даже женщины въ мужской одеждѣ—) и, удалившись отъ суетъ общественной жизни, обучалъ ихъ до 81-го года:—невозмутимая жизнь философа, спокойствіе которой нарушалось иногда лишь пребываніемъ при сиракузскомъ дворѣ, гдѣ имѣлось въ виду осуществить какъ его нравственный, такъ и государственный идеалъ и философскимъ воспитаніемъ новаго державца соединить въ одномъ лицѣ философію и верховную власть. Во время письменныхъ занятій, а по другимъ извѣстіямъ во время свадебнаго пира, въ 348-мъ г. до Р. Х., снизошла на него смерть, словно тихій сонъ, и онъ былъ похороненъ близъ академіи, въ Керамикѣ.

Основа всей философіи по Платону—діалектика или логика, которая есть знаніе всего, что̀ подлежитъ взаимной связи и что̀ нѣтъ, и того, какъ слѣдуетъ раздѣлять или соединять вещи вмѣстѣ. Для вѣдѣнія, для познанія имѣется двойной источникъ: ощущеніе вмѣстѣ съ представленіемъ и разумное мышленіе. Ощущеніе относится къ тому, что подлежитъ безпрерывному потоку бытія, къ чисто мгновенному: итакъ это источникъ смутнаго, сомнительнаго познанія. Мышленіе относится ко всему устойчивому, что̀ не измѣнно и не преходитъ: оно видитъ предметы въ ихъ вѣчной сущности, оно созерцаетъ идеи. Идеи, это—совокупное въ разнообразномъ, всеобщее въ единичномъ, единое во множествѣ, постоянное въ измѣнчивомъ. Въ субъективномъ отношеніи, онѣ—невыводимыя изъ опыта, сами по себѣ вѣрныя начала знанія; въ объективномъ же отношеніи, онѣ неизмѣнныя начала бытія и міра явленій. Идея есть вездѣ, гдѣ есть общее видовое и родовое понятіе: у каждаго разряда сущаго своя идея,—идея стола, силы, здоровья и пр. Всѣ предметы суть оттиски и оттѣнки идей, первообразовъ. Между собою идеи составляютъ расчлененный организмъ, въ которомъ каждая низшая идея есть предположеніе и основа каждой высшей, а средоточіе всѣхъ идей—идея добра. Какъ солнце есть причина зрѣнія и не только причина того, что предметы становятся видимы при свѣтѣ, но и того, что они дѣйствительно возникаютъ: такъ точно и добру присуща такая сила и красота, что оно для души не только становится причиною науки, но надѣляетъ такъ же истиной и сущностью все, что составляетъ предметъ науки;—и какъ солнце не есть само зрѣніе и зримое, но стоитъ надъ тѣмъ и другимъ, такъ точно и добро не есть собственно наука и истина, но оно надъ ними, и та и другая не само добро, а онѣ только добротны, доброкачественны. Богъ по Платону абсолютное добро,—источникъ всякаго добра и источникъ идей, которыя служатъ основою всѣмъ живымъ единичнымъ существамъ, суть ихъ первообразы и крайнія двигательныя силы ихъ развитія. Міръ есть видимая живо-

сущность, единственная, вмѣщающая въ себѣ всѣ частныя живосущности, стоящія съ ней въ естественной связи.

Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Поскольку душа связана съ тѣломъ, постольку она обращена къ преходящему; но поскольку она причастна познанію вѣчнаго или разуму, постольку въ ней живетъ нѣчто божественное, разумъ. Итакъ душа содержитъ въ себѣ божественное и смертное, разумъ и вожделѣніе: посредствующимъ звеномъ между тѣмъ и другимъ служитъ бодрость, оказывающая помощь разуму противъ вожделѣнія, но если того требуетъ разумъ, поддерживающая также вожделѣніе. Сущность и понятіе безсмертной души—самоподвижность; потому все то, что есть душа, имѣетъ въ вѣдѣньи своемъ все неодушевленное и проникаетъ собой все небо, выявляясь то въ одномъ видѣ, то въ другомъ. Дабы въ мірѣ кромѣ міровой души обитали еще иныя Богу подобныя существа, Богъ создалъ души и оплодотворилъ ихъ идеями. Онъ первоначально отвелъ имъ мѣстопребываніемъ свѣтила, гдѣ онѣ обитали въ качествѣ блаженныхъ духовъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ наказаніе сосланы были на землю и заключены въ человѣческія тѣла, вслѣдствіе чего и образовалась двойственная природа человѣка, который по духу своему смертію опять возвращается въ то блаженное состояніе, если жилъ добродѣтельно; въ противномъ же случаѣ онъ погружается еще глубже въ животную природу и погибаетъ въ ней. Ибо совершенная душа возносится и витаетъ по всему міру; несовершенная же бродитъ около, пока не набредетъ на что либо твердое, въ чемъ и живетъ, принявъ видъ бреннаго тѣла, которое при посредствѣ ея силы движется какъ бы само собою, и это цѣлое въ совокупности души и тѣла называется смертнымъ живымъ существомъ, оттого что оно обладаетъ движимостью изнутри и изъ себя самого. Человѣкъ подобенъ окрыленной парѣ съ однимъ возницею. Одинъ изъ коней благороденъ отъ природы, цвѣтомъ бѣлъ и съ виду прекрасенъ; другой же, черный, дуренъ и невзраченъ. Все зависитъ отъ того, которому изъ коней возница (человѣческая воля) отдастъ преимущество; согласно съ этимъ человѣческая душа и оказывается—доброю или дурною, смотря потому, служитъ ли она разуму или чувственности. Прежде она витала въ горнихъ селеніяхъ, и то что зрѣла тамъ, это долу и есть любовь ея. Отсюда и божественное вдохновеніе. И дѣйствительно, увидѣвъ подобіе горняго образа, душа восторгается, крылья ея вновь обрѣтаютъ силу и она вспоминаетъ свое прежнее состояніе, въ которомъ созерцала не что либо прекрасное или правдивое, но самую красоту и правду. Воспоминаніемъ того божественнаго, ею нѣкогда созерцаемаго, человѣкъ достигаетъ здѣсь совершенства. Онъ стремится въ такомъ случаѣ къ идеѣ добра. Но такъ какъ эта идея въ чистой сущности ея недосягаема для человѣческаго

разума и познается лишь въ своихъ различныхъ проявленіяхъ; то человѣкомъ и достигаются только тѣ различныя проявленія высшаго добра, которыя представляютъ не самое еще добро, а лишь добро въ его зачатіи и ростѣ,—наука, истина, красота и доблесть. Доблесть есть здоровое состояніе души, основанное на полномъ согласіи трехъ главныхъ душевныхъ способностей,—мышленія, бодрости съ гнѣвомъ, и чувственнаго вожделѣнія. Она — наука и слѣдовательно — изучима. Она—доблесть разума въ видѣ мудрости: наставляющая и руководящая добродѣтель, безъ содѣйствія которой храбрость принижается до животнаго побуда, а умѣренность до тупоумія. Доблесть бодраго духа есть храбрость, помощница разума, заявляющая себя въ борьбѣ съ пріятнымъ и непріятнымъ, съ вожделѣніемъ и страхомъ. Доблесть желаній, указующая послѣднимъ должную ихъ мѣру, есть умѣренность. Наконецъ доблесть, служащая урядительницей души и связью и единеніемъ всѣхъ другихъ добродѣтелей, есть справедливость. Она добродѣтель изъ добродѣтелей, и никакой поступокъ не можетъ быть доблестнымъ, добродѣтельнымъ, если онъ не справедливъ.

Справедливость „въ прописныхъ буквахъ" есть государство. Государство такая же нравственная особь, какъ и единичный человѣкъ, но въ большомъ лишь размѣрѣ,—особь, при посредствѣ которой идея добра по возможности шире проявляется въ дѣйствительномъ быту. Согласно съ душевною жизнью человѣка въ государствѣ также имѣется 3 начала или образа дѣйствія единичнаго лица: разуму соотвѣтствуетъ званіе державцевъ, завѣдующихъ законодательствомъ; бодрости — званіе стражниковъ или воиновъ, чей долгъ охранять общественный строй отъ внѣшняго врага; чувственному вожделѣнію—званіе ремесленниковъ, которому предоставлены частныя заботы, потребности, какъ то земледѣліе, скотоводство, домостроительство и пр. Изъ надлежащаго сочетанія этихъ трехъ званій и олицетворяемыхъ ими добродѣтелей,—мудрости, храбрости и умѣренности, слагается справедливость государства, въ силу которой каждая единичная личность должна быть надѣлена благами, на какія она имѣетъ право какъ составная часть государства. Государству, какъ нравственному всеобщему началу, должно всецѣло подчиниться все индивидуальное,—личная воля и личная цѣль должны исчезнуть въ совокупной волѣ и въ совокупной цѣли. Въ государствѣ все для всѣхъ обще, радость и горе, даже глаза, уши и руки, дабы не каждый дѣлалъ самъ по себѣ и только свое собственное дѣло, но всѣ вмѣстѣ видѣли, слышали и исполняли общія дѣла, и дабы всѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, хвалили и порицали одно и то же, и точтакже радовались и скорбѣли объ одномъ и томъ же. Въ рукахъ государства находятся поэтому семейная жизнь,

воспитаніе и обученіе, выборъ званія и рода жизни, всѣ дѣятельности, даже въ искусствѣ и наукѣ. Поддержка дѣльнаго воспитанія и дѣльнаго обученія образуетъ добрыя натуры, а даровитыя натуры въ свою очередь, поддерживаемыя такимъ воспитаніемъ, отлично преуспѣваютъ. Воспитаніе гражданъ утверждено въ государственномъ законодательствѣ: кто уклоняется отъ законовъ, того государство караетъ, и эта кара слыветъ наставленіемъ, ибо наказаніе дѣлаетъ человѣка вновь разумнымъ.

Прежде всего государство имѣетъ постановить, чтобы никто въ своемъ домѣ не имѣлъ собственнаго храма, а напротивъ, каждый долженъ приносить свои жертвы въ общественныхъ храмахъ и тамъ же совершать свои молебствія, ибо отвѣчающая законамъ вѣра въ существованіе боговъ требуетъ, чтобы никто намѣренно не совершилъ богопротивнаго поступка, ни произнесъ противозаконной рѣчи; но все это дѣлаютъ люди, предполагая, что нѣтъ никакихъ боговъ, или что они не пекутся вовсе о человѣкѣ или что ихъ можно умилостивить и задобрить простыми жертвами и молитвами — все такія заблужденія, которыя прежде всего долженъ искоренять законодатель. Проступки словомъ и дѣломъ противъ боговъ подлежатъ карѣ, и всякій, кто богохульничаетъ, подлежитъ жестокому наказанію: да проведетъ онъ жизнь въ подземной темницѣ въ оковахъ и да не приблизится къ нему ни единый свободный человѣкъ; когда же умретъ онъ, тогда похоронятъ его внѣ предѣловъ государства.

Старѣйшины въ государствѣ должны потомъ наблюдать, чтобы въ гимнастикѣ и музыкѣ не вводились новизны вопреки существующимъ учрежденіямъ, ибо противозаконность, мало по малу распространяясь, незамѣтно прокрадывается въ нравы и привычки; отсюда она вторгается потомъ во взаимныя отношенія гражданъ, а отъ этихъ отношеній она съ великою заносчивостью и большимъ разгуломъ добирается до законовъ и постановленій, все наконецъ извращая, какъ общественную, такъ и частную жизнь. Какъ кто началъ съ своего воспитанія, точно такъ же пойдетъ у него за тѣмъ и все другое, ибо сходное вызывается сходнымъ; такимъ образомъ все наконецъ достигаетъ полноты и законченности, какъ въ добрѣ, такъ равно и въ злѣ.

Существеннымъ средствомъ государственнаго воспитанія служитъ мужелюбіе. Намъ кажется, для людей съ ранней ихъ молодости нѣтъ блага выше благороднаго любовника, а для любовниковъ — выше возлюбленнаго. Человѣкъ, домогающійся прекрасной жизни, всегда долженъ руководиться, не родствомъ, не почестями, не богатствомъ, —

а только любовью, которая не что иное какъ стыдливость передъ позорнымъ и стремленіе къ прекрасному. Но любовникъ и возлюбленный должны соединиться, поступая каждый согласно съ кореннымъ своимъ правиломъ: одинъ поступаетъ хорошо, оказывая всяческія послуги предавшемуся ему возлюбленному; а другой—вмѣняетъ себѣ въ долгъ всячески угождать тому, кто дѣлаетъ его разумнымъ и добрымъ. Первый обязанъ способствовать развитію благоразумія и всякаго рода превосходства; въ послѣднемъ должна быть потребность воспользоваться образованіемъ и мудростью перваго. Это Эротъ небесной богини; онъ самъ небожитель, онъ крайне важенъ для государства и для единичныхъ личностей, побуждая какъ любовника, такъ и возлюбленнаго сильно радѣть о самихъ себѣ, дабы сдѣлаться добродѣтельными. Для предупрежденія же, чтобы молодые люди мужескаго и женскаго пола не предавались своему же полу въ качествѣ мужскихъ или женскихъ наложницъ, слѣдуетъ освятить это гласомъ народа, такъ чтобы рабы и свободные, дѣти и женщины, словомъ сказать всѣ въ городѣ говорили объ этомъ въ одинъ голосъ. Тогда придастся сила и жизненность закону, который предписываетъ совершать надлежащее соитіе ради дѣторожденія и тѣмъ самымъ запрещаетъ мужчинамъ имѣть соитіе съ мужчинами, притомъ возбраняетъ также—умышленно препятствовать распложенію человѣческаго рода и сѣять на камняхъ и скалахъ, гдѣ ничто не можетъ ни прозябать, ни укорениться.

Законодатель долженъ сверхъ того пріучить своихъ согражданъ къ перенесенію какъ скорби, такъ и удовольствій. Поелику воспитаніе, состоящее въ цѣлесообразной смѣнѣ ощущеній удовольствія и скорби, въ теченіе жизни весьма часто приходитъ въ разстройство и искажается; то боги изъ состраданія къ созданному для труда, человѣческому роду, въ празднествахъ, отправляемыхъ въ честь ихъ, назначили намъ для отдыха отъ трудовъ извѣстные сроки покоя; особенно же юношамъ, которыхъ души не могутъ еще вынести слишкомъ серьёзнаго настроенья, даны игры и пѣсни, дабы чарующею силою послѣднихъ направить ихъ къ добродѣтели, подобно тому какъ больнымъ и слабымъ цѣлебное для нихъ лѣкарство дается во вкусной пищѣ и въ такихъ же напиткахъ. Потому-то и попойки, лишь бы онѣ велись согласно требованіямъ установленныхъ законовъ, отнюдь не подлежатъ осужденію. Напротивъ, онѣ оказываютъ большое вліяніе на воспитаніе юношества и служатъ школою умѣренности. По преимуществу же онѣ испытательницы нравовъ, такъ какъ въ играхъ на веселомъ пирѣ узнаются цѣломудріе, вообще складъ и свойства человѣческаго нрава во всей широтѣ и глубинѣ его, и сверхъ того разные пути, какими достигается улучшеніе. Каждый обязанъ являться тутъ прямодушнымъ, откровеннымъ и правдивымъ и не

допускать, чтобы кто либо обманулъ его хитростью или лукавствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на попойкахъ единичныя личности знакомятся другъ съ другомъ. На этотъ конецъ граждане должны вообще чаще сходиться: рощи и храмы пусть служатъ въ извѣстные дни мѣстомъ сборищъ для граждан, а общенародными жертвоприношеніями надлежитъ пользоваться для дружескихъ бесѣдъ и взаимнаго сближенія. Если граждане не будутъ вразумлять другъ друга насчетъ своего характера, если они будутъ другъ отъ друга прятаться какъ въ потьмахъ, то нельзя вѣдь будетъ ни уважать никого по заслугамъ, ни отдавать никому справедливости, ни также избирать достойнѣйшихъ при назначеніи на правительственныя мѣста. Наконецъ, одно только истинное знаніе людей не допускаетъ насъ сдѣлаться ихъ ненавистниками, ибо оно научаетъ, что какъ очень хорошихъ, такъ и очень дурныхъ людей весьма немного, а болѣе всего посредственныхъ; безъ этого опыта мы легко можемъ слишкомъ довѣриться человѣку и считать его вполнѣ правдивымъ, здравымъ и благонадежнымъ, а потомъ вскорѣ его же признать дурнымъ и ненадежнымъ, и обманутые такимъ образомъ станемъ презирать наконецъ всѣхъ. Между своими не должно быть взаимныхъ оскорбленій, не дозволяется также ни комическому, ни ямбическому, ни лирическому поэту поднимать на смѣхъ гражданина, ни на словахъ, ни въ обликахъ, ни въ пылу страсти, ни безстрастно.

Государственное воспитаніе должно наконецъ урядить также и бытъ сословій. Потому оно имѣетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы рабы, провинившись, были наказаны, такъ чтобы для нихъ не ограничивалось все какъ для свободно рожденныхъ однимъ лишь увѣщаніемъ, что сдѣлало бы ихъ наглыми. Притомъ съ рабами слѣдуетъ говорить лишь повелительнымъ голосомъ и отнюдь не шутить, не играть съ ними, ни съ женщинами, ни съ мужчинами. —Изъ мѣстныхъ гражданъ никто не долженъ быть въ сословіи ремесленниковъ. Ибо гражданину предстоитъ заняться искусствомъ, требующимъ большого навыка и обширныхъ знаній, а именно поддержкою и упроченіемъ надлежащаго порядка въ государствѣ, искусствомъ, которымъ поистинѣ нельзя заниматься какъ побочнымъ дѣломъ. — Изъ воиновъ никто не долженъ обладать какимъ бы то ни было имуществомъ, никто изъ нихъ не долженъ имѣть ни такого жилища, ни такой кладовой, куда бы не могъ всегда войти всякій, кому вздумается. Посѣщая общія трапезы, они, какъ стоящіе лагеремъ, должны и жить вмѣстѣ. Изъ всѣхъ живущихъ въ городѣ имъ однимъ возбраняется имѣть дѣло съ золотомъ и серебромъ, касаться того и другого или даже находиться съ ними подъ одною кровлею, или носить ихъ на одеждѣ, или пить изъ нихъ. Жены ихъ должны быть образованы нарав-

нѣ съ ними и въ музыкальномъ и въ гимнастическомъ отношеніи: надлежитъ избирать способныхъ для защиты и охраненія города женщинъ, дабы онѣ жили вмѣстѣ съ защитниками и обще съ ними отправляли дѣло охраны и защиты. Въ связи съ этимъ стоитъ и то, чтобы всѣ эти женщины были для всѣхъ тѣхъ мужчинъ равно доступны, чтобы ни одна изъ нихъ не жила съ кѣмъ-либо исключительно, и дѣти были бы также общія, такъ чтобы ни отецъ не зналъ своего дѣтища, ни дитя своего отца. Общность женъ и дѣтей, такъ же какъ и общность всякаго имущества, дѣлаетъ ихъ истинными стражниками и производитъ то, что они не порознивают государства разобщеніемъ единичныхъ лицъ въ особые собственные дома и въ особыя имущества, а напротивъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ у нихъ одно лишь стремленіе, одна и радость и одна печаль. Стражники же связаны другъ съ другомъ самымъ тѣснымъ образомъ, потому что каждый изъ нихъ всякаго, съ кѣмъ бы ни встрѣтился, принимаетъ за брата или сестру, за отца или мать, за потомка или предка. И наконецъ никто изъ младшихъ не нанесетъ обиды старшему — вопервыхъ изъ опасенія какъ бы не оскорбить своего родителя; а вовторыхъ изъ боязни, какъ бы за обиженнаго не вступились одни какъ сыновья его, а другіе какъ братья. И какъ же иначе? развѣ между ними не исчезнутъ окончательно всякія тяжбы и жалобы, оттого уже что кромѣ тѣла ни у кого нѣтъ ничего своего, остальное же все общее?—Въ средѣ охранителей государства имѣютъ повелѣвать философы. Философы должны быть владыками. Ибо если философы не будутъ господами въ государствѣ или если такъ называемые теперь цари и владыки не будутъ философами въ истинномъ и полномъ смыслѣ слова, и если обѣ эти силы, государственная власть и философія, не совмѣстятся воедино, наконецъ если большая часть тѣхъ лицъ, которыя теперь посвящаютъ себя исключительно одной какой-нибудь изъ сказанныхъ двухъ силъ, не будутъ рѣшительно удержаны отъ этого; то ни государства, ни весь родъ человѣческій никогда не избавятся отъ зла. Итакъ властителями государства должны быть тѣ, кто въ состояніи познать вѣчно истинную суть вещей, т. е. философы, — въ противоположность тѣмъ, которые блуждаютъ среди многоразличныхъ, всяческіе образы принимающихъ вещей, не нося въ душѣ никакой ясной идеи, по которой они могли бы создать, сохранить и поддержать законы красоты, правды и добра, подобно тому какъ живописцы со всевозможною точностью схватываютъ настоящій образъ и все къ нему относятъ. Въ хранители же государства изберемъ мы тѣхъ, кто обладаетъ чистымъ познаніемъ сущности всѣхъ вещей, не уступая впрочемъ остальнымъ ни въ опытности, ни въ какой иной добродѣтели.

Такова государственная педагогика Платона. Основою ей служитъ первообразъ греческаго государства, а именно въ томъ видѣ, какъ оно приблизительно проявлялось въ доризмѣ, особенно въ Спартѣ. Въ виду извратившейся аѳинской демократіи, Платонъ съ молоду склонялся болѣе къ доризму и къ аристократіи, нежели къ демократіи и особенно къ практикѣ аѳинской государственной жизни; а потому, изображая греческое идеальное государство, онъ и воспользовался предначертанными въ Спартѣ основными положеніями. Итакъ Платоново государство не что иное какъ возведенная въ идею греческая государственная жизнь, а учрежденія его не что иное, какъ съ неумолимою строгостью проведенныя послѣдствія гречества. Въ основѣ этого государства лежитъ ничтожество индивидуальности передъ государственнымъ цѣлымъ: забота о государствѣ не дозволяетъ Платону принимать въ соображеніе человѣка самого по себѣ и его нравственную свободу. Согласно съ общераспространеннымъ въ древности воззрѣніемъ на первобытное тѣлесное и духовное различіе людей, Платонъ также раздѣляетъ ихъ въ своемъ государствѣ, не требуя впрочемъ вполнѣ-кастоваго разъединенія: правда, всѣ люди — такова его исходная мысль—братья между собою, творческій Богъ при рожденіи примѣшалъ золота тѣмъ, которые способны властвовать, а помощникамъ ихъ, стражникамъ—серебра, земледѣльцамъ же и остальнымъ гражданамъ — желѣза и мѣди, такъ впрочемъ, что, хотя дѣти обыкновенно и схожи съ родителями, отъ золота все-таки можетъ произойти серебряный потомокъ и т. д.; а потому властители ни на что не должны обращать такого вниманія, какъ на младшее поколѣніе, и если кто-либо изъ ихъ собственныхъ преемниковъ окажется мѣднымъ или желѣзнымъ, то безъ милосердія переводить такого согласно его природѣ въ среду рабочихъ и земледѣльцевъ. Вслѣдствіе такого различія Платонъ лишаетъ рабовъ и ремесленниковъ всякаго образованія въ своемъ государствѣ. Онъ требуетъ, правда, справедливости для рабовъ и хочетъ, чтобы ихъ хорошо кормили и содержали, не только ради ихъ самихъ, но и ради своей собственной выгоды; однакожь не признаетъ за ними никакихъ даже родительскихъ правъ, ибо дѣти ихъ принадлежатъ вѣдь господамъ. Званіе ремесленниковъ, состоящее по немъ изъ однихъ лишь иностранцевъ, служитъ въ Платоновомъ государствѣ только средствомъ; впрочемъ ради пользы, какую приноситъ оно государству, оно достойно высокаго уваженія. Вмѣстѣ съ общностью имуществъ, предписанною имъ для воиновъ, онъ необходимо долженъ былъ требовать также общности женъ и дѣтей; поступая такъ, онъ посягаетъ на самыя задушевныя святыни индивидуальной свободы, но и въ этомъ опять случаѣ онъ съ послѣдовательностью проводитъ лишь греческое воззрѣніе, въ силу котораго единичная личность ни-

чего не значитъ передъ государствомъ. Питая отвращеніе къ распущенности аттической демократіи, онъ передъ всѣми правленіями отдаетъ преимущество неограниченной монархіи, но такой, во главѣ которой стоитъ совершенный монархъ, законченный философъ: таковъ много осмѣянный идеалъ Платона, который впрочемъ основывается на томъ, что отъ державца вмѣстѣ съ философскимъ образованіемъ требуется еще и образованіе практическое, и который часто осуществлялся уже въ ходѣ всемірной исторіи въ тѣхъ случаяхъ, когда царилъ мудрецъ, или когда великій государственный мужъ по своимъ глубокомысленнымъ соображеніямъ руководилъ судьбами народовъ. Необходимою основой этого государства, которое на самомъ дѣлѣ не что иное какъ обширное воспитательное заведеніе, служатъ воспитаніе и обученье, разсматриваемыя во всякомъ случаѣ не иначе какъ въ ихъ отношеніи къ государству и его интересамъ. И тутъ также Платонъ всецѣло слѣдуетъ греческому, особенно дорійскому воззрѣнію, и выводитъ лишь послѣдствія изъ нихъ. Согласно съ доризмомъ онъ не требуетъ особеннаго образованія учителей и воспитателей, ибо они избираются изъ лучшихъ гражданъ, которымъ и безъ того уже принадлежатъ надзоръ и наставленіе юношества,—онъ вводитъ симпосіоны въ качествѣ педагогическихъ институтовъ, для блага государства онъ требуетъ чтобы способствовали публичной общительности, — онъ вообще хочетъ осчастливить не единичнаго человѣка, не сословіе, а государство. Наконецъ, какъ истый Эллинъ, онъ въ мужелюбіи видитъ одно изъ средствъ народнаго воспитанія и удовлетвореніе коренящейся въ гречествѣ потребности болѣе высокой супружеской любви, замѣняемой въ Греціи мужскою, которая волнуетъ душу Грека въ общественной жизни и передъ ея глазами. —Платонъ развиваетъ какъ свое государство, такъ и законы воспитанія въ этомъ государствѣ всецѣло въ греческомъ духѣ и притомъ существенно въ смыслѣ доризма, такъ что Шварцъ совершенно правъ, говоря, что духъ Пиѳагора вполнѣ распустилъ въ Платонѣ свои крылья.

Постройка Платонова идеальнаго государства не ограничивается общими чертами; напротивъ, она проникаетъ въ отдѣльныя области воспитанія и даетъ самыя точныя наставленія и предписанія касательно обоихъ образовательныхъ предметовъ высшихъ сословій,—гимнастики и музыки, касательно изученія математики и философіи, касательно выбора струнныхъ инструментовъ и размѣра стиховъ, касательно тѣлесныхъ упражненій и военной службы женскаго пола, касательно брачнаго устава, касательно возраста, въ какомъ разрѣшается каждому изучать діалектику, сочетаться бракомъ и приживать дѣтей, и т. д.

Воспитаніе Платонъ опредѣляетъ какъ руководство и на-

правленіе юности къ предписанному закономъ, старѣйшими и лучшими людьми одобренному образу жизни, который самъ по себѣ возбуждаетъ въ молодежи помыслы, признаваемые ею въ зрѣломъ возрастѣ справедливыми, такъ какъ она убѣждается, что, прежде чѣмъ развить умъ, ее пріучили ненавидѣть и любить то, что надлежитъ любить и ненавидѣть. — Воспитаніе важнѣе всякаго иного дѣла. Ибо хотя человѣкъ кротокъ отъ природы, но благодаря лишь воспитанію дѣлается онъ лучшимъ изъ всѣхъ животныхъ, ближе всего стоящимъ къ божеству. Если же онъ ростетъ безъ воспитанія, или воспитывается дурно, то дѣлается необузданнѣе всѣхъ земнородныхъ. Но при выполненіи идеи воспитанія то и дѣло встрѣчаются препятствія, которыя коренятся въ болѣзняхъ души, окончательно же впрочемъ въ дурномъ лишь свойствѣ тѣла, отъ чего возникаютъ болѣзни не только въ тѣлесномъ, но также и въ духовномъ отношеніи. И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе избытка силъ тѣло причиняетъ черезъ чуръ сильную наклонность не только къ чувственнымъ наслажденіямъ, но также къ скорби и печали и такимъ образомъ подвергаетъ душу болѣзни, которая обнаруживается въ двоякомъ видѣ: — въ злонравіи, т. е. въ волненіи или въ возникшемъ вслѣдствіе какой либо порчи и разладѣ между родственными по природѣ началами, такъ что разсудокъ въ распрѣ съ вожделѣніями, совѣсть съ похотями, разумъ съ скорбью, и т. п.; потомъ еще въ невѣжествѣ, происходящемъ вслѣдствіе незнанія мѣры, такъ что стремящаяся къ истинѣ душа не достигаетъ разумѣнія, этой предназначенной ей цѣли. Къ такимъ болѣзнямъ души, которыя, коренясь въ тѣлѣ, распространяются далѣе, примыкаетъ еще вліяніе дурныхъ государственныхъ учрежденій, дурныхъ рѣчей, произносимыхъ всенародно или частнымъ образомъ, а сверхъ того преподаваніе, не исправляющее зла, такъ что человѣкъ поневолѣ ухудшается, какъ отъ рожденія, такъ и отъ дурнаго воспитанья. Средства для предотвращенія подобныхъ болѣзней тѣла и души вообще состоятъ въ движеніи, ибо движеніе—натура человѣка; и въ самомъ дѣлѣ, состояніе тѣла разстроивается отъ покоя и лѣни, а тѣлесными упражненіями и движеніями напротивъ того оно поддерживается по возможности долѣе; подобно тому и душа въ ея строѣ, ученіемъ и прилежаніемъ, которыя вѣдь такія же движенья, усвояетъ себѣ и упрочиваетъ за собою знанія, и такимъ образомъ становится лучше. Тогда какъ при покоѣ, т. е. отсутствіи мысли и неохотѣ къ ученію, она не только ничему не научается, а напротивъ забываетъ даже то, чему училась прежде. Впрочемъ къ движеніямъ тѣла и души слѣдуетъ прибѣгать какъ къ цѣлебнымъ средствамъ на томъ основаніи, что нельзя вѣрно понять ни сущности души помимо сущности

цѣлаго, ни также тѣла помимо души, и тѣло и душа, принимая характеръ соразмѣрности, должны находиться въ соразмѣрномъ отношеніи другъ къ другу. Если духъ крѣпче тѣла и, постоянно занятый научными изслѣдованіями и всенародными и частными поученіями и преніями, черезъ чуръ усилится, то онъ разстроитъ наконецъ тѣло и вслѣдствіе возбужденности сдѣлаетъ его склоннымъ къ болѣзненному состоянію; еслиже на оборотъ большое и черезъ чуръ крѣпкое тѣло связано съ слабымъ духомъ, и стремленія его черезъ-чуръ сильной, преданной питанію натуры подавятъ высшія стремленія мыслительной способности, то духъ становится непонятливымъ, тупымъ, забывчивымъ и подлежитъ величайшей изъ всѣхъ болѣзней, невѣжеству. Потому-то воспитаніе должно развивать равномѣрно съ одной стороны гимнастику, а съ другой музоугодное искусство въ связи со всѣми науками, и вести такъ же гармонично каждый изъ этихъ учебныхъ предметовъ, взятый самъ по себѣ. Ибо цѣль гимнастики та, чтобы всѣ части тѣла, сохраняя взаимное согласіе, по сродству ихъ были приведены въ стройный порядокъ, и тѣло пользовалось бы здоровьемъ, вмѣстѣ сильное и красивое. Относительно души слѣдуетъ пещись о томъ, чтобы три главныя ея способности имѣли соразмѣрныя между собою и притомъ трояваго рода различныя движенія, по общему закону, что изъ способностей слабѣе всѣхъ непремѣнно будетъ та, которая оставитъ въ бездѣятельномъ покоѣ свойственныя ей движенія, а сильнѣе всѣхъ та, въ которой поддерживается дѣятельность. Но каждая изъ трехъ душевныхъ способностей обрѣтаетъ свое особое назначеніе и свою дѣятельность, если способность желанія, стремясь лишь къ законному и дозволенному, на низкой ступени своей,—вслѣдствіе чего она и получила мѣсто въ нижней части тѣла, между грудобрюшной преградой и пупкомъ,—подчинится высшей способности, разуму; и если ревностная способность съ ея мужественно нравственнымъ духомъ и со всѣми ея порывами стремится обуздать похоти и дать просторъ разуму, почему ей и предназначено находиться между головою, мѣстомъ разума и служащихъ духовности чувственныхъ подмѣтъ, и между грудо-брюшною преградой. Но на способность, которая живетъ въ верхней части нашего тѣла и вслѣдствіе родства своего съ небомъ увлекаетъ насъ отъ земли, которая занимается науками, возбуждаетъ божественные помыслы и надѣляетъ насъ безсмертіемъ, надлежитъ обратить вниманіе преимущественно передъ всѣми остальными способностями, хотя и онѣ также имѣютъ свои права. Когда это исполнится, то въ человѣкѣ возникнетъ тотъ складъ, который называется справедливостью и есть совокупность всѣхъ добродѣтелей и цѣль всякаго духовнаго воспитанія.

Воспитаніе начинается до рожденія, ибо на че-

ловѣка можно влiять уже при первомъ зародышѣ и зачатiи его. Потому-то бракъ прежде всего и долженъ быть основанъ на любви. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ люди плодовиты какъ тѣломъ, такъ и душою, и когда достигаютъ извѣстнаго возраста, то организмъ ихъ стремится къ воспроизведенiю. Воспроизводить же онъ можетъ не въ безобразномъ, но лишь въ прекрасномъ. Соитiе мужчины и женщины есть воспроизведенiе. А это—дѣло божественное, оно-то и есть безсмертное начало въ смертномъ существѣ,—зачатiе и рожденiе. Но связующею и родовспомогательною богинею при этомъ является красота. Потому-то всякiй, преисполненный воспроизводительной силы и вожделѣнiя, и ревнуетъ такъ сильно о прекрасномъ, избавляющемъ его отъ большихъ потугъ; ибо любовь обращается собственно не на прекрасное, а на воспроизведенiе и рожденiе въ прекрасномъ, потому что воспроизведенiе есть вѣчное и безсмертное, какъ оно способно проявиться въ смертномъ. Итакъ любовь—также стремленiе къ безсмертiю, и благодаря ей смертная натура, хотя и не можетъ подобно божественнымъ натурамъ оставаться все въ томъ же своемъ состоянiи, но она все-таки причастна безсмертiю. Поэтому сочетаться бракомъ и родить дѣтей должны только такiе молодые люди, которые по любви и подходящимъ характерамъ, и притомъ по надлежащему возрасту и соотвѣтственнымъ состоянiямъ, бываютъ призваны къ брачному союзу. Дабы юноши и дѣвицы могли ознакомиться другъ съ другомъ, надлежитъ устроивать для нихъ, подъ надзоромъ конечно, веселыя игры и пляски, что подастъ имъ приличный поводъ и на что по возрасту они имѣютъ право, видѣть другъ друга и показать себя на распашку, на сколько это допускается скромностью и благопристойностью. Если молодой человѣкъ—горячаго и пылкаго нрава, то при выборѣ ему надлежитъ сдѣлаться зятемъ кроткихъ и воздержныхъ родителей; и наоборотъ — зятемъ бойкихъ и горячихъ родителей, если онъ чувствуетъ, что самъ черезъ чуръ кротокъ и скроменъ, такъ чтобы обоюдные характеры восполнялись одинъ другимъ. И въ самомъ дѣлѣ, если мужественный элементъ въ нѣсколькихъ поколѣнiяхъ воспроизводится все снова безъ примѣси разсудительной натуры, то сначала онъ правда отличается обыкновенно силою, но въ концѣ концовъ извращается въ совершенное буйство; точно также, если преисполненная скромности душа будетъ воспроизводиться безъ примѣси мужественной отваги, въ ряду нѣсколькихъ поколѣнiй то она сдѣлается слабѣе чѣмъ слѣдуетъ и наконецъ совсѣмъ захилѣетъ. Въ государствѣ соки должны смѣшиваться подобно жидкостямъ въ кубкѣ.—Что же касается до возраста вступающихъ въ бракъ, то для мужчины лучшiе года отъ 30 до 55 лѣтъ, а для женщины отъ 20 до 40, потому что и тотъ и другая

именно въ такомъ возрастѣ оказываются всего сильнѣе для воспроизведенія какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Сверхъ того для надлежащаго брака требуется, чтобы мужчина при выборѣ не соображался съ богатствомъ; ибо если бъ богатый и знатный хотѣлъ взять жену не иначе какъ изъ богатой и знатной семьи, то это значило бы, что бѣдные должны состарѣться, не найдя ни жены для себя, ни мужа для своихъ дочерей, оттого только, что у нихъ нѣтъ денегъ. Число браковъ опредѣляется государствомъ, дабы населеніе не возрастало и не сокращалось чрезмѣрно: въ праздники, имена брошенныя въ урну перемѣшиваются такъ, какъ будто сочетаніе лучшихъ съ лучшими было дѣломъ случая, на самомъ же дѣлѣ оно такъ устроено нарочно. До брака возбраняется всякое плотское соитіе. Сочетавшіеся же бракомъ должны въ полномъ разумѣ, не напиваясь до пьяна, вступить въ состояніе, которое вводитъ ихъ въ совершенно новыя условія жизни. Ибо когда приступаютъ къ воспроизведенію, то тѣло не должно быть доведено хмѣлемъ до состоянія распутства, такъ какъ зачатіе должно совершаться твердо, ровно и спокойно. Въ безпамятствѣ, каждый будетъ несчастнымъ породителемъ и потому дѣти его, какъ и слѣдуетъ ожидать, выйдутъ уродливы, слабы и лишены прямоты и тѣломъ и душою: недостатки родителей переходятъ въ душу и тѣло рождаемыхъ, отпечатлѣваются въ нихъ и проявляются въ еще худшемъ видѣ. У людей всякая удача зависитъ отъ почина и божества, лишь бы всякій чтилъ его подобающимъ образомъ принимаясь за дѣло. Порожденіемъ человѣкъ передаетъ другимъ собственную жизнь, какъ бы свѣточъ, и такимъ образомъ дѣлается причастнымъ безсмертія, постоянно чтя боговъ согласно законамъ. Добровольно лишать себя такой части безсмертія отнюдь не можетъ быть правымъ дѣломъ. Потому, кто въ надлежащій возрастъ не вступилъ въ бракъ, обязанъ каждогодно вносить извѣстную сумму, дабы не казалось, будто безбрачіе сопряжено съ выгодами и удобствами; онъ лишается почестей, какія младшіе граждане воздаютъ старшимъ; младшіе не обязаны повиноваться ему; и если такой холостякъ вздумалъ бы наказать молодого человѣка, то каждый изъ присутствующихъ въ правѣ и обязанъ вступиться за обижаемаго.—Во время беременности, дитя во чревѣ матери нуждается въ движеніи, слѣдовательно беременная женщина должна много ходить; ей напротивъ того не слѣдуетъ предаваться ни излишнимъ увеселеніямъ, ни большимъ непріятностямъ; ей надлежитъ скорѣе сохранять пріятное, благодушное и кроткое настроеніе, дабы отъ добрыхъ родились еще болѣе добрые, отъ дѣльныхъ еще болѣе дѣльные люди.

Дѣти, какъ части и продолженія родителей, обязаны глубокимъ къ нимъ уваженіемъ. Все, чѣмъ обладаютъ

и чѣмъ стали они сами, принадлежитъ родившимъ ихъ, а потому они обязаны служить послѣднимъ какъ своимъ имуществомъ, такъ и силами своего тѣла и души. Этимъ они уплачиваютъ родителямъ долгъ за то, что тѣ въ своей молодости потратили на нихъ нѣжными попеченіями и многими исполненными скорбей и заботъ днями и ночами. Немезидѣ, поборницѣ справедливости, поручено блюсти надъ нерадѣніями дѣтей къ родителямъ. Отцы и дѣды въ нашихъ домахъ должны быть святынями болѣе дорогими, чѣмъ бездушныя статуи боговъ; молитвѣ ихъ за дѣтей и проклятію ихъ внемлютъ сами боги.—Старшіе въ свою очередь должны оказывать цѣломудренное уваженіе юношеству и беречься пуще всего, чтобы молодой человѣкъ не видѣлъ и не слышалъ со стороны старшаго ничего такого, что нарушало бы приличіе и стыдливость. Ибо гдѣ старшіе безстыдны, тамъ молодежь тѣмъ скорѣе предается распутству. Хорошее воспитаніе какъ въ молодости, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать выговоры, но въ томъ, чтобы самимъ поступать такъ, какъ потребовалось бы въ поученіе другихъ.—Поэтому чѣмъ благороднѣе и лучше господствующіе въ средѣ гражданъ нравы, тѣмъ болѣе почестей оказывается родителямъ. Но также и тѣ, которые старше насъ 20-ю годами, должны и словомъ и дѣломъ быть почтены какъ родители, какими они могли бы быть,—молчаніемъ въ ихъ присутствіи, уступкою имъ дороги, вставаніемъ съ мѣста передъ ними. Каждому пожилому человѣку, подъ страхомъ наказанія и позора, вмѣняется въ обязанность наказывать юношу, поносящаго своихъ родителей или старшихъ лицъ. На случай нанесенія обиды родителямъ назначается для разбирательства судъ, составленный изъ 60-тилѣтнихъ старцевъ, имѣвшихъ своихъ родныхъ дѣтей, и за проступки назначаются разныя наказанія, смотря по тому, совершены ли они вслѣдствіе юношескаго неразумія, или испорченности сердца, или закоренѣлой грубости, или наконецъ вслѣдствіе недостатка образованія: за ослушаніе и неповиновеніе мужчинъ до 30, а женщинъ до 40 лѣтняго возроста, надлежитъ карать наложеніемъ оковъ и нанесеніемъ побоевъ.

По рожденіи ребенка тотчасъ же слѣдуетъ обратить вниманіе какъ на его тѣлесное, такъ и на духовное развитіе. Но главнѣйше и прежде всего въ тѣлесномъ отношеніи, ибо первоначальный ростъ всякаго животнаго вообще въ немъ всего сильнѣе и значительнѣе. При этомъ надлежитъ тщательно усовершенствовать и образовать всѣ части тѣла. Мать должна воспитывать ребенка, пока онъ нѣженъ какъ воскъ, и пеленать его въ продолженіе 2-хъ лѣтъ. Носить его на рукахъ слѣдуетъ до 3-хъ лѣтъ. Уходъ за дѣтьми и передвиженіе ихъ, пока они живутъ на рукахъ, какъ будто на кораблѣ, продолжаются и днемъ и ночью. Умѣренное движеніе на чистомъ воздухѣ особенно крѣпитель-

но. — О духовномъ обращеніи съ ними слѣдуетъ заботиться тѣмъ болѣе, что дѣти въ первые годы сильно воспринимаютъ всякія впечатлѣнія. Изнѣженность дѣлаетъ ихъ угрюмыми, сердитыми и по всякому малѣйшему поводу раздражительными; а излишнее стѣсненіе — малодушными, раболѣпными и нелюдимыми. Пуще всего слѣдуетъ предохранять ихъ отъ боли, пугающихъ представленій и отъ всякаго горя, дабы нравъ ихъ былъ бодръ и кротокъ. Свобода сердечныхъ впечатлѣній (аффектовъ) способствуетъ свободѣ тѣла и души.

Начиная съ третьяго и до шестого года мальчикамъ и дѣвочкамъ слѣдуетъ разрѣшить игры, приличныя этому возрасту и изобрѣтаемыя обыкновенно самими дѣтьми, когда они сходятся вмѣстѣ; но надо избѣгать при этомъ всякаго рода баловства, хотя и не употребляя впрочемъ позорныхъ и унизительныхъ наказаній; иначе возникнетъ ожесточеніе, тогда какъ съ другой стороны безнаказанность породила бы только баловство. Игры приносятъ между прочимъ ту пользу, что при нихъ наклонностямъ дѣтей можно дать извѣстное направленіе согласно съ ихъ будущимъ дѣловымъ призваньемъ: будущій архитекторъ отрокомъ уже долженъ строить дома, а будущій плотникъ—играя заниматься измѣреніями и т. п. Потому, воспитывай мальчика болѣе всего на вольныхъ играхъ; тогда лучше можешь и наблюдать, какія у кого наклонности. Вообще при обученіи слѣдуетъ по возможности ранѣе возбуждать охоту къ занятію, что именно и достигается, когда учатъ, играя: при этомъ дитятѣ могутъ быть сообщаемы разныя познанія и пріемы, а именно такіе, которые относятся, напримѣръ, къ войнѣ и геометріи. Наконецъ играми образуется также характеръ, особливо когда однѣ и тѣ же игры поддерживаются неизмѣнно: а иначе дѣти, тѣмъ болѣе если впослѣдствіи они пристрастятся также къ перемѣнамъ въ обычаяхъ, одеждѣ и домашнемъ обиходѣ, всегда будутъ недовольны старыми порядками, стремясь къ новизнѣ наперекоръ всему существующему. Только тогда, когда игры дѣтей вполнѣ законны, образуются изъ нихъ и законные мужи.—Мѣстомъ сходбища для дѣтей этого возраста въ каждой части города служитъ храмъ, гдѣ за ихъ поведеніемъ наблюдаютъ няньки, а за послѣдними въ свою очередь жены.—Образованіе посредствомъ музоугоднаго искусства состоитъ сначала въ повѣствованіи дѣтямъ сказокъ, но лишь такихъ, въ которыхъ богъ изображается, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, и кѣмъ бы то впрочемъ ни было изъ эпическихъ, лирическихъ или драматическихъ поэтовъ. Въ представленіи о богѣ заключается конечно, что онъ благъ, а такъ какъ все благое не имѣетъ въ себѣ ничего зловреднаго, то бога и нельзя назвать причиной зла: если же Гомеръ и Эсхилъ говорятъ противное, то мы не принимаемъ этого и

не станемъ сообщать это молодежи. Къ истинному представленію о богѣ относится еще то, что мы считаемъ его не волшебникомъ, не колдуномъ, являющимся то въ одномъ, то въ другомъ обликѣ, а скорѣе простымъ существомъ, изъ всѣхъ существъ наименѣе выходящимъ изъ своего облика и не мѣняющимся: если поэтому Гомеръ и Эсхилъ говорятъ противное, то мы не хотимъ вѣрить имъ и пр. Отъ дѣтей слѣдуетъ также устранять боязнь смерти, если хотимъ, чтобы они были храбры; а потому нельзя дозволять поэтамъ, чтобы они юношеству изображали въ страшномъ видѣ преисподнюю: — просимъ Гомера и другихъ поэтовъ не сѣтовать на насъ, если составленныя ими въ такомъ родѣ описанія преисподней мы хотя и сочтемъ поэтичными и пріятными для слуха толпы, но скажемъ, что чѣмъ они поэтичнѣе, тѣмъ менѣе пригодны для слуха молодежи, которая должна быть свободномыслящей и страшиться рабства пуще смерти и пр. Поэты не должны также воспѣвать и сочинять, будто люди бываютъ не праведны и все-таки большею частью счастливы, а праведные напротивъ того несчастны; будто полезно быть не праведнымъ, лишь бы оно было скрыто; будто правдивость полезна лишь для другихъ, т. е. для неправедныхъ, и напротивъ, будто она въ ущербъ тому, кто блюдетъ ее и т. п. Этическое воспитаніе въ этомъ возрастѣ опирается попреимуществу на авторитетъ, на личное, основанное на умственномъ и нравственномъ превосходствѣ значеніе обучающихъ. Этимъ послѣдніе должны обезпечить за собою перевѣсъ надъ своими учениками. Побои допускаются лишь за неуваженіе старшихъ и нарушеніе какого либо закона воспитанія. Чувство стыда и чести слѣдуетъ пробуждать какъ можно ранѣе: родители должны оставить въ наслѣдіе дѣтямъ не груды денегъ, а глубокую основу добросовѣстности. Особеннаго вниманія заслуживаютъ еще дѣти, отличающіяся умомъ и красотою, ибо они скорѣе всего портятся отъ дурнаго воспитанія, тогда какъ могутъ превзойти всѣхъ другихъ, когда къ хорошимъ дарованіямъ отъ природы присоединится въ нихъ просвѣщеніе путемъ знанія. По истеченіи шестилѣтняго возраста оба пола отдѣляются другъ отъ друга, и каждый изъ нихъ переходитъ къ предназначеннымъ ему учебнымъ предметамъ.

Слѣдующіе затѣмъ учебные предметы суть гимнастика и музоугодное искусство въ связи со всѣми науками, образующими душу. Для того и другого рода преподаванія назначаются состоящіе на жалованьи учителя, которымъ поручается какъ наставленіе, такъ и обученіе въ находящихся среди города гимназіяхъ и школахъ. Гимназіи и школы посѣщаются всѣми отроками и юношами, такъ что отцы ни одного изъ своихъ сыновей не вольны удерживать отъ посѣщенія школы, ни измѣнять что-ли-

бо относительно учебнаго срока. Мальчики въ школу и обратно сопровождаются своими вожаками, дядьками, ибо, ненадѣленные еще надлежащимъ запасомъ разумѣнія, они изъ всѣхъ живыхъ существъ наитруднѣе подчиняются руководству.

Гимнастика и музыка должны быть соединены въ преподаваніи, дабы породить мужественный и благоразумный духъ. Кто всецѣло отдастся музыкѣ и путемъ слуха станетъ то и дѣло вливать въ душу сладостныя, нѣжныя и жалобныя гармоніи, тотъ сначала, если онъ пылкаго нрава, сдѣлается правда мягкимъ подобно желѣзу на огнѣ и съ пользою умѣритъ свою жесткость; но если онъ будетъ продолжать такъ далѣе, то мужество его расплавится и душа его лишится своихъ силъ. Если же онъ много и ревностно будетъ заниматься гимнастикою безъ музыки, то сдѣлается отважнымъ и мужественнымъ, но душа у него навсегда пребудетъ слабою, тупою и слѣпою. Потому-то гимнастика и музыка назначаются не для тѣла и души, самихъ по себѣ, врозницу, но для того, чтобы они взаимно сливались, сопроникались и смѣшивались воедино.

Первоначальное обученіе гимнастикѣ длится отъ семи и до десятилѣтняго возраста. При образованіи тѣла посредствомъ гимнастики должно исходить отъ той точки зрѣнія, что тѣло, если оно въ хорошемъ состояніи, не столько совершенствуетъ также и душу своимъ превосходствомъ, сколько отличная душа своимъ превосходствомъ дѣлаетъ елико-возможно превосходнымъ тѣло; ибо душа была вѣдь прежде тѣла, и послѣднее, созданное позже, по природѣ своей подлежитъ господству души. Потому-то для юношей нашихъ и нельзя одобрить тѣлеснаго упражненія атлетовъ. Лучшая гимнастика должна быть проста; она требуетъ, чтобы упражненіямъ и усиліямъ подвергались для возбужденія скорѣе отваги, чѣмъ силы. Гимнастика и музоугодное искусство назначаются не столько ради тѣла и души, а скорѣе для развитія мужества и умственной дѣятельности; поддерживая и возвышая другъ друга, они въ концѣ концовъ имѣютъ цѣлью образованіе души. Потому-то юноши и должны вести простой образъ жизни, и мы изгоняемъ всякую роскошь,—сиракузскій столъ, сицилійское разнообразіе яствъ, вкусныя аттическія печенія,—и требуемъ, чтобы до 18-тилѣтняго возраста всѣ воздерживались отъ вина, а иначе это значило бы въ огонь подливать пламя. Какъ перемѣна временъ года и вѣтровъ производитъ невыгодное вліяніе, такъ точно и измѣнчивость образа жизни вредна не только для тѣла, но также для характера и для души.—Гимнастика распадается на борьбу и пляску. Борьба, съ которою связаны другія элементарныя упражненія гимназій, бѣгъ, прыганье, метанье и кулачный бой, составляетъ настоящую гимнастику и имѣетъ цѣлью придать

хорошее положенiе шеѣ, рукамъ и ногамъ, развить силу и здоровье, тогда какъ пляска, которая происхожденiемъ своимъ одолжена подражанiю тому, какъ жесты наши сопровождаютъ все, что мы говоримъ, способствуетъ развитiю пристойности, ловкости и красоты членовъ и частей тѣла, и слѣдовательно выраженiю соразмѣрности во всѣхъ движенiяхъ. Сверхъ того учатъ еще тактикѣ, обнимающей всякаго рода военныя упражненiя съ лукомъ и метательными орудiями, фехтованiе въ полномъ вооруженiи, верховую ѣзду и проч.,—потомъ также охотѣ, которая, если исключить рыболовство и птицеловство, недостойныя свободнаго человѣка, доставляетъ не только удовольствiе и пользу, но и знакомитъ также съ роднымъ краемъ. Гимнастика постоянно должна исходить отъ той мысли, что настоящее значенiе жизни состоитъ не въ красотѣ, силѣ, быстротѣ и ростѣ, ни даже въ здоровьи, и не въ противоположныхъ тому свойствахъ; а напротивъ въ такомъ положенiи, которое между всѣмъ этимъ занимаетъ середину и такимъ образомъ надежнѣе всего ведетъ къ умѣренности. Исходя отъ такой мысли, гимнастика разовьетъ мужество, благородную осанку, свободное напряженiе силъ, господство надъ вожделѣнiями, твердость характера, предохранитъ отъ безразсудства и страстности и подавитъ неестественныя наклонности и половыя побужденiя.

Другуя главную составную часть всякаго воспитанiя составляетъ музоугодное искусство, которое относится ко всѣмъ внутреннимъ свойствамъ, къ художеству и наукѣ. Преподаванiе начинается съ языка и его основъ. Къ нему приступаютъ съ 10-тилѣтняго возраста и прежде всего знакомятъ съ буквами посредствомъ зрѣнiя и слуха, дабы сочетанiе ихъ не причиняло сбивчивости. При этихъ упражненiяхъ въ чтенiи надлежитъ также развивать способность сравненiя, для чего, переходя отъ краткихъ слоговъ къ долгимъ, возвращаются постоянно отъ послѣднихъ къ первымъ, указываютъ на сходство тѣхъ и другихъ, сопоставляютъ неизвѣстное съ извѣстнымъ, и такимъ сравненiемъ узнаютъ сходство однѣхъ и тѣхъ же буквъ и несходство другихъ. Обучая письму, вслѣдъ за чтенiемъ, учитель сперва самъ прописываетъ грифелемъ на доскѣ и даетъ послѣднюю ученику, заставляя его копировать по прописи.

Когда мальчики выучились читать и разбирать написанное, то у насъ заставляютъ ихъ обыкновенно читать поэтовъ, которыхъ притомъ объясняютъ и которыхъ они твердятъ отчасти наизусть. Но если наши граждане хотятъ быть вѣрными своему призванiю служить государству, то не слѣдъ имъ заниматься разнообразными прiемами изложенiя въ поэзiи, такъ какъ каждый изъ насъ долженъ и можетъ заняться только однимъ дѣломъ, если хочетъ успѣшно вести его. Мы

утверждаемъ притомъ, что трагическіе поэты и предводитель ихъ, Гомеръ, не обладаютъ знаніемъ всѣхъ искусствъ и всего человѣческаго, ни того, что касается добродѣтели и порочности, — всего божественнаго; ибо если бы кто въ состояніи былъ исполнить и то и другое, изображаемый предметъ и его образъ, и на дѣлѣ вполнѣ постигалъ бы то, что онъ изображаетъ, тотъ скорѣе посвятилъ бы себя самимъ твореніямъ, нежели ихъ изображеньямъ и оставилъ бы по себѣ много достославнаго, предпочтитая быть скорѣе прославляемымъ, чѣмъ прославляющимъ. Признавая Гомера величайшимъ поэтомъ и первымъ трагикомъ, мы конечно готовы уважать и любить какъ превосходныхъ людей тѣхъ, кто утверждаетъ, что Гомеръ образовалъ Элладу и что относительно устройства и преуспѣянія человѣческихъ дѣлъ онъ достоинъ того, чтобы частымъ чтеніемъ затверживали его наизусть, чтобы устроивали и проводили по немъ всю жизнь свою; при всемъ томъ мы считаемъ дѣломъ рѣшеннымъ, что въ нашемъ государствѣ изъ поэзіи слѣдуетъ допускать одни только божественные гимны и восхваленія добрыхъ людей; а иначе, если допустимъ сладостную, пріятную музу, т. е. лирическую и эпическую, то въ государствѣ будутъ господствовать удовольствія и скорби вмѣсто закона и общепринятыхъ основныхъ началъ. Ибо мы всегда должны стремиться къ ясному постиженію и разумному познанію; а поэтъ безсознательно для самого себя увлекается присущимъ въ немъ божественнымъ вдохновеніемъ и часто теряется среди разнородности изображаемыхъ имъ положеній и состояній, не поднимаясь свободнымъ сознаніемъ надъ многообразіемъ и не разумѣя, что̀ тутъ истина и что̀ сообразно съ нею. Потому-то всякое подражаніе, относится ли оно къ зрѣнію или слуху, къ живописи или поэзіи, не только далеко отстаетъ отъ истины, но впечатлѣніемъ своимъ часто вводитъ даже въ заблужденіе и мѣшаетъ дѣятельности разсудка проявиться въ надлежащей степени. Сочиненіе дозволенныхъ стихотвореній, согласно рѣшенію главнаго воспитателя и другихъ блюстителей закона, подобаетъ для стиховъ во славу боговъ людямъ не моложе пятидесяти лѣтъ, а для стиховъ во славу или въ порицаніе согражданъ — только такимъ, которые какъ честные граждане высоко уважаются городомъ, за то что совершили доблестныя дѣла, но отнюдь не такимъ, которые способны лишь заниматься поэзіей, не заявивъ еще сами себя ни однимъ прекраснымъ, ни славнымъ подвигомъ. Никто да не осмѣлится обнародовать сочиненіе, хотя бы оно превосходило даже гимны Ѳамиры и Орфея, пока оно не подверглось цензурѣ законоблюстителей и не одобрено ими.

Сама музыка—необходимый предметъ воспитанія и преподаванія отъ четырнадцати до шестнадцати-лѣтняго возраста, и притомъ подъ руководствомъ особаго наставника. Она

имѣетъ цѣлью не удовольствіе, но вѣрное подражаніе благому и прекрасному, и лучшая музыка та, которая услаждаетъ лучшаго человѣка. Такъ какъ она должна подражательно представлять человѣческіе характеры, то надлежитъ всячески добиваться, чтобы наше юношество изучало одни лишь лучшія подражанія. Поэтому исключаются жалобные лады, оттого что они располагаютъ къ нѣгѣ и лѣни; допускаются же дорическіе, подражающіе своею трезвостью безстрастному спокойствію мужа во всѣхъ его начинаніяхъ и дѣлахъ, и фригійскіе, настроивающіе къ мирной, привольной дѣятельности. Тактъ не долженъ гоняться за разнообразіемъ, а напротивъ — представлять движенія доблестной и нравственной жизни. Пѣньемъ слѣдуетъ заниматься не иначе, какъ въ связи съ инструментами. Изъ инструментовъ мы считаемъ необходимыми не тѣ, которые даютъ много разныхъ тоновъ, въ родѣ флейты, арфы, кимвала и т. п., но только лиру и киѳару для города, и свирѣль для деревни: ибо акомпаниментъ не долженъ слишкомъ уклоняться отъ пѣнія. Такая музыка служитъ истинною основой воспитанію: путемъ такта и благозвучія она болѣе всего проникаетъ внутрь души, сильнѣе всего поражаетъ ее и, сопровождаемая благопристойностью, дѣлаетъ благопристойнымъ всякаго хорошо воспитываемаго юношу, и наконецъ изощряетъ эстетическое пониманіе, такъ что образованный ею скорѣе всего подмѣтитъ, чтò неудачно и неизящно выработано искусствомъ или порождено природою, и потому станетъ хвалить лишь прекрасное, безобразное же напротивъ справедливо будетъ порицать и ненавидѣтъ. Кромѣ того вліяніе музыки на воспитаніе выкажется еще яснѣе, если пѣнье соединится съ пляской. Вслѣдствіе этого, и потому еще, что многія требованья нравственнаго воспитанія падаютъ и искажаются въ жизни, боги изъ состраданія даровали намъ праздничную пляску съ музыкой, т. е. хоры подъ верховодствомъ музъ и Аполлона. Соединеніемъ музыки съ пляской обусловливается въ высшей степени воспитаніе къ прекрасному или пристойному, которое въ жестахъ, мелодіи, пѣньѣ и пляскѣ выражается такъ, что служитъ признакомъ мужественной души, особенно относительно жеста и мелодіи, и вообще обнаруживаетъ превосходство души или тѣла, тогда какъ все гнусное угождаетъ лишь одной чувственности. И такъ какъ всякое художественное проявленіе должно основываться на превосходствѣ характера, то слѣдуетъ понудить не однихъ только поэтовъ представлять хорошіе характеры, но необходимо и другихъ художниковъ также воздерживать отъ изображенія дурныхъ нравовъ, буйныхъ, подлыхъ и непристойныхъ свойствъ въ образѣ живыхъ существъ и въ зданіяхъ, или въ какомъ бы то ни было произведеніи искусства, дабы на юношество отовсюду вѣяло духомъ красоты и разумности и все питало бы его. И дѣйствительно, если му-

зыкантъ одушевленъ разумностью, доблестью и благородными, высокими помыслами, то музыка его возбудитъ въ юношахъ первые доблестные порывы и своими кроткими чарами пріучитъ ихъ къ красотѣ и добру, тогда какъ наставленіе доводами разума можетъ прійдти уже только позже, когда разсудокъ вступитъ въ права свои.

Относительно умственнаго образованія слѣдуетъ помнить, что отсутствіе знанія еще не самое большое зло; напротивъ, обиліе свѣдѣній и многознайство при дурномъ воспитаніи гораздо вреднѣе невѣжества. Потому-то и не слѣдуетъ обременять молодежь черезъ чуръ многими знаніями, а надо во всемъ домогаться большой ясности и живой наглядности и пріучаться къ порядку и надлежащему распредѣленію времени.

Первыя науки для умственнаго образованія суть математика и астрономія. Части математики, ариѳметика и геометрія, важны вслѣдствіе ихъ практической пользы, какую доставляютъ онѣ многообразнымъ примѣненіемъ къ жизни и взаимнымъ отношеніямъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ служатъ лучшею подготовкою для формальнаго и позднѣйшаго философскаго образованія. Ибо гимнастика вся относится къ чему-то измѣнчивому и преходящему, къ тѣлу; музоугодное искусство должно образовать нравственный характеръ, возбуждая при посредствѣ благозвучія извѣстнаго рода благонастроеніе, а при посредствѣ такта — благосоразмѣрность; ариѳметика, геометрія и астрономія напротивъ того суть науки, которыя отъ чувственнаго ведутъ къ духовному. Ариѳметика по существу своему наука теоретическая, она ничего не производитъ посредствомъ дѣйствія, а учитъ лишь познавать, обсуждая при этомъ различіе въ числахъ и разбирая количественное значеніе каждаго изъ нихъ. Любое изъ другихъ искусствъ и знаній, особенно же музыка и военное искусство, должны пользоваться ея примѣненіемъ; но въ высшей своей части она переходитъ отъ міра явленій къ истинѣ и къ идеѣ. Если бъ человѣческое существо лишилось понятія о числѣ, то мы никогда не достигли бы ни мудрости, ни добродѣтели, ибо существо, не умѣющее отличить двухъ отъ трехъ, четъ отъ нечета, и вообще неспособное вычислять, никогда не было бы въ состояніи обозначить связь и соотношенія чувственныхъ ощущеній и представленій. Оно, правда могло бы пріобрѣсти остальныя добродѣтели, мужество и умѣренность; но, не вникая въ существо вещей, оно никогда не было бы мудрымъ; а кто лишенъ мудрости, этого высшаго изъ достоинствъ, тотъ не можетъ быть ни вполнѣ добрымъ, ни же счастливымъ. Наконецъ, главная польза ариѳметики заключается въ томъ, что она будитъ вялый отъ природы и непонятливый умъ и способствуетъ къ тому, что несмотря на

свою тупость, онъ, какъ-бы при посредствѣ божьей силы, легко постигаетъ, хорошо усвоиваетъ и изощряется. Вслѣдствіе этого молодые люди, желающіе занять въ государствѣ высшія должности, закономъ обязуются изучать эту науку. Преподаваніе ея исходитъ отъ самаго неба и свѣтилъ его, такъ какъ первое и послѣднія съ ихъ правильными явленіями развиваютъ въ насъ способность вычислять. У дѣтей съ первыхъ игръ начинается это обученіе; они раздаютъ то большему, то меньшему числу соучастниковъ яблоки и вѣнки, такъ чтобы каждый получилъ поровну и т. п. — Геометрія занимается измѣреніемъ всего, что имѣетъ длину, ширину и глубину; она по преимуществу наука о площадяхъ и плоскостяхъ; къ ней же примыкаетъ ученіе, касающееся протяженій куба и всего, что имѣетъ глубину. Низшая геометрія примѣняется въ зодчествѣ и торговлѣ, сверхъ того въ военномъ искусствѣ, а высшая влечетъ умъ къ истинѣ и туда, гдѣ обрѣтается верховное блаженство всяческаго бытія. Вслѣдствіе такой пользы и такого значенія ея, будущіе граждане нашего государства непремѣнно обязаны заниматься ею. При преподаваніи ея не трудно будетъ отъискивать неизвѣстныя истины, ибо изысканіе и пониманіе не что иное какъ простое воспоминаніе, а душѣ отъ самой природы уже присущи сознаніе и вѣрныя понятія, такъ что стóитъ лишь умѣло предложить ей вопросъ, и она на все отвѣтитъ какъ слѣдуетъ. Первое обученіе и здѣсь также начинается съ игръ. Все что измѣримо и что неизмѣримо должно быть разсмотрѣно, опредѣлено и разобрано учениками въ самой сущности, при чемъ они задаютъ одинъ другому теоремы, соревнуя другъ другу въ подобныхъ занятіяхъ. — Астрономія разсматриваетъ шарообразныя тѣла въ ихъ вращеніи; низшая занимается неподвижными звѣздами и планетами, ихъ движеніемъ, взаимнымъ сближеньемъ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ она поучаетъ, что божество, создавъ подвижный обликъ вѣчнаго и изукрасивъ небо, имѣло въ виду воспроизвести по извѣстнымъ числовымъ отношеніямъ движущійся слѣпокъ вѣчности, этого сокровеннаго, нераздѣльнаго, безконечнаго единства, именно время, и что поэтому солнце, луна и пять остальныхъ свѣтилъ созданы для опредѣленія и соблюденія числовыхъ отношеній времени. Высшая астрономія обращаетъ взоръ на вселенную въ истинномъ смыслѣ слова и занимается идеей самой по себѣ и сверхчувственнымъ. Астрономія полезна для государства, ибо на ней основано лѣтосчисленіе. Но она своей истинностью угодна также и небеснымъ богамъ, потому уже что вызываетъ истинное познаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чистое богопочитаніе безъ всякихъ ложныхъ представленій; ибо слѣдуетъ отвергнуть предразсудокъ, будто нечестиво пытаться постичь верховнаго бога и весь міръ и любознательно доискиваться причинъ его.

Ариѳметика, геометрія и астрономія служатъ подготовкою къ высшей наукѣ, діалектикѣ, методъ которой состоитъ въ томъ, чтобы съ одной стороны разсматривать предметы отвлеченно, не смѣшивая одного понятія съ другимъ, а съ другой стороны — ясно развивать понятія и излагать также сущность и внутреннія соотношенія вещей. Натуры, способныя къ философскому образованію, будутъ стремиться къ мудрости въ совокупномъ ея объемѣ, а не къ одной какой-либо части ея; ихъ жажда къ ученію неутолима, тѣмъ болѣе, что они все легко понимаютъ и обладаютъ хорошею памятью, а по своему величавому образу мыслей, созерцая сущность вѣчныхъ предметовъ, они не придаютъ большого значенія земной жизни человѣка, и потому не страшатся смерти; къ этому наконецъ присоединяется еще ровное и благодушное настроеніе, связанное съ чувствомъ истины и съ познаніемъ сущности вещей. Эти свойства взаимно обусловливаются и рѣшительно необходимы для души, стремящейся вѣрно и вполнѣ постичь истину. Такія одаренныя натуры можно затѣмъ ввести въ искусство, задача котораго состоитъ въ томъ, какъ бы всего легче и успѣшнѣе повернуть духовное зрѣніе. Ибо вѣдь каждый изъ насъ обладаетъ въ своей душѣ особою способностью и органомъ духовной дѣятельности; а такъ какъ глазъ нашъ не иначе какъ заодно со всѣмъ тѣломъ можетъ обратиться отъ тьмы къ свѣту, подобнымъ же образомъ должны мы и тотъ органъ и ту способность заодно съ духомъ обращать отъ міра явленій къ истинному бытію и къ самому яркому проявленію его, къ идеѣ добра, пока духъ не прійдетъ въ состояніе созерцать и сносить ее. Въ обыкновенныхъ наукахъ лишь грезятъ объ истинѣ, не будучи въ силахъ созерцать ее дѣйствительно и опираясь лишь на предположенія; философія же упраздняетъ послѣднія вполнѣ; она прямо обращается къ самому безусловному началу, дабы прежде всего утвердить его, и избираетъ такой путь, на которомъ въ познаніи сути всѣхъ вещей обрѣтается покой и цѣль для пытливаго духа. Однако отроки не должны и не могутъ еще заниматься изученіемъ этого искусства; они, напротивъ, должны упражняться въ юношескихъ играхъ и свѣдѣніяхъ, и радѣть попреимуществу о тѣлѣ, пока оно еще ростетъ, дабы заготовить въ немъ подслужную помощь философіи. Но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда начинаетъ совершенствоваться духъ, слѣдуетъ приступить къ философскимъ упражненіямъ; и наконецъ, когда съ упадкомъ тѣлесныхъ силъ человѣкъ освобождается отъ государственной и военной службы, тогда на свободѣ и досугѣ онъ бы долженъ былъ посвящать себя исключительно одной философіи, взирая на все остальное какъ на побочное дѣло, если хочетъ прожить счастливо и достичь по смерти жребія, отвѣчающаго проведенной такимъ образомъ жизни.

Этическое образованіе обнимаетъ совокупное воспитаніе всего человѣка и ставитъ справедливость высшею цѣлью единичной личности. Ибо высшее начало нравоученія заключается въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности уподобиться Богу, Творцу всѣхъ вещей, Существу святѣйшему, мудрѣйшему и совершеннѣйшему. А такъ какъ Богу угодно было, чтобы міръ, а особенно люди какъ смертныя существа, были и сдѣлались совершенными, то Онъ сообщилъ душамъ, до соединенія ихъ съ тѣломъ, тѣ первообразы, по коимъ все создано на землѣ, и прежде всего высшую идею о добрѣ и справедливости. Но съ ниспаденіемъ въ вещественный міръ они померкли въ душѣ, такъ что здѣсь они спятъ въ ней. Поэтому души неустанно должны стараться пробудить ихъ и выяснить въ самихъ себѣ, ибо когда вознесутся до сознанія высшей идеи, идеи добра, тогда лишь души болѣе всего уподобятся Богу, который есть добро само въ себѣ. Для достиженія этого, должны мы божественное въ насъ начало, разумъ, сдѣлать совершенно свободнымъ и вполнѣ господствующею способностью: кто исполнилъ это, тотъ проявляетъ высшую нравственность или справедливость, это высшее благо въ жизни, ибо мы должны стремиться къ нему какъ ради его самаго, такъ и ради его послѣдствій, поскольку именно хотимъ быть счастливыми. Справедливъ тотъ, въ комъ каждая изъ присущихъ его душѣ способностей, исполняетъ свое дѣло; а именно если господствуетъ разумъ, потому что онъ мудръ и обязанъ радѣть о всей душѣ,—если доблесть или нравственное чувство въ союзѣ съ разумомъ и служатъ ему, — такое согласіе достигается тогда, когда при надлежащемъ сочетаніи музыки и гимнастики одна способность поощряется и питается прекрасными рѣчами и науками, а другая укрощается и умѣряется мелодіей и тактомъ,—если наконецъ обѣ такъ воспитанныя и по истинѣ въ подобающемъ имъ видѣ обученныя и образованныя способности господствуютъ надъ вожделѣніемъ и ограничиваютъ избытокъ и ненасытность его, дабы, разросшись и усилясь вслѣдствіе чрезмѣрной похоти, оно не перестало исполнять своего дѣла, т. е. служить, а не порабощать. Справедливость поэтому состоитъ не во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, исполняемыхъ человѣкомъ, но въ его правдивой внутренней дѣятельности по отношенію къ самому себѣ и своей личности, такъ что онъ не допускаетъ чтобы какая-либо изъ способностей въ немъ исполняла чуждое ей дѣло, или чтобы одна вмѣшивалась въ назначеніе другой; напротивъ онъ каждой изъ нихъ указываетъ ея назначеніе, онъ владѣетъ и руководитъ самъ собою, онъ другъ самому себѣ, а тѣ три способности соединяетъ онъ въ гармонію точно такъ же какъ три главные тона аккорда, первый, третій и пятый, и связываетъ воедино все, что бы ни

заключалось между ними. Справедливость сама по себѣ и для себя есть уже лучшее, и потому всякій обязанъ поступать справедливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ все справедливое угодно божеству, а несправедливое ненавистно; потому-то боги и не покидаютъ никогда того, кто, творя добродѣтель, насколько это доступно человѣку, тщится быть справедливымъ и богоподобнымъ. Искусные бѣгуны, выдерживающіе до конца, увѣнчиваются наградою. Подобный успѣхъ нерѣдко также предстоитъ и справедливому человѣку: подъ исходъ каждаго дѣла, отношенія и даже самой жизни, онъ прославляется и пользуется наградой отъ людей. Но все это ничто по количеству и размѣру въ сравненіи съ тѣмъ, что каждаго изъ насъ ожидаетъ по смерти, какъ можно узнать объ этомъ изъ священныхъ миѳовъ о жизни на томъ свѣтѣ. Ибо все это время, начиная отъ дѣтства и до старости, слишкомъ вѣдь коротко въ сравненіи съ вѣчностью, оно почти даже ничтожно, а потому подвергается ужасной опасности тотъ, кто вздумалъ бы пренебречь душою, для которой по смерти нѣтъ ни надежды, ни спасенія, если она не была добра и разумна по мѣрѣ возможности. Итакъ, надлежитъ радѣть въ особенности о томъ, чтобы каждый изъ насъ, даже въ ущербъ всякимъ инымъ познаніямъ, домогался лишь этого знанія и изучалъ его, дабы умѣть отличить лучшій родъ жизни отъ худшаго, называя худшимъ тотъ, который пріучаетъ душу быть несправедливою, а лучшимъ тотъ, который дѣлаетъ ее справедливою.—

По прошествіи шестилѣтняго возраста сходятся какъ мальчики только уже съ мальчиками, такъ точно и дѣвочки лишь съ дѣвочками. Послѣднихъ также должно наставлять въ обычныхъ предметахъ. Ибо хотя мужской полъ по волѣ божьей созданъ превосходнѣе женскаго, и первый къ тому же призванъ управлять государствомъ, а послѣдній всего ближе домашнимъ хозяйствомъ; но мы все-таки не можемъ уволить женщинъ отъ соучастія въ общественномъ благѣ, и потому должны надѣлить ихъ также гимнастическимъ и музоугоднымъ воспитаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военными упражненіями. Вслѣдствіе этого дѣвочки при пляскахъ должны имѣть особыхъ учительницъ, и въ то же время обучаться труднымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, воинской пляскѣ, фехтованію, бѣгу и проч. Онѣ должны продѣлывать эти упражненія точно такъ же, какъ и мальчики. Пускай притомъ жены стражниковъ упражняются хоть нагія среди мужчинъ. Вѣдь, разоблачившись, онѣ взамѣнъ одежды облекутся въ добродѣтель. Ибо всегда пребудетъ истиннымъ, что полезное прекрасно, а вредное гнусно, безобразно.—Въ музоугодномъ образованіи женскому полу прилична музыка, болѣе отвѣчающая умѣренности, кротости и благопристойности. Господыни должны пользоваться особымъ философскимъ образованіемъ.

потому что онѣ обязаны быть самыми близкими соучастницами мужей въ дѣлѣ преподаванія, дѣторожденія и попеченія объ остальныхъ гражданахъ. Вообще въ государствѣ нѣтъ такого занятія, которое принадлежало бы исключительно женщинѣ какъ женщинѣ или мужчинѣ какъ мужчинѣ; напротивъ, природныя способности распредѣлены равномѣрно въ тѣхъ и въ другихъ, и женщина можетъ принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ, точно такъ же какъ въ свою очередь и мужчина; но женщина во всемъ слабѣе мужчины. Потому замѣчаемъ, что природныя способности женщинъ столь же различны между собою какъ и мужскія, а именно одна женщина одарена врачебными способностями, другая нѣтъ, одна музыкальна, другая немузыкальна, одна наклонна къ гимнастикѣ и воинственна, другая же невоинственна и не охоча до гимнастики, одна любомудра, другая наоборотъ, одна отважна, другая робка и т. д.

Мужи также нуждаются еще въ образованіи. Отъ нихъ требуется вопервыхъ самопознаніе. Кто хочетъ быть великимъ человѣкомъ, тотъ долженъ любить не самого себя и не все свое, но лишь то, что справедливо, проявится ли оно дѣятельнѣе въ немъ самомъ или въ другихъ. Самолюбіе бываетъ причиною, что мы собственное невѣжество считаемъ мудростью. Но самого себя познаетъ лишь тотъ, кто вникаетъ въ свою душу и притомъ особенно въ ту часть ея, гдѣ находится благороднѣйшая ея сила и истинно божественное, разумность и мудрость. Оттого только тотъ, кто знаетъ самого себя, и въ состояніи постичь, что̀ для него хорошо и что худо, вообще также что имѣетъ къ нему какое-либо отношеніе, и какъ при помощи благоразумія и добродѣтели достигнуть блаженства. Поэтому да стремится каждый прежде всего къ истинѣ, къ этому важнѣйшему изъ всѣхъ благъ для боговъ и для людей: только стремящійся къ истинѣ человѣкъ благонадеженъ и обезпеченъ друзьями. Затѣмъ, идетъ любовь къ справедливости, которая влечетъ за собой умѣренность, мудрость и всѣ совершенства, какими человѣкъ владѣетъ не только для себя, но можетъ подѣлиться и съ другими. Потомъ, онъ долженъ умѣть служить и господствовать, ибо кто никогда не служилъ, тотъ никогда не можетъ быть достойнымъ хвалы господиномъ, и каждый изъ насъ долженъ похваляться скорѣе своею хорошею службою, а именно, вопервыхъ, исполненіемъ законовъ—ибо тутъ мы повинуемся въ то же время и богамъ,—во вторыхъ, послушаніемъ старшимъ честно прожившимъ лицамъ,—нежели хорошимъ господствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ помнить, что, какъ всѣ части вселенной назначены лишь для ея поддержки и совершенства, точно такъ же и онъ, хотя бы и въ безконечно малой степени, необходимо предназначенъ для цѣлаго, слѣдовательно обязанъ посвятить цѣлому свои услуги и согласно

съ этимъ содѣйствовать благу государства въ какомъ бы то ни было званіи, въ гимнастикѣ и во врачебномъ искусствѣ, или въ законодательствѣ и судопроизводствѣ.—Гимнастика настолько же важнѣе врачебнаго искусства, насколько законодательство идетъ впереди судопроизводства, ибо гимнастика должна сдѣлать ненужнымъ врачебное искусство. Обученіе ей особенно важно для воиновъ, которые помимо того обязаны быть зоркими, быстрыми въ преслѣдованіи подмѣченнаго и сильными для захвата и одолѣнія его, притомъ храбрыми и пылкими, упорными противъ враговъ и кроткими относительно согражданъ; но прежде всего, отрекшись отъ собственной личности, они должны жить для цѣлаго и не дѣлать ничего для себя помимо другихъ, дабы царствовало полнѣйшее товарищество и единодушіе, чѣмъ главнѣйше достигаются общее благо и побѣда.—Что же касается врачей, то они могли бы сдѣлаться превосходными, если бъ, усвоивъ себѣ искусство, помимо того съ молоду знакомились съ возможно многими тѣлами наихудшаго свойства, и если бъ даже сами перенесли всѣ болѣзни и были не особенно здороваго тѣлосложенія. Ибо они не тѣломъ помогаютъ тѣлу, а иначе конечно тѣло ихъ никогда не должно бы болѣть,—но напротивъ, душою, которая не въ состояніи помочь чему-либо, если она сама дурна или была такою. — Духовно воспроизводить составляетъ призваніе учителя. Какъ тѣ, которые тѣломъ склонны къ порожденію, обращаются болѣе къ женщинамъ, дабы дѣторожденіемъ достичь безсмертія, памяти о себѣ и блаженства въ будущемъ: такъ точно и учителя, имѣя въ душѣ болѣе производительной силы нежели въ тѣлѣ, стараются породить духовно, а именно мудрость и всякую добродѣтель, въ особенности же добродѣтели, которыя относятся къ управленію государствомъ и домашнимъ хозяйствомъ, т. е. благоразуміе и справедливость. Государственный человѣкъ долженъ быть теоретически образованнымъ художникомъ и писателемъ, дабы водворять добрые и правдивые помыслы въ народѣ. Къ его искусству принадлежитъ поэтому знаніе излагаемаго предмета, вѣрный способъ мышленія и выраженія, врожденная ораторская способность, и потомъ еще наука и практика. Усвоивъ себѣ эти условія, онъ по правиламъ діалектики съ умѣніемъ посѣетъ и насадитъ въ способныхъ душахъ такія рѣчи, которыя не останутся безплодны, но, давъ плодъ, будутъ пересажены въ другія души и такимъ путемъ обрѣтутъ безсмертную жизнь. Относительно судопроизводства государственный человѣкъ долженъ поступать подобно врачу, ибо значеніе его заключается въ томъ, чтобы образумливать и уряжать поползновенія государства и ничѣмъ не поступаться имъ, а напротивъ убѣжденіемъ и властью направлять все къ тому, что можетъ исправить гражданъ. Выше всего призваніе

законадателей и владыкъ. Необходимо поэтому, чтобы они отъ природы одарены были твердостью, мужествомъ, сановитостью, притомъ благороднымъ и строгимъ нравомъ и благопріятствующими такому образованію врожденными свойствами, какъ то проницательностью, смѣтливостью, хорошею памятью, неутомимостью и чрезвычайнымъ трудолюбіемъ. Когда будущіе правители уже сложились въ тѣлесномъ отношеніи, то начиная съ 27-милѣтняго ихъ возраста изучаемые доселѣ безъ системы предметы слѣдуетъ преподавать имъ систематически и на научномъ основаніи, чтобы довести ихъ до яснаго взгляда и просвѣщеннаго сознанія. Послѣ пятилѣтняго непрерывнаго изученія діалектики, они опять должны вступить въ жизнь, въ самую практику ея, и принять участіе въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ, для того чтобы никто изъ остальныхъ не превзошелъ ихъ опытомъ и чтобы подвергнуть испытанію твердость ихъ правилъ. Кто до пятидесятилѣтняго возраста отличался во всѣхъ отношеніяхъ, пусть духовное око того устремится на предметъ, озаряющій все своимъ свѣтомъ, а именно на добро. Затѣмъ уже эти правители и законодатели, какъ достойные наставники своихъ согражданъ, обязаны, по примѣру своего собственнаго образованія, поучать разумности, справедливости и всякимъ народнымъ добродѣтелямъ другихъ. Ибо они постоянно должны имѣть въ виду, что каждое изъ званій принимаетъ по возможности одинаковое участіе во всеобщемъ благѣ государства и что всѣ граждане считаютъ долгомъ, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать цѣлямъ государственнаго цѣлаго.—

Такова Платонова и вмѣстѣ съ тѣмъ первая систематическая педагогика во всемірной исторіи. Она, подобно Платоновой философской системѣ вообще, является послѣдствіемъ гречества — но только еще въ предѣлахъ самого греческаго воззрѣнія. Оттого-то у Платона всякое нравственно-религіозное образованіе подчиняется искусству,—для него, какъ для истаго Грека, все полезное прекрасно, а все вредное безобразно. Оттого-то и видитъ онъ въ наготѣ чистый образъ чистой вполнѣ человѣческой тѣлесной природы. Оттого-то у него женщина съ одной стороны стоитъ ниже мужчины, а съ другой онъ въ дорическомъ духѣ заставляетъ ее принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ, посѣщать сисситіи и закаляетъ ее для службы государству. Глубоко вникая въ сущность Эллина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣка, онъ сильнѣе чѣмъ кто-либо утверждалъ и изящнѣе всякаго выразилъ, что добро истина, а истина добро, и притомъ на божественной основѣ, и что сверхъ того этика должна отражаться въ государствѣ, а политика въ душѣ, ибо какъ въ душѣ, такъ и въ государствѣ однѣ и тѣ же способности и силы и однѣ и тѣ же добродѣтели украшаютъ жизнь какъ цѣлаго наро-

да, такъ и единичнаго лица. Въ немъ жило сознаніе существеннаго единства божескаго съ человѣческимъ. Какъ геній, передъ которымъ разумъ не отрѣшимъ отъ сознанія и отъ силы нравственнаго хотѣнія и по убѣжденію котораго красота самымъ тѣснымъ образомъ связана съ добродѣтелью и нравственнымъ совершенствованіемъ, онъ возсталъ противъ Гомера и трагиковъ, не дающихъ нравственности нераздѣльно съ красотой, тогда какъ самъ онъ постигалъ искусство только какъ подражаніе, какъ представленіе призрачнаго, какъ лишь слѣпокъ съ чего-то дѣйствительнаго. Какъ истый также Эллинъ, постановилъ онъ и начала воспитанія, ясно постигъ идею его, строго опредѣлилъ его цѣль и отчетливо указалъ на средства ея достигнуть. Какъ философъ и какъ педагогъ, онъ истинный и непреложный представитель исторически великаго народа; потому-то устами его духъ всемірной исторіи, хотя и не непосредственно христіанскій, но все-таки тотъ же духъ, вѣщалъ пророческое слово, получившее свое осуществленіе въ „Сынѣ человѣческомъ", когда въ своемъ Тимеѣ Платонъ говоритъ: „Эта вселенная, пріявъ въ себя смертныя и безсмертныя существа и исполнясь ими, стала видимымъ, все видимое объемлющимъ, одушевленнымъ, чувственно постигаемымъ Богомъ, обликомъ одному лишь разуму доступнаго Бога, величайшимъ и лучшимъ, прекраснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ изъ боговъ, этимъ единымъ небомъ, оно же и единородное (чадо божества)". Съ такой глубиною теоретическаго воззрѣнія онъ соединяетъ столь же глубокія нравственныя требованія: „Путемъ нравственности человѣкъ долженъ, насколько то дано ему, уподобиться Богу. Нравственность же состоитъ въ справедливости, въ укрощеніи пожеланій, въ святости". „Богъ—что ни есть справедливѣйшій, и къ Нему ближе всего подходитъ тотъ изъ насъ, кто достигъ крайней ступени справедливости". Къ этой-то цѣли и стремится воспитаніе. „Руководство къ наживѣ денегъ, или къ укрѣпленію тѣла, или къ какому бы то ни было ремесленному и рабскому знанію, помимо духа и чувства правды, не достойно назваться воспитаніемъ. Иной можетъ обучиться и мореходству и торговлѣ виномъ, но все-таки не получить истиннаго воспитанія. Одни только благовоспитанные будутъ добрыми; только путемъ воспитанія можно сдѣлаться превосходнымъ человѣкомъ".—Платонъ—представитель греческа на высшей его вершинѣ, какъ философъ и какъ педагогъ.

21.

АРИСТОТЕЛЬ.

Аристотель—духовный Александръ. Богатый опытомъ и глубокій въ умозрѣніи, онъ проникаетъ всѣ стороны вселенной и стремится всякую реальность возвести въ понятіе. Онъ—самый многообъемлющій и проницательный мыслитель дохристіанскаго міра, онъ — Гегель классической древности: * подобно последнему онъ совмѣщаетъ въ себѣ наибольшую массу знанія, созидаетъ изъ разнообразныхъ данныхъ одну стройную систему, идеально-реалистически, въ одинъ дивный духовный храмъ совмѣщаетъ и физическій и психическій космосъ, цѣлый міръ и Бога, возвѣщаетъ конецъ истекшей культурной эпохи и вздымаетъ такія волны въ океанѣ исторіи, которыя потрясаютъ умственную жизнь въ теченіе вѣковъ. Аристотель выступаетъ съ такимъ реализмомъ, какъ ни одинъ еще греческій мыслитель до него, и съ такимъ всеобъемлющимъ знаніемъ, какого до него никто еще себѣ не усвоилъ. Съ него по истинѣ начинается бо̀льшая часть философскихъ наукъ. Разумомъ побораетъ онъ грубый эмпиризмъ, съ эпическимъ спокойствіемъ и съ возможно бо̀льшею объективностью созерцанія и наблюденія привлекаетъ какъ великое, такъ и малое къ суду своей мысли. Съ дивной глубиною изслѣдуетъ онъ философскія умозрѣнія, съ тщательно-мелочнымъ трудолюбіемъ собираетъ историческія и антикварныя замѣтки, для того чтобы всѣ найденныя имъ мысли совмѣстить въ свою философскую систему, въ этотъ первый образецъ систематической учености. Аристотель высшая научная вершина древней эпохи,—онъ мостъ, связующій греческій міръ съ новымъ,—онъ философскій рупоръ и духовный властелинъ двухъ тысячелѣтій.

Аристотель родился въ 384-мъ г. до Р. Х. въ Стагирѣ, греческой колоніи во Ѳракіи. Его отецъ, Никомахъ, былъ другомъ Македонскаго царя Аминта II; онъ велъ свой родъ отъ Асклепія и въ своемъ званіи пріохотилъ геніальнаго сына къ естественнымъ наукамъ. Лишась рано своихъ родителей, послѣдній 17-ти лѣтъ отъ роду прибылъ въ Аѳины къ Платону и пользовался его обществомъ въ теченіе 20 лѣтъ. За трудолюбіе и за ревностныя занятія древними и современными философами, Платонъ такъ полюбилъ его, что, говорятъ, назвалъ „философомъ истины“ и „душою своей школы“. Впослѣдствіи однако между этими величайшими философами произошелъ рѣшительный разрывъ, который въ небольшой лишь мѣрѣ развѣ коренился въ непріязни и неуваженіи Аристотеля къ Платону, но неминуемо долженъ былъ возникнуть скорѣе всего вслѣдствіе

---

* Какъ соотечественнику Гегеля, автору можно простить крайнюю смѣлость этой сопостановки. Примѣч. Перев.

различнаго духовнаго направленія, избраннаго тѣмъ и другимъ. Путь Аристотеля, вращавшагося въ реальномъ, былъ діаметрально противоположенъ пути Платона, стремившагося къ идеальному. Платонъ воспарилъ надъ природою къ небесамъ; Аристотель же своимъ пытливымъ духомъ вывѣдывалъ міръ и природу, восходя отъ частнаго къ общему. Платонъ—какъ замысловато изобразилъ его Рафаэль въ своей „Аѳинской школѣ"—простеръ руку къ небу, къ царству идей, тогда какъ Аристотель указываетъ на землю, какъ на поприще своихъ думъ и своей дѣятельности. Платоново умозрительное созерцаніе Аристотель замѣнилъ послѣдовательнымъ мышленіемъ, поэзію Платона—прозою, его миѳъ—трезвымъ розыскомъ, платоновскую національную философію — всеобщностью своей системы и своихъ изслѣдованій.

Слава философа и проницательность царя Филиппа повели къ тому, что Аристотель сдѣлался наставникомъ 13-тилѣтняго Александра и пробылъ имъ въ теченіе почти 4-хъ лѣтъ.

Уже въ 356-мъ г. до Р. X. Филиппъ писалъ Аристотелю: „Знай, что у меня родился сынъ. Благодарю боговъ не только за то, что они мнѣ даровали его, но еще болѣе за то, что онъ родился во время Аристотеля. Надѣюсь, ты образуешь изъ него царя, достойнаго наслѣдовать мнѣ и властвовать надъ Македонянами". Аристотель исполнилъ заданное ему дѣло. Ни у одного столь великаго наставника не было еще столь великаго ученика: какъ наставникъ завладѣлъ умственнымъ міромъ, такъ точно и ученикъ подчинилъ себѣ своими завоеваніями міръ дѣйствительный. Аристотель возростилъ, образовалъ и возвелъ до сознательной самобытности высоко одаренную индивидуальность, такъ что Александръ, вполнѣ увѣренный въ самомъ себѣ и независимо отъ всякихъ узкихъ, ограниченныхъ плановъ, возъимѣлъ высокую мысль, объединить міръ въ одну совокупность общественной жизни и взаимныхъ сношеній, и что въ немъ возникло стремленіе упразднить разницу между Греками и варварами; вѣдь выразилъ же онъ всемірногражданскій взглядъ изреченіемъ, что Богъ конечно единый отецъ всѣхъ людей, но что лучшіе изъ нихъ дѣти Его попреимуществу. Аристотель, какъ выражается Гегель, оставилъ эту великую натуру такою же самобытною, какою была она, но внушилъ ей глубокое сознаніе о томъ, что̀ правдиво, и преобразовалъ этотъ самъ по себѣ геніальный духъ въ пластичный, какъ будто въ своемъ эѳирѣ свободно парящій шаръ. Аристотель обучалъ своего воспитанника по греческому образцу, послѣ того уже, какъ наставниками послѣдняго были твердый характеромъ Леонидъ и рачительный Лисимахъ. Онъ ознакомилъ его съ Иліадой по нарочно на этотъ конецъ составленному сочиненію и возбудилъ въ немъ

такой горячій восторгъ къ эпосу Гомера, что Александръ на всѣхъ походахъ возилъ его съ собою въ золотомъ ларцѣ. Вообще въ немъ было возбуждено столь сильное уваженіе къ поэзіи, что при разрушеніи Ѳивъ онъ приказалъ щадить жилище Пиндара, этого пѣвца восторжествовавшихъ побѣдителей. Въ музыкѣ Александръ отлично изучилъ игру на струнномъ инструментѣ вмѣстѣ съ пѣніемъ: онъ оказывалъ также великія почести музыкальнымъ художникамъ и устроивалъ музоугодныя состязанія. Что Александръ упражнялся въ гимнастикѣ, доказывается соразмѣрнымъ развитіемъ и благородною осанкой его крѣпкаго тѣла, его быстротою въ бѣгѣ и выдержкою въ утомительныхъ переходахъ. Онъ обучался вѣроятно также и графикѣ: вѣдь онъ въ зрѣломъ возрастѣ свелъ весьма близкое знакомство съ величайшимъ живописцемъ своего времени, Апеллесомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Аристотель считалъ для Александра дѣломъ существенной необходимости упражняться въ краснорѣчіи, дабы онъ такимъ образомъ и самъ достигъ духовной ясности и другихъ убѣждалъ и покорялъ своею рѣчью. Геометріей Александръ занимался, какъ кажется, лишь настолько, чтобы узнать, дочего мала земля, на которой онъ владѣетъ малѣйшею лишь частицей. Зато Аристотель обучалъ его политикѣ и, преподавая ее, онъ или отступилъ для призваннаго царствовать Александра отъ своего основнаго правила, въ силу котораго политика не можетъ служить наукою для юношей, или же высказалъ это положеніе уже вслѣдствіе изведаннаго на Александрѣ грустнаго опыта. Наконецъ Александръ посвященъ былъ также Аристотелемъ въ этику и въ сокровенныя тайны метафизики, и онъ такъ гордился своимъ посвященіемъ въ тайны этой науки, что, услышавъ среди своего побѣдоноснаго похода въ Азіи, будто Аристотель издалъ акроаматическія сочиненія (свои частныя лекціи), онъ написалъ ему: „Ты напрасно это сдѣлалъ. Ибо чѣмъ же мы отличимся отъ другихъ, если наши знанія будутъ всѣмъ доступны? Мнѣ по крайней мѣрѣ хотѣлось бы скорѣе хвалиться пониманіемъ лучшихъ и важнѣйшихъ вещей, нежели верховной властью“. Онъ въ высшей степени былъ заинтересованъ естественными науками, и Плиній сообщаетъ, что на походахъ своихъ по Азіи и Греціи онъ предписалъ нѣсколькимъ тысячамъ людей, промышлявшихъ охотою, рыболовствомъ и птицеловствомъ, смотрителямъ звѣринцевъ, птичниковъ и прудовъ въ Персидскомъ государствѣ и проч., собирать отовсюду все замѣчательное и препровождать къ Аристотелю. Завѣтъ Аристотеля ученику находится въ письмѣ, посланномъ къ послѣднему при воцареніи его: „Обращаясь къ тебѣ, не знаю, съ чего или какъ приступить къ дѣлу; ибо куда ни взгляну, все мнѣ представляется великимъ и замѣчательнымъ, и ничего не нахожу достойнымъ забвенія, напротивъ все достойно скорѣе та-

кихъ увѣщаній и напоминаній съ моей стороны, которыя могли бы устоять среди всѣхъ переворотовъ. Ибо истинно добрымъ поученіямъ и увѣтамъ наставниковъ внемлютъ всѣ грядущія поколѣнья. Итакъ старайся начать свое царствованіе съ благотворенія, а не съ гордыни, ибо благотвореніе прекраснѣе всего въ жизни. Вотъ то, что даруетъ безсмертную по внутреннему своему величію память нашей смертной натурѣ, даже тогда, когда она по волѣ рока предана будетъ тлѣнью. Объ этомъ постоянно помышляй. Вѣдь ты выросъ не безъ разумнаго образованія, не какъ другіе тебѣ подобные, блуждающіе вслѣдствіе того въ превратныхъ понятіяхъ. Славный родъ, унаслѣдованная власть, воспитаніе на прочныхъ основахъ, блестящая слава, все это досталось тебѣ на долю. А потому чѣмъ выше вознесенъ ты счастіемъ, тѣмъ болѣе долженъ возвышаться въ средѣ добрыхъ. Желаю тебѣ наконецъ, чтобы ты предпринималъ лишь полезныя дѣла, а затѣмъ—исполненія твоихъ предпріятій".—Пока Александръ руководился этими началами, до тѣхъ поръ онъ былъ великъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почитатель и другъ Аристотеля. Но чѣмъ долѣе жили оба въ разлукѣ другъ съ другомъ и чѣмъ сильнѣе Александръ предавался чувственности, тѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Аристотеля и тѣмъ сильнѣе остывалъ ихъ дружескій союзъ, такъ что въ этомъ случаѣ вполнѣ оправдались слова Никомаховой этики: „Не пространственная разлука сама по себѣ губитъ дружбу, но ея вліяніе и дѣйствіе. Если же разлука долго длится, то она какъ бы влечетъ за собою и забвеніе дружбы. Потому-то и говорятъ обыкновенно, что за недостаткомъ бесѣды и общенія сплошь прекращаются многія дружескія связи".

Довершивъ воспитаніе Александра, Аристотель отправился въ Аѳины и училъ тамъ въ Ликеѣ, прогуливаясь подъ тѣнью аллей взадъ и впередъ (περιπατοι—Перипатетики). Здѣсь по два раза въ день читалъ онъ лекціи, утромъ посвящая болѣе зрѣлыхъ учениковъ въ глубину науки и въ связь ея (акроаматическія или эзотерическія изслѣдованія), а вечеромъ излагая передъ многочисленнымъ собраніемъ болѣе подходящія къ этому научные предметы и особенно свѣдѣнія имѣющія цѣлью всеобщее образованіе (экзотерическія лекціи).

Дѣйствуя такимъ образомъ въ теченіе тринадцати лѣтъ и написавъ притомъ свои важнѣйшія философскія и естествовѣдныя сочиненія, онъ наконецъ былъ обвиненъ въ безбожіи: одинъ изъ знатныхъ аѳинскихъ гражданъ, Демофилъ, донесъ, будто въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ оказываетъ божескія почести своему убитому другу, Гермію. Аристотель бѣжалъ въ Халкиду на Эвбеѣ и умеръ тамъ отъ наслѣдственнаго хроническаго разстройства желудка, подтачившаго его слабый организмъ, 62-лѣтъ отъ роду, на 3-мъ году 114-ой Олимпіады, въ 322-мъ году до Р. Х.

Методъ Аристотелева философствованія аналитическій: Аристотель отъ конкретнаго восходитъ къ послѣднимъ крайнимъ его основамъ. Взявъ средоточіемъ данное, онъ путемъ индукціи, т. е. выводя всеобщія положенія изъ совокупности данныхъ фактовъ и явленій, пытается открыть и намѣтить идею. По немъ философія не что иное какъ познаніе изъ коренныхъ основъ, достовѣрность, пріобрѣтаемая съ помощью опыта,—расчетъ вѣроятностей. Орудіемъ для такого познанія служитъ ему логика, которая по формѣ есть органъ науки: она составляетъ и обсуживаетъ понятія и умозаключенья, дабы имѣть возможность доказывать силлогизмами. Метафизика, опираясь на логику, избираетъ въ свою очередь предметомъ изслѣдованья то, что другія науки воспринимаютъ изъ опыта или предположительно: она наука бытія и первичныхъ основъ его. Физика, обнимающая большую часть Аристотелевыхъ сочиненій, преслѣдуетъ рядъ ступеней, по которымъ живая природа восходитъ до индивидуальной души. Ибо все зиждущееся совершающееся имѣетъ цѣль, но цѣль это форма, а абсолютная форма духъ,—средоточіе земной природы, форма осуществленная, человѣкъ мужского пола. Всеобщія условія всякаго естественнаго бытія суть движеніе, матерія, пространство и время. Основою всему служитъ первый двигатель, и чѣмъ какое-либо существо ближе къ послѣднему, тѣмъ болѣе оно причастно божественному. Первый двигатель, Богъ, присущъ міру, и умъ человѣческій признаетъ въ немъ причину всякаго бытія. И какъ это вѣдѣніе, такъ точно и призваніе человѣка дѣлаться богоподобнымъ, возводя, подобно Богу, этому высшему благу, все къ добру, т. е. стремяся къ добру въ себѣ и внѣ себя и споспѣшествуя ему, — ставятъ человѣка въ преобладающее положеніе середи вселенной. На тѣхъ же законахъ, какъ и вселенная, основаны также государство и этика, съ которыми Аристотель самымъ тѣснымъ образомъ связываетъ педагогику. На педагогику онъ смотритъ какъ на самую трудную изъ задачъ, какія можно предложить, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ и на самую высокую изъ подлежащихъ рѣшенію. Важнымъ оказывается здѣсь его ученіе о высшемъ добрѣ. Его можно выразить вкратцѣ такимъ образомъ: каждая сознательная человѣческая дѣятельность, каждая сила и каждое научное изслѣдованіе, каждый поступокъ, каждое намѣреніе направлены къ достиженію извѣстной цѣли, а таковою конечно только и можетъ быть какое-либо добро, дѣйствительное или кажущееся (понятія цѣль и добро у Аристотеля часто замѣняютъ другъ друга). Но между различными существующими цѣлями необходимо находится такая, которой мы домогаемся ради нея самой и изъ-за которой хотимъ всего остального; иначе же всѣ наши стремленія разбились бы до безконечности и были бы вмѣстѣ съ тѣмъ пусты и суетны; этою-то цѣлью, къ которой въ концѣ концовъ направ-

лены всѣ наши стремленія и дѣйствія, должно быть конечно добро, и именно высшее добро. Тотъ, кто обладаетъ вѣдѣніемъ этой цѣли, подобенъ стрѣльцу, попадающему въ цѣль лишь тогда, когда ее знаетъ. Добро есть блаженство; ибо домогаясь славы, радости, разума и всякой добродѣтели частью ради нихъ самихъ, а частью и ради блаженства, такъ какъ при обладаніи ими надѣемся быть счастливы, мы въ то же время необходимо стремимся къ блаженству единственно ради него самого, а никакъ не ради чего-либо другого: итакъ оно конечная цѣль, т. е. то, къ чему стремятся единственно изъ-за него самого, а отнюдь не изъ-за чего-либо помимо. Высшее добро или блаженство есть слѣдовательно цѣль всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, нѣчто совершенное (конечная цѣль), само себѣ довлѣющее, изъ всего наиболѣе желательное. Въ чемъ же заключается блаженство? Въ рѣшеніи поставленной человѣку задачи, познаваемой изъ свойственной людямъ и отличающей ихъ отъ всѣхъ другихъ тварей сущности. Это не можетъ быть просто жизнь, ибо она присуща также растенію; и не просто — чувственно лишь постигающее существо, что человѣку обще съ животными. Итакъ затѣмъ остается одно, — дѣятельная жизнь человѣка какъ существа, одареннаго разумомъ; вслѣдствіе этого задача человѣка заключается въ сообразной съ разумомъ или въ непротиворѣчащей ему дѣятельности души. Но и для рода и для единичнаго даровитаго лица здѣсь одна и та же задача, и для личности къ этой задачѣ ея присоединяется только преимущество даровитости и совершенства (такъ напр. музыкантъ вообще и даровитый музыкантъ имѣютъ передъ собою одну и ту же задачу, а именно музыку, и даровитый отличается лишь тѣмъ, что онъ играетъ хорошо); если поэтому задача человѣка заключается въ соединенной съ разумомъ дѣятельности души, то у даровитаго человѣка такая дѣятельность должна быть хорошаго и отличнаго свойства, и если хорошо, доброкачественно то, что̀ исполняется въ соотвѣтственномъ ему совершенствѣ, то человѣческая добротность заключается въ такой дѣятельности души, которая отвѣчаетъ совершенству ея или добродѣтели, а если такихъ добродѣтелей нѣсколько, то въ дѣятельности, отвѣчающей лучшей и совершеннѣйшей изъ нихъ. Сюда слѣдуетъ еще прибавить условіе, чтобъ это длилось въ теченіе цѣлой жизни; ибо одинъ день или короткое время еще не дѣлаютъ никого блаженнымъ. Итакъ блаженъ тотъ, кто дѣятеленъ сообразно совершенной добродѣтели и достаточно снабженъ внѣшними благами не на короткій лишь срокъ, но на всю жизнь. Блаженство, это — отвѣчающая добродѣтели и притомъ высшей изъ всѣхъ добродѣтелей дѣятельность. А такая дѣятельность есть мыслящее созерцаніе или философское познаніе; ибо это высшая изъ добродѣтелей, потому что не только разумъ

высшее въ насъ начало, но и самые предметы познанія, съ которыми имѣетъ дѣло разумъ, также высшіе изъ всѣхъ. Такая интеллектуальная дѣятельность—самая притомъ устойчивая, доставляющая высшее наслажденіе и довлѣющая сама себѣ. Что полное блаженство заключается въ мыслящемъ созерцаніи, явствуетъ еще изъ того, что боги, которыхъ мы считаемъ въ высшей степени блаженными и счастливыми, могутъ быть такими благодаря лишь сказанной дѣятельности, ибо всякія другія дѣла кажутся слишкомъ ничтожными и недостойными ихъ. Божество—безъ движенія, существуетъ безъ страданій, безъ измѣнчивости; сущность его—чистая, абсолютная, непрерывная дѣйственность мышленія, содержаніе котораго необходимо наилучшее и которое поэтому можетъ имѣть предметомъ только само себя. Изъ дѣятельностей человѣка самою блаженною должна быть та, которая болѣе всѣхъ сродни божественной. Боги, которыхъ радуетъ все лучшее и наиболѣе имъ сродное, а именно разумъ, должны въ свою очередь болѣе всего любить того, кто пуще всего любитъ и цѣнитъ разумъ.

Какъ въ философіи вообще, такъ и во взглядахъ на искусство воспитанія Аристотель рѣшительно расходится съ Платономъ. Платонъ созерцалъ идею воспитанія на ея идеальной высотѣ; Аристотель же проникъ въ практическую глубь ея. Въ идеальномъ воззрѣніи Платона, на индивидуальность не обращается надлежащаго вниманія; Аристотель же въ своемъ аналитическомъ направленіи вполнѣ признаетъ ея права. И какова здѣсь основа, таково и все остальное зданіе. Насчетъ обращенія съ рабами Аристотель менѣе строгъ, нежели Платонъ, предписывая озаботиться ихъ нравственнымъ и умственнымъ воспитаніемъ. Платонъ считаетъ математическія науки крайне важными въ преподаваніи, такъ какъ онѣ составляютъ переходъ отъ чувственнаго къ духовному; Аристотель же ставитъ ихъ въ дѣлѣ преподаванія очень низко, потому что въ нихъ нѣтъ никакой пищи для нравственности. Аристотель не возстаетъ подобно Платону противъ поэтовъ и художниковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто они представляютъ намъ какъ бы одинъ лишь пустой призракъ вмѣсто истины и тѣмъ наносятъ вредъ юношеству и потворствуютъ многознанью; напротивъ, онъ доходитъ до психологическаго объясненія источника высшей художественной дѣятельности и понимаетъ, что ею воспроизводится не одно только внѣшнее, но также и настроеніе души, внутренняя духовность. Въ противоположность Платону Аристотель отличаетъ исторію и историческое знаніе какъ особую дисциплину для образованія ума, и даетъ наставленіе какъ легче усвоить себѣ этотъ предметъ съ помощью методическихъ пріемовъ. Какъ представитель гречества, Платонъ считаетъ отроческую любовь существеннымъ средствомъ народнаго воспитанія; Аристотель же, этотъ поборникъ мі-

ровой истины, изгоняетъ ее изъ своего государства. Наконецъ Аристотель существенно отличается отъ Платона въ отношеніи нравственнаго образованія юношества, ибо Платонъ говоритъ о добрѣ въ человѣческихъ дѣлахъ не иначе, какъ связывая съ этимъ идею добра самого по себѣ, и не думаетъ внушать добродѣтель путемъ преподаванія, потому что она есть прямо даръ небесъ тому, кто къ ней стремится; Аристотель напротивъ того предметомъ этики считаетъ лишь одну нравственность въ жизни людей, а не добро въ великомъ міровомъ значеніи, и пытается образованіе добродѣтели подвести подъ ясныя понятія разсудка. Платонъ требуетъ, чтобы человѣкъ возносился къ богамъ и крѣпко соблюдалъ то богопочитаніе, которое освящено общественными законами. У Аристотеля же сердечное богопочитаніе отходитъ на задній планъ, и миѳологія для него не что иное какъ аллегорическая оболочка. „Отъ предковъ, говоритъ онъ, подъ миѳическимъ покровомъ передано намъ, будто небо, планеты, солнце и луна суть божества, и будто бы божественное обнимаетъ собой всю природу. Все остальное лишь миѳъ, прибавленный для убѣжденія толпы, а также ради поддержанія законовъ и съ другими цѣлями. Они называютъ боговъ человѣкоподобными и приписываютъ имъ сходство съ другими живыми существами. Если все это выключить и помнить лишь то одно, что богами они считали только первичныя сущности, то ученіе это можно, пожалуй, назвать божественнымъ, и такъ какъ вѣроятно всякое искусство и всякая философія по мѣрѣ возможности часто открывались, и исчезали вновь, то надо полагать, что подобнаго рода мнѣнія сохранились какъ остатки прежнихъ художественныхъ и философскихъ предположеній. Постольку лишь и понятно намъ представленіе нашихъ отцовъ и людей исконной древности“. —

Педагогику Аристотель созидаетъ на твердой основѣ человѣкопознанія.

Человѣкъ наиболѣе одаренное чувствами существо. Съ растеніемъ и животнымъ обща ему растительная, а съ животнымъ одушевленная, ощущающая жизнь. Но животныя вполнѣ подчинены страстямъ и лишь нѣкоторыя изъ нихъ надѣлены памятью, тогда какъ человѣкъ передъ всѣми остальными существами обладаетъ разумомъ, и сверхъ того словомъ, дабы объясняться о пользѣ и вредѣ, а также чувствомъ добра и зла, правды и неправды. Способность желать безумна, когда въ алчности своей противорѣчитъ разуму, и наоборотъ, она нѣкоторымъ образомъ причастна разуму, поскольку слѣдуетъ и повинуется ему. Руководимое разумомъ желаніе Аристотель вмѣстѣ съ Платономъ называетъ волею въ тѣсномъ смыслѣ, а безумное—похотью.

Разумное въ свою очередь слѣдуетъ различать въ двоякомъ отношеніи: вопервыхъ именно какъ то, что̀ находится внѣ разума, но повинуется ему, а вовторыхъ — то, что̀ разумъ содержитъ собственно лишь въ самомъ себѣ. Соотвѣтственно такому различію добродѣтель также распадается надвое: на умственную, какъ напр. мудрость, прозорливость, разсудительность, — и нравственную, каковы щедрость и осмотрительность. Умственныя добродѣтели своимъ происхожденіемъ одолжены нравственнымъ, а развитіемъ своимъ большею частью наставленіямъ, и требуютъ для этого опыта и времени; нравственныя же напротивъ того слагаются навыкомъ. Таковы дѣятельности души; только мышленіе или разумъ не простой продуктъ низшихъ душевныхъ способностей и относится къ нимъ не какъ высшая лишь степень развитія, а напротивъ, какъ чисто интеллектуальная дѣятельность, онъ независимъ отъ тѣла и потому, какъ всеобщій разумъ,—вѣченъ и безсмертенъ. Душа это—энергія тѣла, цѣльный живой организмъ, который, порождая самъ себя, тутъ же расчленяетъ и тѣло: нельзя поэтому спрашивать, составляютъ ли душа и тѣло одно, все равно какъ не спрашиваютъ же, одно ли воскъ и его форма, вообще матерія и ея форма. Цѣль, поставляемая себѣ человѣкомъ и ему предназначенная,—блаженство, т. е. совершенная практическая дѣятельность въ совершенной жизни. Это блаженство въ сущности основано на добродѣтели, достигаемой навыкомъ въ нравственныхъ дѣйствіяхъ, подобно тому какъ навыкомъ въ музыкѣ и зодчествѣ образуется музыкантъ и зодчій. А такъ какъ каждое дѣйствіе несовершенно постольку, поскольку имъ исполняется то слишкомъ мало, то слишкомъ много, и слѣдовательно совершенство его состоитъ въ томъ, чтобы соблюдать надлежащую мѣру, середину между черезчуръ многимъ и черезчуръ малымъ: то добродѣтель и есть та настоящая середина въ дѣйствіи, — не середина сама по себѣ, но середина для насъ, такъ какъ то же самое, что достаточно для одного человѣка, еще недостаточно для другаго, и поэтому иное дѣло добродѣтель мужчины, иное — женщины, иное — ребенка и т. д. На свѣтѣ столько же разныхъ добродѣтелей, сколько житейскихъ отношеній.

Развитіе добродѣтели вообще зависитъ отъ политической (государственной) жизни. Государство предшествуетъ единичной личности, какъ цѣлое предшествуетъ части, и слѣдовательно государственная разумность и нравственность предшествуютъ единичной. Необходимо изначала должны быть въ сочетаніи между собою лица, которыя не могутъ существовать другъ безъ друга, какъ женское и мужское ради дѣторожденія; такъ же точно господинъ и

рабъ. Изъ этихъ двухъ естественныхъ обществъ (или союзовъ) слагается первый домъ; изъ нѣсколькихъ домашнихъ хозяйствъ округъ; и такимъ образомъ, возникая изъ семьи, власть главы семейства служитъ началомъ царской власти. Человѣкъ—отъ природы предназначенное къ государственной жизни живое существо; а кто отъ природы, а не по случайнымъ обстоятельствамъ, неспособенъ къ государственной жизни, тотъ либо хуже, либо лучше человѣка. Государство, это—совокупность всѣхъ союзовъ между людьми и естественное ихъ завершеніе. Цѣль государства—установленіе совершенной, самодовлѣющей, благополучной жизни семействъ и общинъ. Для поддержанія государства важнѣе всего сообразное съ законами и строемъ его воспитаніе. Всякій государственный строй долженъ сообразоваться съ современнымъ воспитаніемъ, ибо своеобразнымъ характеромъ послѣдняго обусловливается какъ начальное возникновеніе такъ и дальнѣйшее развитіе перваго. Но лучшій характеръ всегда также и источникъ лучшаго строя. Точно, такъ же и для поддержки государственнаго строя воспитаніе юношества должно сообразоваться съ характеромъ перваго. Самые мудрые законы не послужатъ ни къ чему, если сами люди путемъ навыка и воспитанія не получили отвѣчающаго государственному строю образованія. Если въ единичномъ лицѣ встрѣчается безнравственность, то она встрѣчается также и въ государствѣ. Такое отвѣчающее каждому государственному строю воспитаніе ведетъ впрочемъ не къ тому, чтобы всякій въ олигархіи или въ демократіи поступалъ такъ, какъ угодно олигархамъ или демократамъ; но къ такимъ со стороны каждаго поступкамъ, чтобы при этомъ могла существовать или олигархія или демократія. Если вообще проявленія умѣлости и искусства требуютъ нѣкоторыхъ предварительныхъ наставленій, то подвиги добродѣтели и подавно.

Вслѣдствіе одинаковаго воспитанія при сходныхъ условіяхъ не образуются еще однѣ и тѣ же добродѣтели, ибо послѣднія смотря по различію наклонностей бываютъ весьма различны, какъ то обнаруживается особенно у мужчинъ, у женщинъ, у дѣтей и у рабовъ. Рабъ отъ природы самъ не свой, принадлежитъ другому: онъ причастенъ разуму лишь настолько, чтобы быть въ состояніи внимать ему, отнюдь имъ не обладая. У женщины нетвердая натура, но какъ свободная личность она въ отношеніи къ мужу пользуется извѣстными правами и независимостью, а руководство женщиною со стороны мужчины подобно верховному правительству, при чѣмъ однакожъ правители и управляемые въ существенныхъ правахъ своихъ равны другъ съ другомъ. У ребенка незрѣлый разумъ: господ-

ство родителей надъ дѣтьми самодержавное; ибо все рождающее господствуетъ какъ въ силу своей любви, такъ и въ силу своего старѣйшинства. Однако добродѣтели различаются не только по различію людскихъ званій и половъ вообще, но также и по различію душевныхъ способностей въ единичной особи. Всегда впрочемъ и въ каждомъ изъ насъ ощущеніе должно проясняться разсудкомъ, и послѣднему надлежитъ исправлять и уряжать стремленія и порывы. Практическій разсудокъ относится къ этой гармоніи между хотѣніемъ и мышленіемъ такъ, чтобы въ замыслѣ поступка уже было вѣрное пониманіе и надлежащее вожделѣніе, тогда какъ теоретическій разсудокъ обращаетъ свою дѣятельность исключительно на заблужденіе и истину. Нравственныя добродѣтели отъ природы не врождены намъ, но и не противны нашей натурѣ, а иначе намъ невозможно было бы привыкать къ нимъ; напротивъ, у насъ естественная къ нимъ наклонность, но полной силы въ этомъ отношеніи мы достигаемъ только навыкомъ, а равно и наставленіемъ въ добродѣтеляхъ, основанныхъ на разсудкѣ. Навыкъ единственно прочная основа для всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій воспитанія, которыя хотя и совершаются большею частью путемъ ученія и преподаванія, но все-таки никогда вполнѣ не исключаютъ навыка и должны пребывать въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ послѣднимъ.

Человѣкъ дѣлается такимъ, каковъ онъ есть, при посредствѣ натуры, навыка и обученія. Навыкъ и обученіе составляютъ воспитаніе, и они всегда должны быть вмѣстѣ, но только такъ чтобы навыкъ наступалъ ранѣе всего. Обученіе имѣетъ внутреннюю цѣль, ибо благородной и свободной душѣ не подобаетъ спрашивать о пользѣ того, чему учатся. Воспитаніе должно подготовить душу къ правиламъ нравственности, подобно тому какъ подготовляютъ почву передъ посѣвомъ. Лишь тогда, когда душа наклонна къ добру, можно съ пользою приступить къ ученію о нравственномъ, и тогда лишь, когда пріобрѣтенъ добрый навыкъ, правила оказываютъ облагороживающее вліяніе. Всегда впрочемъ надлежитъ имѣть въ виду конечную цѣль природы,—разумное развитіе, и воспитаніе всегда должно быть только дополненіемъ природы.

Дабы уяснить себѣ, къ чему должно направляться воспитаніе и какими средствами пользоваться для достиженія своей цѣли, слѣдуетъ имѣть въ виду три вещи: необходимое и полезное въ жизни,—то, что ведетъ къ этической добродѣтели, и то, что сверхъ всего этого служитъ высшимъ, т. е. теоретическимъ стремленіямъ. Обучать юношество необходимому въ жизни надлежитъ впрочемъ лишь настолько, насколько занятіе этимъ подобаетъ свободному человѣку; слѣдуетъ именно избѣгать всякаго ремесла, вся-

каго наймитскаго промысла и особенно всего, что можетъ служить въ ущербъ тѣлу. Оттого и настоящими искусствами надлежитъ заниматься лишь въ виду общаго образованія, а отнюдь не доводить ихъ до виртуозности, ибо такое занятіе не достойно свободнаго человѣка. По части этическихъ добродѣтелей, дѣтей слѣдуетъ законнымъ порядкомъ пріучать особенно къ осмотрительности и умѣренности, дабы возникающее въ нихъ самообладаніе вслѣдствіе навыка утратило свою терпкую, непріятную сторону. Наконецъ, какъ къ этическому, такъ и къ теоретическому образованію служатъ извѣстныя общепринятыя образовательныя средства, а именно грамматика, гимнастика, музыка и графика. Графика и грамматика полезны въ практической жизни и ко многому примѣнимы, тогда какъ гимнастика важна какъ образовательное средство для развитія храбрости.—

Періоды воспитанія. Необходимо слѣдовать распредѣленію, указанному самою природою, такъ какъ всякому искусству и воспитанію предстоитъ лишь дополнительно развивать данное отъ природы. Природа же постановила необходимыя грани воспитанію въ двоякой степени. Первая длится отъ 7-милѣтняго возраста до юности, а вторая отъ послѣдней и до двадцати-однолѣтняго возраста; сѣмя въ человѣкѣ оказывается уже приблизительно съ 14-ти лѣтъ, но лишь около 21 года оно становится оплодотворяющимъ.

По настоящему воспитаніе начинается уже до рожденія. Ибо такъ какъ прежде всего слѣдуетъ печься о томъ, чтобы подлежащіе воспитанію обладали по возможности совершеннымъ тѣломъ, то съ самаго начала предстоитъ озаботиться о бракѣ и рѣшить, какого свойства и въ какомъ возрастѣ должны быть желающіе сочетаться бракомъ, дабы они старѣлись въ одномъ и томъ же отношеніи, и силы ихъ согласовались другъ съ другомъ, такъ чтобы мужу, еще способному производить дѣтей, не пришлось жить съ женою, неспособною болѣе рожать, или наоборотъ. А такъ какъ относительно дѣторожденія крайнимъ предѣломъ въ среднемъ выводѣ значится для мужа 70-тилѣтній, а для жены 50-ти лѣтній возрастъ: то бракъ слѣдуетъ допускать лишь между такими, которые почти равно удалены отъ этихъ предѣловъ. Сверхъ того обѣ стороны вообще не должны вступать въ бракъ слишкомъ рано, ибо во всѣхъ породахъ животныхъ роды слишкомъ молодыхъ особей бываютъ несовершенны, самки большею частью выходятъ малорослыя; а съ другой стороны дѣти слишкомъ старыхъ тѣломъ и душой родителей также бываютъ несовершенны и слабы. Итакъ пригодный для приплода возрастъ должно ограничить временемъ, когда разсудокъ достигъ высшаго своего развитія: у большей части людей это бываетъ на пятидесятомъ году отъ роду. Притомъ, какъ для

хорошаго исполненія гражданскихъ и государственныхъ дѣлъ или для добраго здоровья, такъ точно и для дѣторожденія оказывается полезнымъ сложеніе не атлетовъ, да и не людей, обладающихъ черезчуръ зависящимъ отъ врачебнаго ухода и слишкомъ отвыкшимъ отъ трудовъ тѣломъ, но лишь занимающее середину между тѣмъ и другимъ.—Беременныя женщины должны радѣть о своемъ тѣлѣ, питаясь не скудною пищею и не предаваясь лѣнивому покою. Душу же, напротивъ того, беременныя должны держать въ болѣе покойномъ состояніи, нежели тѣло; ибо неопровержимо то, что мать оказываетъ на зародышъ, который отъ самаго зачатія подлежитъ непрерывному, хотя и во снѣ совершающемуся росту, такое же вліяніе, какъ и почва на растенія.

Когда дитя родилось, надобно установить закономъ, чтобы не взрощался ни одинъ страдающій природнымъ недостаткомъ младенецъ. Если въ отношеніи количества дѣтей наличныя привычки и обычаи извѣстнымъ родителямъ разрѣшаютъ только опредѣленное число потомства, то новорожденнаго (хотя бы онъ былъ и лишній) подкидывать не должно; напротивъ, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ положить предѣлъ дѣторожденію; и если бъ не смотря на то между супругами случилось, что жена, имѣющая уже узаконенное число дѣтей, забеременѣла, то должно вытравить плодъ прежде чѣмъ у него явится ощущеніе и жизненность; ибо лишь съ проявленіемъ жизни и ощущенія плода рѣшаютъ, какъ по закону и совѣсти поступить съ нимъ. А впрочемъ успѣшность и обиліе приплода также принадлежатъ къ благополучію единичной личности. Ибо родители любятъ дѣтей какъ часть своего собственнаго существа, а дѣти наоборотъ родителей—какъ виновниковъ ихъ бытія. Однако любовь родителей къ дѣтямъ еще сильнѣе любви послѣднихъ къ первымъ, ибо не только представленіе родителей о томъ, что рожденныя существа происходятъ отъ нихъ, гораздо живѣе, но также много способствуютъ этому воспоминанія и надежды родителей, да сверхъ того и болѣе долгій срокъ времени, такъ какъ родители начинаютъ любить дѣтей со дня ихъ рожденія, послѣднія же первыхъ только тогда, когда достигнутъ самосознанія и смысла. Особенно матери питаютъ къ дѣтямъ столь сильную привязанность, что желаютъ бытія и жизни дѣтей ради нихъ самихъ, а не ради себя, и принимаютъ участіе во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ ребенка: онѣ служатъ доказательствомъ, что возможна отрада исключительно въ самой любви, хотя бы и лишенной взаимности; да дѣти милѣе имъ нежели отцамъ и потому уже, что матерямъ стóило болѣе произвести ихъ на свѣтъ божій. Связь между отцомъ и дѣтьми представляетъ подобіе царскаго правленія, ибо отцу такъ же близко счастіе его дѣтей, какъ царю благо его подданныхъ. Но отцовская власть отличается отъ

царской еще великостью благодѣяній, ибо отецъ виновникъ бытія, драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ благъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ кормилецъ и воспитатель дитяти. Попеченіе родителей о своихъ дѣтяхъ не только долгъ, возложенный на нихъ природою, но также и выгода для нихъ. Ибо то, что родители, пока они въ силахъ, оказываютъ безпомощнымъ еще дѣтямъ, воздается имъ послѣдними, когда они будутъ въ состояніи помочь, а тѣ на старости лѣтъ будутъ нуждаться въ помощи. Итакъ главная обязанность дѣтей состоитъ кажется въ томъ, чтобы, уплачивая свой долгъ, доставить родителямъ содержаніе; а печься такимъ образомъ о виновникахъ своего бытія, лучше, чѣмъ заботиться лишь о своемъ личномъ пропитаніи. Сверхъ того, мы какъ родителямъ такъ и богамъ обязаны оказывать почтеніе, хотя воздаваемыми имъ почестями никто не можетъ вознаградить ихъ въ той же мѣрѣ за полученныя отъ нихъ благодѣянія. Какъ родители, такъ и учителя и подавно не могутъ быть вознаграждены деньгами и почетомъ.

Пока дитя покоилось во чревѣ матери, жизнь его была вполнѣ сходна съ жизнью растенія. Но въ первые же дни по рожденіи душа его уже отличается отъ души животныхъ тѣмъ, что въ ней обнаруживаются задатки будущихъ высокихъ способностей, хотя впрочемъ новорожденные и дѣти въ первые годы вообще не видятъ даже сновъ. Подобно животнымъ стремятся они къ наслажденію и хотя впослѣдствіи пріобрѣтаютъ извѣстнаго рода соображеніе, но оно все-таки еще далеко не развито. Гнѣвъ, вожделѣніе и прихоти сначала преобладаютъ; болѣе совершенный смыслъ и разсудокъ развиваются лишь въ позднѣйшія лѣта. Даже добровольные поступки дѣтей, подобно тому какъ и у животныхъ, лишены настоящаго преднамѣренія. Поэтому они могутъ быть добродѣтельны не сами по себѣ, а только по отношенію къ ихъ достигшему уже совершенства руководителю и наставнику. Эти руководители и наставники должны печься о томъ, чтобы дѣти, послѣ рожденія, получали молочную пищу, съ устраненіемъ притомъ вина. Необходимы также тѣлесныя движенія и пріученіе къ холоду, насколько то сообразно съ возрастомъ: ибо ко всему, что можетъ быть развито привычкою, лучше всего пріучать съ самаго рожденія, и постепенно все болѣе и болѣе. Въ слѣдующемъ затѣмъ возрастѣ до пяти лѣтъ—въ продолженіе котораго полезно не утруждать дѣтей ни ученіемъ, ни тяжелою работой, оттого что этимъ задерживается ихъ ростъ—они все-таки должны пользоваться движеніемъ настолько, чтобы не предаваться бездѣятельности; и движеніе это можно доставлять имъ посредствомъ игръ и другихъ занятій. Игры большею частью должны быть подражаніями тому, что впослѣдствіи будетъ производиться серьёзно. Точно также слѣдуетъ обращать вни-

маніе на повѣсти и сказки, какія приходится слушать этому возрасту. И какъ законодатель вообще обязанъ изгонять изъ государства нравственно безобразныя рѣчи, потому что вслѣдъ за возможностью говорить что либо безобразное наступаетъ такое же и дѣйствіе; точно такъ изъ среды юношества слѣдуетъ удалять все тому подобное, дабы оно ни говорило, ни слышало ничего въ этомъ родѣ. Поэтому надлежитъ также сколько можно удалять дѣтей отъ рабскаго сообщества, дабы они, какъ бы ни были малы, не видѣли и не слышали ничего непристойнаго для свободнаго человѣка: подражаніе съ измала прирождено намъ, и человѣкъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ существъ тѣмъ, что онъ самое переимчивое изъ животныхъ. Но запрещая нравственно безобразныя рѣчи, мы, само собою разумѣется, изгоняемъ также знакомства съ развращающими картинами и такими же сочиненіями; и начальству надлежитъ озаботиться тѣмъ, чтобы ни одна статуя, ни одна картина не представляли подобныхъ видовъ. И какъ съ одной стороны слѣдуетъ удалять отъ дѣтей все предосудительное и позорное; такъ съ другой стороны теперь и впослѣдствіи необходимо руководить ихъ, да радуются они тѣмъ, что̀ въ согласіи съ добродѣтелью должно возбуждать радость, и наоборотъ скорбѣли бы также въ надлежащемъ случаѣ, ибо обратившійся въ привычку аффектъ, не легко уже устраняется, а истинная радость неразлучна съ добродѣтелью.—По истеченіи пятилѣтняго возраста дѣти въ наступившіе затѣмъ два года должны присматриваться и прислушиваться къ тому, что̀ впослѣдствіи придется имъ изучать. Однако въ обращеніи съ дѣтьми вообще необходимо также принять въ расчетъ естественное различіе половъ, ибо женщина, особенно въ отношеніи добродѣтелей, слабѣе, и по своей робости она скорѣе предназначена для охраны или бережи, а мужчина сильнѣе и по своей храбрости онъ предназначенъ для отпора. Женщина поэтому должна усвоить себѣ въ особенности красоту и рослость тѣла, а въ отношеніи къ душѣ — умѣренность и трудолюбіе безъ низости.

Съ семилѣтняго возраста начинается настоящее обученіе. Съ этой поры и до юности занимаются ученіемъ и тѣлесными упражненіями; потомъ въ теченіе 3-хъ слѣдующихъ лѣтъ только музыкальнымъ и научнымъ образованіемъ; затѣмъ до 21-го года трудными упражненіями и извѣстною діэтой, отчасти для того, чтобы предотвратить заблужденія половыхъ побудовъ, отчасти чтобы закалить юношей для войны и для иныхъ тѣлесныхъ напряженій.

Задача какъ обученія, такъ и воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы изъ дѣтей, какъ несовершенныхъ существъ, образовать совершенныхъ граж-

данъ, потому что имъ придется впослѣдствіи принять участіе въ гражданскомъ обществѣ, а государство безъ образованія единичныхъ личностей не можетъ исполнить своего назначенія. Цѣль воспитанія образовать дѣтей и вообще всѣ нуждающіеся въ воспитаніи возрасты такъ, чтобы они были способны ко всему, болѣе же всего къ прекрасному,—жить среди войны, заниматься мирными дѣлами, наслаждаться досугомъ и дѣлать все, что необходимо и полезно. Такое образованіе въ благоустроенномъ государствѣ должно быть доступно для всѣхъ, ибо всѣмъ предстоитъ одна общая цѣль, стать гражданами. Оно должно притомъ исходить отъ правительства, а не отъ единичнаго лица, и преподаваніе общихъ учебныхъ предметовъ должно быть также обще, ибо каждый изъ гражданъ составляетъ часть государства, и естественно, чтобы забота объ единичномъ и частномъ подчинялась цѣлому.

Соотвѣтственно различію человѣческой души и опирающихся на томъ добродѣтелей, воспитаніе должно быть интеллектуально и идти путемъ обученія и нравственнаго навыка.

А. Интеллектуальное воспитаніе. Такъ какъ всѣ способности частью врождены, напр. чувственная воспріимчивость, частью пріобрѣтены навыкомъ, какъ игра на флейтѣ, частью добыты изученіемъ, какъ искусства: то навыкомъ и умомъ пріобрѣтаемыя способности необходимо будутъ достояніемъ тѣхъ, кто и прежде былъ дѣятеленъ; для врожденныхъ же способностей наоборотъ не требуется никакой предшествовавшей дѣятельности. Итакъ учёба есть движеніе и какъ таковое она несовершенна; ибо нельзя же въ одно и то же врёмя учиться и быть уже обучену, или наставлять и быть наставляему; напротивъ, поучаемое и поучающее непремѣнно различно. Но учиться, какъ и удивляться чему либо въ большей части случаевъ пріятно; ибо подобно тому какъ въ удивленіи заключается желаніе познать, отчего то, что возбудитъ удивленіе, становится предметомъ вожделѣнья, такъ точно и учеба переводитъ въ естественное состояніе дѣятельности. Особенно же учиться легкимъ способомъ каждому отъ природы пріятно, и эта отрада въ ученіи, преимущественно въ легкомъ, заключается въ истинѣ согласованія между двумя разными предметами, между слѣпкомъ и его первообразомъ, ибо связанное съ этимъ упражненіе ума доставляетъ намъ высшее наслажденіе. Изученіе обусловливается навыкомъ: какъ сильна власть навыка, видно изъ законовъ, въ которыхъ по отношенію къ баснословной и ребяческой ихъ сторонѣ навыкъ имѣетъ больше власти, нежели знаніе вещей. Есть также разница между методомъ, который выводитъ изслѣдованья отъ началъ, и

такимъ, который возводитъ ихъ къ началамъ. И въ самомъ дѣлѣ, при всякомъ изслѣдованіи надлежитъ исходить отъ извѣстныхъ уже истинъ; а послѣднія двоякаго рода: онѣ либо всеобщія умственныя понятія, либо факты нашего индивидуальнаго опыта.

Такъ какъ тѣло надлежитъ образовать прежде души, потому что душевное образованіе основано на тѣлесномъ; то прежде всего разумѣется слѣдуетъ обучать юношество гимнастикѣ и педотрибикѣ, ибо первая надѣляетъ тѣло извѣстными качествами—здоровьемъ и красотою,—а вторая дѣлаетъ его способнымъ для дѣятельности на гражданскомъ поприщѣ и на войнѣ. При этомъ нечего домогаться, чтобы тѣло достигло атлетическаго сложенія, ибо какъ у животныхъ, такъ и у народовъ храбрость бываетъ спутницею не самыхъ дикихъ, а напротивъ благоразумныхъ и львиноподобныхъ характеровъ. Награда побѣдителя подобаетъ прекрасному, а не звѣрски дикому человѣку. Гимнастическія упражненія необходимы, такъ какъ они способствуютъ здоровью, силѣ и мужественной отвагѣ. Что касается до мѣры, то излишнія упражненія ослабляютъ тѣло точно такъ же какъ и недостаточныя.—Касательно свойствъ ихъ всѣ также согласны. До юношескаго возраста надлежитъ заниматься лишь болѣе легкими упражненіями, удаляя при томъ насильственную діэту и сильныя напряженія, дабы не препятствовать росту. Когда три ближайшіе года употребляются для изученія остальныхъ предметовъ, то было бы полезно пріучать слѣдующій затѣмъ возрастъ даже къ болѣе труднымъ занятіямъ и къ сходной съ атлетическою насильственной діэтѣ. Ибо напряженно работать въ одно и то же время умомъ и тѣломъ вредно, оттого что каждое изъ таковыхъ усилій неминуемо производитъ противоположное дѣйствіе: напряженіе тѣла мѣшаетъ уму, а напряженіе ума тѣлу. Примѣняемыя надлежащимъ образомъ тѣлесныя упражненія придаютъ красоту тѣлу, а красота юноши состоитъ въ томъ, что тѣло его способно къ напряженіямъ какъ въ бѣгѣ, такъ и въ борьбѣ, и въ то же время производитъ пріятное впечатлѣніе на зрителя. Впрочемъ красота въ каждомъ возрастѣ проявляется иначе: такъ въ зрѣломъ мужѣ способность къ боевымъ напряженіямъ и пріятная наружность соединяются съ грознымъ видомъ; старики напротивъ того отличаются стойкостью въ неизбѣжныхъ усиліяхъ, не слабѣя, если только человѣку не приходится страдать отъ старческихъ недуговъ. Гимнастическія отличія тѣла состоятъ въ ростѣ, силѣ и проворствѣ.—Учитель гимнастики обязанъ изслѣдовать, какого рода тѣлесныя упражненія пригодны извѣстному тѣлу и также, какой родъ тѣлесныхъ упражненій наилучшій самъ по себѣ; его-то и слѣдуетъ примѣнить къ прекрасно

сложеннымъ и отлично выдержаннымъ и выхоленнымъ тѣламъ. Онъ обязанъ также знать, какая изъ гимнастикъ болѣе всего пригодна для большей части тѣлъ вообще.—Гимназіи для разныхъ возрастовъ должны быть отдѣлены другъ отъ друга. Назначенныя для старшаго возраста лучше всего устроить на площади, гдѣ не бываетъ продажныхъ товаровъ и гдѣ не смѣетъ показываться ни крестьянинъ, ни ремесленникъ иначе, какъ по вызову магистрата. При гимназіяхъ, гдѣ упражняются молодые люди, обязаны жить нѣкоторые изъ членовъ магистрата, а тѣ, которыя назначены для старшаго возраста, должны находиться вблизи жилищъ магистратскихъ членовъ. Ибо присутствіе такихъ мужей болѣе всего пробуждаетъ истинную стыдливость и то чувство страха, какое подобаетъ свободному.

a) **Музыка.** Искусства бываютъ 3 родовъ: подражающія посредствомъ красокъ и образовъ, посредствомъ голоса и слова, посредствомъ гармоніи и ритма. Изо всѣхъ искусствъ высшее мѣсто занимаютъ тѣ, которыя изображаютъ воспріемлемое слухомъ, потому что они имѣютъ попреимуществу этическій характеръ и служатъ непосредственнымъ выраженіемъ внутренней задушевной жизни, и потому что ритмы и мелодіи представляютъ дѣйствительное сходство съ душевными настроеніями и волненіями, съ гнѣвомъ и кротостью, съ храбростью и осмотрительностью. Существуетъ, какъ кажется, сродство души съ гармоніями и ритмами: оттого то многіе утверждаютъ, что сама душа—гармонія, или же, что гармонія заложена въ ней исперва. **Музыка наиболѣе совершенное подражательное искусство**, потому что она представляетъ душѣ не только внутренній духовный міръ, но даже и внѣшнія дѣйствія въ самой живой передачѣ. А такъ какъ мы сами по природѣ находимъ отраду въ естественномъ движеніи, то всѣмъ намъ нравятся ритмъ, мелодія и симфонія. Ритмъ услаждаетъ насъ, потому что въ немъ есть всякому знакомыя и правилами установленныя отношенія и притомъ онъ правильно же движетъ (подмываетъ) и насъ самихъ. Предки наши причисляли музыку къ общественному воспитанію какъ прекрасное занятіе, приличное для свободныхъ въ часы досуга. Но она заключаетъ въ себѣ еще ту пользу, что сообщаетъ характеру, какъ гимнастика тѣлу, извѣстное качество и пріучаетъ насъ услаждаться надлежащимъ образомъ. Поэтому необходимо влiять на молодежь посредствомъ музыки и обучать ей,—такое обученіе по самой природѣ свойственно для этого возраста. Вѣдь молодые люди неохотно останавливаются на предметахъ непривлекательныхъ; но въ музыкѣ по самому существу ея заключается много привлекательнаго. Преподаваніе музыки надлежитъ конечно вести лишь настолько, насколько необходимо для того чтобы ощущать удовольствіе въ прекрасныхъ мелоді-

яхъ и ритмахъ. Потому слѣдуетъ употреблять въ дѣло не флейту, ни иные инструменты музыкальнаго состязанія, въ родѣ киѳары, а только такіе, при помощи которыхъ развивается вѣрное пониманіе музыки и другихъ учебныхъ предметовъ. Флейта отнюдь неспособна возбудить въ душѣ нравственное настроеніе, напротивъ она приводитъ насъ въ вакхическій восторгъ, такъ что употребленіе ея слѣдуетъ приберечь для такихъ случаевъ, когда при общественныхъ зрѣлищахъ имѣется въ виду болѣе очищеніе (просвѣтленіе) страстей, нежели поученіе. Притомъ въ игрѣ на флейтѣ цѣлямъ обученія противорѣчитъ уже то, что она не допускаетъ акомпанимента пѣніемъ, вслѣдствіе чего предки по всей справедливости и отвергли ее для юношей и для свободныхъ. Итакъ слѣдуетъ устранять собственно художническое преподаваніе какъ игры на инструментахъ, такъ точно и занятій музыкою; художническимъ же мы называемъ такое, которое требуется для того, чтобы участвовать въ общественныхъ состязаніяхъ, а это прилично отнюдь не свободному человѣку, но однимъ лишь наемникамъ.

Мы принимаемъ то раздѣленіе пѣсенъ, какое уже сдѣлано нѣкоторыми философами, а именно на нравственно образовательныя и на возбуждающія и одушевляющія къ подвигамъ, съ чѣмъ сообразуются также и гармоніи смотря по природѣ каждой изъ нихъ. Мы утверждаемъ сверхъ того, что музыкой надлежитъ пользоваться не ради только одной какой либо выгоды, но ради многихъ: для образованія, для очищенія страстей, для благородныхъ бесѣдъ, для успокоенія и отдыха отъ усиленныхъ занятій. Изъ этого слѣдуетъ, что надо пользоваться всѣми вообще гармоніями, но не всѣми одинакимъ образомъ: для образованія — однѣми лишь наиболѣе нравственными, а напротивъ того для простого слушанія, когда воспроизводятся онѣ кѣмъ либо стороннимъ,—возбуждающими и одушевляющими къ подвигамъ. Итакъ при обученіи должно пользоваться этическими мелодіями и такими же гармоніями. Для этого особенно пригоденъ дорійскій ладъ, такъ какъ онъ всѣхъ тверже, попреимуществу одаренъ мужественнымъ характеромъ и помимо того уже занимаетъ середину между остальными ладами. При этомъ, само собою разумѣется, надо принимать въ соображеніе не только пристойное, но также и возможное. Ибо какъ напр. пожилымъ людямъ не легко пѣть болѣе напряженныя гармоніи, но самой природой уже предназначены имъ болѣе нѣжныя, такъ точно и для отроковъ избирается лидійскій ладъ. Отсюда с л ѣ д у е т ъ, что при о б у ч е н і и юношества, особенно при м у з ы к а л ь н о м ъ, необходимо соблюдать три главныхъ условія: середину, возможность и пристойность.

в) Грамматика и реторика. Грамматика полезна для промышленности, хозяйства и для многихъ гражданскихъ дѣлъ.

Но не слѣдуетъ изучать ее ради однѣхъ этихъ выгодъ, а напротивъ, также ради того, что она служитъ основою для многихъ другихъ знаній. Грамматика имѣетъ дѣло съ языкомъ, а такъ какъ понятія и представленія и то, что ими изображается, вездѣ одинаковы, но обозначеніе и слова различны, то внѣшнее разнообразіе можно свести къ внутреннему тождеству, и по языку, какъ по разнородному способу выраженія, выводить заключеніе о внутреннемъ единствѣ рѣчи и словъ. Къ грамматикѣ примыкаетъ реторика,—искусство въ каждомъ предметѣ разсмотрѣть то, что̀ убѣдительно, и при помощи общепонятныхъ предложеній доводить этимъ до убѣжденія слушателей въ народныхъ собраніяхъ. Рѣчь бываетъ совѣщательная, судебная и доказательная; въ составъ совѣщательной рѣчи входятъ финансы, война и миръ, охрана страны, ввозъ и отпускъ и законодательство, для чего необходимо знаніе исторіи, особенно исторіи войнъ и родного края, сверхъ того также знакомство съ законодательствомъ. Но для того чтобы осилить такое множество предметовъ и искусствъ, какое требуется именно отъ оратора, полезна мнемоника, связанная съ двоякою дѣятельностью, — съ пріимчивою памятью и съ воспроизводящимъ воспоминаніемъ, такъ что процессъ совершается и облегчается двоякою силою, — установкою извѣстной топики и сочетаніемъ ея съ живымъ, легко обозримымъ предметнымъ міромъ.

Дабы изучить грамматику, необходимо молодежи преимущественно читать поэтовъ. Ибо послѣдніе представляютъ событія такъ, какъ бы они могли совершиться извѣстнымъ образомъ. Потому-то поэты отличаются отъ историковъ не стихотворною рѣчью, которою они выражаются, а напротивъ тѣмъ, что историкъ изображаетъ совершившееся, поэтъ же представляетъ событія, какъ бы они при извѣстныхъ условіяхъ могли совершиться. Оттого-то поэзія болѣе философична и строго-созерцательна, нежели исторія. Что же касается декламаціи въ поэзіи и также въ реторикѣ, то здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на три вещи: на силу, гармонію и ритмъ. Люди, усвоившіе себѣ силу, гармонію и ритмъ, одерживаютъ обыкновенно побѣду. Такъ какъ притомъ все реторическое наставленіе обращено къ призрачному, то объ немъ слѣдуетъ печься не какъ о правомѣрномъ, но лишь какъ о необходимомъ предметѣ, именно въ виду плоховатости слушателей.

c) Графика. Графика, или рисовальное искусство, кажется полезна для того, чтобы умѣть вѣрно судить о произведеніяхъ художниковъ, и молодежь обучается этому не только ради непосредственно практической пользы, но болѣе потому что искусствомъ этимъ образуется и изо-

щряется чутье тѣлесной красоты. Добиваться во всемъ только полезнаго отнюдь не прилично высокимъ, благороднымъ натурамъ. Хотя нравственное вліяніе графики никогда не можетъ быть столь благотворнымъ, какъ музыки, но все таки никакъ не все равно, на какія картины и статуи обращаются взоры молодежи. Ей не слѣдуетъ показывать непристойныхъ картинъ и статуй. Она поэтому должна созерцать художественныя произведенія не Павсона, а Полигнота или другого живописца и ваятеля, изображающихъ нравственно прекрасное, ибо Полигнотъ представлялъ людей лучшими, чѣмъ они бываютъ въ обыденной жизни, Павсонъ же напротивъ худшими, а Діонисій соотвѣтственными дѣйствительности.

д) Науки. Въ искусствахъ и даже въ ремеслахъ, какъ напр. въ плотничномъ и сапожномъ, всегда принимается въ соображеніе, лучше или хуже какая-либо вещь; математика напротивъ того вовсе не обращаетъ вниманія ни на добро, ни на худо, потому что добра самого по себѣ въ неподвижномъ нѣтъ, а всякое дѣйствіе связано съ движеньемъ. Притомъ въ дѣйствительности не существуетъ ни такихъ прямыхъ, ни такихъ окружностей, какъ ихъ принимаетъ геометръ, и математика не обращаетъ особеннаго вниманія на прекрасное, даже вовсе его не опредѣляетъ. Однакожъ прекрасное содержится въ самихъ предметахъ и во внутреннихъ соотношеніяхъ, такъ что математика представляетъ превосходнѣйшіе роды прекраснаго — порядокъ, равномѣрность и все само въ себѣ ограниченное. Впрочемъ молодые люди могутъ быть хорошими геометрами и математиками именно потому, что для этого не требуется никакого опыта, вовсе не какъ отъ мудрецовъ: математика вѣдь пользуется отвлеченными только понятіями, извѣстное постиженіе которыхъ скорѣе доступно для молодежи.

Діалектика учитъ, какъ о любомъ предложенномъ вопросѣ выводить согласныя съ даннымъ мнѣніемъ слѣдствія и заключенія, не впадая притомъ въ противорѣчіе. Она полезна въ трехъ отношеніяхъ: для упражненія собственнаго ума, для сношеній съ другими, ради того чтобы убѣдить ихъ, и для изученія философскихъ наукъ, дабы легче отличать истину отъ лжи. Она пролагаетъ путь къ высшему умозрѣнію и способствуетъ къ уразумѣнію началъ всякой науки. Благодаря тому, что она вникаетъ во взгляды другихъ лицъ, разбираетъ разныя стороны предмета и обнаруживаетъ въ немъ противорѣчія, она составляетъ переходъ отъ низшаго познанія къ высшему. Діалектика, изслѣдуя и провѣряя все, способна обнаружить скрытыя затрудненія, подтвердить свое собственное мнѣніе и путемъ опроверженій доказать истину. Къ самой же

истинѣ ведутъ пять разныхъ дорогъ: искусство, наука, благорамуміе, мудрость и мышленіе.

Философія служитъ средствомъ для высшаго человѣчно-политическаго образованія и для благополучія. Мы полагаемъ, что мудрецъ долженъ по возможности знать все, не обладая свѣдѣніями о томъ въ частности. Мы считаемъ затѣмъ мудрымъ того, кто въ состояніи познать трудное и нелегко познаваемое человѣкомъ; чувственное же воспріятіе обще всѣмъ, а потому оно легко и нисколько не мудро. Мы наконецъ того мнѣнія, что человѣкъ тѣмъ болѣе мудръ въ каждой изъ наукъ, чѣмъ онъ точнѣе и чѣмъ способнѣе указывать причины, и что изъ наукъ болѣе мудрости въ той, которая изучается ради самой себя и ради знанія, а не ради одного только выгоднаго успѣха, и которая господствуетъ, а не подчиняется, ибо мудрецъ долженъ господствовать, а не подчиняться, и ему долженъ повиноваться менѣе мудрый, а не онъ послѣднему. Эти свойства присущи тому, кто наиболѣе обладаетъ общею наукою, тою наукою, которая занимается отдаленнѣйшимъ отъ чувственныхъ воспріятій первоначаломъ, которая разсматриваетъ причины и домогается знанія ради него самого. Самая властная изъ наукъ наконецъ, и властная болѣе всякой служебной та, которая познаетъ отчего что-либо должно совершиться, а это и есть самое добро въ каждомъ существѣ, вообще это лучшее во всей природѣ.

Такъ какъ политическая наука выше всѣхъ практическихъ наукъ постольку, поскольку она имѣетъ цѣлью высшее добро, благополучіе: то она и не можетъ быть предметомъ изученія для молодежи. Вѣдь послѣдняя еще неопытна въ дѣлахъ жизни, а политическая наука беретъ ихъ своимъ исходнымъ началомъ и производитъ надъ ними свои изслѣдованія. Такъ какъ юноши сверхъ того подлежатъ господству страстей, то они тщетно и безъ пользы внимали бы ученіямъ сказанной науки, потому именно что конечная цѣль ея состоитъ не въ познаніи, а въ исполненіи на дѣлѣ. Самыя изслѣдованья при этомъ должны конечно начаться съ извѣстныхъ намъ положеній, и потому, кто хочетъ надлежащимъ образомъ понять ученіе о добродѣтели и правѣ, однимъ словомъ о предметахъ политической науки, тотъ прежде всего долженъ обладать нравственнымъ образованіемъ. Здѣсь нравственный складъ и составляетъ вѣдь начало знанія.

B. Нравственное воспитаніе. Безъ нравственнаго образованія человѣкъ — самое зловредное и необузданное изъ всѣхъ существъ, ибо при своей безнравственности онъ отъ природы обладаетъ орудіями духа и ума, и можетъ злоупотреблять ими какъ разъ для противоположнаго. Потому-то нравственное воспитаніе край-

не важно. Оно облегчается тѣмъ, что можетъ быть примкнуто къ разуму въ человѣкѣ. Единственное руководящее начало истины и добра заключается въ сужденіи благоодареннаго человѣка, ибо человѣкъ вообще ни на чемъ иномъ не можетъ провѣрить и испытать себя какъ на человѣкѣ же. Разборами и умозаключеніями ничего нельзя рѣшить на словахъ касательно сущности добродѣтели и ея первоисточника: добродѣтели съ ихъ законами вытекаютъ сами изъ себя, и всѣ онѣ, какъ порознь, такъ и въ совокупности, относятся къ свойственному человѣку особенному чувству и ему же свойственному особому непосредственному побуду. Природа дала намъ непосредственное вѣдѣніе и совѣсть, по которымъ мы въ тайникѣ души своей спервоначала непосредственнымъ и рѣшительнымъ *да*, либо *нѣтъ*, помимо всякихъ иныхъ доводовъ, рѣшаемъ касательно бытія и небытія, касательно своихъ дѣйствій и попущеній. — Добродѣтели дѣлятся на умственныя, какъ то пониманіе, благоразуміе, остроуміе, мудрость, быстрота соображенія, память и пр., и на нравственныя въ тѣсномъ смыслѣ, каковы щедрость, умѣренность, справедливость, храбрость и пр. Первыя составляютъ предметъ преподаванія и изученія; отъ преподаванія берутъ онѣ свое начало и при помощи его развиваются: потому-то онѣ и нуждаются въ опытѣ и во времени. Нравственная же добродѣтель достигается навыкомъ. Оттого нравъ и привычка, нравственное и обычное немного лишь отличаются другъ отъ друга. Вслѣдствіе справедливыхъ поступковъ люди дѣлаются справедливыми, вслѣдствіе поступковъ умѣренности умѣренными, вслѣдствіе поступковъ храбрости храбрыми. Тожественные поступки родятъ тожественныя способности. Итакъ для того чтобы пріобрѣсть добрыя способности, слѣдуетъ привыкать къ добрымъ поступкамъ; ибо первыя окажутся добрыми или зловредными, смотря по тому, каковы послѣдніе. Поэтому къ чему именно человѣкъ привыкаетъ уже смолоду, отъ этого зависитъ не малое, а напротивъ очень многое, чуть ли не все. Слѣдовательно добродѣтель не аффектъ и не способность, ибо аффекты непроизвольны: она устойчивое состояніе, которое всегда преднамѣренно стремится къ истинной серединѣ, потому что какъ чрезмѣрность, такъ и недостатокъ нарушаютъ благосостояніе и благоденствіе. Но такое устойчивое состояніе возникаетъ вслѣдствіе однородныхъ поступковъ: въ этомъ-то навыкъ и способствуетъ нравственности. Итакъ если добродѣтель есть разумное, навыкомъ упроченное состояніе, въ то же время непротиворѣчащее природѣ, то, какъ оказывается, необходимы три условія для того чтобы сдѣлать насъ добрыми людьми: природная наклонность, навыкъ или обычай и наставленіе. Добродѣтель, такимъ образомъ, въ сущности слагается

изъ природной наклонности, навыка и умственнаго образованія. Природная наклонность есть нѣчто данное; остальное подлежитъ воспитанію. Однако нѣкоторые люди отъ природы до того безразсудны и безчувственны, что живутъ только ощущеніемъ, вполнѣ животною жизнью, какъ наприм. нѣкоторыя племена дальнихъ варваровъ.

Для нравственнаго воспитанія дѣтей слѣдуетъ пуще всего избѣгать, чтобы они не слышали и не видѣли ничего недостойнаго свободнаго человѣка, и законодатель обязанъ преслѣдовать болѣе всего позорныя рѣчи, ибо онѣ ведутъ къ подобнымъ же поступкамъ. Точно такъ же слѣдуетъ удалять юношество отъ непристойныхъ картинъ и зрѣлищъ и лишь пожилыхъ людей допускать до такого богослуженія, которымъ нарушаются общія понятія о пристойности и приличіи. Лишь въ томъ возрастѣ, когда юношамъ дозволяется возлежать за пиршествомъ и участвовать въ слѣдующей за нимъ попойкѣ, могутъ они посѣщать комедіи и фарсы, ибо въ такомъ случаѣ, благодаря полученному воспитанію, они предохранены отъ всякаго могущаго возникнуть изъ того вреда. Добродѣтели же, къ которымъ въ особенности слѣдуетъ пріучать юношество, суть храбрость и умѣренность, какъ тѣлесная, такъ и душевная, чѣмъ предотвращется противоположный имъ порокъ, необузданность. Если не сдерживать въ границахъ юношескую неумѣренность, то она распространяется все далѣе, ибо стремленію къ удовольствіямъ нѣтъ предѣловъ, и оно отовсюду охватываетъ безразсуднаго. Въ пору юности мы по существу своему алчны, и въ такомъ состояніи, что приводимъ въ исполненіе все, чего жаждемъ. А изъ чувственныхъ вожделѣній мы сильнѣе всего предаемся половому побужденію и невоздержны въ немъ. Что касается дѣвочекъ, то онѣ требуютъ особаго надзора во время мѣсячнаго очищенія, потому что съ наступленіемъ этого періода онѣ ощущаютъ самое сильное влеченіе къ любви. Если же въ эту пору онѣ черезчуръ возбудятъ свое тѣло, то такое возбужденіе переходитъ также и въ зрѣлый ихъ возрастъ, и онѣ становятся все сладострастнѣе; то же самое бываетъ и съ юношами, если не оберегать ихъ. Главнымъ средствомъ противъ невоздержности служитъ надлежащее образованіе и воспитаніе, ибо безъ нихъ могутъ извратиться даже лучшія наклонности человѣка, какъ напр. щедрость перейдетъ въ расточительность, великодушіе въ суетность и т. п. Юношескому возрасту свойственна стыдливость,—это скорѣе аффектъ, чѣмъ способность. Она тѣмъ болѣе необходима въ юности, что послѣдняя, обуреваясь страстями, нерѣдко предается распутству, но благодаря стыдливости все-таки воздерживается отъ этого.—Послушаніе—необходимое свойство юности, ибо ничѣмъ неограниченная свобода ведетъ къ тому, что разумъ не въ силахъ бываетъ преодолѣть присущую каждому наклонность къ худу. Кто долженъ вла-

ствовать, тому слѣдуетъ напередъ навыкнуть къ повиновенію. Поэтому бездоказательные приговоры опытныхъ, старшихъ и разумныхъ людей надобно столько же уважать, какъ и самые доводы.—Дружба также добродѣтель или спутница добродѣтели. Она сверхъ того высшая потребность жизни, ибо никому не было бы пріятно жить безъ друзей, даже при обладаніи всѣми иными благами, если онъ послѣднія не могъ бы употребить на благодѣянія, и потому еще что въ случаѣ нужды и разныхъ напастей друзья составляютъ единственное прибѣжище. Она же всегда готова помочь юности, дабы предохранить ее отъ паденія, и старости, дабы поддержать ее въ безпомощности и слабости силъ, даже и зрѣлому возрасту — для доблестныхъ подвиговъ. Притомъ она не только потребность, но и нѣчто весьма почетное. Имѣть многихъ друзей, считается весьма почетнымъ дѣломъ, и нѣкоторые люди увѣрены, что добрые друзья вмѣстѣ съ тѣмъ сплошь и честные граждане. Именно то, что въ высшей степени справедливо, представляется дружбою. А справедливость самая совершенная добродѣтель, ибо она признакъ употребленія въ дѣло всей вообще добродѣтели; она потому совершенна, что обладающій ею пользуется добродѣтелями не только для самого себя, но также и во благо другимъ. Благодаря великодушной дружбѣ или сношенію съ добрыми людьми—этому вѣрнѣйшему способу упражнять добродѣтель, — молодежь предохраняется отъ распутства и промаховъ. Истинная дружба только та, гдѣ каждый бываетъ другомъ не ради себя, а ради другого. Отроколюбіе принадлежитъ къ животнымъ и неестественнымъ похотямъ и происходитъ отъ тѣлеснаго недуга и отъ безумія.—

Юношеское воспитаніе только одно изъ звеньевъ въ воспитаніи цѣлаго народа. Воспитаніе единичнаго лица подчиняется государству и его цѣлямъ, и оно имѣетъ значеніе лишь въ той мѣрѣ и постольку, поскольку отвѣчаетъ цѣлямъ государства. Какъ съ одной стороны воспитаніе единичнаго лица обусловливаетъ благо государства, такъ съ другой стороны — воспитаніе и образованіе цѣлаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогика въ государственномъ цѣломъ, предполагаетъ и обусловливаетъ естественное развитіе, воспитаніе и обученіе единичнаго человѣка. Прямая жизнь бываетъ только тамъ, гдѣ благо единичнаго человѣка и государства одно и то же, и лучшая жизнь какъ единичнаго человѣка, такъ и совокупнаго государственнаго общества та, которая на столько согласна съ добродѣтелью, что при этомъ могутъ совершаться доблестныя дѣла. А такъ какъ благополучіе есть заключающаяся въ высшей добродѣтели дѣятельность души, то истинный государственный мужъ ни о чемъ не долженъ такъ сильно печься, какъ о добродѣтели, ибо назначеніе его сдѣлать гражданъ нравственными, способными къ доблестнымъ

поступкамъ и покорными законамъ. Онъ обязанъ поэтому наблюдать за тѣмъ, чтобы страсти гражданъ приведены были въ извѣстное равновѣсіе; а это возможно только тогда, когда они будутъ воспитаны надлежащимъ образомъ посредствомъ законовъ и философіи, которая побуждаетъ насъ отъискивать истинный источникъ благополучія въ себѣ самихъ. Законодатель сверхъ того долженъ поддерживать равенство достоянія или же положить предѣлъ неравенству его. Поэтому онъ обязанъ что либо постановить касательно числа дѣтей, какое разрѣшается имѣть каждому. Ибо если число дѣтей превыситъ размѣры имущества, то законъ о равенствѣ не можетъ быть соблюденъ; а если его все-таки поддержатъ, то слѣдствіемъ будетъ то, что многіе богачи неминуемо впадутъ въ бѣдность. — Законы должны въ особенности имѣть цѣлью пользу цѣлаго государства и всѣхъ его гражданъ, хотя такимъ путемъ не можетъ и не должно быть достигнуто отвлеченное равенство. Ибо какъ у живого существа душа болѣе существенная составная часть нежели тѣло: такъ точно и въ государствѣ тѣ люди, которые защищаютъ его, чинятъ въ немъ судъ и расправу, которые, подобно уму въ человѣкѣ, обсуждаютъ за другихъ, должны считаться болѣе существенными, нежели тѣ, которые заботятся лишь о тѣлесныхъ потребностяхъ.—Затѣмъ правительство преимущественно должно озаботиться положеніемъ женскаго пола, ибо какъ мужъ и жена—составныя части семьи, подобно тому и государство слѣдуетъ считать разбитымъ на двѣ равныя части, на мужское и женское населеніе, такъ что во всѣхъ государствахъ, гдѣ дурно уряжены отношенія женщинъ, одна половина его должна считаться беззаконною. — Но для того чтобы государство удовлетворяло всѣмъ этимъ требованьямъ, необходимо гражданамъ не только въ молодости пользоваться надлежащимъ воспитаніемъ и образованіемъ, но даже въ зрѣломъ возрастѣ посвящать себя тѣмъ же упражненіямъ и привычкамъ, а потому тутъ такъ же, какъ и въ жизни вообще, необходимы законы. Бо́льшая часть людей повинуется болѣе необходимости, нежели разуму, и болѣе изъ страха наказанія, чѣмъ всилу нравственной красоты. Законъ же пользуется принудительною властью, ибо онъ не что иное какъ вытекающее изъ мудрости и разума правило.

Аристотелемъ заканчивается продуктивная исторія, зрѣлый возрастъ Греціи. Своеобразная жизнь своеобразнѣйшаго изъ народовъ сошла съ своей высоты и склонилась къ упадку: съ этой поры она уже никогда болѣе не расцвѣтала. Дерево греческаго искусства дало всѣ свои плоды, и формы политической жизни были закончены. Насталъ періодъ углубляющагося въ само себя старчества. Духов-

ныя пріобрѣтенья, добытыя греческимъ народомъ въ сладостной привычкѣ его бытія, неминуемо слѣдовало привести въ сознаніе. „Аристотель“ и олицетворяетъ это самосознаніе эллинизма. Въ немъ, въ этомъ малорослом и тощемъ мужѣ съ маленькими глазами, съ насмѣшливымъ выраженіемъ на устахъ и съ запинкою въ произношеніи, преобразилось въ сознательную собственность, въ разумѣніе, все высокое и дивное, чѣмъ жилъ греческій народъ. — И какъ греческая жизнь вообще, такъ точно и греческое воспитаніе. Аристотель въ своей педагогикѣ высказалъ все, что совершилъ и къ чему стремился греческій духъ въ дѣлѣ воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, представивъ также то, чего хотѣлъ, но не могъ достичь эллинизмъ, онъ указалъ даже за его предѣлы. Противъ Платона онъ ступилъ уже рѣшительный шагъ впередъ, принявъ въ свою систему этическія и психологическія предположенія и признавъ права единичной личности. Вообще онъ одною лишь стороною Грекъ и ограниченъ міросозерцаніемъ своего народа и своей эпохи, тогда какъ съ другой стороны это герой, устами котораго вѣщаетъ міровой духъ и который призванъ поэтому высказать истины всѣмъ вѣкамъ міра. Платонъ, какъ представитель истаго греческа, обрѣтаетъ мудрость въ высшей любви къ прекрасному и называетъ философію музыкою, тогда какъ Аристотель научнымъ путемъ перешагнулъ за предѣлы греческаго принципа, называя мудрость и философію наукою дѣйствительности. Оставаясь вѣрнымъ основному строю эллинской государственной жизни, онъ полное проявленіе добродѣтели ограничиваетъ правда однимъ лишь правомочнымъ гражданствомъ и потому примѣняетъ воспитаніе только къ свободнорожденнымъ отрокамъ, пренебрегая женскимъ поломъ и рабочими классами, и не обращая почти никакого вниманія на рабовъ; при всемъ томъ требованье его простирается уже на чисто человѣчную добродѣтель, въ противоположность одной гражданственной. Высшею цѣлью общаго образованія поставилъ онъ богоподобіе, и своимъ воспитаніемъ человѣка въ члена семьи, въ гражданина и въ разумно нравственное существо при посредствѣ равномѣрнаго, постепеннаго развитія физическихъ и психическихъ способностей, онъ заложилъ вѣчныя основы естественной педагогики. Этимъ Аристотель и въ педагогикѣ также постигъ и выработалъ высшее начало въ древности, какъ онъ же въ дохристіанскую эпоху бросилъ самый свѣтлый взглядъ на сущность Божества, заявивъ: „Духъ познаетъ самого себя, ибо онъ всемогущъ, и мысль есть мышленіе о мысли. Философское созерцаніе усладительнѣе и лучше всего. Если Богъ всегда въ такомъ же блаженномъ состояніи, въ какомъ бываемъ мы изрѣдка, то и это уже достойно удивленія, а если въ блаженнѣйшемъ, то еще удивительнѣе. Оно вѣдь и на самомъ дѣлѣ такъ. Богъ вполнѣ обладаетъ жизнью. Ибо дѣятельность духа есть жизнь, а онъ

есть дѣятельность. Его на самого себя обращенная дѣятельность—лучшая, вѣчная жизнь его. Итакъ мы утверждаемъ, что Богъ вѣченъ и живъ въ дивномъ величіи, что ему свойственны и жизнь и непреходящая вѣчная сущность: ибо это вѣдь и есть Богъ".

---

4) СТАРЧЕСКАЯ ПОРА ГРЕЦІИ.

22.

Характеристичнымъ признакомъ наступившей для народа старости служитъ въ искусствѣ лоскъ, лишенный величія, форма безъ содержанія, — въ религіи — культъ прошлаго и въ то же время осмѣяніе его зачастую однимъ и тѣмъ же лицомъ, — въ наукѣ — компиляціи и цеховая ученость,—въ государственной жизни — деспотизмъ, между тѣмъ какъ народъ разбѣгается въ частныхъ интересахъ,—на поприщѣ нравственности — внѣшность и чувственность.—

До такого именно состоянія дошло гречество. Противоположность, которую оно въ теченіе всей своей жизни беззаботно единило, стала теперь противорѣчіемъ. Оно постигло идею чисто божественнаго и все-таки раздробило ее на безконечное множество идеально-человѣческихъ существъ; оно усвоило себѣ общечеловѣческія начала, а все-таки признавало одного лишь гражданина эллинской общины; оно создало истинную, идеально законченную жизнь искусства, но не дошло до сознанія о значеніи этого искусства; оно положило первый починъ философіи, а все-таки не порѣшило борьбы внѣшняго міра явленій съ міромъ чистаго бытія; оно стремилось къ свободному всестороннему духовному образованію и при всемъ томъ безразлично слило свое духовное воспитаніе съ тѣлеснымъ. Въ юношескомъ порывѣ Эллада сопоставила эти противоположности въ одно гармоническое единство. Но такъ какъ единство это было только внѣшнимъ,— внутри же представляло чисто невольный продуктъ природы, то оно неминуемо ниспало до простой внѣшней чувственности, и тѣмъ самымъ разложилось также и внутри. Потому Эллада была уже несамостоятельною сама въ себѣ, когда лишилась своей независимости извнѣ, и никакой богъ не былъ въ силахъ спасти ее отъ гибели. Роковой день насталъ. Битва при Херонеѣ была дана и—проиграна. Хотя Ѳиванцы и возстали еще разъ,—но то были только предсмертныя судороги погибающаго государства: Александръ побѣдителемъ прошелъ по Греціи. И хотя послѣ еще разъ вспыхнуло греческое чувство свободы; но явился Антипатръ съ тѣмъ чтобы нанести ему смертельный ударъ, какъ оно и са-

мо изрекло себѣ смертный приговоръ, осудивъ безстрашнаго поборника своей свободы, великаго Демосѳена, который, дабы не попасть въ руки непріятеля, лишилъ себя жизни, принявъ ядъ въ храмѣ Посейдона на островѣ Калавріи.

Греція умирала и тѣломъ и духомъ. Всюду пустая форма безъ существеннаго содержанія, утонченность и лоскъ обокъ съ пошлостью и грубостью помысловъ, роскошь и изнѣженность и при всемъ томъ жестокость и приниженность всѣхъ человѣческихъ отношеній, болѣе даже чѣмъ у самыхъ необразованныхъ варваровъ. Религія была либо суевѣріе, либо невѣріе: здѣсь мистицизмъ, тутъ ортодоксія, а тамъ пантеизмъ; притомъ же еще вѣра въ чудеса, въ колдовство, въ мантику, во вліяніе созвѣздій и пр. Искусство соорудило рукою Кареса колоссъ Родосскій, а въ лицѣ строителя Александріи, Динократа, вызвалось преобразить гору Аѳонъ въ обликъ Александра. Образованіе было чисто разсудочное со всѣми выгодами и невыгодами его трезвости. Аѳины все еще были очагомъ наукъ и искусствъ; вмѣстѣ съ ними процвѣтала Александрія, этотъ сборный пунктъ греческаго и восточнаго образованія. Въ Аѳины и Александрію стекались молодые люди изъ самыхъ дальнихъ странъ. Но и въ Аѳинахъ даже не было уже того свободнаго, прекраснаго строя жизни и сношеній между учениками и наставниками, какъ въ цвѣтущую эпоху Греціи, не было уже того по внутреннему влеченію и вольной потребности ума возникавшаго образованія. Аѳины сдѣлались мѣстомъ учености, гдѣ записные ученые читали свои лекціи и гдѣ прекрасное вытѣснялось полезнымъ. Поэзія становилась все болѣе ученою и болѣе прозаичною. Практическія науки, математика, астрономія, медицина, грамматика, исторія и философія, напротивъ того выступали болѣе и болѣе на первый планъ. Гимнастика изъ образовательнаго свободнаго упражненія перешла въ нѣчто въ родѣ искусства съ цѣлью наживы и извратилась вслѣдствіе того въ фокусничество, акробатство и кровавое гладіаторство. Геній Греціи отлетѣлъ,—и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе почва и климатъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ ему предстояло развиваться далѣе, не соотвѣтствовали пересаженному въ нихъ зародышу, и чѣмъ суровѣе была борьба, какую пришлось ему вести съ варварскими нравами народовъ, къ которымъ онъ выселялся, и чѣмъ болѣе слѣдовательно греческой культурѣ приходилось разсѣивать сѣмена въ чуждой враждебной почвѣ и пускать корни среди чуждыхъ, враждебныхъ условій.

Наука и знаніе лишились надежнаго пріюта и не считались болѣе всеобщею умственною потребностью. Они сократились въ узкіе предѣлы чтенія и преподаванья. Въ нихъ не было болѣе своей самобытной силы и потому имъ впервые при-

шлось обратиться къ милостынѣ царей. Случайно и подчиняясь чужимъ прихотямъ, пользовались они пріютомъ у сирійскихъ и македонскихъ намѣстниковъ; съ успѣхомъ занимались ими разныя вѣдомства и знатные представители школъ въ Антіохіи, Сидонѣ, Тарсѣ и Эфесѣ; важныя услуги оказали имъ цари Пергама; но Птоломеи въ Египтѣ подготовили ихъ уразумѣніе и практическое приложенье и передали потомству съ приращеніемъ громадной массы знаній, ибо подъ ихъ покровомъ насаждались и возрощались вѣчные, негибнущіе зародыши умственной мощи, стремящейся въ наши дни принять участіе въ міровладычествѣ, —именно научныя начала точныхъ естественныхъ знаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ наука сузилась въ книжную ученость, то Птоломеи удовлетворили и этой потребности, основавъ самую полную библіотеку древности. Аѳинскій тираннъ Писистратъ и самосскій Поликратъ прежде уже прослыли основателями книгохранилищъ. Къ нимъ причислялись еще какъ обладатели значительныхъ библіотекъ частные люди, между прочимъ Эвклидъ, Эврипидъ, Аристотель — онъ купилъ сочиненія Спевсиппа за 3 таланта (4000 тлр.). Александрія, сдѣлавшаяся теперь метрополіей Греціи, представляла во всѣхъ отношеніяхъ противоположность Аѳинамъ. Она служила связью между Востокомъ и Западомъ. Тамъ геній Востока и геній Запада сливались, смѣшивались взаимно и извращали другъ друга. Въ стѣнахъ ея находились представители всѣхъ религій.

Запасъ естествознанія, вынесенный Греками прежде изъ Египта и добытый потомъ ими самими, былъ крайне скуденъ. Чернь прозвала же атеистомъ Анаксагора за то, что онъ объяснялъ, будто солнце, которое въ глазахъ ея было богомъ, не что иное какъ раскаленный метеоръ и состоитъ изъ такого же вещества какъ аэролитъ, найденный въ Козьей рѣкѣ (Эгосъ Потамосѣ): это характеризуетъ и ту и другую сторону. Даже Сократъ съ негодованіемъ относился къ нововводителямъ и укорялъ Анаксагора въ высокомѣріи за то, что дѣятельность боговъ онъ думалъ замѣнить простыми механическими законами. — Первымъ научнымъ астрономомъ древности былъ Эвдоксъ изъ Книда: его слѣдуетъ считать настоящимъ изобрѣтателемъ сферическаго небеснаго свода. Пиѳагорейцы Гикетъ изъ Сиракузъ (старше Ѳеофраста), Гераклидъ изъ Гераклеи при Понтѣ (410 — 340 до Р. Х.) и Экфатъ представляли себѣ землю съ средоточіи міра, но вращающеюся на своей оси, чѣмъ и объясняли видимое суточное движеніе тверди небесной. Ученый астрономъ Аристархъ Самосскій (между 320 и 250) училъ: 1) что небо неподвижныхъ звѣздъ само неподвижно, 2) что солнце также неподвижно, 3) что земля приводится одною изъ небесныхъ сферъ въ движеніе вокругъ солнца. Аристархова система была вновь отвергнута знатнѣйшими астрономами древности, Архимедомъ

и Гиппархомъ. У древнихъ не было еще надлежащаго запаса чувственныхъ познаній. Его можно было добыть лишь съ изобрѣтеніемъ зрительной трубы; недоставало также снарядовъ для измѣренія времени. Клавдій Птоломей (100—170 по Р. Х.) передалъ намъ весь составъ астрономическаго знанія древности. — Несмотря даже на всю александрійскую ученость наука быстро клонилась къ упадку.

Учителя науки сами походили на падавшую тогда науку и потому способствовали еще къ дальнѣйшему ея паденію. Они обучали наукамъ не иначе какъ за извѣстную плату и всѣми возможными уловками старались привлечь къ себѣ какъ можно болѣе слушателей. Они привлекали и удерживали не только цвѣтистымъ изложеніемъ, но также еще странными жестикуляціями и остроумными выходками. О Ѳеофрастѣ разсказываютъ между прочимъ, что онъ являлся передъ своими слушателями не иначе какъ въ крайне пышной одеждѣ, что желая нагляднѣе изобразить нравъ обжоры, онъ на лекціи высовывалъ языкъ и облизывалъ себѣ губы, и будто такими продѣлками дѣйствительно привлекъ 2000 слушателей.

Ученики были конечно въ томъ же родѣ и алкали подобной пищи. Имъ не было охоты погружаться въ глубь науки, лишь бы потѣшиться ея вершками, и потому они восхищались остроумными оборотами, реторическимъ паѳосомъ и наружнымъ блескомъ. Они привѣтствовали скудость идей и фарсы своихъ учителей неистовыми кликами и словами: „Божественно!“ „Неподражаемо!“ и т. п. „Назначеніе новаго учителя въ Аѳинахъ—замѣчаетъ Крамеръ—считалось крайне важнымъ дѣломъ. Соискательства и состязанія порождали разныя партіи въ средѣ преподавателей и слушателей. Учителя старались всѣми неправдами пріобрѣсть между своихъ слушателей поболѣе приверженцевъ именно потому, что назначались не пожизненно, а лишь до тѣхъ поръ, пока пользовались успѣхомъ. Въ 4-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. въ Аѳинахъ соперничали между собою знаменитый софистъ Юліанъ и Лакедемонецъ Апсинесъ, обладавшій меньшею полнотою, но большею сжатостью и искусствомъ рѣчи. Оба читали въ собственныхъ открытыхъ аудиторіяхъ, устроенныхъ на подобіе общественныхъ театровъ и украшенныхъ статуями славнѣйшихъ софистовъ и философовъ. Въ общественномъ зданіи они считали себя не вполнѣ безопасными отъ шипѣнія и гвалта со стороны учениковъ противной партіи, могущихъ заглушить пожалуй апплодисменты ихъ собственныхъ приверженцевъ. Между учениками одного и другаго учителя дѣло нерѣдко доходило даже до кулачной расправы“. „Вслѣдствіе такого духа партій въ греческихъ университетахъ образовались особыя товарищества, имѣвшія попреиму-

ществу цѣлью дѣйствовать въ пользу своихъ учителей. Молодыхъ людей уже въ родномъ ихъ городѣ склоняли на сторону того или другого учителя. Такъ между прочимъ Либанія (314 — 386) изъ Антіохіи перехватили уже въ гавани Аѳинъ и воспрепятствовали ему слушать того, ради котораго онъ собственно туда прибылъ, а на слѣдующій день другое товарищество увлекло его къ другимъ софистамъ. Старшины этихъ товариществъ обязаны были во главѣ вооруженной дружины отправляться въ Пирей или на мысъ Суніонъ, съ тѣмъ чтобы у другихъ отбивать вновь прибывшихъ учениковъ для своихъ наставниковъ."

Помимо аудиторій учителя и учащіеся имѣли еще особыя сборныя мѣста, гдѣ совѣщались о дѣлахъ своихъ. Смотря по наукамъ, какими занимались, по лекціямъ, какія слушали и по мѣсту своего происхожденія учащіеся присоединялись другъ къ другу и справляли свои празднества. Въ праздникъ Вакха открывались бочки новаго вина и устроивалось веселое состязаніе въ попойкѣ, причемъ опорожнившій прежде всѣхъ предложенный ему мѣхъ, какъ побѣдитель, награждался вѣнкомъ при всеобщихъ кликахъ присутствующихъ. У учителей также бывали собранія студентовъ. Объ одномъ изъ такихъ симпосіоновъ у философа Тавра Геллій сообщаетъ: „Мы приносили съ собою не яства, а хитроумные вопросы, напр.: Умираетъ ли умирающій въ моментъ смерти или въ моментъ жизни? Или: Встаетъ ли встающій въ моментъ, когда онъ уже стоитъ или когда еще сидитъ? Что за растеніе асфодель? По поводу стиха Гезіода, будто половина лучше цѣлаго".

Учебныя заведенія существовали впрочемъ только для сравнительно богатыхъ и высшихъ сословій, тогда какъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ народа туда пробивались одни лишь болѣе одаренные умы, остальные же были лишены общественнаго преподаванія и предоставлялись домашнему, въ то время крайне скудному воспитанію.

Настоящее школьное преподаваніе мужчинъ со временъ Александра Великаго сложилось въ энциклопедическій учебный курсъ, состоявшій въ Александріи изъ слѣдующихъ семи наукъ: 1) грамматика, 2) реторика, 3) философія или діалектика, 4) ариѳметика, 5) музыка, 6) геометрія, 7) астрономія. Этимъ семи наукамъ обязаны были учиться всѣ посвящавшіе себя высшему образованію. При накопившемся матеріалѣ отдѣльныя науки изучались конечно поверхностно, и особенно налегали на одну только философію, потому что, благодаря ей, думали достичь формальнаго образованія. — Для учебныхъ методовъ придумывались новые облегчающіе способы. У Египтянъ, какъ кажется, заимствовали счеты, снабженные параллельными линія-

ми, по которымъ раскладывались камешки, дабы такимъ образомъ обозначить единицы, десятки и сотни.—

Въ занятіяхъ взрослыхъ молодыхъ людей первое мѣсто занимали грамматика, реторика и философія. Иностранные языки и тутъ еще не входили въ составъ учебнаго курса: ими занимались, какъ замѣчаетъ Краузе, одни только отличавшіеся многознаніемъ (полимаѳіей), или же ихъ изучали для особенныхъ цѣлей и случаевъ, напр. съ тѣмъ чтобы совершать путешествія въ чужіе края, чтобы въ качествѣ посла или оратора отправиться въ иноземное государство, къ какому нибудь иностранному державцу, или же для того чтобы служить толмачемъ. Древнегреческія классическія сочиненія тщательно перечитывались и пояснялись: поэтовъ и философовъ замѣнили теперь филологи. — Особенно высоко ставилась реторика, а вмѣстѣ съ нею и школа риторовъ, въ которой впрочемъ не преподавалось болѣе прежнее простое, мужественное краснорѣчіе, а напротивъ, оно извратилось здѣсь въ изнѣженное, безсильное и безсодержательное витійство, имѣвшее цѣлью не увлекать слушателей къ подвигамъ, а производить пріятныя въ душѣ впечатлѣнья. Реторическія занятія имѣли поэтому болѣе въ виду усвоеніе техническихъ школьныхъ формъ, нежели достиженіе живого краснорѣчія. — Гимнастика считалась необходимымъ предметомъ образованія юношескаго возраста, и еще въ эпоху императоровъ у каждаго города была своя гимназія, своя палестра.—Нравственное образованіе часто вполнѣ пренебрегалось, и Цицеронъ поэтому въ правѣ былъ сказать про Грековъ: „Этотъ народъ никогда не придавалъ большого значенія ни добросовѣстности свидѣтельствъ, ни благонадежности ихъ, и вообще онъ не сознаетъ, какая нравственная сила, какая важность, какое величіе скрывается во всемъ этомъ."

Идеалъ молодого греческаго человѣка въ эпоху оратора Аристида представляетъ очеркъ въ надгробной его рѣчи надъ рано умершимъ красивымъ юношей Этернеемъ. Въ ней сказано: „Среди своихъ сверстниковъ онъ являлся прекраснымъ, статнымъ и вполнѣ развитымъ юношей и производилъ на посторонняго зрителя самое пріятное впечатлѣніе. Въ поступкахъ своихъ онъ былъ чрезвычайно скроменъ и прямодушенъ, отличался какъ благородной величавостью, такъ и простотою, и трудно было рѣшить, отрокъ ли онъ еще, или юноша, или находится уже въ зрѣломъ возрастѣ. Въ немъ совмѣщались естественность отрока, полный цвѣтъ юноши и разумъ старца. Надо было удивляться, что при такомъ умѣ въ душѣ у него не было ничего строптиваго, дерзкаго, высокомѣрнаго, а напротивъ всегда царило спокойное самообладаніе и благоразуміе, въ существѣ

его не было замѣтно ничего вялаго, неловкаго, коснаго, неуклюжаго, а напротивъ, какъ въ благодатномъ весеннемъ воздухѣ въ немъ слились рѣзкое, живое, бодрое съ кроткимъ и нѣжнымъ, такъ что благоразуміе не было у него въ ущербъ граціи, ни послѣдняя первому."

Практикѣ соотвѣтствуетъ теорія: онѣ обусловливаютъ другъ друга. Въ дѣйствительности наступилъ рѣшительный разрывъ между особью и объективнымъ міромъ государства и религіи. Беззавѣтная преданность единичнаго лица объективнымъ властямъ и силамъ совершенно исчезла. Съ этой поры одинъ только отрѣшенный отъ всеобщаго міра субъектъ требовалъ себѣ удовлетворенія. Такое удовлетвореніе находилъ онъ практически въ усвоеніи учености той эпохи, а теоретически—въ философіяхъ стоиковъ, эпикурейцевъ и скептиковъ. Точно также и педагогика этихъ философовъ способствуетъ той субъективной свободѣ, той самостоятельности единичнаго лица.

Стоики (—основателемъ которыхъ считается Зенонъ, открывшій свою школу въ Аѳинахъ въ одномъ изъ портиковъ, украшенномъ живописью Полигнота и прозванномъ поэтому „росписнымъ портикомъ", стоа пёкилэ, —) приводятъ философію въ непосредственную связь съ практическою жизнью и называютъ ее ученіемъ мудрости въ практическомъ интересѣ, осуществленіемъ добродѣтели. По ихъ мнѣнію Богъ есть дѣйствующая и образующая сила вещества, ему присущая и неразрывно съ нимъ связанная: міръ тѣло Божіе, а Богъ душа міра. Вселенная, это—разумный, въ силу Божьей мысли установившійся урядъ. Къ этому всеобщему уряду, къ міровому закону и міровой гармоніи, должна примѣняться человѣческая жизнь. „Слѣдуй природѣ" или „живи согласно съ природою": таковъ по этому высшій этическій уставъ. Жить добродѣтельно то же самое, что жить по опытному указанію того, что согласуется съ природою, ибо наши природы суть части природы вселенной. Эта природѣ сообразная дѣятельность, добродѣтель, и есть благо, довлѣющее для нашего счастья; внѣшнія блага представляютъ нѣчто нравственно-безразличное и потому не могутъ быть предметами нашего стремленія, цѣлями нашихъ нравственныхъ дѣйствій. Только поступокъ, только подвигъ бываетъ хорошъ, а не то, на что направленъ поступокъ; а особыя цѣли и блага, здоровье, богатство и т. п., сами по себѣ ничего нестоятъ и безразличны: въ концѣ концовъ они могутъ уклониться къ добру и къ злу, и ихъ лишеніемъ не нарушится счастье добродѣтельнаго человѣка. У добродѣтели нѣтъ степеней, точно такъ же какъ и у истины: всѣ добрые поступки, какъ изліянія полной свободы разума, равно добры, а всѣ зловредные, какъ вытекающіе изъ неразумнаго побужденія, равно зловредны. Идеалъ добродѣтели представляетъ

истинный мудрецъ: онъ свободенъ даже въ оковахъ, ибо дѣйствуетъ самостоятельно, не поддаваясь ни страху, ни вожделѣнію,—онъ истинный богачъ, жрецъ, прорицатель и поэтъ.

Добро есть изліяніе разумнаго убѣжденія, и съ сознаніемъ добра связано также исполненіе его. Добро, добродѣтель изучимы. Поэтому, говоритъ Эпиктетъ, человѣкъ путемъ ученія долженъ возвыситься до богоугодности и до истинной свободы. Для истинно образованнаго прекраснѣйшіе и пріятнѣйшіе плоды суть: безстрастіе, безстрашіе и свобода. А истинно свободенъ только тотъ, кто пользовался воспитаніемъ и обученьемъ. Дабы достичь этой цѣли, каждый обязанъ предложить самому себѣ вопросъ: Какого мнѣнія я самъ о себѣ? Свободенъ ли я отъ пустой мечты, будто я уже достаточно образованъ? Сознаю ли свое невѣдѣнье и стараюсь ли преодолѣть его? Хожу ли я для этой цѣли въ школу философіи, какъ къ оракулу?—Гимнастика лишь подчиненное образовательное средство. Одни только мудрецы, хотя бы они и были крайне безобразны, дѣйствительно прекрасны. Энциклопедическое образованіе безполезно и одно лишь философское познаніе истинно. Хрисиппъ требуетъ, чтобы юношество слушало логику, этику и физику и чтобы ученіемъ о богахъ и религіей занимались подъ самый конецъ. Грамматика и реторика включались въ логику; при обученіи логикѣ надлежитъ упражнять не только юношей, но и отроковъ въ разрѣшеніи силлогизмовъ. Не привычка, а собственное сужденіе должно преобладать во всѣхъ обстоятельствахъ. Философія есть средство противъ привычки, часто бывающей препятствіемъ къ нравственной жизни. Однако Музоній Руфъ все-таки требуетъ, чтобы въ то же время упражнялись въ добродѣтели, такъ какъ одна наука о добрѣ не достаточно сильна для того чтобы безъ помощи навыка вести къ нравственности. Онъ же совѣтуетъ не только упражнять умъ въ размышленіяхъ и память въ усвоеніи добрыхъ поученій, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и пріучать къ перенесенію тѣлесныхъ тягостей. Бракъ онъ считаетъ основою семьи, государства, общества, человѣческаго рода, и потому осуждаетъ подкидыванье дѣтей. Хрисиппъ требуетъ для дѣтей умныхъ и отборныхъ кормилицъ, обязанныхъ успокоивать малютокъ пѣснями и стихами и способныхъ въ первые три года уже заложить въ душу добрыя поученія. Антонинъ основнымъ началомъ воспитанія постановилъ: всякій, дѣйствующій по невѣдѣнію или по недоразумѣнію, заслуживаетъ состраданія, помощи и поученья. Но наставлять слѣдуетъ не горячась, не насмѣхаясь, не въ тонѣ превосходства, но всегда во время, въ тиши и съ любящей душою. „Обуздывай страсти, укрощай похоти; но сохраняй надъ самимъ собою власть царственнаго разума!“ Только

тотъ, кто самъ таковъ и дѣйствуетъ такъ,—настоящій учитель. Преподаваніе, законодательство и авторство можно довѣрить лишь мудрецу.

Стоическая философія старается сдѣлать своихъ приверженцевъ равнодушными ко внѣшнимъ условіямъ жизни, спасая ихъ отъ распавшагося политическаго и гражданскаго міра во внутрь ихъ собственной души. Потому ихъ начала воспитанія направлены не на развитіе человѣка въ члены семьи, государства и общества, а на образованіе односторонняго ригоризма и полной апатіи, въ концѣ концовъ доводящей, какъ то дѣйствительно и было съ нѣкоторыми ихъ приверженцами, до самоубійства, оправдываемаго стоицизмомъ на основаніи его началъ.

Въ одно время со стоиками возникла въ Аѳинахъ эпикурейская школа, основанная Эпикуромъ въ 342—271-мъ г. до Р. Х. По ея началамъ философія есть дѣятельность, посредствомъ понятій и доводовъ порождающая счастливую жизнь. Итакъ она въ сущности та же этика, поучающая, какими путями человѣкъ можетъ достичь блаженной жизни. Но блаженство и высшее добро есть отрада, однако отнюдь не отрада распутника и сладострастнаго, ибо безъ подобныхъ наслажденій жизни мудрецъ можетъ обойтись, хотя и не обязанъ къ этому, потому уже что онъ въ самомъ себѣ обладаетъ высшимъ сокровищемъ блаженства, покоемъ души. Отрада духа состоитъ въ неколебимо спокойномъ настроеніи мудреца, въ чувствѣ его достоинства и возвышенности надъ всѣми ударами судьбы. Мудрецъ даже въ мукахъ живетъ счастливо, и онъ отвергнетъ иную усладу, потому что она можетъ причинить страданіе, и перенесетъ иную боль, потому что за нею слѣдуетъ высшее наслажденье. Мудрецъ не страшится самой смерти, передъ которой люди трепещутъ болѣе всего: ибо пока мы существуемъ, ея нѣтъ, а когда она тутъ, то нѣтъ насъ уже; когда она наступила, мы не ощущаемъ ея, потому что съ нею прекращаются всякія ощущенія, а если то, что наступивъ не можетъ причинить намъ никакой непріятности, то самое, чаемое въ будущемъ, не должно и огорчать насъ.

Высшаго блага услады Эпикуреизмъ также требуетъ какъ плода воспитанія. А такъ какъ его можно достигнуть только умомъ, добродѣтелью, справедливостью и свободою отъ страха, и какъ все это пріобрѣтается лишь научнымъ знаніемъ именно природы, то естественныя науки вмѣстѣ съ философіей и составляютъ самый необходимый учебный предметъ для юношества. Знакомство съ природою предохраняетъ отъ суевѣрія и его обмановъ, точно также и отъ нелѣпыхъ представленій. Философіей же слѣдуетъ заниматься юношѣ, дабы какъ смолоду, такъ и

въ старости безъ страха взирать на будущее, а старцу, дабы на склонѣ лѣтъ своихъ оставаться юнымъ.

Такъ какъ для эпикуреизма образованіе важно не само по себѣ, но лишь какъ средство къ счастію: то онъ отвергаетъ энциклопедическое преподаваніе, тогда какъ музыку и поэзію считаетъ искусствами, украшающими жизнь и доставляющими чистыя наслажденія. При одностороннемъ пониманіи начало это должно было противустать возбужденію и поддержкѣ чувства стыдливости, потому что наслажденіе оно не считаетъ благомъ, а напротивъ, мѣшаетъ наслаждаться вполнѣ,—противустать также и любви дѣтей къ родителямъ. Противъ такихъ-то односторонностей направлено восклицаніе Арріана: „Вообразимъ себѣ эпикурейское государство; въ немъ нѣтъ ни брака, ни призванія къ дѣторожденію, нѣтъ никакой справы, въ силу которой граждане наставлялись и образовывались бы воспитателями и гимназіархами; тамъ и рѣчи нѣтъ о заключеніи браковъ и о стремленіи къ общественной дѣятельности“. Но и не къ крайней даже эпикурейской системѣ относится порицаніе древнихъ, что она не вѣдаетъ положительной цѣли жизни, и стремленіе ея мудреца направлено только къ безчувствію.

Завершеніемъ этого направленія субъективности является скептицизмъ, старѣйшимъ главою котораго былъ Пирронъ изъ Элиды (около 340-го г. до Р. Х.). Онъ говоритъ: Ни наши чувства, ни наше мнѣніе о вещахъ не учатъ насъ ничему истинному. На каждое ученіе, на каждое заявленіе можно возразить противоположнымъ. Потому-то истинное отношеніе философа къ вещамъ состоитъ въ полномъ воздержаніи отъ всякаго сужденія, и обыкновеннымъ его отвѣтомъ должно быть поэтому: „То, что вы говорите, можетъ быть вѣрно, а можетъ быть и невѣрно; я не берусь рѣшить“. За этою воздержностью отъ сужденія слѣдуетъ, будто бы въ видѣ дара судьбы, какъ тѣнь, неколебимость духа—блаженство. Проводя послѣдовательно тѣ же начала, основатель „новой академіи“, Аркезилай (316 — 241), ссылаясь на Платона, отвергаетъ существованіе всякаго критеріума, которымъ мы могли бы удостовѣриться въ истинѣ нашего познанія и утверждаетъ затѣмъ, что мы ничего знать не можемъ, ни даже того, что ничего не знаемъ.

Съ такими основными положеніями прекращается всякая объективная истина, всякое научное познаніе. А вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая цѣль воспитанія, существующая, конечно, только тамъ, гдѣ есть мѣсто познанію. Отрицая возможность теоріи знанія, скептицизмъ отрицалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и теорію воспитанія. Вслѣдствіе этого сложи-

лась педагогика полезнаго, отвергшая діалектику какъ безполезное искусство и считавшая празднымъ занятіемъ все, что выходитъ изъ предѣловъ дѣйствительныхъ явленій. „Практическое приспособленіе“ стало девизомъ педагогики.

Практическія науки, и прежде всего врачевство, стали воздѣлываться попреимуществу, и представителемъ педагогики явился теперь врачъ. Галенъ, при императорѣ Маркѣ Авреліи считаетъ изслѣдованія о Богѣ и его отношеніяхъ къ міру безплоднымъ мудрованіемъ и полагаетъ, что полезны лишь примѣнимыя къ жизни искусства. Природныя способности, наставленія и упражненія или навыкъ крайне важны для юношескаго возраста, оттого что тутъ характеры, наклонности и страсти идутъ болѣе всего врознь и представляютъ самыя рѣзкія крайности. Поэтому слѣдуетъ уже кормилицъ выбирать съ крайнею осторожностью и охранять дѣтей отъ сильныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ волненій, — а сверхъ того отъ дурныхъ привычекъ въ отношеніи пищи, питья, слуха, зрѣнія и пр. Пища и питье весьма важны для эвкразіи, для прекрасной смѣси тѣла и духа. Гимнастика и медицина тѣсно связаны другъ съ другомъ, все равно какъ въ тѣлѣ красота и складъ. Съ семилѣтняго возраста начинается умственное образованіе, причемъ болѣе всего надлежитъ обращать вниманіе на навыкъ и благородныя знанія, которыми возбуждалось бы чувство приличія. Отъ 14-ти до 21-голѣтняго возраста слѣдуетъ заботиться попреимуществу о нравственномъ благородствѣ — о добродѣтели, хотя и свойственной нѣкоторымъ отъ самой природы, но въ сущности все-таки пріобрѣтаемой черезъ воспитаніе, обученіе и навыкъ.

Благодаря какъ Галену, такъ и скептикамъ, жизнь и искусство были отрѣшены отъ всякаго высшаго пониманія. Впрочемъ скептицизмъ оказалъ своимъ приверженцамъ, отчаявшимся въ научномъ знаніи, ту услугу, что заставилъ ихъ обратиться къ практической жизни, дабы въ ней искать и обрѣсти утѣшеніе, въ которомъ отказывала наука. Такимъ-то образомъ скептицизмъ составляетъ переходъ отъ философскаго пониманія педагогики къ практическому примѣненію ея у Римлянъ. —

РИМЪ.

ВОСПИТАНІЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.

23.

РИМЪ, РИМЛЯНЕ И РИМСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Ограниченная съ сѣвера и сѣверозапада Альпами, съ востока Адріатическимъ и Іоническимъ, а съ запада Тирренскимъ морями и перерѣзанная Апеннинами въ 6000 футовъ вышины, съ ихъ побочными вѣтвями, Италія, этотъ вытянутый вдоль, менѣе чѣмъ Греція иззубренный полуостровъ, дѣлится на верхнюю, среднюю и нижнюю. Она состоитъ изъ болѣе или менѣе суровыхъ горныхъ пространствъ и изъ равнинъ, образующихъ, въ родѣ кампанской, плодоносныя полосы,—или топи и сырыя низменности, въ родѣ Понтинскихъ болотъ и мареммъ, — или же безводныя, пустынныя степи, въ родѣ апульской и римской Кампаніи. Внутренность страны, своими переходами отъ плодородія къ безплодію, представляла всѣ существенныя свойства, для того чтобы подстрекать жителей къ высшему образованію и живымъ стремленіямъ. Своимъ же географически-политическимъ положеніемъ она отвѣчала полнохарактерному геройскому духу Римлянъ, и развивала эту свойственную имъ черту изнутри.

Первоначально не было никакого общеиталійскаго народа. Между различными доримскими народностями на свѣтъ исторіи съ преобладающимъ значеніемъ выступаютъ Этруски, Латины и, какъ представители Сабелльскаго племени, Самниты. Сабеллы были простымъ земледѣльческимъ народомъ, съ стойкою привязанностью соблюдавшимъ нравы предковъ и въ теченіе вѣковъ съ непоколебимою храбростью отстаивавшимъ свою свободу: правленіе у нихъ было аристократико-патріархальное — большинство народа состояло изъ свободныхъ крестьянъ; вооруженные мечемъ и копьемъ, они обладали мужественнымъ чувствомъ собствен-

наго достоинства. Латины были осоюженнымъ народомъ, состоявшимъ изъ тридцати самостоятельныхъ городовъ; они ежегодно собирались у ферентинскихъ ключей и совершали здѣсь общія жертвоприношенія высшему союзному божеству, Юпитеру Лаціальскому. Альба Лонга постоянно предводительствовала на войнѣ; а впрочемъ каждый изъ городовъ съ своимъ сенатомъ былъ вполнѣ независимъ по внутреннимъ дѣламъ. Этруски наконецъ были еще нѣсколько столѣтій до основанія Рима цвѣтущимъ, сильнымъ на сушѣ и на морѣ народомъ. Сословіе жрецовъ пользовалось у нихъ неограниченною властью; остальные подчинялись имъ въ качествѣ крѣпостныхъ, и жреческій родъ—Лукумоны—исключительно обладалъ всѣми религіозными, астрономическими и естественнонаучными знаніями. Религія ихъ, точно такъ же какъ и характеръ, исполнена была глубокой серьезности, мрачныхъ чаяній и предчувствій, фантастическихъ думъ; божества ихъ вообще были схожи съ греческими, но между ними первое мѣсто занимали въ сущности семейныя божества (—согласно съ высокимъ значеніемъ, приписываемымъ семейной жизни—), и у каждой семьи, въ каждомъ домѣ, у каждаго человѣка были свои особые заступники. Тщательными жертвоприношеніями старались отвратить гнѣвъ грознаго божества: жрецы же умѣли узнавать волю боговъ то по указанію выступавшаго изъ земли демона Тагеса, то по молніи, то по полету птицъ и внутренностямъ назначенныхъ въ жертву животныхъ. Ихъ глиняныя и бронзовыя вазы, ихъ великіе архитектурные памятники, развалины которыхъ открываются до сихъ поръ, исполинскія стѣны въ Волатеррахъ, филистинскіе рвы, плотины и каналы свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ развитіи искусства и трудолюбія народа. Семья пользовалась у него большимъ уваженіемъ, и родителямъ оказывался высокій почетъ: Этруски причисляли предковъ своихъ къ богамъ, и эти семейные боги, лары, были незримыми хранителями и блюстителями семей. Рабамъ оказывалось нѣкоторое человѣколюбіе: дѣти ихъ не были лишаемы воспитанія и обученія, а со взрослыми обращались кротко; они-то большею частью и выполняли художественныя произведенія. Мать и супруга пользовались въ домѣ высокимъ значеніемъ и существенно вліяли въ особенности на воспитаніе дѣтей. Перворожденный всегда признавался главою семейства. Мальчики знатныхъ родовъ (— въ исключительныхъ случаяхъ также и низшихъ сословій, чаще всего когда къ тому побуждали особыя чудеса при рожденіи: свѣдущая въ этрусскомъ пророчествѣ Танаквиль обратила на Сервія Туллія особое вниманіе, оттого что пылавшее блескомъ чело указывало на его высшее предназначеніе, и сверхъ того царственныя наклонности

его свидѣтельствовали, что онъ не могъ быть сыномъ рабыни—) обучались религіи, искусству прорицанія, наукѣ о молніи, толкованію воли боговъ, священному и обрядному уставу, причемъ имѣлось въ виду не столько всестороннее развитіе душевныхъ способностей, но болѣе всего твердый образъ мыслей и отвѣчающій свойству государственнаго правленія и религіозной жизни нравственный строй, который слагался уже въ семьѣ, благодаря созерцанію обликовъ возведенныхъ въ семейные боги предковъ. Музыка также была предметомъ обученія у Этрусковъ; они особенно предпочитали игру на флейтѣ, служившую главнѣйше при жертвоприношеніяхъ; подъ ея звуки Этруски упражнялись въ кулачномъ бою. Они же, говорятъ, изобрѣли военный инструментъ, сальпинксъ, а труба служила для сигналовъ на войнѣ, при процессіяхъ, жертвоприношеніяхъ и на торжественныхъ играхъ. Съ музыкою соединялась пляска, служившая также болѣе для религіознаго культа, чѣмъ для войны. „Впрочемъ всѣ искусства, въ противоположность Грекамъ, не коренились въ свободной жизни духа, а болѣе всего служили суевѣрію и жрецамъ“. Этруски стояли на высокой степени духовнаго развитія, которая однако скоро должна была принизиться, оттого что образованіе духа было достояніемъ и привилегіей господствующихъ только семействъ, оттого что собственно народъ подъ гнетомъ строгой барщины не въ состояніи былъ возвыситься до духовной свободы, оттого что никакое свободное среднее, ни крестьянское сословіе не могло дѣйствовать на іерархическую знать и остановить ея нравственнаго растлѣнія.

Самнитяне и Латины, какъ простыя, земледѣльческія и попреимуществу демократическія племена съ одной стороны, и раскинувшіеся по бо̀льшей части полуострова Этруски съ ихъ жреческой аристократіей и съ ихъ развитымъ искусствомъ съ другой — были главными народностями, среди которыхъ, какъ разъ на рубежѣ ихъ, возникъ Римъ, котораго жители, образуя собою смѣсь изъ различныхъ племенъ, также и въ своемъ государствѣ соединили національныя особенности различныхъ гражданъ: отъ Этрусковъ они заимствовали весьма развитой аристократическій и іерархическій государственный строй, а отъ Самнитянъ грубую военную отвагу, патриціанскій и плебейскій элементъ, и претворили все это въ свою индивидуальную особенность. Въ основѣ римскаго народа не было естественнаго единства; у него не было никакой природой обусловленной національности, онъ съ самаго почина состоялъ изъ связанныхъ договоромъ особей: Ливій называетъ первое населеніе Рима colluvies (сбродомъ). Римъ сдѣлался государствомъ благодаря уравненію правъ и устраненію естественныхъ національныхъ различій: онъ основанъ въ силу отрицанія народностей, и его предназначеніемъ и всемірно-исто-

рическимъ призваніемъ было именно отрицаніе народностей въ ихъ естественной опредѣленности и замкнутости.

Жажда дѣятельности, энергія, храбрость, непоколебимое мужество въ жестокомъ бою: вотъ основы римскаго характера. Къ этой мужественной доблести въ бою и въ государственной жизни присоединились еще сильная любовь къ отчизнѣ, добросовѣстное исполненіе обязанностей къ богамъ и людямъ, непоколебимая справедливость и умѣренность во всѣхъ положеніяхъ и условіяхъ жизни, вѣрность и добросовѣстность даже въ отношеніи къ врагу. Такія добродѣтели придали римскому характеру величіе, заслуживающее удивленья. И кто въ самомъ дѣлѣ можетъ отказать въ уваженіи той степенности и тому благоразумію, безъ которыхъ не осуществлялись никакія учрежденія, ни предпріятія Римлянъ, той устойчивой цѣлесообразности, съ какою они дѣйствовали въ самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ, той строгости нравовъ и простотѣ жизни, какими отличались они въ эпоху высшаго расцвѣта Рима отъ всѣхъ остальныхъ народовъ, этому великодушію и этой доблести, изгонявшимъ все недостойное и низкое? Однако съ этимъ величіемъ въ римскомъ характерѣ въ то же время связано было доведенное до самолюбія и гордости чувство собственнаго достоинства, переходившее въ непомѣрную жестокость и не останавливавшееся ни передъ какимъ средствомъ, лишь бы оно вело къ цѣли—къ цѣли, состоявшей въ міровомъ господствѣ военнаго государства. Не даромъ гласитъ преданіе, будто Ромулъ вскормленъ волчицей. Хищничество и хищникъ: вотъ какъ зовутся прародичи римскаго духа. Государство было основано на насиліи, и сама природа, какъ выразился Наполеонъ, нигдѣ въ Италіи не создала мѣста для средоточія: его надлежало сдѣлать такимъ насильно. Потому-то исторія римскаго государства не что иное какъ непрерывная война, потому-то власть и завоеваніе самыя задушевныя побужденія римскаго народа. Оттого Римляне и лишены высокой идеи нравственнаго совершенства: римская humanitas означаетъ лишь образованіе ума и общительности, vir bonus это лишь человѣкъ, уважающій законы государства, а disciplina, это—не что иное какъ строгій порядокъ въ домашнемъ и общественномъ быту.

Какъ римскій народъ вовнѣ есть критика народностей, точно также и внутри онъ представляетъ критику государственныхъ формъ. Форма эта нѣчто существенное для римскаго духа, природа котораго не что иное какъ разсудочная цѣлесообразность: распредѣленіе и разработка даннаго матеріала для пользованія и примѣненія или разсудочная форма составляютъ цѣль римскаго духа. Такъ

точно существенна для него и государственная форма: задача его не осуществленіе извѣстнаго государства какъ естественнаго склада извѣстной національности, а напротивъ государство вообще. И такъ какъ для Римлянина разсудочная форма была всѣмъ, то и въ государствѣ его имѣли силу не своеобразность и свойство особи, а напротивъ, абстрактная индивидуальность, личность. Римское государство, это — правомѣрное государство попреимуществу, и своимъ острымъ юридическимъ разсудкомъ оно заложило краеугольный камень для права вообще. Идея права есть всемірноисторическая идея римскаго народа: римскій народъ — правоурядный народъ міра. Право, представляющее, какъ говоритъ Бунзенъ, прозу справедливости, книгу Левитъ закона, было основою римской государственной жизни, и всегда будутъ достойными удивленія превосходная систематика и логическое расчлененіе въ римскомъ юридическомъ организмѣ — признакъ трезваго разсудка и вытекающаго изъ него практическаго организаторскаго таланта, хотя съ другой стороны также и этотъ отвлеченный разсудокъ, поставленный единственнымъ властителемъ, породилъ много внѣшняго формализма, который имѣлъ въ виду обезпечить легальность дѣйствія, и когда требовала того собственная выгода, принималъ за основное правило, что цѣль освящаетъ средства. Право, говоритъ Бунзенъ, есть слава и трагедія политическаго богосознанія міра: „слава и прогрессъ всемірной исторіи, ибо тутъ было высказано, что путемъ законныхъ постановленій, обдуманнаго исполненія ихъ и судебнаго примѣненія идея справедливости и добра должна воздѣйствовать на дѣйствительность;—трагедія, ибо всякія законныя опредѣленія становятся путами и проклятіемъ, когда они должны возъимѣть силу отрѣшенныя отъ суда совѣсти и отъ признанія божескаго господства въ присущей всякой общинной совѣсти силѣ дополнять и далѣе развивать уставы, а также и отъ признанія жизнедѣятельности этической идеи обусловленной законною свободою въ государствѣ. — На этой идеѣ права основано также понятіе о владѣніи и собственности. Римъ впервые внесъ во всемірную исторію строгое понятіе о собственности. Римлянинъ не мыслимъ безъ собственности, безъ охраняющихъ собственность правовыхъ постановленій.

На практическомъ разсудкѣ Римлянина, принципъ котораго польза, основана внутренняя государственная жизнь, основаны всѣ учрежденія, нравы и обычаи, проявляющіе всѣ сплошь строгую опредѣленность и практическое ограниченіе въ связи съ преобладающею въ нихъ разсудочностью, — и прежде всего на немъ основана также римская политика съ двумя ея коренными законами: „Римъ никогда не долженъ заключать мира иначе, какъ въ качествѣ побѣдителя“, и „Римъ никогда не долженъ начинать войны безъ того,

чтобы не извлекать изъ нея средствъ для новой опять войны". Съ этимъ принципомъ Рима связанъ въ то же время и принципъ каждаго Римлянина, ибо Римлянинъ ничего не вѣдаетъ помимо римскаго государства и цѣнитъ себя самого лишь настолько, насколько онъ участвуетъ и дѣйствуетъ въ этомъ государствѣ: римская добродѣтель, это—холодный патріотизмъ, жертвующій собою дѣлу власти, но не пользующійся своею свободною, живою индивидуальностью въ нравственномъ организмѣ государства.

Итакъ въ Римѣ блаженная сама въ себѣ юношеская жизнь человѣчества выступаетъ изъ себя наружу въ міръ внѣшности. Въ Греціи жило распускавшееся въ чудномъ согласіи тѣла и души юное человѣчество, для котораго самый міръ боговъ былъ просто міромъ красоты. Стремленіе Римлянина имѣетъ цѣлью не внутреннее самосовершенствованіе, а пріобрѣтеніе и обладаніе, войну и власть: римскій народъ въ развитіи человѣчества представляетъ собою юношу, стремящагося извлечь пользу изъ своего идеала и для того ограничить его разсудкомъ; красота формы подчиняется здѣсь цѣлямъ разсудочнымъ; особь уже болѣе не цѣль сама для себя, она имѣетъ цѣль внѣшнюю. Заслугою Грека была его красота; заслугою Римлянина — его подвигъ для Рима. Грекъ всюду представлялъ самъ себя и считалъ величайшею честью добиться лично высшей награды на національныхъ играхъ; Римляне же въ національныхъ зрѣлищахъ, уготовляемыхъ для ихъ развлеченія рабами, являются лишь гордыми зрителями. Грекъ былъ жившій въ духовномъ мірѣ юный идеалистъ; Римлянинъ же—работающій въ дѣйствительности разсудительный реалистъ. Греческая идеальность замѣнена въ Римѣ практически-политическимъ смысломъ, понятіемъ цѣлесообразности, расчетливымъ на пріобрѣтеніе хитрымъ разсудкомъ, и ни одинъ народъ въ мірѣ не обладалъ такимъ практическимъ взглядомъ, для того чтобы усвоить себѣ чужое добро и пріурочить его къ своимъ цѣлямъ, какъ народъ Рима. Римляне и Греки представляютъ собою въ человѣчествѣ два различныхъ, рѣзко выраженныхъ темперамента. Грекъ сангвинико-нервнаго темперамента. Онъ живого нрава, впечатлителенъ, ясенъ, веселъ и полонъ надеждъ, открытъ для измѣнчивыхъ впечатлѣній внѣшняго міра, общежителенъ, до безразсудства простодушенъ, — это человѣкъ дня. Потому-то онъ и обрѣлъ свой міръ въ искусствѣ, въ сокровенной жизни духа, ясно и радостно охвативъ ею внѣшній міръ. Римскій народъ напротивъ того является холерикомъ въ человѣчествѣ. Онъ бодръ, настойчивъ, страстно и неусыпно дѣятеленъ, одаренъ быстрой рѣшимостью, сильною волею, высокимъ мужествомъ, полонъ новыхъ замысловъ, занятъ будущимъ, великодушенъ и щедръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ

заносчивъ, надменен и односторонен. Римскій народъ поэтому является народомъ подвига, борьбы и политики.

Въ такомъ народѣ искусству нѣтъ почвы. Правда, съ возроставшимъ богатствомъ господствующей касты греческій духъ былъ приглашенъ и въ Римъ. Но онъ не обрѣлъ себѣ пристанища въ римскомъ задушевномъ мірѣ, и матеріальный Римъ только окружилъ себя чуждымъ блескомъ художественнаго велелѣпія. У Римлянина — который ни въ чемъ не производителенъ, но во всемъ лишь воспріимчивъ,—искусство не возникало изнутри; оно приходило къ нему извнѣ. Умъ, постоянно направленный на практику, не давалъ развиться чувству красоты и не обращалъ также взора на природу и ея познаніе. У Римлянъ не было никакого естествовѣдѣнія. Также и въ философіи не обладали они творчествомъ, и даже когда обратились къ греческой философіи, то усвоили себѣ не греческихъ геніевъ, но тѣ системы, отъ которыхъ ожидали практической пользы для краснорѣчія. Римскій умъ лишь въ исторіографіи и краснорѣчіи обнаружилъ ясность, простоту, сжатость и силу. Точно такъ же и наука сосредоточена здѣсь на политической идеѣ. То же самое и языкъ: ему свойственны сила и достоинство, мужественный характеръ и ясность понятій. Римскій языкъ — языкъ прозы, а потому онъ и ведетъ къ прозѣ въ свою очередь.

Какъ въ человѣческихъ, такъ точно и въ божескихъ дѣлахъ политическая цѣль возведена была Римлянами въ правило. Самое слово religio—отъ связи, которая соединяетъ личности — указываетъ на сущность римской религіи, боги которой разъединенно стоятъ обокъ другъ съ другомъ и суть не что иное какъ аттрибуты политической мысли и исторіи Рима. Вся жесткость прозаически расчетливаго разсудка, направленіе воли къ конечнымъ цѣлямъ и ограниченной полезности, эта главная черта римскаго существа, выразилась также въ римскомъ мірѣ боговъ и въ практической религіозности. Римскіе лики боговъ въ сущности только олицетворенныя понятія, аллегорическія существа, боги трезваго разсудка, лишенные собственно всякаго миѳическаго и мистическаго содержанія. Благо и преуспѣяніе общественнаго строя, міродержавство Рима, божественное единство мірскихъ цѣлесообразныхъ соотношеній олицетворены въ Капитолійскомъ Юпитерѣ, а рядомъ съ этою высшею разсудочной цѣлью вся область остальныхъ конечныхъ цѣлей олицетворяется особыми божествами. Боги представляютъ собой интересы повседневной жизни и служатъ для единичныхъ личностей средствами къ осуществленію ихъ интересовъ; да и само государство, покоряя разныя національности, увозитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ уже интересѣ боговъ покорен-

ныхъ странъ въ Римъ и подчиняетъ ихъ въ римскомъ Пантеонѣ пустому Капитолійскому Юпитеру. Отношеніе единичнаго лица къ богамъ не идеальный подъемъ, какъ то было у Грековъ, а напротивъ, оно вытекшая изъ себялюбія, нужды и потребности зависимость,—связность. Религіозное настроеніе не что иное какъ отношеніе прозаической полезности. Самый культъ коренится въ конечныхъ потребностяхъ и цѣляхъ и служитъ единственно лишь политическимъ интересамъ государства. Цѣль культа—самоуслажденіе власти, а наружный блескъ зрѣлищъ, гладіаторскихъ боевъ и звѣриной травли—интересъ празднества.

Этой духовной жизни Римлянина соотвѣтствовало конечно и воспитаніе его. Семья была основою воспитанія: семья и истинная жизнь ея Римлянами впервые введены въ исторію. Жена пользуется у нихъ уваженіемъ, какое до сихъ поръ не проявлялось еще въ развитіи человѣчества, хотя съ юридической точки зрѣнія она несовершеннолѣтняя, неравноправная съ мужчиною личность, такъ что — за исключеніемъ Весталокъ—она не можетъ располагать своимъ имуществомъ, ни сдѣлать завѣщанія, и всегда должна находиться подъ надзоромъ опекуна. Прекрасную похвалу, выраженную Тацитомъ (Tacit. Agr. 4) матери Агриколы (Mater Julia Procilla fuit rarae castitatis. In hujus sinu atque indulgentia educatus per omnem honestarum artium cultum pueritiam adulescentiamque transegit *), можно отнести къ древнѣйшей и лучшей эпохѣ республики. Въ семейномъ кругу жена пользуется своими правами: здѣсь она является примиряющимъ началомъ. Подъ ея вліяніемъ—Сабинянки — заключаются союзы и миры. Изъ всѣхъ государствъ въ древности, говоритъ Крамеръ, въ одномъ только Римѣ могло случиться, что была изгнана царская семья и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнено царское достоинство—изъ-за нарушенія женскаго цѣломудрія, по всеобщему народному повѣрью. „Въ одновременномъ изгнаніи тиранновъ изъ Аѳинъ ясно обнаруживается разница греческаго и римскаго народнаго быта одною уже чертою, что въ Аѳинахъ тираннію низвергаетъ отроческая, а въ Римѣ женская любовь.“ У Римлянъ господствуетъ поэтому, какъ бы само собою подразумѣваемое, хотя никакимъ яснымъ закономъ не установленное,—одноженство. А такъ какъ жена истинно признавалась, такъ какъ она была представительницею семейной чести и, за одно съ мужемъ,—высокаго достоинства родительскаго полновластія; такъ какъ брачныя узы между мужемъ и женой считались самыми тѣсными и неразрывными житейскими

*) Юлія Процилла была женщина рѣдкаго цѣломудрія. Воспитанный ея заботою и нѣжностью, онъ въ дѣтскій и юношескій возрастъ вполнѣ прошелъ весь культъ благочестивыхъ искусствъ.

узами: то въ Римѣ и развились поэтому женская добродѣтель и женское величіе на образецъ для всѣхъ вѣковъ, — потому-то въ Римѣ женщины появляются также въ качествѣ воспитательницъ, — потому-то здѣсь болѣе чѣмъ въ Греціи пеклись о воспитаніи дѣвицъ и при этомъ обращали вниманіе какъ на образованіе ума, такъ точно и на образованіе нрава и истинной женственности, — оттого-то отъ матери и отъ опирающагося на значеніе женщинъ и на важность брака домашняго очага и исходило прочное воздѣйствіе на воспитаніе. Веста, бывшая у Грековъ общественнымъ, стала у Римлянъ домашнимъ божествомъ, ликъ котораго помѣщался между домашними богами. Весталки же — эти идеалы женскаго существа — пользовались уваженіемъ и значеніемъ, какого не встрѣчаемъ болѣе въ древней исторіи, — онѣ были свободны и самостоятельны: имъ благоговѣйно уступали дорогу; передъ ними склонялись прутья ликторовъ; ихъ простое показаніе принималось какъ бы данное подъ присягою; преступникъ, съ которымъ встрѣчались онѣ случайно на пути къ казни, избавлялся отъ кары. Преимущественно отъ Сабинянъ, какъ кажется, перешли къ Римлянамъ патріархальный домашній строй, святость брака и строгость семейнаго устава. Однако римское преданіе приписываетъ возроставшее достоинство женщинъ частью оказаннымъ ими заслугамъ государству, частью мудрости законодателей. — Восторженное похвальное слово женщинѣ, характеризующее римское настроеніе въ этомъ отношеніи, находимъ у Сенеки: „Кто скажетъ, чтобы природа была мачихою въ отношеніи женскихъ способностей и ограничила тѣсными предѣлами добродѣтели этого пола? Повѣрь мнѣ, онѣ обладаютъ такою же живостью, такою же способностью къ нравственнымъ подвигамъ; онѣ одинаково сносятъ и трудъ и скорби, если привыкли къ нимъ. Въ какомъ городѣ говоримъ мы объ этомъ, благіе боги? Въ томъ, гдѣ Лукреція и Брутъ низвергли царское достоинство: Бруту одолжены мы свободою, Лукреціи Брутомъ; гдѣ Клелію за ея чрезвычайную отвагу причислили чуть ли не къ мужамъ. На священной улицѣ, въ наиболѣе посѣщаемомъ мѣстѣ, возсѣдая на конѣ, Клелія служитъ укоромъ нашимъ юношамъ, которыхъ переносятъ на подушкахъ носилокъ, — укоромъ, что они смѣютъ показываться этакъ въ городѣ, гдѣ мы даже женщинъ одарили конемъ“. У Римлянъ было высокое семейное чувство: атріумъ служилъ мѣстомъ сборища для семьи; здѣсь мужъ принималъ своихъ кліэнтовъ и давалъ имъ совѣты; здѣсь жена занималась своими работами; здѣсь изображенія предковъ напоминали о славѣ рода.

Дома, гдѣ жена какъ мать и въ то же время мужъ какъ гражданинъ были представителями семьи, отроки и дѣвы пріучались къ благоразумію, правдивости, скромности, про-

стотѣ и благородной осанкѣ, — а благодаря общественной государственной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ воспоминаніямъ отечественной исторіи эти добродѣтели отпечатлѣвались потомъ въ юношѣ твердыми характерными чертами. „Въ родительскомъ домѣ цѣломудренною матерью рожденный сынъ воспитывался не въ комнатѣ наемной кормилицы, но на лонѣ и у груди матери, высшая похвала которой состояла въ томъ, чтобы быть главою въ домѣ и посвятить себя на службу дѣтей. Мать не только дѣльныя занятія, но также и досугъ и игры отроковъ руководила свойственнымъ ей высокимъ, внушающимъ уваженіе духомъ. Такова Корнелія, мать Гракховъ, такова Аврелія, мать Цезаря, и Аттія, мать Августа. Ихъ попеченія и воспитаніе имѣли въ особенности цѣлью, чтобы правдивая, неподдѣльная и никакими соблазнами еще не совращенная натура каждаго отрока тотчасъ же вполнѣ посвятила себя прекраснымъ искусствамъ и занялась всецѣло тѣмъ, къ чему влекутъ его наклонности,—воинскимъ ли дѣломъ, юридическими ли науками или изученіемъ краснорѣчія.“ „У Грековъ—говоритъ Цицеронъ—иные всею душою обращаются къ поэтамъ, другіе къ геометрамъ, или къ музыкантамъ, а не то, какъ напр. діалектики, открываютъ себѣ новый кругъ дѣятельности и все свое время, всю свою жизнь посвящаютъ искусствамъ, изобрѣтеннымъ для того, чтобы образовать духъ юноши для гуманности и добродѣтели“. „Дѣти же Римлянъ воспитываются съ тѣмъ, чтобы они со временемъ могли быть полезными отечеству, и потому ихъ надлежитъ обучать государственному строю и учрежденіямъ предковъ. Отечество породило и воспитало насъ съ условіемъ, чтобы мы на пользу ему посвятили бо́льшую часть лучшихъ силъ нашего духа, дарованія и ума;—потому намъ слѣдуетъ изучать искусства, которыми мы могли бы принести пользу государству, ибо это считаю я высшею мудростью и высшею добродѣтелью.“ Воспитаніе у Римлянъ было образованіемъ не въ прекрасныхъ, но въ полезныхъ искусствахъ: bonae, honestae, liberales, ingenuae artes,—не humanitas и doctrina, а eruditio и institutio.

Римское воспитаніе свою силу и свой главный рычагъ обрѣтало въ семьѣ, въ политическомъ единствѣ общиннаго быта, въ твердости преданій и общества. Всякое знаніе выходившее за грань преуспѣнія и укрѣпленія вѣчнаго Рима и увѣковѣченья славы его въ потомствѣ, считалось для Римлянина непригоднымъ дѣломъ. Воспитаніе не было гармоническимъ развитіемъ всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ: оно въ сущности было направлено на внѣшнія цѣли, на предметы расчетливаго ума, на потребности гражданина и государства. Развитіе внутренней духовной жизни было частнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи здѣсь государство также мало обращало вниманія на воспитаніе, какъ и въ

Греціи. Впрочемъ позже и тутъ также цензоръ могъ повліять своимъ порицаніемъ, всилу того, что отъ излишней снисходительности и изнѣженности въ воспитаніи государство можетъ понести ущербъ. Но правительство отнюдь и не думало само печься объ учебныхъ заведеніяхъ. Cic. de rep. VI, 3: Principio disciplinam puerilem ingenuis, de qua Graeci multum frustra laborarunt et in qua una Polybius noster hospes nostrorum institutorum negligentiam accusat, nullam certam aut destinatam legibus aut publice expositam, aut unam omnium esse voluerunt *). Какъ великій разсадникъ римскаго духа обокъ съ настоящимъ воспитаніемъ является форумъ(мѣсто политической и судебной дѣятельности), гдѣ юношество, созерцая, слушая и дѣйствуя, совершенствовалось для политическаго искусства. А то, чего не давали ни семья, ни форумъ, восполнялось живою силою историческаго воспоминанія. Цѣль, къ которой стремилось воспитаніе, была практическая и патріотическая дѣятельность.

Способы воспитанія въ самомъ зародышѣ и починѣ своемъ были сходны съ тѣми, изъ которыхъ въ Греціи развились искусство и наука. Римскій отрокъ долженъ былъ управлять конемъ и колесницею, владѣть копьемъ на охотѣ, быть воиномъ: все первые начатки гимнастики. Торжественное пѣснопѣніе, пѣснь о предкахъ, маскерадный фарсъ служили основными началами для разныхъ отраслей поэзіи и для музоугоднаго образованія. Но эти начала не достигали полнаго развитія. Тѣлесное воспитаніе не поднялось до идеи художественнаго развитія тѣла. Палестрика въ смыслѣ греческой красоты никогда не получала всеобщаго и народнаго значенія. Музоугодное образованіе никогда не достигало національнаго расцвѣта и не давало плодовъ: музоугодныя потѣхи Эллиновъ казались Римлянамъ недостойными. И лишь тогда, когда римскій характеръ уклонился отъ своей первобытной сущности, вторглась сюда греческая наука и пр., или наоборотъ, это вторженіе греческаго духа въ римскій элементъ было скорѣе одною изъ главныхъ причинъ, своротившихъ римскую жизнь съ ея колеи. Тутъ-то и началось обученіе греческому языку; потомъ упражненіе въ слогѣ и декламаціи рѣчей; подъ конецъ же республики — книжное образованіе; въ первый вѣкъ имперіи наступилъ цвѣтъ литературы, а со временъ Адріана возникла правильная система преподаванія; и наконецъ провинціалы „наложили на все ученіе юношества

*) Сначала хотѣли, чтобъ дѣтское ученіе велось только у свободнорожденныхъ; надъ этимъ много, но безъ толку трудились Греки, и мы заслужили справедливое порицаніе отъ гостившаго у насъ иностранца Полибія за нерадѣніе, доходящее въ этомъ случаѣ до того, что у насъ учебная часть вовсе не составляетъ ничего такого, что подлежало бы опредѣленнымъ и однообразнымъ для всѣхъ правиламъ.

схоластическій отпечатокъ". У Римлянъ никогда не было истиннаго пониманія греческихъ воспитательныхъ способовъ, да его и не могло быть у такого народа, который отвергалъ все, что не примѣнялось къ жизни. Римлянинъ добивался сильной и производительной дѣятельности, пользы, и самою цѣлью его воспитанія былъ практическій подвигъ гражданина; тогда какъ Грекъ съ его способами воспитанія старался выработать прекрасную индивидуальность, идеальное совершенство человѣка. У Грековъ воспитаніе стремилось къ идеѣ красоты и добра; у Римлянъ же путемъ воспитанія домогались практичности и полезности. Тамъ хотѣли осуществить эстетическую, а здѣсь дѣйствительную жизнь. Идеалъ греческаго воспитанія былъ направленъ на изящество, а римскаго на сановитое, полное внѣшняго достоинства проявленіе практической дѣятельности. Эллинъ лелѣялъ духовныя стремленія и цѣли, искусство и науку, ради нихъ самихъ, по свободному влеченію своей натуры; а дѣятельность Римлянина удовлетворялась лишь тѣмъ, что было полезно государству. Воспитаніе Грековъ и Римлянъ взаимно исключается. А все-таки Греки и Римляне дополняютъ другъ друга, какъ на обширномъ поприщѣ всемірной исторіи вообще, такъ точно и въ отношеніи ихъ идеаловъ воспитанія. Воспитаніе имѣетъ вѣдь задачею гармоническое развитіе чувственнаго и духовнаго человѣка, мышленія и дѣйствія.

Этимъ въ то же время обозначается односторонность римскаго воспитанія. Такъ какъ стремленіе и дѣятельность Римлянина опирались не на внутреннее развитіе мышленія и чувствованія, а лишь на обычай и навыкъ; такъ какъ Римлянамъ поэтому недоставало надежной и неколебимой основы, которую даетъ лишь вытекающее изъ размышленія правило, опирающееся на прочный всегда выводъ рѣшеніе; то они и подлежали опасности, какъ изнутри, такъ и извнѣ, быть сбитымъ съ своего средоточія. Такимъ-то образомъ вліяніе извнѣ въ Римѣ на самомъ дѣлѣ подрыло семейную и государственную жизнь, и вмѣстѣ съ этимъ самое воспитаніе навыка было выведено изъ его предѣловъ: что въ семьѣ явилось сластолюбіемъ и сладострастіемъ, то же самое въ государствѣ вышло подкупностью и ослабленіемъ физическихъ и нравственныхъ силъ; изъ decorum et honestum одно только decorum осталось принципомъ жизни и воспитанія, точно такъ же какъ слава осталась единственною добродѣтелью (virtus). Къ этой цѣли въ сущности и напиралъ внутренній характеръ Римлянина. Когда въ характерѣ господствуютъ страсти и эгоистическія побужденія, необуздываемыя высшими дѣятельностями мышленія и чувствованія: то до поры до времени, пока внѣшній міръ влечетъ насъ къ возвышенной цѣли, жизнь въ состояніи еще возносить надъ чувственностью; но коль скоро ослабѣетъ этотъ порывъ,

то подобный характеръ невольно отдается чувственнымъ побужденіямъ. Эгоизмъ Рима сдерживался лишь до тѣхъ поръ, пока приходилось созидать государство внутри и расширять его во внѣ. Когда же наконецъ внутри все было развито, а во внѣ все покорено, то порывъ, отвлекавшій эгоистическія наклонности къ великимъ цѣлямъ, ослабѣлъ, и страсти обнаружили настоящія свойства свои въ пошлой чувственности. И тѣмъ менѣе было средствъ остановить это направленіе къ пошлой чувственности и полезности, что римская религія не просвѣтляла жизни и не возносила воспитанія къ идеаламъ. У Рима были храмы, священные дни, религіозная пышность, сонмы жрецовъ и жрицъ; но все это лишь въ качествѣ культа государственной религіи, которая была рычагомъ государственнаго строя, а потому и подстрекала правда до поры до времени мужество и любовь къ отчизнѣ; но, какъ простое орудіе практической полезности, она скоро утратила власть надъ умами людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ воспитаніемъ.

Направленіе всего римства, а съ нимъ также и римскаго воспитанія изображаетъ Сенека у Лактанція: „Ранній младенческій возрастъ Рима былъ при Ромулѣ, отъ котораго городъ получилъ свое бытіе. Свое отрочество Римъ провелъ подъ властью остальныхъ царей, при которыхъ онъ расширилъ свои предѣлы и образовался путемъ знаній и учрежденій. Въ царствованіе Тарквинія онъ вступалъ уже въ юношескую пору. Рабское подчиненіе стало для него невыносимо. Онъ сбросилъ съ себя ярмо деспотизма и захотѣлъ повиноваться скорѣе законамъ, чѣмъ царямъ. Когда же Пуническою войною завершился его юношескій періодъ, то онъ съ окрѣпшими силами началъ вступать въ зрѣлое мужество. Наконецъ, когда порабощены были всѣ цари и народы, и не было болѣе повода къ войнѣ, то Римъ сталъ злоупотреблять своею силою и вмѣстѣ съ тѣмъ истощилъ самого себя. Старческая пора его наступила тогда, когда онъ опять воротился къ формѣ единодержавія: онъ одряхлѣлъ до такой степени, что уже не въ силахъ былъ держаться самъ собою, не прибѣгая къ опорѣ своихъ владыкъ“.

---

1. ДѢТСТВО РИМА.

24.

Младенческая исторія Рима начинается въ миѳахъ и заодно съ миѳами, которые намекаютъ частью (—какъ въ томъ преданіи, будто Эвандръ основалъ городъ на одномъ изъ семи холмовъ Рима и будто Геркулесъ въ странствіи сво-

емъ по Лацiуму избавилъ своихъ земляковъ отъ враждебнаго великана Какуса—) на связь Италiи съ Грецiей, а частью указываютъ (—какъ наприм. въ бракѣ Энея съ Лавинiей, дочерью царя Латина, и въ основанiи сыномъ его Асканiемъ Альбы Лонги—) на происхожденiе Римлянъ отъ Троянъ. Первое развитiе римскаго народа и государства совершается при царяхъ. Государство возникаетъ изъ сборища хищниковъ, и Ромулъ, вожакъ этого сброда, организуетъ изъ него военное государство, сливъ воедино этруско-сабинскую народность съ латинскою въ предѣлахъ новооснованнаго города. Въ этомъ государствѣ существуетъ кастообразное различiе между свободными, патрицiями, принадлежавшими къ тремъ различнымъ нацiямъ, изъ которыхъ возникъ Римъ, и одни лишь правившими государствомъ въ лицѣ трехъ трибъ, Рамновъ (Латинъ), Тицiевъ (Сабинянъ) и Луцеровъ (Этрусковъ),—между крѣпостными, рабами, во всемъ подвластными этимъ свободнымъ,—и между образовавшимися изъ свободныхъ гражданъ, добровольно или вынужденно вслѣдствiе завоеванiй переселившимися изъ сосѣднихъ городовъ въ Римъ плебеями, которые хотя и были лично свободны, однако не принимали никакого участiя въ управленiи государствомъ. Власть царя была не что иное какъ отправляемая сенатомъ чрезъ избранное имъ лицо исполнительная власть; лишенный же правъ народъ предпочиталъ господство одного произволу многихъ, такъ что по чудесномъ исчезновенiи Ромула онъ принудилъ сенатъ избрать новаго царя. Выборъ палъ на Сабинянина Нуму Помпилiя, который—подобно тому какъ Ромулъ по энергiи и воинской доблести былъ плотскимъ основателемъ—сдѣлался по религiознымъ учрежденiямъ, слившимъ воедино праотцовскую вѣру трехъ племенъ, и сверхъ того по образованiю гражданской и домашней жизни, духовнымъ отцомъ Рима. Онъ сумѣлъ мечи преобразить въ серпы, страсть къ войнѣ—въ любовь къ земледѣлiю, и устроить государство такъ, что въ Римѣ господствовали справедливость и порядокъ, болѣе даже чѣмъ въ благоустроеннѣйшемъ домѣ. А для того чтобы въ возникшемъ путемъ насилiя обществѣ обезпечить и освятить собственность, онъ установилъ служенiе богу границъ, Термину. Такого же латинскаго происхожденiя, какъ служенiе этому божеству, было равномѣрно поклоненiе Янусу, который впослѣдствiи, какъ богъ природы и лѣтъ, какъ богъ-хранитель входа и выхода, а потому также войны и мира, былъ преобразованъ въ ликъ Юпитера, верховнаго покровителя города и государства,—точно также и поклоненiе Вестѣ, богинѣ семейнаго очага и домовитости, священный огонь которой поддерживался четырьмя дѣвственными жрицами. Юпитеръ, Марсъ и Квиринъ, для которыхъ Нума назначилъ трехъ главныхъ жрецовъ, фламиновъ, принадлежали

собща Латинамъ и Сабинянамъ. Жречество Саліевъ, охранявшихъ священные щиты Марса, и Феціаловъ или герольдовъ, наблюдавшихъ во время войны за исполненіемъ религіозныхъ и народныхъ правъ, онъ заимствовалъ вѣроятно у воинственныхъ Сабеллъ. Отъ Этрусковъ онъ перенялъ обрядовый уставъ, предсказыванье по внутренностямъ животныхъ, по клеву птицъ и т. п., равно какъ и сословіе Понтифексовъ, сдѣлавшееся въ рукахъ сената самымъ мощнымъ рычагомъ правительственнаго организма. Онъ обратилъ особенное вниманіе на земледѣліе, которое въ связи съ скотоводствомъ служило основою всей жизни и столько же приличнымъ, сколько почетнымъ для древняго Римлянина промысломъ: вѣдь самъ Сатурнъ, подчиняясь господству Януса, прибылъ въ Лаціумъ, съ тѣмъ чтобы научить земледѣлію бродившихъ дотолѣ дикихъ обитателей края, пріучить ихъ къ порядку и благонравію и положить такимъ образомъ основаніе золотому вѣку. Но высшею заботою Нумы была святость алтаря и домашняго очага. Для того-то при посредствѣ очага Весты онъ и возвысилъ значеніе женскаго пола, а введеніемъ вестальскихъ дѣвъ сдѣлалъ цѣломудріе и достоинство женщинъ національнымъ обычаемъ. Жрецовъ онъ училъ по писаніямъ, которыя велѣлъ похоронить съ собою, дабы въ Римѣ господствовала не мертвая буква (а живое преданіе), и самъ онъ былъ исполненъ религіознаго благоговѣнія и религіозной жизни. Всѣ житейскія условія онъ подчинилъ покровительству боговъ, и все до самыхъ мелочей приписывалось съ тѣхъ поръ божьему промыслу. Каждый домъ былъ храмомъ, каждый отецъ семейства жрецомъ. Каждое общество, городà и государства, войска и народы имѣли своего генія, который словно незримый, охраняющій и совѣтующій другъ постоянно сопутствовалъ даже и любому единичному лицу, предопредѣлялъ его свойства и руководилъ его судьбою.—Итакъ Римъ съ разу началъ съ индивидуальнаго генія, изъ-за котораго Аѳиняне осудили Сократа и о который сокрушились Греки.

Послѣ того какъ Нума устроилъ религіозную жизнь Римлянъ, а потомъ Латинянинъ Туллъ Гостилій, Сабинянинъ Анкъ Марцій и Этрускъ Тарквиній Прискъ расширили Римъ внутри и внѣ, Сервій Туллій, оправдавшій на дѣлѣ чудный огненный блескъ, какимъ озарилась во снѣ голова отрока, сломилъ своимъ новымъ политическимъ раздѣленіемъ исключительное вліяніе патриціевъ, и тогда рядомъ съ аристократіей возникло плебейское право собственности, вслѣдствіе чего власть была исторгнута изъ рукъ патриціевъ. Сервій не только принялъ плебеевъ въ государственный составъ, раздѣливъ ихъ также на трибы, но распредѣлилъ притомъ и весь народъ, помимо всѣхъ сословныхъ различій, на шесть классовъ, изъ которыхъ первый заключалъ въ себѣ гражданъ, имѣв-

шихъ по малой мѣрѣ сто тысячъ ассовъ каждый, а шестой—менѣе 12000 ассовъ или даже вовсе неимущихъ. Пользовавшіяся доселѣ преимуществами сословія сохранили при этомъ бо́льшую часть своихъ правъ, потому что теперь они были еще самыми богатыми; но при измѣнчивости имущества всякому предоставлялась возможность достичь того же значенья. Всѣ классы были раздѣлены на 193 центуріи, изъ которыхъ впрочемъ первый заключалъ въ себѣ 99: народное собраніе центурій было верховною властью народа; оно избирало высшихъ сановниковъ и рѣшало на счетъ войны и мира; въ лицѣ его Римъ и при монархическомъ правленіи былъ уже въ сущности республикой. Почести и отличія не составляли болѣе исключительнаго достоянія патриціевъ, и какъ имущества, такъ и общественныя обязанности распредѣлялись равномѣрнѣе. Одни только рабы лишены были всякихъ правъ; на нихъ, какъ вполнѣ безправныхъ, смотрѣли не какъ на лица, а какъ на вещи, и господинъ могъ подвергать ихъ всякаго рода наказаніямъ.— Благодаря постановленіямъ Сервія Туллія, Римляне пришли къ сознанію самихъ себя. А потому, когда Тарквиній Гордый задумалъ было вновь подчинить народъ прежнему рабству и произволу патриціевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принизить также значеніе сенаторовъ и сдѣлать царскую власть независимою отъ патриціанской: то между царемъ и народомъ возникъ разладъ, такъ что достаточно было ничтожнаго повода для явнаго возстанія. Оскорбленіе чести женщины, вторженіе въ самую завѣтную святыню семьи, прикосновеніе къ неприкосновенному, къ принципу задушевности и святыни, послужили предлогомъ для изгнанія царей, точно такъ же какъ впослѣдствіи и децемвировъ.

Вмѣстѣ съ этимъ Римъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста. Путемъ войны и земледѣлія, этихъ существенныхъ занятій Римлянъ, и въ простомъ и строгомъ житейскомъ быту, началъ онъ развивать первичныя основы своего духа, свой практическій умъ и свою энергическую волю въ религіозной и политической жизни и пытался осуществить все это на дѣлѣ. Въ наукѣ онъ усвоилъ себѣ первоначальныя знанія: языкъ и письмо Римляне удержали за собою при самомъ основаніи римскаго государства, какъ продуктъ латинской цивилизаціи, и при этомъ занимались еще межеваніемъ, гадательнымъ искусствомъ, вообще знаніями, связанными съ земледѣліемъ и религіей. Ремесла не въ примѣръ земледѣлію считались низкими, и въ болѣе богатыхъ семьяхъ ихъ производили рабы, а въ бѣдныхъ—кліенты и вольноотпущенные. Первый лепетъ поэзіи начался съ пѣснопѣній Саліевъ и съ пѣсенъ Арвальскаго братства. Вообще Римляне искони были богаты народными пѣснями, состоявшими въ непосредственной связи съ происшествіями повседневной жизни, и на праздничныхъ пирахъ подъ зву-

ки флейты въ чередующейся рѣчи воспѣвалась хвала знаменитымъ мужамъ: то что добрый духъ нашептывалъ и наигрывалъ въ рощѣ, то мудрецъ и умная женщина возвѣщали опять подъ флейтную игру и въ ритмическомъ стройномъ словѣ; а скакуны и другія жреческія братства пѣли и отплясывали религіозныя литаніи. На праздникахъ вообще смѣшивались пѣсня, пляска и игры; и ни одно жертвоприношеніе, ни одна свадьба, ни даже похороны не обходились безъ плясуновъ или флейтщиковъ или пѣвцовъ.

Семейная жизнь съ самаго начала римскаго государства считалась священною. Бракъ въ силу обычая былъ единоженственъ. Онъ заключался уже по взаимному согласію; но большею частью при заключеніи его, особенно же при болѣе торжественномъ его видѣ, при confarreatio, совершаемомъ великимъ жрецомъ въ присутствіи 10 свидѣтелей съ принесеніемъ въ жертву пшеничнаго хлѣба, давались свадебныя пиршества. Наканунѣ бракосочетанія невѣста, послѣ жертвоприношенія Юнонѣ, учредительницѣ браковъ, снявъ тогу претексту, передавала ее дѣвственной Фортунѣ. Въ день бракосочетанія она надѣвала Vitra recta, вѣнокъ изъ цвѣтовъ, женскую тунику съ шерстянымъ поясомъ, красное покрывало и красные башмаки. По принесеніи жертвы Юнонѣ брачная чета садилась на руно закланнаго животнаго—въ воспоминаніе объ исконной одеждѣ женщинъ. При вводѣ въ домъ вечеромъ новобрачная приносила съ собой веретено, прялку и шерсть, затѣмъ получала ключъ отъ дома и, въ знакъ цѣломудрія, чистоты и строгаго брачнаго союза, прикасалась вмѣстѣ съ женихомъ къ водѣ и огню. Уже Ромулъ, какъ полагаютъ, объявилъ бракъ неразрывнымъ и запретилъ разводъ по какой бы то ни было причинѣ, за исключеніемъ лишь прелюбодѣйства; разводъ въ древнія времена былъ дѣломъ неслыханнымъ, и первый совершился въ 231 до Р. Х. при консулахъ М. Помпоніи и Кайѣ Папиріи, что тогда порицалось всѣмъ народомъ. Бракомъ утверждалась общность всѣхъ условій жизни, а относительно положенія жены къ мужу онъ былъ двоякій: строгій бракъ вводилъ жену совершенно въ семью мужа; она была подчинена ему какъ дочь, будучи въ то же время членомъ дома и хозяйкою для подвластныхъ; за проступки жены противъ супружеской вѣрности и женственной нравственности, напр. за употребленіе вина, мужъ каралъ ее въ силу своей супружеской власти;—вольный бракъ напротивъ того оставлялъ жену во власти отца, такъ что послѣдній могъ даже взять ее отъ мужа къ себѣ обратно. Мужъ принадлежалъ общественной жизни; женѣ же присвоивалось домашнее хозяйство. Хозяйка завѣдывала всѣмъ домомъ. Въ атріумѣ она съ своими рабынями занималась тканьемъ и пряжей. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдала сама за кухней. Однако жена присутствовала также,

когда хозяинъ въ качествѣ патрона сообщалъ своимъ кліэнтамъ рѣшенія по судебнымъ вопросамъ, и сверхъ того при бесѣдахъ, когда ея супругъ велъ съ своими друзьями разговоры о важнѣйшихъ дѣлахъ отечества, о правахъ и законахъ, о нравахъ и обычаяхъ: такимъ образомъ душа ея исполнялась благороднѣйшихъ помысловъ. Въ пиршествахъ мужчинъ она принимала участіе съ робкою скромностью. Въ обществѣ ей оказывалось высокое уваженіе. Мужчина, встрѣчаясь съ матроною, уступалъ ей дорогу, а непристойныя рѣчи и срамные поступки при женщинахъ тяжко наказывались. Мужъ былъ господиномъ, жена въ своемъ родѣ также госпожею въ домѣ.

Чистота брачныхъ отношеній освящалась обычаемъ и закономъ. За нецѣломудріе Ромулъ уже назначилъ наказаніе, и нецѣломудренныя женщины, жившія съ женатыми мужьями, по уставу Нумы, не могли выходить замужъ, не совершивъ напередъ торжественной очистительной жертвы.

Въ законномъ бракѣ отецъ имѣлъ полную власть надъ ребенкомъ. Patria potestas *) Римлянъ вмѣщала въ себѣ право надъ жизнью и свободою дѣтей. Этотъ, какъ полагаютъ, Ромуловъ, но во всякомъ случаѣ стародавній законъ, во всей своей суровости перешелъ въ законодательство двѣнадцати таблицъ. Онъ смягчался лишь тѣмъ, что право на жизнь и смерть въ сущности относилось только къ предоставленному государствомъ отцу семейства (paterfamilias) праву суда и наказанія, такъ что отецъ поступалъ въ этомъ случаѣ не по одному собственному усмотрѣнію, но согласно обычаю обязанъ былъ собрать семейный судъ. Valer. Max. V. 8. 21: Cassius filium adhibito propinquorum et amicorum consilio affectati regni crimine domi damnavit verberibusque affectum necari jussit **). Однако въ случаѣ явныхъ уголовныхъ преступленій отецъ безъ дальнихъ околичностей самъ могъ чинить судъ и расправу, ибо казалось приличнѣе, чтобы отецъ осудилъ сына, чѣмъ являться ему обвинителемъ на судѣ. Sall. Cat. 39. Fuere tamen extra conjurationem complures, qui ad Catilinam initio profecti sunt; in his A. Fulvius senatoris filius, quem retractum ex itinere parens necari jussit ***). Когда же злоупотреблялась patria potestas, то въ прежнее время цензоръ могъ сдѣлать за то выговоръ, Dionys XX, 3; Oros. V. 16. упоминаетъ даже о публичномъ обвиненіи; впослѣдствіи за этимъ наблюдали импера-

*) Отцовская власть.

**) Кассій, по настоянію родственниковъ и съ совѣта друзей, на дому обвинилъ сына въ домогательствѣ верховной власти и приказалъ засѣчь его на смерть.

***) Впрочемъ и внѣ заговора находились многіе, отъѣзжавшіе сначала къ Катилинѣ; въ числѣ ихъ былъ сынъ сенатора, Фульвій, котораго родитель, воротивъ съ дороги, приказалъ умертвить.

торы, какъ напр. Траянъ и Гадріанъ. Во 2-мъ столѣтіи императорской эпохи это право отца было отмѣнено.—По 12 таблицамъ признается и право продажи; но въ дѣйствительности такого примѣра не встрѣчаемъ, а потому надо полагать, что это рано уже вышло изъ обычая.—Сынъ до самой смерти отца пребывалъ въ patria potestas, если только который либо изъ нихъ не понесъ capitis deminutio *), или если сынъ не сдѣлался Flamen Dialis **). Въ отношеніи къ дочери эта власть прекращалась, когда первая вступала въ полный бракъ ***) или когда она дѣлалась весталкою. — Отъ patria potestas слѣдуетъ отдѣлить право убивать или подкидывать новорожденнаго. Въ Римѣ это не примѣнялось въ такихъ большихъ размѣрахъ какъ въ другихъ странахъ. Уже Ромулъ, какъ полагаютъ, запретилъ убивать сыновей старшей дочери. (Dionys II. 16). Впрочемъ подкидыванья и убійства наворожденныхъ не рѣдко случались даже въ знатныхъ семьяхъ. Dio Cass. XLV, 1.—(tollere, suscipere liberos: Varro у Non. XII. 36: Natus si erat vitalis ac sublatus ab obstetrice, statuebatur in terra, ut auspicaretur rectus esse. †) Предстательницей этого дѣла, судя по August. de civit. dei IV, 11, было божество Левана (levat infantes de terra). ††)

Обладаніе дѣтьми давало право на высшее положеніе въ государствѣ. По Діонисію Галикарнасскому еще Ромулъ избралъ храбрыхъ и богатыхъ, имѣвшихъ уже дѣтей, предпочтительно передъ простымъ и безвѣстнымъ людомъ, и назвалъ ихъ patres, отцами.

Вытравлять плодъ запрещалось подъ страхомъ наказанія, впрочемъ на томъ лишь основаніи, чтобы предупредить нарушеніе власти мужа, которому исключительно предоставлялось право надъ жизнью и смертью дѣтей. Подкидыванье разрѣшалось, но уже Ромулъ постановилъ, чтобы это происходило не иначе какъ съ согласія пяти въ качествѣ свидѣтелей привлеченныхъ сосѣдей, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ ребенка и притомъ съ дѣтьми, обезображенными отъ рожденія, тогда какъ воспитаніе мальчиковъ и старшихъ дочерей вообще предписывалось закономъ. Въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ на одну половину имущества налагалось законнымъ порядкомъ запрещеніе въ видѣ пени. Все-таки въ Римѣ подкидывалось сравнительно много дѣтей, и тамъ было даже особенное мѣсто, такъ называемая Млечная колонна пе-

---

*) Потери гражданскаго полноправія.

**) Жрецомъ Юпатера.

***) Т. е. совершенно подчинялась мужу.

†) Если новорожденный былъ живъ и какъ слѣдуетъ принятъ повивальною бабкою, то его ставили на землю, дабы всѣмъ было видно, что онъ прямъ (исправенъ).

††) Левава т. е. подъемщица, оттого что подымаетъ дѣтей съ земли.

редъ храмомъ Милосердія (—это первый воспитательный домъ въ исторіи—), куда приносили такихъ дѣтей и гдѣ сострадательными семействами раздавалось молоко для ихъ прокормленія, пока кто нибудь не рѣшался принять къ себѣ и вскормить подкидыша.

Новорожденный младенецъ предъявлялся въ храмѣ Юноны Луцины. Когда отецъ, поднявъ его съ полу, признавалъ его своимъ и такимъ образомъ обязывался воспитать его, то ему— дѣвочкѣ на осьмой, а мальчику на девятый день послѣ рожденія—давалось имя. Этотъ день праздновался съ торжествомъ: приглашались родственники и друзья дома, приносились жертвы домашнимъ богамъ; совершались религіозные обряды для охраны младенца отъ всякихъ чаръ и для порученія его какому либо божеству. Религіозные обряды и суевѣрныя церемоніи встрѣчали дитя уже при самомъ рожденіи и сопровождали его во все время воспитанія. Богъ Вагитанъ открывалъ ребенку съ первымъ его крикомъ уста. Левана поднимала младенца съ земли. Кунина охраняла его въ колыбели. Румина радѣла о его развитіи у груди матери. Нундина распоряжалась церемоніями девятаго дня, когда мальчику давалось имя. Потина и Эдука пріучали ребенка, отнятаго отъ груди, къ пищѣ и питью. Куба клала его на постель передъ колыбелью. Оссипаго придавала костямъ твердость и крѣпость. Статану и Фабелину одолжены были первымъ стояніемъ и говоромъ ребенка. При каждой новой жизнедѣятельности дитя поручалось новому охраняющему божеству. Отроки знатныхъ Римлянъ сверхъ того носили при себѣ заимствованную изъ Этруріи золотую буллу, — футляръ для бережи разныхъ средствъ противъ колдовства.

За праздникомъ именинъ слѣдовало внесеніе младенца въ гражданскую книгу въ храмѣ Луцины, при чемъ уплачивалась монета,—за мальчиковъ квадрансъ, а за дѣвочекъ секстансъ. Затѣмъ, мѣсяцевъ 7 спустя, наступалъ праздникъ прорѣза зубовъ, а года $1^1/_2$ или 2 позже — праздникъ отнятія отъ груди. Моммсенъ обратилъ вниманіе на то, что настоящее законное имя утверждалось лишь по снятіи toga virilis, такъ что до этой поры имя могло мѣняться. Въ dies lustricus, dies nominum (въ именины) дѣтямъ дарились бездѣлушки, носимыя ими отчасти на шеѣ; игрушки эти были изъ металла и назывались a crepando, crepundia (гремушками). Внесеніе дѣтей въ книгу совершалось законнымъ порядкомъ и правильно со временъ М. Антон. Философа. Цѣль такой правильной записи родившихся была та, чтобы при спорахъ о возрастѣ и status всякаго лица имѣлись вѣрныя свидѣтельства, почему это учрежденіе и было распространено на все государство.

Мать кормила ребенка грудью и руководила его играми. Часто для ухода за нимъ брали въ домъ какую нибудь стар-

шую родственницу, пользовавшуюся въ такомъ случаѣ большимъ уваженіемъ. При выборѣ рабовъ и нянекъ, необходимыхъ для ухода и услугъ, поступали съ крайнею осторожностью. Нянекъ точно такъ же какъ и кормилицъ называли nutrices: онѣ кормили дѣтей, говорили и играли съ ними, сопровождали ихъ на прогулкахъ. Взрослыя дочери все еще сопровождались своею nutrix и часто оставляли ее при себѣ даже по выходѣ замужъ. Мальчикамъ напротивъ того рано уже давался въ провожатые pedisequus изъ рабовъ (ad Her. IV, 52), именовавшійся также custos (Horat. Sat. I,61. 81.), monitor (Senec. ep. 94.), но чаще всего comes (Sueton. Claud 35) и rector. Для угомона и усыпленія дѣтямъ пѣлись колыбельныя пѣсни, для развлеченія и уйма употреблялись въ дѣло гремушки, дѣтскія сказки, угрозы волкомъ и т. п.

Собственно воспитаніе ограничивалось предѣлами самой тѣсной домовитости. Дитя росло подъ руководствомъ матери, какъ естественной воспитательницы, и подъ надзоромъ отца, какъ естественнаго учителя. Отрокъ постоянно находился при отцѣ. Онъ сопровождалъ его въ поле съ плугомъ и серпомъ, ходилъ съ нимъ къ друзьямъ на пиры и въ палату, гдѣ отецъ засѣдалъ въ совѣтѣ. Такимъ путемъ онъ рано пріучался къ земледѣлію и войнѣ, въ чемъ заключалась вся жизнь юношескаго народа, и самою жизнью развивался для жизни. Семья образовывала изъ него практическаго мужа, какъ относительно личныхъ пріемовъ, такъ и рѣчей, причемъ все вниманіе обращалось не на внѣшнюю форму, а на характеръ, на помыслы, на способности къ государственной службѣ или къ промысламъ и земледѣлію.

Семья, развивъ въ своемъ питомцѣ virtus romana (римскую доблесть), совокупность всѣхъ достоинствъ мужа, степенность, разумность, правдивость, умѣренность, храбрость и добросовѣстность относительно божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, исполнила тѣмъ все, чего отъ нея могли и должны были требовать, ибо она пріуготовила такимъ образомъ члена государства, украшеннаго истинно римскими добродѣтелями юноши, каковы modestia и pudor, а впослѣдствіи такими же добродѣтелями civis и paterfamilias, каковы constantia, gravitas, honestas и virtus, „всѣми достоинствами мужа во всѣхъ житейскихъ положеніяхъ". Затѣмъ достигшему зрѣлаго возраста сыну, какъ мать, такъ точно и отецъ охотно давали—и въ этомъ состояло послѣднее дѣло воспитанія—дочь какого-нибудь знатнаго гражданина изъ древняго почтеннаго рода; согласно съ этимъ римскіе граждане воспитывали своихъ дочерей нѣжно и любовно, но въ строгомъ цѣломудріи, разумно, въ полной задушевности и благородной женственности, дабы онѣ въ свою очередь въ состояніи были образовать изъ сыновей своихъ—мужей и гражданъ, умѣющихъ честно жить и честно умирать.

Воспитаніе семьи обнимало главнѣйше первое пятнадцатилѣтіе. До шестнадцатилѣтняго возраста римскій отрокъ носилъ toga praetexta, — тогу, обшитую багряными полосами, какъ знакъ отличія высшихъ сановниковъ и поощреніе для мальчиковъ сдѣлаться достойными высшихъ государственныхъ должностей. Съ истекающимъ пятнадцатилѣтнимъ возрастомъ на него съ большимъ торжествомъ, tirocinium, преторъ на форумѣ возлагалъ обыкновенную бѣлую тогу, toga virilis. Въ древнѣйшую эпоху этотъ tirocinium, кажется, совершался по прошествіи шестнадцати лѣтъ. (Liv. XXIII, 57: Dictator ex autoritate patrum dictus M. Junius et Ti. Sempronius magister eq. delectu edicto juniores ab annis septemdecimo et quosdam praetextatos scribunt *).

Подъ конецъ республики встрѣчается много примѣровъ, что toga virilis принималась въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ; такъ между прочимъ было съ А. Цицерономъ, съ Виргиліемъ; также въ позднѣйшую еще эпоху съ Персіемъ и М. Авреліемъ. Хотя поэтому въ прежнее время правиломъ былъ истекшій шестнадцатилѣтній возрастъ, но потомъ, какъ кажется, вошло въ обыкновеніе начало пятнадцатилѣтняго. Настоящій для того назначенный день были Liberalia, 16-ое марта. Торжество начиналось вѣроятно съ домашняго жертвоприношенія на алтарѣ ларъ, причемъ отрокъ снималъ съ себя insignia puertiae (знаки дѣтства) и посвящалъ ларамъ именно буллу. Отрокъ носилъ при этомъ tunica recta или regilla, ominis causa. Toga virilis, которую получалъ бывшій доселѣ отрокъ, отличалась отъ отроческой тоги тѣмъ, что была бѣлая безъ багряныхъ полосъ. Онъ въ сопровожденіи многихъ спутниковъ шелъ на форумъ. Оттуда шествіе направлялось къ Капитолію, дабы совершить тамъ жертвоприношеніе. Вмѣстѣ съ tirocinium отрокъ вступалъ въ общественную жизнь, впрочемъ полагался обыкновенно еще годъ для практики, какъ бы годъ искуса, при чемъ строго наблюдали за нравственною жизнью adolescens, а въ древнѣйшую по крайней мѣрѣ эпоху предписывалось ему въ знакъ пристойнаго поведенія cohibere brachium (держать руку подъ тогой) и упражняться на Марсовомъ полѣ. Молодой человѣкъ посѣщалъ при этомъ также Forum и присутствовалъ при судопроизводствахъ, дабы прислушиваясь къ дѣламъ, подготовиться къ общественной жизни. Это происходило часто подъ руководствомъ избраннаго отцомъ, оказавшагося вполнѣ достойнымъ довѣрія человѣка, которому сынъ поручался въ качествѣ воспитанника (Dialog. de caus. corr. eloq. 34. Cicero de amic. 1.). Точно также съ tirocini-

*) М. Юній, поставленный по рѣшенію сената диктаторомъ, и Т. Семпроній, назначенный вслѣдъ эдикта начальникомъ конницы и исполнителемъ приказаній диктатора, записываютъ юношей съ семнадцатилѣтняго возраста и нѣкоторыхъ изъ носящихъ тогу претексту.

ии далеко еще не заканчивалось обученіе, только отношеніе къ учителямъ съ этихъ поръ становилось конечно болѣе отношеніемъ слушателя нежели ученика, да притомъ выборъ риторовъ и философовъ могъ совершенно зависѣть отъ молодого человѣка.

Переходъ отрока въ юношество, юноши въ зрѣлый возрастъ и т. д. былъ связанъ съ твердо установленными сроками. Сорокъ пять лѣтъ считали высшею степенью бодрой силы, 30 лѣтъ третьею частью жизни, и тогда сила эта расцвѣтала вполнѣ. Полагалось, что пятнадцатилѣтній отрокъ вступалъ въ этотъ періодъ, а сорокапятилѣтній мужъ выходилъ изъ него. Поэтому до наступленія шестнадцатилѣтняго возраста человѣкъ былъ puer; съ этой же поры и до наступленія сорокашестилѣтняго возраста начиналась juventa, которую смѣняла senecta. Достигшіе 46 лѣтъ мужи назывались seniores; но лишь 60-ти лѣтъ отъ роду, въ качествѣ senes, увольнялись они отъ всякой государственной и военной службы. Senex decrepitus, дряхлая старость завершаетъ наконецъ человѣческую жизнь.

---

2. ЮНОШЕСКІЙ ВОЗРАСТЪ РИМА.

25.

Во время своего дѣтства римскій народъ слилъ въ себѣ разныя національности и достигъ державной власти надъ самимъ собою. Юношей онъ рѣшилъ свою задачу, уничтоживъ противоположность между надѣленными государственнымъ и частнымъ правомъ, между патриціями и плебеями, и сдѣлавъ Римъ демократіей, государствомъ съ римскими гражданами.

Противоположность между патриціями и плебеями выступила во всей своей жесткости съ республикой. Патриціи обладали государственнымъ имуществомъ, пользовались доходами съ государственныхъ земель и были настоящими дѣйствительными гражданами государства; плебеи напротивъ того были частными владѣльцами и, подъ бременемъ государственныхъ повинностей, принимали въ государствѣ только страдательное участіе. Патриціи были консулами, составляли сенатъ, въ ихъ рукахъ находилась правительственная и судебная власть. Напротивъ того, плебеи, то и дѣло отвлекаемые войною, не могли предаваться мирнымъ занятіямъ и посвятить себя промысламъ; у нихъ ничего не было, кромѣ извѣстной доли въ добычѣ, и вслѣдствіе долговъ, какіе они вынуждены были дѣлать у патриціевъ, эти бѣдняки все болѣе и

болѣе обращались въ ихъ рабовъ. Чѣмъ рѣзче становилась противоположность, чѣмъ болѣе плебеи низводились до положенія крѣпостныхъ, тѣмъ сильнѣе домогались они дѣйствительнаго участія въ государствѣ, равныхъ политическихъ правъ; разъ заявленная и возникшая борьба не могла прекратиться, пока не уничтожилась противоположность между частнымъ и политическимъ правомочіемъ. Плебеи добились землевладѣнія, и защиты отъ мощной знати, то-есть земельныхъ надѣловъ и народныхъ трибуновъ: таковы были первые плоды этой борьбы, завершившейся тогда, когда плебеи получили право занимать всякія высшія государственныя должности, когда, благодаря участію въ землевладѣніи, было обезпечено ихъ существованіе, и когда закономъ было признано, что патриціи и плебеи могутъ заключать браки другъ съ другомъ безъ ущерба для гражданскихъ правъ дѣтей. Съ этихъ поръ въ Римѣ не стало болѣе ни патриціевъ, ни плебеевъ, но были сплошь римскіе граждане. Такимъ образомъ государство достигло устойчивости внутри, особенно послѣ того какъ писанными законами децемвировъ установилось новое въ немъ устройство, такъ какъ двѣнадцатью таблицами принято новое раздѣленіе всего народа на трибы и новымъ собраніямъ трибъ предоставлена вся власть прежнихъ собраній по центуріямъ:—таково основное начало демократическаго государства, которое думали предохранить отъ угрожающей ему охлократіи тѣмъ, что изъ разросшихся постепенно 35 трибъ только 4 назначались для массы городскихъ пролетаріевъ, а 31 — для сельскихъ землевладѣльцевъ.

Съ этой поры Римъ началъ распространять свою побѣдоносную силу также и во внѣ. Сабиняне были совершенно покорены,—Эквы рѣшительно разбиты,—Вольски посредствомъ колоній присоединены къ римской области,—Веенты уничтожены,—Латины, Герники и Этруски побѣждены и, Галлы изгнаны, хотя правда лишь послѣ жестокаго уничиженія Рима. Покореніемъ Самнитянъ завершилось окончательно господство Римлянъ надъ Италіей. Подъ конецъ юношескаго возраста Римъ сталъ могучъ и внутри и внѣ.

Частная жизнь Римлянина въ этотъ періодъ была проста - проще даже нежели въ дѣтствѣ Рима; такъ какъ теперь съ усиленіемъ плебеевъ, обокъ съ прежнею латинскою и этрусскою знатью, земледѣльческій и воинственный сабинскій элементъ сталъ господствующимъ соучастникомъ въ урядѣ жизни. При непрестанной борьбѣ съ народами Италіи неколебимо сохранялось уваженіе къ праотцовскимъ нравамъ и учрежденіямъ, и это уваженіе къ старинѣ служило для государства твердою основою его возроставшаго могущества. Однако Римляне были все-таки упруги настолько, что не давали у себя каменѣть старому, а напротивъ рядомъ съ нимъ

усвоивали себѣ новое и полезное, сливая его съ существующимъ, такъ что ихъ учрежденія, сохраняя тѣ же основы, развивались исподволь вмѣстѣ съ самимъ народомъ и съ измѣнявшимися условіями. Вслѣдствіе этого явилось своевременное, т. е. вызванное обстоятельствами отдѣленіе суда отъ управленія, претуры отъ квестуры;—вслѣдствіе этого и назначеніе платы гражданскому войску, когда военныя предпріятія расширились на болѣе долгій срокъ и въ болѣе дальніе края;—вслѣдствіе этого и сохраненіе трехъ родовъ войска, но уже не на основаніи прежнихъ уничтоженныхъ кастъ и національныхъ различій, а смотря по разнаго рода оружію. Все въ Римѣ подлежало дальнѣйшему органическому развитію. И по тѣмъ же законамъ органической жизни покоренныя страны сливались съ государственнымъ цѣлымъ самымъ многоразличнымъ образомъ и съ разностепенными правами, путемъ то уступокъ, то усмиреній и пр. Провинцій внѣ Италіи еще не было; однако у колонистовъ существовало точно такое же правленіе какъ и въ метрополіи, и они были исполнены исключительно одного стремленія,—представлять собою и поддерживать во всей силѣ римскую честь и римскіе интересы.

Такимъ образомъ все у Римлянъ запечатлѣвалось практическимъ и политическимъ характеромъ. Художественныя произведенія этой эпохи отличаются тѣмъ же духомъ,—духомъ цѣлесообразности и величавости. Аппіева дорога, сооруженная изъ тесанныхъ и отлично сплоченныхъ плитъ вела изъ Рима въ Кампанію, а потомъ далѣе до южной оконечности и на востокъ до Брундузіума у Адріатическаго моря. Столь же величественны были смѣлые віадукты и по длиннымъ туннелямъ проложенные водопроводы.

Изъ числа наукъ правовѣдѣнье получило твердую основу, благодаря двѣнадцати таблицамъ, къ которымъ присоединились такъ называемые царскіе законы, а на этой почвѣ проводились потомъ главныя черты настоящей науки права, представители которой, понтифексы и пр., давали судебныя указанія народу. Въ то же время началась раціональная разработка туземныхъ языковъ. Правовѣдѣніе и грамматика подымались въ той же мѣрѣ, въ какой развивалась внутренняя жизнь Рима: они принадлежали къ жизни Римлянина, потому что были орудіемъ его государственной жизни.

Но хотя все и тяготѣло къ общественности и прямо шло ей на службу, при этомъ все-таки соблюдалась задушевная семейная жизнь. Римлянинъ только по важнымъ дѣламъ отправлялся на форумъ. Остальное время онъ проживалъ въ своемъ помѣстьи среди сельскихъ занятій и окруженный членами семьи и кліэнтами. Такимъ образомъ

скрѣплялась и упрочивалась связь семейныхъ членовъ, и женщины нерѣдко оказывали дѣйствительное вліяніе на общественныя дѣла, такъ что рядомъ съ великими мужами Рима часто слѣдуетъ называть женъ или матерей, сообществу и воспитанію которыхъ первые большею частью одолжены своимъ образованіемъ. Жены въ Римѣ зачастую возбуждаютъ въ насъ столь же сильное удивленіе, какъ и мужчины. Обезчещенная Секстомъ Тарквиніемъ Лукреція заявляетъ своему мужу и отцу, Бруту и Валерію: „Вы позаботьтесь, чтобы прелюбодѣю было воздано по закону! Хотя я сама за собой не знаю никакой вины, но тѣло мое подлежитъ законной карѣ, чтобы ни одна Римлянка, ссылаясь на меня, никогда не посмѣла пережить своего позора". Съ этими словами она вонзила въ грудь себѣ скрытый въ рукахъ ея кинжалъ и бездыханная упала на земь. Мать Гракховъ, Корнелія, по смерти своего мужа отказывается отъ всѣхъ предложеній знатныхъ Римлянъ, даже Египетскаго царя Птоломея, и съ самоотверженною материнскою любовью и мудростью посвящаетъ себя воспитанію своихъ 12 дѣтей. Когда гордая и суетная пріятельница ея, показала ей однажды свои драгоцѣнности и потомъ, посѣтивъ Корнелію, просила показать и ея алмазы, то послѣдняя, подозвавъ возвратившихся изъ школы дѣтей своихъ, сказала: „Смотри, вотъ мои алмазы, вотъ мои сокровища"! Таковы были представительницы истаго римскаго духа.

Воспитаніе сохранило свою прежнюю простоту и стало лишь просвѣщеннѣе. Принципъ его, говоритъ Бернгарди, основываясь на неписанныхъ преданіяхъ, былъ направленъ къ возбужденію патріотизма и къ поддержкѣ добрыхъ нравовъ; способы его были просты, однако исчерпывали все, ибо безпрерывно вникали во всѣ условія юношества; но самый сокровенный мотивъ его заключался во взаимномъ уваженіи, ибо считалось обязанностью обращаться и съ молодежью также съ нѣжною кротостью. Воспитаніе было и оставалось частнымъ дѣломъ. Римляне, говоритъ Цицеронъ, хотѣли, чтобы воспитаніе не предписывалось законами; чтобы оно не было ни общественнымъ, ни однообразнымъ для всѣхъ учрежденіемъ, хотя съ другой стороны правительство при посредствѣ цензоровъ вообще оказывало вліяніе на нравы и поведеніе молодежи, особенно же на повиновеніе приказамъ родителей и административныхъ лицъ. Тѣлесное воспитаніе шло подъ надзоромъ и руководствомъ внушающей благоговѣйное къ себѣ уваженіе матери, при ней находились nutrix, и въ богатыхъ домахъ—еще другія служанки. Нянька, была ли она слугою или пріятельницею дома, замѣняла собою педагога и оказывала, особенно при воспитаніи юной дочери, существенное вліяніе на нравственно чистые поступки и противодѣйствовала всякому вреду извнѣ. Впрочемъ самое сильное дѣйствіе на

нравственное направленіе дитяти, даже и отрока, сохранялось за матерью: неукротимый Коріоланъ, котораго ничто не могло склонить и удалить съ угрожающимъ гибелью войскомъ отъ предѣловъ Рима, какъ одинъ лишь видъ и слова его матери, престарѣлой Ветуріи, являетъ собою не единственный примѣръ прочнаго нравственнаго вліянія, производимаго матерью на юнаго Римлянина. Простота, воздержность и умѣренность были главными добродѣтелями, къ которымъ пріучались въ родительскомъ домѣ не на однихъ только словахъ, но и на самомъ дѣлѣ. Домашнее воспитаніе было строгое. Въ присутствіи дитяти не позволялось говорить, ни дѣлать ничего непристойнаго. М. П. Катонъ, въ качествѣ цензора, выгналъ разъ изъ сената Манлія, за то что послѣдній среди бѣла дня въ присутствіи своей дочери поцѣловалъ свою жену. Отцы никогда не купались вмѣстѣ съ сыновьями, ни даже тести съ своими зятьми, дабы не нарушить благонравія и цѣломудрія, — начала и вѣнца всѣхъ добродѣтелей. Рабамъ, женщинамъ и свободнымъ юношамъ до 30-тилѣтняго возраста запрещалось пить вино, и нарушеніе женскимъ поломъ этого закона каралось какъ тяжкое преступленіе. Отцы не обѣдали безъ сыновей внѣ дома, чтобы вести себя скромнѣе и воздержнѣе въ присутствіи ихъ. Такая скромность старшихъ передъ молодежью должна была конечно усилить также и стыдливость молодежи и почтеніе ея къ старшимъ. Послѣ пира, юноши провожали старѣйшихъ домой. Не встать передъ сѣдинами считалось достойнымъ смерти преступленіемъ. Благородная стыдливость была, точно также какъ и у Спартанцевъ, высшею и прекраснѣйшею добродѣтелью римскаго юношества, и изреченіе Катона: „Я люблю болѣе тѣхъ, кто краснѣетъ, чѣмъ тѣхъ, кто блѣднѣетъ, потому что краска отъ стыда — краска добродѣтели“ было изреченіемъ Рима вообще.—Помимо нравственнаго вліянія, какое семья непосредственно своею жизнью оказывала на душу отрока, юношество къ подвигамъ доблести и добра болѣе всего воодушевлялось еще разсказами о простотѣ и добродѣтели предковъ. Потомъ въ семейномъ кругу говорили и судили также обо всемъ, что происходило въ походѣ, въ лагерѣ и битвѣ съ врагомъ, и такимъ образомъ возбуждался и поддерживался патріотизмъ въ юныхъ членахъ семейства. На пирахъ не только мужчины поочередно прославляли достоинства и добродѣтели знаменитыхъ предковъ, но также и благонравные отроки либо просто, либо подъ звуки флейты воспѣвали ихъ славу и разжигали такимъ образомъ какъ въ своей груди, такъ и въ груди слушателей удивленіе къ древнимъ и рѣшимость сравниться съ ними. Въ прежнія времена наконецъ отцы брали своихъ сыновей, пока послѣдніе были praetextati, съ собою въ сенатъ, въ эту школу подлинно практической житейской мудрости; но обычай этотъ

впослѣдствіи былъ по особому поводу отмѣненъ при юномъ Папиріи, прозванномъ praetextatus, хотя самъ онъ еще пользовался имъ, „за то что своимъ поступкомъ съ любопытною его матерью, желавшею знать, о чемъ разсуждали въ сенатѣ, онъ доказалъ, что умѣетъ такъ же хорошо говорить, какъ и промолчать кстати".

Сложивъ съ себя toga praetexta, причемъ отроку остригали длинные волоса, какіе носилъ онъ до той поры, и надѣвъ toga virilis, юноша вступалъ въ годъ искуса, въ который занимался болѣе трудными тѣлесными упражненіями и могъ уже вращаться въ кругу мужей. Если онъ въ этотъ годъ, когда въ знакъ скромности долженъ былъ прикрывать тогою свои руки, отличался серьёзностью и умѣренностью, домовитостью и нравственностью, то не тратилось много словъ по вопросу объ его доброй славѣ и скромности, когда онъ вступалъ въ мужескій возрастъ; тогда какъ тотъ, кого не украшали эти добродѣтели, не избѣгалъ тутъ явнаго позора.

Потомъ римскій юноша послушаніемъ долженъ былъ подготовиться къ умѣнью повелѣвать. Онъ отправлялся въ лагерь и изучалъ службу. Здѣсь онъ находился въ преторіи, при главнокомандующемъ, дабы образовать изъ себя практическаго воина и искуснаго начальника. Когда онъ послѣ этого домогался должности, то стоялъ поодаль отъ собранія куріи и былъ сперва зрителемъ, прежде чѣмъ сдѣлаться соучастникомъ. При этомъ отецъ былъ наставникомъ ему, если же у него не было отца, то при немъ находились старѣйшіе мужи и поучали его на площади примѣрами обыденной жизни. Тщательно посѣщая форумъ, онъ помимо того на прогулкахъ присоединялся къ знаменитымъ правовѣдамъ и пр., обращался къ нимъ съ вопросами и испрашивалъ ихъ совѣта по какимъ-либо труднымъ случаямъ и т. п. Usus, развитіе путемъ практическимъ, образованіе духа въ самой жизни было для Римлянина, даже по вступленіи его въ должность, рѣшающимъ элементомъ. Практически просвѣщенный и умудренный опытомъ, отецъ вліялъ такимъ образомъ на сына, и даже на внука. Римлянинъ, подобно Спартанцу, учился у жизни и на ней самой.

Цѣли воспитанія въ этотъ періодъ Рима — образованію для практической дѣловой и государственной жизни — отвѣчало также и настоящее обученіе. Оно въ сущности срослось съ воспитаніемъ, почти совсѣмъ исчезало въ послѣднемъ и долго ограничивалось только скуднымъ чтеніемъ и письмомъ. Къ этому элементарному преподаванію мало по малу присоединялись чтеніе и поясненіе древнихъ родныхъ писателей и поэтическихъ произведеній. Тѣлесныя упражненія не входили въ составъ воспитанія и достигали своей цѣли не гимнастикой, а иными

путями, притомъ единственно лишь для сохраненія здоровья, для укрѣпленія и закала тѣла. Хотя иные Римляне, въ родѣ Папирія Курсора, были при всемъ томъ искусны въ нѣкоторыхъ отросляхъ греческой гимнастики, особенно въ бѣгѣ, но они достигали такого совершенства благодаря врожденнымъ способностямъ, помимо всякаго школьнаго обученія и не пользуясь своимъ искусствомъ съ общественною цѣлью. Дѣвочки никогда не участвовали въ гимнастическихъ упражненіяхъ, и не упражнялись даже промежъ себя. Пляскѣ также обучались одни только мальчики, съ тѣмъ чтобы пріобрѣсти пристойную сановитость и соблюдать постоянно Decorum. Пѣнью обучались ради того, что оно служило къ развлеченію. Мальчиковъ заставляли учить наизустъ законы двѣнадцати таблицъ, дабы дѣловые мужи знали потомъ на память ихъ содержаніе. Заодно съ пѣніемъ стиховъ они рано уже пріучались говорить рѣчи, прославлявшія подвиги доблестныхъ мужей.

Со школами Римляне ознакомились еще у Этрусковъ. Теперь онѣ появились также и у нихъ. Впервые упоминается объ нихъ по поводу насилія, совершеннаго Апп. Клавдіемъ надъ Виргиніей. Liv. III, 44. Virginiae venienti in forum (ibi namque in tabernis literarum ludi erant) minister decemviri libidinis manum injecit *). Образчикъ взаимнаго обученія приводится по поводу измѣны учителя въ Валеріи. Liv. V, 27. Mos erat Faliscis, eodem magistro liberorum et comite uti, simulque plures pueri, quod hodie quoque in Graecia manet, unius curae demandabantur; principum liberos, sicut fere fit, qui scientia videbatur praecellere, erudiebat **). Разсказываютъ также, когда Камиллъ съ своимъ войскомъ вошелъ неожиданно въ Тускулумъ (377 до Р. Х.), то граждане были заняты своими мирными дѣлами и въ школахъ раздавались голоса находившихся тамъ учениковъ. — Въ ludus publicus открывалъ ученіе, prima literatura, literator, мало свѣдущій человѣкъ, обучавшій долгое время въ убогой свѣтелкѣ за скудное вознагражденіе. — Отъ обыкновенія, обучать дѣтей на улицѣ, in triviis, произошло, какъ кажется, впослѣдствіи названіе „тривіальныя (народныя) школы" и наименованіе „trivium" трехъ обыкновенныхъ отраслей преподаванія въ средніе вѣка, — грамматики, діалектики и реторики, и Квинтиліанъ также называетъ уже trivialis scientia обыкновенное школьное знаніе. — Сами

---

*) Виргинію, пришедшую на форумъ (гдѣ находились школы), изнасиловалъ начальникъ децемвировъ.

**) У Фалисковъ былъ обычай, и теперь еще существующій въ Греціи, чтобы въ одномъ лицѣ сосредоточены были занятія учителя и воспитателя, и чтобы большое число дѣтей вмѣстѣ ввѣрялись заботамъ одного лица; дѣтей обучалъ обыкновенно человѣкъ, отличавшійся превосходнымъ повидимому знаніемъ.

школы прозывались ludi, игры, чтобы такимъ заманчивымъ именемъ привлечь молодежь, и какъ бы намекнуть вмѣстѣ на то, что занятіе наукою и искусствомъ—забава ума и отдохновеніе; учителя назывались ludi magistri. — Какъ въ древности вообще, такъ и въ Римѣ господствовало при этомъ коренное правило, что сокровища ума не должны быть продаваемы за деньги какъ обыкновенный товаръ. Такъ между прочимъ въ Лаціумѣ возникло сильное негодованіе, когда жрецы стали обучать за деньги обрядамъ геркулесовскаго культа, и когда вскорѣ затѣмъ они погибли отъ чумы, то это почтено за наказаніе свыше. Ошибочно утверждали, будто Спурій Карвилій, вольноотпущенникъ Карвилія, изъ-за котораго учиненъ первый разводъ въ Римѣ, былъ первый преподававшій за деньги. Это мнѣніе основано на извѣстіи у Plut. quaest. Rom. 59. Если Плутархъ вообще не ошибся, то онъ разумѣлъ вѣроятно лишь высшую грамматическую школу, въ родѣ той, какія въ это время только что стали появляться. Элементарныя школы давно уже существовали, и можно ли повѣрить, чтобы тамъ учителя обучали безплатно. Намъ неизвѣстно, что̀ они за то получали. Вознагражденіе было различное, но во всякомъ случаѣ въ обыкновенныхъ элементарныхъ школахъ весьма скудное. Его выдавали въ концѣ учебнаго года за весь годъ. Впрочемъ это не было концомъ наступившаго позже гражданскаго года, напротивъ курсъ начинался вѣроятно въ мартѣ послѣ quinque tribus. На раннее существованіе учебныхъ заведеній въ Римѣ указываетъ также изданный въ 93-мъ году до Р. Х. эдиктъ противъ латинскихъ риторовъ, въ которомъ встрѣчаются слѣдующія слова: „Наши предки установили правила касательно того, чему учить дѣтей и въ какія школы ходить имъ". Но выше упомянутый Спурій Карвилій, какъ кажется, дѣйствительно расширилъ римскую школьную систему. Интересно, что при немъ въ римскихъ школахъ водворились стихотворенія Гомера, по крайней мѣрѣ Одиссея, въ латинскомъ переводѣ Ливія Андроника. Еще во время Горація учителя обыкновенно диктовали изъ нея своимъ ученикамъ. Сверхъ того вмѣстѣ съ обученіемъ общимъ начальнымъ предметамъ требовалось еще затверживанье наизустъ законовъ двѣнадцати таблицъ. (Cic. de leg. II, 23. Discebamus enim pueri XII, ut carmen necessarium, quas jam nemo discit). Мальчики пѣли также in conviviis carmina antiqua in quibus erant laudes majorum. Varro у Non. II, 70 *).

Обученіе шло къ той же цѣли, къ какой клонилось вос-

---

*) Дѣйствительно, мы отроками затверживали XII таблицъ, какъ необходимую принадлежность пѣнія, чего теперь уже никто не дѣлаетъ. Мальчики пѣли также на сходкахъ древнія стихотворенія, въ которыхъ заключались хвалы предкамъ.

питаніе: пробуждать уваженіе къ законамъ и поощрять къ доблестнымъ подвигамъ въ общественной жизни. Во всякомъ случаѣ, говоритъ Краузе, имѣли въ виду пекущагося о благѣ государства, благороднымъ порывомъ и энергіей надѣленнаго гражданина, въ которомъ твердый характеръ, законный образъ мыслей и гражданская практическая дѣловитость цѣнились конечно выше, нежели умственная способность къ наукѣ, нежели ученость, и выше также, нежели сентиментальная задушевность, находившая себѣ пищу и образованіе лишь въ семейномъ кругу. Пѣснопѣнія и хвалебныя рѣчи въ честь предковъ, надгробныя слова въ честь знаменитыхъ мужей и женъ, строгое единство и законность въ государственномъ организмѣ, коренящееся въ правахъ благоговѣніе какъ къ богамъ, такъ равно къ старшимъ и къ родителямъ, важное достоинство отца и гордая и чистая добродѣтель матери: вотъ кто были наставники и воспитатели молодого Римлянина. Воспитаніе и обученіе отличались практичностью направленія и выходили изъ практическихъ воззрѣній.

Оттого у Римлянъ въ юношескій періодъ ихъ жизни и не было потребности въ теоріи воспитанія (какъ вообще по характеру ихъ они никогда не имѣли наклонности къ философской наукѣ о воспитаніи и обученіи, а въ своихъ позднѣйшихъ теоріяхъ воспитанія излагали только выводы практическаго опыта и правила для непосредственной жизни). Пока въ Римѣ господствовали римскій духъ и вмѣстѣ съ нимъ семейное чувство, до тѣхъ поръ воспитаніе и обученіе дотого крѣпко коренились въ жизни, что и не требовалось никакихъ умозрѣній о сущности воспитанія и, стало быть, никакихъ теорій, а общія педагогическія замѣтки появляются чѣмъ ранѣе, тѣмъ разрозненнѣе и отрывочнѣе. Вѣдь и стремленіе къ болѣе глубокому духовному развитію вообще пробудилось лишь съ тѣхъ поръ, какъ (304 до Р. X.) Кней Флавій обнародовалъ фасты и исковые формуляры, которые дотолѣ утаивались жрецами, и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ нѣчто въ родѣ энциклопедіи права. Въ то же самое время Аппій Клавдій Цекъ написалъ свои нравоучительныя поговорки,, въ которыхъ пытался поддержать достоинство краснорѣчія и требовалъ, чтобы ораторъ говорилъ всегда пристойныя рѣчи держался бы въ надлежащихъ предѣлахъ приличія и не покушался скудость содержанія прикрывать не идущими къ дѣлу выходками и бранью.

3. ЗРѢЛЫЙ ВОЗРАСТЪ РИМЛЯНЪ.

26.

а) Практика воспитанія.

Римъ сталъ великъ внутри: онъ хотѣлъ теперь и долженъ былъ проявить свое могущество наружу. Въ величественной и неутомимой дѣятельности осуществляетъ онъ поэтому свою миссію отрицанія народностей. Онъ покоряетъ Македонію. Антіохъ, царь Сиріи, разбитъ при Магнезіи и вынужденъ уступить Римлянамъ Малую Азію до Тавра. Карѳагенъ обращенъ въ груду пепла. Коринѳъ разрушенъ, и Греція стала римскою провинціею. Римъ достигъ вершины завоеваній, добычи, славы, и противъ него нѣтъ болѣе никакой иноземной силы. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ утратилъ свой мощный порывъ и свою напряженность, которая единичную жизнь римскихъ гражданъ постоянно растворяла опять во всеобщемъ. Когда же затѣмъ прекратилась внѣшняя борьба, то эгоистическая личность освободилась сама въ себѣ, и началась борьба внутренняя, борьба частныхъ интересовъ противъ патріотическаго настроенія: за римско-персидскими войнами непосредственно послѣдовала римско-пелопоннезская война. И какъ послѣ того римскій принципъ проявлялся вовнѣ все болѣе и болѣе какъ лишь чистый эгоизмъ воли, направленной въ ущербъ другимъ, точно также эгоизмъ сталъ и внутри разверзать свою пасть все шире и шире. Правда, главное правило римской державы, смыкаться противъ врага вокругъ Рима, этого средоточія міра, несмотря ни на какія внутреннія страсти и борьбы, и гордо и самоотверженно бороться и побѣждать,—не совсѣмъ еще забыто, и въ этомъ духѣ появляются еще въ самомъ Римѣ исполинскія личности, готовыя вызвать вновь на свѣтъ богатырскую эпоху. Но онѣ съ своими староримскими мыслями выходятъ уже противниками отрекшагося отъ Рима, но обуявшаго Римъ новаго духа, и въ дѣйствіяхъ своихъ дѣлаются преступниками, тогда какъ другая часть геніальныхъ натуръ не растворяется уже болѣе въ государствѣ, а напротивъ, выдвигаетъ на первый планъ собственную личность, но въ то же время, на форумѣ и въ разныхъ провинціяхъ до того расширяетъ свои знанія, изощряетъ свой взглядъ, вообще до того сильно развиваетъ свой духъ, что они были бы достойны лучшихъ временъ по своему величію Но тщетно: за эпохою подвига и въ Римѣ также наступаетъ эпоха рефлекціи, надумы, а для Римлянина это становится тѣмъ опаснѣе и тѣмъ еще болѣе удаляетъ его отъ собственной сущности, что у него нѣтъ средоточія въ мышленіи, а напротивъ средоточіе единичной личности обрѣтается въ од-

номъ лишь государственномъ цѣломъ. И все-таки никакое божество не въ силахъ остановить движенія на этомъ пути. Доблестные Гракхи тщетно пытаются вмѣсто рабовъ заселить Италію гражданами; римское государство уже нельзя болѣе спасти уставами, ибо Митридатъ, Серторій, невольничья война, морскіе разбои—все возстало противъ Рима; правда, римская военная мощь надо всѣмъ еще одерживаетъ побѣду, но лишь для того, чтобы неизбѣжно подчиниться деспотизму, произволу единичнаго лица.

Такое внѣшнее развитіе римскаго государства было неминуемымъ слѣдствіемъ внутренняго развитія римскаго духа. Прежняя италійская своеобразность, вслѣдствіе которой Римлянинъ вмѣнялъ себѣ въ славу, вести скорбную и трудную жизнь, и вслѣдствіе которой единичное лицо хотѣло быть только членомъ государства, почему каждый гражданинъ считалъ славу и могущество отчизны своимъ личнымъ достояніемъ, — своеобразность эта исчезала все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ римская держава расширялась къ западу и востоку. Ее замѣняла эллинствующая цивилизація, которая до Гракховъ ратовала еще съ римскою стариной, но съ этихъ поръ безпрепятственно завладѣла Римляниномъ.

Изъ завоеванныхъ городовъ Римляне вывозили въ свое отечество произведенія греческаго искусства и литературы и этимъ развили въ благороднѣйшемъ слоѣ націи вкусъ къ образованію и духовной культурѣ. Они правда, подобно ихъ Муммію, долго еще цѣнили греческія художественныя произведенія не иначе какъ по стоимости матеріала, въ родѣ стараго желѣза. А Римляне прежняго закала—Фабій Максимъ, М. П. Катонъ — пытались всѣми возможными средствами удалять отъ Рима гречество съ его искусствомъ и наукою. Однако сильная партія — Сципіоны, Эмиліи и Фламинины — обратилась къ новому образованію и покровительствовала греческой мудрости, поэзіи и искусству съ такимъ успѣхомъ, что Катонъ тщетно выгналъ изъ города греческихъ философъ, напрасно закрылъ школы ораторовъ и наказалъ, какъ соблазнителей, Сципіоновъ, заступниковъ Эннія, историка Полибія и стоическаго философа Панеція: никакія карательныя мѣры не въ силахъ были воспротивиться торжеству новизны, и самъ Катонъ даже, изучавшій въ преклонныхъ еще лѣтахъ греческій языкъ и литературу, доказалъ, что старое неминуемо должно подчиниться новому. Впрочемъ, такъ какъ духъ Римлянъ избралъ своей стихіей практическую, военную и государственную жизнь, то онъ и не былъ творческимъ въ своей поэзіи, а потому не смогъ въ противоположность возникшей дѣйствительности создать какія либо геніальныя творенія искусства и науки. Его старѣйшіе писатели, Ливій Андро-

никъ, Невій и Энній были кампанскіе или тарентинскіе Греки, и его Плавтъ и Теренцій могли сочинять свои произведенія единственно лишь по образцу новѣйшей греческой комедіи. Но даже эти представленія не проникали въ народъ: послѣдній тѣшился мимическими піэсами (Ателланами), фарсами возбуждавшими въ немъ смѣхъ, и сверхъ того боями гладіаторовъ и звѣрей, причемъ все дѣло заключалось не въ художественномъ смыслѣ, а во множествѣ и рѣдкости набранныхъ къ представленію предметовъ.

Какъ изъ Греціи въ Римъ проникли умственныя сокровища, точно также вслѣдствіе Пуническихъ, Македонскихъ и Сирійскихъ войнъ перешли несмѣтныя богатства въ основанное на простотѣ государство и оказали столь же сильное вліяніе на преобразованіе его жизни и нравовъ. Завѣдывавшіе дѣлами войны и государства оптиматы (вельможи) овладѣли этимъ путемъ такими баснословными богатствами, что на мѣстѣ бывшихъ доселѣ наибольшихъ домовъ ихъ возникли великолѣпные чертоги, что они пріобрѣтали обширныя помѣстья съ роскошными виллами, что было не мало семействъ, имѣвшихъ по 10,000 рабовъ каждое, что помѣстья Красса, такъ же какъ и Лентула, стóили 10 милліоновъ талеровъ, что Помпей могъ обѣщать по 100 талеровъ каждому солдату въ своемъ изо 100,000 человѣкъ состоявшемъ войскѣ, которое велъ онъ противъ Пареянъ, что Цицеронъ при его милліонѣ талеровъ считался у сенаторовъ небогатымъ человѣкомъ, что Цезарь вынужденъ былъ заявить, будто ему нужно 15 милліоновъ талеровъ, для того чтобы ничего не имѣть. — Отъ знати развратъ перешелъ къ народу, который, размножившись отъ приращенія иноземцевъ и вольно-отпущенниковъ до громадныхъ размѣровъ и низведенный имовитою аристократіей до бѣдственнаго состоянія (—даже М. Брутъ, этотъ восторженный другъ свободы, отдавалъ свои деньги въ ростъ по 48 процентовъ!—), былъ на жалованьи у богачей и торговалъ какъ своими голосами, такъ и кулаками. Заодно со свободою гражданъ падало также и земледѣліе: война стала ремесломъ, ратный станъ сдѣлался отчизною, военачальникъ властителемъ воиновъ, который путемъ ласки, угодливости и пр. по своему руководилъ ихъ волею, и въ Римѣ, гдѣ они считались гражданами, при ихъ помощи достигалъ своей цѣли точно такъ же, какъ былъ неограниченнымъ властелиномъ въ лагерѣ.

Народъ предался разврату. Въ знатныхъ кругахъ самая необузданная чувственность соединялась съ самою высокою духовною утонченностью, а горделивый эгоизмъ съ презрѣніемъ всякихъ человѣчныхъ побужденій. Религія не въ силахъ была остановить такую жизнь. Представители религіи сами содѣйствовали ея упадку. Господствовавшее богословіе, замѣчаетъ Моммсенъ, изощрялось уже, какъ

бы привить свойственную ему обременительную мелочность и торжественное безмыслие къ старой простой народной вѣрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изгнать изъ нея самый духъ ея. Ради какихъ либо то и дѣло случавшихся недосмотровъ приходилось одно и то же жертвоприношеніе совершать разъ по тридцати къ ряду, а если при играхъ въ музыкѣ дѣлались невѣрныя паузы и пр., то надлежало все начинать съизнова и т. п. Въ этой преувеличенной добросовѣстности таится уже онѣмѣніе ея, и реакція противъ этого, равнодушіе и невѣріе, не преминула обнаружиться. Сверхъ того, вслѣдствіе усвоенія греческой миѳологіи и сліянія греческихъ боговъ съ римскими, понятія объ нихъ получили широкую разнозначительность, такъ что національныя религіозныя представленія поблекли въ сознаніи образованныхъ людей. Но болѣе всего греческая философія разложила римскую вѣру: Энвій уже перевелъ сочиненіе Мессинца Эвемера, у котораго всѣ боги считались людьми, обоготворенными потомствомъ за ихъ мудрость, силу и храбрость, и описывались ихъ гробницы. Вслѣдствіе всего этого жречество утратило свой церковный характеръ, а культъ лишился своего значенія. Отъ ауспицій при Цицеронѣ уцѣлѣлъ одинъ лишь призракъ, и ученіе объ нихъ сдѣлалось неизвѣстнымъ даже самимъ авгурамъ. Въ послѣднюю эпоху республики многія высокія жреческія должности за недостаткомъ соискателей оставались болѣе или менѣе долгое время незанятыми. Храмы, часовни, святыя мѣста и священныя рощи опустѣли: храмы не посѣщались никѣмъ, лики боговъ почернѣли отъ дыму, стѣны покрыты были паутинами, полъ поросъ травою. Знатные предались скептицизму и разнымъ суевѣрнымъ обрядамъ, гаданію и колдовству, считали однако своимъ долгомъ блюсти уваженіе къ религіи со всѣми ея нелѣпостями, какъ предметъ, необходимый для поддержки государственнаго механизма. Одинъ изъ членовъ Сципіонова кружка, Полибій, не обинуясь заявляетъ уже, что чудодѣйный римскій религіозный церемоніалъ изобрѣтенъ единственно въ угоду толпѣ, управлять которою приходится при помощи чудесъ и знаменій, такъ какъ разсудокъ не властенъ надъ нею. Въ слѣдующемъ затѣмъ поколѣніи верховный жрецъ Квинцій Сцевола явно излагалъ такія начала, что существуетъ сообразная съ здравымъ смысломъ философская и несообразная съ нимъ традиціонная религія; но первая не можетъ быть государственною религіею, ибо въ ней заключается многое, что̀ для народа безполезно и даже вредно знать. Наконецъ, религію страны открыто признали политическимъ учрежденіемъ: „господствующая церковь съ ея сонмомъ лицемѣрныхъ жрецовъ и левитовъ, но безъ вѣрующей общины, была на лицо“.

Съ религіей пала и нравственность, и побѣдители вмѣстѣ съ богатствами и литературою унаслѣдовали

похоти и пороки покоренныхъ народовъ. Какъ въ последніе дни республики Цицеронъ и Катонъ были единственными людьми, которые могли говорить въ сенатѣ о добродѣтели и любви къ отчизнѣ, не подвергаясь насмѣшкамъ не прослывъ лицемѣрами: точно такъ же все рѣже появлялись семейства, въ которыхъ мужья и жены сохранили бы добродѣтели и чистоту прежнихъ нравовъ. Тщетно народный трибунъ Оппій издалъ законъ противъ роскоши, а именно противъ чрезмѣрной пышности женщинъ: послѣ второй Пунической войны женщины подняли настоящее возстаніе съ цѣлью уничтожить этотъ законъ, и не смотря на противодѣйствіе Катона, достигли своей цѣли. Lex Orchia и Fannia, законы, имѣвшіе въ виду положить преграду все сильнѣе напиравшему наплыву расточительности и чувственныхъ наслажденій, для чего первымъ предлагалось умѣрить число гостей на торжественныхъ пирахъ, а послѣднимъ издержки при этомъ,—законъ этотъ хотя и былъ обнародованъ, но никогда не соблюдался и не примѣнялся на дѣлѣ. При Лукуллѣ великолѣпный столъ снабжался павлинами изъ Самоса, курами изъ Фригіи, журавлями изъ Мелоса, тунцами изъ Халкидона, муренами изъ Тартесса, устрицами изъ Тарента, раковинами изъ Хіоса, финиками изъ Египта и т. д. Женщины въ особенности вышли изъ предѣловъ прежней своей простоты. Онѣ старались привлечь мужчинъ болѣе наружною любезностью, нежели качествами сердца, и Плавтъ уже сѣтовалъ, что туалетъ римскихъ дамъ направленъ на пагубу мужей. Пятнадцать различныхъ модъ смѣнялись въ одинъ и тотъ же годъ, и по тридцати работниковъ бывало занято изготовленіемъ какого нибудь дамскаго платья. При Суллѣ римскимъ женщинамъ уже извѣстны были всѣ искусные пріемы кокетства: онѣ знали греческую и римскую литературу, писали стихи, умѣли пѣть при звукахъ цитры и задавать въ обществѣ то шутливый, то чувствительный, то скромный, то разгульный тонъ. Онѣ соперничали съ мужчинами въ распутствѣ и безнравственности. Не только мужчины, и между прочимъ Крассъ, Помпей, Цезарь и Антоній, были наглыми соблазнителями женщинъ; но также и женщины безъ стыда соблазняли юношей и наслаждались въ объятіяхъ тѣхъ, кто у непотребныхъ Гречанокъ научился искусству любострастія.

При такихъ многообразныхъ занятіяхъ Римлянкѣ конечно не было досуга для управленія домашнимъ хозяйствомъ, а тѣмъ еще менѣе для воспитанія своихъ дѣтей. Хотя нѣкоторыя величавыя исключенія и напоминали еще о прежней эпохѣ Рима, и Аврелія, мать Цезаря, Аттія, мать Октавіана Августа, славились своимъ попеченіемъ о воспитаніи, а Порція, жена Брута, отличалась патріотическою доблестью, —однако не стало болѣе ни женственной добродѣтели, ни семейной жизни вообще. Завѣдывать до-

машнимъ хозяйствомъ поручалось домоправителямъ, въ кухнѣ распоряжались дорого стóющіе повара, а воспитаніе дѣтей предоставлялось рабамъ изъ Грековъ. Высокій образецъ добродѣтели, какой въ старое время родители въ домѣ представляли дѣтямъ, не только исчезъ, но извратился даже въ противоположность. Исчезъ также обычай, по которому отрокъ забавлялся играми вмѣстѣ съ дѣтьми другихъ гражданскихъ семей, дѣлавшимися впослѣдствіи его соратниками и друзьями. Молодой Римлянинъ росъ среди презрѣнной челяди грубыхъ и развратныхъ рабовъ, потакавшихъ его похотямъ и служившихъ игрушкою его причудамъ. Правда, и теперь еще мальчикъ проводилъ свой начальный періодъ развитія около матери, подъ надзоромъ nutrix или какого нибудь родственнаго лица. Однако, начиная съ Суллы, въ домахъ образованныхъ появились педагоги, хотя самое это имя не вошло еще въ употребленіе.

Педагогъ (custos, comes, paedagogus) у Римлянъ, въ противоположность греческому педагогу, пользовался большимъ уваженіемъ; онъ былъ нравственнымъ хранителемъ отрока, и въ этомъ качествѣ—постояннымъ его спутникомъ на дорогѣ въ школу и при возвращеніи изъ нея, его надзирателемъ въ театрѣ, и находился даже при юношѣ въ военныхъ походахъ и путешествіяхъ, пользуясь вездѣ дисциплинарною властью и будучи наконецъ почтенъ отпущеніемъ на волю. Часто нѣсколько мальчиковъ поручались одному педагогу; въ знатныхъ семействахъ, какъ кажется, у каждаго отрока былъ особый педагогъ. Впослѣдствіи у богатыхъ Римлянъ изъ педагога образовалась цѣлая вереница провожатыхъ, такъ что къ самымъ мелочнымъ дѣламъ отрока приставлялись особые рабы, напр. особый рабъ долженъ былъ носить за мальчикомъ его книги въ школу. Знатнѣйшій изъ этой свиты, comes, пользовавшійся также значеніемъ воспитателя, служилъ съ своими товарищами въ то же время чтецомъ для женщинъ во время обѣда, но обязанъ былъ вмѣстѣ ухаживать и за собаками и пр.

Педагогомъ былъ большею частью рабъ, и всего охотнѣе брали для этого греческихъ и сирійскихъ рабовъ. которые покупались Аѳинянами на рынкѣ въ Делосѣ у киликійскихъ корсаровъ, обучались греческому языку и за тѣмъ перепродавались въ Римъ. Въ знатныхъ домахъ при педагогѣ держали еще другого учителя, который хотя и не по названію, но на самомъ дѣлѣ былъ также рабъ, холопъ. Бѣдность, неспособность къ какому либо другому занятію, мнимая блестящая перспектива впереди, случай обѣдать за столомъ богатыхъ: вотъ что, по Лукіану, побуждало домогаться мѣста, полученію котораго предшествовали униженія разнаго рода, —экзамены въ философіи и изящныхъ наукахъ, справки, наводимыя у сосѣдей и соотечественниковъ касательно про-

шлаго образа жизни, съ тѣмъ чтобы послѣ всего этого подвергнуться новымъ непріятностямъ. „Затѣмъ — расказываетъ далѣе Лукіанъ — ты уже рабъ, и не одного, а многихъ господъ; ты обязанъ отправлять рабскую службу, сгибая спину съ утра до вечера. Когда же наступитъ день платежа, то ты, стоя среди домашнихъ рабовъ, получишь свое мѣсячное жалованье. На тебя возлагаются также обязанности самаго низкаго изъ чернорабочихъ. О любви къ наукѣ господинъ твой нисколько не заботится. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ совмѣстились бы въ одно оселъ и цитра? Выключи изъ его души сребролюбіе, и останутся затѣмъ —суетность, немощь, страсть къ наживѣ, распутство, безстыдная наглость и пошлое невѣжество. Для всего этого ты конечно не нуженъ ему. Но такъ какъ у тебя весьма видная философская борода и внушительная наружность, то онъ счелъ цѣлесообразнымъ имѣть въ своей свитѣ также и ученаго, да примутъ его за любителя греческаго научнаго образованія и вообще за поклонника истины и красоты. Съ ранняго утра обязанъ ты служить ему на показъ и всюду бѣгать взадъ и впередъ то рысцой, то шажкомъ, съ горы на гору, потѣя и задыхаясь возлѣ ученаго и богатаго господина въ портшезѣ, и пока онъ разговариваетъ о разныхъ пустякахъ съ пріятелемъ, къ которому прибылъ въ гости, ты обязанъ дожидаться его въ передней. Когда къ столу подходитъ новый гость, то тебѣ говорятъ „подвинься!“ пока не припрутъ тебя наконецъ въ самый уголъ зала, гдѣ иному позорно было бы сидѣть и куда на блюдѣ доходятъ развѣ однѣ только косточки, которыя предоставляется тебѣ оглодать. Когда богатый господинъ самъ сочиняетъ стихи или пишетъ исторію, то твое дѣло подхваливать, находить все прекраснымъ, придумывать всякій разъ новыя льстивыя выраженія, хотя бы пришлось лопнуть съ досады. Когда же наконецъ воспользовались и цвѣтомъ и плодами лучшихъ годовъ твоихъ, то достаточно какого либо подхваченнаго гдѣ ни попало обвиненія, чтобы ночью и въ непогоду по шеямъ выгнать тебя изъ дому, тогда какъ на склонѣ лѣтъ въ теченіе долгаго времени ты успѣлъ перезабыть всѣ свои прежнія познанія“. — Правда, эти учителя и педагоги были самыми необразованными, жестокими, наглыми и заносчивыми людьми, такъ что въ отношеніи учителей Квинтиліанъ желалъ бы, чтобы они были или дѣйствительно учеными, или чтобы ужь вовсе не доходили до сознанія своей учености; ибо ничего нѣтъ хуже такихъ людей, которые, усвоивъ себѣ вершки науки, доходятъ до ложнаго мнѣнія о своей премудрости и, обнаруживая по какому-то праву превосходства свое собственное тупоуміе, считаютъ унизительнымъ для себя уступать тѣмъ, кто способенъ былъ бы вразумить ихъ. Юность Римлянина обуздывалась учителемъ и педагогомъ. „До двад-

цатилѣтняго возраста—говоритъ Плавтъ—мальчикъ не смѣлъ ни на пядь отходить отъ дому безъ педагога; когда, сидя дома и читая по книгѣ, онъ ошибался хоть на одномъ только слогѣ, то шкура его испещрялась какъ плащъ кормилицы".

Преподаваніе въ зрѣлый періодъ Рима — развивалось въ параллель со всею жизнью Римлянина. Въ эпоху богатырскаго періода и возмужалой энергіи — равно какъ и въ юношескій возрастъ народа — отрокъ обучался началамъ, подготовлявшимъ къ политической жизни. Поприща же, на которыхъ достигались высшія политическія должности, были военное и ораторское. Съ тѣхъ поръ какъ расширились завоеванія Римлянъ и противниками ихъ были уже не дикія племена, а знакомые съ военнымъ искусствомъ народы, то вмѣстѣ съ тѣмъ должна была развиться конечно римская сила и цивилизація, — необходимо было пріобрѣсть военное образованіе. Но какъ на боевомъ полѣ, такъ точно и на форумѣ, къ высшимъ почетнымъ должностямъ въ государствѣ вели юридическія пренія и въ политическихъ борьбахъ краснорѣчіе, характеръ котораго отличался нетолько практическою точностью и разсудительностью, но также и строгимъ достоинствомъ по формѣ, изложенію и отдѣлкѣ.—Дѣти простого народа большею частью лишены были всякаго спеціальнаго образованія: ихъ домашнее воспитаніе было скудно, а общественное—чисто религіозно; последнее состояло попреимуществу въ заучиваніи нѣсколькихъ пѣсень для сельскихъ праздниковъ; — изъ этихъ дѣтей образовывали „здоровыхъ и дюжихъ земледѣльцевъ".

Вмѣстѣ съ переворотомъ, какой вызвалъ въ Римѣ заносный греческій духъ, преобразовалась также и система воспитанія. Обученіе, имѣвшее цѣлью одно лишь внѣшнее развитіе, замѣнилось теперь другимъ, стремившимся къ истинно духовному образованію. Греческій языкъ и греческая литература сдѣлались существенными учебными предметами. Преподаваемый сначала жрецами только для пониманія оракуловъ и перешедшихъ изъ Греціи культовъ греческій языкъ получилъ право гражданства въ Римѣ, благодаря именно Ливію Андронику, который съ своими учениками читалъ греческихъ поэтовъ и перевелъ на латинскій языкъ Одиссею, и благодаря еще Эннію послѣ второй Пунической войны; пока наконецъ, черезъ посла царя Аттала, Кратеса Милосскаго, сломившаго себѣ ногу въ Римѣ и во время своего выздоровленія читавшаго лекціи о грамматикѣ на греческомъ языкѣ (—причемъ онъ и ввелъ преподаваніе грамматики въ Римѣ—), послѣдній до того распространился, что когда 10 лѣтъ спустя греческіе философы Карнеадъ, Діогенъ и Критолай, не владѣвшіе римскимъ языкомъ, прибыли въ Римъ въ качествѣ пословъ, то многіе

изъ молодыхъ Римлянъ уже въ состоянiи были слушать ихъ лекцiи, а при Суллѣ въ сенатѣ безъ переводчика понимали родосскаго посла Молона, вовсе незнавшаго по-латини. Дóма и въ практической жизни учились погречески, и изъ этого эмпирическаго обученiя языку развилось понемногу литературное преподаванiе, которое старалось проникнуть въ овладѣвшую духомъ времени греческую литературу.— Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ влiянiемъ греческихъ образцовъ и греческой философiи, естественное краснорѣчiе сдѣлалось искусствомъ, которое преподавалось и изучалось, и которое въ произведенiяхъ своихъ добивалось единства плана, изобрѣтательности, точнаго распредѣленiя, строгости доводовъ и приличнаго разнымъ цѣлямъ украшенiя: Корнелiй Цетегъ, современникъ Эннiя, впервые ввелъ искусственное краснорѣчiе.—Да и родной языкъ также исподволь совершенствовался въ высшемъ обществѣ Рима, онъ развивался и преподавался соотвѣтственно измѣнившемуся состоянiю цивилизацiи: методъ въ этомъ латинскомъ преподаванiи заимствовали отъ преподаванiя греческой литературы. — Это всеобщее умственное движенiе въ высшихъ слояхъ общества осталось не безъ влiянiя на низшiе классы. Простолюдины и рабы также много читали, писали и считали. Катонъ, по примѣру Магона, предполагаетъ въ рабахъ-экономахъ умѣнiе читать и писать.—

Эти перевороты произошли въ теченiе Кареагенскихъ войнъ до разрушенiя Кареагена. Но то, что за это время болѣе подготовлялось лишь еще въ умахъ и въ борьбѣ со старымъ римскимъ духомъ добивалось побѣды, то же самое съ этихъ поръ и до конца республики совершалось во внѣ и въ мирномъ договорѣ было признано полноправнымъ. Основная идея римскаго духа, гражданское равенство, была уже въ эпоху Катона поколеблена и въ воспитанiи, и рядомъ съ простымъ народнымъ обученiемъ сложилось особое образованiе, исключительный гуманизмъ, доступный только для готовящейся къ государственнымъ должностямъ знатной молодежи. Она изучала греческiй языкъ, усвоивала себѣ римское правовѣдѣнье и прiобрѣтала ораторское образованiе; безъ этихъ знанiй ничѣмъ уже нельзя было стать въ Римѣ и нельзя было добиться никакого участiя въ правленiи. Грецiю, ея теоретическiй народъ, можно было одолѣть по истинѣ однимъ лишь теоретическимъ путемъ, и вотъ Римъ, покоритель края, задумалъ покорить также и духъ Грецiи, разработывая, подчиняя себѣ греческое образованiе, облекая его въ удобопонятную форму, уряжая, разлагая, представляя въ перечнѣ данное содержанiе и выводя изъ него слѣдствiя. „Луцiй Эмилiй Павелъ, который политически окончательно покорилъ эллинскую нацiю, одинъ изъ первыхъ также вполнѣ призналъ эллинскую цивилизацiю тѣмъ, чѣмъ она безпре-

кословно съ той поры и осталась, а именно цивилизаціею древняго міра вообще". Не пренебрегая національнымъ воспитаніемъ, онъ дѣтей своихъ воспитывалъ на греческій ладъ; обучалъ ихъ греческой литературѣ, миѳологіи и пр., реторикѣ и философіи; въ его домѣ находились греческіе живописцы и ваятели и довершали музоугодное образованіе дѣтей. А воспитаніе въ домѣ Эмилія Павла было воспитаніемъ всего высшаго римскаго общества. Греческіе учителя цѣлыми толпами стремились въ Римъ въ качествѣ преподавателей языка, литературы и образованія, и греческіе воспитатели и учителя философіи живмя жили въ римскихъ чертогахъ: „это доходило до крайности, и оказывается, что за греческаго литературнаго раба перваго разряда платили до 200,000 сестерцій (14,300 тлр.)". Около 161-го г. предъ Р. Х. уже, въ Римѣ находилось нѣсколько особыхъ учебныхъ заведеній для упражненія въ греческой декламаціи, и изученіе греческой науки сдѣлалось съ этой поры существеннымъ предметомъ римскаго образованія. Всѣ замѣчательные люди занимались греческою литературою и образованностью; знатные содержали въ своихъ домахъ только греческихъ рабовъ, греческихъ секретарей, греческихъ ученыхъ, и въ средѣ молодыхъ людей принято было говорить лучше погречески, нежели поримски. Тиберій Гракхъ взялъ къ себѣ въ домъ знаменитаго греческаго философа. Сципіонъ Младшій былъ другъ греческихъ ученыхъ. Луцій Крассъ чуть ли не свободнѣе изъяснялся погречески, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. Аттикъ описалъ консульство Цицерона такимъ изящнымъ греческимъ языкомъ, что можно было принять его за аѳинскаго уроженца. Цицеронъ не только посѣтилъ Аѳины, но былъ также однимъ изъ самыхъ ревностныхъ слушателей греческихъ философовъ и грамматиковъ, появлявшихся при немъ въ Римѣ. — Въ параллель съ греческимъ развивалось и высшее латинское преподаваніе. Андроникъ и Энній уже вмѣстѣ съ греческимъ языкомъ обучали и латинскому. Чѣмъ шире развивалась римская литература, тѣмъ болѣе римскій языкъ и римская наука входили въ составъ высшихъ образовательныхъ предметовъ. Пуническая война Нэвія, хроника Эннія, а впослѣдствіи стихи Луцилія читались сперва въ избранномъ кружкѣ, а потомъ въ извѣстные дни всенародно, и такимъ путемъ юношество знакомилось съ классическою латинскою литературою. Теперь и латинскій языкъ стали обработывать научнымъ порядкомъ: Варронъ издалъ письменное руководство латинскаго языка, а Юлій Цезарь написалъ латинскую грамматику. Около того же времени, — въ 100-мъ г. до Р. Х., когда Луцій Элій Преконій изъ Ланувіума въ средѣ молодыхъ людей — въ томъ числѣ Варрона и Цицерона — читалъ Плавта и составлялъ проекты рѣчей, началось также и школьное высшее латинское преподава-

ніе въ особыхъ заведеніяхъ учителями на жалованьи, и это преподаваніе, подобно греческому, вскорѣ разбилось на два курса: сперва читали научнымъ путемъ латинскую литературу; потомъ преподавалось руководство для хвалебныхъ, политическихъ и судебныхъ рѣчей. Первую римскую литературную школу открылъ около 100-го г. до Р. Х. Маркъ Постумій Сэвій Никаноръ; а первую особую школу для латинской реторики около 90-го г. до Р. Х. Луцій Плоцій Галлъ.—Въ школахъ риторовъ Римъ достигъ своего высшаго и вполнѣ отвѣчающаго ему образовательнаго средства. Теоретическое усовершенствованіе и элегантная форма, которыхъ, по усвоеніи греческой литературы, домогался Римлянинъ, всегда были для него лишь средствомъ, но не цѣлью. Все знаніе и умѣніе имѣло въ глазахъ его значеніе лишь постольку, поскольку оно примѣнялось къ практическимъ и особенно къ политическимъ цѣлямъ, и всякое обученіе стремилось лишь для этихъ цѣлей овладѣть языкомъ. Оттого-то молодые Римляне изучали греческую философію не съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться философами, но лишь бы пріобрѣсти средство для краснорѣчія. На чтеніе и изученіе поэзіи они смотрѣли какъ на такое же средство: почти всѣ великіе ораторы въ лѣта своей юности сочиняли стихи и совѣтовали заниматься стихотворствомъ для того, чтобы пріобрѣсти изящность въ выраженіи. Усвоить себѣ необходимый для краснорѣчія запасъ сентенцій, copia sententiarum: вотъ въ чемъ для Римлянина заключалась главнѣйшая цѣль преподаванія. Къ тому же самому заодно съ обученіемъ въ школѣ риторовъ и съ преподаваніемъ вообще, стремилось также и домашнее прилежаніе Римлянина. Чтобы образовать изъ себя оратора, молодые Римляне—Цицеронъ, Брутъ, Месалла—переводили вольно съ греческихъ оригиналовъ, дѣлали извлеченія изъ греческихъ ораторовъ;—они декламировали погречески о данныхъ предметахъ,—бесѣдовали съ умными актерами;—пользовались театромъ и прислушивались тутъ не только къ изреченіямъ мудрости, но и къ искусству произносить, даже до малѣйшаго соблюденія размѣровъ стиха и вѣса каждаго слога; — они поступали въ ученіе къ phonascus, который хотя не до такой тонкости какъ у Грековъ, но систематически развивалъ голосъ при помощи сочетанія діэтетическихъ правилъ и музыкальныхъ упражненій.

Чѣмъ болѣе развитіе приближалось къ концу республики, тѣмъ болѣе расширялось и греко-римское образованіе. Даже гимнастическія упражненія отъ игры въ мячъ, бѣга и фехтованія переходили къ болѣе искусственнымъ состязаніямъ, и на дачахъ римской знати при купальняхъ всегда находилась палестра. Впрочемъ гимнастика сама по себѣ никогда не служила цѣлью, какъ это бывало у Грековъ. По Плутарху, Римляне гнушались натираться мазью подобно

Грекамъ, и полагали, что послѣдніе изнѣжились и подпали рабству болѣе всего по милости гимназій и палестръ, этихъ разсадниковъ тунеядства, дурного препровожденія времени, отроческой любви и тѣлеснаго растлѣнія. Римская гимнастика служила лишь упражненіемъ и подготовкою къ войнѣ, и даже такъ-называемая троянская игра, торжественное состязаніе для представленія Троянской войны въ Большомъ циркѣ, ежегодно совершаемое отроками знатныхъ патриціевъ въ верховой ѣздѣ, борьбѣ, метаніи диска, плаваньи и т. д., была не что иное какъ военная игра. Ради стратегическихъ цѣлей весьма важнымъ считалось умѣнье плавать, и въ этомъ отношеніи рано уже отличались даже женщины—между прочимъ Клёлія. Пѣніемъ и теперь также занимались. Однако его впослѣдствіи соединяли съ пляскою, противъ которой ратовалъ еще Цицеронъ, а Сципіонъ Африканскій возставалъ уже рѣшительно. „Сыновей и дочерей нашей знати — сѣтовалъ онъ — обучаютъ лживымъ и постыднымъ искусствамъ: они съ плясунами, музыкантами и пѣвцами ходятъ въ школы комедіантовъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ; но я самъ видѣлъ, какъ въ танцовальной школѣ 500 мальчиковъ и дѣвочекъ, и въ томъ числѣ одинъ двѣнадцатилѣтній отрокъ, отплясывали такой танецъ, на который самый презрѣнный рабъ не рѣшился бы безъ стыда“.

Въ послѣдній вѣкъ республики эллинское образованіе юношества всецѣло вошло въ составъ римскаго; нравоученіе напротивъ того было отмѣнено; военныя, юридическія и сельскохозяйственныя знанія перешли изъ всеобщихъ предметовъ въ спеціальныя науки; къ существовавшему прежде грамматико-реторико-философскому курсу присоединился еще геометрико-ариѳметико-астрономико-музыкальный. Въ энциклопедіи Катона предметами неспеціальнаго образованія значатся нравоученіе, краснорѣчіе, сельскохозяйственная, юридическая, военная и врачебная науки; въ „Школьныхъ наукахъ“ Варрона упоминаются, вѣроятно въ качествѣ всеобщихъ предметовъ образованія, грамматика, астрономія, музыка, медицина и архитектура. Римскія школы во всѣ эпохи были, какъ и въ Греціи, частными заведеніями. Закономъ ни тамъ, ни тутъ не былъ установленъ обязательный школьный возрастъ. Большею частью полагали, что до семилѣтняго возраста не слѣдуетъ начинать ученія, хотя Квинтиліанъ, сообщая намъ это, требуетъ, чтобъ даже среди игръ, еще заранѣе полагались основныя начала знанія и умѣнья. Касательно числа учениковъ также ничего не опредѣлялось закономъ. Квинтиліанъ говоритъ: „Дѣльный преподаватель не станетъ обременять себя такой толпою, съ какою онъ не въ состояніи справиться“. Тотъ же авторъ разсказываетъ, что въ его время имѣлись школы съ разными классами, и въ нихъ ежемѣсячно про-

изводились состязанія. Какъ вообще обыденная жизнь, такъ и школа въ Римѣ открывалась еще ранѣе, чѣмъ въ Аѳинахъ. Марціалъ называетъ школьныхъ учителей нарушителями спокойствія, мѣшающими спать даже по ночамъ:

Что у насъ общаго съ вами, проклятый, несносный магистеръ,
Не отрокамъ только однимъ, но равно ненавистный и дѣвамъ?
Еще и пѣтухъ своимъ крикомъ ночи покой не нарушилъ,
А ты ужь грохочешь, ревешь и дерешься пожалуй въ сердцахъ.

Ювеналъ также говоритъ, будто грамматикъ уже съ полночи принимается за дѣло, когда еще ни кузнецъ, ни ткачъ не приступали къ работѣ, и ему приходится сносить дымъ отъ столькихъ лампадокъ, сколько мальчиковъ на лицо, такъ что Горацій его чернѣетъ и Виргилій покрывается черной копотью.

Въ школѣ соблюдалась строгость, палка господствовала надо всѣмъ. Врагъ школьныхъ учителей, Марціалъ жалуется на своего драчливаго сосѣда и упоминаетъ о „поскудныхъ прутьяхъ, — этихъ скипетрахъ педагоговъ". Орбилій Пупиллъ, родоначальникъ „орбилизма" (школьной расправы) пытался перенести въ школу варварскую дисциплину, съ которою познакомился, бывши еще солдатомъ. Ученикъ его Горацій и прозвалъ его за это „кнутобоемъ". Святой Августинъ сознается самъ, что ему за лѣнь доставалось много побоевъ. Впрочемъ и въ древности уже появлялись противники палки. Квинтиліанъ осуждаетъ ее и подтверждаетъ свое мнѣніе убѣдительными доводами. Веррій Флаккъ, вольноотпущенный, пытался наградами возбудить честолюбіе и такимъ путемъ изгнать палку. Оттого Августъ и назначилъ его учителемъ своихъ внучатъ и перевелъ на Палатинъ его школу. Въ сатурналіи и въ теченіе пятидневныхъ въ честь Минервы празднуемыхъ квинкватрій (начиная съ 19-го марта) ученіе прекращалось. О другихъ вакаціяхъ ничего достовѣрнаго неизвѣстно. Иные упоминаютъ о четырехмѣсячныхъ каникулахъ, и дѣйствительно мальчики въ деревняхъ и небольшихъ городахъ, какъ кажется, платили только за 8 мѣсяцевъ въ школу.— Что же касается до внѣшняго положенія учителей, то оно повидимому вообще было жалкое. Ювеналъ разсказываетъ, что учитель получалъ почти столько же, сколько и побѣдитель на состязаніяхъ. Если онъ разумѣетъ тутъ актера, то это составитъ около пяти золотыхъ. Тотъ же авторъ отъ имени учителей жалуется на небрежность уплаты; онъ разсказываетъ даже, что нерѣдко доводилось прибѣгать къ судебному иску. Онъ совѣтуетъ учителямъ не допускать, чтобы съ ними торговались. Овидій заявляетъ, что большинство учителей „лишено всякаго состоянія". Светоній оставилъ по себѣ нѣсколько біографій знаменитыхъ грамматиковъ, чему мы одолжены слѣдующими из-

вѣстіями: Помпилій Андроникъ бѣдствовалъ дотого, что вынужденъ былъ продать свое главное сочиненіе за 16,000 сестерцій. Валерій Катонъ, ученый и талантливый преподаватель, долженъ былъ уступить заимодавцамъ свою дачу близъ Тускулума и жилъ подъ конецъ въ крайней бѣдности и нуждѣ въ дощатой лачугѣ. Целій Гигинъ, начальникъ многопосѣщаемой школы и Палатинской библіотеки, на старости лѣтъ проживалъ милостію историка Кайя Лицинія. Даже самъ Орбилій чуть ли не столѣтнимъ старикомъ вынужденъ былъ довольствоваться крошечною свѣтелкой. Подавленный и съ разбитымъ сердцемъ написалъ онъ книгу объ оскорбленіяхъ, причиняемыхъ учителямъ нравственною грубостью и заносчивостью родителей,—книгу, которая пережила бы вѣроятно множество изданій и дополненій, если бъ не пропала! Одно изъ высшихъ и важнѣйшихъ занятій на свѣтѣ, образованіе подростающаго поколѣнія, всегда мало уважалось и цѣнилось, за него всегда воздавали неблагодарностью, и нашей эпохѣ, эпохѣ гуманности, предстоитъ избавить человѣчество отъ такого позора. Нѣкоторые изъ учителей и въ древности уже умѣли поступать практически. Они пользовались сильнымъ наплывомъ, назначали высокія цѣны и богатѣли даже. Реммій Палимонъ выручалъ изъ своей школы по 400.000 сестерцій (22.000 талеровъ) въ годъ. Онъ сверхъ того содержалъ фабрику платьевъ и владѣлъ виноградниками, будучи впрочемъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ и порочныхъ людей первой императорской эпохи. Вопреки всѣмъ предостереженіямъ, исходившимъ даже отъ императоровъ Тиберія и Клавдія, родители были обольщены блестящими талантами этого человѣка и нисколько не думали объ его развращающемъ вліяніи.— Правительство не признавало за собою права вмѣшиваться въ дѣло общественнаго образованія какими бы то ни было постановленіями и поощреніями съ своей стороны, и ничего не дѣлалось, чтобы поднять хоть сколько нибудь презираемое за бѣдность и наемный трудъ сословіе народныхъ учителей,—все такія условія, по которымъ тоскуютъ иные сумасброды нашихъ дней, но завыванья этихъ совъ остаются конечно безплодными.—Теперь намъ надо поближе ознакомиться съ преподаваніемъ въ римскихъ школахъ.

1) Курсъ у грамматиста. До шести-или семи-лѣтняго возраста дитя оставалось дома, пользуясь уходомъ матери и кормилицы и подъ присмотромъ педагога. Съ семи лѣтъ начиналось элементарное обученіе, которымъ въ ludus publicus (общественной школѣ) занимался γραμματίστης, literator, въ качествѣ преподавателя prima literatura (начальной словесности).

Горацій, котораго отецъ привезъ въ Римъ, оттого что школа въ Венузіи оказалась неудовлетворительною, изо-

бражаетъ мальчиковъ, какъ они съ сумкой и доской путешествуютъ въ школу, Sat. VI, 72. и дал.

Noluit in Flavi ludum me mittere, magni
Quo pueri, magnis e centurionibus orti,
Laevo suspensi loculos tavulamque lacerto,
Ibant octonis referentes Idibus aera. *)

Дѣти у грамматиста обучались сперва чтенію. Методъ въ этомъ преподаваніи былъ силлабическій, причемъ названія и порядокъ буквъ усвоивались прежде, нежели изображеніе и значеніе ихъ; Квинтиліанъ впослѣдствіи отвергалъ это, говоря: „Если ребенку, знающему имена и послѣдовательность буквъ, вновь представляютъ азбуку попорядку, то онъ правда безъ труда называетъ каждую букву, но это лишь оттого, что онъ уже знаетъ, какая буква слѣдуетъ за другою, и поэтому вынуждены бываютъ приступить къ особымъ упражненіямъ, для того чтобы ознакомить его съ буквами въ разбивку. Дѣти должны знакомиться съ буквами точно такъ же какъ съ людьми, одновременно замѣчая ихъ видъ и названіе. При изученіи складовъ не слѣдуетъ гоняться за сокращеніемъ и сбереженіемъ времени и трудовъ, но слѣдуетъ въ противность принятому обычаю заставить изучить всѣ ихъ безъ исключенія, дабы при чтеніи ученикъ не встрѣтилъ уже никакихъ затрудненій“. Съ чтеніемъ соединялось письмо. Писали либо по предложеннымъ прописямъ, причемъ сначала водилась рука, либо учитель чертилъ слегка грифелемъ (stilus) на вощаной доскѣ и заставлялъ ученика водить по готовымъ чертамъ.—Когда ученикъ навыкалъ надлежащимъ образомъ читать и писать, то приступали къ изученію вѣрнаго употребленія, вѣрнаго сочетанія, вѣрнаго выговора и ударенія словъ. Читался вслухъ какой нибудь разсказъ, разбиралось содержаніе его, и объяснялись свойства языка. Поучительныя изреченія и притчи затверживались наизустъ. Такимъ образомъ постепенно доходили до чтенія и объясненія легкихъ поэтическихъ произведеній, причемъ болѣе всего настаивали на вѣрномъ удареніи и благозвучномъ выговорѣ.—Рядомъ съ этимъ грамматическимъ курсомъ шло обученіе счету. Счетъ производился или по пальцамъ, или при помощи камешковъ и счетной дощечки. Счетъ по пальцамъ, кажется, былъ нѣчто въ родѣ умственнаго счета: каждый палецъ, и даже всѣ различные изгибы пальца означали разныя числа; ученики должны были внимательно слѣдить за пальцами учителя и за движеніями и изгибами, а когда онъ пріостановитъ движеніе, сказать итогъ. Сверхъ того дѣти считали также на доскѣ, съ помощью камешковъ или же-

*) Онъ не хотѣлъ помѣстить меня въ школу Флавія, куда баловни, дѣти богатыхъ центуріоновъ, ходили съ сумками и досками подъ мышкой вычислять проценты по идамъ.

тоновъ, приносимыхъ ими съ собою въ школу въ сумкахъ. Вѣроятно эти камешки имѣли разныя значенія смотря по тому, на какое мѣсто графлёной доски они клались, такъ что этимъ способомъ производились четыре основныя дѣйствія.—При обученіи литераторъ, какъ кажется, употреблялъ въ дѣло нѣкоторыхъ изъ старшихъ учениковъ, частью для полицейскаго надзора, частью для того, чтобы переспросить диктантъ и заданный урокъ. Впрочемъ методы вообще разнились, смотря по индивидуальности каждаго изъ учителей, и самая дисциплина въ школѣ соотвѣтствовала этимъ индивидуальностямъ, и смотря по нимъ была то строже, то мягче, хотя согласно съ серьёзностью и воинственнымъ духомъ Римлянъ, она болѣе склонялась къ строгости.

2. Когда мальчикъ прошелъ школу литератора, то отправлялся, около 12-тилѣтняго возраста, въ школу грамматика (γραμματικός) или литерата (literatus), гдѣ приступалъ къ изученію языка, къ собственному сочинительству и къ поясненію писателей, особенно поэтовъ. Преподаваніе относилось какъ къ латинскому, такъ и къ греческому языкамъ и заключало въ себѣ попреимуществу орѳоэпію или правила произношенія и орѳографію или правописаніе, вообще этимологическую часть грамматики, тогда какъ изъ синтаксиса проходились собственно только употребленіе частицъ, расположеніе словъ и составъ предложеній. Въ видахъ развитія ума, чувства и вкуса избирались именно поэты для объясненій (Cic. Tusc. III, 2.), какъ наприм. Одиссея Гомера, въ переводѣ Ливія Андроника, съ которой сплошь и начинали. Когда же въ самой римской лиретарурѣ появились образцовые писатели, то они попреимуществу стали служить основою, напр. Виргилій. Избирались также и прозаики, въ родѣ Цицерона. Для перваго начала часто пользовались Эзоповыми баснями, которыя Квинтиліанъ (Quint. I, 8) предлагаетъ для умственныхъ упражненій. Для изученія орѳографіи и грамматическихъ правилъ писали много подъ диктовку. Horat. ep. II, 1, 69 и пр.

Non equidem insector delendave carmina Livi
Esse reor, memini quae plagosum mihi parvo
Orbilium dictare. *)

Нѣкоторыхъ поэтовъ затверживали наизустъ. Cic. ad Qu. fr. III, 1, 4. Meam (orationem) in illum pueri omnes tamquam dictata perdiscant. Особенное вниманіе обращалось также на историческую часть, такъ что ученики тутъ же освоивались съ великими подвигами предковъ: Аттикъ, другъ Цицерона, былъ до такой степени свѣдущъ въ римской исторіи, что не существовало ни одного закона, ни договора, ни одной войны и ни одного важнаго происшествія, которыхъ бы

*) Я не считаю нужнымъ преслѣдовать и гнать со свѣту стихотворенія Ливія, изъ котораго, помню, диктовалъ мнѣ въ дѣтствѣ драчливый Орбилій.

онъ не разработалъ, причемъ онъ кстати и незамѣтно вплеталъ происхожденіе родовъ, такъ что по немъ можно было узнать родословную всякаго знаменитаго человѣка. Занимались также упражненіями въ краснорѣчіи, и вообще въ школѣ грамматика преподавались и изучались всѣ науки, которыя у Римлянъ и Грековъ разумѣлись въ совокупности подъ именемъ „грамматики": поэзія и краснорѣчіе, исторія и начальныя основанія философіи, правила для объясненія писателей, болѣе глубокое знаніе латинскаго и греческаго языковъ и пр. Различіе между разнаго рода школами не вездѣ строго соблюдалось; грамматикъ захватывалъ иногда область ритора (упражненіями въ письмѣ и рѣчахъ, declamare, disputare), а элементарный учитель точно также присвоивалъ себѣ многое, что принадлежало къ области грамматика.

Вышедъ изъ отроческаго возраста и надѣвъ toga virilis, молодой Римлянинъ покидалъ обыкновенно школу грамматика, гдѣ дисциплина была также строга и тѣлесныя наказанія палкою и розгами принадлежали къ хорошимъ школьнымъ порядкамъ; затѣмъ онъ уже въ качествѣ слушателя поступалъ въ практическую школу народныхъ собраній и судебныхъ преній. Впрочемъ въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи дѣло зависѣло попреимуществу отъ того, какое званіе избиралъ юноша: посвящалъ ли онъ себя земледѣлію или военной службѣ, намѣревался ли выступить на поприще общественной жизни въ качествѣ государственнаго человѣка, правовѣда или оратора. —Болѣе рѣшительная подготовка къ званію начиналась, какъ напр. къ военной службѣ, около 17-тилѣтняго возраста, часто даже позже: Луцій Крассъ поступилъ къ К. Карбону 19-ти лѣтъ, Цезарь къ Долабеллѣ 21-го года, Азиній Полліонъ къ Катону только уже 22-хъ лѣтъ отъ роду.—Выборъ званія, какъ и вся жизнь и все существованіе Римлянина, обусловливался принципомъ полезности. Artes pecuniosae (доходныя части) вообще предпочитались, такъ что иной обращался къ менѣе уважаемому занятію, въ родѣ глашатая, praeco, наприм., лишь бы пріобрѣсти этимъ путемъ значительныя богатства. Dignitas, достоинство при выборѣ званія принималось въ расчетъ особенно патриціями, высокопоставленными лицами и образованными семействами; но оно болѣе и болѣе отступало на задній планъ, по мѣрѣ того какъ обезпеченіе rei familiaris (семейнаго благосостоянія) стало зависѣть отъ пользы, utilitas, и значеніе въ государствѣ было связано съ цензомъ. Но какому бы званію ни посвятилъ себя молодой Римлянинъ,—все подготовительное ученіе его (tirocinium), какъ справедливо замѣчаетъ Краузе, по любой части состояло болѣе въ практическомъ руководствѣ и наставленіи, нежели въ теоретическихъ предписаніяхъ и правилахъ.

Званіе практическаго сельскаго хозяина и домовода считалось все еще (—земледѣліе постоянно пользовалось большимъ уваженіемъ—) почетнымъ званіемъ молодого Римлянина, и ему посвящали себя особенно тѣ, у кого не было ни наклонности, ни таланта для высшаго ученаго поприща. Ихъ отправляли въ какое нибудь помѣстье и здѣсь обще съ управляющимъ (Villicus) они занимались хозяйствомъ, наглядньмъ образомъ и собственнымъ опытомъ изучая правила и основныя начала полеводства.

Для будущихъ вождей и военачальниковъ школами служили лагери, походы и битвы. Особо отрекомендованный полководцу или одному изъ подчиненныхъ ему военачальниковъ, молодой Римлянинъ знатнаго рода отправлялся въ лагерь и добивался тамъ хвалы и одобренія того, чьему надзору, руководству и наставленіямъ онъ былъ порученъ. А такъ какъ и въ войскѣ уже не было болѣе той безусловной покорности, и приходилось напротивъ того сперва добиваться ея путемъ доводовъ и убѣжденій, то тутъ же упражнялись въ краснорѣчіи и декламаціи: Кн. Помпей много навыкъ къ этому, какъ говорятъ, во время междоусобной войны, а М. Антоній, также и самъ Августъ—во время борьбы подъ Мутиною.

Для будущаго государственнаго человѣка, оратора и правовѣда „практическими школами дальнѣйшаго развитія, подъ руководствомъ испытаннаго ветерана, служили форумъ, Марсово поле, комиціи и народныя собранія, а послѣ также сенатъ и затѣмъ уже провинція". Такъ между прочимъ Цицеронъ, надѣвъ toga virilis (тогу зрѣлости), отцомъ своимъ порученъ былъ превосходному правовѣду Муцію Сцеволѣ, съ тѣмъ чтобы по возможности долѣе оставаться при этомъ старцѣ; по смерти же его онъ поступилъ къ верховному жрецу Кв. Сцеволѣ, а потомъ вошелъ въ близкую связь съ П. Сульпиціемъ и наконецъ посвятилъ себя философіи. Впослѣдствіи у самого Цицерона были такіе же ученики, которыхъ онъ въ свободное отъ правительственныхъ дѣлъ время обучалъ краснорѣчію. Юность М. Целія—такъ разсказываетъ Цицеронъ—охранялась сперва юношескимъ цѣломудріемъ, а потомъ попеченіемъ и строгостью отца, который, передавъ ему toga virilis, тотчасъ же поручилъ его Цицерону, такъ что этого Целія во цвѣтѣ лѣтъ никто не видалъ иначе какъ съ отцомъ или съ Цицерономъ или же въ одномъ изъ самыхъ скромныхъ домовъ, у М. Красса, гдѣ онъ обучался самымъ благоприличнымъ искусствамъ.

Къ этому практическому образованію будущаго государственнаго мужа, оратора и правовѣда присоединялось извѣстное обученіе праву и краснорѣчію. Съ появленія двѣнадцати таблицъ и до Цицерона право слагалось главнѣйше обычаемъ, и первоначально оно изучалось и усвои-

валось упражненіемъ и въ практической жизни. Тиберій Корунканій (252 до Р. Х.), первый великій жрецъ изъ плебеевъ, считается также первымъ общественнымъ преподавателемъ права. Впрочемъ и послѣ него даже право изучалось не путемъ предначертанныхъ и настоящихъ уроковъ, а просто наслышкою и приглядкой къ отвѣтамъ на запросы. Впослѣдствіи однако правовѣдѣніе вошло въ кругъ высшаго преподаванія.

Краснорѣчію обучалъ риторъ,—не такъ часто Грекъ, какъ Римлянинъ, принадлежавшій сперва къ сословію вольноотпущенныхъ и добившійся уваженія только уже, благодаря Л. Плоцію. Хотя школы риторовъ существовали въ послѣднее столѣтіе республики, но онѣ посѣщались только тѣми, кто намѣревался быть публичнымъ ораторомъ, тогда какъ остальные довольствовались преподаваніемъ въ школахъ грамматиковъ. Сначала первые учителя краснорѣчія сообщали болѣе одинъ лишь матеріалъ того, о чемъ надлежало говорить, нежели реторическія правила, которыя разсматривались какъ дополненія риторики, заключавшей въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ философію и политику, и къ которымъ потомъ примыкали легкія упражненія въ искусствѣ говорить рѣчи. Но впослѣдствіи теоретическіе уроки соединялись съ практическими упражненіями, а предметъ краснорѣчія въ отдѣльныхъ его отросляхъ предоставлялся грамматикамъ, правовѣдамъ и философамъ. Руководство къ краснорѣчію ставило себѣ задачею образовать оратора, именно такого, который умѣлъ бы о любомъ предметѣ говорить красно, изящно и убѣдительно и притомъ соотвѣтственно важности предмета, современнымъ условіямъ и въ удовольствіе слушателямъ. Когда начали учить риторы, то способъ ихъ преподаванія подвергся порицанію со стороны правительственной власти. Въ 662-мъ году цензоры Домицій Аэнобарбъ и Лициній Крассъ, по Suet. de cl. rhet., заявили свое неудовольствіе слѣдующимъ образомъ: Renunciatum est nobis, esse homines, qui novum genus disciplinae instituerunt, ad quos juventus in ludos conveniat, eos sibi nomen imposuisse latinos rhetoras, ibi homines adolescentulos totos dies desidere. Majores nostri quae liberos suos discere et quos in ludos itare vellent, instituerunt. Haec nova, quae praeter consuetudinem ac morem majorum fiunt, neque placent, neque recte videntur. Quapropter et iis, qui eos ludos habent et iis qui eo venire consueverunt, videtur faciendum ut ostendamus nostram sententiam: nobis non placere *).

---

*) Донесено намъ, что появились люди, которые ввели новый способъ ученія и къ которымъ въ школы стекается юношество. Они присвоили себѣ имя римскихъ риторовъ, и молодежь проводитъ у нихъ цѣлые дни. Предки наши установили, чему учить дѣтей и въ какія имъ ходить школы. Это новое ученіе, идущее наперекоръ обы-

Наконецъ философія, благодаря переселившимся изъ Греціи ученымъ, сдѣлалась предметомъ обученія для молодежи и всѣми признанною въ Римѣ наукою. Давно уже забыто было прежнее воззрѣніе Римлянъ, будто изученіе философіи несовмѣстимо со степенностью и важностью римскаго характера, такъ какъ оно, отнюдь не развивая добродѣтели, возбуждаетъ напротивъ того заносчивость, противорѣчія, отчужденіе отъ общественныхъ дѣлъ и другіе пороки, почему изученіе это и слѣдуетъ предоставить празднымъ Грекамъ. Греческіе философы получили теперь права гражданства, а знатные Римляне сдѣлались римскими философами. „Ради всего святого, — восклицаетъ Цицеронъ — что можетъ быть дороже, что почетнѣе и полезнѣе для человѣка, что достойнѣе мудрости? А домогаться ея и есть дѣло философіи. Самое названіе послѣдней указываетъ уже на любовь къ мудрости и на стремленіе къ ней". — „Тотъ только мудръ, — говоритъ Павелъ Эмилій — кто въ счастіи не возносится надъ своимъ положеніемъ, а въ несчастіи не падаетъ духомъ". „Обуздывать самого себя въ счастіи — замѣчаетъ Ливій — и не слишкомъ довѣряться наставшему солнечному сіянію: вотъ дѣло мудраго и въ самомъ себѣ счастливаго человѣка". — Изъ этихъ сужденій явствуетъ въ то же время, что Римляне смотрѣли на философію съ практической точки зрѣнія,—хотя Цицеронъ и опредѣляетъ ее наукою о божескихъ и человѣческихъ дѣлахъ. Потому-то въ сущности практическая философія и была предметомъ римскаго воспитанія. — Съ обученіемъ соединялись въ то же время и гимнастическія упражненія; ибо Римляне были охотники до сильныхъ движеній, какъ полезныхъ для здоровья. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ упражненій у всѣхъ отъ мала до велика была предоставляемая у насъ дѣтямъ игра въ мячъ. У Римлянъ было три рода мячиковъ, изъ которыхъ всегда употреблялся одинъ какой нибудь, въ чемъ бы ни состояла игра. Маленькій, настоящій игорный мячикъ называли пи́ла, большой—коллисъ и паганика. Маленькій мячикъ перебрасывали двое другъ другу, или поочередно или одновременно, и потомъ ловили его. Эта игра производилась даже на улицѣ. Большой мячъ ударяли или кулакомъ или рукой, иногда на правую руку надѣвая притомъ родъ рукавицы. Эта игра доставляла легкое и не очень напряженное движеніе. Паганика, какъ кажется, составляла нѣчто среднее между обоими и примѣнялась то въ одномъ, то въ другомъ родѣ, хотя и можно считать достовѣрнымъ, что всѣ безъ исклю-

---

чаямъ и нравамъ предковъ, возбудило неудовольствіе и показалось беззаконнымъ. А это побудило насъ заявить свое мнѣніе о томъ, что мы не довольны ни тѣми, кто содержитъ школы съ подобнымъ направленіемъ, ни тѣми, кто ихъ обыкновенно посѣщаетъ.

ченія игры производились и пѣлою. Наиболѣе любимою и самою обыкновенною игрою былъ повидимому тригонъ, который состоялъ изъ трехъ игроковъ, образовавшихъ треугольникъ. Мы къ сожалѣнію не знаемъ, въ чемъ состояла эта игра; извѣстно только, что искусные игроки бросали и ловили мячъ одною лишь лѣвою рукой. Гораздо напряженнѣе и рѣзвѣе былъ гарпостъ, при чемъ одинъ или нѣсколько мячиковъ кидали между играющими, и каждый изъ послѣднихъ старался завладѣть имъ. Иногда борьба завязывалась также изъ-за нѣсколькихъ мячиковъ. По словамъ Атенея эта игра была крайне бурная, почему вѣроятно Марціалъ и причисляетъ ее къ непристойнымъ. Другое тѣлесное упражненіе Римлянъ состояло въ маханіи галтерами, какъ назывались обыкновенно шесты, которые прыгающіе держали въ рукахъ, размахивая ими въ разныя стороны. Объ этихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ часто упоминаютъ Сенека и Марціалъ, особенно первый, тамъ, гдѣ онъ описываетъ сумятицу въ купальняхъ Баіи. Третій родъ тѣлесныхъ упражненій былъ примѣрный бой съ уставленнымъ въ землю столбомъ, противъ котораго сражались съ плетенымъ щитомъ и деревяннымъ мечомъ, какъ бы противъ живого противника. Первоначально это упражненіе служило Римлянамъ для того, чтобы пріучиться по возможности ловче владѣть оружіемъ; а потомъ уже для того также, чтобы сообщить тѣлу болѣе сильное движеніе и приготовиться къ купанью. Ювеналъ горько жалуется на непристойность, „съ какою даже женщины занимались этой гимнастикой“. Къ весьма обыкновеннымъ и любимымъ движеніямъ принадлежали бѣгъ и прыганье. Августъ пробѣгалъ значительныя разстоянія. Прыгали же вверхъ и вдоль; послѣднее было, повидимому, не прыганье, а родъ пляски. Впрочемъ старики, у которыхъ не хватало силъ, или лѣнивые, у кого не было къ тому охоты, не участвовали въ этихъ истомляющихъ упражненіяхъ. Но отъ игры въ мячъ не уклонялись даже пожилые люди. Потому-то по игрѣ въ мячъ и прозывалось всякое гимнастическое мѣсто, хотя бы оно и было устроено для другихъ тѣлесныхъ упражненій; оно называлось сферистеріумъ и находилось не только на открытомъ воздухѣ и на солнцѣ, но также иногда и въ собственномъ домѣ, возлѣ сáмой купальни, такъ какъ подобныя тѣлесныя упражненія всегда предшествовали купанью. Всѣ они назначались только для мужчинъ; женская гимнастика у Римлянъ считалась непристойною. (Сравни: H. Asmus Skizzen des häuslichen und öffentlichen Lebens der Römer. Raumer's Historisches Taschenbuch. 4. Folge, 3 Jahrgang. 1862.)

Разсматривая литературное образованіе Римлянъ на вершинѣ его, мы видимъ, что ему свойственны—какъ выражается Бернгарди—признаки искусственнаго и книжно-уче-

наго развитія, которое возбуждалось, совершалось и поддерживалось въ ходу меньшинствомъ націи. „Чѣмъ болѣе Римляне подъ конецъ республики знакомились съ греческою литературою, чѣмъ ревностнѣе читали и писали, тѣмъ болѣе заботились они объ удобномъ распредѣленіи матеріала. У нихъ появлялись все болѣе правильныя библіотеки, и Римъ съ этихъ поръ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ какъ для сокровищъ искусства, такъ и для образованности древнихъ націй и ихъ главныхъ представителей. Болѣе обширное потребленіе побудило ихъ наконецъ заняться цѣлесообразнымъ устройствомъ и улучшеніемъ письменнаго матеріала; когда облегчилось размноженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и искусное распространеніе экземпляровъ, то къ этому присоединилась еще книжная торговля, благодаря чему новѣйшія произведенія литературы обращались быстрѣе до самыхъ отдаленныхъ краевъ Римской державы. Во время Цицерона много переписывалось, и scriptores или literatores (впослѣдствіи antiquarii) распространяли изъ своихъ фабрикъ въ обществѣ множество копій съ любого даннаго автографа. Отъ писцовъ Codices (списки) переходили въ руки bibliopolae или librarii (книгопродавцевъ), у которыхъ со временъ Горація въ самыхъ посѣщаемыхъ мѣстахъ Рима были склады книгъ, разукрашенныхъ, часто роскошно переплетенныхъ, и доставлявшихъ значительный доходъ торговцамъ“.

„Въ совокупномъ выводѣ новаго римскаго воспитанія обнаружилось—какъ говоритъ Моммсенъ—новое понятіе о такъ называемой человѣчности, о гуманизмѣ, состоявшемъ частью въ болѣе или менѣе поверхностно усвоенномъ музоугодномъ образованіи Эллиновъ, частью по образцу его сложившемся или искаженномъ латинскомъ. Этотъ новый гуманизмъ отрекся, какъ уже явствуетъ изъ его названія, отъ специфической римской сущности,—мало того, сталъ даже противникомъ ея и, подобно нашему весьма сродному съ нимъ общему образованію, соединилъ въ себѣ національно-космополитскій и соціально-исключительный характеръ“.

27.

b. ТЕОРІЯ ВЪ ВОСПИТАНІИ ЗРѢЛАГО ВОЗРАСТА РИМА.

Въ эпоху, когда теоретическое обученіе все болѣе и болѣе вытѣсняло переходившее изъ рода въ родъ, на подражаніи основанное семейное и государственное воспитаніе, открылось поприще для теоріи воспитанія. Эта теорія, соотвѣтственно характеру Римлянина, вытекала изъ практической необходимости; она поэтому и сложилась преиму-

ществу и впервые въ такое время, когда новое культурное начало грозило гибелью и уничтоженіемъ существующему,—въ періодъ, когда среди всеобщаго нравственнаго упадка наступила страшная распущенность и одичалость единичныхъ личностей, когда слѣдовательно нужда заставляла поразмыслить какъ о сущности, такъ точно и объ улучшеніи воспитанія, лишь бы путемъ цѣлесообразнаго его строя положить по возможности предѣлъ разлившемуся злу. Катонъ, при которомъ греческая культура проникла въ Римъ, и Цицеронъ, видѣвшій, какъ нравственный міръ пошатнулся въ своихъ основахъ, были первостатейными теоретиками воспитанія въ эпоху зрѣлаго возраста Рима.

Маркъ Порцій Катонъ цензоръ, котораго Квинтиліанъ именуетъ первымъ педагогическимъ писателемъ, родился въ Тускулумѣ въ 235-мъ г., воспитывался въ строгихъ и мрачныхъ правилахъ Сабинянъ и умеръ въ 149-мъ г. до Р. Х. Изучивъ законы, обладая высокимъ даромъ краснорѣчія, стремясь къ славѣ и дѣятельной жизни, онъ скоро не нашелъ въ сельскомъ быту достаточной пищи для своего духа. Благодаря Валерію Флакку, онъ, согласно съ собственнымъ желаніемъ, прибылъ въ Римъ, и своимъ краснорѣчіемъ и чистымъ интересомъ къ государству, особенно проявившимся въ его обвиненіи противъ Сципіона, овладѣлъ расположеніемъ народа въ столь высокой степени, что съ тридцатилѣтняго возраста своего занималъ всѣ высшія государственныя должности. Строгій и неумолимый, отъявленный врагъ всякой новизны, онъ выступилъ поборникомъ древней римской добродѣтели, и вся его политическая жизнь была непрерывною борьбою, причемъ онъ то и дѣло обвинялъ и самъ 84 раза былъ обвиняемъ. Это былъ неотесанный, грубый кусокъ мрамора, но за то мрамора каррарскаго,—и притомъ человѣкъ желѣзный, цѣльная натура и внутри и внѣ: у него въ домѣ ни одно платье не должно было стоить болѣе 100 денаровъ (29 тлр.), ни одинъ рабъ болѣе 1500 (429 тлр.), обѣды не свыше 39 ассовъ ($12^1/_2$ гр.) каждый; въ комнатахъ его не было ковровъ, а стѣны долго оставались безъ штукатурки.

Какъ самъ онъ отличался правдивостью, строгостью и энергіею характера; таково же было и воспитаніе его (—его сочиненіе о воспитаніи утрачено—). Славу добраго супруга и отца считалъ онъ выше почестей хорошаго сенатора. Домъ свой держалъ въ строгости. Слуги не смѣли у него безъ позволенія выходить со двора, ни болтать съ чужими о домашнихъ дѣлахъ. Какъ строго наказывались проступки, видно изъ того, что одинъ изъ его рабовъ повѣсился изъза учиненной имъ безъ вѣдома хозяина и дошедшей до слуха послѣдняго торговой сдѣлки. За легкія провинности онъ собственноручно стегалъ виноватаго ремнемъ. Жена и дѣти также подлежали строгому надзору; онъ однако

заявилъ, что кто бьетъ свою супругу или своего сына, тотъ оскорбляетъ самыя дорогія святыни, какія только могутъ существовать для людей. Не въ ущербъ правилу, что въ краснощекомъ мальчикѣ больше проку, нежели въ блѣдномъ, онъ обучалъ дѣтей своихъ первоначальному чтенію и письму, употреблеленію оружія, верховой ѣздѣ и плаванью, законамъ и нравамъ римскаго народа, причемъ особенно налегалъ на то, чтобы дѣти знакомились съ исторіей и подвигами предковъ и такимъ образомъ въ нихъ пробуждались порывы къ отличіямъ. Какъ въ присутствіи вестальскихъ дѣвъ— по его собственнымъ словамъ, — такъ и въ присутствіи дѣтей остерегался онъ проронить скверное слово, и при своей дочери никогда не обнималъ жены, исключая развѣ когда послѣдняя бывала напугана грозою. Условіемъ для оратора онъ полагалъ прямой, здравый умъ, связанный съ доблестью помысловъ, ибо только благородный человѣкъ можетъ быть хорошимъ ораторомъ. Онъ предпочиталъ и прославлялъ сельскую жизнь въ особенности потому, что земледѣліе есть не только разсадникъ храбрыхъ защитниковъ отечества, но также и нравственно-сильныхъ гражданъ, такъ какъ при этомъ доходъ и нажива менѣе основаны на ущербѣ посторонняго лица, а слѣдовательно и самый нравъ также менѣе всего подвергаётся порчѣ. Онъ рѣшительно выступилъ противъ внѣдряющагося греческаго образованія и возникавшихъ вслѣдствіе того утонченности и изнѣженности, ибо яснымъ взглядомъ своимъ онъ предвидѣлъ близкую гибель Рима на этомъ пути. „Повѣрь мнѣ, писалъ онъ своему сыну, повѣрь мнѣ, такъ какъ бы сказалъ это пророкъ, что Греки крайне негодное и неисправимое племя. Если этотъ народъ распространитъ свою литературу между нами, то онъ все развратитъ, а тѣмъ болѣе еще, если онъ пришлетъ сюда своихъ врачей, ибо они составили между собою заговоръ погубить варваровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Римлянъ“. Однако, когда Катонъ познакомился съ Энніемъ, примкнулъ къ пиѳагорейцу Неарху, и даже вызвалъ послѣдняго въ Римъ, то самъ же потомъ выучился греческому языку и занимался греческою литературою. Но никогда не отрекался отъ убѣжденія, что съ старою римскою добродѣтелью неминуемо погибнетъ заодно и Римъ. Потому homo elegans, щеголь, былъ для него достойнымъ порицанія. Въ старое время, говорилъ онъ, было въ обычаѣ являться на рынокъ въ благопристойной одеждѣ, а дома—одѣваться лишь насколько необходимо. Стихотворство тогда не пользовалось почетомъ, а того, кто занимался имъ и предавался пиршествамъ, обзывали тунеядцемъ. „Человѣческая жизнь подобна желѣзу; когда его обработываютъ, оно понемногу исходитъ, когда же его не обработывать, оно все съѣдается ржавчиною. Точно также, видимъ мы, трудъ утомляетъ людей, но если они ничѣмъ не заняты, то лѣнь и застой вредятъ имъ болѣе всякаго труда“.

Однако Катонъ былъ уже проповѣдникомъ въ пустынѣ. Греческій духъ бурно напиралъ и не было возможности остановить его, тѣмъ болѣе что молодежь, представительница всего новаго и преемница будущаго, со рвеніемъ и пыломъ ухватилась за него. А Катонъ, какъ Римлянинъ настоящаго закала, сталъ на рубежѣ между старымъ и новымъ Римомъ, крѣпкая, дюжая личность, суровая, твердая, мрачная, грубо сплоченная физіономія — заступникъ „старой правды" передъ „новой неправдой" — первый римскій педагогъ, въ которомъ, какъ въ древнемъ римскомъ характерѣ, теорія и практика слились, проникая и обусловливая другъ друга,—человѣкъ, умѣвшій говорить словами, стóющими дѣла.

Ср. Scheider: De M. Porcii Catonis vita, studiis et scriptis.

Катонъ умеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и древній духъ Рима. Греческій и римскій духъ сочетались бракомъ и породили новую жизнь, — хотя и не совсѣмъ такую, однако сходную съ жизнью гречества въ эпоху Пелопоннезской войны. Теренцій. во 2-мъ столѣтіи до Р. X., въ своихъ комедіяхъ представляетъ передъ Римомъ первобытные аѳинскіе нравы: „образованный погречески Римлянинъ говоритъ про жизнь образующагося погречески народа". По этому изображенію, дочери воспитываются въ гинекеѣ, куда отецъ заходитъ лишь изрѣдка, или не заходитъ никогда; онѣ посѣщаютъ школу и имѣютъ при себѣ педагоговъ; обучаются попреимуществу музыкѣ; матери также учатъ ихъ, и при посредствѣ шнуровокъ, лишенія пищи и пр. стараются придать имъ стройный станъ, такъ что дочери дѣлаются похожими на камышевыя тросточки. Педагоги и воспитатели отроковъ—рабы, которые охраняютъ ихъ, но остаются и послѣ также при взрослыхъ юношахъ и дѣлаются ихъ слугами. Три главныхъ предмета обученія для свободнаго юноши суть грамматика, музыка и гимнастика. У каждаго изъ молодыхъ людей пробуждается какая-либо страсть къ чему-нибудь, къ лошадямъ, гончимъ собакамъ, наукамъ. Однако, онъ ни къ чему не долженъ прилѣпляться слишкомъ сильно, и болѣе всего достоинъ похвалы тотъ, кто владѣетъ собою. Только бы не черезъ-чуръ строгое воспитаніе!

«Я потакаю ему, и не хочу съ него взыскивать
Строго за все; словомъ, я сыну внушилъ
Не скрывать отъ меня ничего, что дѣти иныя
Таятъ отъ отцовъ,—все что свойсвенно юности.
Ибо кто посмѣетъ отца обмануть и лгать передъ нимъ,
Тотъ такъ же поступитъ съ другими, да пожалуй и хуже.
По моему лучше дѣтей воспитать, пробуждая въ нихъ
Стыдъ передъ подлымъ и самосознаніе, нежели страхъ».
«Кто изъ страха невольно свой долгъ исполняетъ,
Не грѣшитъ до поры, пока онъ боится улики;
А тайкомъ тотчасъ вновь возвратится къ привычкѣ своей».

Какъ скоро юноша избавился отъ строгаго надзора, онъ легко подвергается соблазну гетерами, сводниками и рабами; послѣдніе, интригуя, помогаютъ ему въ его любовныхъ похожденіяхъ. — Таковы взгляды на воспитаніе теренціевыхъ Римлянъ, для которыхъ человѣчество всецѣло претворилось въ римство и человѣчность стала чѣмъ-то заурядным, чѣмъ-то установившимся въ силу нравовъ и обычаевъ, такъ что они въ правѣ были встрѣтить дружнымъ рукоплесканіемъ изреченіе стараго Хрема въ „Самомученикѣ“:

Я человѣкъ, и людское ничто мнѣ не чуждо.

— Какъ Теренцій Аферъ, такъ точно и М. Теренцій Варронъ—род. въ 116-го до Р. Х. — (отличавшійся по всѣмъ отрослямъ какъ ученый, какъ критикъ, филологъ, историкъ и знатокъ сельскаго хозяйства, и написавшій будто-бы 500 сочиненій, изъ которыхъ книга „Cato sive de liberis educandis“ сохранилась лишь въ отрывкахъ) требуетъ кроткой дисциплины, ибо суровость мѣшаетъ преподаванію, между тѣмъ какъ оно преуспѣваетъ и бываетъ плодотворнымъ лишь тогда, когда возбуждается охота къ ученію. Онъ разбилъ жизнь на отдѣлы, въ 15 лѣтъ каждый: infantia, pueritia, adolescentia, juventa, senecta. Начальному воспитанію онъ приписывалъ высшее вліяніе на ходъ всей будущей жизни, такъ какъ успѣхъ образованія дитяти обусловливается почином. Потому-то онъ предостерегалъ отъ всякихъ игръ, могущихъ вредно влiять на душу, — требовалъ молодыхъ кормилицъ, потому что съ годами, наровнѣ съ кровью, портится даваемое младенцу молоко, — а отрокамъ велѣлъ давать умѣренную и простую пищу, избѣгая притомъ всего остраго и возбуждающаго, особенно горчицы, луку и чесноку. Наконецъ Варронъ предостерегалъ еще отъ дурного общества: какъ овчаръ обыкновенно удаляетъ менѣе пригодныхъ овецъ, такъ нерѣдко одинъ испорченный и шаловливый мальчикъ развращаетъ всѣхъ своихъ товарищей. — Надъ этими теоретиками воспитанія возвышается

Маркъ Туллій Цицеронъ,

эта вершинная точка республики, этотъ полный цвѣтъ римской литературы, творецъ новой, классической латинской прозы.—Онъ—хотя и не на самомъ дѣлѣ и не лично, но все-таки по своимъ мыслямъ и рѣчамъ—истинный и лучшій ученикъ истинныхъ и лучшихъ Грековъ, въ особенности Сократа и Платона. Родившись въ 107-мъ г. въ Арпинумѣ, онъ первыя лѣта своей юности прожилъ у своей матери Гельвіи, происходившей отъ знатнаго римскаго рода, и у своего отца, посвятившаго себя по древнеримскому обычаю наукамъ въ спокойномъ уединеніи своего помѣстья, но поддерживавшаго также связи со многими знатнѣйшими гражданами Ри-

ма. Такъ какъ мальчикъ съ раннихъ лѣтъ уже обнаружилъ чрезвычайныя дарованія, то отецъ отвезъ его въ Римъ, гдѣ своими способностями и своимъ прилежаніемъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе какъ учителей, такъ и товарищей. Отрокомъ и юношей онъ пользовался здѣсь уроками поэта Архія, потомъ стоика Діодота, въ Платоновой философіи—Филона изъ Лариссы, а въ реторикѣ—знатнѣйшаго тогдашняго ритора, Молона. Онъ изучалъ также ораторовъ Демосѳена, Лисія и Исократа, и упражнялся какъ въ письменномъ переводѣ греческихъ рѣчей, такъ и въ своихъ собственныхъ поэтическихъ опытахъ. По обычаю Римлянъ, онъ на 17-тилѣтнемъ возрастѣ поступилъ къ знатнѣйшему правовѣду того времени,—авгуру Квинту Муцію Сцеволѣ, одаренному высокою мудростью, богатымъ житейскимъ опытомъ, любовью и привлекательностью въ обхожденіи. Цицеронъ привязался къ нему съ неизмѣнною преданностью и какъ у него, такъ и у верховнаго жреца Кв. Сцеволы, пріобрѣлъ превосходныя знанія въ правовѣдѣніи. Дабы удовлетворить всѣмъ требованіямъ истаго Римлянина, и поелику въ Римѣ ни знатнѣйшій полководецъ не могъ обойтись безъ краснорѣчія, ни краснорѣчивѣйшій ораторъ безъ самыхъ необходимыхъ по крайней мѣрѣ познаній воина и вождя, Цицеронъ принялъ участіе въ походѣ во время угрожавшей республикѣ великою опасностью Марсальской войны, съ тѣмъ чтобы по окончаніи послѣдней, не заботясь о тогдашнихъ политическихъ распряхъ, продолжать свое изученіе краснорѣчія и философіи при помощи изгнанныхъ въ Митридатскую войну и искавшихъ въ Римѣ убѣжища греческихъ ученыхъ. Сверхъ того онъ постоянно посѣщалъ форумъ и внимательно прислушивался къ рѣчамъ знаменитѣйшихъ ораторовъ, стараясь обнаружить ихъ сильныя и слабыя стороны, сравнивая ихъ съ идеаломъ представлявшагося его уму оратора и изыскивая, чтó бы могъ и долженъ былъ сдѣлать онъ, дабы впослѣдствіи превзойти ихъ.

Двадцати семи лѣтъ отъ роду въ первый разъ выступилъ онъ ораторомъ на защиту Секста Росція, и съ такимъ успѣхомъ, что добился оправданія своего кліэнта и единодушнаго одобренія всего народа. Опасаясь за эту рѣчь мести со стороны Суллы, и желая поправить свое усидчивыми занятіями разстроенное здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ предаться за границею новымъ предметамъ изученья, онъ тотчасъ же послѣ блистательной ораторской побѣды своей отправился въ Аѳины; тамъ онъ возобновилъ и въ теченіе шести мѣсяцевъ продолжалъ свое изученіе философіи и краснорѣчія у знаменитѣйшаго философа старой академіи, Антіоха, и у ритора Деметрія, а въ то же время скрѣпилъ прежнюю дружбу съ товарищемъ дѣтства, римскимъ всадникомъ Титомъ Помпоніемъ Аттикомъ. Потомъ на островѣ Родосѣ онъ нашелъ ритора Молона; послѣдній поставилъ себѣ особенною задачею

направить въ болѣе постоянное русло такъ легко бившій черезъ край потокъ преувеличеннаго зачастую краснорѣчія Цицерона и обсѣчь дикіе побѣги его витійства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Цицеронъ вошелъ тамъ въ дружескія сношенія съ стоикомъ Посидоніемъ, и тщательно воспользовался его лекціями и бесѣдами. Послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія онъ наконецъ возвратился въ Римъ не только опытнѣе прежняго, но почти совершенно измѣнившись. Онъ не только окрѣпъ грудью и поздоровѣлъ тѣломъ, такъ что сталъ не слишкомъ дороденъ, да и не худъ; но владѣлъ притомъ своимъ голосомъ до такой степени, что рѣчь его отличалась умѣренностью и гибкой измѣнчивостью. Благодаря его врожденному ораторскому таланту и усвоенному имъ рѣдкому образованію, онъ въ Римѣ пользовался постоянно блистательными успѣхами въ краснорѣчіи и тѣмъ самымъ проложилъ себѣ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ, хотя и принадлежалъ лишь къ сословію всадниковъ. Въ этихъ должностяхъ онъ, какъ выразился объ немъ Августъ, заявилъ себя добрымъ гражданиномъ, искренне любившимъ свое отечество. Квесторомъ въ Сициліи, — послѣ знаменитаго процесса, веденнаго противъ эдиля Верреса, — преторомъ, послѣ побѣдоносной рѣчи, отстоявшей предложеніе Манилія касательно избранія Помпея полководцемъ противъ Митридата, — консуломъ, открывшимъ и уничтожившимъ заговоръ Катилины, — онъ такъ безкорыстно радѣлъ о благѣ государства, что, слагая съ себя консульство, въ правѣ былъ торжественно завѣрить: „Клянусь, что я спасъ республику!“ Потомъ, пробывъ вслѣдствіе обвиненія Клодіемъ въ добровольной ссылкѣ, но по возвращеніи привѣтствованный сенатомъ у воротъ Рима и введенный въ городъ, — онъ вновь вступилъ на славное поприще общественной дѣятельности: онъ защитилъ Милона; онъ былъ назначенъ сенатомъ въ намѣстники Киликіи и по возвращеніи оттуда принятъ въ Римѣ съ почестями. Но съ этихъ поръ закатилась его счастливая звѣзда. Вслѣдствіе шаткости характера и трусости онъ въ ту эпоху громадныхъ событій бросался изъ стороны въ сторону, не имѣя ни духу, ни силы устремиться впередъ. Онъ былъ приверженцемъ Помпея и, поддавшись лести Цезаря, сталъ другомъ послѣдняго. Выступивъ послѣ паденія его ревностнымъ республиканцемъ, явно оправдывая низверженіе тиранна, заявивъ себя всенародно противникомъ Антонія и принявъ въ то же время сторону Октавія, — онъ палъ (въ 43-мъ г. до Р. Х.) отъ руки убійцы Попилія Лены, его же краснорѣчіемъ избавленнаго нѣкогда отъ тяжкаго обвиненія; Антоній выплатилъ назначенную за голову Цицерона сумму въ милліонъ сестерцій, а его супруга Фульвія исколола между тѣмъ иголками языкъ великаго оратора. Голова и руки были выстав-

лены на той же трибунѣ, съ которой — какъ говоритъ Ливій—раздавалось Цицероново краснорѣчіе, какого никогда болѣе не достигалъ человѣческій голосъ!

Въ Цицеронѣ слились греко-гармоническое образованіе съ римско-практическимъ духомъ, мастерство въ области знанія съ ревностною дѣятельностью въ общественной жизни, римскій предразсудокъ съ міровымъ гражданскимъ смысломъ, убѣжденіе въ никогда недосягаемомъ величіи римской націи съ признаніемъ заслугъ греческаго духа, такъ что онъ даже заявилъ, что всѣмъ имъ себѣ усвоеннымъ человѣческимъ образованіемъ онъ одолженъ Платону и Демосѳену, и пр.;—такими-то противоположностями, лишенными болѣе глубокаго, спекулятивнаго принципа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣльной основы, объясняется какъ шаткость его характера, такъ и универсальность его духа; а съ другой стороны его эклектицизмъ въ философіи, хотя и признающій мудрость наукою о природѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ Бога и людей, а также объ основахъ, изъ которыхъ познается и то и другое, но никогда не могшій побороть въ себѣ Римлянина, и потому воспринимавшій изъ греческихъ системъ только то, что сулило доставить практическую пользу.

Свои взгляды на воспитаніе Цицеронъ излагалъ при случаѣ въ философскихъ и реторическихъ сочиненіяхъ, имѣя при этомъ въ виду попреимуществу оратора. Онъ принимаетъ человѣка за разумное и, слѣдовательно, способное къ воспитанію существо. „Человѣкъ отличается отъ остальныхъ животныхъ главнѣйше тѣмъ, что побужденія и дѣйствія послѣднихъ обусловливаются непосредственными впечатлѣніями на ихъ чувства и ограничиваются извѣстнымъ лишь мѣстомъ и мгновеніемъ, при скудной памяти о прошломъ или малой заботѣ о будущемъ: человѣкъ, напротивъ того, какъ одаренный разумомъ, способенъ постигать причины и слѣдствія вещей, обозрѣвать ихъ взаимную связь и такъ сказать ихъ происхожденіе, сравнивать между собою сходные предметы и такимъ путемъ связывать будущее съ настоящимъ —предначертать себѣ планъ жизни и напередъ уже подготовить все, что́ необходимо для его исполненія“. „Другая особенность нашей натуры состоитъ въ томъ, что этотъ же самый разумъ при посредствѣ дара слова связываетъ людей другъ съ другомъ для взаимнаго обмѣна мыслей, а вслѣдствіе одинаковыхъ потребностей—и для взаимныхъ дѣятельныхъ услугъ; что онъ внушаетъ имъ еще болѣе сильную и болѣе прочную привязанность къ порожденнымъ ими существамъ, нежели какою обладаютъ животныя; что онъ возбуждаетъ склонность, не только желать существованія и продолженія всякихъ общественныхъ связей между людьми, но и самимъ принимать въ нихъ участіе“. „Третій отли-

чительный признакъ человѣческаго рода есть любознательность, влеченіе изучать истину и способность постигать ее; съ этою наклонностью къ истинѣ и наукѣ связаны честолюбіе, стремленіе къ преимуществу и господству, въ силу чего ни одинъ не совсѣмъ обиженный природою человѣкъ не повинуется добровольно никому, кромѣ развѣ того кто обучаетъ его чему либо неизвѣстному и преподаетъ ему правила для неиспытаннаго еще дѣла, или же повелѣваетъ имъ для его собственнаго блага во имя права и законовъ. Это влеченіе состоитъ въ связи съ величіемъ души и придаетъ ей силу вознестись надъ всякими превратностями человѣческой жизни". „Послѣдняя великая черта нашей природы и послѣднее вліяніе разума заключаются въ томъ, что изъ всѣхъ существъ одинъ только человѣкъ постигаетъ, что такое порядокъ, — что онъ одинъ только имѣетъ понятіе о пристойности и приличіи, одинъ только знаетъ извѣстныя правила для своихъ рѣчей и поступковъ. Ни одна изъ остальныхъ тварей не поражается даже въ видимыхъ образахъ предметовъ ни красотою, ни прелестью, ни гармоніею частей." Но высшее въ человѣкѣ—разумъ. „Въ человѣкѣ живетъ сила, призывающая его къ добру и отпугивающая отъ зла: эта сила не только древнѣе всякаго человѣческаго общества, но она современна даже охраняющему и правящему небо и землю божеству. Ибо разумъ есть существенное свойство Бога, и этотъ божественный разумъ необходимо опредѣляетъ въ насъ, что̀ право и что̀ неправо. Этотъ законъ разума сталъ закономъ не съ той лишь поры, когда онъ написанъ, но былъ имъ уже отъ самаго возникновенія его; а возникъ онъ вмѣстѣ съ самимъ божественнымъ разумомъ." „Итакъ вѣруй въ божественное начало въ самомъ себѣ, если только божественно то, что̀ живетъ, ощущаетъ, обладаетъ памятью и даромъ предвидѣнья, что̀ руководитъ, управляетъ и движетъ этимъ тѣломъ такъ же, какъ всевышній Богъ этимъ міромъ. Потому возвысься духомъ и помни, что смертенъ не Ты, а это тѣло; ибо не Ты проявляешься въ этомъ обликѣ; напротивъ, духъ каждаго — вотъ настоящая его самость, а не фигура, на которую можно указать пальцемъ". „Не слѣпымъ случаемъ, не по прихоти судьбы созданы мы, а несомнѣнно высшее существо печется о человѣчествѣ. И могло ли это существо создать и хранить что-либо такое, чему, по перенесеніи всѣхъ тягостей, суждено было бы впасть въ нескончаемое зло смерти? Нѣтъ, мы, напротивъ, смѣло можемъ быть увѣрены, что для насъ существуетъ завѣтная пристань, извѣстное убѣжище. И если противные вѣтры на время и уносятъ насъ отъ него, то мы все-таки хотя немного позже, но неминуемо достигнемъ его. Возможно-ли же, чтобы неизбѣжное для всѣхъ, было несчастіемъ для кого либо одного?"

Воспитанiе есть завершенiе дарованныхъ отъ природы способностей и оно необходимо тѣмъ болѣе, что человѣкъ занимаетъ первую ступень на лѣстницѣ извѣстной намъ природы, и высокiя качества духа, особенно разумъ, на который опирается добродѣтель, какъ завершенiе его, требуютъ тщательнаго развитiя. Какой же съ нашей стороны даръ для государства можетъ быть выше заботъ о просвѣщенiи и наставленiи юношества? Чѣмъ различiе между единичными людьми и измѣнчивость мнѣнiй сильнѣе, тѣмъ необходимѣе пробуждать, поддерживать и развивать заранѣе зародыши добра, подавлять и искоренять зародыши зла, особенно же предохранять отъ страсти къ наслажденiямъ и пробуждать сдержанность и степенность.

Наставникъ долженъ относиться къ своимъ ученикамъ съ надлежащею кротостью, строгостью и справедливостью. Наказанiе дѣтей должно совершаться и словомъ и дѣломъ. Дисциплина должна быть ни слишкомъ сурова, ни слишкомъ мягка. Какъ снисходительность и кротость не должны мѣшать необходимой строгости въ примѣненiи законовъ, точно такъ же и наказанiе, будь оно на словахъ или на дѣлѣ, не должно заключать въ себѣ ничего позорящаго. Притомъ наказанiе всегда должно отвѣчать винѣ и въ одинаковыхъ случаяхъ быть всегда одинаковымъ. Отнюдь не слѣдуетъ также наказывать въ сердцахъ. Ибо въ раздраженномъ состоянiи невозможно соблюсти благой средины между одною и другою крайностью. Если даже, давая выговоръ, мы говоримъ горячо и настойчивыми словами, то и тутъ всегда должно быть видимо, что укоряемъ мы не потому что раздражены. Мы должны напротивъ, подобно врачамъ при разрѣзахъ и прижиганiяхъ у больныхъ, прибѣгать къ выговорамъ неохотно, изрѣдка и не иначе, какъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда всякое иное средство оказалось безсильнымъ. Другой долженъ видѣть, что горечь и непрiязнь, звучащiя въ нашихъ наставленiяхъ, намъ самимъ стоили усилiя, на которое мы рѣшились единственно ради его же собственнаго блага.

Для развитiя нравственной жизни крайне важна религiя. Прочность ея болѣе всего способна сплотить государство, и граждане съ самаго начала должны быть проникнуты убѣжденiемъ, что боги суть властители и правители всѣхъ вещей и что они прозрѣваютъ поступки, мысли и чувства каждаго человѣка. Если такiя начала запечатлѣлись въ умѣ, то человѣкъ, созерцая въ мiроустройствѣ премудрость божiю обережется отъ безумной заносчивости и, убоясь божiей кары, уклонится отъ злодѣянiй и своеволiя.

Воспитанiе должно начинаться съ перваго дѣтства. Ребенкомъ человѣкъ лежитъ передъ нами, какъ бы лишенный духа. Вскорѣ однако пробуждаются чувства. Ребенокъ

поднимается, начинаетъ дѣйствовать руками, узнаетъ окружающихъ его и ухаживающихъ за нимъ, пристаетъ впослѣдствіи къ своимъ сверстникамъ, много и не безъ нѣкотораго напряженія тѣшится играми, такъ что даже никакія наказанія не могутъ удержать его; бываетъ угодливъ къ другимъ дѣтямъ, приступаетъ къ первымъ попыткамъ мышленія, пріучается все болѣе и болѣе отличать себя отъ другихъ существъ, достигаетъ чувства самосознанія и подстрекается порывами къ дѣятельности тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ благороднѣе по происхожденію и чѣмъ цѣлесообразнѣе его воспитаніе, такъ что жажда дѣятельности оттѣсняетъ въ немъ даже страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ. При этомъ воспитаніи ребенку слѣдовало бы дозволять только такія игры, какія могутъ быть совмѣстны съ хорошимъ поведеніемъ. Особенно важна также обстановка дитяти, такъ какъ ему свойственна достойная полнаго вниманія нашего живость и воспріимчивость, и оно поэтому подражаетъ всему и перенимаетъ все, что видитъ и что его окружаетъ.

При дальнѣйшемъ развитіи ребенка надлежитъ обратить особенное вниманіе на выработку памяти. На этотъ конецъ слѣдуетъ учить наизустъ отрывки изъ греческихъ и римскихъ писателей. Ибо хотя умъ еще и не дозрѣлъ, но все-таки будетъ не безполезно, чтобы въ ушахъ раздавались изреченія мудрыхъ людей и дѣти затверживали бы на память и повторяли иные поэтическіе отрывки, такіе конечно, которые по содержанію для нихъ пригодны. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ прибѣгать также къ пособіямъ мнемоники. Ибо хотя она и не обладаетъ творческою силою, но все-таки нельзя не признать за нею укрѣпляющаго память полезнаго дѣйствія, такъ какъ чувственныя впечатлѣнія, особенно зрительныя, крѣпче всего залегаютъ въ памяти, и вполнѣ несправедливо, будто она подавляется лишнимъ накопленіемъ образовъ.

Когда отрокъ развился въ юношу, то ему приходится избрать себѣ званіе, отвѣчающее тому, что ему свойственно и что само по себѣ не предосудительно. Ибо самая первая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего, что вообще противорѣчитъ природѣ человѣка; а вторая въ томъ, чтобы руководиться нашей личной природою. Послѣднее должно доходить до того, что, подмѣтивъ въ другихъ что-либо болѣе совершенное само по себѣ и болѣе доблестное, мы все-таки не должны тотчасъ-же измѣнять своего образа дѣйствій, но всякій разъ сообразоваться при этомъ съ мѣриломъ нашей собственной природы. Каждому пригодно болѣе всего то, что ему наиболѣе свойственно. Итакъ каждый изъ насъ вообще обязанъ изслѣдовать природныя наклонности своего духа и сдѣлаться строгимъ судьею своей силы и слабости, своихъ

добрыхъ и дурныхъ привычекъ. А иначе мы въ самомъ важномъ дѣлѣ оказались бы менѣе разумными, нежели актеры въ дѣлѣ весьма неважномъ. Послѣдніе не берутся за такія роли, которыя сами по себѣ прекраснѣе другихъ, но за такія, которыя наиболѣе имъ свойственны. Итакъ, къ чему отъ природы у насъ болѣе всего дарованій, то и должны мы избрать главнымъ своимъ дѣломъ. Суждено-ли намъ быть царями, князьями, вождями, или знатными по роду, богатыми, могучими, или занимать важныя почетныя должности: все это дѣло случая и обусловлено обстоятельствами, въ какихъ мы родились, и перемѣнами, совершившимися въ теченіе нашей жизни. Но то, что мы сами представляемъ въ свѣтѣ, какимъ дѣломъ будемъ руководить, по какимъ правиламъ устроимъ свой образъ жизни: это зависитъ уже отъ нашего рѣшенія. Потому-то одни обращаются къ философіи, другіе къ правовѣдѣнью, а иные къ краснорѣчію, и даже въ отношеніи добродѣтелей одни хотятъ отличиться скорѣе въ той, а другіе въ другой, причемъ однако всегда надлежитъ имѣть въ виду почетное и благопристойное и твердо помнить главное правило, что все пристойное нравственно и все нравственное пристойно. Итакъ каждый по возможности долженъ остаться вѣрнымъ своему характеру,—не недостаткамъ его, а особенностямъ. Ничто предпринятое противъ воли Минервы, т. е. наперекоръ своей природѣ и вопреки ей, не преуспѣваетъ.

Молодые люди вообще должны остерегаться неумѣренности, вести себя благонравно, уважать старшихъ и, выбравъ изъ нихъ лучшихъ и правдивѣйшихъ, довѣриться ихъ совѣту и руководству. Но пуще всего въ этомъ возрастѣ надлежитъ избѣгать чувственныхъ наслажденій; слѣдуетъ напротивъ того пріучать духъ и тѣло къ перенесенію усилій и къ терпѣнію, дабы быть въ состояніи проявить добрую дѣятельность какъ въ военной, такъ и въ гражданской службѣ. Возбужденіе честолюбія и жажды славы должно служить главнымъ средствомъ воспитанія, особенно для тѣхъ, которымъ суждено быть нѣкогда во главѣ государства.

Отъ оратора, помимо природныхъ способностей и дарованій, требуется по возможности основательное обученіе. При усвоеніи остальныхъ искусствъ достаточно быть подобнымъ одному какому-либо человѣку, для того чтобы постичь умомъ и удержать въ памяти то, чему учатъ. Тамъ не требуется ни ловкости языка, ни свободы выраженій, ничего такого, чего мы не въ состояніи пріобрѣсти сами собою,—стана, лица, благозвучія. Отъ оратора же необходимо требуются остроуміе діалектиковъ, мысли философовъ, такъ сказать поэтическій образъ выраженія, память юриста, голосъ лицедѣя—трагика, и мимика чуть ли не величайшихъ актеровъ. Оттого-то на свѣтѣ такъ рѣдко

встрѣчается вполнѣ развитой ораторъ. Искусственное наставленіе можетъ развѣ вызвать наружу только то, что лежитъ внутри. Лучшій способъ для образованія оратора можно примѣнить къ молодымъ людямъ, одареннымъ отъ природы богатыми наклонностями, хотя и бьющими часто черезъ край. Да, отрадно бываетъ встрѣтиться съ такимъ чувствомъ духовной плодовитости. „И дѣйствительно, подобно тому какъ, воздѣлывая виноградъ, скорѣе выростимъ новыя лозы, когда подрѣжемъ слишкомъ вытянувшіяся вдоль, нежели при недостаткѣ въ нихъ внутренней силы, такъ точно мнѣ нравится болѣе, когда есть что пообрѣзать и у юноши. Такого юношу, если онъ къ тому еще благородный человѣкъ, я настойчиво поощряю къ ревностнымъ занятіямъ науками; между тѣмъ какъ другого, который при всемъ своемъ стараніи обѣщаетъ лишь посредственные успѣхи, я предоставляю болѣе склонностямъ его и тогда лишь увѣщеваю заняться старательнѣе или избрать другія занятія, когда онъ обнаружитъ полное свое отвращеніе къ прежнимъ и притомъ несообразно поступаетъ". Для своего развитія будущій ораторъ обязанъ упражняться въ произношеніи рѣчей безъ подготовки. Важно также тщательно записывать свои мысли: только такимъ образомъ уму вполнѣ ясно представляются разныя точки зрѣнія, и особенно при письменномъ изложеніи достигаются то совершенство въ разстановкѣ словъ и тотъ ораторскій размѣръ, какіе требуются отъ хорошаго витіи. Кто намѣренъ выступить когда либо ораторомъ, тотъ прежде всего долженъ еще въ дѣтствѣ пользоваться благороднымъ и свободнымъ воспитаніемъ, обладать живымъ рвеніемъ, имѣть въ опору себѣ природныя дарованія, быть остроумнымъ и многосторонне упражняться въ разъясненіи спорныхъ вопросовъ. Ему надлежитъ также избрать самыхъ изящныхъ писателей и ораторовъ для уразумѣнія и для подражанія. Такимъ образомъ впослѣдствіи ему на самомъ дѣлѣ не придется спрашивать своего учителя, какъ расположить слова и какъ лучше придать имъ выразительность; онъ даже безъ всякаго руководства, благодаря однимъ своимъ дарованіямъ, если только они возбуждены, найдетъ къ настоящей мысли настоящее слово и расположитъ все надлежащимъ образомъ.

Помимо искусственнаго наставленія и природныхъ способностей оратору необходимо пріобрѣсти запасъ полезныхъ знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ; онъ долженъ освоиться съ законовѣдѣньемъ, съ исторіей и философіей. Созерцая великіе образцы, онъ долженъ возвысить и развить свой умъ, облагородить душу, энергично подстрекать волю и направлять ее къ доблестнымъ цѣлямъ. Для него въ особенности необходимо близкое знакомство съ римскою исторіей, дабы государственное зданіе было основано не на субъективныхъ предположеніяхъ, какъ у платонов-

скаго Сократа, а воздвигалось бы на твердыхъ началахъ. Философія для него одна изъ самыхъ важныхъ наукъ: она школа добродѣтели. „Клянусь богами! что̀ можетъ быть желательнѣе мудрости? Что превосходнѣе ея? Что достойнѣе человѣка? Когда мы жаждемъ духовной пищи и отдохновенія отъ заботъ, то какая иная наука можетъ сравниться съ философіей, которая всегда подвергаетъ изслѣдованію что-либо, имѣющее отношеніе къ блаженной жизни? Если мы вообще дорожимъ спокойствіемъ и добродѣтелью, то все это достигается лишь путемъ философіи и помимо нея нѣтъ другого. Если существуетъ какая либо школа добродѣтели, то гдѣ же и искать ея, какъ не въ знаніяхъ этого рода?"

Изученіе греческаго языка—по Цицерону—весьма важно для оратора. Вслѣдствіе этого онъ преподавалъ своему сыну правила краснорѣчія погречески и настоятельно совѣтовалъ ему соединять греческій языкъ съ латинскимъ не только въ философіи, но также и въ витійствѣ, какъ и самъ онъ дѣлалъ всегда съ очевидной пользою для себя.

Поглощаемый государственною жизнью Римлянинъ не признаетъ важности естественныхъ наукъ, и Цицеронъ также считаетъ знаніе, почерпнутое изъ созерцанія природы, скуднымъ и неполнымъ, если оно не переходитъ въ дѣло. „Ибо кто можетъ до такой степени пристраститься къ изученію и созерцанію природы, хотя бы онъ и взялся счесть звѣзды или измѣрить величину мірозданія, чтобы не покинуть всѣ эти изслѣдованія, когда во время изученія и созерцанія даже самыхъ любопытныхъ предметовъ вдругъ пришло бы извѣстіе объ опасности, угрожающей отечеству, отцу или другу?"

Подобно Пиѳагору, Платону и Аристотелю, Цицеронъ относитъ изученіе политики за предѣлы юношескаго возраста, къ концу всѣхъ остальныхъ занятій. Тутъ для молодого человѣка предстоитъ много опасностей, и лишь истинный мудрецъ въ состояніи обойти грозные подводные камни. „Соблазненные блескомъ люди, стремясь даже къ чему-либо превосходному, но не зная, гдѣ обрѣсти его и какъ взяться за него, съ одной стороны въ конецъ погубили свое государство, а съ другой подготовили также и собственное паденіе".

Цицеронъ отвергаетъ греческую гимнастику. „Какъ несообразны были упражненія молодежи въ гимназіяхъ! Какъ неограниченно допускались распутныя соприкосновенія и любовныя связи! Не говорю уже объ Элеатахъ и Ѳиванцахъ, у которыхъ сладострастныя похоти между свободными ничѣмъ не ограничивались, ни запрещались. Даже Лакедемоняне, дозволявшіе въ отроческой любви все, исключая прямого распутства, оградили это исключеніе слабою защитой, ибо допускали объятія".

Таковы взгляды на воспитаніе самаго многосторонняго изъ Римлянъ въ цвѣтущую эпоху римской литературы. Онъ даетъ не педагогическую систему, а однѣ лишь разбросанныя замѣтки—(за исключеніемъ требованій отъ хорошаго оратора, которыя пытается онъ изложить въ связи—), но онѣ впрочемъ обнаруживаютъ воззрѣніе практическаго ума на сущность воспитанія и обученья и указываютъ главнѣйше на то, что̀ величайшій научный умъ той эпохи считалъ необходимымъ для исцѣленія и укрѣпленія ихъ.

---

4. СТАРЧЕСКАЯ ПОРА РИМА.

28.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ НА ПРАКТИКѢ.

Пророческое слово Виргилія у могильной насыпи павшихъ при Филиппахъ было предвѣстникомъ совершившагося:

> Смотри, настанетъ нѣкогда день, когда въ тѣхъ краяхъ
> Земледѣлецъ, почву взрывая искривленнымъ плугомъ,
> Выроетъ римскія копья, покрытыя ѣдкою ржавчиной,
> Или мотыкой тяжелой по звонкому шлему ударитъ,
> И въ дырявыхъ гробахъ изумится останкамъ великимъ.—

Республика стала призракомъ. Исчезъ духъ изъ государственнаго строя. Сенатъ безсиленъ. Даже практическая даровитость, духовная утонченность и пренебрегающая смертью энергія, такъ величаво и властительно выступившія въ эпоху великихъ междоусобій противъ разврата и безнравственности,—окончательно истекли кровью при Филиппахъ. Теперь противостоятъ другъ другу лишь безпримѣрная пошлость римской черни съ одной стороны и ненасытное честолюбіе и алчность къ наживѣ римской знати съ другой. Оттого господство Рима стало неинтересно до такой степени, что едва замѣтенъ переходъ отъ республики къ монархіи, тѣмъ болѣе что Августъ сберегъ призракъ республиканства, дабы обманчиво прикрыть имъ новый духъ.

Съ императорствомъ лишь наступило постепенное дальнѣйшее развитіе римскаго государства, а все-таки однако нѣчто новое. Съ единодержавцемъ сокрушилось господство знатныхъ римскихъ семей, господство вѣчнаго города, господство Италіи и утратилось во всемірной державѣ. Все аристократическое погибло, и какъ единичныя личности стали только подданными, такъ точно и Италія стала лишь провинціей на ряду съ другими провинціями, Римъ сталъ лишь городомъ на ряду съ другими городами.

При такой всеобщей централизаціи исчезла также всякая духовная своеобразность. Правда, Римъ достигъ еще, и то впервые при Августѣ, не только высшаго могущества вовнѣ, но также и высшей образованности внутри. Пятьде-

сятъ двѣ провинціи государства, простиравшагося отъ Атлантическаго океана до Эвфрата, отъ Дуная и Рейна до хребта Атласа и водопадовъ Нила, были связаны между собою столбовыми дорогами, снабженными рядомъ помильныхъ камней. Самъ Римъ былъ украшенъ храмами, театрами и банями, такъ что Августъ въ правѣ былъ сказать, что засталъ кирпичный, а оставилъ по себѣ мраморный Римъ. Подъ его покровительствомъ искусство и литература расцвѣли до такой высокой степени, что періодъ Августа названъ золотою эпохою. А при всемъ томъ индивидуальная своеобразность погибла во всеобщемъ призрачномъ образованіи, оттого что всякая добровольная дѣятельность стала предписаніемъ свыше, и всякая цѣль обусловливалась не сама собою, а лишь своею практическою важностью. Даже люди науки и покровители ея, Меценатъ, Мессала, Азиній Полліонъ и др., служили только для прославленія двора, а поэты, ослѣпленные придворнымъ блескомъ, исключительно производили творенія, полныя напыщенной декламаціи и извращеннаго, или легкомысленнаго и безнравственнаго содержанія, тщеславились ученостью (—Овидій въ Героидахъ, Метаморфозахъ и пр.—), а не то въ рѣзкомъ противорѣчіи съ настоящимъ кокетничали съ древностью и съ простымъ природнымъ бытомъ (—Виргилій въ Идилліяхъ, въ Энеидѣ и пр.—), или проповѣдывали въ общихъ фразахъ простоту среди наслажденія, воздержность среди роскоши, какъ Горацій, или же какъ Ювеналъ и Марціалъ и др. изображали яркими красками всеобщую нравственную порчу; а сами, подобно своимъ современникамъ, зараженные всеобщимъ недугомъ, только возбуждали сладострастіе, отнюдь не исправляя нравственною строгостью.

Искусство унизилось до служенія роскоши и модѣ. Художники стали ремесленниками. Какъ въ поэзіи удивлялись пустой формѣ безъ содержанія, такъ и въ пластикѣ—не прекрасной формѣ, а драгоцѣнности матеріала. Созидались дворцы, размѣры которыхъ Сенека уподобляетъ городамъ, для которыхъ мраморъ и порфиръ привозились изъ Греціи, Египта или Нумидіи, которыхъ кровли были вызолочены или покрыты листовымъ золотомъ, стѣны и потолки выстилались мраморомъ, а полы чудесною мозаикою.

Религія, какъ и въ послѣднія столѣтія республики, колебалась между суевѣріемъ и безвѣрствомъ. Августъ противоборствовалъ правда наружному упадку культа, принявъ на себя высшій понтификатъ и содѣйствуя въ широкихъ размѣрахъ возстановленію святыни. Государственный культъ просуществовалъ еще до окончательнаго торжества христіанства; но лишь невдумчивая толпа въ состояніи была вынести

безсмысленный сбродъ и смѣсь культовъ, въ которыхъ заодно съ греческими и римскими божествами поклонялись египетскимъ, Ваалу, Митрѣ, Астартѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ Іеговѣ Евреевъ; согласно съ этимъ Александръ Северъ и выставилъ въ своемъ домовомъ храмѣ основателей всѣхъ религій, такъ что обокъ съ Орфеемъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ помѣщались Авраамъ и Христосъ. Образованные и мыслящіе люди пытались разрѣшить противорѣчія и одухотворить формы, либо считая различныхъ боговъ олицетвореніемъ одного и того же божества (—Зевса, Гадеса, Сераписа и Феба за одного и того же бога—), либо принимая боговъ народной вѣры за существа, занимающія средину между твореніемъ и высшимъ божествомъ, либо наконецъ относясь отрицательно ко всякой вѣрѣ въ боговъ. При Цицеронѣ уже были вообще того мнѣнія, что философъ въ нихъ не вѣритъ; Веспасіанъ, умирая, воскликнулъ: „Увы и я долженъ стать богомъ!" При разрушеніи Помпеи въ толпѣ бѣглецовъ, раздавались голоса, заявлявшіе, что нѣтъ никакихъ боговъ въ мірѣ. Обокъ съ этимъ крайнее суевѣріе: многіе воображали, будто при посредствѣ извѣстныхъ чаръ можно какимъ-то образомъ включить боговъ въ свою натуру. Женщины особенно предавались безумному суевѣрію. Ворожба, гаданіе и звѣздочетство, заклинаніе духовъ, зелья и колдовство,—вотъ чѣмъ думали замѣнить утраченную религію и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить обремененную совѣсть.

Ибо страшнымъ недугомъ пораженъ былъ хилый римскій организмъ въ **нравственной жизни**. Всеобщее растлѣніе охватило равно правителей и управляемыхъ (—Неронъ былъ не хуже своего Рима —). Расточительность дошла до высшей степени. Гирцію содержаніе его рыбныхъ прудовъ обходилось до 175,000 талеровъ въ годъ. Ораторъ Гортензій велѣлъ поливать свои деревья виномъ, и по смерти его наслѣдникамъ досталось 10,000 ведеръ хіосскаго. Вителлій въ теченіе осьми мѣсяцевъ своего правленія истратилъ 48 милліоновъ талеровъ: онъ каждый день по четыре раза садился за обильный столъ, облегчая для этого съ помощью рвотнаго свой желудокъ. Старая римская честность замѣнилась продажнымъ, подлымъ настроеніемъ, которое для достиженія своихъ цѣлей не гнушалось никакими средствами. „Денегъ добывайте прежде всего, особенно наличныхъ, а потомъ добродѣтель": —вотъ что было всеобщимъ девизомъ. Честь, правда и человѣколюбіе исчезли въ римскихъ нравахъ. Римскій міръ, какъ говорилъ Сенека, былъ подобенъ гомеровскому герою, который въ припадкѣ недуга то встанетъ на ноги, то опять сядетъ. Римъ былъ подобенъ гладіатору, который, побѣдивъ всѣхъ своихъ враговъ, въ концѣ концовъ самъ поражаетъ себя мечемъ своимъ. Земля—восклицаетъ въ виду этого Ювеналъ—питаетъ еще только однихъ злыхъ и про-

дажныхъ, а боги, глядя на нихъ, смѣются надъ ними и ненавидятъ ихъ. Раболѣпный сенатъ изъявлялъ свое согласіе на самыя позорныя дѣла деспотовъ. Развратная знать, подчиняясь низкой лести, наперерывъ другъ передъ другомъ угождала прихотямъ властителей. Гнусная чернь превозносила до небесъ своихъ тирановъ за то, что они раздачею хлѣба и кровавыми играми гладіаторовъ поддерживали ея тунеядство и праздношатаніе. Пока чернь утоляла голодъ розданнымъ хлѣбомъ и удовлетворяла своей жаждѣ удовольствій разными зрѣлищами, въ то же время богачи роскошничали, выдумывая не столько вкусныя, сколько дорогія и причудливѣйшія блюда: они распускали въ уксусѣ жемчугъ и пили его; Геліогобалъ примѣшивалъ къ яствамъ драгоцѣнные камни и жемчугъ; Коммодъ велѣлъ подать на большомъ серебряномъ блюдѣ двухъ горбуновъ облитыхъ горчицей и т. д. Только кухонная посуда была серебряная, а столовая вся изъ золота; золотые кубки даже считались обыкновенными, если не были украшены рѣдкимъ и драгоцѣннымъ каменьемъ. Актеры, пѣвцы, домашніе философы, потѣшные карлики обоего пола, обжоры и гладіаторы обязаны были талантами своими забавлять при этомъ гостей, которые, въ противоположность древнимъ Римлянамъ, блѣдные, отекшіе, пузатые, съ дрожащими, отъ подагры скорченными руками и трясущимися колѣнами, въ юности уже одряхлѣвшіе, носили на себѣ послѣдствія своихъ кутежей.

Императорская эпоха была смѣсью похоти и крови. Сладострастіе всегда сопровождается жестокостью. Тацитъ разсказываетъ про одного современнаго ему Римлянина, что разъ онъ закончилъ оргію убійствомъ любовницы, игравшей у него въ эту ночь главную роль. Содержанки жили близъ самой арены, песокъ которой смоченъ былъ потоками пролитой крови гладіаторовъ. Величайшимъ наслажденіемъ было смотрѣть, какъ умираютъ. „Пороковъ, говоритъ Сенека, встрѣчается столько же, сколько и людей. Все полно преступленій и злодѣйствъ; безстыдство проникаетъ въ народъ и такъ сильно влечетъ къ себѣ сердца людей, что невинность не только что рѣдка, но ея ужь вовсе не стало“ .Сенека разсказываетъ про женщину, которая лѣта свои считала не по годамъ консуловъ, а по своимъ мужьямъ. Женщина, по выраженію Марціала, была прелюбодѣйкою въ силу закона (Adultera lege est). Она не уступала въ распутствѣ мущинѣ. Не довольствуясь любовниками изъ своего сословія, жена патриція выбирала себѣ ихъ изъ подонковъ черни, изъ среды рабовъ и гладіаторовъ (in extrema plebe). Ювеналъ изображаетъ безстыдство женщины той эпохи, представляя какъ она смѣясь проходитъ мимо алтаря цѣломудрія. (Sat. 6). Тщетны были безчисленныя полицейскія постановленія, начиная съ Августа и до Септимія Севера

противъ полового распутства. Брачныя узы были расторгнуты. Женскій полъ равнялся въ чувственности съ мужчинами и предался всѣмъ возможнымъ порокамъ. Истинно благородныя женщины и дѣвицы принадлежали къ весьма рѣдкимъ исключеніямъ. Прелюбодѣйства чинились такъ же повсемѣстно и безнаказанно, какъ и разводы. Любовники и непотребныя женщины содержались публично. Мессалина, дочь Мессалы Барбата, супруга императора Клавдія, имѣвшая своими любовниками всѣхъ принадлежащихъ къ императорскому двору мужчинъ, офицеровъ, солдатъ, рабовъ и актеровъ, и принуждавшая другихъ благородныхъ Римлянокъ подъ страхомъ смертной казни предаваться въ ея присутствіи подобному разврату, была не единственнымъ чудовищемъ той эпохи. Тещи соблазняли мужей своихъ дочекъ, а отжившія матери продавали собственныхъ дѣтей любовникамъ ихъ увядшихъ прелестей. Молодыя жены знатныхъ сословій не рѣдко заранѣе вытравливали плодъ, а въ низшихъ слояхъ лучшимъ средствомъ избавиться отъ дорогого содержанія дѣтей было подкидыванье. Танцовщицы съ завитыми кудрями встрѣчались всюду и своими мимическими представленіями изображали все, что только способна была создать чувственная фантазія: этимъ наглядно для всякаго онѣ дополняли свои закулисныя продѣлки.

Каковы родители, таковы и дѣти. Родительскаго воспитанія вовсе не было. Да въ немъ отнюдь и не нуждались ни выроставшіе въ непомѣрной роскоши, жившіе баричами, изнѣженные, заносчивые и надменные отроки и юноши, ни суетныя, кокетливыя и лѣнивыя отроковицы и дѣвушки, которыя охотнѣе всего посѣщали театры и купальни и проводили время въ любовныхъ интригахъ. Первый уходъ за дѣтьми и начальное обученіе ихъ были предоставлены безнравственнымъ, невѣжественнымъ и грубымъ рабамъ, которые съ весьма раннихъ уже поръ знакомили невинныя души съ забавами свѣта; въ знатныхъ семьяхъ держали домашнихъ учителей, для чего выбирались изнѣженные Греки; когда же въ семействахъ, которыя отличались какъ хорошимъ тономъ и умѣренностью внѣшняго быта, такъ и научными занятіями, и въ домахъ которыхъ греческіе философы, риторы, поэты и грамматики встрѣчали себѣ радушный пріемъ, дѣлались попытки воспитать дѣтей по старому домашнему обычаю, то всѣ старанія оказывались безуспѣшными вслѣдствіе вреднаго вліянія обстановки и зараженной нравственною порчею атмосферы; а попытки иныхъ благонамѣренныхъ императоровъ, хорошими учрежденіями положить предѣлъ грубости и безнравственности, точно такъ же не только уничтожались въ скоромъ времени безумною прихотью ихъ дурныхъ преемниковъ, но извращались даже въ противную сторону, оттого что въ выми-

равшее поколѣніе уже невозможно было вдохнуть свободной духовной дѣятельности, и въ наукѣ вслѣдствіе этого все обратилось въ мертвый александризмъ, а на почвѣ нравственности все стало призракомъ, лишеннымъ истины и жизни. Молодежь подобно старикамъ проживала въ распутствѣ. „Отрокъ—говоритъ Ювеналъ—съ дѣтскихъ лѣтъ уже играетъ въ кости, подобно родителю, которому онъ наслѣдуетъ; отъ своего отца научается онъ отыскивать трюфели, жарить бекасовъ въ грибномъ отварѣ и пр.; ему еще не минуло и 7-ми лѣтъ и не выпали еще у него молочные зубы, а ужь онъ, съ какою бы длинною бородой учителя ни приставили къ нему, соблазняется пирушкой и кухней. Дочери въ состояніи сподрядъ поименовать любовниковъ своихъ матерей; онѣ подъ диктовку матери пишутъ любовныя письма. Съ чего же сыну быть лучше своего отца; ему вѣдь пріятнѣе подражать дурному. Тамъ отецъ учитъ сына гнусному скопидомству, ябедѣ, наживѣ на военной службѣ, и вообще какъ бы нахватать денегъ и имущества, хотя бы и неблаговонным манеромъ — нажива вѣдь всегда хорошо пахнетъ". Авторъ, писавшій объ упадкѣ римскаго краснорѣчія сѣтуетъ между прочимъ: „Теперь сдаютъ ребенка греческой рабынѣ или рабу, который ни на что болѣе не годенъ. Нѣжной дѣтской душѣ тутъ же передаются сказки и разныя нелѣпости. Рабы позволяютъ себѣ въ присутствіи дѣтей все, что производитъ дурныя впечатлѣнія. Родители часто сами наводятъ дѣтей на мерзость и гадость, и въ самомъ дѣлѣ, дѣтямъ теперь какъ будто прирождена порочность города, и вмѣстѣ съ тѣмъ страсть къ гладіаторскимъ играмъ и т. п. Гдѣ же тутъ быть мѣсту въ душѣ для высокихъ искусствъ и наукъ!" Наконецъ Горацій поневолѣ поетъ:

Обильный пороками вѣкъ сперва браки растлилъ,
Потомъ также родъ и семейство.
Изъ такого ключа истекая,
Зло разлилось по странѣ и въ народѣ.
Не дозрѣвъ, уже дѣва пристрастна къ манерамъ
Изнѣженныхъ Грековъ, она изощрилась въ кокетствѣ:
И о срамныхъ любовныхъ связяхъ
Съ колыбели уже помышляетъ.
Все сплошь подрыто быстрымъ упадкомъ!
Развратное племя отцовъ породило
Растлѣнныхъ дѣтей, и вотъ, гляди, подростетъ
Зловреднѣе этихъ потомство!

Ни дома, ни въ общественной жизни не воспитывался истинный Римлянинъ и свободный гражданинъ. Ни тотъ, ни другой не существовалъ уже ни въ идеѣ, ни въ дѣйствительности Римлянина. Однако среди нравственнаго и государственнаго упадка развилось-таки нѣчто положительное—образованіе гуманности, человѣка самого по себѣ,—добродѣтель задушевной общительности.

Съ этой поры наступаетъ рѣшительный разрывъ между литературой и національною жизнью. „Особенность испорченной и слабой эпохи, говоритъ Плиній Младшій, въ томъ и состоитъ, что она тѣмъ сильнѣе интересуется науками, чѣмъ менѣе занимается дѣлами. Въ наукахъ ищемъ мы отрады и утѣшенія“. На дѣлѣ оказалось, что при одностороннемъ развитіи мыслительныхъ дѣятельностей счастье людей не увеличивается въ прямомъ отношеніи съ возрастающимъ сознаніемъ; напротивъ, при этомъ обнаруживается съ одной стороны скептицизмъ, отрицающій Бога и человѣчность, а съ другой — отстаиваются доводами ума всѣ пороки и все пошлое.—Среди міра нравственной распущенности въ первый вѣкъ имперіи научное образованіе развилось до крайней своей высоты. Оно все болѣе становилось общимъ достояніемъ и съ латинскимъ языкомъ распространялось по европейскимъ провинціямъ. „Ни въ одну изъ эпохъ римской жизни—говоритъ Бернгарди —знаніе не было болѣе всеобщимъ и никогда еще въ столицѣ не стекались болѣе воспріимчивыя группы: возбуждаемыя охотой слушать и говорить, читать и писать, онѣ вскорѣ сложились въ критическую публику“. Отрѣшенные отъ политики и угнетаемые властью, всѣ одаренные умомъ люди спасались въ литературу. Литературныя общества сообщали другъ другу и взаимно провѣряли свои новѣйшіе планы и работы; ихъ лекціи вскорѣ покинули свой замкнутый кругъ и всенародно читались передъ смѣшанной, но интересующейся наукою публикой, такъ что новыя произведенія литературы быстро распространялись въ народѣ. Въ образованной публикѣ существовала сообщность, связь, средоточіемъ которой служило единственное сохранившееся достояніе, именно наука.—Грамматика и риторскія школы процвѣли теперь вполнѣ. Въ 161-мъ году до Р. Х., риторамъ, какъ уже помянуто выше, правительственнымъ указомъ возбранено оставаться въ Римѣ. Однако подобные указы были безсильны противъ духа времени. Авторъ, писавшій объ упадкѣ краснорѣчія, сѣтуетъ по этому поводу: „Теперь не признаютъ болѣе законовъ, не соблюдаютъ правительственныхъ постановленій, явно осмѣиваютъ право, рѣшительно уклоняются отъ изученія мудрости и отъ уроковъ опыта, и краснорѣчіе, доселѣ высшее изъ всѣхъ искусствъ, какъ бы изгнанное изъ области ихъ, втискивается въ узкія правила и предписанія. Вмѣсто того чтобы пользоваться поучительнымъ опытомъ избранныхъ мужей, юноши отправляются въ школы риторовъ, въ эти можно сказать, заведенія нахальства“. Юлій Цезарь даровалъ грамматикамъ и риторамъ право гражданъ, а Августъ цѣнилъ ихъ такъ высоко, что назначилъ въ учителя своимъ внукамъ грамматика Веррія Флакка, который потомъ перенесъ свою школу во дворецъ и получалъ ежегодный окладъ во сто тысячъ

сестерцій (5300 талеровъ). Правда, какъ риторы, такъ и и философы были еще разъ изгнаны изъ Италіи при Домиціанѣ; однако указы объ изгнаніи остались подъ спудомъ и все дѣлалось по тѣмъ постановленіямъ Домиціана, которыми учителя грамматики и реторики были надѣлены постояннымъ окладомъ.

Самостоятельное мышленіе было подавлено. Но для того чтобы удовлетворять живой умственной жизни въ народѣ, императоры захватили науку въ свои руки. Умъ Римлянъ насыщался газетами и листками объявленій. „Правительственный листокъ имперіи сообщалъ постоянныя свѣдѣнья объ отличныхъ рѣчахъ въ Сенатѣ и въ судахъ“. Съ самыми дальними провинціями поддерживалась корреспонденція касательно ученыхъ изслѣдованій Рима и непрерывныя сношенія касательно сочиненій и словъ знаменитыхъ мужей.— До сихъ поръ существовали только частныя библіотеки: такая была у Эмилія Павла, который изъ Македоніи перевезъ множество рукописей въ Римъ; Сулла присвоилъ себѣ книжныя сокровища Аѳинъ и библіотеку Аристотеля; Лукуллъ литературно ограбилъ Понтъ и Азію. И вотъ въ царствованье Августа, при посредствѣ Азинія Полліона, устроена была первая публичная библіотека, а вслѣдъ за нею открыты еще Октавія и пышно убранная Палатина въ царскихъ чертогахъ. Августъ же передалъ Флакку и его школѣ домъ Катилины, назначивъ ему при этомъ годичный окладъ. Греки то и дѣло призывались въ Римъ, и дѣлалось все возможное, чтобы поощрить ихъ дѣятельность. Гимнастика, въ качествѣ упражненія тѣлесныхъ силъ, также поддерживалась. Даже Неронъ не только велѣлъ устроить по греческимъ образцамъ гимнастическія игры и конныя ристалища, но учредилъ еще и такъ называемыя „Нероновки“,—публичныя игры въ связи съ музыкальными состязаніями и скачками, долженствовавшія происходить чрезъ каждыя пять лѣтъ. Тотъ же Неронъ въ нравственномъ отношеніи нанесъ послѣдній смертельный ударъ Риму, между прочимъ и тѣмъ, что завелъ толпу прекрасныхъ мальчиковъ для сладострастной похоти и подалъ этимъ поводъ къ обычаю, что они содержались затѣмъ въ домахъ всѣхъ вельможъ (—мѣстопребываніе этихъ pueri paedagogiani, les pages, пажи, и само собраніе этихъ мальчиковъ назывались paedagogium).—Слѣдующіе затѣмъ императоры пеклись о заложеніи другихъ публичныхъ библіотекъ. Траянъ основалъ городъ Ульпію, и въ немъ самое обширное и роскошное книгохранилище, — Константинъ Великій Юльскую библіотеку со 120,000 свитковъ. Эти библіотеки украшались портретами и бюстами знаменитыхъ умершихъ авторовъ, частью изъ драгоцѣннаго металла. Библіотеками завѣдывали хранители, антикваріи и писцы, частью возстановляя старыя рукописи, частью изготовляя новыя и вообще приспособляя ихъ для

всеобщаго употребленія. Находившіяся въ храмахъ и палатахъ книгохранилища сдѣлались сборными мѣстами для бесѣдъ и изученій образованной публики, хотя вскорѣ потомъ недоучки оттуда же выносили свое полузнаніе и свою пустую болтовню.

Какъ о библіотекахъ, такъ точно заботились и объ образованіи вообще. Веспасіанъ назначилъ изъ казны по 3300 талеровъ въ годъ на латинскихъ и греческихъ риторовъ и поощрялъ даровитыхъ художниковъ и поэтовъ богатыми подарками. Граціанъ запретилъ общинамъ всякое скаредное торгашество съ мѣстными учителями и велѣлъ, чтобы мелкіе города въ государствѣ выдавали латинскимъ и греческимъ риторамъ по 24, грамматикамъ по 12, а главные города каждому ритору по 30, каждому латинскому грамматику по 20, а греческому по 12 аннонъ (суточныхъ пайковъ) или равноцѣнное тому вознагражденіе. Адріанъ устроилъ въ Аѳинахъ знаменитыя школы и основалъ на Капитолинскомъ холмѣ Атеней въ качествѣ учебнаго заведенія для свободныхъ искусствъ, сверхъ того еще гимназію въ Смирнѣ. Антонинъ Благочестивый размножилъ и улучшилъ школы, назначилъ во всѣхъ провинціяхъ риторовъ и философовъ съ постояннымъ окладомъ и предписалъ правительственныя испытанія всѣмъ желавшимъ занять общественныя учительскія должности. Маркъ Антоній учредилъ въ Аѳинахъ 8 каѳедръ философіи, и каждой изъ 4 главныхъ школъ (—платониковъ, перипатетиковъ, стоиковъ и эпикурейцевъ—)предоставилъ по двѣ съ постояннымъ окладомъ.

Правда, это развитіе и поощреніе науки императорами шло впередъ неровнымъ шагомъ, и какъ бы для всегдашняго напоминанія, что властвуютъ деспотизмъ и произволъ, появлялись то какой нибудь Коммодъ, терпѣвшій въ свитѣ своей однихъ лишь дураковъ и лицедѣевъ и ненавидѣвшій каждаго образованнаго и добродѣтельнаго человѣка какъ личнаго врага,—то Геліогабалъ, изгонявшій и умерщлявшій всѣхъ учителей и назначившій бывшаго актера инспекторомъ надъ всѣми воспитательными и учебными заведеніями. Вскорѣ однако вновь воцаряется покровительство наукѣ. Пертинаксъ велитъ своего собственнаго сына воспитать въ сообществѣ съ юношами одного съ нимъ возраста. Александръ Северъ предоставляетъ риторамъ и философамъ нѣсколько аудиторій и платитъ въ школы за бѣдныхъ дѣтей благороднаго происхожденія. Константинъ Великій закономъ подтверждаетъ освященную дотолѣ обычаемъ свободу общественныхъ учителей и врачей отъ дорого стоющихъ обязанностей и отъ военной службы и даруетъ имъ много преимуществъ. Юліанъ возобновляетъ постановленіе, въ силу котораго учителя должны отличаться

строгимъ нравственнымъ поведенiемъ и основательною ученостью, вновь подчиняетъ верховному вѣдѣнью государства дѣло воспитанiя, перешедшее было со временъ Константина къ городскимъ вѣдомствамъ, и требуетъ, чтобы учителя краснорѣчiя, до ихъ назначенiя, подвергались испытанiю въ курiяхъ, которыя назначаютъ имъ и мѣсто жительства и кругъ дѣятельности. Валентiанъ II подкрѣпилъ законы Юлiана, исходя отъ того основного правила, что: „мантiя, палка и борода еще не составляютъ философа; все это одни только наружные знаки". Θеодосiй и Аркадiй лишили правда учителей оклада изъ государственной казны, однако Θеодосiй II и Валентинiанъ III сдѣлали Римъ и Константинополь средоточiями учености, постановивъ, чтобы науки тамъ преподавались уже не отрывочно, а во всей ихъ совокупности.

Образованные и богатые люди заодно съ императорами соперничали въ поощренiи наукъ. Благодаря расширенiю государства, многократнымъ соприкосновенiямъ съ самыми отдаленными краями, расширившейся торговлѣ, легкости странствованiй, вслѣдствiе охватившей всѣхъ вообще моды считать путешествiя, помимо аудиторiй риторовъ, грамматиковъ и философовъ, важнѣйшимъ средствомъ образованiя, наконецъ вслѣдствiе частыхъ войнъ, въ которыхъ не одни только полководцы и т. п. расширяли свой кругозоръ, а на которыя большею частью отправлялись также и сыновья подростки,—благодаря всему этому Римлянами признавалась необходимость всеобщаго образованiя: дворцы, купальни и виллы украсились библiотеками. Грамматики и servi literati (обученые рабы) находились въ домѣ каждаго зажиточнаго и образованнаго Римлянина, всеобщее образованiе и ученость распространялись, хотя и не въ низшихъ общественныхъ слояхъ провинцiй, но по крайней мѣрѣ въ средѣ знати всего государства. Старались всячески способствовать развитiю духа; но онъ улетучился и улетучивался, не находя болѣе довлѣющей ему формы. Оттого-то, взамѣнъ науки, которую пытались удержать, осталась на лицо одна только ученость. Особенно правовѣдѣнье теперь лишь достигло высшаго своего развитiя и вмѣстѣ съ тѣмъ оно, какъ единственное исключенiе, долго еще сохраняло классичность римскаго языка. Естественная исторiя была составлена Плинiемъ съ изумительнымъ прилежанiемъ. Страбонъ и Павсанiй въ географическихъ творенiяхъ своихъ начертали для возникающаго новаго мiра картину гибнущаго стараго. Галенъ въ физическихъ изслѣдованiяхъ своихъ изобразилъ также и вѣрованiя своихъ современниковъ въ сверхестественныя чудеса и во власть заговоровъ надъ тѣлеснымъ мiромъ.

Учебныя заведенiя достигли вершинной точки своей

при Траянѣ, Адріанѣ и Антонинахъ. При Адріанѣ открыты были общественныя школы. Вообще школы размножались по мѣрѣ того какъ въ Римѣ исчезала общественная жизнь и какъ надѣялись въ учебныхъ заведеніяхъ и при ихъ помощи задержать улетучивавшійся духъ древности. Въ былое время въ Римѣ воспитывали семья и общественная жизнь, и изъ этихъ воспитательныхъ заведеній выходили истые мужи и жены, истые Римляне. Теперь же школы должны были воспитывать своимъ критицизмомъ и образовать своимъ формальнымъ обученіемъ: однако черезчуръ многосложными улучшеніями не развивалось благомысліе и черезчуръ обильною учебой достигались лишь многознайство и ученость, а отнюдь не образованіе. Въ этихъ школахъ, въ ущербъ родному языку, изучали греческій,—и большинство учащихся только ради моды. Прежнее мощное краснорѣчіе расплылось въ пустозвонство риторовъ, а древнеримское цѣломудріе, благодаря преніямъ по поводу сладострастныхъ предметовъ, перешло въ наглость.

Въ царствованіе Августа открыто было много первоначальныхъ школъ, но тогда на нихъ все еще смотрѣли какъ на мало уважаемыя частныя заведенія; находились онѣ обыкновенно въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ города и состояли подъ веденьемъ учителей, „которые часто, претерпѣвъ крушеніе на житейскомъ морѣ, заносились въ это послѣднее убѣжище". Въ императорскую эпоху въ провинціяхъ, а именно въ Галліи, все въ большемъ числѣ возникали первоначальныя и другія школы. Учителя низшихъ школъ—literatores,—пользовавшіеся со стороны родителей вѣроятно не очень-то большимъ уваженіемъ, обучали, смотря по своимъ знаніямъ и способностямъ, преимущественно чтенію, письму и счету. Къ первоначальному обученію приступали, какъ и въ послѣднее время республики, съ 7-ми лѣтъ; оно производилось по силлабическому методу, то-есть по складамъ, то порознь, то хоромъ, причемъ кромѣ старшихъ учениковъ руководили и младшіе учителя. При чтеніи особенное вниманіе обращали на чистоту, вѣрность и ясность произношенія. „Дѣти переходятъ отъ буквъ къ слогамъ, и одинъ изъ старшихъ учениковъ явственно и порознь подсказываетъ ихъ другимъ, причемъ необходимо тщательно слѣдить за произношеніемъ учителя и старшаго ученика. Отъ отдѣльныхъ буквъ переходили къ слогамъ и ихъ образованію, а отъ послѣднихъ къ цѣлымъ словамъ, отъ словъ къ предложеніямъ и стихамъ. Стихи затверживались наизусть и разбирались метры, дабы подготовить такимъ образомъ къ чтенію поэтовъ. Учитель самъ также читалъ вслухъ произведенія лучшихъ поэтовъ и объяснялъ ихъ по содержанію и формѣ. Для этого выбирались конечно лишь поэты съ нравоучительнымъ содержаніемъ, а именно дидактическіе стихотворцы. Матеріаломъ для чтенія служили

Ливій Андроникъ, Энній и особенно Виргилій; изъ нихъ диктовали также большіе отрывки, а не то для этого пользовались еще энхиридіями, хрестоматіями и учебниками. При затверживаніи наизусть такихъ отрывковъ, равно какъ при чтеніи и ученіи вообще, исходили отъ того основного правила, что надлежитъ читать много, но не всячину, и что живое слово больше значитъ, а потому сильнѣе дѣйствуетъ, нежели мертвая буква. „Ибо—говорятъ Плиній Младшій и Квинтиліанъ—какъ бы сильно ни впечатлѣлось то, что мы читаемъ, духъ нашъ все-таки глубже схватываетъ то, что внушается рѣчью, взоромъ, пріемами и жестами говорящаго. Всякое впечатлѣніе необходимо слабѣетъ, если оно не согрѣвается голосомъ, выраженіемъ и осанкой всего тѣла".

Съ уроками чтенія соединялось также письмо, причемъ учитель писалъ на покрытыхъ воскомъ доскахъ грифелемъ сверху приплюснутымъ (чтобы ровнять воскъ и сглаживать написанное), а внизу острымъ; ученикъ же копировалъ буквы и слова, прописывая ихъ подъ строками учителя, гдѣ оставлялось для того мѣсто. Когда написанное не подлежало болѣе измѣненію, а должно было сохраниться, то его переписывали на листъ (charta) папируса, или на пергаменъ (membrana), и притомъ лишь съ одной внутренней стороны, а не снаружи.

Упражненія въ счетѣ какъ прежде, такъ и теперь были одною изъ главныхъ отраслей школьнаго преподаванія, и Горацій упоминаетъ какъ объ вычитаніи, такъ и о дѣленіи асса *) на сто частей. Сверхъ того учили еще геометріи и географіи, при чемъ пользовались раскрашеными ландкартами. Впослѣдствіи въ кругъ преподаванія вошли еще рисованіе и музыка. Гимнастическія упражненія оставались дѣломъ частныхъ лицъ, родителей и воспитателей, и хотя обыкновенно поощрялись, но не предписывались, ни запрещались государствомъ. Бѣгъ, плаванье, игра въ мячъ, верховая ѣзда производились въ гимназіяхъ и палестрахъ, съ цѣлью сохранить здоровье и пріобрѣсти тѣлесную силу и ловкость. На Марсовомъ полѣ молодыми Римлянами совершались разныя гимнастическія упражненія, и съ этимъ связано было также плаванье по протекавшему тутъ Тибру. Появились атлетическія гильдіи, у которыхъ подъ названіемъ Xystici, также Herculanei, были свои собственныя гимназіи, архивы, старшины, и которыя пользовались чрезвычайными преимуществами и льготами. Водворилось кое что и изъ греческой орхестики, и пирриха **) исполнялась при торжественныхъ случаяхъ въ пестрыхъ костюмахъ.

---

*) Мѣдная монета.

**) Воинская пляска.

Ученики распредѣлялись по мѣрѣ ихъ способностей и знаній. Quinct. I,2,23. Non inutilem scio servatum esse a praeceptoribus meis morem, qui quum pueros in classes distribuerunt, ordinem dicendi secundum vires ingenii dabant; et ita superiore loco quisquis declamabat, ut praecedere profectu videbatur *). Итакъ, классы не были отдѣлены другъ отъ друга, а существовали только извѣстные отдѣлы, обучавшіеся одновременно. Ученики должны были входить въ классъ чинно и пристойно, безъ шуму и тревоги, почтительно кланяясь учителю, и потомъ садиться на свои мѣста. Вообще дисциплина была строга и послѣдовательна. Благопристойность, учтивость и повиновеніе твердо соблюдались. Въ ходу были не только строгіе выговоры, но также и тѣлесныя наказанія розгами, которыми хлестали по пальцамъ и рукамъ, а въ случаѣ тяжкихъ проступковъ прибѣгали къ бичу, которымъ сѣкли обыкновенно однихъ только рабовъ. Раздавались также награды: по крайней мѣрѣ Веррій Флаккъ установилъ призы, состоявшіе изъ старыхъ, рѣдкихъ книгъ, изъ-за которыхъ ученики его состязались другъ съ другомъ. Про Веррія Флакка говоритъ между прочимъ Suet. de ill. gr. 17. Namque ad exercitanda discentium ingenia aequales inter se committere solebant, proposita non solum materia, quam scriberent, sed et praemio, quod victor auferret. Id erat liber aliquis antiquus pulcher aut rarior **).—

Почти всѣ родители давали возможность своимъ дѣтямъ обучаться этимъ первоначальнымъ знаніямъ, и когда вслѣдствіе разросшагося пролетаріата, особенно въ Римѣ и Константинополѣ, возникла опасность отъ того, что многія изъ дѣтей выростаютъ невѣждами и безъ всякаго обученія, то Нерва постановилъ, чтобы дѣти бѣдныхъ родителей воспитывались на общественный счетъ въ городахъ Италіи, а Траянъ (—въ великой щедрости которому соревновалъ Адріанъ—) при своемъ воцареніи не только принялъ подъ свое покровительство 5000 бѣдныхъ дѣтей, но велѣлъ еще въ Веліи 245 законнорожденнымъ мальчикамъ выдать по 16 (около 9-ти талеровъ), а 34 законнорожденнымъ дѣвочкамъ по 12 сестерцій (почти 7 талеровъ). Антонинъ Благочестивый открылъ въ честь своей су-

---

*) Я знаю, что учителямъ моимъ не безполезенъ былъ обычай, распредѣляя мальчиковъ по классамъ, установлять порядокъ сказыванія уроковъ смотря по способностямъ: такъ иной, на высшемъ мѣстѣ упражнявшійся въ декламаціи, тѣмъ самымъ явно выказывалъ успѣшность своихъ занятій.

**) Для умственныхъ упражненій устроивались обыкновенно состязанія между равносильными учениками, при чемъ предлагалась тэма для письма и назначалась награда побѣдителю. Наградою служила какая-нибудь древняя отличная или рѣдкостная книга.

пруги Фаустины воспитательное заведеніе для бѣдныхъ дѣвочекъ. Антонинъ Философъ раздѣлялъ стремленія своего предшественника: извѣстное число мальчиковъ и дѣвочекъ онъ велѣлъ внести въ списокъ получающихъ паёкъ (qui frumentaria perceptione utuntur). Потомъ наконецъ Александръ Северъ оказалъ просвѣщенію услугу, основавъ въ честь матери своей, Маммэи, институтъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. Впрочемъ всѣ эти учрежденія служили скорѣе питомниками для бѣдныхъ и покинутыхъ дѣтей, съ цѣлью увеличить ихъ содержаніемъ и воспитаніемъ число воиновъ и гражданъ; о настоящей же и всеобщей организаціи системы народнаго обученія со стороны правительства тутъ и помина быть не можетъ.

Высшее обученіе литератовъ (literati), обязательное для посвящавшихъ себя наукамъ, искусству, государственной службѣ и правовѣдѣнью, совершалось въ аудиторіяхъ грамматиковъ, риторовъ и философовъ, преподователей греческаго и латинскаго языковъ, реторики, правовѣдѣнья, философіи, геометріи и музыки, т. е. liberales artes, которыя, по словамъ Марціана Капеллы были: grammatica, dialectica, rhetorica, geometria, arithmetica, astronomia и musica.

Квинтиліанъ содержаніемъ и цѣлью преподаванія грамматиковъ ставитъ: „Обученіе грамматикѣ, метрикѣ и навыкъ писать хорошимъ слогомъ, историческое толкованіе поэта и руководство къ критикѣ, дабы умѣть разъяснить темныя мѣста и отличить неподлинное отъ подлиннаго“. Впрочемъ и у грамматиковъ также обученіе было лишь внѣшнее, а не внутреннее, и все это болѣе по винѣ родителей, нежели учителей. „Ибо, какъ сѣтуетъ Петроній, первые сами не желаютъ, чтобы ихъ дѣтей обучали основательно и строго. Они, вопервыхъ, жертвуютъ своими надеждами незаконному честолюбію, вовторыхъ—мальчишекъ съ недозрѣлыми еще знаніями выпускаютъ подвизаться на площади и предоставляютъ такимъ образомъ краснорѣчіе, по ихъ признанію высшее изъ искусствъ, несовершеннолѣтнимъ отрокамъ. Захоти они, чтобы ученіе шло надлежащимъ порядкомъ, чтобы юноши просвѣщались основательнымъ чтеніемъ и пр., то пустыя напыщенныя рѣчи вскорѣ замѣнились бы вѣскимъ содержаніемъ. Теперь же наши ораторы въ юности играютъ наукой въ школѣ и даже въ лѣтахъ зрѣлости не хотятъ убѣдиться, что они юношами обучались нелѣпостямъ.“

Объясненіе поэтовъ, причемъ лучшія мѣста затверживались наизусть, составляло у грамматиковъ основу преподаванія со включеніемъ сюда метрики и упражненія въ слогѣ, да еще критики темныхъ и сомнительныхъ мѣстъ. Чтеніе, какъ и въ послѣднее время республики, начиналось съ Гомера и Виргилія; ибо хотя для пониманія превосходства

такихъ поэтовъ, какъ замѣчаетъ Квинтиліанъ, и требуется болѣе зрѣлое сужденіе, но это можно отложить до позднѣйшаго времени, такъ какъ помянутыхъ писателей придется вѣдь читать не одинъ, а нѣсколько разъ. Гомеръ былъ любимымъ писателемъ не только Цицерона и Цезаря, но также Нерона и Домиціана. Греческимъ языкомъ и теперь еще занимались съ особеннымъ пристрастіемъ, даже Тиберій и Клавдій владѣли имъ въ совершенствѣ. Ученики грамматиковъ упражнялись въ переводахъ съ латинскаго на греческое и съ греческаго на латинское. Особенно налегали на изученіе древностей и исторіи, ибо этимъ путемъ римскій духъ стремился постичь самого себя и отчасти крѣпче сомкнуться противъ возникавшаго распаденія. Но главное дѣло преподаванія все-таки состояло въ томъ, чтобы владѣть собраннымъ матеріаломъ, а краснорѣчіе, къ которому подготовляла школа грамматика, была конечною цѣлью всѣхъ стремленій.

Оттого-то римская молодежь, вышколенная граматикомъ, и торопилась безъ оглядки въ переполненныя аудиторіи риторовъ. „Declamare и studere (витійствовать и изучать) было занятіемъ всѣхъ какъ способныхъ, такъ и посредственныхъ умовъ“. Изученіе реторики въ самую цвѣтущую его эпоху было двоякое. Одна часть преподаванія состояла въ послѣдовательномъ чтеніи авторовъ; только риторы, въ противоположность избиравшимъ большею частью поэтовъ грамматикамъ, читали по преимуществу историковъ и ораторовъ. При разборѣ рѣчей надлежало разсматривать inventio и elocutio (изобрѣтеніе и изложеніе) со всѣхъ сторонъ. Иногда разбирались также и ошибочныя рѣчи, причемъ ученики не только должны были сами отыскивать и объяснять ошибки, но беспрерывными вопросами непосредственно наводились на изслѣдованья.—Вторая часть преподаванія обнимала непосредственное обученіе краснорѣчію. Риторъ излагалъ правила реторики и руководилъ своихъ учениковъ къ такъ называемымъ декламаціямъ, т. е. къ произнесенію и писанію формальныхъ и законченныхъ разсужденій. Сначала онъ самъ произносилъ такого рода декламаціи и требовалъ лишь повторенія ихъ. Потомъ предлагалъ тэму и планъ, предоставляя ученикамъ исполненіе, и только поправлялъ устныя и письменныя произведенія ихъ. Затѣмъ обсуждалъ съ учениками тэму, и планъ составлялся ими уже собща. Наконецъ предоставлялъ онъ имъ какъ свободный выборъ, такъ и свободную рѣчь.—Первоначально подкладкою для этихъ упражненій служили философскіе предметы или историческія событія и практическіе вопросы. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ больше извращались они въ безплодныя хитросплетенія. Ибо чѣмъ болѣе стѣснялось внѣшнее поприще краснорѣчія, тѣмъ болѣе старались расширить послѣднее интенсивно, и теорія обогащалась правилами тѣмъ обильнѣе, чѣмъ

менѣе было простора слову на практикѣ. Недостатокъ нравственнаго содержанія хотѣли въ то же время прикрыть формою, и потому добивались искусственности въ рѣчахъ и поэтическихъ оборотовъ, чтобы очаровывать прелестью словъ, и нанимали даже за деньги хлопальщиковъ. Декламаціи были троякаго рода: 1. laudativae или demonstrativae (хвалебныя или доказательныя). 2. suasoriae или deliberativae (совѣтодавныя или обсуждательныя). Къ обоимъ этимъ родамъ относились тэмы болѣе легкія для разработки, приступъ которыхъ былъ кратокъ, изложеніе простое, а предметъ заимствовался обыкновенно изъ греческой исторіи. Они назначались для слабыхъ и менѣе зрѣлыхъ умомъ мальчиковъ. 3. controversiae (спорныя). Предметъ этихъ былъ уже разнообразнѣе и труднѣе. Они служили подготовкою для непосредственно практической дѣятельности, разработывая предметы изъ области морали, какъ то: о похищенныхъ дочеряхъ, объ отцеубійцахъ, прелюбодѣяхъ и т. п. Риторы преподавали въ театрахъ, купальняхъ, храмахъ и пр.; ихъ пренія происходили на прогулкахъ, въ музеяхъ, библіотекахъ и подъ портиками, а опыты краснорѣчія предлагались взрослыми юношами въ театрахъ, храмахъ, на Аппіевой дорогѣ, на площади и въ частныхъ зданіяхъ.

Школы риторовъ не только извратили судебное краснорѣчіе и исказили самый языкъ; но онѣ своими хитросплетеніями, хвалебными и льстивыми рѣчами, которыми поневолѣ ограничивались, когда витійство лишилось своего вліянія на судѣ, привили еще молодежи кичливость и пустое, поверхностное многознайство.

Заодно съ жизнью и наукою смыслъ къ образованности понизился точно такъ же, какъ пали грамматика и реторика. „Во 2-мъ вѣкѣ, говоритъ Бернгарди, въ Римѣ больше собирали свѣдѣнія или играли, нежели учились или разработывали науки; въ третьемъ же вѣкѣ, когда Римъ, какъ казалось, умолкъ и лучшія силы его обратились къ практическимъ занятіямъ, особенно къ законовѣдѣнью на службу императорскому правительству, тогда нѣкоторою замѣною послужили по крайней мѣрѣ труды галльскихъ и африканскихъ провинціаловъ въ большихъ и мелкихъ научныхъ средоточіяхъ — въ Карѳагенѣ, Мадаврѣ, Массиліи, Бурдигалѣ, Августодунѣ“. Но ученіе и литературныя занятія не составляли уже всеобщаго достоянія публики. Въ послѣдній же вѣкъ имперіи все образованіе было дѣломъ случая или дилеттантизма. Въ 4-мъ вѣкѣ въ знатныхъ домахъ вмѣсто научныхъ занятій раздавались пѣсни и музыка. Взамѣнъ философа призывали пѣвца, взамѣнъ оратора—учителя ничтожныхъ искусствъ. Библіотеки закрывались навсегда подобно гробницамъ, зато строили гидравлическіе органы, струнные механизмы величиною съ карету, заводили флейты и другіе инструменты, служившіе

акомпаниментомъ для плясокъ. И между тѣмъ какъ знатные утопали въ удовольствіяхъ, въ то же время большой циркъ служилъ для низшихъ классовъ храмомъ, жилищемъ, сборнымъ мѣстомъ и цѣлью всѣхъ желаній.

Преподаваніе правовѣдѣнья, бывшее прежде вполнѣ практическимъ, принимало все болѣе теоретическій характеръ. При Августѣ уже преподаваніе права отрѣшилось отъ дѣйствительной дѣловой жизни. Молодые Римляне собирались въ качествѣ auditores—слушателей, или studiosi—студентовъ вокругъ professores juris civilis (профессоровъ гражданскаго права), и по мѣрѣ того какъ право выработывалось тверже и опредѣленнѣе, теорія замѣняла собою практику и школы правовѣдѣнья появлялись все въ большемъ числѣ. Въ 3-мъ столѣтіи уже процвѣтала школа правовѣдовъ въ Беритѣ въ Сиріи, родинѣ Папиніана и Ульпіана; и Юстиніанъ постановилъ, чтобы право преподавалось въ Беритѣ, Римѣ и Константинополѣ, притомъ въ двухъ послѣднихъ на одномъ лишь греческомъ языкѣ. Тамъ молодые юристы три года къ ряду, по полугодичнымъ курсамъ, слушали лекціи о двухъ предметахъ каждый годъ (—сначала объ институтахъ, потомъ о пандектахъ—), а въ слѣдующіе затѣмъ два года они упражнялись въ объясненіи трудныхъ мѣстъ. Учителя получали съ учениковъ своихъ гонораръ за преподаваніе. Прежде вѣроятно у каждаго ученика было по одному только учителю въ одно и то же время, тогда какъ теперь учителя, чтобы увеличить свой доходъ, собирали вокругъ себя возможно болѣе учениковъ.—

Вмѣсто того чтобы идти на форумъ или къ знаменитому политику, правовѣду и пр., молодой Римлянинъ, окончивъ курсъ у грамматика и ритора, отправлялся теперь въ одинъ изъ ученыхъ городовъ. Тамъ молодые люди съ 16-тилѣтняго возраста уже посѣщали университетъ: вотъ почему первоначальные учителя, грамматики, держали ихъ тамъ строго, такъ что дѣло не обходилось даже безъ тѣлесныхъ наказаній. На лекціяхъ риторовъ, слѣдовавшихъ позже, тѣлесныя наказанія отмѣнялись.—Грамматики объясняли важнѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей, особенно Гомера, Виргилія, Горація, Стація и пр., и по примѣру Флакка назначали по временамъ состязанія между слушателями. Подобныя состязанія еще чаще производились у риторовъ и философовъ, чьи аудиторіи ученики посѣщали послѣ грамматическаго курса. Состязанія на заданный предметъ происходили по одному разу въ 30 дней, причемъ наградою за нихъ была книга и смотря по достоинству сочиненій назначались ученикамъ мѣста. У грамматиковъ предлагались имъ сентенціи, которыя надлежало проводить по всѣмъ падежамъ и фигурамъ рѣчи, затѣмъ дѣлали извлеченія и переложенія, и упражняли языкъ въ чистомъ греческомъ выговорѣ. Риторы обучали діалектикѣ и заставляли

учениковъ доказывать вымыселъ какъ нѣчто истинное и оспоривать дѣйствительныя исторіи, причемъ молодымъ людямъ часто приходилось вступать въ пренія другъ съ другомъ. Такъ образовались діалектика и отведенный для нея классъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершался переходъ къ настоящей философіи, имѣвшей цѣлью возбудить къ самомышленію, конечно, согласно съ господствующею философскою системою и руководить къ постиженію крайнихъ основъ человѣческаго знанія.—Между учеными городами въ Греціи знатнѣйшими были Аѳины, гдѣ находимъ профессоровъ, аудиторовъ, гонораріи, лекціи, диспуты, матрикулы, комерши и ландсманшафты,—Родосъ, главное гнѣздо реторики,—Аполлонія и Митилена;—въ Египтѣ Александрія, гдѣ мощно дѣйствовали грамматики, филологи и литераторы, каковы Эратосѳенъ, Аристофанъ, Аристархъ, Кратесъ и пр.;—въ Галліи Массилія, которая въ цвѣтущую эпоху свою называлась „галльскими Аѳинами" и жители которой Варрономъ прозваны „треязычными", за то что они одинаково свободно говорили погречески, полатыни и на своемъ родномъ языкѣ; въ самомъ Римскомъ государствѣ Римъ и Константинополь, обзаведенные въ 425-мъ году послѣ Р. Х. при Ѳеодосіи II и Валентиніанѣ III и, какъ истинныя universitates literarum, соединявшіе въ себѣ будто въ средоточіи всю высшую умственную мощь Запада и Востока тогдашнихъ земель. Въ каждомъ изъ этихъ университетовъ—въ Римѣ и Константинополѣ — было по 5 факультетовъ, а въ нихъ для грамматики по 20 профессоровъ (—титулъ „профессоръ" встрѣчается уже во время Августа, когда жилъ риторъ Порцій Латронъ, о которомъ Квинтиліанъ говоритъ, что онъ былъ первый вошедшій въ славу профессоръ—): изъ нихъ 10 учили греческому, а 10 латинскому языку; для реторики 10, пятеро для греческой и пятеро для латинской реторики. Въ юридическомъ факультетѣ было два, въ философскомъ одинъ, а въ медицинскомъ нѣсколько профессоровъ. Въ Константинополѣ, а вѣроятно также и въ Римѣ, дозволялось преподавать однимъ только дѣйствительнымъ профессорамъ въ устроенныхъ для публичныхъ чтеній залахъ и палатахъ Капитолія. Простые учителя обязаны были, подъ страхомъ удаленія изъ города, обучать только въ частныхъ домахъ, и то лишь по одному ученику за̀разъ, тогда какъ дѣйствительнымъ профессорамъ подъ страхомъ лишенія всѣхъ преимуществъ и льготъ возбранялось читать лекціи единичнымъ лицамъ. По истеченіи двадцатилѣтней вѣрной службы, профессора императорскою жалованною грамотою возводились въ графы перваго класса.—Для соблюденія дисциплины и порядка въ средѣ учащихся Валентиніанъ, Валенціанъ и Граціанъ (370-г. по Р. Х.) издали законы, служившіе основою всѣмъ позднѣйшимъ уставамъ для учащихся и въ

силу которыхъ каждый поступившій въ университетъ студентъ обязанъ былъ имѣть дозволительный видъ для посѣщенія университета и подорожное свидѣтельство, предъявить о себѣ въ полиціи, дать объясненіе о своемъ учебномъ предметѣ, указать мѣсто своего жительства и обѣщать, что не вступитъ ни въ какое запрещенное общество и не слишкомъ часто будетъ посѣщать театръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось молодымъ студентамъ, чтобы они воздерживались отъ всякихъ несвоевременныхъ кутежей, вообще посѣщали бы ихъ не слишкомъ часто; въ случаѣ же противозаконнаго и непристойнаго поведенія они подлежали—публичному тѣлесному наказанію, заточенію и ссылкѣ. Срокъ, въ который учащіеся кончали курсъ, не долженъ былъ простираться далѣе 20-тилѣтняго возраста, дабы подъ предлогомъ ученія никто не уклонялся отъ военной и гражданской службы. При выходѣ изъ университета имя каждаго съ надлежащими отмѣтками касательно прилежанія и поведенія вносилось въ списокъ, который ежегодно представлялся самому императору.

29.

ПЕДАГОГИ-ТЕОРЕТИКИ ВЪ СТАРЧЕСКУЮ ПОРУ РИМА.

Упадокъ государства и нравовъ, искусства и науки, и связанный съ тѣмъ упадокъ практическаго воспитанія неминуемо вызвалъ теорію воспитанія. Чѣмъ сильнѣе обнаруживались ошибки и недостатки вкоренившагося лжеобразованія, тѣмъ настоятельнѣе предлежало мудрецамъ эпохи установить основныя начала и правила, которыя могли бы отклонить воспитаніе отъ ложнаго пути и направить его къ первоначальному идеалу и вообще къ постигнутому ими идеалу человѣка.

Пока господствовала римская доблесть и практическое семейное воспитаніе съизмала укореняло эту доблесть въ душѣ, до тѣхъ поръ не было никакой теоріи воспитанія. Когда Римъ сталъ клониться къ упадку, и воспитаніе также вышло изъ своей колеи, то Катонъ и Цицеронъ высказали свои теоретическія правила воспитанія. Теперь наконецъ, когда всеобщая порча нравовъ увлекаетъ за собою въ пропасть также и образованіе юношества, Сенека и Квинтиліанъ, Плутархъ и Лукіанъ громко и краснорѣчиво заявляютъ свои основныя начала касательно образованія и воспитанія.

Луцій Анней Сенека (Ср. Schulze. L. Annaei Senecae Paedagogica 1819, и сочиненія Сенеки: De ira;—De consola-

tione ad Helviam matrem;—De animi tranquillitate ad Serenum;—De clementia;—De brevitate vitae;—Epistolae etc.—) родился при Августѣ въ Кордубѣ въ южной Испаніи. Отецъ его, риторъ Сенека, который, прослушавъ всего одинъ разъ 2000 именъ и 200 стиховъ, могъ повторить ихъ въ томъ же порядкѣ, старался образовать изъ своего даровитаго сына оратора. Послѣдній однако, пристрастившись къ философіи, слушалъ въ Римѣ помимо знатнѣйшихъ риторовъ особенно стоика Аттала, Александрійца Соціона и циника Діогена. Происками Мессалины, обвинившей его въ связяхъ съ Юліей, племянницею императора Клавдія, онъ былъ сосланъ на остр. Корсику, гдѣ провелъ 8 лѣтъ въ ученыхъ занятіяхъ. Оттуда, утѣшая свою мать, представилъ онъ въ письмѣ къ ней прекрасное свидѣтельство дѣтской любви и доказательство, что даже въ его нравственно растлѣнную эпоху не совсѣмъ еще вымерла женская доблесть. „Величайшій недугъ нашего времени (—такъ пишетъ онъ, восхваливъ передъ тѣмъ ея скромное величіе и силу души—), недостатокъ чистоты нравовъ не пріобщилъ тебя къ сонму большинства; ни драгоцѣнные камни, ни богатства не ослѣпляли тебя какъ высшее человѣческое благо; строго и хорошо воспитанную въ старинномъ домѣ, тебя не совратилъ съ истинной стези опасный даже для лучшихъ примѣръ порочныхъ людей. Ты никогда не стыдилась численности дѣтей своихъ, хотя бы они и свидѣтельствовали о твоихъ лѣтахъ, никогда, подобно инымъ суетнымъ женамъ, не покушалась ты скрыть или даже извести носимую подъ сердцемъ надежду. Женская добродѣтель была твоимъ единственнымъ нарядомъ, твоею изящнѣйшею и неувядающею прелестью, твоею высшею красою."

По ходатайству Агриппины Сенека былъ вызванъ изъ ссылки и поставленъ учителемъ и воспитателемъ сына ея Нерона, назначеннаго въ наслѣдники престола. Начальникъ тѣлохранителей, мужъ строгихъ нравовъ, Афраній Бурръ, принималъ участіе въ этомъ воспитаніи, обучая Нерона военному искусству, тогда какъ Сенека преподавалъ ему риторику и философію. Будучи самъ слабъ характеромъ, скупъ, суетенъ и сластолюбивъ, онъ не могъ своими уроками мудрости спасти своего питомца отъ враждебныхъ вліяній нравственно глубоко упавшей эпохи и зачумленной придворной жизни, тѣмъ болѣе что въ жилахъ послѣдняго текла кровь его матери, одаренной правда высокимъ умомъ и рѣдкою красотою, но исполненной также и властолюбія, утопавшей въ распутствѣ всякаго рода и велѣвшей отравить императора, своего супруга. Правда, сначала 17-ти лѣтній державецъ не только оказывалъ своимъ учителямъ величайшее уваженіе, но оставилъ ихъ даже при своемъ дворѣ въ качествѣ друзей и совѣтниковъ. Онъ, какъ казалось, хотѣлъ исполнить слово Сенеки: „Высокому званію подобаетъ высокій духъ, и если послѣдній не вознесется

до перваго и не превыситъ его, то принизитъ и его также еще сильнѣе къ землѣ. Въ дѣйствіяхъ царь долженъ быть подобенъ добрымъ родителямъ, съ крайнею сдержанностью пекущихся о дѣтяхъ и забывающихъ изъ-за нихъ самихъ себя, ибо имя отечества для него не пустозвонная лесть. Величіе царя тогда только долговѣчно и прочно, когда всѣ убѣждены, что. онъ не столько надъ ними, сколько ради нихъ; когда онъ изо дня въ день проявляетъ на дѣлѣ, что радѣетъ о благѣ единичныхъ лицъ и всего цѣлаго. Царь не долженъ предаваться дикому и неумолимому гнѣву: а иначе онъ вѣдь не выше того, которому сталъ уже равенъ именно тѣмъ, что разгнѣвался. Заблуждается тотъ, кто думаетъ, будто властителю всего безопаснѣе тамъ, гдѣ ничему отъ него не безопасно. Самая надежная и единственная твердыня властителей—любовь ихъ подданныхъ". Вскорѣ однако кутило и развратникъ Отонъ и властолюбивая, злокозненная и распутная Поппея Сабина вошли въ милость императора, а ему снаружи привитыя Сенекою ученія мудрости отпали вновь, и Неронъ въ качествѣ бѣшенаго актера проявлялъ затѣмъ свое чудовищное искусство на аренѣ римскаго государства. Онъ, который нѣкогда, подписывая смертный приговоръ, хотѣлъ бы лучше разучиться писать, свирѣпствовалъ съ той поры не только противъ всѣхъ, въ комъ проявлялся римскій духъ и гражданская доблесть, но совершалъ убійства даже въ собственной семьѣ. Сводный братъ его, Британникъ, былъ отравленъ за императорскимъ столомъ. Его супруга Октавія и мать пали отъ подосланныхъ убійцъ. Даже Сенекѣ, заподозрѣнному въ заговорѣ противъ него, былъ объявленъ смертный приговоръ, причемъ изъ особенной милости ему предоставлено было самому избрать родъ смерти. Сенека просилъ отсрочки, для того чтобы изложить послѣднюю волю свою. Просьба его была отринута, и онъ умеръ 63-хъ лѣтъ отъ роду, въ 65-мъ г. послѣ Р. Х., пустивъ себѣ кровь изъ артерій, но обративъ передъ этимъ къ своей женѣ и своимъ друзьямъ такія слова: „Такъ какъ я лишенъ возможности доказать на дѣлѣ свою благодарность друзьямъ, то обращаюсь къ нимъ съ просьбою: принять образъ моей жизни какъ послѣднее отъ меня завѣщаніе".

Сенека находился на вершинѣ цивилизаціи своей эпохи. Онъ раздѣлялъ всѣ преимущества и недостатки послѣдней. Одаренный рѣдкими способностями, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, блистательною формою и обиліемъ идей, онъ не обладалъ однако ни связностью, ни остротою мысли, и строгую научность замѣнилъ энциклопедическою многосторонностью. Блестящій талантъ и бездушная суетность, испанскій пылъ и холодная реторика сочетались, какъ выражается Бернгарди, въ этомъ Овидіи прозаиковъ, который зарничными вэблесками фантазіи, напыщенною моралью и изобиліемъ мудрыхъ

притчѣ талантливо и остроумно восполняетъ недостатки характера и нрава. Его житейская философія примыкаетъ ближе всего къ стоицизму и отличается глубокимъ этическимъ значеніемъ, проповѣдуя твердость характера и стойкость мнѣній. Первыми благами онъ сопоставляетъ вмѣстѣ отраду, душевный покой и благоденствіе отечества; а высшимъ благомъ называетъ сообразную съ природою жизнь. Жизнь для него прекрасна, когда она стремится къ прекрасной цѣли; блаженство же составляетъ лишь удѣлъ мудреца. Мудрецъ достигаетъ цѣли, къ которой должна вести его философія:—величайшаго спокойствія вопреки всѣмъ страстямъ, которыя слѣдуетъ укрощать, наперекоръ всѣмъ бурямъ судьбы, а этимъ, буде нельзя избѣжать ихъ, слѣдуетъ подчиниться какъ волѣ провидѣнія, — ненарушимаго покоя души въ виду пріятныхъ и непріятныхъ испытаній, и въ радости и въ горѣ. Вслѣдствіе этого онъ довольствуется знаніемъ на столько, на сколько нужно; ибо все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, есть уже неумѣренность и роскошь, причемъ, покушаясь проникнуть въ области, гдѣ знаніе болѣе не примѣнимо, люди становятся не добрыми, но лишь учеными; поэтому слѣдуетъ постановить основнымъ правиломъ: Учиться должно не для школы, а для жизни! Нынѣ же учатся не для жизни, а для школы: безплодно искусство грамматиковъ; пагубно многообразіе познаній, смѣшеніе грамматики съ философіей. Ни обычная жизнь, ни общественные нравы, ни родные боги, ни общенародная религія не доставятъ мудрецу покоя. Мудрецъ обрѣтаетъ этотъ покой только тогда, когда печется о томъ, чтобы въ душу его не вкралась ненависть къ людямъ, когда напротивъ въ виду столь многихъ безразсудствъ онъ отъ души смѣется, не горюетъ, а спокойно взираетъ на ошибки, въ несчастіи же не слишкомъ предается скорби. Вѣдь сама природа даровала намъ привычку для смягченія нашихъ невзгодъ, и благодаря этому мы свыкаемся съ самымъ тяжкимъ положеніемъ. Итакъ — слѣдуетъ привыкать къ своему положенію и по возможности менѣе сѣтовать на него, а хвататься за все что въ немъ есть пріятнаго. „Считайся съ трудностями. Жестокое можно посмягчить, тѣсное порасширить, а тяжкое менѣе гнететъ, если за него взяться умѣло“. „Мудрецу не нужно робко слѣдитъ за каждымъ шагомъ своимъ. Въ немъ такъ сильна самоувѣренность, что онъ не колеблясь идетъ противъ рока и никогда не уступаетъ ему. Онъ не страшится его ни въ какомъ случаѣ, ибо не только имущества и почести, но даже свое собственное тѣло, свои глаза и руки онъ причисляетъ къ предметамъ, на которые не слѣдуетъ разсчитывать, и живетъ такъ, какъ будто онъ самъ себѣ отданъ лишь въ заемъ и обязанъ безропотно возвратить себя, когда его потребуютъ назадъ. Онъ однако не дешево цѣ-

нитъ себя, хотя и знаетъ, что принадлежитъ не самому себѣ; напротивъ онъ всегда будетъ поступать заботливо и осторожно, подобно добросовѣстному и достопочтенному человѣку, соблюдающему всегда то, что было ввѣрено его честности. Когда же ему суждено будетъ возвратить себя, то онъ не возопіетъ противъ рока, но скажетъ: благодарю за то, что имѣлъ и чѣмъ обладалъ! Хотя я тяжко поплатился за твое добро; но ты требуешь его обратно, и я съ благодарностью и охотно уступаю его. Прими же душу, даже лучшею чѣмъ она была дарована тобою. Я всегда былъ готовъ къ этому. Воротиться туда, откуда пришелъ: что же въ этомъ тяжкаго? Тотъ навѣрное дурно жилъ, кто не умѣетъ хорошо умереть".

Человѣкъ живетъ въ двухъ царствахъ, въ великомъ царствѣ міра, и въ маломъ, къ которому мы принадлежимъ вслѣдствіе своего рожденія. Онъ долженъ освоиться и съ тѣмъ и съ другимъ, особенно же ему не слѣдуетъ оставаться чуждымъ въ великомъ царствѣ природы. Природа дала намъ любознательный духъ; и сознавая свое искусство и свою красу, она сдѣлала насъ созерцателями великаго зрѣлища вселенной, ибо сама утратила бы наслажденіе собою, если бы все великое, столь чудное, такъ стройно созданное, все столь прелестное и многообразно прекрасное предоставила безлюдной пустынѣ. Наша мысль проникаетъ въ твердь небесную и не довольствуется знаніемъ того, что предстаетъ намъ. Я допытываюсь, говоритъ она, того, что лежитъ за предѣломъ міра. Лежитъ ли тамъ глубь безконечности, или же и запредѣльное имѣетъ рубежи, его замыкающіе? Откуда изошли свѣтила? Какая духовная сила урядила путаницу явленій? Господствуетъ ли помимо стремленія тѣлъ и силы тяготѣнія еще какая либо высшая власть надъ каждымъ предметомъ? Правда ли то, чѣмъ въ особенности поддерживается вѣроятность, будто человѣкъ отъ духа Божьяго, а именно то, будто часть или какъ бы искра святаго огня ниспала на землю и осталась на мѣстѣ, для котораго вовсе не была назначена? — Эти вопросы человѣкъ ставитъ себѣ для познанія. А отвѣтъ на нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразная съ такимъ рѣшеніемъ жизнь—вотъ цѣль человѣка. „Что всего выше въ жизни человѣческой?" „Не флотами наполнять моря, не знамена водружать на чужихъ взморьяхъ, не рыскать, когда нѣтъ подъ рукой земли, по океану для угнетенія другихъ и не отыскивать странъ неизвѣстныхъ, но обрѣсти духовный взглядъ и одержать величайшую изъ побѣдъ, господство надъ порокомъ". „Вознестись духомъ надъ угрозами и посулами рока: не дорожи ничѣмъ такъ, чтобы возлагать на него свои надежды; что же въ немъ такого, что было бы достойно твоего желанія?" „Переносить съ яснымъ духомъ несчастіе: чтò бы ни случи-

лось, все принимать такъ, какъ будто ты самъ хотѣлъ, чтобы оно такъ было; — плакать, сѣтовать, вздыхать значитъ утратить вѣру". „Не давать въ душѣ мѣста злымъ помысламъ, подымать къ небу чистыя длани; не желать добра, которое, чтобы оно досталось тебѣ, долженъ отдать или утратить другой; желать того, чего можно желать безъ противорѣчія,—благомысленнаго сердца". „Духомъ высоко вознестись надъ всѣмъ случайнымъ; не забывать, что ты человѣкъ, дабы, и будучи счастливъ, ты зналъ, что не долго вѣдь такъ продлится; или, будучи несчастливъ, былъ бы убѣжденъ, что не несчастенъ, если самъ не считаешь себя несчастнымъ". „Каждый долженъ быть готовъ къ смерти. Вотъ что дѣлаетъ насъ свободными. Не по постановленіямъ римскаго права, но по закону природы. А свободенъ тотъ, кто не пребываетъ рабомъ самого себя. Быть своимъ собственнымъ рабомъ, это самое жестокое рабство; а вѣдь такъ легко свергнуть его, лишь бы не предъявлять чрезмѣру большихъ требованій съ самого себя, лишь бы помнить свое человѣческое существо и держать въ умѣ вопросъ: Стоитъ ли выходить такъ изъ себя? Намъ нужно немногое и не на долго".

Итакъ, кто мудръ, тотъ познаетъ также и высшую мудрость—Божество. „Что такое Божество? Это всецѣлое, которое ты передъ собой видишь. Лучшая часть насъ самихъ есть духъ. Въ божествѣ нѣтъ ничего кромѣ духа. Оно все разумъ. Богъ близокъ къ намъ. Онъ въ насъ самихъ. Въ насъ живетъ духъ Божій, охраняющій насъ, наблюдающій за нашимъ добромъ и зломъ и поступающій съ нами такъ же, какъ мы съ нимъ поступаемъ. Безъ Божества никто не можетъ стать добродѣтельнымъ человѣкомъ. Оно одно надѣляетъ насъ великими и высокими рѣшеньями. Въ каждомъ благородномъ человѣкѣ живетъ Божество, — откуда? неизвѣстно". „Между добромъ и Божествомъ существуетъ дружество, близкое сходство, ибо добро лишь по времени отлично отъ Божества; оно питомецъ и соревнитель, высокій потомокъ послѣдняго". Духъ возвеличиваетъ человѣка и уподобляетъ его Божеству. Потому слѣдуетъ уважать даже и раба, ибо рабству подлежитъ одно лишь тѣло, а благороднѣйшая часть свободна всегда. Притомъ же всѣ люди одного и того же происхожденія, и ни одинъ не благороднѣе другаго, если духовное существо его не лучше и не способнѣе для благороднѣйшихъ познаній. Вѣдь вселенная, или, что значитъ то же самое, Божество, — одна общая всему мать, и у цѣли нашего стремленія всѣхъ людей ожидаетъ высокое благородство.

Всѣ люди одержимы ошибками и проступками. Мы всѣ ошибались, одни изъ насъ болѣе, другіе менѣе, то не-

нарокомъ, то отъ соблазна; и мы будемъ ошибаться до глубокой старости. „Притомъ же нравъ человѣческій отъ природы упоренъ и склоненъ къ запретному и опасному, онъ скорѣе пойдетъ своей собственной стезей, не давая вести себя“. Однако мудрыми законами и болѣе всего разумнымъ, строгимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткимъ воспитаніемъ можно исправить грѣховныя природныя наклонности, а добронравныя души благодаря ему еще скорѣе можно довести до высшей ступени. Ибо нѣкоторые люди одарены отличными природными способностями и имъ безъ томительныхъ наставленій легко дается все, чему обыкновенно учатъ; они точно также легко поймутъ, что такое добродѣтель, коль скоро услышатъ объ этомъ. Такія-то быстро постигающія добрѣтель души сами собой плодотворны, тогда какъ съ иныхъ тупоумныхъ или глупыхъ или дурными нравами извращенныхъ головъ приходится еще соскоблить напередъ ржавчину.

Задача учителя и воспитателя крайне важная. Онъ долженъ по возможности кроткими словами цѣлительно влiять на нравъ и своими совѣтами внушить наклонность къ добродѣтели и отвращеніе отъ порока. Затѣмъ лишь прибѣгай онъ къ болѣе серьёзнымъ внушеніямъ, къ увѣщаніямъ, укоризнамъ и наказаніямъ, и въ послѣднемъ случаѣ избирай сперва болѣе кроткія, а потомъ уже болѣе строгія. Но наказывать должно отнюдь безъ гнѣва: карающему менѣе всего подобаетъ гнѣваться, ибо наказаніе способствуетъ къ исправленію тѣмъ болѣе, чѣмъ обдуманнѣе оно рѣшено. „Кто скоро осуждаетъ, тотъ дѣлаетъ это охотно; а кто слишкомъ много караетъ, тотъ караетъ несправедливо.“ — „Напомни мнѣ, скажи, чего ты отъ меня хочешь, я тутъ не то чтобы учусь, но повинуюсь:“ воспитывая, наставникъ никогда не долженъ забывать этихъ правилъ.

Учитель долженъ обращать особенное вниманіе на разность индувидуальностей. Различіе характеровъ коренится въ различной смѣси элементовъ. Смѣсь веществъ способствуетъ тому, что одинъ нравъ отъ природы гнѣвливъ; — огонь вѣдь дѣятеленъ и не легко унимается. Другой нравъ робокъ, ибо холодъ неподвиженъ и сжимистъ. Смотря по различію характеровъ необходимо и разнаго рода обращеніе. Конечно — переиначить природу не возможно, и нельзя измѣнить той смѣси соковъ, съ какою мы родимся. Однако мудрая прозорливость все-таки не безполезна для того, чтобы улучшить природу. Мы достигнемъ многаго, если съ самаго начала примемся надлежащимъ образомъ за дѣло съ дѣтьми. Впрочемъ трудно руководить ими, ибо слѣдуетъ остерегаться, чтобы при этомъ не давать пищи гнѣву, да и не подавлять природнаго характера. Это требуетъ бдительнаго наблюденья. Ибо сходными между

собою средствами достигается какъ то, что хотятъ вызвать, такъ и то, что хотятъ подавить. Духъ ростетъ, когда его не стѣсняютъ: онъ слабѣетъ вслѣдствіе рабскаго обращенія. Онъ ободряется, когда его хвалятъ, и привыкаетъ довѣрять себѣ; но тѣмъ же самымъ возбуждается въ немъ заносчивость и злонравіе. Потому-то и надлежитъ вести его по срединѣ между тѣмъ и другимъ, то обуздывая, то поощряя. Никогда не слѣдуетъ доводить питомца до унизительной просьбы и отнюдь не потворствовать послѣдней. Слѣдуетъ избѣгать, чтобы въ состязаніи съ сверстниками его превосходили другіе и чтобы онъ тутъ раздражался; надо стараться, чтобы онъ былъ друженъ съ тѣми, съ кѣмъ ему приходится быть въ состязаніи, чтобы, соревнуя, онъ имѣлъ въ виду не повредить, а побѣдить. Побѣдивъ и совершивъ что-либо достохвальное, пускай его благодушествуетъ, но не гордится. Ибо вслѣдъ за радостью какъ разъ наступитъ стропотное торжество, а затѣмъ чванство и черезъ чуръ высокое мнѣніе о самомъ себѣ. Надлежитъ также давать ему въ извѣстной мѣрѣ отдохновеніе, но такъ чтобы оно не переходило въ лѣнь и тунеядство; слѣдуетъ также удалять питомца отъ соприкосновенія съ шалостями. Ибо ничто не дѣлаетъ людей столь злонравными, какъ изнѣженное, потакающее воспитаніе. Иной не въ силахъ былъ бы противостать невзгодамъ, если бъ ему никогда ни въ чемъ не отказывали, если бъ сердобольная матушка то и дѣло не утирала ему слезъ, если бъ его не защищали постоянно отъ взысканій надзирателя. Пуще всего слѣдуетъ удалять дѣтей отъ льстецовъ. Пускай они слышатъ истину, пускай иногда будутъ робки, но всегда скромны и почтительны къ старшимъ. Никогда не должно уступать ихъ упорству; отказавъ въ чемъ либо ихъ слезамъ, можно потомъ разрѣшить имъ это, когда они успокоятся. Пусть богатство родителей будетъ у нихъ передъ глазами, но не въ рукахъ ихъ. Надо печься о хорошемъ обхожденіи; оно поддерживаетъ уроки добродѣтели и укрѣпляетъ нравъ. Добрый примѣръ долженъ вліять вмѣстѣ и наравнѣ съ наставленіями: то прежде, то послѣ наставленія, ибо нельзя поступать со всѣми одинакимъ образомъ; нѣкоторые побуждаются доводами разума, другіе же руководятся главнѣйше знаменитыми именами и авторитетами. Высшимъ принципомъ воспитанія должно считать религіозное образованіе по стезѣ добродѣтели. Ибо повиноваться Божеству,—вотъ истинная свобода. Въ насъ насаждены зародыши всѣхъ возрастовъ и всякаго знанія, и Божество, само руководя нашимъ воспитаніемъ, вызываетъ духовныя способности изъ сокровенныхъ тайниковъ ихъ, ибо само оно не можетъ произвести ничего болѣе высокаго, какъ вполнѣ добродѣтельнаго человѣка. Стезя добродѣтели ведетъ къ небу путемъ умѣренности, воздержности и храбрости.

Такимъ образомъ Сенека посредствомъ воспитанія пы-

тается водворить добродѣтель въ возростающемъ поколѣніи, видя своими глазами какъ оно нисходитъ въ бездну гибели Горько сѣтуетъ онъ на нравственную порчу юношества въ Римѣ, особенно въ высшихъ классахъ,—на алчность къ наслажденію и необузданность, въ виду которыхъ теряешь чуть не всякую надежду. Онъ сѣтуетъ на то, что молодые люди изъ знатнѣйшихъ родовъ пристаютъ къ скоморохамъ, тогда какъ учителя свободныхъ искусствъ, лишенные слушателей, одиноко сидятъ по своимъ угламъ, и школы краснорѣчія и философіи обратились въ пустыни. „Взгляни на юношей изъ знатнѣйшихъ домовъ: безпутство привело ихъ на арену, они взаимнымъ блудомъ удовлетворяютъ какъ своей, такъ и чужой похоти, и ни одинъ день у нихъ не проходитъ безъ кутежа, ни одинъ день безъ гнусной продѣлки". „Развѣ не наперекоръ природы живутъ тѣ, что̀ напиваются уже натощакъ, наполняютъ виномъ порожнія еще жилы и въ пьяномъ уже видѣ садятся за столъ? А это самый обычный порокъ молодыхъ людей, желающихъ изощрить свои силы. Они извращаютъ весь порядокъ дня и вытираютъ отекшіе отъ вчерашняго хмѣля глаза — только съ наступленіемъ ночи".

Назначеніе человѣка по мнѣнію Сенеки двоякое: наблюдать и дѣйствовать. И то и другое должно быть развиваемо въ человѣкѣ. Ибо какъ нельзя одобрить, если человѣкъ живетъ только вовнѣ, безъ любви къ добродѣтелямъ, безъ выработки духа, предаваясь дѣятельности только для другихъ; точно такъ же и внутреннія преимущества, лежащія впустѣ, не проявляя наружу того, чему они научились, составляютъ неполное, лишенное всякой жизненности благо. Добродѣтель должна на дѣлѣ испытать свой ростъ и перенести въ дѣйствительность добытое изслѣдованіемъ —

Какъ въ дисциплинѣ, такъ точно и въ обученіи надлежитъ соблюдать мѣру. Дѣло не въ наружномъ видѣ и блескѣ, а во внутреннемъ образованіи. Къ чему такое множество книгъ и библіотекъ, когда владѣлецъ во всю свою жизнь едва ли пробѣжитъ даже ихъ списки? Изобиліе обременительно, а отнюдь не поучительно для учащагося, и гораздо лучше посвятить себя немногимъ авторамъ, нежели разбрасываться по многимъ. Изучая науки, не слѣдуетъ надергивать то тутъ, то тамъ, ни также браться жадно за все разомъ. По частямъ достигается цѣлое. Трудъ надлежитъ соразмѣрять съ силами и не слѣдуетъ налагать на воспитанника болѣе того, что онъ въ состояніи выполнить. Безполезные предметы надо прямо исключить изъ преподаванія. Изъ древности одно лишь знаніе того, что обслѣдовано философами и чему они учили, пролагаетъ намъ путь къ жизни и выноситъ насъ за предѣлы человѣческой

немощи. А чтобы человѣку дать средства въ руки, да сможетъ онъ стать превыше невзгодъ земныхъ,—для этого необходимы воспитаніе и обученіе. Мы учимъ нашихъ сыновей свободнымъ искусствамъ, не потому чтобы они могли надѣлить добродѣтелью, но потому что они пріуготовляютъ духъ къ восприятію добродѣтели и пролагаютъ ей дорогу. Правда, теоретическія правила сами по себѣ не сильны уничтожить дурное состояніе духа; но они все-таки полезны, ибо укрѣпляютъ вопервыхъ память и разлагаютъ потомъ неясные и разбросанные элементы на ихъ части; хотя бы увѣщаніе и не поучало, оно все-таки дѣлаетъ насъ внимательными, возбуждаетъ насъ и не даетъ намъ навсегда заснуть. Поученія, особенно если они предлагаются въ короткихъ изреченіяхъ или въ стихахъ, питаютъ и развиваютъ силы духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ они къ врожденнымъ идеямъ присовокупляютъ новыя и исправляютъ дурныя.

При чтеніи надлежитъ твердо помнить основное правило: Не разбрасывайся черезъ чуръ! Кто вездѣ, тотъ нигдѣ. Для здоровья нѣтъ ничего вреднѣе слишкомъ частой перемѣны цѣлебныхъ средствъ: въ такомъ случаѣ рана никогда не заживаетъ, все равно какъ и растеніе никогда не окрѣпнетъ, если его пересаживать слишкомъ часто. Ошибаются тѣ, кто думаетъ споспѣшествовать своему образованію, читая по возможности больше. Такимъ образомъ цѣль достигается тѣмъ менѣе, что множество книгъ только развлекаютъ духъ. Поэтому слѣдуетъ придерживаться преимущественно лучшихъ авторовъ и изъ нихъ ежедневно извлекать какое либо поученіе. Изучая автора, надо держаться троякой точки зрѣнія, — грамматика, филолога и философа, такъ чтобы сперва обращать вниманіе на сходство и различіе формъ и понятій, потомъ дѣлать замѣтки касательно исторіи и древности, наконецъ вникать въ глубокій смыслъ сказаннаго и давать прочитанному такое примѣненіе, чтобы умъ и сердце извлекали изъ него нравственную пользу.

Въ особенности полезно изученіе природы. Ибо человѣкъ по его высокому предназначенію призванъ познать зиждительность Божества и урядить свою жизнь сообразно съ этимъ познаніемъ. Но зиждительность вѣчнаго Творца, Законодателя, Вседержителя и Судьи міроздания мы можемъ постичь лишь настолько, насколько проникнемъ въ нѣдра естества. Вѣдь мудрость и состоитъ въ томъ, чтобы не уклоняться отъ ясно сознанныхъ законовъ природы, а напротивъ, чтобы изъ убѣжденія, по доброй волѣ слѣдовать ея уряду и образцу. А этого можно достичь только тогда, когда духъ постоянно здоровъ, крѣпокъ, бодръ, чистъ и спокоенъ, когда онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ, что принадлежитъ къ жизни, ничему не придаетъ цѣны свыше достоинства, принимаетъ дары неба, не подчиняясь имъ раб-

ски. Ко всему же этому ведетъ насъ изученіе природы, также геометріи и астрономіи, хотя и ту и другую слѣдуетъ причислить къ тѣмъ наукамъ, знаніе которыхъ легко улетучивается, если не заниматься ими постоянно.

Вообще не всякій способенъ заниматься серьёзными науками. За трудныя и многообразныя занятія не слѣдуетъ приниматься именно такимъ людямъ, которые склонны раздражаться; или же они должны по крайней мѣрѣ заниматься ими лишь настолько, чтобы не напрягать себя черезъ чуръ. Имъ слѣдовало бы скорѣе предаться пріятнымъ наукамъ и искусствамъ. Чтеніе стиховъ успокоитъ ихъ духъ, а исторія развеселитъ ихъ разными побасенками. Музыка также способна вселить въ душу кроткія чувства. Какъ зелень освѣжаетъ больное зрѣніе, такъ и для больной души благодѣтельно развлекающее занятіе науками.

Тѣлесныя упражненія полезны, когда они умѣренны; но вредны, когда черезъ чуръ сильны, и образуютъ атлетовъ. Ибо послѣдніе истощаютъ свой духъ и дѣлаютъ его неспособнымъ къ наукѣ. Принимайся впрочемъ за какое хочешь тѣлесное упражненіе, но отъ него всегда переходи тотчасъ же къ ученію. Изощряй умъ и денно и нощно. Умѣренный трудъ укрѣпляетъ его. Ни холодъ, ни зной, ни даже сама старость не помѣшаютъ тебѣ упражнять его. Пекись о такомъ благѣ, которое съ годами становится все лучше. Такое попеченіе о духѣ должно начаться уже съ ранней молодости. Правда, духъ ребенка еще вѣтренъ, легко возбуждаемъ и подчиняется воображенію. Но дѣтскій возрастъ самый пріятный, ибо подобно тому какъ изъ кубка вытекаетъ сперва самая чистая влага, оставляя за собою мутную, такъ и въ человѣческой жизни первый періодъ самый лучшій. Юноша чувствуетъ сначала всегда сильный порывъ ко всему доброму, когда его кто-либо поощряетъ и подстрекаетъ, ибо нѣжный и молодой нравъ весьма легко поддается любви къ добру и правдѣ, и пока онъ еще переимчивъ и мало испорченъ, до тѣхъ поръ истина легко привлекаетъ его.

Неизмѣримую заслугу оказываетъ учитель, наставляющій юношество на путь истины. „Тѣ благородныя стремленія и то умственное образованіе, какія передаетъ учитель, обучающій насъ наукамъ, стòятъ дороже того, чтò даютъ за это, ибо ему платятъ вѣдь не за предметъ, а только за трудъ, не за услугу, а за работу, и еще дороже, если онъ въ то же время нашъ другъ (—ибо духовное общеніе сопровождается также и дружескимъ отношеніемъ—) и снискалъ себѣ полное право на нашу благодарность не столько за свое искусство, сколько за свои добро-

желательныя и дружелюбныя намѣренія. Того, кто сообщаетъ намъ все свое и возбуждаетъ наши дремлющія способности, мы должны чтить высоко, наравнѣ съ доброжелательнымъ врачемъ и съ нашими любимыми и ближайшими родственниками".

Среди эпохи вполнѣ огрубѣлой, когда честолюбіе, зависть, сладострастіе и распутство, похоти и вожделѣнія всякаго рода разыгрались на аренѣ погибавшаго міра, Сенека является поборникомъ добродѣтели, и въ качествѣ ревнителей этическаго образованія къ нему пріобщаются Квинтиліанъ, Тацитъ, старшій и младшій Плиній, отстаивая простоту и добродѣтель, строго и смѣло вступая въ борьбу съ невѣжествомъ, порокомъ и всякою низостью. Тацитъ въ своихъ сочиненіяхъ даетъ много намековъ на систему воспитанія какъ современн й ему, такъ и прежней эпохи. Особенно же въ своемъ „Агриколѣ" начерталъ онъ картину воспитанія, какое знатныя семейства Рима пытались поддержать въ виду всеобщаго упадка нравовъ. Агрикола по смерти отца былъ заботливо воспитанъ матерью. Она велѣла обучать его всѣмъ наукамъ и искусствамъ. Потомъ отправила его въ Массилію, гдѣ съ греческою пріятностью соединялась провинціальная бережливость. Въ юности своей онъ глубоко вникъ въ изученіе философіи. Онъ началъ военную службу въ Британіи, гдѣ полководецъ Светоній Павлинъ удостоилъ его довѣрія. — Плиній Секундъ въ своемъ естественноисторическомъ твореніи также далъ превосходные очерки вполнѣ измѣнившихся нравовъ послѣдняго вѣка и чрезмѣрной пышности, какая окружала дѣтей уже съ самаго ихъ рожденія.—Еще важнѣе младшій Плиній Цецилій Секундъ, много распространяющійся въ своихъ „Письмахъ" о воспитаніи, обученіи и школахъ, о нравственномъ поведеніи современной ему молодежи, о занятіяхъ, чтеніи лекцій, сочиненіяхъ, библіотекахъ и пр. Впрочемъ ни оба Плинія, ни Тацитъ не излагаютъ теоріи воспитанія. Потому-то между этими поборниками добродѣтели первое мѣсто въ теоріи воспитанія занимаетъ

Маркъ Фабій Квинтиліанъ,

установившій въ своихъ реторическихъ Правилахъ (Institutiones) полную теорію для образованія оратора и вмѣстившій въ нее важныя замѣтки касательно воспитанія и обученія вообще; онъ обращалъ вниманіе на воспитаніе съ ранней молодости, исходя отъ убѣжденія, что витійству отнюдь не чуждо все то, что способствуетъ образованію оратора, и что поэтому за образованіемъ витіи необходимо слѣдить съ молодости и до выступленія его на общественное поприще въ болѣе

зрѣлые года. Квинтиліанъ родился въ 42-мъ г. послѣ Р. Х. въ Калагуридѣ въ Испаніи, но рано уже переселился въ Римъ и сдѣлался тамъ однимъ изъ величайшихъ ораторовъ. Будучи сначала адвокатомъ, онъ впослѣдствіи предпочелъ поприще публичнаго преподавателя краснорѣчія, и въ этомъ званіи въ теченіе 20 лѣтъ пользовался такою славою, что знаменитѣйшіе Римляне, между прочимъ Флавія Домицилла, дочь императора Домиціана, посѣщали его лекціи, а императоръ въ награду за его дѣятельность даровалъ ему сперва широкую пурпуровую кайму, а потомъ консульское достоинство. Квинтиліанъ былъ первымъ преподавателемъ, получавшимъ окладъ изъ государственной казны и носившимъ титулъ Professor Eloquentiae. Свои Правила написалъ онъ по смерти супруги и сына, дабы обезпечить оставшагося единственнаго своего сына, образованію котораго онъ всецѣло посвятилъ себя, на случай, если умретъ самъ, не довершивъ его воспитанія.

Основывая свои идеи на Платонѣ, онъ въ своихъ правилахъ воспитанія обнаруживаетъ практическаго Римлянина, относившаго все къ требованьямъ и нуждамъ дѣйствительной жизни. Онъ желаетъ поэтому, чтобы умственное образованіе начиналось не съ 7-ми лѣтняго возраста, какъ хотѣлъ Гезіодъ, но съ самаго ранняго возраста исподоволь и постепенно, по мѣрѣ того, какъ развиваются душевныя способности ребенка; при этомъ само собою разумѣется, что не слѣдуетъ слишкомъ рано возлагать на дѣтей постоянныхъ занятій и такимъ образомъ отвращать ихъ отъ ученія; напротивъ, надо вести ихъ образованіе заодно съ играми и на играхъ.

Съ особенною осмотрительностью слѣдуетъ избирать нянюшекъ, для чего лучше всего брать Гречанокъ. Главное дѣло состоитъ въ ихъ нравственномъ характерѣ, ибо въ продолженіе трехлѣтней дѣятельности своей онѣ должны печься не только о тѣлесномъ уходѣ, но также и о духовномъ развитіи дѣтей. Потому имъ надлежитъ быть смышлеными и осмотрительными. — Товарищи, въ средѣ которыхъ ростетъ подающій большія надежды питомецъ, также недолжны оказывать на него вреднаго вліянія ни своими рѣчами, ни нравственнымъ поведеніемъ. — Педагоги, хотя и не обладающіе ученостью — что впрочемъ было бы напротивъ весьма желательно, — должны по крайней мѣрѣ сознавать, что они неучевые. Первоначальные воспитатели должны по малой мѣрѣ быть въ состояніи заняться первоначальнымъ преподаваніемъ языка.

Такъ какъ латинскій языкъ изучается въ обиходѣ и въ самой жизни и имѣетъ своимъ корнемъ греческій, то преподаваніе языковъ должно начаться съ греческаго; но дабы устранить вредное вліяніе односторонней при-

вычки къ чуждымъ звукамъ, вскорѣ къ этому присоединяется преподаваніе латинскаго языка и продолжается по возможности наровнѣ съ первымъ. Вездѣ и всегда слѣдуетъ обращать надлежащее вниманіе на свойства и способности различныхъ возрастовъ. Такъ какъ во всѣхъ предметахъ обученія первыя начала бываютъ обыкновенно дѣломъ памяти, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ принять за общее основное правило—начинать преподаваніе по возможности ранѣе, хотя бы даже только играя. Обучаясь чтенію дѣти должны разомъ знакомиться какъ съ изображеніемъ, такъ и съ названіемъ буквъ, ибо начинать съ одного лишь послѣдняго—что для слоговъ было бы пожалуй и цѣлесообразно—только сбиваетъ съ толку, оттого что тутъ не достаетъ живой внѣшней наглядности. Обучая чтенію, отнюдь не слѣдуетъ слишкомъ спѣшить, пока ребенокъ не въ состояніи безъ запинки связывать между собою буквы, потомъ изъ складовъ составлять слова, а изъ послѣднихъ наконецъ связную рѣчь; повѣрить нельзя, какъ вслѣдствіе поспѣшности замедляется чтеніе, ибо принимаясь за что либо сверхъ силъ, дѣти начинаютъ недоумѣвать, запинаться, повторять, а если часто ошибаются, то перестаютъ довѣрять даже тому, что уже и знаютъ. Итакъ чтеніе прежде всего должно быть твердое, а затѣмъ связное, безъ запинокъ, пока наконецъ упражненіемъ не достигнется правильная быстрота. Коль скоро при письмѣ дѣти въ состояніи выводить черты буквъ, то цѣлесообразно врѣзать ихъ тщательно въ доску. дабы грифель проводился какъ бы по этимъ бороздамъ. Ребенокъ, слѣдя такимъ образомъ скорѣе и чаще по точно начертаннымъ бороздамъ, развиваетъ свои пальцы, и тогда нѣтъ уже надобности водить рукою его. Буквы слѣдуетъ писать всѣ сподрядъ, а не откладывать труднѣйшихъ, дабы послѣ не затрудняться при письмѣ словъ. Прописанныя дѣтямъ строки должны заключать въ себѣ не пустыя сентенціи, но какое либо нравственное правило. Все, что усвоивается такимъ путемъ памятью, сохраняется до старости, и впечатлѣніе на неразвившуюся еще душу оказываетъ свое вліяніе на нравы впослѣдствіи.

Надлежитъ съ раннихъ лѣтъ возбуждать честолюбіе ребенка: его слѣдуетъ хвалить, и пускай его всякій разъ радуется, когда онъ зналъ что нибудь хорошо; мало того: если онъ иногда неохотно учится, то надо возбудить въ немъ ревность, обучая при немъ другого ребенка. Крайне ошибочна обыкновенная жалоба, будто изъ людей немногіе лишь одарены отъ природы способностью понимать то, чему ихъ учатъ, и будто большею частью втуне тратится трудъ и время на тугой къ воспріятію умъ ихъ. Напротивъ, оказывается, что бо̀льшая часть людей проявляютъ отличную способность къ мышленію и ученью. Ибо какъ птицѣ врождена способность летать, коню быстрота бѣга, а хищнымъ звѣрямъ неукротимая лютость, такъ точно и человѣку свой-

ственны отъ природы способность мыслить и подвижность духа вообще. Правда, у одного человѣка бываетъ больше дарованій нежели у другого, но лишь въ томъ отношеніи, что одинъ въ силахъ сдѣлать болѣе или менѣе другого. Первымъ и важнѣйшимъ признакомъ отличныхъ духовныхъ способностей, особенно у маленькихъ дѣтей, служитъ память, которая не только легко усвоиваетъ себѣ что-либо, но также твердо удерживаетъ и воспроизводитъ это. Вторымъ признакомъ служитъ подражаніе; ибо понятливость обнаруживается уже тѣмъ, если молодые люди пытаются вновь примѣнить къ дѣлу то, что видятъ. Хорошо одаренный будетъ притомъ благонравенъ и въ то же время свободенъ отъ сонливой лѣни. Онъ усвоитъ себѣ безъ труда все, чему будутъ учить его. Онъ любознательно будетъ спрашивать обо многомъ, идя впрочемъ больше вслѣдъ за учителемъ, а не забѣгая впередъ; ибо отъ слишкомъ ранняго умственнаго расцвѣта не легко дождешься плода: быстрое развитіе съ раннихъ лѣтъ радуетъ насъ конечно, однако вскорѣ затѣмъ оно застаивается и вмѣстѣ съ этимъ остываетъ также и удивленіе постороннихъ.

Испытавъ способности ученика, учитель долженъ обсудить, какъ надлежитъ обращаться съ его духомъ. Нѣкоторые лѣнятся, если не подгонять ихъ, а другіе не терпятъ повелительнаго голоса. Нѣкоторыхъ сдерживаетъ страхъ, а другихъ онъ лишаетъ бодрости. Иныхъ губитъ постоянное напряженіе. А на другихъ оно дѣйствуетъ наоборотъ и ободряетъ ихъ еще болѣе. Я впрочемъ желалъ бы себѣ въ ученикѣ такой характеръ, который подстрекала бы похвала, поощряло бы отличіе, и который плакалъ бы, убѣдясь въ своихъ ошибкахъ. Честолюбіе поддержитъ его прилежаніе, выговоръ подстрекнетъ его, а почетъ поощритъ. — Знать духовныя способности и сообразоваться съ ними необходимо также и для обученія. Ибо у одного могутъ быть отличныя наклонности къ исторіи, у другого къ стихотворству, у третьяго къ правовѣдѣнью, тогда какъ нѣкоторыхъ всего лучше бы отправить къ плугу. Если обнаружится врожденная хорошая черта, то слѣдуетъ не пренебрегать ею, а напротивъ усиливать ее и дополнять то, чего въ ней недостаетъ. При этомъ надлежитъ рѣшительно избѣгать двухъ ошибокъ! не слѣдуетъ браться за невыполнимое и не слѣдуетъ отвлекать ученика отъ того, къ чему онъ болѣе способенъ, и направлять къ тому, что ему менѣе свойственно. Необходимо быть снисходительнымъ къ слабому уму, такъ чтобы вести его лишь туда, куда влекутъ его наклонности, ибо въ такомъ случаѣ онъ по крайней мѣрѣ въ состояніи будетъ исполнить то, къ чему онъ единственно способенъ. Если напротивъ того передъ нами плодовитый умъ, подающій надежду сдѣлаться ораторомъ, напримѣръ, то мы не должны скры-

вать отъ него никакихъ слабыхъ сторонъ краснорѣчія.—Какъ въ обученіи, такъ и въ воспитаніи вообще слѣдуетъ обращаться съ дѣтьми снисходительно, лишь бы не преступать при этомъ мѣры: отказывая въ снисхожденіи вполнѣ, мы возбудимъ ненависть къ наукамъ; а доводя его до крайности, пріучимъ къ тунеядству. По временамъ необходимъ бываетъ отдыхъ, потому именно что охота къ занятіямъ обусловливается волею, которую нельзя насиловать, и потому что дѣти, отдохнувъ, приступятъ къ ученію съ болѣе свѣжими силами и съ болѣе бодрымъ духомъ, которому противно всякое насиліе. Игривость также служитъ признакомъ живого ума; я, напротивъ того, не надѣюсь, чтобы тѣ, которые постоянно скучаютъ и задумываются, обнаружили охоту при ученіи. Игры способны даже изощрять умъ молодыхъ людей, наприм. если они затѣятъ между собою состязаніе по поводу разныхъ мелкихъ вопросовъ. Притомъ въ играхъ характеръ обнаруживается въ своемъ настоящемъ видѣ, если только и въ этомъ случаѣ мы также убѣдимся, что ранняя молодость вовсе не такъ ужь слаба для пониманія того, что позволительно и что нѣтъ, и что напротивъ — она воспринимаетъ лучшее образованіе, именно пока еще неспособна къ притворству и охотнѣе всего повинуется своему наставнику. Отнюдь не слѣдуетъ прибѣгать къ тѣлесному наказанію. Бить дѣтей значитъ: сперва не пріучить ихъ къ добру и правдѣ, а потомъ наказывать за упущеніе того и другой. Если ребенка принудили къ чему либо побоями, то что же дѣлать съ юношей, къ которому уже не примѣнимъ болѣе страхъ и который долженъ изучать важнѣйшіе предметы? При побояхъ стыдъ терзаетъ душу, принижаетъ ее и легко дѣлаетъ ее робкою. Кого не исправишь увѣщаніями, тотъ, подобно дурному рабу, закаленъ даже отъ всякихъ побоевъ. Тѣлесное наказаніе введено лишь вслѣдствіе нерадѣнія учителей: при бдительномъ надзорѣ за занятіями оно оказывается излишнимъ.

Хорошій учитель рѣшительно необходимъ съ самаго начала воспитанія. Наставникъ и учитель долженъ имѣть родительскую любовь къ своимъ питомцамъ, ибо онъ не долженъ забывать, что замѣняетъ собою тѣхъ, кто поручилъ ему своихъ дѣтей. Самъ онъ да будетъ безъ погрѣшностей и да не терпитъ ихъ. Его степенность не должна страшить, его веселость не должна быть черезчуръ игрива, дабы первая не возбудила ненависти, а вторая презрѣнія. Ни о чемъ онъ не долженъ говорить такъ часто и съ такимъ жаромъ, какъ о благоприличіи и нравственности. Онъ не долженъ предаваться гнѣву, но все таки ему не слѣдъ поблажать въ томъ, что подлежитъ исправленію. Воздавая хвалу, онъ долженъ относиться только къ дѣлу, быть твердымъ и настойчивымъ въ своихъ поступкахъ, охотно

отвѣчать на вопросы, всегда сообразоваться съ свойствами своихъ учениковъ; онъ не долженъ быть ни слишкомъ падкимъ на порицаніе, ни слишкомъ щедрымъ на похвалу; разбирая сочиненія учениковъ, онъ долженъ воздерживаться отъ всякой колкости и злорѣчья. Мнѣніе, будто для начала даже посредственный учитель довольно хорошъ, совершенно ложно. Напротивъ, именно тутъ-то и слѣдуетъ пріискать опытнѣйшихъ учителей, а иначе будемъ вынуждены въ ущербъ воспитанію, и слѣдовательно также въ ущербъ самимъ дѣтямъ, возложить на позднѣйшихъ лучшихъ наставниковъ двойное бремя, вопервыхъ устранять уже усвоенное дѣтьми негодное, а вовторыхъ преподавать имъ новое. Сверхъ того каждому изъ учителей необходимо хорошо ознакомиться съ теоріею преподаванія, такъ чтобы онъ могъ снизойти къ учащемуся и, слѣдя шагъ за шагомъ за его успѣхами, восходить съ нимъ къ высшимъ ступенямъ. Всего понятнѣе обыкновенно то, что преподается наиболѣе просвѣщеннымъ изъ учителей, и напротивъ, все кажется неяснымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ скуднѣе чьи-либо личныя познанія. Главное дѣло: чѣмъ просвѣщеннѣе учитель, тѣмъ болѣе будетъ онъ служить образцомъ для наиболѣе прилежныхъ учениковъ и тотчасъ же исправлять всякіе промахи.

Чѣмъ добросовѣстнѣе сами учителя исполняютъ свои обязанности, тѣмъ болѣе подобаетъ ученикамъ считать и уважать ихъ какъ своихъ духовныхъ родителей. Ибо такое уваженіе обусловлено не только взаимнымъ естественнымъ отношеніемъ, но оно споспѣшествуетъ также дѣлу образованія, такъ какъ ученики съ большею довѣрчивостью относятся къ словамъ уважаемыхъ ими учителей, сильнѣе привязываются къ нимъ, охотнѣе слушаютъ ихъ уроки и ревностнѣе стараются своимъ прилежаніемъ и нравственностью заслужить ихъ одобреніе. Учащіе и учащіеся должны содѣйствовать другъ другу, а иначе одно дѣйствіе безъ другого недостаточно.

Когда ребенокъ принимается за настоящее ученіе, то его слѣдуетъ передать общественнымъ школамъ и учителямъ. Въ пользу частнаго воспитанія говорилось, правда, что оно надежнѣе и скорѣе ведетъ къ цѣли, оттого что для нравственности дѣтей полезнѣе, если въ возрастъ, наиболѣе склонный къ погрѣшностямъ, держать ихъ подалѣе отъ толпы, и оттого что учитель можетъ оказать болѣе сильное вліяніе, если посвятитъ свое время и свои силы на одного ученика. Хотя сообщество многихъ чужихъ дѣтей часто вредитъ нравственности, но вѣдь и дома она часто также подвергается опасности со стороны дурныхъ домашнихъ учителей и рабовъ, какъ бы впрочемъ хороши ни были родители. Вообще все зависитъ отъ наклонности

каждаго ребенка и отъ обращенія съ нимъ другихъ. Если къ преобладающей дурной наклонности присоединится небрежность относительно возбужденія и сохраненія юношескаго цѣломудрія и стыда, то одиночество представитъ столько же случаевъ къ распутству, какъ и общество. Если же на лицо имѣется добрый нравъ, и родители не предаются слѣпой безпечности, то всегда можно выбрать лучшихъ учителей и самый строгій надзоръ, а сверхъ того приставить къ сыну старшаго друга или вольноотпущенника въ качествѣ надежнаго руководителя. Въ такомъ случаѣ можно частное преподаваніе соединить съ общественнымъ; если же это неисполнимо, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть свѣтъ хорошей школы мрачному одиночеству домашняго воспитанія, ибо всякій дѣльный учитель поощряется бо́льшимъ количествомъ учениковъ, тогда какъ менѣе способный, чувствуя свое безсиліе, льнетъ обыкновенно къ единичнымъ ученикамъ и не сочтетъ ниже своего достоинства занять нѣкоторымъ образомъ должность педагога (гувернёра). Сверхъ того, ученикъ дома учится только тому, что ему лично говорится, а въ школѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и тому, что говорится другимъ, а изъ этого, будь то похвала или порицаніе, можетъ и для него также выйти нѣкоторая польза. Притомъ же тутъ возбуждается честолюбіе, а это хотя и порокъ само по себѣ, но часто бываетъ также источникомъ добродѣтелей. „Я собственнымъ опытомъ убѣдился въ превосходствѣ метода моихъ учителей, которые раздѣляли мальчиковъ на нѣсколько классовъ и заставляли ихъ, смотря по способностямъ, говорить рѣчи, причемъ положительно судили о бо́льшихъ или меньшихъ успѣхахъ каждаго изъ учениковъ. За пальму первенства состязались чрезвычайно горячо; а быть первымъ въ классѣ считалось выше всего на свѣтѣ. Состязаніе возобновлялось каждые 30 дней, дабы побѣдитель не опустился, а побѣжденный подстрекался тщеславіемъ смыть испытанный позоръ“. Кто обучался въ одиночествѣ, тотъ, выступивъ съ своими познаніями въ жизнь, будетъ какъ бы ослѣпленъ яркимъ солнечнымъ блескомъ и станетъ въ тупикъ при всякой для него новости. Вмѣстѣ съ тѣмъ умъ его въ одиночествѣ либо захилѣетъ и какъ бы заржавѣетъ, либо, наоборотъ, станетъ напыщеннымъ вслѣдствіе пустого воображенія, такъ какъ ему не съ кѣмъ сравнивать себя.

Когда дитя достигло нѣкотораго навыка въ чтеніи и письмѣ, то приступаютъ къ преподаванію грамматики, имѣющей цѣлью научить вѣрно говорить и писать, и сверхъ того развивать правильное сужденіе. Для этого недостаточно читать лишь кое-какіе образцы. Надлежитъ изучать всякаго рода сочиненія, не только ради ихъ содержанія, но также и ради отдѣльныхъ словъ и выраженій, которыя такъ часто изобрѣтаются и вводятся иными писателями.

Къ тому же, при болѣе совершенной грамматикѣ критика не можетъ обойтись безъ философіи, такъ какъ множество мѣстъ даже у поэтовъ основано на самомъ глубокомъ знаніи природы. Музыкальное образованіе необходимо ради метровъ и ритма. Для чтенія требуется также знаніе краснорѣчія, дабы умѣть отчетливо и обильно распространяться обо всемъ.

Для того чтобы понять писателя, помимо знанія буквъ, ихъ раздѣленія, различія, сродства, слоговъ, словъ и частей рѣчи, необходимо умѣть склонять и спрягать, надлежащимъ образомъ повышать и понижать голосъ, а также ставить знаки препинанія. Пуще всего надлежитъ привыкать къ толковому мужественному чтенію, въ которомъ нѣжная прелесть соединялась бы съ строгимъ достоинствомъ, не отбарабанивать поэтовъ какъ холодную прозу, да и не вдаваться въ пѣвучую декламацію. При самомъ чтеніи чуткія души, надѣленныя болѣе высокимъ призваніемъ, нежели грубая, невѣжественная толпа, должны поучаться не только прекрасному, но также и нравственно доброму. Потому достоинъ похвалы обычай начинать чтеніе тотчасъ же съ Гомера и Виргилія. Трагическіе поэты въ свою очередь тоже приносятъ пользу. Лирическіе питаютъ духъ не менѣе тѣхъ. Но изъ нихъ слѣдуетъ сдѣлать цѣлесообразный выборъ извѣстныхъ стихотвореній, ибо они зачастую пѣли слишкомъ вольно, а многія мѣста изъ Горація я даже и вовсе не хотѣлъ бы разбирать. Элегію, по крайней мѣрѣ содержащую любовныя объясненія и забавныя шуточки, слѣдуетъ совершенно устранить. Но болѣе всего надлежитъ читать комедіи, лишь бы онѣ были нравственны. Особенно слѣдуетъ предпочитать древнихъ латинскихъ писателей, — несмотря на то, что у нихъ умъ работалъ болѣе, нежели искусство,—особенно ради богатства словъ, которыя въ трагедіяхъ отличаются строгимъ достоинствомъ, а въ комедіяхъ остроуміемъ и аттическимъ изяществомъ. При чтеніи въ слухъ надо требовать, чтобы нѣкоторыя мѣста изъ поэтовъ повторялись прозою и чтобы ученики давали отчетъ о свойствахъ стопъ. Потомъ слѣдуетъ замѣчать все чуждое, неестественное въ способѣ выраженія, все что погрѣшаетъ противъ правилъ языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ указывать, въ какихъ разныхъ смыслахъ можетъ быть понимаемо каждое слово и какія словосочетанія необыкновеннѣй. Пусть грамматикъ учитъ также разбирать тропы. Но прежде всего юному уму надлежитъ твердо усвоить себѣ все, что относится къ возможной красотѣ плана и къ надлежащему описанію предмета, что отвѣчаетъ характеру дѣйствующихъ лицъ, что въ чувствахъ и словахъ достойно подражанія, гдѣ все это находится въ полномъ обиліи, и гдѣ въ умѣренной степени.

По усвоеніи первыхъ основныхъ правилъ языка, слѣдуетъ

приступить къ предварительнымъ упражненіямъ въ стилѣ, приличнымъ возрасту, которому не подъ силу еще трудныя занятія. Сюда отношу я между прочимъ то, чтобы начинающему чистымъ слогомъ, невыходящимъ за предѣлы обыденной рѣчи, расказывались Эзоповы басни, которыя по легкости своей непосредственно слѣдуютъ за расказами старыхъ нянекъ; чтобы затѣмъ ученикъ письменно излагалъ ясное содержаніе расказаннаго, переложивъ сперва стихи въ прозу, потомъ объяснивъ ихъ другими словами и попытавъ такимъ образомъ письменно перефразировать ихъ, причемъ иное можетъ быть выражено короче, иное разукрашено, лишь бы мысль поэта оставалась та же. Общія предложенія, нравственныя и историческія описанія, по данному предварительному для того очерку,—также весьма полезныя упражненія для юношества. Слѣдуетъ изучать короткіе разработанные поэтами разсказы, не для того собственно, чтобы усовершенствовать свой слогъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы ознакомиться съ ними.

До поступленія своего въ реторическую школу мальчикъ долженъ обучаться еще другимъ предметамъ такъ-называемаго энциклопедическаго преподаванія. А именно музыка весьма полезна не только относительно словосочетанія и модуляцій голоса, но и потому также, что она вноситъ эвритмію (благомѣрность) въ жесты Сюда конечно относится одна только мужественная музыка, воздающая хвалу доблестнымъ мужамъ и болѣе всего содѣйствующая возбужденію и смягченію страстей. Геометрія развиваетъ умъ въ формальномъ отношеніи, изощряетъ дарованіе, способствуетъ быстротѣ соображенья. Потому-то она вмѣстѣ съ ариѳметикой необходима не только для практическаго оратора, но также еще и вслѣдствіе ея довольно близкаго сродства съ краснорѣчіемъ, а именно въ отношеніи выводовъ и заключеній. Ораторъ поэтому никакъ не можетъ обойтись безъ знанія математики. Небезполезно сверхъ того для мимики и вообще для жестовъ и осанки пріобрѣсти съ помощью тѣлесныхъ упражненій и танцевъ ловкость и подвижность. Грамматикъ болѣе всего долженъ добиваться внятнаго, яснаго и чистаго выговора и обращать вниманіе на то, чтобы окончанія договаривались вполнѣ и чтобы жесты отвѣчали голосу, а взглядъ, который слѣдуетъ соблюдать и строго уряжать, въ свою очередь отвѣчалъ жестамъ. Всему этому надлежитъ учиться въ подходящихъ мѣстахъ изъ комедій. Если мальчики читаютъ ораторовъ и въ состояніи прочувствовать красоту ихъ, то имъ надлежитъ заучивать наизустъ избранныя мѣста и говорить ихъ стоя ясно и съ надлежащими жестами, дабы, произнося такимъ образомъ рѣчь, упражнять голосъ и память. Отнюдь не надо думать, будто раннія занятія столь разнородными предметами запутыва-

ютъ и утомляютъ юношескій духъ, ибо человѣческій духъ вообще подвиженъ и быстръ, такъ что онъ въ состояніи заниматься не однимъ только предметомъ, но равно устремлять свои силы на нѣсколько вещей въ одно и то же время, ибо при смѣнѣ занятій онъ крѣпнетъ, отдыхаетъ и сохраняетъ надлежащую свѣжесть для всего, за что бы мы ни принялись, тогда какъ гораздо труднѣе справляться все съ одною и тою же работою.

Реторическое преподаваніе должно тѣсно примыкать къ грамматическому. У граматика главный предметъ преподаванія поэзія и лежащее въ основѣ ея содержанье, у ритора же приступаютъ къ подлинной исторіи, требующей силы тѣмъ болѣе, чѣмъ выше ея истина. При этомъ отъ начинающаго нельзя ни требовать, ни ожидать безошибочнаго расказа. Наибольшія надежды однако подаетъ бодрый умъ, который свободно отваживается на что-либо, хотя бы и бралъ на себя слишкомъ много, который изобрѣтаетъ и радуется своимъ изобрѣтеньямъ, хотя бы они и не всегда были вполнѣ вѣрны. Противъ избытка легко найти средство; тогда какъ безплодіе не оживишь никакими стараніями. Я мало возлагаю надежды на умъ такихъ юношей, у которыхъ разсудокъ развитъ прежде остроумія. Потому, я требую даже, чтобы первыя попытки его изобличали избытокъ мыслей и били лучше черезъ край. Бо́льшая часть лишняго со временемъ утратится, многое сгладитъ опытъ, а остальное исчезнетъ само собою при продолжительномъ упражненіи, только бы съ самаго начала не утонить металла до того, что при чеканкѣ онъ сломается. Молодые умы вообще не слѣдуетъ обезнадеживать черезчуръ строгими поправками. Иначе они легко падаютъ духомъ, начинаютъ унывать, и наконецъ ими овладѣваетъ отвращеніе, а, что всего хуже, находясь постоянно подъ страхомъ, они ни на что болѣе не отваживаются. Смотря по возрасту корректура также должна быть различная, и сочиненіе слѣдуетъ разбирать и обсуждать, сообразуясь съ силами. Расказы составляютъ первый матеріалъ для упражненій въ стилѣ. Къ нимъ можно присовокупить упражненіе въ возраженіяхъ или доказательствахъ. Хвалить великихъ мужей и порицать низкихъ тоже служитъ упражненіемъ, приносящимъ не мало пользы. Упражненіе въ сравненіяхъ усугубляетъ запасъ матеріала и знакомитъ не только съ свойствами добродѣтелей и пороковъ, но также и съ опредѣленіемъ бо́льшаго или меньшаго достоинства ихъ. Общія мѣста, имѣющія въ виду только самый порокъ помимо личностей, точно также составляютъ полезное упражненіе. Наконецъ, похвала и порицаніе законовъ и занятіе священнымъ, общественнымъ и частнымъ правомъ требуютъ уже болѣе развитыхъ силъ, способныхъ удовлетворить пожалуй даже самымъ высокимъ притязаніямъ.

Учитель можетъ чрезвычайно много содѣйствовать болѣе быстрымъ успѣхамъ своихъ учениковъ, если онъ ознакомитъ ихъ съ сочиненіями историковъ и ораторовъ и при этомъ обратитъ вниманіе на красоты, а тамъ гдѣ нужно и на ошибки автора. Притомъ надлежитъ объяснять ученикамъ содержаніе сочиненій и не пропускать ничего достопримѣчательнаго въ изобрѣтеніи и ораторскомъ выраженіи. Пріемъ оратора, съ самаго начала склонить на свою сторону судью, ясность, краткость и правда въ изложеніи, встрѣчающіяся по временамъ совѣщанія съ самимъ собою и разныя допускаемыя тутъ уловки, искусство въ распредѣленіи, остроумные или часто повторяемые доводы: все это заслуживаетъ вниманія. Небезполезно также иногда прочесть неправильное сочиненіе и указать, сколько въ немъ неприличныхъ, темныхъ, напыщенныхъ, пошлыхъ, безобразныхъ, преувеличенныхъ и слабыхъ мѣстъ. Но при этомъ учитель долженъ испытывать сужденіе своихъ учениковъ и на этотъ конецъ предлагать имъ вопросы. Такимъ образомъ они привыкнутъ мыслить самостоятельно и изобрѣтать, а въ этомъ-то и главное дѣло.

Сочиненіе надлежитъ отчасти затверживать наизустъ. Но не все, что пишется учениками. Слѣдуетъ также затверживать избранныя мѣста изъ рѣчей и лѣтописей, отъ чего не только изощряется память даже болѣе, чѣмъ заучиваньемъ собственныхъ сочиненій, такъ что впослѣдствіи съ меньшимъ трудомъ запоминается то, что изложилъ самъ,—но пріобрѣтается сверхъ того запасъ образцовыхъ мыслей, такъ что потомъ красота слога, сохранившаяся въ памяти, безъ нашего вѣдома, отпечатлѣется на нашихъ собственныхъ сочиненіяхъ.

Всѣ труды преподаванія безплодны, коль скоро память ученика тупа: тщетно всякое ученіе, когда то, что мы слышимъ, быстро улетучивается. Не безъ основанія поэтому память называютъ сокровищницею краснорѣчія. Оратору слѣдовательно необходимо упражнять и укрѣплять память. Но память существенно улучшается, если мы въ душѣ намѣтимъ себѣ извѣстныя мѣстилища идей. Ибо если по прошествіи нѣкотораго времени вновь отправляемся куда нибудь гдѣ прежде были, то не только узнаемъ самое мѣсто, но вспоминаемъ также вновь и то, что мы тамъ дѣлали. На умъ приходятъ бывшія тамъ тогда лица, часто даже въ головѣ возникаютъ опять тѣ же самыя мысли, хотя бы мы ихъ и не высказывали. Такіе признаки, усвоенные нами либо отъ самихъ предметовъ, либо отъ словъ, имѣются у насъ также и отъ духовныхъ дѣятельностей, такъ что мы въ состояніи соорудить себѣ въ душѣ настоящее зданіе, разбить его на отдѣльныя части, на комнаты и залы, на посуду и мебель, и каждой изъ нихъ передать въ охрану какую нибудь

часть сочиненія. Если это исполнено и мы хотимъ воспользоваться памятью, то начинаемъ пробѣгать по этимъ мѣстамъ съ самаго начала, беремъ изъ каждаго мысль ему переданную и припоминаемъ ее при помощи обозначавшаго ее предмета. Если хотимъ усвоить памяти сочиненіе болѣе обширнаго размѣра, то хорошо твердить его частями, только не черезчуръ мелкими. Надо затвердить по той самой бумагѣ, на которой сочиненіе написано спервоначала; такимъ образомъ мы идемъ какъ бы по пятамъ памяти и духовнымъ зрѣніемъ видимъ не только цѣлыя страницы, но даже и самыя строки и, произнося рѣчь, нѣкоторымъ образомъ какъ бы мысленно перечитываемъ написанное. Лучше всего было бы заучивать про себя, лишь бы только постороннія мысли не вторгались такъ часто въ праздную душу. Для этого-то и надо подбодрять ее голосомъ, дабы помочь памяти сугубой чувственной работою произношенія и слуха. Необходимо притомъ по временамъ провѣрять, дѣйствительно ли усвоено то, что хотимъ впечатлѣть въ памяти. Дѣлая это, мы стараемся и пользуемся каждою минутой, чтобы повторить даже и то, что уже вполнѣ нами усвоено. Впрочемъ какъ для сочиненій, такъ точно и для письма, необходимо быть здоровымъ, не съ нагруженнымъ желудкомъ и свободнымъ отъ постороннихъ мыслей. Весьма важно для памяти также распредѣленіе гармоніи въ составѣ рѣчи, ибо она усвоивается тѣмъ прочнѣе и крѣпче, чѣмъ вѣрнѣе распредѣленъ предметъ. Все гармонично-составленное руководитъ память соразмѣрнымъ ходомъ своимъ; оттого-то стихи легче учить наизустъ, нежели прозу, точно также и прозу съ соразмѣрными перерывами легче, нежели вольную и безсвязную. Наконецъ самое вѣрное и самое дѣйствительное средство укрѣпить память состоитъ въ упражненіи и прилежаніи. Твердить много наизустъ, много размышлять, по возможности даже изо дня въ день: вотъ что всего полезнѣе. Ничто такъ не улучшается упражненіемъ и ничто такъ не ухудшается нерадѣніемъ, какъ память.

Однако все это, даже хорошая память, не дѣлаетъ еще хорошаго оратора,—его дѣлаетъ одна только добродѣтель. Ораторъ долженъ быть честенъ вполнѣ. Мудрецы говорятъ намъ, а неученые люди всегда были въ томъ убѣждены, что дурной человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ безумецъ, а безумецъ никогда не можетъ быть ораторомъ. Притомъ какъ для общественнаго, такъ и для частнаго блага нѣтъ ничего пагубнѣе краснорѣчія, когда задумало бы воспользоваться имъ зло. Итакъ кто желаетъ быть хорошимъ ораторомъ, долженъ образовать свой характеръ при помощи философіи. Чтобы достичь искусства въ ремеслахъ, даже и самыхъ презрѣнныхъ, требуются вѣдь учителя. А добродѣтель, именно то, благодаря чему человѣкъ приближается къ безсмертному божест-

ву гораздо болѣе, нежели иными путями,—будто можно достичь ея не ища и не трудясь, и намъ стоитъ лишь родиться, чтобъ быть добродѣтельными? Можетъ ли быть воздержнымъ тотъ, кто не знаетъ даже, что такое воздержность? Храбрымъ тотъ, кто никакими доводами не разсѣялъ страхъ смерти и суевѣрія? О, какъ все это должно считаться неважнымъ, если полагаютъ, что оно такъ легко и думаютъ, будто нѣтъ надобности учиться всему этому *)!—

Къ Квинтиліану и Сенекѣ примыкаетъ

Плутархъ

изъ Херонеи (— 50 до 120 по Р. Х. —), которому вѣроятно ошибочно приписывается послѣднее греческое сочиненіе „о воспитаніи", такъ какъ оно повидимому принадлежитъ позднѣйшей римской эпохѣ. Оно большею частью состоитъ изъ сопостановки болѣе древнихъ педагогическихъ правилъ и, въ связи съ воззрѣніями Плутарха на воспитаніе, важно потому, что и изъ него уже видно, какимъ образомъ теорія воспитанія надѣялась противодѣйствовать разлившейся порчѣ, и потому еще, что въ немъ очерченъ образъ воспитанія, основаннаго на тѣсномъ слитіи римской сущности и жизни (— оттого и обращено здѣсь столько вниманія на краснорѣчіе—) съ греческимъ чувствомъ и пôбытомъ, при чемъ превознесена надо всѣмъ изящная мѣра въ помыслахъ и поступкахъ, въ тѣлесной и духовной дѣятельности. Цѣлью воспитанія поставляется эллинская мысль, пріучить дѣтей такъ, чтобы они радовались прекрасному и скорбѣли о безобразномъ, тогда какъ съ другой стороны совершенными людьми считались только тѣ, у кого философія сливалась съ общественной дѣятельностью, высокая умственная образованность съ дѣятельностью практической.

„Кто хочетъ со временемъ прославиться своими дѣтьми, тотъ воздержись отъ всякаго сношенія съ развратными женщинами. Ибо не только тѣмъ, чье рожденіе незаконно со стороны отца или матери, предстоитъ несмываемый позоръ передъ судомъ свѣта; но такое происхожденіе уже по самой природѣ своей принижаетъ обыкновенно всѣ высокіе и доблестные помыслы. Не менѣе необходимо и то, чтобы дѣти не зарождались въ хмѣлю, ибо такія большею частью дѣлаются пьяницами".—Въ самомъ воспитаніи, точно также какъ и въ искусствахъ, наукахъ и добродѣтели все зависитъ отъ трехъ условій: отъ природы, преподаванія и навыка или упражненія. Ибо природа безъ ученія слѣпа; ученье безъ природы недостаточно; навыкъ безъ того и другаго не полонъ. Какъ для земледѣлія потребны хорошая почва, хорошій

*) Ср. Andres. Quinctilian's Pädagogik und Didaktik. 1783.—Gedik e. Quinctilian's Gedanken über die öffentliche Erziehung. 1803.—Ruediger. De Quinctiliano paedagogo. 1820.—

пахарь и хорошее сѣмя: точно тоже и въ воспитаніи. Хорошія способности (почва) должны пользоваться хорошимъ учителемъ (пахаремъ) и хорошими наставленіями и увѣтами (сѣменами). Природѣ подобаетъ способность, ученію развитіе, навыку практическое примѣненіе, а все вмѣстѣ составляетъ высшее совершенство, такъ что если не достаетъ хоть чего нибудь одного, то будетъ неполна также и добродѣтель. Легкомысліемъ искажаются хорошія способности: хорошее отъ природы поле дичаетъ вслѣдствіе небрежности. Напротивъ того, прилежаніе способно на многое: это такъ-же вѣрно, какъ вѣрно то, что капли воды пробиваютъ камень, что желѣзо обтирается въ рукахъ, а искривленныя колеса никогда уже болѣе не справляются. Характеръ человѣка не что иное какъ продолжительная привычка.

Необходимо поэтому чтобы матери сами кормили грудью своихъ дѣтей, какъ то указано природою: онѣ дѣлаютъ это съ бо́льшимъ благорасположеніемъ, нежели кормилицы и тѣмъ сильнѣе возбуждаютъ въ себѣ материнскую любовь. Если по слабости и проч. мать не можетъ кормить сама, то слѣдуетъ избрать добродѣтельную кормилицу. Души дѣтей подобны воску, на которомъ уроки мудрости и добродѣтели легко отпечатлѣваются, словно печатью; но ихъ трудно бываетъ размягчить вновь, когда онѣ впослѣдствіи отвердѣютъ, и тутъ въ тойже мѣрѣ противятся всѣмъ впечатлѣніямъ.—Важно также, чтобы въ товарищи дѣтямъ избирались или вмѣстѣ съ ними воспитывались только мальчики, отличающіеся хорошимъ поведеніемъ и притомъ чисто говорящіе погречески. Но паче всего дѣтямъ слѣдуетъ давать лишь такихъ воспитателей, которые съ истинною нравственностью соединяли бы богатство знанія и опытность: какъ виноградарь ставитъ тычки къ лозамъ, чтобы онѣ преуспѣвали, такъ точно и учителя должны прививать дѣтямъ добрыя наставленія и увѣты. Хорошее воспитаніе въ связи съ надлежащимъ обученіемъ—это первое, середнее и послѣднее условіе, чтобы сдѣлать юношей добродѣтельными и счастливыми, тогда какъ всѣ остальныя блага, какъ то: богатство, знатный родъ и пр. не сто́ятъ тутъ никакого вниманія.

Дѣтей съ малолѣтства слѣдуетъ пріучать не предаваться изнѣженной жизни, сдерживать свой языкъ, обуздывать гнѣвъ и владѣть своими руками. Умѣть во́ время смолчать лучше иногда всякой рѣчи. Никто еще не раскаивался въ томъ, что молчалъ, но многіе раскаивались, что говорили. Пуще всего слѣдуетъ пріучать молодыхъ людей говорить правду, и отнюдь не забывать, что ложь гнусна и заслуживаетъ всеобщаго презрѣнія. Вообще надо удерживать молодежь отъ сношеній съ

дурными людьми, ибо отъ пороковъ послѣднихъ во всякомъ случаѣ что-нибудь да пристанетъ. Родители должны также оберегать своихъ дѣтей отъ пороковъ ихъ сотоварищей, ибо и они тоже въ состояніи развратить добродѣтельныя души. Впрочемъ отцамъ все-таки не слѣдуетъ слишкомъ строго и жестко обращаться съ сыновьями, а напротивъ, помня собственную молодость, быть болѣе снисходительными къ ихъ юношескимъ грѣшкамъ. Какъ врачи подслащаютъ горькія лекарства и такимъ образомъ пользуются пріятнымъ для исцѣленія больного: точно также и отцы должны соединять строгость наказаній съ кротостью и давать иногда волю прихотямъ своихъ сыновей, а потомъ опять натянуть бразды, особенно же снисходительно смотрѣть на простые промахи; если же когда они и разсердятся, то пусть дадутъ потомъ снова остыть своему гнѣву. Иногда полезно бываетъ притвориться, будто вовсе не замѣчаешь иныхъ проступковъ дѣтей. Смотримъ же мы сквозь пальцы на ошибки нашихъ пріятелей. Можно ли осудить насъ, за то, что мы иногда сквозь пальцы посмотримъ на ошибки своихъ дѣтей? Такимъ образомъ рѣзвая юность скорѣе обуздается, нежели безпрестаннымъ строгимъ вмѣшательствомъ. Наконецъ—и это главное дѣло—отцы, избѣгая всякихъ промаховъ, добросовѣстно исполняя свой долгъ, должны сами подать добрый примѣръ своимъ сыновьямъ, чтобы послѣдніе какъ въ зеркало смотрѣли на поведеніе ихъ и поучались беречься гнусныхъ рѣчей и поступковъ. Отцы, повинные въ тѣхъ же проступкахъ, за какіе наказываютъ своихъ сыновей, осуждаютъ самихъ себя, и тѣ, что ведутъ порочную жизнь, не имѣютъ по чистой совѣсти ни какого права наказывать своихъ рабовъ, а сыновей и подавно.

Поощрять дѣтей къ прилежнымъ занятіямъ полезными науками надлежитъ путемъ наставленій и увѣтовъ, а отнюдь не побоями и постыднымъ обращеніемъ. Иначе они совсѣмъ облѣнятся, и у нихъ пропадетъ всякая охота къ труду. Порицаніе должно смѣняться похвалою, и надо беречься, чтобы они не падали духомъ въ одномъ случаѣ и не дѣлались бы заносчивыми и небрежными въ другомъ. И какъ растеніе отъ умѣренной поливки преуспѣваетъ, а отъ излишней гибнетъ, точно такъ же и духовныя способности дѣтей усиливаются отъ разумно возложеннаго на нихъ труда, но заглушаются отъ непомѣрныхъ требованій. Дѣтямъ отнюдь не слѣдуетъ отказывать въ необходимомъ отдыхѣ; напротивъ, не надо забывать, что вся наша жизнь по самой природѣ состоитъ изъ труда и отдыха. Такъ отпускаютъ тетиву и струны лиры, съ тѣмъ чтобы послѣ вновь натянуть ихъ.

При изученіи наукъ надлежитъ развивать особенно па-

мять. Ее съ раннихъ лѣтъ уже слѣдуетъ тщательно образовывать и упражнять. Она сокровищница всѣхъ знаній самихъ по себѣ и на пользу жизни; не даромъ же въ миѳологіи Мнемозина была матерью всѣхъ музъ.

Такъ какъ здоровое тѣлосложеніе въ молодости обусловливаетъ собою здоровую старость, то не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣлесныхъ упражненій, причемъ надо остерегаться, чтобы они не изнуряли дѣтей и не дѣлали ихъ неспособными къ занятіямъ. Какъ въ вёдро держатъ на готовѣ все, что понадобится во время бури, такъ точно и въ молодости надлежитъ соблюдать порядокъ и мѣру на запасъ про старость.

Отрокъ знатнаго происхожденія не долженъ быть чуждъ ни одной изъ такъ называемыхъ энциклическихъ наукъ. Онъ какъ лекарствомъ долженъ пользоваться искусствомъ краснорѣчія и до зрѣлаго возраста никогда не произноситъ рѣчей, не приготовившись. Рѣчь не должна отличаться ни высокопарнымъ и напыщеннымъ, ни также сухимъ и низкимъ слогомъ. Какъ тѣлу надлежитъ быть не только здоровымъ, но притомъ и хорошо сложеннымъ, такъ точно и рѣчь должна быть не только безъ ошибокъ, но обладать также силой и крѣпостью. Молодымъ людямъ пуще всего не слѣдуетъ произносить рѣчей безъ подготовки; этимъ не только омрачается чистота и вѣрность замысла, но причиняется также слабость, шаткость и легкомысліе въ жизни и характерѣ: дозволять мальчикамъ такого рода экспромпты, значитъ заложить основаніе крайней пустоты въ рѣчахъ.

Юношеству необходимо умѣть пользоваться сочиненіями древнихъ точно такъ же, какъ земледѣлецъ пользуется своими орудіями. Не обладаніе книгами, но употребленіе ихъ въ дѣло служитъ средствомъ для обученія. Молодые люди, слушая и читая должны быть умѣренны и осторожны, такъ же какъ въ отношеніи лакомой пищи, и выбирать только хорошее и полезное. Какъ городъ при запертыхъ воротахъ не безопасенъ отъ вторженія непріятеля до тѣхъ поръ, пока открыты хоть одни изъ нихъ, такъ точно и юношѣ будетъ мало пользы отъ воздержности, коль скоро онъ недостаточно остороженъ въ отношеніи къ тому, что ему приходится слышать и читать. Слѣдуетъ поэтому подчинять его сужденіе разуму и осторожнымъ руководствомъ предупреждать, чтобы пріятное не увлекало его ко вредному. Намъ не подобаетъ искоренять и уничтожать поэзію, этотъ вертоградъ музъ, но слѣдуетъ лишь вырѣзывать зловредные побѣги и препятствовать дальнѣйшему распространенію тамъ, гдѣ баснословное и театральное въ поэзіи доходитъ до необузданной и беззавѣтной наглости. Юноша не долженъ притомъ забывать, что поэзія подражательное искусство, такъ сказать говорящая живопись, точно такъ же какъ живопись въ свою

очередь—нѣмая поэзія, и относительно безнравственныхъ характеровъ и поступковъ помнить, что похвала подобаетъ не имъ, а изображенію ихъ, если послѣднее отвѣчаетъ характерамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ пріучать юношу, чтобы онъ отнюдь не одобрялъ ни чего безнравственнаго, сказаннаго поэтами, и отнюдь не прибѣгалъ бы къ этому для оправданія собственной пошлости. Такъ надобно предупреждать, чтобы молодые люди не заразились дурными правилами и нравами, и въ то же время стараться по этому поводу возбудить въ нихъ живую наклонность къ противоположному, присовокупляя отъ себя къ каждому мѣсту тутъ же похвалу или порицаніе. Тогда юноши и изъ предосудительныхъ мѣстъ извлекутъ для себя полезное поученіе, подобно тому какъ пчелы лучшій медъ находятъ въ дикорастущихъ цвѣтахъ и терніяхъ.

Главное дѣло воспитанія составляетъ философія. Хорошо и пріятно путешествовать по разнымъ городамъ, но полезно жить въ лучшихъ. Что для тѣла врачеваніе и гимнастика, то же самое для души философія. Она единственное лекарство отъ слабостей и страстей. Благодаря ей узнаемъ, что прекрасно или безобразно, что праведно или неправедно, къ чему стремиться и чего избѣгать, и особенно не зазнаваться въ счастіи и не слишкомъ горевать въ несчастьи. Ибо быть великодушнымъ въ счастіи—это мужественно, не возбуждать зависти—это скромно, разумомъ побороть похоть—это мудро, а преодолѣвать свой гнѣвъ—это признакъ необыкновеннаго человѣка. Конечно, какъ въ элементарномъ обученіи, какъ въ игрѣ на лирѣ и въ палестрѣ всякое начинаніе сопряжено съ большими трудностями и препятствіями, потомъ же по мѣрѣ успѣховъ и бóльшаго навыка все становится пріятнѣе и легче: точно такъ оно и въ философіи. Какъ черенокъ, чѣмъ моложе, тѣмъ легче прозябаетъ и ростетъ, а вытянувшись, какъ бы истощается и задерживается; точно такъ же и тотъ, кто сначала размашистымъ бѣгомъ спѣшитъ къ философіи и не почуетъ въ себѣ при этомъ явнаго роста сознанія,—скоро потомъ ослабѣваетъ. Кто же твердымъ шагомъ, прямымъ путемъ и трезвымъ умомъ побораетъ ея трудности, у того какъ бы выростаютъ крылья, и онъ возносится къ божеству, которое охраняющею и уряжающею силою властвуетъ въ мірѣ и надъ нимъ, подобно тому какъ въ человѣкѣ богорожденный разумъ господствуетъ надъ всѣми низшими побудами души. Всевышній Богъ—источникъ всякаго добра, и въ Немъ нѣтъ ни гнѣва, ни ненависти. Человѣкъ напротивъ того отъ рожденія одержимъ грѣховностью, которая обнаруживается при всякомъ удобномъ случаѣ, если разумъ не воспротивится страсти или не въ силахъ одолѣть ее. Чтобы сдѣлаться чистымъ и добродѣтельнымъ, человѣкъ долженъ дообразовать себя до божества, освобождаясь мало по малу отъ зла, воспринимая и внѣдряя логосъ (вселенскій разумъ) въ неразум-

ную часть души, чѣмъ и достигается основанное на самосознаніи исправленіе.

Съ Плутархомъ умолкаетъ также и теорія педагогики; одинъ развѣ Лукіанъ изъ Самосаты въ Сиріи (около 130—200-хъ гг, до Р. Х.) въ состояніи еще ѣдкой, колкой сатирой бичевать нравственное растлѣніе своей эпохи и сѣтовать на повсемѣстную ложь и неблагодарность, на овладѣвшую женскимъ поломъ суетность, изнѣженность, на кокетство и страсть къ нарядамъ, что и служитъ помѣхою въ воспитаніи дѣтей. Считая воспитаніе краеугольнымъ камнемъ всякаго правительства, онъ надѣется на улучшеніе въ государствѣ лишь тогда, когда улучшится воспитаніе, когда возстанетъ изъ могилы эпоха гречества, въ которую духъ и тѣло, внутреннее и внѣшнее бытіе развивались равномѣрно и гармонически, въ которую науки, искусство и жизнь сопроникались взаимно. Слѣдуетъ вновь ввести гимнастику, дающую молодому племени мужество, отвагу, красоту, стройность и силу. Умственное воспитаніе, подобно древнегреческому, должно настроить души юношества къ гармоніи цѣлаго и ближе ознакомить его съ общими законами, которые должны быть выставлены всенародно на поученіе всѣмъ, указывая всякому его обязанность. Поэтому юноши должны имѣть сношеніе съ благородными мужами, поучаясь отъ нихъ хорошимъ рѣчамъ и добрымъ дѣламъ, отвращенію отъ всего низкаго, высокому порыву и воздержности отъ грубой власти. Душа ихъ должна отличаться самообладаніемъ, справедливостью, благочестіемъ, кротостью, правдивостью, благоразуміемъ, мужествомъ, любовью къ прекрасному и стремленіемъ къ совершенству. А потому и не слѣдуетъ высшею цѣлью преподаванія считать одно накопленіе знаній.

Такъ Лукіанъ еще разъ напоминаетъ своимъ современникамъ о греческомъ идеалѣ. Но онъ самъ отдаетъ дань своей эпохѣ, отстаивая книжную мудрость и требуя, чтобы слуги носили за отроками „большія сумки съ книгами и свитки, содержащіе въ себѣ добродѣтели стараго времени", или, чтобы юношескій умъ тщательно питали уроками философіи. Лукіанъ, подобно Аристофану, одною ногою лишь стоитъ въ старомъ добромъ времени, тогда какъ другою онъ ступилъ уже въ новое съ его похотью и лукавствомъ. И язвительно глумясь надъ двоедушіемъ и растлѣніемъ современниковъ, онъ съ одной стороны опирается на столпы древняго язычества, а съ другой, также глумясь и издѣваясь, осмѣиваетъ древнихъ боговъ и убиваетъ вѣру въ нихъ. Все распалось въ старомъ прогнившемъ зданіи міра, и у самихъ даже мужей, энергично проповѣдующихъ возвратъ къ старому времени, на плечахъ голова Януса.

Маркъ Аврелій Антонинъ,

этотъ философъ на престолѣ, предстаетъ какъ по своимъ дѣламъ, такъ и по своимъ „Бесѣдамъ съ самимъ собою" великимъ исключеніемъ среди приходящаго въ упадокъ міра, не будучи впрочемъ въ силахъ своею мудростью, имѣющею цѣлью нравственное самоулучшеніе и образованіе человѣка для добродѣтели, избавить этотъ міръ отъ настигающаго его рока. Однако онъ оставилъ намъ завѣщаніе, которое вмѣстѣ съ его правилами о воспитаніи человѣчества мы и захватимъ съ собою въ новый міръ.

„Задача философіи — сохранить Бога внутри насъ отъ всякаго грѣховнаго посрамленія, стать превыше скорби и чувственнаго наслажденія, ничего не дѣлать изъ лицемѣрія или притворства,—вести человѣка къ неколебимому спокойствію, къ ненарушимой ясности души при всѣхъ возможныхъ условіяхъ жизни, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, и сдѣлать его способнымъ сознавать и исполнять долгъ свой."

„Какъ тѣло мертво и безсильно безъ души, такъ точно и міръ безъ божества. Міръ—одно полное цѣлое, охваченное священною связью. Божество—душа міра. Какъ душа человѣка проникаетъ все тѣло и разливается по всѣмъ частямъ его, такъ и божество распространяется по всему міру. Какъ душа человѣка руководитъ и управляетъ тѣломъ, такъ и божество руководитъ и управляетъ міромъ. Какъ душа человѣка разумна, такъ и божество: откуда же иначе разумъ первой? Какъ душа человѣка лучшее что есть въ человѣкѣ, такъ и божество въ мірѣ. Какъ душа человѣка тѣсно связана съ своимъ тѣломъ и составляетъ съ нимъ одно существо, такъ и божество съ міромъ — они вмѣстѣ одно цѣлое. Душа человѣка съ величайшею властью вліяетъ на тѣло: точно такъ же и міровая душа дѣйствуетъ на міръ; она должна быть всемогуща. Человѣческая душа, разлитая по всѣмъ частямъ тѣла, знаетъ въ точности всѣ части его: точно также и божество въ отношеніи всего цѣлаго; оно всевѣдуще и употребляетъ всемогущество свое во благо цѣлаго и единичнаго. Все въ соотношеніи къ міровому цѣлому. Слѣдовательно, Богъ управляетъ также единичнымъ и руководитъ имъ сообразно съ цѣлью цѣлаго. Потому всякое событіе благотворно какъ для цѣлаго, такъ и для единичнаго, и за все подобаетъ слава и благодареніе Божеству".

„Человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ страдательной и дѣятельной, или изъ тѣла, происшедшаго отъ первичнаго вещества, и духа, получившаго начало отъ первичной силы или отъ міровой души, т. е. отъ божества. Тѣло—органъ и зеркало души и требуетъ поэтому не только самаго бди-

тельнаго попеченія о своей бережи но также и о своемъ образованіи. Душа, это истокъ міровой души; разумная душа—истокъ разумной міровой души, самого божества, и при посредствѣ ея человѣкъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ божествомъ, носитъ въ себѣ и на себѣ подобіе божества, онъ сродни ему. Разумъ, это нѣчто божественное, это Богъ въ насъ самихъ, которому мы, какъ самому божеству, въ высшей степени обязаны благоговѣніемъ, любовью, послушаніемъ и упованіемъ. Разумъ возвѣщаетъ человѣку въ сознаніи—коренной законъ, поступать согласно съ долгомъ, съ разумомъ. Но это сознаніе тѣсно связано съ сознаніемъ свободы. Свобода состоитъ въ томъ, что человѣкъ властенъ надъ своими поступками. Одна лишь разумная душа должна руководить и управлять имъ, ибо только она одна независима и можетъ все, что хочетъ, потому что хочетъ только того, что сообразно съ ея натурою,—именно правды и добра. Нѣтъ истиннаго блага кромѣ добродѣтели, нѣтъ дѣйствительнаго зла, кромѣ грѣха".

Для достиженія этого высшаго блага человѣкъ долженъ образовать самого себя. „Продолжительность человѣческой жизни одинъ мигъ; существо ея въ постоянномъ потокѣ; ощущеніе неясно; тѣлесное зданіе тлѣнно; судьба неисповѣдима; слава—одинъ необдуманный звукъ; словомъ: все, что касается тѣла,—только греза, дымъ; жизнь—безпрерывная борьба и странствіе пришлеца изъ чужи. Что же могло бы руководить его? единственно только одна философія. Нѣтъ ничего жалче человѣка, который колобродитъ какъ бы для того, чтобы изслѣдовать нутро земли и высмотрѣть, что творится въ жилищахъ его ближнихъ, не понимая вовсе, что съ него довольно помыслить о Богѣ въ немъ самомъ и благоговѣйно служить ему. А это богослуженіе состоитъ въ томъ, чтобы сохраниться чистымъ отъ страстей, отъ суетности и противленія промыслу Божію и поступкамъ другихъ людей. Каждое утро предрекай себѣ: я встрѣчусь съ любопытными, неблагодарными, безстыжими, лукавыми и завистливыми людьми. А всѣ эти пороки происходятъ отъ невѣдѣнья добра и зла. Я же знаю, что природа добра—прекрасна, и что природа зла—гнусна. Я знаю, что природа порочнаго сродни моей, что она надѣлена не только тою же кровью и тѣмъ же сѣменемъ, но и тѣмъ же разумомъ и тою же Божьею искрою. Притомъ вѣдь я ни отъ кого не могу понести ущерба; ибо никто не можетъ предать меня чему либо позорному. Я и подавно не могу питать противъ моего собрата ни злобы, ни вражды".

Всѣ дѣла и мысли твои да будутъ таковы, какъ будто бы тебѣ предстояло тотчасъ же разстаться съ жизнью. Не дѣлай ничего съ отвращеніемъ, ничего помимо всеобщаго блага, ничего на обумъ, ничего по внушенію страсти. Тща-

тельно образуй свой разсудокъ; ибо отъ него главнѣйше зависитъ, чтобы властительный духъ не подчинялся никакому представленію, противорѣчащему натурѣ или строю разумнаго существа. Усвой себѣ сугубую способность: во-первыхъ дѣлать только то, что повелѣваетъ царственный, законодательный разумъ въ видахъ человѣческаго блага; а потомъ прояснять, очищать свое мнѣніе, когда кто-либо поправитъ его. Кто бѣжитъ общественнаго строя, тотъ перебѣжчикъ; кто закроетъ свое духовное око, тотъ слѣпецъ; кто нуждается въ другомъ,—нищій; кто покидаетъ общій строй природы,—отступникъ; кто измѣняетъ разуму, предатель и злодѣй. Будь какъ скала, о которую безъ перерыва разбиваются волны; а она стоитъ и укрощаетъ вокругъ себя ярость водъ".

„Люби избранное тобой званіе. Довольствуйся имъ. Остальную часть жизни проводи такъ, чтобы предоставить богамъ всѣ твои остальныя заботы, не дѣлаясь ничьимъ тираномъ, и не унижаясь до рабства самъ". „Что бы съ нами ни случалось, все вѣдь въ сущности такъ обыкновенно, такъ же извѣстно, какъ роза весною и плодъ въ пору жатвы. Сюда относятся между прочимъ болѣзни и смерть, клевета и посягательства, и все прочее что радуетъ или печалитъ глупца". „Живи въ общеніи съ божествомъ, что исполнишь тогда, когда проявишь ему нравъ, довольный своимъ жребіемъ, и охотно будешь поступать согласно съ его волею". „Если соблазнишься чьею либо наглостью, то спроси самого себя: возможно ли, чтобы на свѣтѣ вовсе не было наглецовъ? Нѣтъ. — Такъ и не требуй невозможнаго! То же самое имѣй въ виду относительно лукаваго, безчестнаго и вообще всякаго, въ комъ есть какой-нибудь недостатокъ. Тогда ты будешь снисходительнѣе къ каждому единичному лицу. Полезно также при этомъ замѣчать, какую именно добродѣтель даровала намъ природа въ виду чужихъ проступковъ. Такъ напр. она надѣлила насъ кротостью, какъ противоядіемъ противъ безразсуднаго, инымъ какимъ либо средствомъ противъ другого. Если невѣжда поступаетъ какъ невѣжда,—то что же въ томъ страннаго? Смотри, не пришлось бы тебѣ обвинять самого себя въ томъ, что такой поступокъ показался тебѣ столь неожиданнымъ".

„Не обнаруживай въ дѣйствіяхъ своихъ опрометчивости, въ мысляхъ распущенности, вообще въ нравѣ волненія или вспыльчивости. Сдерживай воображеніе, обуздывай страсть, укрощай похоти: высшая сила разума да владѣетъ самимъ тобою. Да согласуется не только твое дыханіе съ окружающимъ тебя воздухомъ, но также и нравъ твой со всеобъемлющимъ существомъ разума. Ибо сила разума точно такъ же истекаетъ во всѣ стороны и такимъ же образомъ проницаетъ всякаго, кто въ состояніи привлечь ее къ себѣ, какъ и воздухъ того, кто въ состояніи вдыхать его. Ис-

пытуй же свою собственную душу, душу вселенной и душу твоего ближняго. Свою собственную, дабы внушить ей чувство справедливости. Душу вселенной, дабы вспомнить, часть какого цѣлаго ты составляешь. Душу ближняго, дабы убѣдиться, умышленно или неумышленно совершила она что-либо, и дабы размыслить что она сродни тебѣ. Все, чего желаешь достичь окольными путями, ты можешь прiобрѣсти уже теперь, если только не позавидуешь самому, себѣ, т. е. если не станешь обращать вниманiя на все минувшее, предоставишь провидѣнiю будущее, и одно лишь настоящее устроишь согласно съ требованiями благочестiя и справедливости: благочестiя, чтобы любить дарованную тебѣ долю (ибо ее именно природа назначила для тебя, а тебя для ней),—справедливости, чтобы всегда прямодушно и безъ обиняковъ говорить правду и направлять свои поступки сообразно съ закономъ и съ относительнымъ достоинствомъ или удѣльной цѣнностью вещей."—

C.

НАРОДЪ ИЗРАИЛЬСКІЙ.

ѲЕОКРАТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

НАРОДЪ ИЗРАИЛЬСКІЙ.

ѲЕОКРАТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

30.

СЕМИТЫ, ИЗРАИЛЬТЯНЕ И ИХЪ ВОСПИТАНІЕ.

Область Семитовъ простирается отъ полуострова Синая и и Краснаго моря до нагорной страны Ирана и Персидскаго залива, и отъ Армянскихъ горъ и береговъ Средиземнаго моря къ югу до прибрежья Индѣйскаго океана. Различіе климата, почвы и проч. въ этомъ обширномъ краѣ и разные оттѣнки тѣлесныхъ и духовныхъ наклонностей, населяющихъ его жителей, вызвали раздѣленіе семитовъ на различныя народности, распаденіе ихъ языка на разныя нарѣчія и многія вообще противоположности во всей ихъ духовной жизни. Несмотря, однако, на всю разнородность языка, характера, нрава и образа жизни отдѣльныхъ семитскихъ племенъ, всѣ они имѣютъ между собою довольно близкое сходство, которое обнаруживается въ однообразіи и бѣдности ихъ нарѣчій, въ простомъ сопостановочномъ и послѣдовательномъ строѣ предложеній и проч., въ прирожденной скудости философскаго мышленія, въ бездарности къ истинно эстетическому, художественному творчеству и пластическимъ произведеніямъ, въ неспособности создать политически-свободную государственную жизнь. Эти особенности коренятся въ сильно выраженной субъективности, въ глубокой задушевности, составляющей средоточіе семитской духовной жизни, въ упорномъ энергичномъ мужествѣ и въ практической предпріимчивости, а также въ эгоизмѣ, нетерпимости и доходящей до фанатизма вѣрѣ въ исключительность своего права. Въ семитскомъ народномъ духѣ выступаютъ два противоположные элемента: неодолимый побудъ къ самосохраненію, поддерживаемый острымъ, проницательнымъ, хитро разсчитывающимъ собственную пользу умомъ и рѣшительно механическимъ и практическимъ талантомъ; а потомъ самая глубокая задушевность и полное мечтательности внутреннее чувство, которое часто воспламеняется до высшаго одушевленія и было причиною того, что изъ семитскаго

племени вышли всѣ три религіи духовнаго монотеизма,—еврейская, христіанская и магометанская.

Къ семитскому племени принадлежитъ, вопервыхъ, группа народовъ, населяющихъ долину Эвфрата и Тигра, которая съ Арменскаго хребта, откуда истекаютъ обѣ рѣки, уступами спускается къ низменности, раскинувшись отъ мѣста слiянія ихъ и до истока въ Персидскій заливъ въ необозримое пространство. Это тотъ край, котораго крупные и прекрасные финики восхвалялъ Ксенофонтъ, о пальмахъ и „два сторичныхъ плода“ дающихъ хлѣбахъ котораго повѣствуетъ Геродотъ, и который теперь подъ грубымъ владычествомъ Турокъ сталъ „обширнымъ поприщемъ хищниковъ“. Чертоги и храмы, великолѣпныя зданія старины, говоритъ Риттеръ,—распались въ груды мусора и щебня; вмѣсто висячихъ садовъ и цвѣтущихъ эдемовъ мрачные лѣса камышей покрываютъ топкіе берега, и тамъ, гдѣ нѣкогда въ шумномъ царственномъ городѣ раздавался плачъ плѣненныхъ Израильтянъ и звучали ихъ лиры, тамъ кое-гдѣ уцѣлѣли еще однѣ лишь неистребимыя пажити, но въ пустынѣ ихъ не слышно ни плача, ни радостныхъ пѣсень.

Древле въ этотъ край нагрянули воинственныя племена, которыхъ собрали смѣлые вожди или цари и подчинили своей власти, представляясь народу сынами солнца и мѣсяца и требуя себѣ божескаго почитанія. Но эти цари довели народъ до высокой цвѣтущей культуры и до богатства въ связи съ художественностью и промышленностью. Страна была перерѣзана насыпями и рвами, плотинами и каналами. Былъ выстроенъ городъ—гордый Вавилонъ, занимавшій, по словамъ Аристотеля, размѣры скорѣе цѣлаго царства, чѣмъ города, величина котораго, по Геродоту, равнялась 480 стадіямъ или 12 милямъ и который былъ обнесенъ глубокимъ рвомъ и стѣною въ 50 локтей толщины и 200 высоты.

Трудолюбіе и искусство Вавилонянъ въ изготовленіи тонкихъ тканей изъ шерсти и хлопка, великолѣпныхъ ковровъ и драгоцѣнныхъ одѣяній, ихъ каменорѣзное искусство, ихъ умѣнье изготовлять благовонныя воды и мази и проч., славились во всей древности. Поддерживая живыя сношенія по всѣмъ направленіямъ и сушею и водою, они отпускали свои произведенія въ самые дальніе края, получая изъ Индіи золото, слоновую кость и драгоцѣнные камни, забирая на Эвфратѣ пальмовое вино и обмѣнивая по торговымъ путямъ произведенія Запада и проч. Въ своей религіи они взирали на урядъ естественной жизни какъ на божескій урядъ и притомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ,—какъ на развитіе жизни, жизнедатную, рождающую, и жизнегубительную силу; въ параллель и въ связи съ этимъ проводился въ то же время половой дуализмъ,—зиждительный мужескій и воспринимающій женскій принципъ. Эти силы олицетворялись въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ; Ваалъ или Бель, солнце и основатель города и царства, высшій мужской принципъ въ природѣ, а также Милитта, богиня луны,

женскій принципъ природы, символъ рождающей естественной силы, стали высшими божествами, культомъ которыхъ руководила каста жрецовъ, исключительно обладавшихъ образованіемъ, —халдеевъ. Этотъ культъ съ одной стороны проявлялся уничтоженіемъ жизни, оскопленіемъ жрецовъ и проч., а съ другой восторженнымъ упоеніемъ, божественно освященнымъ служеніемъ сладострастію. Въ основномъ религіозномъ воззрѣніи Вавилонянъ коренится также и халдейское звѣздословіе, которымъ занималась наслѣдственная каста жрецовъ, съ цѣлью урядить практическую жизнь разумнымъ вычисленіемъ какъ правильныхъ, такъ и чрезвычайныхъ явленій природы, и при посредствѣ изслѣдованья наблюдаемаго въ созвѣздіяхъ всеобщаго уряда судебъ, придать прочную устойчивость религіозному помыслу субъекта.

Какъ сама религія освящала разгулъ, такъ точно и въ образѣ жизни развились высшая роскошь и утонченное раздолье. Вавилоняне облекались въ тройныя хламиды, умащали все тѣло благовоніями, носили перстни и жезлы искусной рѣзьбы и разстилали по домамъ своимъ искусно сотканные ковры. Цари и вельможи содержали гаремы съ множествомъ рабынь. Дочери выставлялись на общественныхъ рынкахъ и продавались предлагавшимъ высшую цѣну съ тѣмъ, чтобы на вырученныя такимъ образомъ деньги устроить приданое для невзрачныхъ, т.-е. купить мужей изъ низшаго сословія для тѣхъ, которыхъ обдѣлила природа.

Гдѣ женскій полъ приниженъ до такой степени, тамъ домашняя жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящее воспитаніе должны находиться на низкой ступени развитія. Дѣти мало цѣнились и легковѣрно приносились въ жертву богамъ. Народъ вообще лишенъ былъ высшаго образованія, и все воспитаніе его состояло въ выучкѣ какому-либо промыслу. У халдеевъ, напротивъ были свои жреческія школы для изученія священныхъ наукъ, языка, законовъ, письма въ Вавилонѣ, Борсиппѣ, Орхоэ и проч., ибо халдеи были творцы астрономіи и астрологіи, знатоки и толкователи священныхъ писаній, начертанныхъ, вѣроятно, клинообразными письменами, и изобрѣтатели вошедшаго въ обыденное употребленіе буквеннаго письма. Діодоръ сообщаетъ, что жизнь халдейскихъ жрецовъ вполнѣ посвящалась богослуженію, и санъ ихъ былъ наслѣдственнымъ. Сынъ съ раннихъ лѣтъ обучался у отца. Первый ревностно занимался ученіемъ, а такъ какъ оно ограничивалось только извѣстными предметами, то онъ весьма преуспѣвалъ въ знаніи ихъ. Такимъ образомъ Вавилоняне въ звѣздословіи далеко опередили всѣ остальныя племена, и благодаря продолжительному наблюденію созвѣздій и точному знанію движеній и дѣйствій ихъ, они могли будто бы предсказывать будущность державъ и царей, народовъ и особей, иногда даже до такой точности, которая, повидимому, была свыше человѣческихъ силъ.

Къ сѣверу отъ Вавилона, между Тигромъ и нагорнымъ краемъ, находилась Ассирія съ ея по грандіознымъ размѣрамъ Вавилону подобною столицею, Ниневіею,—съ этимъ городомъ, который, какъ говоритъ пророкъ Іона, простирается на три дня ходьбы, въ которомъ болѣе 120 тысячъ человѣкъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, но гдѣ жители, воинственнаго нрава, обладали боевыми и искусными руками и вслѣдствіе того сдѣлались первымъ завоевательнымъ народомъ въ передней Азіи. Изображенія на алебастровыхъ плитахъ Ниневіи и нынѣ еще свидѣтельствуютъ о минувшемъ величіи Ниневитянъ: о военномъ деспотизмѣ, среди котораго они жили, о божескомъ величіи царя, такъ что все, что онъ ни дѣлалъ, носило на себѣ отпечатокъ важнаго государственнаго событія, совершалъ ли онъ жертвоприношеніе или молился, охотился ли или услаждался въ кругу своихъ любимцевъ и евнуховъ, о томъ, что искусство находилось на высокой ступени, о томъ, что поклоненіе звѣздамъ, какъ у Вавилонянъ, было также и ихъ религіею — и о томъ, что въ Ниневіи пышность и раздолье сочетались съ боевыми подвигами. Ассирійцы носили цвѣтныя платья изъ тонкой ткани, съ пущенными по ней узорами и фигурами; въ ушахъ ихъ были драгоцѣнныя кольца; на рукахъ и локтяхъ запястья. Они, какъ говоритъ Іезекіиль, одѣвались въ ткани яхонтоваго цвѣта, областеначальники и градоправители, всѣ отборные юноши, всадники, ѣздящіе на коняхъ. Чертоги ихъ по стѣнамъ украшались изваяніями, и были снабжены богато отдѣланною домашнею утварью, столами, стульями, мягкими креслами и ложами. Вазы, кубки, чаши отличались тонкою работой и украшались фигурами, ибо Ассирійцы были хорошо обучены всѣмъ искусствамъ и ремесламъ, требующимъ ловкой руки и чувства мѣры и изящества. Сословіе жрецовъ, прозванныхъ подобно мидійскому „магами", стояло во главѣ всей религіозной системы, и было, однако, подчинено деспотической власти державца, отправлявшаго должность верховнаго жреца.

Къ западу отъ рѣчной области Эвфрата и Тигра тянется съ сѣвера на югъ Сирійская земля, занимающая высшее мѣсто въ исторіи человѣчества. Сирія въ тѣсномъ смыслѣ служила проходомъ изъ восточнаго міра въ западный для народовъ и полчищъ передней Азіи. Но всеміpно-исторической культурною страною она сдѣлалась благодаря узкой береговой полосѣ, Финикіи, и холмистому краю къ югу отъ Ливана, Палестинѣ.

Узкая береговая полоса между Средиземнымъ моремъ и Ливаномъ, около 25—28 миль въ длину и трехъ миль въ ширину, никогда не заключала въ себѣ одного цѣльнаго государства; она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ съ ихъ округами, независимыхъ другъ отъ друга и лишь по общимъ дѣламъ связанныхъ въ одно цѣлое. Финикіяне были знаменитѣйшимъ, морскую и сухопутную торговлю производившимъ народомъ, который, слѣдовательно, признавалъ также дру-

гія народныя индивидуальности и служилъ имъ посредникомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ прославился своею промышленностью и своими открытіями, своимъ литейнымъ искусствомъ, золотыми издѣліями, тканями и шитьемъ, ваяльною работою и орнаментами, изобрѣтеніемъ стекла, открытіемъ багреца, развитіемъ ариѳметики и буквеннаго письма. Основою ихъ религіи былъ сабеизмъ и поклоненіе звѣздамъ, а главнымъ богомъ Ваалъ, чтимый также въ качествѣ бога огня, Молоха, въ мѣдныя, раскаленныя руки котораго, въ случаѣ великихъ невзгодъ, клали людей, особенно дѣтей; при чемъ присутствующія матери не смѣли громко заявлять скорбь свою: тогда какъ культъ женскаго божества Астарты (Ашеры), олицетворявшаго рождающую силу природы, доходилъ до похотливаго сладострастія и разгула. Производя морскіе разбои, они увозили красивыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, и если родители не выкупали ихъ за большую цѣну, то Финикіяне дорого продавали плѣнниковъ на рынкахъ. И то и другое, какъ похищеніе и продажа людей, такъ и приношеніе въ жертву дѣтей своихъ, свидѣтельствуетъ о низкомъ нравственномъ образованіи Финикіянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о скудномъ у нихъ нравственномъ воспитаніи. За то въ Финикіи болѣе всего радѣли о воспитаніи умственномъ, но и тутъ лишь о воспитаніи въ видахъ матерьяльной пользы и наживы, объ обученіи торговлѣ и мореходству, какъ и нельзя иначе ожидать отъ торговаго народа, пренебрегающаго домашнею и семейною добродѣтелью, а также нравственностью и высокою любовью къ отчизнѣ. Въ Финикіи существовало ученое сословіе, а что у Финикіянъ не было недостатка въ политехническихъ школахъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ огромный успѣхъ, съ какимъ они производили торговлю, и тѣмъ еще болѣе, что это обусловливалось необходимостью изучать нравы и языки тѣхъ народовъ, съ которыми они завязывали сношенія. Торговля была жизнью Финикіянъ; нажива — цѣлью ихъ стремленій; сношеніе съ міромъ было душою ихъ. Они были вполнѣ мірскими людьми,—купцами, духовную основу которыхъ составляютъ разсудокъ и лукавство, недовѣрчивость и молчаливость. На равной степени образованія находился Карѳагенъ, эта колонія Финикіянъ. И здѣсь тоже передъ нами является народъ съ духовнымъ образованіемъ, могучею энергіей и высокимъ благосостояніемъ, который дѣтямъ своимъ долженъ былъ дать по возможности лучшее образованіе для общественной и технической жизни, который, однако, лишенъ былъ всякой болѣе глубокой нравственной основы. Гвевара, по словамъ Бёттихера, сообщаетъ изъ неизвѣстныхъ, впрочемъ, источниковъ, что сыновья, особенно знати, отъ 3-хъ до 12-ти лѣтъ воспитывались въ храмѣ, отъ 12-ти до 20-ти обучались ремесламъ и искусствамъ, отъ 20-ти и до 25-ти получали военное образованіе, и лишь на тридцатомъ году могли жениться, а дѣвицамъ до 25-тилѣтняго возраста также не дозволялось вступать въ бракъ.

Какими бы исполинами ни выдвигались въ первобытной исторіи человѣчества Семиты въ Вавилоніи, Ассиріи и Финикіи, но въ поступательномъ развитіи человѣчества они занимаютъ нѣкоторую ступень лишь постольку, поскольку именно Финикіяне завели въ древнемъ мірѣ живыя сношенія. Они были только великими подручниками въ созиданіи исторіи, которыми пользовались дѣйствительно созидавшіе исторію люди: въ этомъ заключается ихъ необходимость для преуспѣянія цѣлаго. Но они лишены болѣе глубокой духовной, особенно эстетической и религіозной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идеи о воспитаніи и, слѣдовательно, также исторіи его. Тѣмъ болѣе поразительно выдѣляется изъ ихъ среды и стоитъ превыше ихъ народъ Израиль, который, благодаря островоподобному положенію своей земли между Ливаномъ, Сирійской и Аравійской пустынями и Средиземнымъ моремъ, объединился отъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ. Ружемонъ указываетъ на то, что Палестина была средоточіемъ обитаемой земли въ древнемъ мірѣ, и притомъ не только относительно пространственнаго протяженія, но также и относительно окрестъ предначертанныхъ природою и въ ближайшемъ сосѣдствѣ сходящихся великихъ народныхъ путей, которые, не касаясь самой Палестины или, по крайней мѣрѣ, Іерусалима и историческаго средоточія страны, пролегаютъ по всѣмъ направленіямъ до самыхъ дальнихъ народовъ. И дѣйствительно, Ханаанъ—средоточіе Европы и Азіи: съ одной стороны его находится разобщающая пустыня, съ другой—открытое море, указывая черезъ Сирію на Востокъ, а черезъ Египетъ на Африку и Европу, которыя всѣ вмѣстѣ сообщаются между собою Средиземнымъ моремъ,—это благословенный, уступами раскинутый край, который не доводитъ человѣка до разслабленія и призываетъ къ земледѣлію, возвѣщая въ пустынѣ и на морѣ, на горныхъ высяхъ и въ долинахъ о чудесахъ Всемогущаго и все-таки не допуская коснаго покоя, край, замкнутый отъ всего міра и въ то же время для него открытый. На этой-то почвѣ самый своеобразный изъ всѣхъ народовъ, съ его цѣпкою индивидуальностью и съ его задушевною, къ вѣчнымъ потребностямъ духа обращенною жизнью, развилъ міросозерцаніе, которое съ одной стороны хотя и связано еще родственными узами съ Востокомъ и съ условіями края, но съ другой много превышаетъ какъ восточные народы, такъ равно и Грецію и Римъ.

Еврейская религія имѣла общую съ языческою чувственность культа, а въ основѣ предполагала сабеизмъ. Но созерцаніе звѣзднаго неба, представлявшагося Семиту совокупностью благодатныхъ и охраняющихъ силъ, она сочетала въ одно общее созерцаніе охраняющей небесной силы, и черезъ идею духовности и возвышенности божества надъ природою, а съ практической стороны, черезъ идею святости національнаго Бога ревнителя, — расширила естественное содержаніе семитскихъ божествъ въ духовнонравственное, идеальное. Идеею монотеизма и еще

достиженіемъ той цѣли, къ которой стремится всякая религія, и которой, однако еврейская впервые достигла во всемірной исторіи: сознать себя свободнымъ и самостоятельнымъ въ Богѣ— этимъ она въ творческой геніальности своей возносится превыше всѣхъ религіозныхъ воззрѣній восточныхъ народовъ, превыше Грековъ и Римлянъ, для которыхъ Богъ и міръ, видимое и невидимое совпадаютъ воедино и которые поэтому не въ состояніи вывесть человѣка изъ естественности.

„Видите нынѣ, что Я, Я есмь Онъ, и нѣтъ Бога, кромѣ Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцѣляю, и никто не избавитъ отъ руки Моей“—въ силу этой идеи Израиль съ его религіей восходитъ отъ конечности и естества къ Предвѣчному, который есть всеобщій жизненный законъ всякаго бытія и въ этомъ качествѣ существенно единъ, который въ противоположность естественному міру соединяетъ въ смыслѣ Пресвятаго весь нравственный урядъ въ единую цѣль, который, примѣняя святость свою къ дѣйствительной жизни, является въ видѣ справедливости и, какъ сама въ себѣ опредѣленная мощь, есть мудрость. Міръ передъ этимъ Богомъ несамостоятеленъ; онъ, правда, проявленіе Божіе, но не сравнимъ съ безконечно превышающимъ его существомъ Бога, подчиненъ Его могуществу и при всемъ своемъ блескѣ и велелѣпіи есть только преходящій призракъ. Какъ бы онъ ни былъ великолѣпенъ, но служитъ лишь знаменіемъ могущества и величія Іеговы: небеса, свѣтъ и облака, крылья вѣтра и огненный пламень суть внѣшнее облаченіе и вѣстники Его; по Его велѣнію на небѣ сверкаетъ велелѣпіе звѣздъ и бьютъ ключи въ нѣдрахъ земли; когда же Онъ отвращаетъ ликъ Свой, то все преходитъ и обращается въ прахъ. Какъ міръ великъ и въ то же время ничтоженъ передъ этимъ Богомъ, такъ и человѣкъ въ созерцаніи Единаго, высокой и святой Божьей воли, сознаетъ себя съ одной стороны какъ ничтожество, какъ нѣчто немощное и бренное, а съ другой, въ силу свободнаго отношенія къ предметному закону абсолюта, какъ по своей конечной цѣли установленное, право имущее и обезпеченное бытіе въ Божьемъ урядѣ. Правда — это Божье начало, а какъ мірское оно узаконено Богомъ, оно Его законъ, которому человѣкъ обязанъ жертвовать своею особностью и своимъ естествомъ, за что ему возвратится потомъ его естественное бытіе, какъ даръ Божій; если воля человѣка свята и поступки его праведны, то внѣшнее бытіе его должно отвѣчать этому, ему будетъ благо по дѣламъ его и продлятся дни его на землѣ. Религіозный культъ относится къ прославленію Іеговы и къ благоденствію народа. Основа всему страхъ Божій. Примиреніе самой по себѣ ничтожной особи съ Господомъ состоитъ частью въ соблюденіи заповѣдей Іеговы какъ прямыхъ заповѣдей, частью въ полной преданности Ему единичнаго лица какъ во внѣшней, такъ и во внутренней, душевной жертвѣ.

Мысль о единомъ Богѣ и единомъ человѣчествѣ, въ силу которой Израиль сдѣлался единственнымъ народомъ въ до-христі-

анскомъ мірѣ и священническимъ представителемъ всего человѣчества, сузилась, однако, вслѣдствіе замкнутости Палестины, вслѣдствіе противоположности съ языческими культами остальныхъ семитскихъ племенъ и преобладающаго чувства собственнаго достоинства въ духѣ Израильтянина, — въ мысль о національномъ Богѣ и объ избранномъ народѣ. Израиль — это избранный народъ Іеговы, Бога духовно-нравственнаго завѣтнаго, законъ котораго служитъ Еврею порукою его избранія и предпочтенія предъ остальными народами и религіями. Въ своемъ нравственномъ и политическомъ, религіозномъ и земномъ бытіи народъ самъ твореніе этого Бога Авраама, Исаака и Іакова. Естественнымъ символомъ завѣта его служитъ обрѣзаніе, какъ относящійся къ конечности происхожденія, къ плотскому рожденію, отрицательный актъ. Вслѣдствіе исключительнаго отношенія Іеговы къ Израилю и культъ также принимаетъ характеръ національнаго эгоизма и суровой церковной обрядности. Обычные и обрядовые законы являются равночинными въ силу прилагаемой къ нимъ формулы: „Богъ рекъ", и завѣтъ, который Іегова поставилъ съ Авраамомъ и по которому Ханаанъ упроченъ за Израильтянами, остается въ силѣ лишь до тѣхъ поръ, пока Израильтянинъ подчиняется рабскому соблюденію тѣхъ законовъ и обрядовъ. Фанатически вѣруя въ „избранный народъ" и въ „національнаго Бога", Израильтянинъ видитъ ближняго уже не въ человѣкѣ вообще, а въ одномъ лишь Израильтянинѣ. Всеобщая религія міра является въ то же время національнымъ эгоизмомъ. До такого эгоизма и рабскаго поклоненія должна была сузиться эта религія, въ которой Богъ превыспренъ и надміренъ, а, слѣдовательно, міръ не что иное какъ созданіе, лишенное самости, и въ которой поэтому Богъ и божественное является лишь какъ извнѣ идущій законъ, не совмѣстный съ свободной волей человѣка.

Это противорѣчіе, къ которому присоединяется еще то, что „избранный народъ" гибнетъ въ силу внѣшнихъ всемірноисторическихъ условій, вытѣснитъ религіозное сознаніе изъ его партикуляризма и эгоизма, направляя его къ всеобъемлющему созерцанію предначертаннаго Богомъ спасенія, такъ что народъ этотъ въ своихъ страданіяхъ, какъ рабъ Іеговы, съ вѣщимъ упованіемъ созерцаетъ высшую самость народнаго сознанія, какъ выражающую въ будущемъ истину всѣхъ религій и вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ благъ. Израиль—народъ пророчества, который, однако, прилѣпившись самъ по себѣ съ фанатическимъ упорствомъ ко внѣшности, не можетъ вкусить того блага, на которое уповаетъ. Народъ израильскій, говоритъ Крамеръ,—въ исторіи воспитанія человѣчества является подобно единственному, проникнутому, правда, дѣтскою покорностью сыну любящаго отца; кичась, однако, отцовскимъ наслѣдіемъ, въ исключительномъ обладаніи котораго надѣется обрѣсти покой, онъ не обѣщаетъ отъ себя добрыхъ плодовъ, а потому и высылается на поприще міра для того, чтобы въ сношеніяхъ съ другими людьми избавиться отъ

прирожденной ограниченности и усвоить себѣ болѣе общій и болѣе свободный взглядъ на жизнь; по долгомъ странствіи въ жизненной пустынѣ, онъ возвращается затѣмъ съ болѣе зрѣлымъ умомъ въ обѣтованную землю своей юности, дабы урядить свое бытіе по даннымъ законамъ; но такъ какъ послѣдніе, вмѣсто того, чтобы быть правилами внутренней жизни, остаются для него лишь внѣшними законами, онъ то впадаетъ въ новые проступки, то на короткій срокъ оживляется вновь благородными помыслами и, наконецъ, въ своемъ упорномъ соблюденіи внѣшности лишается навсегда отцовскаго наслѣдія и вынужденъ изгнанникомъ скитаться по чужбинѣ. Тѣмъ не менѣе, Израиль внесъ во всемірную исторію на всѣ грядущіе вѣка одно существенное начало: отношеніе всей жизни къ единому Богу. Этимъ отношеніемъ дана такая глубина и задушевность религіознаго чувства и религіознаго сознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое величіе эстетическаго воззрѣнія, такая трезвость и мудрость въ сознаніи достоинства и назначенія человѣка, до какихъ не досягаетъ ни одинъ дохристіанскій народъ. Сознанія Божьей святости и безусловной нравственной идеи лишены были какъ жители Востока, такъ равно Греки и Римляне.

Религія у Евреевъ была основою государственной и душою народной жизни. Израиль былъ священническимъ царствомъ и святымъ, для Бога выдѣленнымъ и Ему всецѣло принадлежащимъ, обреченнымъ народомъ. Ѳеократія предназначена быть носительницею и хранительницею монотеизма; однако, какъ вся израильская жизнь, такъ и эта ѳеократія превосходила азіатскую именно въ томъ отношеніи, что представители ѳеократіи, священники не составляли здѣсь полновластно господствующей касты: имъ противопоставленъ законъ, и всѣ члены общины пользуются равными правами. Торжественныя сборища служили для поддержки сознанія религіознаго единства. Всѣ важныя дѣла рѣшались самимъ Іеговою при посредствѣ Урима и Туммима, т.-е. свѣточей и совершенствъ,—совершеннаго свѣта—оракула, черезъ который первосвященникъ испрашивалъ непосредственное рѣшенье Божье. На законодательство, проникавшее не только въ государственную, но и въ частную жизнь, смотрѣли какъ на непосредственное откровеніе Іеговы. Языкъ, хотя и бѣдный, обладалъ великимъ богатствомъ для выраженія религіозныхъ понятій и значительною гибкостью. По израильскому воззрѣнію Богъ Самъ входилъ въ исторію: Онъ былъ ея содѣйствующимъ факторомъ, воплощался и обнаруживался въ ней. Израильтянинъ смотрѣлъ вслѣдствіе того на исторію по отношенію къ ея сверхъестественной исходной точкѣ, ко проявляющейся въ ней спеціальной дѣятельности откровенія Божія и къ ея загробнымъ цѣлямъ и средствамъ. Поэзія Израильтянъ, вполнѣ самобытная и почерпнутая изъ нѣдръ духовной жизни, имѣла въ сущности своимъ средоточіемъ чувство зависимости человѣка отъ Бога и была поэтому чисто духовною и эстетическою (чѣмъ и отличалась отъ всякой язы-

ческой поэзіи, въ которой все относится къ физическимъ условіямъ бытія). Развитіе поэзіи самымъ тѣснымъ образомъ связано было съ развитіемъ ѳеократіи: оно было, соотвѣтственнымъ откровенію Божію, отголоскомъ вѣрующей общины. Но на такой почвѣ могла возрости одна лишь лирическая, а никакъ не эпическая, ни драматическая поэзія. Для эпоса необходима жаждущая подвиговъ и богатая доблестями первобытная исторія народа, а герои завѣта бѣдны подвигами, и богаты лишь вѣрою, покорностью и смиренномудріемъ. Въ народѣ израильскомъ не достаетъ также ни условій, ни поводовъ для произведенія драмы, ибо она съ одной стороны предполагаетъ эпосъ и условія для его существованія, а съ другой требуетъ свободной личной нравственности, въ которой человѣкъ проявляется въ своихъ дѣйствіяхъ, тогда какъ въ еврействѣ человѣкъ пріемлетъ все извнѣ отъ Бога, ничего собственно не творя ни для себя, ни изъ себя. Еврейская поэзія извлекала свой поводъ и свое внушеніе, точно также и свое содержаніе и свой предметъ, изъ отношенія человѣка къ Богу, изъ міра откровеній, и, погружаясь въ него, поэтъ могъ только въ лирической формѣ выразить произведенныя на умъ и сердце его впечатлѣнія, и притомъ либо въ чистой формѣ пѣсни, либо въ формѣ восторга, въ которомъ поэтъ увлекается какою-либо идеею—въ видѣ гимна и оды, либо, наконецъ, въ формѣ наставленія, съ цѣлью поощрить религіозное сознаніе и нравственное поведеніе—въ формѣ дидактики. На этомъ поприщѣ Израильтяне создали великія и дивныя произведенія, обратимся ли мы къ прелестной идиліи, къ книгѣ „Руфь", гдѣ изображена картина домашнихъ и общественныхъ добродѣтелей, прислушаемся ли къ „Пѣснѣ Пѣсней" къ торжественнымъ звукамъ чистой нравственной любви, неразлучной съ вѣрностью, проникнемъ ли съ „Псалмами" во всѣ глуби и выси религіознаго чувства, размыслимъ ли въ 500 правилахъ и изреченіяхъ „Притчей" о почерпнутыхъ изъ божественнаго душепознанія истинахъ, попытаемся ли, наконецъ, съ книгою „Іова" рѣшить высшую, философскую задачу, отвѣтить на вопросъ, какъ страданіе благочестиваго относится къ справедливости Божіей —вопросъ, который здѣсь рѣшается глубокомысленнѣе и строже, нежели гдѣ-либо въ еврейскомъ міросозерцаніи вообще, которое съ покорностью закону связывало необходимымъ слѣдствіемъ счастіе, а съ непокорностью—несчастіе,—рѣшается въ томъ смыслѣ, что зло коренится въ существѣ самаго міра и тогда лишь становится настоящимъ зломъ, когда оснуется въ человѣкѣ на сознаніи собственной вины, почему при видѣ чужихъ страданій онъ никогда не долженъ осуждать узкосердо, а перенося собственныя, долженъ терпѣть съ упованіемъ на Бога и признавать неисповѣдимую мудрость Божію какъ въ чудесахъ природы, такъ равно и въ мірѣ нравственномъ.

Съ поэзіей у Еврея непосредственно связана музыка. Какъ греческое, такъ и еврейское слово, которымъ означается собраніе псалмовъ, псалтырь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ названіе „струннаго

орудія" и значитъ „пѣснь, поемую подъ звуки струнъ". Гармонія была неизвѣстна и нотъ не существовало никакихъ. Были взамѣнъ того перемѣны такта и повторенія мелодіи на нѣсколько тоновъ выше, на что, повидимому, намекаетъ встрѣчающаяся въ псалмахъ „Села". „Аламоѳъ", „Шеминиѳъ" и пр. служатъ, кажется, техническими выраженіями для мелодій и тоновъ. Любили вообще шумную музыку. Инструментами служили бубны или кастаньеты, колокольчики, свирель, флейта, труба, рогъ, десяти и двѣнадцати-струнная арфа и пр. Музыка была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ религіей, и Давидъ установилъ, чтобы часть Левитовъ при богослуженіи, торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и въ праздники исполняла инструментальную и вокальную музыку, при чемъ для послѣдней въ дисканты избирались дѣти Левитовъ.

Философія и появившаяся впослѣдствіи ученость служили также исключительно религіи. Страхъ передъ Іеговой былъ не только началомъ мудрости, но самою мудростью, и философское мышленіе не пускалось поэтому въ изслѣдованье первоначалъ всякаго познанія и мышленія, и было ни спекулятивнымъ, ни метафизическимъ, а насквозь этическою, практическою, относящеюся къ жизни мудростью. Еврейскою мудростью было познаніе Бога и Его воли, вытекавшее изъ посвященной и обреченной Ему жизни и ведшее къ единенію человѣческой воли съ божескою, такъ какъ и всякое противоположное стремленіе подчинялось господству Божьей воли.

Какъ вся жизнь была религіозною и уряжалась религіозными заповѣдями, такъ точно и воспитаніе у народа израильскаго было строго религіознымъ. Законъ былъ уздою, преградою и воспитателемъ для народа: какое же еще другое воспитательное средство можно бы назначить для дѣтей кромѣ закона? При помощи откровеннаго закона Іегова воспиталъ свой народъ: при помощи того же закона воспитывалъ отецъ свое дитя, внушая его послѣднему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безусловное повиновеніе, благоговѣніе и искреннюю преданность Іеговѣ и почасту напоминая ему объ этомъ, но переживая прежде всего тотъ же законъ и самъ съ остальною семьею. Дитя было святымъ даромъ Господа Бога: въ этомъ родители видѣли священный долгъ воспитать дитя въ Богѣ. Отцу въ семьѣ его надлежало при этомъ дѣлать только то, что Іегова дѣлалъ въ своемъ народѣ и съ народомъ. Онъ былъ священникомъ въ домѣ и предстоялъ въ семьѣ во имя Божіе, наказывалъ, подобно Богу, карами, дабы направить совратившагося на путь (истины), и подобно Богу соединялъ съ наказаніями и строгостью отеческую любовь и кротость. „Начало премудрости—страхъ Господень"—было основнымъ правиломъ воспитанія, въ сущности домашняго, и усвоившаго себѣ поэтому единственно истинную основу нравственнаго воспитанія, тогда какъ вслѣдствіе своей замкнутости оно все-таки дѣлало человѣка себялюбивымъ, подавляло духъ общенія и вело къ тому, что Израильтяне были скорѣе добрыми отцами семействъ, нежели хорошими гражданами.

Такъ какъ воспитаніе было домашнее и такъ какъ въ домѣ повторялось отношеніе Іеговы къ своему народу, то и уваженіе къ родителямъ было весьма большое. „Почитай отца своего и матерь свою, какъ повелѣлъ тебѣ Господь, Богъ твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебѣ было на той землѣ, которую Господь, Богъ твой, даетъ тебѣ“.—Это ученіе уже рано внушалось дѣтямъ. Родители замѣняли дѣтямъ Бога, и покорность въ отношеніи къ нимъ сливалась съ покорностью и благоговѣніемъ къ Богу. „Глазъ, насмѣхающійся надъ отцомъ и пренебрегающій покорностію къ матери, выклюютъ вороны дольные и сожрутъ птенцы орлиные“. Кто изрыгалъ проклятіе на отца или мать, тотъ подвергался проклятію всенародно и предавался смерти; смертной казни подлежалъ и тотъ, кто билъ отца или мать. Это уваженіе и благоговѣніе къ родителямъ переносилось вообще на поведеніе младшаго поколѣнія относительно къ старшему: у дѣдовъ, говоритъ Іовъ.—мудрость, а у старшихъ разумъ. Поэтому съ предписаніемъ чтить родителей связано было еще и другое: вставай передъ сѣдинами и чти старшихъ.

Воспитаніе дѣтей у израильскаго народа—согласно съ отношеніемъ Израильтянина къ Іеговѣ, основою котораго былъ страхъ,—такъ же основывалось на страхѣ, и не обходилось безъ палки и розогъ. Родительская власть, какъ кажется, длилась до вступленія дѣтей въ бракъ. Отецъ не только дочери воленъ былъ назначить мужа, но съ извѣстными ограниченіями также и жену своему сыну. Дочерей позволялось продавать, но только Израильтянамъ, и то лишь по бѣдности. Жена была сама по себѣ свободна, хотя свобода эта опять таки разбивалась разными восточными воззрѣніями. Обыкновенный способъ сочетаться бракомъ съ женщиной—была купля; итакъ на дѣвушку отцы, по крайней мѣрѣ, смотрѣли какъ на вещь. Даже въ отношеніи къ Іеговѣ женщина не могла поступать самостоятельно и на свой страхъ: правда, дочь въ домѣ отца своего вольна была взять на себя обѣты, но они были дѣйствительны только тогда, когда отецъ скрѣплялъ ихъ своимъ молчаніемъ; мужъ могъ снять отвѣтственность съ обѣтовъ жены, не подвергая душу ея гибели. Многоженство допускалось закономъ, хотя со временъ патріарховъ оно сдѣлалось устарѣвшимъ обычаемъ и осуждалось тѣмъ уже, что первосвященнику дозволялось брать одну только жену:—на самомъ дѣлѣ господствовало одноженство. Рѣшеніе касательно брачныхъ условій исходило отъ мужа: женщина въ началѣ не имѣла своей воли. Такъ наприм. господинъ могъ взять въ жены себѣ рабу, или выдать ее за своего сына. Согласія жены для брачнаго союза не требовалось. Бракъ былъ заключенъ, когда по установленіи контракта, договореннаго между родителями молодыхъ, данъ былъ свадебный пиръ и невѣста отводилась отцомъ или родственниками въ спальню жениха. Все что требовалось отъ невѣсты въ началѣ брака было, чтобы она въ первое соитіе оказалась дѣвственницей;—если не

обнаруживались кровавые признаки этого требованья, то ее отводили обратно къ дверямъ отцовскаго дома, который покинула она не цѣломудренною и побивали камнями. Сверхъ того зависимость женщины въ бракѣ проявлялась въ томъ, что мужъ могъ отослать ее, коль скоро находилъ ее почему-либо непріятною (а отъ его прихоти зависѣло, что ему вздумается считать „непріятнымъ“), тогда онъ давалъ ей разводную и она покидала его домъ; жена, напротивъ того, отнюдь не имѣла права требовать развода. Наконецъ, значеніе женщины лучше всего выясняется изъ законовъ о прелюбодѣйствѣ. Прелюбодѣйство совершается только тогда, когда жена имѣетъ плотское соитіе съ другимъ мужчиною, кромѣ мужа. Мужъ же, напротивъ того, вовсе не можетъ совершить прелюбодѣйства относительно своей жены: имѣя соитіе съ другою женщиной, онъ не прелюбодѣйствуетъ. А все-таки женѣ подобаетъ существенный моментъ свободной личности: на нее возлагается цѣломудріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значительная отвѣтственность. Притомъ же религіозное пониманіе высоко ставитъ еврейскую женщину. „Притчи“ изображаютъ добродѣтельную еврейскую жену такими словами: „Кто найдетъ добродѣтельную жену? цѣна ея выше жемчуговъ. Увѣрено въ ней сердце мужа ея, и онъ не остается безъ прибытка. Она воздаетъ ему добромъ, а не зломъ, во всѣ дни жизни своей. Добываетъ шерсть и ленъ, и охотно работаетъ своими руками. Она, какъ купеческіе корабли, издалека добываетъ хлѣбъ свой. Она встаетъ еще ночью, и раздаетъ пищу въ домѣ своемъ и урочное служанкамъ своимъ. Задумаетъ она о полѣ, и пріобрѣтаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ. Препоясываетъ силою чресла свои и укрѣпляетъ мышцы свои. Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и—свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью. Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено. Длань свою она открываетъ бѣдному, и руку свою подаетъ нуждающемуся. Она дѣлаетъ себѣ ковры: виссонъ и пурпуръ—одежда ея. Она дѣлаетъ покрывала, и продаетъ, и поясы доставляетъ купцамъ финикійскимъ. Крѣпость и красота — одежда ея, и весело смотритъ она на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростію, и кроткое наставленіе на языкѣ ея. Она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домѣ своемъ, и не ѣстъ хлѣба праздности“. Такая жена, обрѣтавшая истинную жизнь свою въ домѣ, имѣвшая, впрочемъ, случай въ церковные праздники показаться и въ обществѣ, оказывала существенное вліяніе на воспитаніе своихъ дѣтей и особенно дочерей, о которыхъ пеклась тѣмъ болѣе, что и сама воспиталась для простой домовитости, неутомимой дѣятельности во благо семьи, въ благочестіи и страхѣ Божьемъ. Цѣломудріе и нравственная чистота пользовались столь высокимъ уваженіемъ, что дѣвица, нарушившая ихъ, побивалась камнями, а тотъ, кто являлся лжедоносчикомъ при этомъ, подлежалъ большой денежной пенѣ и подвергался, сверхъ того, жестокому тѣлесному наказанію. Въ особенности высоко чтили женъ, имѣвшихъ много дѣтей, такъ

какъ каждое дитя было гражданиномъ царства Божія, а многочисленное потомство служило доказательствомъ, что бракъ заключенъ во славу Божью, слѣдовательно, благочестивыми и богобоязненными супругами. Чѣмъ болѣе дѣтей, тѣмъ болѣе обезпечена будущая жизнь родителей: родители продолжаютъ жить въ дѣтяхъ своихъ. Оттого-то помыслы родителей во благо и проклятіе дѣтей переходятъ на послѣднихъ; оттого-то дѣти, порожденныя въ грубомъ удовлетвореніи похоти, вѣкъ свой питаютъ сладострастные помыслы; оттого-то дѣти, рожденныя въ основанномъ на истинной склонности и на взаимномъ уваженіи бракѣ, во всю жизнь пользуются благословеніемъ Божіимъ.

Преподаваніе обнимало попреимуществу обученіе закону, исторію древности и знаніе подвиговъ, совершенныхъ Іеговою въ народѣ Своемъ. Для прославленія Іеговы надлежало обучаться пѣнію и пляскѣ, — послѣднее особенно женамъ и дѣвицамъ; а дабы дѣти могли принять самодѣятельное участіе въ богослуженіи, то они, вѣроятно, рано уже учились чтенію, съ чѣмъ, какъ кажется, было связано также и письмо. Кромѣ того отецъ наставлялъ сына въ своемъ ремеслѣ (вошло въ обычай, чтобы сынъ изучалъ дѣло отца) и упражнялся съ нимъ въ ратномъ искусствѣ, ибо каждый Израильтянинъ 20 лѣтъ отъ роду подлежалъ военной службѣ. Дочери учились у матери варить и печь, приготовлять одежду и проч., при этомъ имъ преподавались также пѣнье, игра на тимпанѣ и пляска.

Одностороннее домашнее воспитаніе и національный эгоизмъ, наложившій свой отпечатокъ на религію и вмѣстѣ съ нею внушаемый дѣтямъ, могли развить въ Израилѣ лишь исключительный, упорный нравъ, который, витая своими мыслями горѣ, мечталъ о какомъ-то безпредѣльномъ царствѣ и уповалъ на чрезмѣрное прославленіе своего народа, бывъ самыми крѣпкими и тѣсными узами привязанъ къ самой пошлой дѣйствительности, и который вмѣсто того, чтобы въ духѣ поклоняться всеобщему Божеству и уважать людей по долгу любви, окостенѣлъ въ себялюбивомъ ослѣпленіи и суровой обрядности. „Это, говоритъ Гердеръ, народъ, извращенный въ воспитаніи оттого, что онъ никогда не достигалъ зрѣлости политической культуры на собственной почвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истиннаго чувства чести и свободы“. „Время еще не исполнилось:“ оттого-то Израиль и не могъ достичь предназначенной имъ себѣ идеальной цѣли. Онъ могъ лишь уготовить путь христіанской эпохѣ, и только для этого онъ и развивался въ разные возрасты своей жизни.

31.

ВОСПИТАНІЕ ВЪ РАЗНЫЕ ВОЗРАСТЫ ИЗРАИЛЯ.

Въ патріархахъ, олицетворяющихъ младенческую исторію Израиля, представляются намъ израильскою лѣтописью идеалы народа: въ Авраамѣ твердое, непоколебимое упованіе

и безусловная покорность вѣры во всей своей силѣ и полнотѣ, — въ Исаакѣ упругость вѣры въ терпѣніи и страданіи, — въ Іаковѣ горячая борьба съ плотью и кровью и съ житейскими превратностями, — въ Іосифѣ, наконецъ, твердость вѣры, испытанная въ кроткомъ терпѣніи и мощномъ дѣлѣ: — все чисто человѣчныя изображенія, которыя въ прелестныхъ и вѣрныхъ чертахъ живописуютъ простоту нравовъ той исконной эпохи, — въ ликахъ которыхъ не только евреи, но также и могамедане узнаютъ своихъ праотцевъ, — къ типамъ которыхъ сводится міросозерцаніе евреевъ, христіанъ и могамеданъ. Прежде всего выступаетъ въ ряду ихъ свѣтлый обликъ Авраама, — эта старѣйшая нравственная личность — „который по долгой внутренней борьбѣ первый сломилъ рабство и проклятіе кроваваго человѣко-и-дѣтоубійственнаго поклоненія Молоху, чтя непосредственный гласъ Божій въ совѣсти и разумѣ превыше всякихъ преданій своихъ соплеменниковъ" и „который въ обрѣзаніи сохранилъ основную мысль приношенія въ жертву людей, — мысль, чтобы тѣлесное утратилось въ духовномъ, чтобы конечное поглотилось безконечнымъ". Отъ звѣзднаго сонма въ которомъ сабеизмъ видѣлъ свои божества, вознесся онъ къ мысли о превышающемъ природу Творцѣ неба и земли, Который въ святости своей воздаетъ за добро и караетъ за зло, и Котораго чтятъ жертвами, молитвою, обѣтомъ, десятиною и обрѣзаніемъ у алтарей, воздвигаемыхъ попреимуществу на горахъ и высяхъ, обокъ съ Которымъ, впрочемъ, въ семьяхъ часто появлялись еще подчиненные боги, также пользовавшіеся поклоненіемъ (Лаванъ имѣлъ домашнихъ боговъ, которыхъ дочь его взяла съ собою въ домъ Іакова).

Культура Авраама и патріарховъ вообще зависѣла отъ ихъ кочевой жизни: они находились на ступени тогдашней цивилизаціи; — чувство истины и добра еще не развилось до такой непоколебимости, чтобы не совершались иногда поступки, въ которыхъ преобладалъ духъ утайки и разрушенія, разсчетъ и хитрость: Ревекка, Іаковъ и Исавъ; — съ военно-плѣнными обращались жестоко, и самое драгоцѣнное изъ воинской добычи уничтожалось какъ подобающая Богу жертва.

Организаціей жизни является семья. Какъ семья починъ всякой исторіи, такъ точно и исторія израильскаго народа начинается съ этой субстанціи всякой жизни, чтобы въ этомъ зародышѣ и стволѣ въ то же время намѣтить направленіе характера, который развертывался въ дальнѣйшемъ развитіи народа. Вершинная и всеединящая точка въ семьѣ, глава семейства — отецъ, обладающій правомъ на жизнь и смерть всѣхъ членовъ семьи: Авраамъ выгоняетъ изъ дому сына своего Измаила. Жена занимаетъ подчиненное положеніе; а все-таки проявляются слѣды уваженія и любви, воздаваемыхъ женщинѣ, какъ супругѣ, и личныхъ правъ, признаваемыхъ за нею, какъ за домохозяйкою: „И призвали Ревекку, и сказали ей: пойдешь ли съ этимъ человѣкомъ? она сказала: пойду;" — „Исаакъ взялъ Ревекку, и

она стала ему женою, и онъ возлюбилъ ее"; — „и служилъ Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ; и они показались ему за нѣсколько дней, потому что онъ любилъ ее". — „И сказала Сарра Аврааму: выгони эту рабыню и сына ея, ибо не наслѣдуетъ сынъ рабыни сей съ сыномъ моимъ Исаакомъ. И показалось это Аврааму весьма непріятнымъ ради сына его (Измаила). Но Богъ сказалъ Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всемъ, что скажетъ тебѣ Сарра, слушайся голоса ея, ибо въ Исаакѣ наречется тебѣ сѣмя". — Многоженство представлялось еще чѣмъ-то естественнымъ и непредосудительнымъ. Старшій сынъ, пріявшій патріаршее благословеніе, былъ господиномъ семьи, и при этомъ сказано: да будетъ проклятъ, проклинающій его, но благословенъ, благословляющій его.

Воспитаніе дѣтей состояло въ родительскихъ примѣрахъ и увѣщаніяхъ къ неизмѣнной преданности единому Богу. Благочестіе въ качествѣ семейной любви и страха Божія насаждалось въ душѣ ребенка дѣйствительною жизнью и тѣмъ залагался корень для всего будущаго воспитанія Израиля. А впрочемъ, дѣти пасли стада своего отца, соединяли, гдѣ можно было, съ скотоводствомъ земледѣліе, или дѣлались ловцами предъ Господомъ (т. е. охотились).

Кочевая семья поступаетъ на выучку въ Египетъ, въ страну древней культуры и уряженной государственной жизни; потомъ, обучившись и прослуживъ, чтобы стать свободною, она черезъ ученика египетской, жреческой и государственной мудрости, Моисея, возводится въ народъ съ самостоятельнымъ положеніемъ на ряду съ остальными народами. Исходъ изъ Египта — это выпускъ отрока изъ школы, гдѣ онъ освободился отъ силъ природы; — законодательство — это посвященіе юноши въ дѣйствительную жизнь.

Моисей, соединившій самую чистую вѣру въ Бога и твердое упованіе на Господа, самую горячую любовь къ народу, энергію и рѣшительность съ глубокимъ знаніемъ человѣка и съ опытностью во всякихъ искусствахъ и наукахъ, установляетъ развившуюся въ сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ собственной души божественную жизнь твердою связующею нормою своего народа. Главною цѣлью его было утвердить вѣру въ единаго Бога, водворить подобающій этому Богу образъ поклоненія и перевести Израильтянъ отъ пастушеской жизни къ земледѣлію. Въ силу законодательства Израиль сталъ удѣломъ Іеговы изъ всѣхъ народовъ, царствомъ священниковъ и святымъ народомъ. Десятословіе, это краткое содержаніе всего законодательства, въ первой заповѣди своей указываетъ ключъ всякаго исполненія закона, а въ послѣдней ключъ всякаго нарушенія закона, и на первой скрижали излагаетъ обязанности относительно единаго, духовнаго и святаго Бога, къ которымъ примыкаютъ обязанности относительно родителей, какъ намѣстниковъ Божіихъ для дѣтей, а на второй обязанности относительно ближняго — уваженіе къ тѣлесной и нравственной жизни, къ физиче-

ской и психической собственности. По основнымъ истинамъ этихъ десяти заповѣдей Израиль въ противоположность всему языческому міру представляетъ корень истинной нравственности и настоящей гуманности. Синайское законодательство—вершинная точка дохристіанской эпохи. По его началамъ слѣдуетъ урядить всю жизнь народа. Имъ требуется уваженіе къ старости; внушается милость и справедливость къ бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ; юбилейнымъ годомъ противодѣйствуется обѣднѣнію. Рабъ-туземецъ долженъ считаться членомъ семьи и послѣ шестилѣтней службы получить свободу безъ выкупа; рабъ изъ чуждаго племени охраняется закономъ отъ всякаго произвола и всякой жестокости. Память о собственномъ пришельничествѣ въ Египтѣ должна каждаго Израильтанина побуждать къ гуманности относительно пришельца; передъ судомъ послѣдній пользуется совершенно равными правами съ туземцемъ. Израильтянинъ долженъ помогать даже врагу: „Если найдешь вола врага твоего, или осла его, заблудившагося,—приведи его къ нему". Кромѣ того законодательство въ сущности было аграрное. Праздники пасхи, пятидесятницы и кущей имѣли двоякое значеніе: съ одной стороны они были священными сборищами, въ которыя каждый взрослый Израильтянинъ обязанъ быть являться предъ святыню; а съ другой стороны они имѣли аграрный смыслъ, ибо земледѣліе должно было быть матеріальною основою народной и государственной жизни. Израильская жизнь предназначалась вращаться въ простой семейной нравственности, и единичное лицо должно было имѣть своею задачею—обработку земли, которую Іегова далъ семьѣ, а своимъ средоточіемъ одного общаго всѣмъ Господа. Притомъ законы относились въ сущности къ очищенію и пищѣ. Многія физической жизни человѣка касающіяся состоянія считались нечистыми и потому исключались отъ общенія со святынею: — смерть и тлѣнъ, какъ плоды грѣха; всякое состояніе, въ которомъ обнаруживается сходство съ состояніемъ умершаго тѣла, въ родѣ проказы; какъ ненормальныя, такъ точно и нормальныя отправленія половой жизни, въ силу полярности, господствующей между рожденіемъ и тлѣномъ. Поелику Іегова отдѣлилъ Израиль отъ другихъ народовъ, чтобы онъ былъ у него святымъ, такъ точно и потому же самому Израиль долженъ отдѣлить чистыхъ животныхъ отъ нечистыхъ: изъ скота нечистыми считались всѣ, которыя не жуютъ жвачку и у которыхъ копыта не раздвоены; изъ животныхъ въ водѣ всѣ, у которыхъ нѣтъ перьевъ и чешуи, а изъ птицъ хищныя, насѣкомыя и крылатыя пресмыкающіяся. Благословеніемъ совокупнаго закона было: „Исполнившій его человѣкъ, живъ будетъ имъ",—а проклятіемъ: „Проклятъ, кто не исполнитъ всѣхъ словъ закона сего и не будетъ поступать по нимъ!" Для соблюденія закона призвано колѣно Левіи: оно обязано было ознакомить народъ съ закономъ Іеговы и чинить по немъ судъ. Особою задачею священниковъ было: быть для народа посредниками предъ Іеговою и очищать народъ

предъ Богомъ. Главная служба ихъ, помимо куренія и благословенія, состояла въ жертвоприношеніи, какъ символѣ очищенія, основанномъ на мысли, что грѣхъ исходитъ отъ похоти, источникъ же похоти въ душѣ, а душа живетъ въ крови: „Душа тѣла въ крови, и Я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души, ибо кровь сія душу очищаетъ".

Моисеевы законы усилили и укрѣпили народъ израильскій внутри, такъ что онъ въ состояніи былъ заявить себя наружу и завладѣть „обѣтованною землею," уничтоживъ, послѣ многихъ внутреннихъ и внѣшнихъ напастей, подъ начальствомъ храбрыхъ и патріотическихъ мужей, судей, не вполнѣ порабощенныя при завоеваніи племена въ томъ краѣ. Вмѣстѣ съ этимъ отъ непостоянной кочующей жизни онъ перешелъ къ осѣдлымъ жилищамъ и поднялся на высоту своего зрѣлаго возраста, когда имѣлъ царя и былъ, слѣдовательно, „какъ прочіе народы:" царь „судилъ Израиль и ходилъ предъ нимъ и велъ войны его". Съ политическимъ объединеніемъ въ одно царство религіозный принципъ еврейства получилъ свою реальную почву. Въ Давидѣ завершилось царство: какъ царь и герой брани, онъ основалъ національное единство народа и создалъ и организовалъ настоящую державу;—однако, уже въ его лицѣ обнаружилось противорѣчіе, погубившее Израиль. Съ одной стороны, онъ былъ азіатскимъ деспотомъ, который при самовластіи обременялъ себя грѣхомъ и подвергался опасности погибнуть въ растлевающей чувственности, а съ другой стороны—его сангвиническій темпераментъ и потому его быстро воспріимчивый для всякаго новаго впечатлѣнія духъ (отблескъ и слѣпокъ его всегдашняго состоянія) склоненъ былъ къ высшему религіозному и поэтическому одушевленію, а равно къ самому искреннему раскаянію и покаянію послѣ проступковъ, такъ что онъ все-таки былъ мужемъ, угоднымъ Господу, и въ царствованіе его возымѣлъ свое начало классическій періодъ поэзіи, или скорѣе онъ основанъ былъ его всеобъемлющимъ духомъ и его тонкимъ чувствомъ изящнаго. Такимъ образомъ народъ былъ вовлеченъ въ завоеванія, хотя ему не подобало образовать ни завоевательнаго, ни торгующаго царства, ибо всѣ учрежденія его сводились къ отдѣленію и сохраненію народа въ чистотѣ отъ чуждыхъ вліяній. Этотъ выходъ наружу изъ собственной колеи и, сверхъ того, знакомство съ чуждыми краями и вліяніе ихъ при Соломонѣ, котораго не спасли отъ неразумія пышность и мудрость, изумлявшія Востокъ, и который въ гаремѣ своемъ не только разрѣшалъ своимъ иноземнымъ женамъ чуждое богослуженіе, но и самъ принималъ въ немъ участіе, — подточили силу народа. Блестящія, впрочемъ, предпріятія Соломона не имѣли подъ собою почвы въ народѣ: художники и ремесленники были иноземцы, а торговля, производившаяся Тирянами и Эдомитянами, и вмѣстѣ съ нею внесенная въ страну пышность, вовлекли рожденный для земледѣлія и скотоводства народъ въ пагубную роскошь. Иго Соломона показалось теперь

бичомъ, а насилія Ровоама скорпіонами:—десять сѣверныхъ колѣнъ отторглись; единство національнаго богослуженія рушилось, вмѣстѣ съ тѣмъ проложенъ путь къ идолопоклонству, а также и къ упадку народа. Тщетно пророки пытались задержать этотъ потокъ. Въ длинныхъ со складками мантіяхъ изъ грубой власяной матеріи, опоясанные кожанымъ поясомъ, —въ такомъ видѣ выступили эти божественные демагоги, какъ изображаетъ ихъ Гердеръ, столь же прямодушными витіями, рисующими жалкое положеніе царства и указывающими на грозящія извнѣ опасности при внутреннемъ разстройствѣ, сколько и ревностными проповѣдниками нравственности, чающими вѣрнаго спасенія лишь въ возвратѣ къ старой нравственной чистотѣ и къ страху Божію и пытающимися оживить народъ указаніемъ на религію духа, на религію, которая въ будущемъ, послѣ упадка внѣшности, имѣетъ сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ народовъ, когда потомокъ Давида воздвигнетъ царство вѣчнаго мира и блаженства въ человѣчествѣ. Правда, изъ среды народа, но все-таки не черезъ народъ и не съ нимъ могло настать время, когда облабызались право и справедливость. Салманассаръ перевелъ Израиль за Эвфратъ, а Навуходоносоръ разрушилъ стѣны Іерусалима.

Воспитаніе этого народа въ юношескій и зрѣлый возрастъ его опирается на законодательство и тѣсно съ нимъ слито.

Единичный Израильтянинъ, какъ членъ народа Божія, не питалъ и не могъ питать высшаго желанія, какъ составлять всегда часть этого цѣлаго и своимъ потомствомъ продлить свое существованіе въ совокупномъ. Если поэтому Израильтянинъ умиралъ прежде своей жены, не оставивъ по себѣ сына, то семейный долгъ повелѣвалъ, чтобы братъ его женился на вдовѣ: первенецъ этого брака получалъ имя покойнаго, былъ законнымъ наслѣдникомъ оставленнаго имущества и поддерживалъ тѣмъ самымъ родъ.

Когда родилось дитя (новорожденнаго мальчика привѣтствовали радостнѣе, нежели дѣвочку), то его купали въ соленой водѣ и пеленали. Потомъ на осьмой день мальчика обрѣзывали и тѣмъ принимали гражданиномъ въ ѳеократическое государство. Ему давали при этомъ имя, которое зависѣло отъ случайныхъ обстоятельствъ, но часто было весьма знаменательно: нарицательное значеніе его относилось большею частію къ Іеговѣ и религіозному культу, а выборъ, какъ кажется, зависѣлъ болѣе отъ отца, нежели отъ матери. Первое попеченіе о младенцѣ принадлежало матери. Она обыкновенно сама кормила его грудью и большею частью долѣе трехъ лѣтъ. Въ ея кругу пробуждалось религіозное чувство дитяти и крѣпко внушались ему заповѣди.

Когда проявлялось половое различіе и раздѣленіе половъ оказывалось необходимымъ, то при матери оставалась одна лишь дочь, дабы питать и развивать около нея религіозное чувство и домовитость, изучать также хозяйство и пользоваться музы-

кальнымъ образованіемъ. Образованіе это было цѣлью не только болѣе знатныхъ, но также и всѣхъ вообще сословій: оно состояло помимо игры на бубнѣ или кастаньетахъ изъ пѣнія и пляски, при чемъ послѣдняя никогда не производилась для простого удовольствія и въ угоду сладострастью, но лишь при торжественныхъ случаяхъ во славу Іеговы.

Съ проявленіемъ половаго различія сынъ изъ узкаго домашняго круга поступалъ подъ особый надзоръ отца. У него онъ обучался прежде всего земледѣлію или скотоводству, охотѣ или рыболовству, а также гончарному, валяльному и красильному ремеслу или плотничному и кузнечному дѣлу. Не пользуясь правильнымъ гимнастическимъ обученіемъ, онъ упражнялся, однако, въ искусствѣ владѣть оружіемъ, также въ музыкѣ и пляскѣ. Дальнѣйшее ученіе касалось главнѣйше законодательства Моисея и іудейской исторіи. Усвоивъ себѣ законъ въ общемъ видѣ, заучивали мало-по-малу и частные законы. Мальчику возбранялось мучить животныхъ, раззорять птичьи гнѣзда и проч. Его пріучали къ чистотѣ и здоровой діэтѣ. Его предохраняли отъ рукоблудія. „Въ цѣломъ, говоритъ Шварцъ, юность росла въ предписанныхъ закономъ нравахъ: любовь къ закону, ко всему народу, къ единому Богу внушалась ей уже отцомъ, матерью и всѣми домочадцами. Отецъ семейства всякій разъ, садясь съ своими за столъ, читалъ сперва молитву благословенія и благодарности надъ хлѣбомъ и виномъ; можетъ быть, отецъ въ извѣстные часы дня также творилъ молитвы въ кругу близкихъ; въ позднѣйшее время встрѣчается особая молельня въ верхнемъ ярусѣ дома; но религіозное чувство развивалось особенно народными обычаями и празднествами, въ которыхъ и дѣти уже принимали участіе“. Въ праздникъ кущей и они также размахивали подъ напѣвъ осанны лулабомъ, т. е. пучкомъ, состоявшимъ изъ извѣстныхъ растеній; они могли равномѣрно принимать участіе въ пасхальномъ пирѣ, въ субботу же должны были мѣшать пищу. Наконецъ, ихъ брали съ собою въ годичныя праздничныя поѣздки и „все пріятное и торжественное такихъ ежегодныхъ каравановъ, когда соединялись вмѣстѣ цѣлыя семьи, встрѣчались родственники и друзья, и нація собиралась въ своемъ святилищѣ, не могло обойтись безъ сильнаго впечатлѣнія на душу дѣтей, отзывавшагося въ теченіе всей жизни“. Это воспитаніе, бывшее въ то же время обученіемъ и проникавшее черезъ всю жизнь, было національнымъ и историческимъ: на празднествахъ и проч. юный Израильтянинъ познавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ самаго начала Богъ сдѣлалъ для своего народа и какъ избранные Его свидѣтельствовали о Немъ.

Ученое образованіе въ народѣ начинается съ появленіемъ литературы и письменности. Древнѣйшій слѣдъ письменнаго памятника у Израильтянъ находится въ двухъ скрижаляхъ десяти заповѣдей: Моисей, какъ замѣчаетъ Мейеръ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ нравственной общины, ввелъ, вѣроятно, также и письмо и такимъ образомъ сталъ въ то же время осно-

вателемъ еврейской литературы. Потомъ Самуилъ изложилъ царскій законъ, внесши его въ книгу 1 царствъ, 10—25. Послѣ Давида и Соломона письменность распространялась все болѣе, и при Соломонѣ особенно развилось бытописаніе, благодаря тому, что къ царскому двору былъ назначенъ историографъ, обязанный записывать всѣ важныя событія. Съ возникновеніемъ пророческой литературы въ 9-мъ вѣкѣ поэты заимствуютъ свои образы изъ писанія, что и намекаетъ уже на всеобщее употребленіе письма: пастухъ Амосъ около 800 г. умѣетъ писать. Отъ 7 до 6 вѣка возникло многописаніе, возросшее во время вавилонскаго плѣна и послѣ него; затѣмъ уже письменное сообщеніе вполнѣ замѣнило собою живое слово. Общественныхъ школъ еще не было. Высшее образованіе, обнявшее мало-по-малу письменность, поэзію, врачеваніе, начатки философіи и болѣе глубокое знаніе законовъ, сообщалось сыновьямъ знатнѣйшихъ семей священникомъ или особымъ воспитателемъ, а дѣтямъ пророковъ и священниковъ въ пророческой школѣ. Въ пророческихъ школахъ, существовавшихъ уже до Самуила, но достигшихъ при немъ своего цвѣта и находившихся въ Гиве̂ѣ, Рамѣ, Веѳилѣ, Іерихонѣ, Гильгалѣ, воспитывались (мало отроковъ, рѣдко женщины) юноши и достигшіе уже зрѣлаго возраста съ своими учителями; они часто жили вмѣстѣ въ большомъ числѣ—иногда по нѣскольку сотенъ,—имѣя также и общій столъ. Главнымъ предметомъ преподаванія помимо поэзіи и музыки было обученіе закону для возбужденія и образованія настоящаго ѳеократическаго духа,—наставленіе въ размышленіи, въ изслѣдованіи писанія, въ молитвѣ, въ прославленіи Господа, въ святыхъ помыслахъ и поступкахъ, дабы ученики усвоили себѣ кротость, смиреніе, мудрость, безстрашіе, твердость и богомысліе. Пророческія школы были частными заведеніями, но благодаря значенію своихъ представителей онѣ пріобрѣли общественный характеръ. Онѣ расцвѣли при Давидѣ, точно такъ же, какъ при немъ процвѣли поэзія и музыка. Онъ самъ сочинялъ свои величавые псалмы и пѣлъ ихъ подъ звуки арфы. Онъ назначилъ 4,000 пѣвцовъ изъ левитскаго званія. Въ воспитаніи же онъ самъ предстоялъ своему народу какъ учитель, какъ примѣръ и образецъ, своею радостною вѣрою въ Бога, въ Его величіе, благость, попеченіе, милость и долготерпѣніе,—утѣшеніемъ, какимъ надѣляетъ онъ, когда жизнь становится бременемъ,—поученіемъ, гдѣ излагаетъ, какою стезею надлежитъ идти, дабы быть угоднымъ тому, участіе въ долѣ котораго стóитъ дороже полміра,—отрадною усладою жизни, съ какою онъ стоитъ на высяхъ и въ долахъ глубокихъ и съ которою при громкой хвалебной пѣснѣ всего творенія не хочетъ молчать одинъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ всею своею жизнью, которая съ одной стороны показываетъ, какъ истинное благочестіе предохраняетъ отъ гордыни и побуждаетъ содѣйствовать распространенію блаженства людей, а съ другой обнаруживаетъ, что ни одинъ че-

ловѣкъ не безопасенъ отъ паденія и что лучшая даже жизнь состоитъ все-таки въ борьбѣ.

Съ Соломономъ іудейское воспитаніе подверглось полному перевороту. Облекая свою мудрость въ восточную одежду и потакая языческимъ нравамъ, онъ подрылъ внутреннюю жизнь народа, и Іосафатъ уже, царь Іудеи, долженъ былъ около 900 лѣтъ до Р. Х. разсылать по странѣ левитовъ и священниковъ, дабы возстановить вновь распавшееся богослуженіе. Но къ мудрости Соломоновой пріобщился цѣлый сборникъ мудрыхъ притчъ, въ которыхъ встрѣчаются также перлы для воспитанія. „Пріобрѣтай мудрость; отвергни отъ себя лживость устъ; не уклоняйся ни направо, ни налѣво—" вотъ основныя мысли его увѣтовъ. „На разумнаго сильнѣе дѣйствуетъ выговоръ, нежели на глупаго сто ударовъ. Наказывай сына своего доколѣ есть надежда, и не возмущайся крикомъ его. Не оставляй юноши безъ наказанія; если накажешь его розгою, онъ не умретъ: ты накажешь его розгою и спасешь душу его отъ преисподней". Этимъ путемъ воспитывается добродѣтельный и умный мужъ. „Мудростью устроеотся домъ и разумомъ утверждается, и съ умѣньемъ внутренности его наполняются всякимъ драгоцѣннымъ и прекраснымъ имуществомъ".

Съ лишеніемъ политической самостоятельности утратилось также и самостоятельное духовное развитіе въ Израилѣ: Израильтяне вступили въ свой старческій возрастъ. Въ плѣненіи они у халдеянъ ознакомились со многими новыми мыслями, представленіями и взглядами (ученіе о возмездіи; теорія ангеловъ; догматъ о сатанѣ), которыя перемѣшивались то болѣе, то менѣе съ національными особенностями. Національное воззрѣніе отчасти преобразовалось этимъ и освоилось съ чуждыми ему примѣсями. Тѣмъ рачительнѣе по возвратѣ изъ плѣна радѣли о точномъ исполненіи закона, тѣмъ съ большею осмотрительностью пытались соблюсти истинное пониманіе священнаго писанія и преградить путь всякому пристрастному къ новизнѣ изложенію, такъ что вскорѣ сложился устойчивый традиціонный образъ толкованія, который пытался съ цѣпкостью правовѣрства удержать въ силѣ старину, тогда какъ ничто уже не могло удержать ея; начатки его возводили до Ездры и даже до Моисея, а его обладателями и хранителями было сословіе ученыхъ, книжники, придававшіе себѣ почетный титулъ раввина, т.-е. учителя. Ученость книжниковъ обнимала всю совокупность закона: ученое знаніе ихъ было ѳеолого-юридическое. Они сообщали любознательнымъ болѣе глубокое пониманіе закона, при случаѣ толковали практическій смыслъ его и подводили подъ правило сомнительныя обстоятельства, они произносили оффиціальныя рѣшенія и вслѣдствіе этого частью засѣдали въ синедріонѣ, частью содержали учебныя заведенія для юношей, готовившихся въ раввины, а нѣкоторые изъ нихъ оставались въ частномъ званіи и въ извѣстныхъ случаяхъ занимали мѣсто юрисконсульта. Ихъ дѣломъ было изучать священное писа-

ніе, — печься о перепискѣ его и наблюдать за нею, — толковать библію по преданіямъ отцовъ, — учить народъ въ синагогахъ (синагоги возникли вслѣдствіе удаленія отъ храма и потребности общественнаго обученія), — образовать учащихся юношей, — имѣть попеченіе о всякихъ гражданско-религіозныхъ документахъ, договорахъ, разводныхъ и проч. Они обнесли законъ сплошной оградою традиціонныхъ постановленій, такъ что запутывались все болѣе во внѣшнихъ, убійственныхъ для ума формальныхъ и обрядныхъ тонкостяхъ. Объ исполненіи и соблюденіи этихъ преданій книжники радѣли съ такимъ же рвеніемъ, какъ и о сохраненіи писаннаго закона; въ своей ревности и притязательности они до такой степени возносились надъ неучеными и съумѣли при этомъ пріобрѣсти столь великое значеніе, что авторитетъ ихъ ставился не только выше родительскаго, но считался даже болѣе непреложнымъ, чѣмъ заповѣди писаннаго закона Божія. Съ этихъ поръ Израильтянинъ не могъ представить себѣ ничего высшаго, какъ быть и сдѣлаться раввиномъ. Въ заключеніи трактата Горайотъ говорится: „Священникъ имѣетъ преимущество передъ левитомъ, левитъ передъ другими Израильтянами, простой Израильтянинъ передъ мамзеромъ (ребенкомъ, рожденнымъ въ прелюбодѣйствѣ или кровосмѣшеніи). Это имѣетъ силу, когда означенныя лица во всемъ остальномъ равны другъ другу. Если же мамзеръ ученикъ мудрецовъ, а первосвященникъ не доучился до раввинства, то такой мамзеръ пользуется преимуществомъ передъ первосвященникомъ“. „Кто дочь свою выдастъ за ученаго, или доставитъ ему наслажденія отъ своего имущества, равенъ тому, кто сблизился съ божествомъ“. „Кто споритъ съ своимъ учителемъ, тотъ возражаетъ божеству; кто бранится съ своимъ учителемъ, бранится съ божествомъ; кто ропщетъ на своего учителя, ропщетъ на высшее Существо“. — Настоящими представителями этого традиціоннаго направленія сдѣлались фарисеи, религіозно-политическая секта, происхожденіе которой покрыто мракомъ, а имя — обозначаетъ ихъ „отборными“, „благочестивыми“. Строго и съ неуклонною энергіею противились они всякому нарушенію отцовскаго закона, хотя усвоили себѣ начала вошедшія изъ персидской религіи свѣта въ еврейскую религію и, слѣдовательно, сами допускали и проповѣдывали уже не старое, какъ они мнили, а новое. При обращавшихся все болѣе въ мірянъ царяхъ Маккавеяхъ они добились безусловнаго авторитета надъ массою народа, а также и большинства голосовъ въ синедріонѣ. Во время Христа эти правовѣры еврейства погрузились въ ханжество, лицемѣріе и притворство, къ чему неминуемо должны были придти, ибо буква была для нихъ выше духа, и всякое дѣло помимо внушавшаго его помысла имѣло великое значеніе. Извратившееся, бездушное, къ формамъ льнувшее іудейство обрѣло свою плоть въ фарисеяхъ, но эта плоть, подобно жившему въ немъ духу, созрѣла для смерти. — Противоположность имъ представляли саддукеи (имя и происхож-

деніе отъ книжника Цадока; если только названіе это не имѣетъ нарицательнаго смысла и не означаетъ вообще „праведныхъ“), которые примкнули къ знатнымъ и богатымъ. Какъ раціоналисты іудейства, они признавали обязательнымъ одинъ только законъ Моисеевъ, отвергли всякое преданіе, отрицали существованіе ангеловъ и демоновъ, оспоривали ученіе о безсмертіи, воскресеніи и вѣчномъ воздаяніи, и приняли въ основу своихъ добродѣтельныхъ поступковъ главное правило Антигона Сохо, ученика Симона праведнаго и учителя Цадока: „Не будьте подобны рабамъ, которые служатъ господамъ своимъ лишь платы ради, но будьте подобны рабамъ, которые служатъ господамъ своимъ, не обращая вниманія на плату, и да осѣнитъ васъ страхъ Господень“.—Противъ обѣихъ сторонъ, находившихся въ борьбѣ уже при Іоаннѣ Гирканѣ, выступила секта эссеевъ (т. е., вѣроятно, испытующихъ, взвѣшивающихъ), которые благочестивой буквѣ фарисеевъ и неблагочестивому мудрствованію саддукеевъ противопоставили благочестивый подвигъ и, во дни нужды и напастей, при перемѣнѣ властителей, въ превратностяхъ войны, въ маккавейской борьбѣ, въ тяжкія времена при Асмонейскихъ государяхъ и Иродахъ доведенные до сознанія ничтожества всего земнаго, хотѣли въ этой жизни жить для того свѣта. Такъ какъ это чувство вслѣдствіе одинаковыхъ причинъ присуще было многимъ, то Іосифъ въ свое время насчитывалъ 4,000 членовъ эссейскаго ордена. Эссеи, какъ сообщаетъ Іосифъ, старались по возможности избѣгать всего мірского; оттого они отвергли бракъ, впрочемъ воспитывали чужихъ дѣтей. Каждый изъ нихъ дарилъ все свое имѣніе обществу, въ которомъ не было ни купли, ни продажи, а было добровольное сообщеніе всего потребнаго между братьями. День начинался молитвою, потомъ приступали къ работѣ и затѣмъ садились за общую трапезу. Пріему въ общество предшествовалъ трехлѣтній искусъ, а самый пріемъ совершался торжественнымъ обѣтомъ, который обязывалъ къ повиновенію начальникамъ, къ вѣрности, любви къ истинѣ, молчаливости и благоговѣйному соблюденію ученій и писаній общества. Простое слово почиталось клятвою; суббота строго соблюдалась; въ храмъ посылали дары, а впрочемъ, не принимали никакого участія въ жертвоприношеніяхъ: рабство отвергалось; занятія состояли, сверхъ торга, лишь изъ земледѣлія и ручныхъ ремеслъ.

Партіями фарисеевъ, саддукеевъ и эссеевъ религія Израиля была раздроблена и нервъ ея былъ разрѣзанъ. Она и прежде еще въ основныхъ воззрѣніяхъ своихъ измѣнилась благодаря множеству Израильтянъ переведенныхъ во время Александра къ Грекамъ. Вслѣдствіе знакомства съ греческими нравами и греческою мудростью совершенно утратился исконный еврейскій духъ, и съ тѣхъ поръ преобразованные такимъ образомъ сами называютъ себя Іудеями. Въ Александріи іудейское міросозерцаніе слилось съ греческимъ, преимущественно съ платоновскою философіей, и появляющіеся теперь писатели и

писанія принадлежатъ либо іудейско-александрійскому, либо палестинскому міросозерцанію. Для исторіи педагогики съ первой точки зрѣнія важенъ Филонъ, тогда какъ съ другой стороны стоитъ книга Премудрости Іисуса, сына Сирахова

Книга Премудрости Іисуса, сына Сирахова, составленная около 280 г. до Р. Х., есть собраніе помысловъ о мірскомъ обиходѣ, объ образѣ и родѣ жизни людской въ разныхъ сословіяхъ, урядахъ и возрастахъ. По его словамъ, Господь создалъ человѣка изъ земли и опять возращаетъ его въ нее же. Опредѣленное число дней и время далъ Онъ имъ, и далъ имъ власть надъ всѣмъ, что на ней. Въ подобіе Себѣ, облекъ ихъ силою, и сотворилъ ихъ по образу Своему. Онъ далъ имъ смыслъ и языкъ, глаза, уши и сердце для разсужденія. Онъ показалъ имъ величіе дѣлъ Своихъ, да прославляютъ они святое имя Его и возвѣщаютъ о величіи дѣлъ Его. Онъ приложилъ имъ знаніе и далъ имъ въ наслѣдство законъ жизни. И сказалъ Онъ имъ: остерегайтесь всякой неправды!—Назначеніе человѣка исполнять заповѣди Божьи. Источникъ премудрости—слово Бога Всевышняго, и шествіе ея—вѣчныя заповѣди. Любовь къ Господу—главная премудрость, а страхъ Господень—слава и честь, и веселіе и вѣнецъ радости. Начало премудрости—бояться Бога, и съ вѣрными вмѣстѣ она образуется во чревѣ. Боящемуся Господа благо будетъ напослѣдокъ, и въ день смерти своей онъ получитъ благословеніе. Корень премудрости—бояться Господа, а вѣтви ея—долгоденствіе. Боящійся Господа почтетъ отца и, какъ владыкамъ, послужитъ родителямъ своимъ Ибо Господь возвысилъ отца надъ дѣтьми, и утвердилъ судъ матери надъ сыновьями. Почитающій отца очистится отъ грѣховъ, и уважающій мать свою будетъ какъ пріобрѣтающій сокровища. Уважающій отца будетъ долгоденствовать, и послушный Господу успокоитъ мать свою. Дѣломъ и словомъ почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословеніе отъ нихъ: ибо благословеніе отца утверждаетъ домы дѣтей, а клятва матери разрушаетъ до основанія. Слава человѣка—отъ чести отца его, и позоръ дѣтямъ—мать въ безславіи. Сынъ! прими отца твоего въ старости его, и не огорчай его въ жизни его. Хотя бы онъ и оскудѣлъ разумомъ, имѣй снисхожденіе, и не пренебрегай имъ при полнотѣ силы твоей. Ибо милосердіе къ отцу не будетъ забыто; несмотря на грѣхи твои, благосостояніе твое умножится. Оставляющій отца—то же, что богохульникъ, и проклятъ отъ Господа раздражающій мать свою. Но дитя можетъ чтить родителей, лишь когда родители благочестивы. Несчастіе приноситъ порочность родителей, и особенно матери—женщины. „Можно перенесть всякую рану, только не рану сердечную, и всякую злость, только не злость женскую! Злость жены измѣняетъ взглядъ ея, и дѣлаетъ лице ея мрачнымъ, какъ у медвѣдя. Счастливъ мужъ доброй жены, и число дней его сугубое. Большая досада—жена преданная пьянству, и она не скроетъ своего срама. Наклонность женщины къ блу-

ду узнается по поднятію глазъ и вѣкъ ея. Надъ безстыдною дочерью поставь крѣпкую стражу, чтобы она, улучивъ послабленіе, не злоупотребила собою. Благодать на благодать—жена стыдливая, и нѣтъ достойной мѣры для воздержной души".

Итакъ въ книгѣ Премудрости Іисуса Сираха мы встрѣчаемъ лишь варіяціи на десять заповѣдей и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящее еврейское воззрѣніе, основанное на страхѣ Божіемъ и религіозномъ строѣ семьи, тогда какъ, напротивъ того, именемъ Соломона прозванная „Премудрость" въ своемъ изображеніи мудрости представляется въ настоящемъ александрино-іудейскомъ видѣ. Премудрость, художница всего, научила меня познанію существующаго, чтобы познать устройство міра и дѣйствіе стихій, начало, конецъ и средину временъ, круги годовъ и положеніе звѣздъ, природу животныхъ и свойства звѣрей, стремленія вѣтровъ и мысли людей, различія растеній и силы корней, и все сокровенное и явное. Ибо премудрость—дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя. Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благости Его. Она одна, но можетъ все, и пребывая въ самой себѣ, все обновляетъ, и переходя изъ рода въ родъ въ святыя души, приготовляетъ друзей Божіихъ и пророковъ; ибо Богъ никого не любитъ, кромѣ живущаго съ премудростію. Она прекраснѣе солнца и превосходнѣе сонма звѣздъ; въ сравненіи со свѣтомъ она выше, ибо свѣтъ смѣняется ночью, а премудрости не превозмогаетъ злоба. Если богатство есть вожделѣнное пріобрѣтеніе въ жизни, то что богаче премудрости, которая все дѣлаетъ? Если же благоразуміе дѣлаетъ многое, то какой художникъ лучше ея? Если кто любитъ праведность,—плоды ея суть добродѣтели: она научаетъ цѣломудрію и разсудительности, справедливости и мужеству, полезнѣе которыхъ ничего нѣтъ для людей въ жизни. Если кто желаетъ большой опытности, мудрость знаетъ давнопрошедшее и угадываетъ будущее,—знаетъ тонкости словъ и разрѣшеніе загадокъ, предузнаетъ знаменія и чудеса и послѣдствія лѣтъ и временъ.

На этой почвѣ стоитъ Филонъ, который въ 41 году былъ посломъ Іудеевъ у Калигулы, и въ которомъ іудейско-александрійская философія религіи, сліяніе платоновскаго идеализма и іудейской вѣры въ божескій авторитетъ Священнаго Писанія, достигла своей вершинной точки. Своимъ аллегорическимъ и символическимъ толкованіемъ совмѣстилъ онъ въ „Законѣ и пророкахъ" все вообще образованіе другихъ народовъ, а именно Грековъ, и на ряду съ этимъ образованіемъ уважалъ Эссеянъ, оттого что они, точно такъ же какъ и онъ, зачастую учили символами. Выше всякой человѣческой науки, которая въ состояніи представить Бога лишь въ призракѣ Его, которая, однако, необходима для истиннаго образованія, оттого что просвѣтляетъ душу отъ заблужденій и отъ опаснаго недуга притязанія,—выше также всякаго искусства, которое вращается лишь въ тѣсномъ кругу (геометрія въ линіяхъ, музыка въ звукахъ), стоитъ

истинная мудрость, изложенная въ Священномъ Писаніи, и притомъ превыше всякаго сомнѣнія настолько, что всѣ другія науки служатъ лишь средствами для объясненія и оправданія ея. Цѣль науки та, чтобы увѣриться, что мы ничего не знаемъ; ибо Одинъ лишь мудръ, единый Богъ, Онъ одинъ лишь даруетъ знаніе истины, котораго мы достигаемъ путемъ благочестія и вѣры, а также непосредственнымъ внушеніемъ Божьимъ. Мудрость—это небесный покой души, погруженіе ея въ Богѣ. Идея Бога или добродѣтели—высшая цѣль этики. Отъ природы человѣку дана на то способность, и непосредственно отъ природы данное пониманіе выше всего, ибо это чисто даръ Божьей благодати; кто благодаря счастливой способности и врожденному таланту безъ труда достигъ мудрости, тотъ обладаетъ вполнѣ даромъ Божьимъ. Послѣ природы слѣдуетъ упражненіе, путемъ навыка легко переходящее въ самое существо, а наконецъ, является научное наставленіе. Ни преподаваніе не дойдетъ до совершенства помимо природы и упражненія, ни природа не достигнетъ своей цѣли помимо ученія и упражненія, ни также упражненіе, если оно не созидалось напередъ на основѣ природы и преподаванія.

Надлежитъ весьма радѣть о томъ, чтобы дѣти не понесли вреда до своего рожденія. Послѣ родовъ слѣдуетъ запретить подкидываніе дѣтей и строго за него наказывать. Такое убійство—тѣмъ болѣе жестокое и ужасное преступленіе, что дѣти еще невинны и непорочны. Дитя первыя семь лѣтъ отъ роду живетъ чисто и въ простотѣ, подобно мягкому воску, не отличающемуся ни хорошими, ни дурными признаками, ибо всѣ впечатлѣнія по мягкости его вновь стираются. Съ исходомъ отроческихъ лѣтъ наступаетъ обыкновенно соучастіе въ грѣхахъ, порождаемыхъ либо изнутри, либо воспринимаемыхъ извнѣ. Несмѣтны учители грѣху, какъ-то: кормилицы, мамки, извращенныя понятія и дурныя впечатлѣнія. И безъ того уже юный возрастъ склоненъ самъ по себѣ къ проступкамъ, оттого что тутъ именно зрѣетъ плоть, духъ какъ бы расплывается, тайныя чувства прорываются наружу пламенемъ и все поглощаютъ. Но дабы невидимый духъ нашъ сталъ достойнымъ жилищемъ невидимаго Бога, для этого наука должна указать человѣку его ничтожество и надѣлить его способностью постичь высшую истину. Отъ энциклопедическихъ наукъ зависитъ вся краса души, и онѣ освѣщаютъ духовное жилище человѣка: грамматика, научая не только чтенію и письму, но разбирая также творенія поэтовъ и слѣдя за подвигами предковъ въ лѣтописяхъ;—геометрія, производя своею соразмѣрностью, своею красотою и правильностью подобныя же качества въ нашей душѣ;—музыка, допуская ритмомъ, гармоніей и мелодіей большое разнообразіе колорита и образовъ;—реторика, уча насъ могуществу слова и рѣчи въ ея примѣненіи, изощряя духъ для высшаго пониманія, упражняя языкъ для изложенія мыслей и надѣляя человѣка способностью облекать все за-

душевное въ надлежащую форму;—діалектика, отдѣляя истинную рѣчь отъ ложной, опровергая убѣждающіе софизмы и исцѣляя великій недугъ духа, обманъ. На третьей возрастной ступени можно примѣнить философію какъ врачество, а на четвертой—духъ достигаетъ зрѣлости и крѣпости. Ибо добродѣтель тогда только будетъ вѣрнымъ достояніемъ, когда образовалась наставленіемъ въ энциклопедическихъ наукахъ. Мужескій, совершенный, настоящій разумъ—отецъ добродѣтели, и, какъ Авраамъ, имѣлъ сожитіе съ своею рабою прежде нежели съ Сарою, такъ и мы не въ состояніи извлечь плодовъ изъ добродѣтели, пока не вступимъ въ общеніе съ прислужницами ея или съ энциклопедическимъ образованіемъ въ искусствѣ и наукѣ.

Ученое и научное развитіе іудейства не оказало никакого вліянія на образованіе народа. Самое существенное воспитаніе его теперь, такъ же какъ и прежде, было домашнее. Чтобы быть увѣрену, однако, что масса народа пребываетъ вѣрною закону и преданію, наставляли подроставшее поколѣніе особенно, но чисто механически, въ законѣ и въ преданіяхъ. Первую школу, какъ кажется, незадолго до разрушенія Іерусалима учредилъ Іисусъ, сынъ Ямлы, послѣ чего школы стали появляться во множествѣ, такъ какъ съ этихъ поръ Іудей вѣрилъ, что онъ не будетъ причастенъ вѣчной жизни, если не пошлетъ въ школу своихъ дѣтей. „Каждый городъ и каждое мѣстечко, гдѣ нѣтъ школы, да будетъ отлучено отъ вѣры, а если и это не поможетъ, то да будетъ разрушено, ибо такое мѣсто нарушаетъ дѣйствіе раввинскаго изреченія: Паромъ изъ устъ дѣтей въ школѣ поддерживается міръ". На каждыя 25 дѣтей назначали по учителю, на 40 одного съ помощникомъ, а на 50 двухъ. Учителя должны были содержать въ страхѣ своихъ подчиненныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ быть къ нимъ радушными. Они не смѣли упускать назначенное для уроковъ время, дабы на нихъ не обрушилось проклятіе Іереміи. Іудейскій учитель не долженъ надѣяться на возмездіе за свой школьный трудъ, ибо самъ великій учитель Моисей трудился даромъ. Плату онъ долженъ брать не за трудъ свой, но лишь за потраченное время.

Какъ въ народной школѣ, такъ и въ синагогахъ, властвовали раввины и преслѣдовали всякаго, кто уроки о библейскихъ текстахъ изъ закона (параши), изъ пророковъ (гафѳары) и изъ другихъ древнезавѣтныхъ книгъ (мегиллоѳъ) преподавалъ не въ ихъ смыслѣ и духѣ.

Ученыя школы находились по преимуществу въ Александріи, гдѣ пользовалась почетомъ іудейско-александрійская религіозная философія;—въ Вавилонѣ, гдѣ господствовала, вѣроятно во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х., раввиномъ Акибою частью выраженная, частью составленная каббала (фантастическая смѣсь философскихъ мыслей и религіозныхъ представленій, пополамъ съ самымъ страннымъ суевѣріемъ и съ раввинскими пустяками всякаго рода); — и въ Іерусалимѣ, гдѣ школа, по наруж-

ности, возвышалась благодаря мѣстопребыванію верховнаго совѣта и главнаго богослуженія, но была разстроена внутри вслѣдствіе честолюбія, самовластія и изувѣрства. Въ ученыхъ школахъ раввины объясняли Ветхій Завѣтъ и пріурочивали древнее воззрѣніе его къ новому просвѣщенному сознанію, положивъ тѣмъ основу къ позднѣйшей традиціи, все болѣе нароставшей послѣ разрушенія Іерусалима, въ Палестинѣ—въ Іоппе и Тиверіадѣ, а въ Вавилоніи—въ Сорѣ, Вавилонѣ и пр., пока, наконецъ, она не была вмѣстѣ съ пригодными для позднѣйшаго времени законами внесена въ талмудъ, т. е. въ ученіе, doctrina. Первый коренной сборникъ талмуда учинилъ во 2-мъ стол. по Р. Х. глава академіи въ Тиверіадѣ, Іуда, Святой. Эта первая часть талмуда, мишна, т. е. повтореніе,—а именно повтореніе древняго закона въ другой формѣ,—объяснялась и толковалась въ школахъ. Потомъ толкованія эти также были записаны, изъ чего въ концѣ 3-го стол. въ Палестинѣ составилась вторая часть талмуда, гемара, т. е. исполненіе или подробное объясненіе. Гемара Іерусалимская, какъ называли ее, въ 5-мъ стол., замѣнилась болѣе короткою и ясною, и эти вавилонскіе тексты, содержащіе въ себѣ также мишну, разумѣютъ обыкновенно подъ именемъ талмуда, завершеннаго въ 6-мъ стол. послѣ Р. Х. Строго національное направленіе, соблюдаемое въ талмудѣ, проводилось далѣе раввинами среднихъ вѣковъ.

Между собою раввины разбиты были на партіи, препиравшіяся другъ съ другомъ во славу Божію. Такъ въ Іерусалимѣ противостояли другъ другу на одной сторонѣ раввинъ Іохананъ, а на другой р. Симеонъ, отецъ р. Гамаліила, школа котораго во время Христа была знатнѣйшею и сынъ котораго р. Гиллель, предсѣдатель сангедрина, имѣлъ болѣе тысячи учениковъ, въ числѣ которыхъ находился также и р. Шаммаи. Школы посѣщались болѣе или менѣе, смотря по знаменитости учителей; учебное заведеніе въ Тиверіадѣ пользовалось столь высокою славою, что у раввина Акибы было до 24,000 учениковъ. Школы раввиновъ сохранились также и въ средніе вѣка. Тутъ побуждаемыя особенно Арабами, онѣ пытались обработать грамматику и лексикологію своего языка. Аристархи Іудеевъ явились въ семьѣ Кимхи изъ Нарбонны около 1160—1109 г. Іудейскія грамматическія изслѣдованія и пр. послужили потомъ основными началами для изученія еврейскаго языка христіанскими учеными, что, будучи запрещено Іеронимомъ (+420), опять разрѣшено было соборомъ въ Віеннѣ въ 1311 г. съ тѣмъ, чтобы обращать Іудеевъ, послѣ чего Николай Лирійскій (+1340) (прежній Іудей) настолько подготовилъ Лютеровъ переводъ библіи, для обращенія отъ папства, что вошло въ поговорку: si Lyra non lyrasset, Lutherus non cantasset*). Изъ

*) Не прозвучи напередъ Лира, то Лютеру бы и не пѣть.

средневѣковыхъ раввиновъ въ отношеніи педагогики заслуживаетъ вниманія Моисей Бенъ-Маймонъ (родился въ 1131 г. въ Кордовѣ въ Испаніи), который, будучи превосходнымъ іудейскимъ ѳеологомъ, говоритъ также о методѣ воспитанія, полагая формальный методъ главною цѣлью всякаго ученія и считая религію средоточіемъ преподаванія. „Истинный методъ состоитъ въ томъ, чтобы при всѣхъ дѣйствіяхъ имѣлась цѣль, — образовать тѣло въ орудіе духа и упражнять духовныя силы. Эту цѣль имѣютъ всѣ науки. Такъ, напр., алгебра служитъ для упражненія разума, для того чтобы послѣ лучше доказывать религіозныя истины и дабы духъ пріобрѣлъ силу и тѣмъ глубже викъ въ богопознаніе".

Школы раввиновъ сначала были частными заведеніями, основанными какимъ-либо извѣстнымъ учителемъ. Такая школа, называемая раввинскимъ домомъ, пользовалась иногда, благодаря своему основателю, всеобщимъ авторитетомъ, и обязывала своихъ учениковъ не открывать новыхъ школъ безъ разрѣшенія учителя. Чтобы настоять на этомъ требованіи, знаменитыя школы добивались общественнаго уваженія, а такъ какъ даже суды иногда обращались за мнѣніемъ къ прославленнымъ учителямъ, и потому стало прямой потребностью имѣть подъ бокомъ ученыя коллегіи, къ рѣшенію которыхъ въ тяжбахъ можно было бы прибѣгать, то онѣ и сдѣлались общественно устроенными учебными заведеніями. Сперва учителя содержали свои школы въ верхнемъ залѣ своего дома. Такіе же залы находились, вѣроятно, въ примыкающихъ къ синагогамъ и особенно къ храму палатахъ.

Школы раввиновъ исключали математику и естествовѣдѣніе изъ числа предметовъ своего преподаванія: эти науки презирались и отчасти рѣшительно запрещались. Теологическіе и юридическіе вопросы о законахъ составляли главное дѣло преподаванія, при чемъ пускались въ софистическія тонкости касательно буквы писателя, или доискивались у него тайнаго смысла, и спрашивалъ при этомъ не учитель ученика, а часто ученикъ учителя. Языкъ и способъ доказательства были большею частью символическіе. Мальчикъ съ своими товарищами сидѣлъ передъ раввиномъ на полу: ему нечего было болѣе дѣлать, какъ слушать и сохранять слышанное въ памяти. Послѣ многолѣтняго преподаванія отличный ученикъ наложеніемъ рукъ принимался въ классъ „хаберовъ", гдѣ на низкой скамьѣ онъ сидѣлъ возлѣ стула раввина. Теперь онъ могъ при изученіи текста подавать свой голосъ и вездѣ преподавать, при чемъ обязывался, впрочемъ, не говорить ничего и не учить ничему помимо того, что слышалъ отъ своего учителя. На слѣдующей затѣмъ ступени хаберъ производился въ раввины. „Ты теперь учитель",—съ такими словами раввинъ возлагалъ руку на его голову и передавалъ ему ключъ и скрыжаль, какъ символы толкованія Писаній. Въ качествѣ раввина онъ могъ подъ своимъ именемъ выражать свое мнѣніе; но обязанъ былъ обучать другихъ непремѣнно

сообразно Галахѣ, т. е. толкованію закона, данному школами перваго и втораго вѣка. „Кто закону даетъ толкованіе, несогласное съ Галахой, тотъ не причастенъ будущей жизни, хотя бы онъ и зналъ, впрочемъ, законъ и обладалъ бы многими хорошими твореніями". Въ то же время онъ былъ обязанъ выучиться какому нибудь ремеслу, дабы не обременять собою общину. Проклятъ былъ тотъ, кто не чтилъ его какъ раввина. Въ качествѣ раввина онъ превышалъ остальныхъ людей, и дабы отличить свое высокое положеніе, назывался „священникомъ", „отцомъ", „княземъ". Въ 6-мъ столѣтіи вошелъ въ употребленіе титулъ гаонъ, т. е. высочайшій, превосходительный, великолѣпный, какъ именовались сперва два ректора академіи въ Пумбедиѳѣ, послѣ же этотъ титулъ щедро раздавался и другимъ.

Раввины—представители окоченѣвшаго, а потому мертваго уже іудейства. Оно умѣло отстоять свое существованіе подъ гнетомъ и преслѣдованіями, какимъ подвергался во всѣхъ странахъ разсѣянный Израиль. Этотъ гнетъ усилилъ противительный отпоръ гонимыхъ и притѣсняемыхъ, но содѣйствовалъ также къ дальнѣйшему обособленію ихъ. Тѣ чисто духовныя, политическія и историческія сокровища, что Израиль выработалъ въ пору своего существованія какъ нація, донынѣ еще въ сильной мѣрѣ вліяютъ на образованіе нашего юношества. Въ своей простотѣ, въ своемъ величіи и своей нравственно возносящей силѣ Ветхій Завѣтъ, поскольку онъ доступенъ дѣтямъ, остается недосягаемымъ. Начиная съ Авраама, этой древнѣйшей нравственной личности всемірной исторіи, какъ называетъ его Бунзенъ, и восходя до Христа, онъ проводитъ передъ нами рядъ величавыхъ живыхъ образовъ, которые никогда не преминутъ оказать свое воспитательное и возвышающее вліяніе. Израильтяне новой эпохи, благодаря полной эмансипаціи въ цивилизованныхъ государствахъ, вышли изъ своего обособленія. Они отказались отъ притязанія быть особымъ народомъ; въ государствахъ, къ которымъ они принадлежатъ, такъ наприм. и въ Германіи, Израильтяне во многомъ заявили себя настоящими патріотами. Лучшіе изъ нихъ даже въ отношеніи религіозныхъ отправленій стремятся устранить все, чѣмъ неминуемо обусловливается разрывъ съ ихъ согражданами. Ядро христіанства, человѣколюбіе и гуманность, общее богодѣтство всѣхъ людей, все болѣе и болѣе внѣдряется и въ ихъ средѣ. Одаренные энергіею и цѣпкостью характера, закаленные и выдержанные въ школѣ бѣдствій, они въ эпоху христіанской гуманности часто являются піонерами успѣха, особенно на матеріальномъ поприщѣ. Воспитывая дѣтей своихъ въ сообществѣ съ христіанскими дѣтьми, они содѣйствуютъ столь желательному сравненію и уничтоженію пробуждающейся то тутъ, то тамъ затаенной ненависти къ жидамъ. „Вѣчный жидъ" лежитъ при смерти, и Богочеловѣкъ, въ самой внутренней сущности сознавшій себя единымъ съ своимъ Отцомъ и возвѣстившій евангеліе человѣколюбія, торжествуетъ исподволь свое воскресеніе даже и тамъ, гдѣ еще не называются Его именемъ.

КОНЕЦЪ ДОХРИСТІАНСКОЙ ЭПОХИ.

32.

Израиль сокрушился о лежащее въ основѣ духовной жизни его противорѣчіе,—о то противорѣчіе, что познавъ Бога всего міра, онъ, однако, призналъ его лишь своимъ національнымъ Богомъ. Іегова, такъ вѣруетъ Израильтянинъ, одному только Израильтянину далъ законъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрную надежду на счастливую будущность. Оттого-то съ одной стороны самая щепетильная добросовѣстность въ исполненіи всѣхъ законовъ и обычаевъ, чтобы угодить этому Богу, а съ другой—самая заносчивая увѣренность въ отношеніи къ Нему и эгоистическое высокомѣріе народа, избраннаго предъ всѣми прочими народами. Вслѣдствіе такого эгоистичнаго обособленія, а также вслѣдствіе того, что Израиль могъ постичь Бога лишь какъ трансцендентную причинность, а міръ и людей лишь какъ безсамостное передъ Богомъ твореніе, не обрѣтающее въ себѣ самомъ источника чистой дѣятельности, должны были вымереть у этого народа какъ нравственно-религіозная жизнь, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственно-религіозное воспитаніе.

Точно также и язычество. Оно въ состояніи было подняться надъ чувственностью либо въ одномъ лишь восточномъ уничтоженіи индивидуальности, либо на эстетическомъ и практическомъ поприщѣ; а слѣдовательно, такъ какъ духъ въ язычествѣ постигъ себя не съ самосознаніемъ, и потому нравственность его не была свободнымъ продуктомъ духовной самодѣятельности, то оно и сокрушилось о природу и о чувственность.

Греція, Римъ, Израиль—все пришло къ своему концу. Національное, на что опиралась субстанція жизни Грековъ, Римлянъ, Израильтянъ и др., стерлось и упразднилось;—образованіе перестало уже быть опредѣленнымъ и оригинальнымъ, оно обобщилось и измельчало; — религіи разложились и не давали болѣе ни опоры, ни утѣшенія;—философія тщетно доискивалась гармоніи между міромъ, человѣкомъ и Богомъ, и не въ силахъ была уловить ее ни шаткою сама по себѣ задушевностью человѣка, ни мистическимъ погруженіемъ въ абсолютное, — искусство служило пользѣ и удовольствію, не вознося въ область идеаловъ; — тѣлесное и духовное образованіе распалось и сдѣлалось модно-ученымъ въ александрійской міровой литературѣ;—общественная жизнь состояла въ утонченной похотливости. Древній міръ утратилъ свой центръ тяжести, и потому не могъ болѣе держаться.

Но, несмотря на всеобщее крушеніе, онъ все-таки оставилъ по себѣ положительный результатъ. Смѣшеніе

боговъ, въ чемъ и чѣмъ закончилось язычество, обезнаціоналило въ то же время все божественное и сдѣлало его универсальнымъ. Притомъ же отрицаніе народностей, которымъ Римская имперія уничтожила принципъ древняго міра, съ одной стороны нравственно освободило особь отъ государственной жизни, тогда какъ съ другой стороны все яснѣе выступало сознаніе людей: не было болѣе ни государственной свободы, ни государственной нравственности, — особь была свободна только сама въ себѣ; знать самого себя и наслаждаться самимъ собою, — вотъ что было признано свободою, истиною и нравственностью. Но такъ какъ ни сознаніе человѣчественнаго, ни личное самосознаніе не имѣли конкретнаго содержанія и потому особь не чувствовала себя живымъ членомъ божественной всеобщности, то люди и оказались въ безотрадной розни и въ одиночествѣ. Такая всеобщая шаткость, въ какую обрушился древній міръ въ Римскомъ государствѣ, привела въ то же время къ сознанію, что цѣль бытія надо искать не въ земной, а въ загробной жизни, и находится она въ единеніи съ божествомъ. Въ неоплатоническихъ ученіяхъ о вступленіи души въ земную жизнь, какъ о слѣдствіи паденія, тогда какъ выходъ отсюда считался избавленіемъ, обнаруживались уже предтечи болѣе глубокаго сознанія человѣческой грѣховности.

Какъ въ язычествѣ, такъ было и въ іудействѣ. Прямое слѣдствіе его, фарисейство, полагало религію въ наружномъ отбываніи религіозныхъ обрядовъ и тѣмъ опустошило душу, только возбудивъ въ ней жажду блаженства, а между тѣмъ внѣшняя и внутренняя безвыходность, въ какую впалъ народъ вслѣдствіе вызванныхъ тѣмъ противорѣчій, все яснѣе обрисовывала образъ Мессіи, такъ что „логосъ" уже въ „Софіи" апокрифовъ и въ „Шехинѣ" іудейской ѳеологіи предсталъ олицетвореніемъ божеской дѣйствительности въ земномъ мірѣ, дабы у Филона явиться твердымъ, въ личность сомкнувшимся среднимъ и посредствующимъ существомъ.

И вотъ исполнилось время. Что не могло совершиться ни въ Аѳинахъ, ни въ Римѣ, ни въ Іерусалимѣ, то совершилось въ Виѳлеемѣ. Геній сознавъ себя сыномъ Божіимъ и идея „богочеловѣчности" спасла міръ отъ паденія.

Какъ въ ходѣ развитія человѣчества вообще, такъ было и въ воспитаніи.

У язычниковъ, такъ же какъ и у іудеевъ, внутреннее образованіе оцѣпенѣло въ наружную ученость, но въ то же время сдѣлалось всеобщимъ. Какъ греческое воспитаніе въ Македоніи преобразилось въ ученое и получило направленный на формальную и свѣтскую ловкость характеръ, сдѣлавшись въ тоже время посредникомъ между Востокомъ и Западомъ и передавъ восточное обиліе греческому духу въ пользованіе и для обработки: такъ точно и ученый характеръ римскаго образованія въ императорскую эпоху, чѣмъ болѣе оно въ качествѣ національнаго близилось къ распаденію, и

чѣмъ болѣе передъ римскимъ народомъ и правомъ уравнивались всѣ націи, развилъ гуманизмъ, состоявшій въ многосторонности знанія, въ красотѣ формы и въ признаніи всего человѣческаго какъ именно таковаго. Іудейство въ своихъ школахъ, которыя всесторонне изслѣдуя Писаніе, должны были привести къ общенаучнымъ изученіямъ, также соединило всѣ начала дохристіанскаго образованія. Итакъ, іудейство и язычество сходятся вмѣстѣ въ гуманистическомъ научномъ образованіи и являются такимъ образомъ пророками, пролагающими путь гуманному образованію и воспитанію христіанства. Китайскимъ воспитаніемъ къ безусловному повиновенію въ семьѣ положенъ починъ дохристіанскому образованію; оно перешло далѣе къ навыку посредствомъ ученія и натаски въ индійскихъ кастахъ, также у воинственной націи Персовъ и у символизирующихъ жрецовъ Египта; достигло вершины въ систематическихъ и органически расчлененныхъ упражненіяхъ, въ гармоническомъ развитіи тѣла и духа у Грековъ и въ семейномъ воспитаніи и практическомъ развитіи римскаго государственнаго гражданина,—съ тѣмъ, чтобы завершиться религіознымъ воспитаніемъ Израиля. Этимъ дохристіанская эпоха прошла по всѣмъ фазамъ воспитанія въ предѣлахъ національности; но въ концѣ концовъ она упразднила національность и, слѣдовательно, самоё себя, также и свое національное образованіе, претворивъ его во всеобщее, и тѣмъ положительно пріуготовила гуманное образованіе христіанства, точно такъ же какъ отрицательно она указывала на то, что ни своимъ національнымъ, ни своимъ всеобщимъ образованіемъ эпоха эта не въ состояніи была дать полнаго развитія индивидуальности, къ которой стремился міръ и въ которой онъ добивался своего удовлетворенія. Въ этомъ развитіи и въ этой подготовкѣ къ христіанскому воспитанію исторія педагогики имѣетъ перенести съ собою въ христіанство какъ вѣчные, уже не разобщенные болѣе, но другъ друга ограничивающіе и обусловливающіе, слѣдующіе моменты:

Изъ Китая механическое усвоеніе механической ловкости и семейный піэтизмъ; — изъ Индіи и Египта навыкъ и послѣдовательное пріученіе себя къ извѣстному званію примѣромъ и упражненіемъ, — изъ Персіи стремленіе къ правдивости, умѣренности и національному настроенью; — изъ Греціи гармоническое развитіе прекрасной индивидуальности гимнастикою и музыкой; — отъ Римлянъ изъ семейнаго духа развивающійся высокій патріотизмъ и неутомимый духъ общественности; — отъ Израильтянъ религіозное образованіе и воспитаніе при посредствѣ религіознаго семейнаго духа,—проникающую и сопровождающую всю жизнь мысль о Богѣ.

Всѣ эти моменты воспитанія обрѣтаютъ свое средоточіе и вмѣстѣ свои истинные предѣлы въ принципѣ гуманности, — этомъ корнѣ христіанскаго образованія.